

КАПИТАЛЪ И ТРУДЪ.

(Начала политической экономіи, сочиненіе *Ивана Горлова*. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1859).

Читателю извѣстно, что мы не очень усердно поклоняемся той системѣ политической экономіи, которая, по незаслуженному счастью, до сихъ поръ считается у насъ единственною и полною представительницею всей науки. Если мы скажемъ, что г. Горловъ ни на шагъ не дерзаетъ отступать отъ второй системы, читатель можетъ предположить, что наша статья будетъ содержать жестокое нападеніе на сочиненіе г. Горлова. Нѣтъ,—мы не находимъ, чтобы эта книга заслуживала такой участи или такого вниманія.

Г. Горловъ излагаетъ систему, которую мы не одобряемъ; но онъ, какъ изъ всего видно, держится этой системы только потому, что гораздо легче звать вещи, о которыхъ толкуютъ во всѣхъ книгахъ уже цѣлыхъ сто лѣтъ, нежели усвоить себѣ понятія, явившіяся не очень давно. Ломоносовъ былъ великій писатель—кому это не извѣстно? А то, что Гоголь также великій писатель, еще далеко не всѣмъ понятно. За что же нападать на человѣка, который, вѣчно толкуя о Ломоносовѣ, не цѣвитъ Гоголя потому только, что родился „въ настоящее время, когда“, чтобы понимать Гоголя, надобно слѣдить за литературою, а не черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда слава Гоголя войдетъ въ рутину? Это просто отсталой человѣкъ; отсталость должна въ чувствительной душѣ возбуждать сожалѣніе, а не гнѣвъ.

Порицать книгу г. Горлова мы не находимъ надобности; хвалить ее мы, пожалуй, были бы готовы, но какъ ни старались набрать въ ней матеріалы для похвалъ, набрали ихъ не много. Изложеніе книги не очень дурно; хорошимъ назвать его нельзя, потому что оно вало и скучно. Мыслей, которыя считаются дурными у людей, взятыхъ г. Горловымъ за руководителей, у г. Горлова нѣтъ; но за то нѣтъ и ни одной сколько нибудь свѣжей или самостоятельной мысли, — а мы могли бы ожидать найти двѣ, три такихъ мысли, потому что нѣкоторая (ушрен-тая) свѣжесть и нѣкоторая (мелочная) самостоятельность допускаются даже никою, къ которой принадлежитъ г. Горловъ. Ученость,—и того мы не нашли. Есть аяствованія изъ Ронера, Рау, Милля, Макъ-Куллоха, показывающія знакомство съ этими писателями; но ихъ книги не такая рѣдкость, чтобы уже и превозносить его, кому случится познакомиться съ ними. Главнымъ ресурсомъ для г. Горлова служить, невидимому, „Словарь Политической Экономіи“ Гильйомена, — книга ярная, спору нѣтъ, но вовсе не имѣющая своимъ назначеніемъ служить источникомъ для ученыхъ сооруженій. За что же можно похвалить г. Горлова? Развѣ

за спокойствіе, умѣренность и скромность тона? Правда, это не составляет особеннаго достоинства при вялости изложенія, а должно считаться только слѣдствіемъ вялости; но такъ и быть, похвалимъ его книгу за отсутствіе излишнихъ претензій.

Говоря безъ тонкостей, это значитъ, мы не намѣрены нападать на книгу г. Горлова потому, что, при всей своей почтенности, она не заслуживаетъ вниманія. Есть читатели, очень мнительные, которымъ все надобно доказывать. Къ числу ихъ въ настоящемъ случаѣ безъ сомнѣнія будетъ принадлежать и г. Горловъ. „Вы говорите, что моя книга не заслуживаетъ вниманія, — извольте же доказать это“. Пожалуй. Въ доказательство возьмемъ, чтобы не ходить далеко, хотя предисловіе къ „Началамъ политической экономіи“. Вотъ оно, все вполнѣ. Читатель, который повѣритъ намъ ва слово, можетъ пропустить эту выписку, потому что, предупреждаемъ его, онъ не найдетъ въ ней ничего, заслуживающаго труда быть прочтеннымъ.

„Въ настоящее время въ Россіи поднято много весьма важныхъ вопросовъ, тѣсно соединенныхъ съ народнымъ благосостояніемъ. Чтобы прояснить свои понятія объ этихъ вопросахъ, общество обратилось къ наукѣ, дотолѣ находившейся у насъ въ совершенномъ забвеніи — къ государственной экономіи. Тогда оказалось, что хотя наука эта прежде и не была разрабатываема въ нашей литературѣ, но что начала ея были болѣе или менѣе распространены между многими образованными людьми, чрезъ университетское преподаваніе или чрезъ изученіе иностранныхъ сочиненій. Ибо, по первому призыву общественнаго мнѣнія, возбужденнаго вопросами о свободѣ труда въ сельскомъ хозяйствѣ в торговлѣ, о способахъ владѣнія землею, о монополіяхъ и другихъ предметахъ, появились не только особые отдѣлы въ журналахъ, имъ посвященные, но даже основались спеціальныя журналы, назначенныя для разработки экономическихъ идей и руководимыя людьми, весьма свѣдущими. При такомъ направленіи нашего времени и при такихъ его потребностяхъ, напрасно было бы оправдывать появленіе книги, заключающей въ себѣ изложеніе началъ государственной экономіи.

„Однако же тѣ ошиблись бы, которые, итѣя въ виду вопросы современности, стали бы искать въ этой книгѣ практическихъ правилъ и способовъ дѣйствія въ данныхъ случаяхъ. Въ настоящее время появляется въ Россіи много разныхъ плановъ и экономическихъ прозектовъ. Но не такова задача этой книги: она чужда всякаго прожектерства и не есть собраніе какихъ нибудь политико-экономическихъ рецептовъ и способовъ. Въ ней только излагаются естественныя законы экономіи народовъ, и мы почти могли бы сказать вмѣстѣ съ французскимъ экономистомъ К. Дюнойэ — *je n'impose rien, je ne propose tême rien, j'expose*. Но живая потребность ощущается, и именно теперь, въ изученіи этихъ естественныхъ законовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если прежніи искусственныя организаціи народной экономіи, произведенныя историческими обстоятельствами, удаляются со сцены, то надобно знать, какимъ естественнымъ законамъ будетъ слѣдовать народная экономіа, когда она будетъ предоставлена самой себѣ.

„При этомъ случаѣ, такъ называемые практики конечно упрекнутъ насъ въ ограниченности взгляда, который довольствуется старою, заброшенною формулою *laissez faire* и полагается на естественныя законы. Мы же, съ своей стороны, находимъ, что эта формула есть великое, хотя и ве исключительное начало, что она уже принесла и принесетъ еще огромную пользу всякій разъ, когда заставитъ общество убѣдиться въ безволезности разныхъ искусственныхъ организацій, въ родѣ *glebae adscriptio* и тому подобныхъ. А естественныя законы установлены тою же великою Силою, которая управляетъ цѣлымъ міромъ; слѣдовательно, по натурѣ своей, они не могутъ быть бѣдственны и разрушительны, и разсмотрѣніе ихъ всегда можетъ сдѣлаться достойнымъ орудіемъ весьма важной науки.

„Намъ скажутъ, что подъ влияніемъ естественныхъ законовъ человѣкъ не только жпветъ, во страдаетъ и погбаетъ. Это справедливо; такъ что же изъ этого? По естественнымъ законамъ человѣкъ можетъ впадать въ бѣдвость и растривать свое эконо-

мическое положеніе. Изъ этого выходитъ только то, что ему необходимо законы эти изучать, чтобъ изъ нихъ извлекать всю пользу и напротивъ избѣгать зла. Съ послѣдней цѣлю общество принимаетъ нѣкоторыя мѣры; но это не показываетъ, что надлежитъ отвергнуть формулу *laissez faire*; это показываетъ только, что надлежитъ въ извѣстныхъ случаяхъ ее дополнять. Какова была бы медицина, елибѣ она утверждала, что, для поддержанія здоровья человѣка, надлежитъ постоянно возбуждать искусственными средствами его аппетитъ и таковыми же очищать его тѣло, и что природа этого сдѣлать не можетъ, будучи предоставлена самой себѣ? И однако же, прежнія экономическія системы были проникнуты духомъ именно подобной медицины, ибо онѣ искусственно возбуждали производство и потребленіе цѣнностей въ обществахъ, не понимая, что для нихъ существуютъ естественные законы. Такихъ-то экономическихъ системъ мы не признаемъ, и желаемъ, чтобы онѣ отъ прежней сложности дѣйствія и искусственности обратились къ потерянной простотѣ и естественности.

Итакъ мы налагаемъ теорію, естественные законы экономіи народовъ. Но теорія была бы жалкою и безплодною отвлеченностію, елибѣ она отвращалась отъ явленій современности, которыя совершаются предъ глазами всѣхъ и живо занимаютъ всѣхъ, кому дороги важнѣйшіе интересы человѣчества. Въ объясненіи именно этихъ явленій лежитъ практическое значеніе теорій, налагаемыхъ въ наукѣ. Современные экономисты, Мекколлокъ и Рошерь, справедливо замѣтили, что важнѣйшая задача теоретика состоятъ въ томъ, чтобы выразить и разсмотрѣть съ надлежащею основательностію потребности своего времени. Мы старались не выпускать изъ виду эту точку зрѣнія, налагая отвлеченныя истины экономической науки, и можетъ быть это то придастъ нашей книгѣ нѣкоторую особенность и практичность, несмотря на то, что въ ней нѣтъ готовыхъ плановъ дѣйствія и экономическихъ проектовъ“.

Обращаемся теперь къ недовѣрчивымъ читателямъ, которые были своею мнительностію принуждены прочесть выписанное нами предисловіе г. Горлова, и спрашиваемъ ихъ: чего должно ожидать отъ книги, имѣющей подобное предисловіе? Отъ него вѣтъ шестидесятилѣтнею рутиную, вы по крайней мѣрѣ двадцать разъ читали въ разныхъ видахъ все то, что сказано на этихъ страницахъ, — и какимъ рутиннымъ тономъ изложены эти всѣмъ и всякому давно наскучившія мысли! Обратите вниманіе хотя на начало: „Въ настоящее время въ Россіи поднято весьма много важныхъ вопросовъ“ — вѣдь этими самыми словами начинаетъ нынѣ рѣшительно каждый, что бы ни началъ писать, — фельетонъ о загородныхъ гуляньяхъ или пѣніи г-жи Лагруа въ „Нормѣ“, объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ или о новозобрѣтенной помадѣ для рощенія волосъ. Итакъ, „въ настоящее время“ появленіе „Началъ политической экономіи“ своевременно. Почему же? Вѣроятно потому, что она даетъ рѣшенія для „вопросовъ“, поднятыхъ въ настоящее время? Нѣтъ, она „не есть собраніе политико-экономическихъ рецептовъ и способовъ (къ чему?). — Въ ней не найдется практическихъ правилъ и способовъ дѣйствія въ данныхъ случаяхъ“. Она только описываетъ, а не предписываетъ — прекрасно; но въ такомъ случаѣ къ чему же начинать фразою „въ настоящее время“? И какою ветхостію пахнетъ мысль, что наука только описываетъ факты, а не предлагаетъ правилъ! Неужели изъ такихъ фразъ можно составлять предисловія? И кто придумалъ эту мысль? Несчастный Жанъ-Батистъ Сэ, какъ уловку для смягченія Наполеона, не любившаго, чтобы „идеологи“ мѣшали ему воевать! Это — отговорка, избытая уловка, а г. Горловъ принимаетъ ее за чистую монету. Гдѣ вы найдете книгу о политической экономіи, которая не требовала бы свободы труда и отмѣненія протекціонной системы? Самъ г. Горловъ требуетъ этихъ вещей. Почему же онъ не замѣчаетъ, что книга его противорѣчитъ своему предисловію? — Потому не замѣ-

часть, что и содержание книги, и содержание предисловія имъ составлены просто по рутинѣ. Довольно будетъ того, говорить онъ, если наука убѣдитъ въ бесполезности искусственныхъ организацій, „въ родѣ *glebae adscriptio*“ — какая скромность въ прелестномъ выраженіи *glebae adscriptio* вмѣсто „крѣпостное право“! Книга подписана г. цензоромъ 6 апрѣля и 11 августа 1859 года, когда уже свободно позволялось говорить о вредѣ крѣпостнаго права, а г. Горловъ все еще не рѣшился употребить этотъ прямой терминъ въ предисловіи къ ней, какъ будто писалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И будто бы крѣпостное право—искусственная организація? Просмотрите книгу ле-Пле „*Les ouvriers*“ или хотя Рошера, — вы увидите, что оно возникаетъ такъ же естественно, какъ въ послѣдствіи возникаетъ отношеніе наемнаго работника къ капиталисту. Естественность извѣстнаго явленія, къ сожалѣнію, вовсе не ручается за его сообразность съ здоровыми экономическими понятіями. У древнихъ, напримѣръ, естественно развилось въ теоріи понятіе, а въ практикѣ явился обычай, что свободному гражданину неприлично работать — ну что тутъ хорошаго? Начитавшись Бастіа, который особенно много разыгрывалъ вариаций на слово искусственность, г. Горловъ забылъ, что искусственнымъ образомъ не производится въ общественной жизни ровно ничего, а все создается естественнымъ образомъ, — дѣло не въ томъ, чтобы сказать „это естественно“, а въ томъ, чтобы разобрать, ко вреду или къ пользѣ общества это служить. Въдъ и протекціонная система—явленіе совершенно естественное въ извѣстныхъ обстоятельствахъ (то есть, когда масса не имѣетъ здоровыхъ экономическихъ понятій, проникнута завистью къ иноземцамъ, думаетъ, что богатство состоятъ главнымъ образомъ въ деньгахъ и т. д.), — а по словамъ самого г. Горлова, въ ней нѣтъ ничего хорошаго. Война тоже—дѣло самое естественное, и останется самымъ естественнымъ дѣломъ въ исторіи, пока массы не будутъ перевоспитаны. Г. Горловъ вслѣдъ за своими учителями говорить о естественности и искусственности, но сами его учителя не знаютъ хорошенько смысла употребляемыхъ ими понятій; мы на слѣдующихъ страницахъ поговоримъ объ этомъ подробнѣе, а теперь замѣтимъ еще одиакъ милый фавтъ все о томъ же деликатномъ *glebae adscriptio*. „Въ настоящее время, когда поднято такъ много вопросовъ“, ведется дѣло, между прочимъ, и объ уничтоженіи у насъ крѣпостнаго права. У насъ нѣкоторые полагають, что освобождаемые крестьяне будутъ лѣниться, не захотятъ заниматься на обработку полей, и земледѣліе упадетъ, количество производимаго Россією хлѣба уменьшится отъ освобожденія крестьянъ. Интересно было бы знать, подтверждаются ли таія опасенія послѣдствіями подобныхъ реформъ въ другихъ странахъ. О томъ, каковы были экономическія послѣдствія освобожденія крестьянъ во Франціи, Пруссіи, Австріи и другихъ европейскихъ земляхъ—г. Горловъ ничего не говоритъ; единственный примѣръ освобожденія, экономическіе результаты котораго подробно пояснены у него—уничтоженіе рабства въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ. Къ чему же привела эманципація англійскихъ вестъ-индскихъ невольниковъ? Вотъ къ чему, по словамъ г. Горлова (стр. 145 и 146). „Для плантаторовъ оказались неудобства, состоявнія въ томъ, что рабочихъ нельзя было находить безъ большаго затрудненія. Негры не хотѣли заниматься прежними работами, а стали воздѣлывать пустопорожнія земли, или заниматься мелкими промыслами, или предаваться праздности. Только огромная плата могла привлечь ихъ на плантаціи, такъ что во время жатвы поденщики получали до 3 и даже 4 рублей. Это положеніе, проистекающее отъ

недостатка рукъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было причиною того, что работа на многихъ плантаціяхъ была совершенно прекращена. Разумѣется, и производство сахару соотвѣтственно уменьшилось“. Затѣмъ слѣдуетъ ссылка, разумѣется, на *Dictionnaire de l'économie politique*, служащій главнымъ ресурсомъ для г. Горлова, и приводится изъ этого словаря таблица, показывающая, по словамъ г. Горлова, что „производство сахару, постепенно уменьшаясь, дошло только до двухъ третей въ періодъ 1842—1846 годовъ“ сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое производилось въ 1827—1831 годахъ, до освобожденія негровъ. Далѣе, г. Горловъ подробно объясняетъ, „до какой степени пострадали колоніи“ отъ освобожденія негровъ. Въ Гвіанѣ, напримѣръ, по его словамъ, „цѣна многихъ плантацій чрезвычайно упала“, и заключаетъ свое разсужденіе словами: „итакъ, съ экономической точки зрѣнія и имѣя въ виду одни только настояще, современные интересы, эманципація была дѣломъ разорительнымъ“ (стр. 147). На той же и слѣдующей страницахъ говорится, опять по свидѣтельству того же драгоценнаго ученаго пособия, *Dictionnaire de l'économie politique*, что „тѣ же хозяйственныя послѣдствія, которыя обнаружили въ англійскихъ владѣніяхъ, оказались и во французскихъ володіяхъ“ и до сихъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, „благополучіе колоній все еще не возстановилось“ (стр. 148). *Dictionnaire de l'économie politique*, изданный для французской публики, можетъ безопасно говорить ей объ этомъ предметѣ какой угодно вздоръ, потому что освобожденіе тамъ — уже дѣло конченное и безвозвратное. Но русскій авторъ, пишущій для общества, въ которомъ вопросъ объ освобожденіи еще не поконченъ, не долженъ былъ бы безъ всякой критики заимствовать всякое пустословіе о вредныхъ послѣдствіяхъ освобожденія — изъ французскихъ книжекъ или княжищъ съ дурнымъ направлешемъ, потому что у насъ нелѣпыя сужденія объ этомъ предметѣ могутъ имѣть дурное вліяніе. Если бы г. Горловъ потрудился справиться съ отчетами о совѣщаніяхъ французскаго конституціоннаго собранія 1848 года, провозгласившаго освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ, онъ увидѣлъ бы, что та партія, которая писала статьи *Dictionnaire de l'économie politique*, была партіею плантаторовъ, противилась освобожденію негровъ, и увидѣлъ бы, какъ опровергались мнѣнія этихъ почтенныхъ людей Шельхеромъ, главнымъ двигателемъ освобожденія негровъ. Онъ понялъ бы тогда, что бѣдствія, на которыя жалуются французскія плантаторы, были произведены не освобожденіемъ негровъ, а безразсуднымъ поведешемъ самихъ плантаторовъ, противившихся освобожденію, раздражившихъ негровъ и не захотѣвшихъ вести свое хозяйство рациональнымъ образомъ. Онъ могъ бы оцѣнить тогда справедливость ихъ жалобъ на лѣность негровъ. Дѣло очень просто: плантаторы не хотѣли по освобожденіи негровъ измѣнить порядка работъ, существовавшаго при невольничествѣ, не хотѣли обращаться съ неграми, какъ съ людьми свободными, хотѣли сохранять на работахъ бичъ, какъ поощреніе къ труду, не хотѣли ни платить неграмъ за работу, ни измѣнить устройства своихъ плантацій такъ, какъ требовали новыя условія труда. Само собою разумѣется, что и въ Пруссіи разорился бы тотъ помѣщикъ, который захотѣлъ бы теперь сохранять въ своемъ помѣстьѣ барщину и плеть. Совершенно неизвинительно легкомысліе, съ которымъ г. Горловъ также повторяетъ жалобы англійскихъ вестъ-индскихъ плантаторовъ. Если бы онъ потрудился прочесть поленику, которая велась объ этомъ предметѣ въ англійскихъ газетахъ много разъ, и между прочимъ въ началѣ нынѣшняго года, онъ увидѣлъ

бы, что жалобы плантаторовъ на неохоту негровъ работать— лишены всякаго основанія,— да, повторяемъ: лишены *всякаго* основанія. Плантаторы въ большей части колоній просто не хотятъ платить имъ порядочнаго жалованья, — это доказано официальнымъ образомъ, объ этомъ свидѣлствуютъ сами губернаторы колоній. А въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ плантаторы отказались отъ вражды противъ негровъ, гдѣ они нанимаютъ ихъ по добровольному соглашенію, какъ нанимаются работники въ Западной Европѣ, *никакого* недостатка въ рабочихъ силахъ не чувствуется и негры работаютъ какъ нельзя усерднѣе. Напрасно г. Горловъ принялъ безъ критики пустословіе *Dictionnaire de l'économie politique*, напрасно онъ не потрудился справиться съ подлинными документами. Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли освобожденіе въ Вестъ-Индскихъ колошіяхъ имѣло тѣ слѣдствія, какъ утверждаютъ плантаторы, слова которыхъ легковѣрно повторяетъ г. Горловъ, слишкомъ важенъ для насъ; потому въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Современника“ мы переведемъ статью *Edinburgh Review*, подробно излагающую ходъ дѣла въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ. Документы, въ ней приводимые, доказываютъ, что экономическое паденіе колоній началось задолго до уничтоженія невольничества; что главною причиною его было самое существованіе невольничества; что производство сахара въ колошіяхъ начало уменьшаться до уничтоженія невольничества; что эманципація не усилила этого явленія, происходившаго отъ другихъ причинъ; что, напротивъ, выгодныя послѣдствія его наконецъ одолѣли силу причинъ, уменьшавшихъ производство сахару, что свободный трудъ далъ плантаторамъ возможность выдержать соперничество съ другими производящими сахаръ странами, которыя совершенно задавили бы производство англійскихъ колошій, если бы эти колоніи сохранили невольничество, — однимъ словомъ, что освобожденіе негровъ имѣло послѣдствія, совершенно противныя тѣмъ, канія приписываются ему неразумною злобою плантаторовъ, — не разорило колоній, а спасло ихъ отъ совершеннаго разоренія, являвшагося слѣдствіемъ невольничества.

Понятіе, сообщаемое намъ книгою г. Горлова о послѣдствіяхъ эманципаціи, можетъ служить примѣромъ того, до какой степени оправдываются содержаніемъ его книги слова его, будто бы онъ „не выпускалъ изъ виду точку зрѣнія“, по которой „важнѣйшая задача теоретика состоитъ въ томъ, чтобы выразить и рассмотреть съ надлежащею основательностью потребности своего времени“. Надобно ли говорить о томъ, сколько свѣжести и занимательности имѣетъ столь удачно осуществляемая имъ мысль, что „теорія“, „не давая готовыхъ плановъ дѣйствій“, не должна однако же „отвращаться отъ явленій современности, которыя совершаются передъ глазами всѣхъ и живо занимаютъ всѣхъ, кому дороги важнѣйшіе интересы человѣчества“?

Такимъ образомъ, предисловіе г. Горлова составлено изъ мыслей, которыя быть можетъ имѣли свѣжесть лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, но составлять изъ которыхъ предисловіе къ сочиненію, издаваемому „въ настоящее время“, быть можетъ значить наводить читателя на предположеніе, что онъ въ самой книгѣ не найдетъ ничего, кромѣ истертой школьной рутины. Вдобавокъ, сличеніе этихъ обѣщаній предисловія съ содержаніемъ книги показало намъ, что г. Горловъ набираетъ ветхіе взгляды изъ своихъ учителей, не думая о томъ, оправдываются ли они подробностями той самой теоріи, которую онъ излагаетъ. Онъ возстааетъ противъ искусственности и не замѣчаетъ, что наприжѣръ меркантильная система, которую главнымъ

образомъ имѣеть онъ въ виду („прежнія экономическія системы“, которыя „искусственно возбуждали производство и потребление цѣнностей въ обществахъ“ — эти слова явно служатъ характеристикою меркантильной системы), — не замѣчаетъ того, что меркантильная система была въ свое время явленіемъ самымъ естественнымъ, да и никогда не бывало ничего искусственнаго въ экономическихъ явленіяхъ; онъ зайнствуетъ слово искусственность изъ Бастиа, не замѣчая, что оно годилось только для полемики, а серьезнаго смысла въ себѣ не заключаетъ. Онъ общаетъ надлежащія образомъ разсматривать живые вопросы, и по важнѣйшему изъ нихъ, по эманципаци, безъ всякой критики повторяетъ ложныя увѣренія людей, защищавшихъ рабство и озлобленныхъ его уничтоженіемъ.

Намъ кажется, что нѣтъ надобности подробно разбирать книгу, снабженную такимъ ветхымъ предисловіемъ. Намъ кажется, что нѣтъ основаній и нападать на такую книгу: Вотъ съ нею, она не привлечетъ къ себѣ ничего вниманія; потому чѣмъ меньше говорить о ней, тѣмъ сообразнѣе будетъ съ ея достоинствомъ.

Если бы вамъ слѣдовало всю эту статью посвятить собственно книгѣ г. Горлова, статья была бы, какъ видимъ, очень коротка. Но мы вздумали воспользоваться появленіемъ его ветхаго труда, чтобы поговорить объ отношеніяхъ нашего взгляда на экономическія явленія въ той системѣ, ученикомъ которой является г. Горловъ. Мы часто споримъ противъ нея, смѣемся надъ нею; по до сихъ поръ наши споры и насмѣшки относились къ разнымъ частнымъ вопросамъ экономической жизни — къ теоріи невмѣшательства общественной власти въ экономическія явленія, къ отверженію общинной поземельной собственности и т. д. Теперь мы хотимъ взглянуть на дѣло въ его общемъ характерѣ.

Если мы называемъ отсталыми, невѣрными и вредными многія мнѣнія той школы, ученіе которой у насъ исключительно называется политической экономіею, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали за неоспоримыя и благотворныя истины очень многихъ существенныхъ положеній школы, называющей своимъ основателемъ Адама Смита. Напримѣръ, безъ всякаго сомнѣнія, постоянная мѣновая цѣнность продукта опредѣляется издержками его производства, а рыночная, ежедневно колеблющаяся цѣна его — отношеніемъ запроса къ предложению; безъ всякаго сомнѣнія также, раздѣленіе труда служитъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ условій для увеличенія и усовершенствованія производства. Мы могли бы насчитать множество подобныхъ положеній, съ которыми мы вполне согласны; но такой списокъ подробностей всегда остался бы не полнымъ, а между тѣмъ былъ бы слишкомъ утомителенъ; мы думаемъ, что лучше опредѣлимъ отношеніе своего взгляда къ господствующей школѣ политической экономіи, если вмѣсто перечисленія подробностей, въ которыхъ согласны съ нею, выскажемъ свою мысль объ основной идеѣ, которая составляетъ общій источникъ всѣхъ этихъ частныхъ мыслей. Мы удивимъ многихъ такъ называемыхъ экономистовъ, если скажемъ, что вполне признаемъ основную идею ихъ системы. „Какъ? вы признаете принципъ *laissez-faire, laissez-passer*?“ скажутъ съ изумленіемъ такъ называемые экономисты, воображающіе, что понимаютъ теорію, которой держатся и противъ которой мы постоянно споримъ. „Если такъ, зачѣмъ же вы защищаете столь противорѣчащія этому принципу мысли, какъ законодательное опредѣленіе экономическихъ отношеній и общинное владѣніе землею?“ прибавятъ они съ негодованіемъ. Изъ такого понятія о принципѣ *laissez-faire, laissez-passer* слѣдуетъ только, что такъ называемые эконо-

нонисты сами не разумѣютъ основаній теоріи, которой слѣдуютъ. Чтобы объяснять нѣтъ ихъ ошибку въ этомъ случаѣ, мы должны будемъ коснуться мыслей, которыя относятся не къ одной политической экономіи, а принадлежать къ общей теоріи какой бы ни было науки. Читатель увидитъ, что многія изъ соображеній, на которыхъ основанъ нашъ взглядъ на экономическіе вопросы, имѣютъ подобный характеръ.

Идеи, предписывающія что нибудь дѣлать, стремиться къ чему нибудь, словомъ, имѣющія практическій характеръ, по обширности своего примѣненія раздѣляются на два разные рода. Однѣ имѣютъ значеніе общее, требуютъ примѣненія ко всякому данному случаю, всегда и вездѣ. Таковы напримѣръ принципы: человекъ обязанъ искать истины, поступать честно; общество обязано стремиться къ водворенію въ себѣ справедливости, законности. Цѣль дѣйствія указывается такими принципами; но говорятъ ли они о способѣ, которымъ надобно стремиться къ ней? Нѣтъ, способъ исполненія задачи ни мало не опредѣляется ими. Какъ скоро мысль указываетъ способъ исполненія, она теряетъ характеръ всеобщей, безысключительной примѣнимости. Возьмемъ напримѣръ самое общее опредѣленіе способа къ исполненію обязанности поступать честно. Оно будетъ: не лги. На первый разъ можетъ показаться, что это правило не допускаетъ исключеній. Но Муцій Сцевола свазалъ Порсенъ: „такихъ людей, какъ я, въ Римѣ триста человекъ“; онъ солгалъ, — онъ былъ одинъ; но кто осудитъ его, когда онъ своимъ обманомъ спасъ отечество? Въ одной изъ сербскихъ пѣсень о битвѣ на Косовомъ полѣ, сербы посылаютъ своихъ витязей осмотрѣть силы врага. Витязи возвратились; „много ли войска у турокъ?“ спрашиваютъ ихъ. „Нѣтъ, — войска у турокъ не очень много; мы можемъ одолѣть его“, отвѣчаютъ они войску; потомъ отводятъ въ сторону князя Лазаря и говорятъ: „у турокъ безчисленное войско; побѣдить ихъ нѣтъ возможности; мы сказали, что турокъ немного, чтобы не оробѣли сербы“. Кто осудитъ этихъ витязей? А вѣдь они солгали. Они поступили бы не честно, если бы сказали войску правду. Мы нарочно взяли такой способъ дѣйствія, который представляется имѣющимъ самый высокій характеръ безысключительности. Но и онъ, какъ видимъ, встрѣчаетъ случаи, въ которыхъ не соотвѣтствуетъ общей обязанности человека поступать честно, когда его нарушеніе составляетъ высокую доблесть. Всякое другое правило о способѣ дѣйствія допускаетъ еще гораздо больше исключеній. Надобно ли говорить, почему это такъ, — почему мысль, опредѣляющая способъ дѣйствія, нивакъ не имѣетъ характера всеобщности, и характеръ этотъ можетъ принадлежать только мыслямъ, опредѣляющимъ цѣли дѣйствія? Цѣль практической дѣятельности постановляется природою человека, то есть элементомъ, присутствующимъ постоянно. Способъ дѣйствія есть элементъ, зависящій отъ обстоятельствъ, а обстоятельства имѣютъ характеръ временный и мѣстный, разнородный и перемѣчивый. „Поступай честно“ — это можно и должно соблюдать всегда, потому что нарушеніе этого правила противорѣчитъ благу человека, противорѣчитъ его натурѣ; условіе, изъ котораго вытекаетъ эта обязанность, неразлучно съ человекомъ, какъ неразлученъ еъ нимъ его организмъ. Но въ чемъ состоятъ требованія честности, — это опредѣляется частнымъ характеромъ каждаго даннаго положенія; иногда честность требуетъ сказать правду, иногда — отказаться отъ личной выгоды, иногда она требуетъ стать во вражду съ кѣмъ нибудь другимъ, поступающимъ нечестно, иногда помочь ближнему; нельзя перечислить всѣхъ тѣхъ способовъ, которыми должна быть осуществляема въ разныхъ обстоятельствахъ обязанность поступать честно;

мы видѣли, что эти способы при противоположности обстоятельствъ могутъ даже имѣть характеръ взаимнаго противорѣчія. Въ большей части случаевъ, почти всегда, но только почти всегда, а не абсолютно всегда, честность требуетъ соблюденія истины; но мы видѣли, что иногда она требуетъ ея нарушенія *).

Теперь мы спросимъ такъ называемыхъ экономистовъ: какой смыслъ имѣетъ ихъ обожаемая фраза: *laissez faire, laissez passer*, что хотятъ они опредѣлять ей: цѣль экономическихъ учрежденій или способъ достиженія этой цѣли? Что они хотятъ сказать, когда произносятъ эти слова? Говорятъ ли они только то, что экономическія учрежденія должны стремиться къ доставленію наибольшей возможной свободы человѣку, — или полагаютъ сказать, что устраненіе законодательныхъ опредѣленій, стѣсненій и запрещеній есть единственный способъ въ водворенію наилучшаго экономического порядка? Въ первомъ случаѣ, если бы знаменитая фраза хотѣла опредѣлять только цѣль экономическихъ учрежденій, въ ней не было бы очевиднаго противорѣчія съ характеромъ принциповъ, могущихъ имѣть всеобщность. Нужно было бы изслѣдовать, дѣйствительно ли это правило вѣрно, дѣйствительно ли оно составляетъ результатъ изысканій политической экономіи; но не было бы еще причины, безъ всякихъ изслѣдованій, съ перваго же взгляда называть его несоотвѣтствующимъ придаваемой ему претензіи. Но въ такомъ случаѣ принципъ *laissez faire, laissez passer* теряетъ всякую опредѣлительность и становится рѣшительно неспособенъ къ полемическому употребленію, какое придаютъ ему такъ называемые экономисты. Тогда и меркантилистъ, и коммунистъ, и регламентаторъ одинаково съ экономистомъ могутъ говорить, что система каждаго изъ нихъ служитъ осуществленіемъ этого принципа. „Цѣль экономическихъ учрежденій есть наибольшая возможная свобода, скажетъ, на примѣръ, меркантилистъ. Мнѣ кажется, что при запретительномъ тарифѣ цѣль эта достигается полнѣе, нежели при ограниченіи пошлинъ чисто фискальною цѣлью. Безъ запретительныхъ пошлинъ житель Франціи не могъ бы дѣлать свекловичнаго сахара, а запретительный тарифъ даетъ каждому французу эту возможность, — слѣдовательно, расширяетъ кругъ его выбора между экономическими дѣятельностями — слѣдовательно даетъ ему больше свободы“. Регламентаторъ въ свою очередь сказалъ бы: „свободенъ только тотъ, кто безопасенъ; опредѣлимъ же ширину коленкора, опредѣлимъ, сколько нитокъ долженъ имѣть дюймъ каждаго сорта этой ткани, сколько вѣса долженъ имѣть каждый кусокъ каждаго сорта и по какой цѣнѣ долженъ продаваться; тогда покупатель обезпеченъ отъ плутовства фабрикантовъ, — слѣдовательно свободенъ“. Что сказалъ бы коммунистъ, — мы не хотимъ объяснять. Безъ всякаго сомнѣнія, экономистъ могъ бы опровергнуть приведенныя нами разсужденія регламентатора и меркантилиста; но онъ могъ бы опровергнуть ихъ только со стороны фактическихъ ошибокъ, а не могъ бы упрекнуть ихъ въ недостаткѣ любви къ принципу

*) Нѣтъ надобности замѣчать, что случаи, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежать исключительно практической сферѣ, жизни дѣйствія, а не жизни мысли, въ теоретической сферѣ. Въ теоріи, въ изслѣдованіи вѣрнѣе: „идеи истины, распространенія истины“ опредѣляетъ задачу, цѣль дѣятельности, а не способъ исполненія этой задачи. Потому что принципъ абсолютенъ. Но какъ осуществлять его? На это опять есть разныя способы, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ претендовать на безысключительность. Иногда и отъ вѣрныхъ людей служеніе истинѣ требуетъ заботы о новыя изслѣдованія въ области науки; иногда нарушать бы человѣкъ свои обязанности передъ истинною, если бы отдавалъ свои силы за новыя изслѣдованія — это бываетъ тогда, когда онъ можетъ оказать истинѣ больше услугъ простымъ распространеніемъ уже набранныхъ наукою истинъ въ массѣ, нежели какими нибудь ценными изысканіями.

laissez faire, laissez passer, если этотъ принципъ опредѣляетъ только цѣль учрежденій, а не способъ достиженія цѣли. Они могли бы говорить, что по ихъ мнѣнiю регламентация или запретительный тарифъ служатъ способами къ достиженiю этой цѣли. Итакъ очевидно, что если фраза *laissez faire, laissez passer* служить девизомъ одной изъ спорящихъ теорiй, то она опредѣляетъ не только цѣль (въ этомъ смыслѣ могли бы принять ее всѣ безъ исключенiя экономическiя школы), а указываетъ также способъ исполненiя задачи. Дѣйствительно, въ такомъ смыслѣ повимають эту фразу всѣ ея приверженцы. Когда они произносятъ ее, они говорятъ не то одно, что экономическiя учрежденiя должны стремиться къ водворенiю наибольшей свободы въ обществѣ,—они говорятъ также, что какова бы ни была цѣль общественныхъ учрежденiй, эта цѣль можетъ быть достигаема исключительно однимъ способомъ: отстраненiемъ законодательнаго вмѣшательства въ экономическiя отношенiя. Экономисты не могутъ указать ни одного сочиненiя своей школы, въ которомъ ихъ любимая фраза не употреблялась бы постоянно именно въ этомъ опредѣлительномъ смыслѣ, какъ указанiе исключительнаго способа къ исполненiю требованiй науки.

Послѣ нанихъ предъидущихъ объясненiй читатель видитъ, что даже безъ всякихъ изслѣдованiй, уже по одному своему характеру, фраза *laissez faire, laissez passer*, опредѣляющая способъ дѣйствiя, выказываетъ себя лишенной возможности служить основнымъ принципомъ науки. Характеръ науки есть всеобщность: она должна имѣть истину для всякаго времени и мѣста, для всякаго даннаго случая. Когда нравственная философiя говоритъ „поступай честно“, она даетъ правило, которое прилагалось и въ допотопныя времена и будетъ примѣняться во все безконечное продолженiе будущаго. Когда юриспруденцiя говоритъ „оправдывай невиннаго и осуждай виновнаго“, она также даетъ правило, отъ примѣненiя котораго не долженъ быть исключенъ никакой случай, никогда и нигдѣ. Если политическая экономiя имѣетъ претензiю принадлежать къ области наукъ, то есть заключать въ себѣ хотя малѣйшую частицу теоретической истины, она также должна имѣть своимъ основнымъ принципомъ такую мысль, которая примѣнялась бы во всякое время ко всякому данному случаю. Мы видѣли, что мысли, опредѣляющiя способъ дѣйствiя, никакъ не могутъ имѣть такой всеобщности. Если бы такъ называемые экономисты были знакомы съ архитектурикою наукъ, они поняли бы, что придавая фразѣ *laissez faire, laissez passer* смыслъ, опредѣляющiй способъ дѣйствiя, они отнимають у своей теорiи вслнй научный характеръ, когда ставятъ основнымъ принципомъ ея эту фразу.

Но предположимъ, что мы исправили эту слишкомъ рѣзкую сторону ихъ ошибки, извиняемую только недостаткомъ философскаго образованiя въ представителяхъ школы, надъ которой мы такъ часто смѣемся. Попробуемъ принять ихъ обожаемую фразу въ такомъ смыслѣ, который не показывалъ бы на первый же взглядъ свою несообразность съ претензiей служить общимъ принципомъ науки. Положимъ, что выраженiе *laissez faire, laissez passer* не имѣетъ претензiи опредѣлять способа, а говорить только о цѣли. Пусть оно значить только: цѣлью экономическихъ учрежденiй должно быть водворенiе наибольшей возможной свободы. Въ такомъ смыслѣ оно имѣетъ всеобщность значенiя. Мы видѣли, что въ этомъ случаѣ оно уже не можетъ служить девизомъ какой нибудь одной изъ враждующихъ школъ, а принимается за истину всѣми безъ исключенiя честными людьми,

въ какой бы школѣ кто изъ нихъ ни принадлежалъ. Оно уже становится не пригоднымъ для полемическаго употребленія въ спорахъ между порядочными людьми; но можетъ ли оно, хотя въ этомъ своемъ всеобщемъ смыслѣ, служить основнымъ принципомъ политической экономіи, какъ отдѣльной науки, занимающейся изслѣдованіями о производствѣ и распредѣленіи цѣнностей? Опять для каждаго, знакомаго съ общими понятіями о наукѣ, очевидно, что политическая экономія никакъ не можетъ удовлетвориться подобнымъ принципомъ. Каждый предметъ имѣетъ свой собственный характеръ, которымъ отличается отъ другихъ предметовъ или, какъ говорится, имѣетъ свою индивидуальность. Потому основной принципъ каждой науки долженъ имѣть въ себѣ особенность, долженъ быть таковъ, чтобы принадлежалъ именно этой наукѣ; наприкладъ: нравственная философія говорить „поступай честно“, юриспруденція — „заботься объ оправданіи невиннаго и осужденіи виновнаго“; это двѣ мысли рѣшительно различныя. Но говорила ли бы чтонибудь свое, чтонибудь специальное политическая экономія, если бы сущность ея выражалась правиломъ: „водворяй свободу“? Это одна изъ задачъ, равно принадлежащихъ всѣмъ нравственнымъ и общественнымъ наукамъ. Общій принципъ всѣхъ ихъ: служить благу человѣка. Свобода, подобно истинѣ (или, лучше сказать, просвѣщенію, потому что здѣсь имѣется въ виду субъективное развитіе истины въ индивидуумахъ), не составляетъ какогонибудь частнаго вида человѣческихъ благъ, а служитъ однимъ изъ необходимыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ каждаго частнаго блага; свобода и просвѣщеніе—это кислородъ и водородъ, которые не могутъ быть предметами особенныхъ наукъ, потому что и сами по себѣ не составляютъ отдѣльныхъ предметовъ, не могутъ существовать въ природѣ независимымъ, самостоятельнымъ образомъ, отдѣляются отъ другихъ элементовъ только искусственнымъ анализомъ, но безъ которыхъ не существуетъ въ природѣ никакая жизнь. Какое благо ни возьмете вы, вы увидите, что условіемъ его существованія служитъ свобода; потому она составляетъ общій предметъ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, — водвореніе свободы служитъ общимъ принципомъ ихъ. Для чего юриспруденція старается оградить личность и собственность своими гражданскими и уголовными законами и своими приговорами? Для того, чтобы человѣку свободнѣе было жить на свѣтѣ. Могутъ ли быть хороши гражданскіе или уголовные законы, которые клонятся не къ увеличенію, а къ уменьшенію свободы? Никакъ не могутъ быть хороши. Возьмите какую угодно другую нравственную или общественную науку, — о предметѣ и цѣли каждой изъ нихъ вы должны сказать то же самое. Въ числѣ другихъ наукъ, это надобно сказать и о политической экономіи. Но точно такую же роль въ нравственныхъ наукахъ играетъ, какъ мы замѣтили, и просвѣщеніе. Его интересы также служатъ неизмѣнною нормою того, хорошо или худо какое бы то ни было общественное учрежденіе, хорошо или дурно какое бы то ни было правило, имѣющее претензію опредѣлять жизнь частнаго человѣка или общества. Но гдѣ же отдѣльная наука о просвѣщеніи? Для какой науки можетъ служить специальнымъ принципомъ правило: „водворяй просвѣщеніе“? Это общій принципъ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ. Въ числѣ ихъ, и о политической экономіи должно сказать: соответствіе интересамъ просвѣщенія служитъ нормою ея правилъ, распространеніе просвѣщенія верховною цѣлью заботъ ея. Итакъ, если говорить *laissez faire, laissez passer*, то надобно также сказать: *laissez éclairer, laissez être intelligent*, — давайте свободу, давайте про-

свѣщеніе. Безъ этихъ двухъ вещей ничего хорошаго не бываетъ; потому объ онѣ равно должны служить принципами для политической экономіи, которая разумѣется должна стремиться къ тому, чтобы на свѣтѣ становилось не хуже, а лучше. Но должно прибавить, что къ атому же стремятся всѣ нравственныя и общественныя науки, и потому у всѣхъ у нихъ общій девизъ: свобода и просвѣщеніе.

Если выраженіе *laissez faire, laissez passer* не можетъ быть принципомъ никакой науки въ смыслѣ, опредѣляющемъ способъ дѣйствія; если въ смыслѣ, опредѣляющемъ только цѣль научныхъ изслѣдованій, это выраженіе не можетъ служить специальнымъ принципомъ ни одной изъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, будучи одинаковою нормою для успѣвности изслѣдованій во всѣхъ въ нихъ, то какой же принципъ надобно назвать основною идеею политической экономіи, — идеею, специально принадлежащею этой наукѣ? Если такъ называемые экономисты доказываютъ только свое незнакомство съ общими философскими понятіями, забавнымъ образомъ поставляя гордость свою въ выраженіи, не инѣющемъ специальной связи ни съ какою частною наукою и отнимающемъ у ихъ теоріи всякое научное достоинство, то въ какой же формулѣ надобно видѣть основной выводъ всѣхъ ихъ частныхъ изслѣдованій? Если бы они были сколько ябудь знакомы съ философскими приемами, для нихъ было бы очень легко разрѣшить задачу, которую теперь мы хотимъ объяснить для нихъ по состраданію къ ихъ философской безпомощности.

Предметъ политической экономіи, по общему рѣшенію всѣхъ экономистовъ. составляетъ изученіе условій производства и распредѣленія цѣнностей, или предметовъ потребленія, или предметовъ нужныхъ для матеріальнаго благосостоянія человѣка. Экономисты говорятъ, что политическая экономія распадается поэтому на двѣ главныя части: о производствѣ и о распредѣленіи продуктовъ. Всѣ они согласны, что двигателемъ производства служитъ личный интересъ; всѣ они говорятъ, что счетъ и мѣра должны служить постояннымъ руководствомъ для всѣхъ соображеній въ политической экономіи. Кажется, эти вещи очень знакомы каждому изъ нихъ; посмотримъ же теперь, не достаточно ли будетъ этихъ основныхъ понятій для отысканія верховнаго принципа политико-экономическихъ стремленій? Для облегченія дѣла мы сначала взглянемъ на рѣшеніе задачи для каждой изъ двухъ главныхъ частей политической экономіи въ отдѣльности.

Личный интересъ есть главный двигатель производства. Энергія производства, служащая мѣриломъ для его успѣвности, бываетъ всегда строго-пропорціональна степени участія личнаго интереса въ производствѣ. Кажется, мы говоримъ мысли, отъ которыхъ никогда не отступался ни одинъ экономистъ. Въ чемъ же состоитъ личный интересъ? Онъ состоитъ въ стремленіи владѣть вещью. Полное владѣніе вещью называется правомъ собственности надъ вещью. Итакъ, личный интересъ вполнѣ удовлетворяется поступленіемъ вещи въ собственность. Поэтому энергія труда, то есть энергія производства, соразмѣрна праву собственности производителя на продуктъ. Изъ этого слѣдуетъ, что производство находится въ невыгоднѣйшихъ условіяхъ тогда, когда продуктъ бываетъ собственностью трудившагося надъ его производствомъ. Иными словами, — работникъ долженъ быть собственникомъ вещи, которая выходитъ изъ его рукъ.

Мы не знаемъ, нужно ли объяснять примѣрами эту очень простую истину. На своемъ огородѣ каждый работаетъ усерднѣе, нежели на чужомъ; поэтому самое вы-

годнѣйшее дѣло бываетъ тогда, когда огородъ принадлежитъ человѣку копающему въ нежѣ гряды. Избу для себя каждый строить усерднѣе, чѣмъ для другаго; поэтому самое выгодное дѣло бываетъ тогда, когда изба принадлежитъ тому, кто обтесывалъ лѣсъ и пилилъ доски для нея постройки.

Теперь обратимся къ закону наивыгоднѣйшаго распредѣленія цѣнностей. Тутъ нужно руководиться счетомъ и мѣрой; но вычисленія будутъ очень просты: четыре правила ариметики будутъ достаточны для разрѣшенія задачи. Въ статьѣ „Экономическая дѣятельность и законодательство“, мы уже говорили, какъ она рѣшается, и здѣсь кратко повторимъ наши тогдашнія слова. Наивыгоднѣйшее распредѣленіе цѣнностей есть то, при которомъ данная масса цѣнностей производитъ наибольшую массу благосостоянія или наслажденія. Будемъ выражать степень его цифрами. Предположимъ, что сумма цѣнностей есть 1,000, а число лицъ, составляющихъ общество, есть 100. Предположимъ сначала, что въ рукахъ одного сосредоточилась цѣнность 604; тогда на остальныхъ 99 лицъ осталось 396, т. е. на cadaго по 4. Предположимъ теперь, что распредѣленіе цѣнностей измѣнилось, и въ рукахъ одного сосредоточилось, вмѣсто 604, — сумма 802, тогда прочимъ 99 лицамъ остается только 198, т. е. на cadaго изъ нихъ приходится только цѣнность 2. Сравнимъ это положеніе съ прежнимъ и посмотримъ, увеличилась или уменьшилась сумма благосостоянія въ обществѣ. Выигралъ одинъ и его благосостояніе увеличилось на одну третью часть противъ прежняго; проиграли 99 и благосостояніе cadaго изъ нихъ уменьшилось на половину. Итакъ, мы имѣемъ одну третью часть единицы выигрыша и 99 половины единицы проигрыша, т. е. за вычетомъ плюса изъ минуса мы имѣемъ ровно $44\frac{1}{2}\%$ единицъ чистаго проигрыша. Это значитъ: общество пострадало на столько, какъ будто изъ 100 человѣкъ 44 лишились всякаго пропитанія.

Теперь взглянемъ на переимѣну въ противоположномъ направленіи. Предположимъ такое распредѣленіе цѣнностей, что у единицы, у которой сосредоточивалась цѣнность 604, осталась только цѣнность 406; тогда на остальныхъ 99 приходится 594, т. е. на cadaго по 6. Это значитъ, что у одного благосостояніе уменьшилось на половину, а у 99 другихъ возрасло у cadaго на половину. Вычитая минусъ изъ плюса, мы имѣемъ 44 чистаго выигрыша. Это значитъ: общество выиграло на столько, какъ будто изъ 100 человѣкъ 44 отъ совершенной нищеты перешли къ благосостоянію. Изъ этого слѣдуетъ, что наивыгоднѣйшее распредѣленіе цѣнностей производится такими отношеніями и учрежденіями, при которыхъ общество идетъ къ соразмѣрности между количествомъ цѣнностей дѣйствительно принадлежащихъ каждому лицу и тою долею цѣнностей, какая приходилась бы на его часть по отношенію количества лицъ, составляющихъ общество, къ массѣ цѣнностей, находящихся въ этомъ обществѣ.

Итакъ, основною идеею ученія о производствѣ мы находимъ полное совпаденіе идеи труда съ правомъ собственности надъ продувтомъ труда; иначе сказать, полное соединеніе качествъ собственника и работника въ одномъ и томъ же лицѣ. Основною идеею ученія о распредѣленіи цѣнностей мы находимъ стремленіе къ достиженію, если можно такъ выразиться, такого порядка, при которомъ частное

*) Оставляемъ цифры этихъ двухъ примѣровъ такъ, какъ онѣ напечатаны въ „Современникѣ“, хотя полагаемъ, что вѣроятно корректура этихъ цифръ въ „Современникѣ“ осталась не выправлена. *Примѣчаніе издателя.*

число (количество цѣнностей, принадлежащихъ лицу) опредѣлялось бы посредствомъ арифметическаго дѣйствія, гдѣ дѣлителемъ ставилась бы цифра населенія. а дѣлимымъ цифра цѣнностей.

Читатель, привыкшій къ философскимъ приемамъ, безъ труда увидитъ, что оба найденные нами принципа служатъ выраженіемъ совершенно одной и той же идеи стремленія къ одному и тому же факту, только съ разныхъ сторонъ. Дѣйствительно, когда мы беремъ значительную массу людей, то всѣ индивидуальныя различія сливаются въ средней цифрѣ. Иванъ можетъ быть вдвое сильнѣе и умнѣе Петра; но, вообще говоря, въ каждомъ обществѣ существуетъ извѣстный уровень умственныхъ и физическихъ силъ и масса индивидуумовъ очень близка къ этому уровню, а замѣчательныхъ исключеній изъ него въ дурную или хорошую сторону такъ немного, что при общихъ соображеніяхъ о порядкѣ дѣлъ въ цѣломъ обществѣ они составляютъ элементъ рѣшительно незначительный. Притомъ же эти отклоненія, эти слишкомъ сильные или слишкомъ слабые индивидуумы являются разбросанными по разнымъ группамъ родственныхъ и другихъ гражданскихъ отношеній, такъ что въ каждой сколько-нибудь значительной группѣ взаимно уравновѣшиваются. Такимъ образомъ надобно принимать, что въ каждой группѣ родства или въ каждой группѣ сосѣдства сумма физической и умственной способности къ труду очень близка къ общему уровню этой способности для цѣлаго общества. Потому изъ принципа о соединенія труда и собственности къ однихъ и тѣхъ же лицахъ, и изъ права собственности каждаго лица на продукты его труда прямо слѣдуетъ распредѣленіе цѣнностей, совпадающее съ найденнымъ нами мѣриломъ наивыгоднѣйшаго распредѣленія, т. е. съ распредѣленіемъ по средней цифрѣ. Съ практической точки зрѣнія почти все равно, которому изъ этихъ двухъ принциповъ отдать первое мѣсто. Но въ теоріи принципъ производства, т. е. соединеніе собственности въ одномъ лицѣ съ трудомъ, представляется какъ преобразование, или выводъ, или какъ частный случай принципа о наивыгоднѣйшемъ распредѣленія цѣнностей, имѣющаго болѣе общее значеніе. Дѣйствительно, трудъ предполагаетъ матерію, надъ которой производится; продуктъ предполагаетъ существованіе предшествующаго ему продукта, изъ котораго онъ происходитъ черезъ приложеніе труда; такимъ образомъ распредѣленіе существующихъ цѣнностей представляется условіемъ производства. Кромѣ того, цѣнность сама по себѣ есть понятіе болѣе обширное, нежели понятіе производства, которое составляетъ только одинъ изъ моментовъ, проходимыхъ цѣнностью: всякое производство обращено на созиданіе цѣнности, но цѣнность не есть предметъ одного производства, она служитъ также предметомъ сохраненія, мѣны и потребленія. Прибавимъ, что производство имѣетъ свою цѣль не въ самомъ себѣ, а въ потребленіи, а потребленіе имѣетъ своею основою распредѣленіе цѣнностей, потому и основной предметъ изслѣдованій политической экономіи находится въ теоріи распредѣленія; производство занимаетъ ее только какъ подготовленіе матеріала для распредѣленія.

Читатель, привыкшій къ анализу общихъ понятій, конечно улыбается, читая такія азбучныя разсужденія, слишкомъ знакомыя „каждому, даже не учившемуся въ семинаріи“. Но для большинства такъ называемыхъ экономистовъ, рѣшительно незнакомыхъ съ философскими терминами и приемами, они должны показаться столь же трудною абстрактностью, какъ для обыкновеннаго человѣка теорія эллиптическихъ функций. Желая какъ-нибудь повразумительнѣе для ихъ непривычныхъ

мыслительныхъ силъ растолковать изложенныя нами азбучныя понятія, мы скажемъ, что они могутъ уразумѣть, въ чемъ дѣло, если потрутся подумать о фактахъ, которые находятся въ каждой изъ книгъ, написанныхъ ихъ учителями или даже ими самими.

Напримѣръ, Плиній какъ-то сказалъ: „*большепомѣстность разорила Италию*“, *latifundia perdidere Italiam*. Экономисты съ восторгомъ отъ своей учености тычутъ эту фразу въ подлинныхъ латинскихъ словахъ въ глаза каждому читателю, встати и невстати: смотри, дескать, — мы и по-латини знаемъ, и Плинія читали. Это хорошо. Но въ чемъ смыслъ словъ Плинія, приводящихъ въ восхищеніе каждаго экономиста? Въ томъ, что распредѣленіе поземельной собственности въ Италиі удалось отъ средней цифры, происходившей изъ отношенія числа югеровъ *) къ числу семействъ, населявшихъ Италию. Пока были въ дѣйствіи благотворныя законы объ общественной землѣ, *ager publicus*, изъ которой каждому гражданину давался небольшой участокъ, достаточный для прокормленія его семейства, пока Цинциннаты и Регуль, командовавшіе войсками, сами пахали землю, до тѣхъ поръ Римъ былъ и честенъ, и благосостоятеленъ, и могущественъ. Когда „умнѣйшіе и лучшіе люди“, „*optimates*“, убѣдили римлянъ, что общественная земля — безплодное бремя, что частная поземельная собственность производительнѣе, когда *ager publicus* перешелъ въ частную собственность, Италия разорилась и Римъ погибъ. Мы совѣтуемъ экономистамъ прочесть, чтó говоритъ Нибуръ о законахъ Липпія Столона, оградившихъ на нѣкоторое время общественную землю отъ вторженія частной собственности и бывшихъ источникомъ всего римскаго величія, всѣхъ гражданскихъ и частныхъ добродѣтелей, всего благосостоянія для римлянъ.

Экономисты съ большимъ удовольствіемъ разсуждаютъ также объ экономической невыгодности рабства; они удивляютъ въ этомъ случаѣ необыкновеннымъ благородствомъ, съ которымъ изобличаютъ чужіе недостатки. Пусть они подумаютъ объ основныхъ чертахъ рабства, — они увидятъ повтореніе всѣхъ этихъ невыгодныхъ обстоятельствъ при такомъ порядкѣ вещей, гдѣ собственность и трудъ не соединены въ одномъ лицѣ. Невольникъ получаетъ за свой трудъ пищу, жилище, и т. д., — то, что необходимо для поддержанія его жизни, а продуктъ труда принадлежитъ не ему. Вотъ существенная черта невольничества. Пусть же экономисты припомнятъ свои слова о нормѣ заработной платы: нормою заработной платы служить возможность поддержанія жизни; она не можетъ ни далеко, ни надолго подняться выше этой нормы, — это ихъ собственные слова. Итакъ, со стороны отношенія труда къ вознагражденію за трудъ вся разница между невольникомъ и наемнымъ работникомъ заключается въ томъ, что невольникъ получаетъ вознагражденіе натурою, а наемный работникъ деньгами; невольнику дается жилище, работнику даются деньги, на которыя онъ самъ долженъ пріискать себѣ жилище; но количество вознагражденія въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково: оно опредѣляется возможностью поддержать существованіе. Велика или мала цѣнность продуктовъ, производимыхъ, напримѣръ, въ теченіе недѣли трудомъ наемнаго работника, это все равно для него, какъ и для невольника: во всякомъ случаѣ онъ, подобно невольнику, получить за свой трудъ ни больше, ни меньше того,

*) Просимъ читателей удивиться и нашей учености: мы нарочно оставили слово югеръ тобы онъ видѣлъ громадность нашихъ свѣдѣній: мы знаемъ, что у римлянъ земля измѣрялась не десятинами, а югерями. О, бездна учености!

сколько нужно для поддержанія его существованія. Поэтому мы говоримъ, что между состоящемъ невольника и наемнаго рабочаго существуетъ огромная разница въ нравственномъ и въ юридическомъ отношеніяхъ; но специальной экономической разницы въ ихъ отношеніяхъ къ производству нѣтъ никакой. Если трудъ свободнаго наемнаго работника производительнѣе, нежели трудъ невольника,—это зависитъ отъ того, что свободный человѣкъ выше невольника по нравственному и умственному развитію; потому и работаетъ нѣсколько умнѣе и нѣсколько добросовѣстнѣе. Но эта причина превосходства, какъ видимъ, совершенно чужда экономическому его отношенію къ производству; потому мы и говоримъ, что если нравственная философія и юриспруденція удовлетворяются уничтоженіемъ невольничества, то политическая экономія удовлетворяться этимъ никакъ не можетъ; она должна стремиться къ тому, чтобы въ экономической области была произведена въ отношеніяхъ труда къ собственности перемѣна, соответствующая перемѣнѣ, производимой въ нравственной и юридической области освобожденіемъ личности. Эта перемѣна должна состоять въ томъ, чтобы самъ работникъ былъ и хозяиномъ. Только тогда энергія производства поднимется въ такой же мѣрѣ, какъ уничтоженіемъ невольничества поднимается чувство личнаго достоинства.

Эти два примѣра могутъ показать экономистамъ, въ чемъ состоитъ смыслъ средней цифры въ распредѣленіи цѣнностей, которая служитъ основною идеею политической экономіи. Эти примѣры могутъ также показать имъ, что они сами обыкновенно не понимаютъ смысла фактовъ, объ которыхъ такъ много кричать. Мы привели два факта: одинъ прямо свидѣтельствуетъ въ пользу общинаго поземельнаго владѣнія, другой прямо говорить о необходимости сдѣлать работника хозяиномъ, антрепренѣромъ. Оба эти вывода повергаютъ въ ужасъ и въ негодованіе такъ называемыхъ экономистовъ, а между тѣмъ, они прямо слѣдуютъ изъ фактовъ, которыми сами экономисты безъ ума восхищаются, которыми они тычутъ въ глаза читателей чуть не на каждой страницѣ своихъ произведеній. Если бы у насъ было время и мѣсто, подобныя сюрпризы можно было бы выводить рѣшительно изъ каждаго факта, приводимаго въ подтвержденіе теоріи *laissez faire, laissez passer*. Когда такъ называемые экономисты обыкновенно не умѣютъ сообразить даже частныхъ выводовъ изъ отдѣльныхъ фактовъ, то нельзя уже удивляться тому, что они не умѣютъ сообразить, какой общій принципъ выходитъ изъ всей совокупности ихъ любимыхъ фактовъ и отдѣльныхъ наблюденій. Этотъ общій выводъ мы уже выразили. Повторяемъ его: наивыгоднѣйшее для общественнаго благосостоянія распредѣленіе цѣнностей состоитъ въ томъ, чтобы пропорція цѣнностей, принадлежащихъ каждому члену общества, какъ можно ближе соответствовала средней цифрѣ, даваемой отношеніемъ между суммою цѣнностей, находящихся въ данномъ обществѣ, и числомъ членовъ его составляющихъ.

Мы вообще не имѣемъ никакой претензіи представлять читателю что-нибудь новое, дѣлать ученныя открытія или высказывать истины, постиженіе которыхъ требуетъ какой-нибудь учености. Такъ и о выводѣ, который мы сейчасъ представили, мы должны сказать, что давнымъ-давно было множество писателей, превосходно объяснявшихъ эту мысль. Даже изъ людей, которыхъ хвалятъ экономисты (хвалятъ, впрочемъ, больше по непониманію, чѣмъ съ умысломъ), можно указать довольно многихъ, представлявшихъ такой выводъ. Мы назовемъ одного Бентама. Думаемъ, что не трудно найти такую же мысль и у Рикардо; быть можетъ, оти-

щется она даже у Мальтуса; обь Адамъ Смитъ нечего и говорить: извѣстно, что хорошие экономисты считаютъ его страшнымъ еретикомъ и превозносятъ только изъ приличія. Но у всѣхъ этихъ знаменитостей политической экономіи взглядъ нами изложенный подавленъ изслѣдованіями о частныхъ явленіяхъ, анализъ которыхъ составлялъ главную ихъ задачу. Только у Бентама средняя цифра прямо и рѣшительно выставлена, какъ формула наивыгоднѣйшаго распредѣленія цѣнностей. Мы упомянули о великихъ людяхъ политической экономіи. Намъ приходится въ голову, что всѣ они уже давно умерли; намъ приходится въ голову спросить, какія открытія сдѣланы въ наукѣ послѣ нихъ людьми, которые называютъ себя вѣрными ихъ учениками? Адамъ Смитъ, напримѣръ, былъ оонователемъ новой науки: показаль отношеніе труда къ цѣнности, участіе капитала въ производствѣ, норму вознагражденія за трудъ, важность раздѣленія труда, и мало ли какихъ новыхъ открытій не сдѣлалъ онъ! На нѣсколькихъ страницахъ не перечесть и десятой части ихъ. Мальтусъ разобралъ вопросъ о народонаселеніи. Рикардо объяснилъ вопросъ о рентѣ. Оба эти открытія послужили основными камнями для экономической теоріи. Кто не знаетъ трудовъ Мальтуса и Рикардо, не можетъ говорить ни о чемъ правдынымъ образомъ. Но интересно было бы намъ знать, какую новую мысль можно найти у кого бы то ни было изъ экономистовъ, славившихся послѣ Мальтуса или Рикардо, или процвѣтающихъ нынѣ? Какое открытіе въ наукѣ сдѣлалъ Мишель Шевалье, или Бастиа, или Воловскій, или Рошеръ, или Рау, или хотя бы даже самъ Жанъ-Батистъ Сэ? Нѣкоторые изъ нихъ были люди умные, напримѣръ Сэ (впрочемъ, мы едва ли не сдѣлали ошибку, употребивъ множественное число. Кажется, что грѣхъ было бы сказать о комъ-нибудь изъ названныхъ нами, кромѣ одного Сэ, что онъ человекъ съ замѣчательной головой); нѣкоторые изъ нихъ люди очень ученые, напримѣръ Рошеръ и Рау; нѣкоторые замѣчательны способностью болтать легко и изящно, напримѣръ Бастиа и Мишель Шевалье; а Воловскій считается диковинкою между членами парижскаго общества вконокистовъ, потому что знаетъ по-нѣмецки. Но любопытно было бы узнать, что они сдѣлали для развитія науки? Жанъ-Батистъ-Сэ ввелъ политическую экономію во Франціи и прекрасно популяризировалъ мысли, открытыя англичанами, — заслуга великая, но заслуга передъ французской публикой, а не передъ наукой. Мишель Шевалье хорошо описаль Сѣверо-Американскіе Штаты и отлично доказаль, что когда по открытіи Калифорнскихъ и Австралійскихъ росыней стали добывать золота въ десятеро больше противъ прежняго, а количество добываемаго серебра не увеличилось, то золото должно понизиться въ цѣнѣ, сравнительно съ серебромъ, — вещи хорошія, что и говорить, — но для науки новаго въ нихъ развѣ немногимъ больше, чѣмъ въ книгѣ г. Горлова. Бастиа писалъ памфлеты противъ протекціонистовъ и коммунистовъ, и памфлеты очень бойкіе, но въ нихъ онъ только рабски развиваль отдѣльныя фразы изъ своихъ учителей. Онъ также, прослышавъ о возраженіяхъ американца Кери противъ теоріи ренты Рикардо, самъ сочинилъ противъ нея возраженія, какъ двѣ капли воды сходныя съ мыслями Кери, которыя лишены всякой основательности; это тоже похвально, но повторить по наслышкѣ чужія и притомъ неосновательныя мысли, не значить еще двинуть впередъ науку. Что еще онъ сдѣлалъ? — Да, вотъ что: несмотря на свою исторію съ Кери, онъ былъ человекъ честный — это похвально. Мы едва не забыли о главномъ. Онъ написаль „*Nauphones é opomiques*“, — въ нихъ онъ доказываль, что все на землѣ устроено премудро и

промыслъ направляетъ все къ лучшему, и ва чемъ свѣтъ стоитъ бранить Жанъ-Жака Руссо. Относится ли это къ политической экономіи, мы не умѣемъ рѣшить; но если относится, то должно быть очень полезно для нея. Воловскій перевелъ Рошера,—трудъ похвальный, и объяснилъ, что крестьянъ въ Россіи надобно освободить безъ земли,—мысль тоже хорошая, но не новая послѣ статей г. Вланка и разныхъ сотрудниковъ Журнала Землевладѣльцевъ. Рау въ воротенькихъ параграфахъ крупнымъ шрифтомъ повторилъ то, что нашелъ у своихъ предшественниковъ, и сдѣлалъ къ этимъ параграфамъ длинныя примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, въ которыхъ набралъ миллионы ясныхъ фактовъ, иногда очень любопытныхъ; такимъ образомъ вышла книга, неоцѣненная для прискиванія справокъ и цитатъ. Рошеръ сдѣлалъ то же самое съ трудолюбіемъ, быть можетъ, еще колоссальнѣйшимъ, и въ добавокъ постарался расположить набранные имъ факты въ хронологическомъ порядкѣ. Оба они, какъ видимъ, компиляторы очень почтенные, не щадившіе ни глазъ, ни поясницы для служенія наукѣ. Но гдѣ же во всѣхъ этихъ книгахъ, начиная отъ Сэ и кончая Рошеромъ, хотя что-нибудь похожее на разрѣшеніе чего-нибудь, оставшагося нерѣшеннымъ послѣ Мальтуса и Рикардо? Ничего такого и не ищите: если вы не читали ни одной изъ книгъ всѣхъ этихъ знаменитыхъ писателей, и въ томъ числѣ вовсе не знаменитаго писателя Воловскаго, вы остались, быть можетъ, не знающими нѣкоторыхъ фактовъ, полезныхъ для соображенія, но навѣрное не лишили себя ни одной важной мысли, когда прочтены вами Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Бентамъ и Рикардо.

Теперь мы подумали: какое довѣріе можно имѣть къ удовлетворительности теоріи, ни на шагъ не подвинувшейся впередъ въ теченіе цѣлыхъ сорока или сорока-пяти лѣтъ? Если бы экономисты подумали объ этомъ, и въ добавокъ, если бы они знали хотя основныя понятія изъ исторіи развигія наукъ, они сообразили бы, что, даже не вникая въ ихъ доктрину, по этому одному признаку можно рѣшить, что она для нашего времени не состоятельна. Постоянно имѣя въ виду быть назидательными для экономистовъ, мы просимъ у читателя позволенія кратко изложить здѣсь вещи, конечно давнымъ давно ему извѣстныя, но къ великому состраданію и смѣху нашему неизвѣстныя такъ называемымъ экономистамъ.

Начнемъ съ того, что даже предметъ, въ которомъ не происходитъ никакихъ измѣненій, не истощимъ для науки, и каждый даровитый наблюдатель открываетъ въ немъ новыя стороны, незамѣченныя или непонятныя прежними изслѣдователями. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить исторія и археологія классическаго міра. Источники для ихъ изученія остаются одни и тѣ же вотъ уже четыреста лѣтъ. Со временъ Петрарки не открыто слишкомъ важныхъ греческихъ или римскихъ писателей. Гомеръ, Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, Полибій, Плутархъ. Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ, Плиніи—всѣ эти книги съ возрожденія наукъ были въ рукахъ ученыхъ почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ имѣемъ ихъ нынѣ. Нѣкоторыя новыя книги и отрывки отысканы,—это правда; но всѣ они не составляютъ и тысячной доли новаго матеріала для изученія классической древности, по сравненію съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, какой представлялся латинистамъ и геленистамъ XV вѣка. Что же мы видимъ? Каждое новое поколѣніе дѣлаетъ новыя открытія въ пониманіи жизни древняго міра. Взглядъ на греческую и римскую исторію разясняется, расширяется съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ. Древняя жизнь каждому новому изслѣдователю открываетъ новыя стороны. Каждая но-

вал вмига, доставляющая своему автору известность между латинистами и гелле-нистами, богата новыми мыслями.

Разумѣется, еще поразительнѣе переиѣны, которымъ быстро подвергаются науки, занимающіяся предметами, для изученія которыхъ являются новые матеріалы. Вспомнимъ объ исторіи древняго востока. Что общаго въ содержаніи и взглядѣ на предметъ между книгами, писанными, напримѣръ, о персидскомъ царствѣ тридцать лѣтъ тому назадъ и теперь, когда изучили зендскій языкъ, стали читать клинообразныя надписи и ближе познакомились съ нынѣшнимъ востокомъ? Но еще радикальнѣе перевороты въ воззрѣніяхъ на предметъ, когда не только открываются новые матеріалы для его изученія, но и самъ онъ продолжаетъ жить и измѣняться. Возьмемъ въ примѣръ исторію какого угодно изъ нынѣшнихъ народовъ и какое угодно событіе въ этой исторіи, напримѣръ французскую революцію. Въ эпоху Наполеона I понимали нѣкоторыя стороны этого событія; когда возвратились Бурбоны, она представилась въ новомъ видѣ; въ июльскую монархію поняли ее гораздо полнѣе, чѣмъ при Бурбонахъ и при Наполеонѣ I; теперь опять видятъ, что взглядъ временъ Орлеанской династіи былъ далеко неудовлетворителенъ, и понимаютъ предметъ многостороннѣе и глубже.

Каждому известно, отчего это происходитъ и почему не можетъ быть иначе. Жизнь и науки развиваются съ каждымъ поволѣніемъ. Когда измѣнились понятія общества отъ развитія жизни и всей совокупности наукъ, отъ этого самаго долженъ уже измѣниться взглядъ на предметъ каждой частной науки, хотя бы втотъ предметъ былъ неподвиженъ я новыхъ матеріаловъ къ его изученію не было. Когда прибавились новые матеріалы, переиѣна будетъ еще значительнѣе. Но что сказать, когда и самый предметъ растетъ, когда онъ самъ съ каждымъ годомъ все полнѣе объясняетъ себя развитіемъ новыхъ явленій и сторонъ своей природы?

Именно таково дѣло политической экономіи. Мы видимъ, что каждое новое изданіе книги Бѣка „О государственномъ хозяйствѣ древнихъ Ассирій“, было значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ предъидущимъ изданіемъ, хотя предметъ былъ мертвъ и новыхъ источниковъ къ его изученію представлялось мало, по сравненію съ запасомъ прежнихъ матеріаловъ. А предметъ политической экономіи—не древнія Ассиріи, а живое общество, и въ немъ быстрѣе всего остального развивается именно та сфера, которая составляетъ специальный предметъ политической экономіи. Что общаго между экономическимъ бытомъ Англии или Франціи во время Адама Смита, или хотя бы во время Рикардо, и нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ? Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Франціи всего 70 лѣтъ тому назадъ, изображаетъ намъ бытъ, о которомъ сами экономисты говорятъ, что онъ составляетъ такую же допотопную картину, какъ экономическая жизнь какого-нибудь древняго Египта или гомеровскаго Аргоса. Когда мы читаемъ первые романы Жоржа-Занда, писанные 25 лѣтъ тому назадъ, или „Пиквикскій Клубъ“ Диккенса, писанный послѣ „Индіаны“, мы видимъ, что вся обстановка жизни, всѣ экономическія отношенія сословій измѣнились въ эти немногіе годы. Да что говорить объ Англии или Франціи? Посмотримъ хоть на себя, идущихъ очень тихо за другими народами. И у насъ, воротившись черезъ 20 лѣтъ въ знакомую вамъ губернію, вы не узнаете ея: купцы не тѣ, и торгуютъ не такъ, и не тѣмъ торгуютъ, и не на тѣхъ условіяхъ покупаютъ, какъ прежде. И помѣщики живутъ не такъ, не такіе имѣютъ доходы, не на такія вещи тратятъ ихъ, какъ прежде. И чиновник

перемѣнились, и мужики перемѣнились, и все не такъ, и все не то. что прежде.

А какое еравнее между матеріалами, бывшими въ рукахъ у Адама Смита и у Мальтуса, и нынѣшними матеріалами? Адамъ Смитъ не зналъ даже числа жителей въ своемъ королевствѣ; Мальтусъ, когда писалъ свой трактатъ о народонаселеніи, единственнымъ достовѣрнымъ документомъ о числѣ рожденій и смертей и о прибыля населенія имѣлъ шведскія таблицы. Черезъ 15 лѣтъ по изданіи книги Адама Смита, не было еще извѣстно количество земли, воздѣлываемой въ Англии или во Франціи. Словомъ сказать, — великіе люди, которымъ политическая экономія обязана своимъ нынѣшнимъ развитіемъ, не имѣли въ рукахъ и милліонной части тѣхъ статистическихъ свѣдѣній, которыми владѣемъ теперь мы. Надобно прибавить, что они не имѣли описаній народнаго быта и экономическихъ учреждений даже въ своихъ странахъ. Тѣмъ больше славы для нихъ, что они сумѣли найти такъ много истинъ при столь скудныхъ средствахъ; но что сказать о положеніи теоріи, которая до сихъ поръ не умѣла воспользоваться безмѣрно возросшимъ богатствомъ свѣдѣній? Нечего говорить о томъ, каковы были знанія объ экономической жизни отдаленныхъ странъ, доступныя великимъ дѣятелямъ политической экономіи, если свои собственныя земли они съ экономической и статистической стороны едва ли не хуже знали, чѣмъ теперь мы знаемъ тибетскіи и туркестанскія учрежденія. Даже о Германіи и объ Испаніи они имѣли самое смутное понятіе. Россія они вовсе не знали. Не далѣе какъ 30 лѣтъ тому назадъ, никто въ цѣлой Англии не могъ понять характера поземельной собственности въ Остъ-Индіи.

Что жъ теперь сказать, если кто-нибудь воображаетъ, что теорія, которая могла существовать во время Мальтуса и Рикардо, сколько-нибудь соотвѣтствуетъ нынѣшнему развитію экономической жизни, нынѣшнему запасу статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній? Вы приходите къ господину, который сидитъ и очень усердно пишетъ. Что это вы пишете? спрашиваете вы его. — „Я пишу исторію Петра Великаго“. Какіе же у васъ матеріалы и какъ вы смотрите на вашъ предметъ? — „Я нахожу, что у Голикова нѣсколько устарѣлъ слогъ, но взглядъ совершенно правиленъ, и собственно я только передѣлываю Голикова по вкусу нынѣшней публики“. Чтб вы скажете такому господину? или, лучше сказать, можно ли говорить съ такимъ господиномъ? Это какой-то уродъ, какое-то неправдоподобное допотопное чудовище. Но изъ того, что онъ невѣжда или идіотъ, что его книги будутъ заслуживать только презрѣніе или насмѣшки, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы Голиковъ не былъ человѣкомъ, заслуживающимъ величайшей похвалы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ свое время; во для нашего времени нужны совершенно иныя вещи.

40 лѣтъ неподвижности въ теоріи такого предмета, какъ политическая экономія! Это нѣчто цеудобомыслимое, неправдоподобное, невѣроятное. Какое единственное объясненіе можетъ быть такому нелѣпому явленію? какое предположеніе неизбѣжно вызывается въ умѣ такимъ страннымъ фактомъ? Не въ одной политической экономіи, а во всѣхъ наукахъ есть школы, остающіяся при окаменѣлыхъ теоріяхъ. До сихъ поръ пишутъ историческія книги въ духѣ „Разсужденія о всеобщей исторіи“ Боссюэта; до сихъ поръ есть историки, напримѣръ французской литературы, полагающіе, что Корнель съ Расиномъ выше Шекспира, или историки русской литературы, восхищающіеся Княженинымъ и Озеровымъ. Мы очень хорошо

знаемъ, что думать о такихъ школахъ, и знаемъ, какъ объяснять отсутствіе замѣчательныхъ дѣятелей по такимъ теоріямъ. Что отжило свой вѣкъ, къ тому не обратятся живыя силы, то будетъ предметомъ любви и насыщенія для людей тупыхъ или своекорыстныхъ; около трупа собираются только коршуны и кишать въ немъ только черви. Люди съ свѣжими силами необходимо должны дѣлать что нибудь новое и свѣжее. Новиковъ, издавшій словарь русской литературы, былъ человѣкъ великаго ума и благородства; но когда занялся исторіею русской литературы такой же человѣкъ слѣдующаго поколѣнія, Н. А. Полевой, онъ не сталъ повторять мнѣній Новикова, и хотя продолжалъ его дѣло, но во многомъ прямо противорѣчилъ ему и почти во всемъ расходился съ нимъ. Когда послѣ Полеваго занялся тѣмъ же дѣломъ новый человѣкъ, Бѣлинскій, онъ опять заговорилъ совершенно новое,—и что значить теперь оставаться при мнѣніяхъ, которыя были хороши 35 лѣтъ тому назадъ, при основаніи „Телеграфа“, мы къ несчастію видимъ на братѣ Н. А. Полеваго, г. Ксенофонтѣ Полевомъ. А вѣдь и г. Ксенофонтъ Полевой былъ въ свое время человѣкомъ полезнымъ, писалъ благородно и вовсе не глупо. Не дай только Богъ никому пережить себя, служить посмѣшищемъ для новыхъ повольшій и самому пятнать свое имя и свою школу.

Мы очень хорошо знаемъ, что думать, напримѣръ о нынѣшнемъ значеніи теоріи и дѣятельности г. Ксенофонта Полеваго; знаемъ, какъ понимать его слова, что онъ и его литературные сподвижники исключительно защищаютъ чистоту вкуса, здравый смыслъ и благородство въ литературѣ, и что всѣ люди, вторыхъ они порицаютъ, должны считаться злодѣями; мы очень хорошо знаемъ, какъ объяснять то явленіе, что вотъ уже 30 лѣтъ школа, къ которой принадлежитъ г. Ксенофонтъ Полевой, не производила ни одного замѣчательнаго человѣка. Мы говоримъ: истинной критики и здраваго взгляда на литературныя явленія надобно искать въ другихъ школахъ. Школа г. Ксенофонта Полеваго потеряла способность производить что-нибудь замѣчательное, потому что отстала отъ времени.

То же самое по необходимости предполагаешь и о школѣ такъ называемыхъ экономистовъ, когда видишь, что она утратила способность имѣть въ своихъ рядахъ людей великаго ума, утратила способность открывать что-нибудь новое и развивать науку. При видѣ такого явленія необходимо предполагаешь, что внѣ ея круга, вѣроятно, возникло какое-нибудь новое направленіе науки, привлекающее къ себѣ всѣ свѣжія силы. Дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ умы, способные открывать въ предметѣ новыя стороны, всѣ гениальные писатели занимавшіеся экономическими вопросами послѣ Мальтуса и Рикардо, принадлежатъ къ противникамъ такъ называемыхъ экономистовъ. Мнѣнія этихъ гениальныхъ людей во многомъ расходятся одно съ другимъ, потому что никогда не можетъ въ двухъ самостоятельныхъ головахъ развиться совершенно одинаковый взглядъ: самостоятельные и даровитые люди именно тѣмъ отличаются отъ бездарныхъ и тупыхъ, что у каждаго изъ нихъ есть оригинальность, особенность въ образѣ мыслей. Мы не имѣемъ охоты говорить, чьихъ именно мнѣній мы держимся, и скажемъ только, что, читая книги замѣчательныхъ противниковъ господствующей школы, вы бываете поражены безспорнымъ превоедствомъ каждаго изъ этихъ людей надъ нынѣшними такъ называемыми экономистами, по отношенію къ силѣ ума. Укажемъ въ примѣръ хотя на Сисмонди, чтобы не говорить о другихъ, болѣе гениальныхъ. Сисмонди занимался одною политическою экономіею. Онъ, между прочимъ, написалъ многотомную

исторію Франціи. Въ этой книгѣ вы находите его человѣкомъ безспорно очень умнымъ и ученымъ; но, сравнивалъ съ другими современными ему историками, съ Гиво, Огюстеномъ Тьерри, Нибуромъ, вы не видите въ немъ гениальности: передъ этими, дѣйствительно великими историками, онъ кажется человѣкомъ второстепеннымъ. За то какая разница, если вы сравниваете его „Новые принципы политической экономіи“ съ сочиненіями учениковъ Смита, Мальтуса и Рикардо, — онъ кажется гигантомъ по отношенію къ нимъ. Его книга во многомъ очевидно ошибочна: но сколько въ ней новыхъ, свѣжихъ мыслей, какая сила ума, какое богатство новыхъ фактовъ, ведущихъ къ новымъ взглядамъ, какая въ ней оригинальность и свѣжесть по сравненію съ монотонными произведеніями такъ называемыхъ экономистовъ. съ этими безцвѣтными повтореніями произведеній Адама Смита, Мальтуса и Рикардо! Что же надобно думать объ умственной силѣ писателей, передъ которыми кажется гениемъ человѣкъ, далеко не имѣвшій силы быть первостепеннымъ мыслителемъ въ такой наукѣ, которая имѣла дѣятелей дѣйствительно великаго ума? Невольно рождается мысль, что жалка и мертва та школа, дѣятели которой ничтожны по уму въ сравненіи даже съ человѣкомъ второстепеннаго таланта. Мы назвали Сисмонди потому, что хвалить его очень удобно; но читатель знаетъ, что между противниками такъ называемыхъ экономистовъ онъ — человѣкъ далеко не самый замѣчательный. Каждый вспомнить многія имена, гораздо болѣе знаменитыя. Мы упомянемъ изъ нихъ одно: въ „Современникѣ“ недавно была помѣщена статья о Робертѣ Овенѣ. Вотъ, напримѣръ, мыслитель дѣйствительно великій. Читатель знаетъ, что у него были сподвижники и остаются продолжатели, достойные стоять съ нимъ рядомъ и по гениальности и по благородству стремленій.

Мы спрашиваемъ теперь: когда намъ представляются въ изслѣдованіи извѣстнаго предмета два направленія, изъ которыхъ одно служитъ только безцвѣтнымъ повтореніемъ старины, не имѣетъ между своими дѣятелями ни одного человѣка съ замѣчательнымъ умомъ, а къ другому принадлежать безъ исключенія всѣ люди гениальные, то въ которомъ направленіи мы естественно должны предполагать ближайшее родство съ потребностями времени, наибольшую теоретическую справедливость и практическую благотворность? Повторяемъ наше сравненіе: если главою одной школы вы видите г. Ксенофонта Полеваго, а въ другой школѣ такихъ людей, какъ Бѣлинскій — которую изъ двухъ школъ вы естественно должны предполагать истинною представительницею науки?

Мы не имѣемъ охоты излагать мнѣнія тѣхъ людей, которыхъ считаемъ истинными представителями экономической науки въ наше время. Мы говорили, что хотимъ только показать отношеніе нашего взгляда на экономическія явленія къ теоріи такъ называемыхъ экономистовъ, которыхъ теперь мы имѣемъ право назвать отсталыми экономистами. Мы перечислили причины, по которымъ необходимо предполагать, что ихъ теорія неудовлетворительна для нынѣшняго времени. Теперь, изъ обстоятельствъ самаго дѣла, мы постараемся вывести заключеніе о томъ, какого характера надобно ожидать отъ теоріи, соотвѣтствующей нынѣшнему положенію общества въ цивилизованныхъ странахъ.

Извѣстно, что сущность историческаго развитія въ новомъ мірѣ служитъ какъ бы повтореніемъ того самаго процесса, который шелъ въ Афинахъ и въ Римѣ; только повторяется онъ гораздо въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и имѣетъ болѣе глубокое содержаніе. Разные классы, на которые распадается населеніе государства,

одни за другими входят въ управленіе дѣлами до тѣхъ поръ, пока наконецъ водворится одинаковость правъ и общественныхъ выгодъ для всего населенія. Въ Афинахъ мы замѣчаемъ почти исключительное преобладаніе чисто-политическаго элемента: эвпатриды и демосъ спорятъ почти только изъ-за допущенія или недопущенія демоса къ политическимъ правамъ. Въ Римѣ является уже гораздо сильнѣйшая примѣсь экономическихъ вопросовъ: споръ о сохраненіи общественной земли, объ огражденіи пользованія ею для всѣхъ имѣющихъ на нее право, идетъ рядомъ съ борьбою за участіе въ политическихъ правахъ и наполняетъ собою всю римскую исторію до самаго конца республики. Лициній Столонъ и Гракхи имѣли продолжателей въ Маріѣ и Цезарѣ. Въ новомъ мірѣ экономическая сторона равноправности достигаетъ наконецъ полного своего значенія, и въ послѣднее время политическія формы главную свою важность имѣютъ уже не самостоятельнымъ образомъ, а только по своему отношенію къ экономической сторонѣ дѣла, какъ средство помочи экономическимъ реформамъ или задержать ихъ.

Въ новомъ мірѣ процессъ развитія не только обширнѣе и глубже, но и многосложнѣе, чѣмъ въ классической древности. Въ Афинахъ мы видимъ только эвпатридовъ и демосъ, въ Римѣ только патриціевъ и плебеевъ; въ новомъ обществѣ мы находимъ не два, а три сословія. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою политическую и свою экономическую систему. О политическихъ формахъ мы не будемъ говорить, а займемся только характеромъ экономическихъ учреждений. Высшее сословіе, съ экономической стороны, представляется сословіемъ поземельныхъ собственниковъ. При его владычествѣ господствуетъ теорія приобрѣтенія богатствъ поередствомъ насилія. Въ отношеніи въ чужимъ народамъ эта цѣль достигается войною, въ своей собственной странѣ посредствомъ права владѣльца на собственность людей, населяющихъ его землю, словомъ сказать, посредствомъ того, что въ западной Европѣ называлось феодальными учрежденіями. Характеръ этого быта не допускалъ высокаго экономическаго развитія, потому и экономическая наука была мало развита; но все-таки тѣ времена имѣли свою экономическую теорію. Она выражалась въ томъ, что человѣку свободному (свободнымъ человѣкомъ, по настоящему, былъ тогда только феодалъ) не слѣдуетъ заниматься производствомъ. Онъ долженъ быть только потребителемъ. Масса его соотечественниковъ и всѣ остальные народы существуютъ только для того, чтобы производить для него, а не для себя, предметы потребленія. Обширнаго научнаго развитія достигла только одна часть этой системы, называемая меркантильной теоріей. Сущность ея состоитъ въ томъ, чтобы брать у другихъ, не давая имъ ничего въ замѣнъ. Въ тѣ времена, при слабомъ развитіи кредита, звонкая монета, конечно, должна была имѣть всю ту важность, какая нынѣ принадлежитъ биржамъ, банкирамъ и вексельнымъ оборотамъ. Натурально было, что накопленіемъ драгоцѣнныхъ металловъ дорожили тогда точно такъ же, какъ нынѣ дорожатъ упроченіемъ и возвышеніемъ кредита. Меркантильная система, вытекавшая изъ понятія „надобно брать, не давая ничего въ обмѣнъ“, натурально должна была примѣнять эту идею къ драгоцѣннымъ металламъ, и потому говорила, что надобно всячески стараться, чтобы ввозъ серебра и золота былъ какъ можно больше, а вывозъ какъ можно меньше.

Феодальныя учрежденія были низвергнуты, когда среднее сословіе достигло участія въ государственныхъ правахъ, и по своей многочисленности, конечно, стало преобладать надъ высшимъ, лишь только было допущено къ раздѣленію власти.

Въ Англии среднее сословіе достигло такого положенія въ половинѣ XVII вѣка и только въ это время были низвергнуты значительнѣйшія изъ феодальныхъ учреждений *). Благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, вынуждавшему англійскую аристократію къ уступчивости, среднее сословіе до послѣдняго времени само обращалось съ нею снисходительнѣе, чѣмъ во Франціи, потому она сохранила огромную политическую силу. Соотвѣтственно сохраненію очень единаго вліянія высшаго сословія на политическія дѣла, въ Англии сохранились и феодальныя учрежденія въ значительной степени. Земля осталась въ рукахъ аристократіи; аристократы, какъ лендлорды, сохранили господство надъ общественными дѣлами сельскаго населенія и огромное участіе въ составѣ палаты общинъ, которая стала верховною властью. По уступчивости аристократіи долго сохранялось фактическое преобладаніе ея въ государствѣ, и только послѣ цѣлаго вѣка непрерывныхъ малыхъ приобретеній все большаго и большаго участія въ дѣлахъ, среднее сословіе дѣйствительно стало господствовать надъ ними, хотя юридически могло господствовать съ половины XVII вѣка. Къ тому времени, когда среднее сословіе приобрѣло фактическій перевѣсъ надъ высшимъ въ государственныхъ дѣлахъ, т. е. къ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, относится и возникновеніе новой экономической теоріи, до сихъ поръ пользующейся привилегією на имя политической экономіи, какъ будто она единственная теорія экономическихъ учреждений. Духъ ея совершенно соотвѣтствуетъ положенію средняго сословія въ обществѣ и роду его занятій. Среднее сословіе составляютъ хозяева промышленныхъ заведеній и торговцы; потому важнѣйшими изъ экономическихъ явленій школа Адама Смита признаетъ расширеніе размѣра фабрикъ, заводовъ и вообще промышленныхъ заведеній, имѣющихъ одного хозяина съ толпою наемныхъ работниковъ, и развитіе община. Для отсталыхъ экономистовъ, которые сами не понимаютъ духа своей теоріи, можетъ показаться страннымъ, что мы заботою ихъ теоріи ставимъ не развитіе производства вообще, а именно развитіе той формы его, успѣхи которой измѣняются расширеніемъ оборотовъ каждаго отдѣльнаго хозяина. Читатель, привыкшій наблюдать точныя черты явленій, не ограничиваясь отвлеченностями, не составляющими ихъ специальности, легко пойметъ, почему мы выразились именно такимъ образомъ. Возьмемъ въ примѣръ хлопчато-бумажную промышленность, которая справедливо составляетъ любимый предметъ панегриковъ отсталой школы. Кто не знаетъ, что возрастаніе хлопчато-бумажной промышленности состояло не въ увеличеніи числа хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, а въ расширеніи объема каждой изъ нихъ? Здѣсь было бы слишкомъ длинно объяснять, почему такое явленіе принадлежитъ всѣмъ отраслямъ промышленности, развивающимся при господствѣ средняго сословія. Притомъ каждому читателю извѣстно, что чѣмъ значительнѣе капиталъ извѣстнаго лица, тѣмъ меньшими процентами можетъ оно довольствоваться; что чѣмъ обширнѣе размѣръ промышленнаго заведенія, тѣмъ дешевле и лучше производство, благодаря полнѣйшему раздѣленію труда и дѣйствию болѣе сильныхъ и совершенныхъ машинъ. Итакъ мы сказали, что расширеніе размѣра промышленныхъ заведеній и развитіе община составляетъ главную заботу господствующей политико-экономической

*) Важнѣйшія азъ феодальныхъ повинностей были отменены при Кромвелѣ и главнымъ условіемъ при возвращеніи Стюартовъ было то, чтобы они признали законность этой экономической реформы.

теоріи. Эта забота совершенно соотвѣтствуетъ положенію людей, господствующихъ надъ общественною жизнію въ цивилизованныхъ странахъ. Люди эти, какъ ны уже сказали, хозяева промышленныхъ заведеній и купцы. Разумѣется, дѣла каждаго купца развиваются пропорціонально общему развитію торговли, а богатства промышленника возрастаютъ пропорціонально обширности его заведеній. Для достиженія той и другой цѣли могущественнѣйшіи пособіемъ служатъ биржевые обороты, банки и банкирскіе дома, потому ихъ интересы также чрезвычайно дороги для господствующей теоріи. Соотвѣтственно этимъ главнымъ предметамъ вниманія, господствующая экономическая теорія въ своемъ чистомъ видѣ почти исключительно занимается вопросами: о раздѣленіи труда, какъ пути, которыми расширяются промышленныя заведенія, о свободной торговлѣ, о банковыхъ оборотахъ, объ отношеніи звонкой монеты къ бумажнымъ цѣнностямъ разнаго рода. Успѣшность занятій банкира, купца и хозяина промышленнаго заведенія зависитъ не отъ собственныхъ его потребностей, а просто отъ обширности круга людей, требующихъ его посредничества или покупающихъ его произведенія. Потому главная забота каждаго изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы расширить свой рынокъ. Изъ этого возникаютъ два противоположныя направленія: съ одной стороны, потребность мирныхъ отношеній со всѣми посторонними его ремеслу людьми, нерасположеніе къ войнѣ, затрудняющей доступъ на иностранныя рынки, ведущей къ коммерческимъ кризисамъ, — съ другой стороны, стремленіе отбить покупателей у другихъ промышленниковъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ, какъ онъ, то есть въ сущности заиѣнѣ физической иноземной войны коммерческою междоусобною войною внутри каждаго промысла, — въ банкирскихъ оборотахъ между домами, встрѣчающимися на одной биржѣ; въ торговлѣ между купцами одного торговаго округа и одного рода торговли; въ промышленности между фабрикантами или заводчиками одного рода занятій. Сообразно этому, господствующая экономическая теорія провозглашаетъ владычество конкуренціи, то есть заботы каждаго производителя о томъ, чтобы подорвать другихъ производителей; но съ тѣмъ вмѣстѣ она довазываетъ, что благосостояніе каждаго народа возвышается отъ благосостоянія другихъ народовъ, потому что чѣмъ богаче они, тѣмъ больше покупаютъ у него товаровъ. Подобнымъ образомъ она доказываетъ, что чѣмъ успѣшнѣе идутъ промыслы въ народѣ вообще, тѣмъ выгоднѣе для каждаго отдѣльнаго промысла, для продуктовъ котораго внутренний рынокъ становится тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше благосостояніи въ обществѣ. Но, проповѣдая такую заботливость объ иностранцахъ и постороннихъ людяхъ, какъ потребителей, господствующая политико-экономическая теорія не видитъ возможности отвратить разорительную междоусобицу производителей, занимающихся однимъ дѣломъ. Соперничество, какъ орудіе этой междоусобной войны, принимаетъ между прочимъ форму спекуляціи, которая постоянно стремится къ безразсудному риску и къ коммерческому обману; это стремленіе промышленной и торговой дѣятельности періодически производитъ кризисы, въ которыхъ погибаетъ значительная часть произведенныхъ цѣнностей, и во время которыхъ подвергается страшнымъ страданіямъ масса, живущая заработною платою. Но такой характеръ производства и торговли неизбѣженъ при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, когда производство находится подъ властью хозяевъ и купцовъ, благосостояніе которыхъ зависитъ не отъ потребления, а просто только отъ сбыта товаровъ изъ своихъ рукъ: при такомъ посылкѣ дѣла произволство

разсчитывается не по истинной своей цѣли, а только по одному изъ посредствующихъ фазисовъ. Политическая экономія, замѣчая неизбѣжную связь спекуляціи и коммерческихъ кризисовъ съ нынѣшнимъ порядкомъ дѣлъ, выставляетъ ихъ вещами неизбѣжными и неотвратимыми. Изъ трехъ элементовъ, участвующихъ въ производствѣ цѣнностей, недвижимая собственность и въ особенности земля принадлежатъ высшему классу, не участвующему прямымъ образомъ въ производствѣ; оборотный капиталъ вносится въ производство среднимъ классомъ, такъ называемыми антрепренёрами, мануфактуристами, заводчиками и фермерами; трудъ почти весь совершается простымъ народомъ, который въ политическомъ отношеніи до сихъ поръ служилъ только орудіемъ для средняго и высшаго сословія въ ихъ взаимной борьбѣ, не сохраняя постоянного независимаго положенія въ политической исторіи. Среднее сословіе естественно придаетъ наибольшее значеніе тому элементу производства, вторымъ владѣетъ само. Сообразно этому господствующая теорія выставляетъ интересѣйшимъ элементомъ производства оборотный капиталъ, доказывая, что безъ него невозможно успѣшное приложеніе труда къ матеріи, то есть земля останется непродуцательной, а работники не найдутъ себѣ занятія. Но съ высшимъ сословіемъ средній классъ, несмотря на взаимную борьбу, находится въ отношеніяхъ болѣе пріязненныхъ, нежели съ простымъ народомъ. Во-первыхъ, если средній классъ еще не совершенно уничтожилъ всякую самобытность въ высшемъ сословіи и не совершенно поглотилъ его въ себѣ, если все еще долженъ вести съ нимъ борьбу, то уже очень хорошо чувствуетъ, что имѣетъ рѣшительный перевѣсъ въ ней; съ каждымъ годомъ во всѣхъ странахъ средній классъ торжествуетъ экономическія побѣды и часто наноситъ политическія пораженія своему сопернику. Выигрывающій и побѣждающій натурально расположенъ быть снисходительнымъ къ изнемогающему противнику, близкую смерть котораго предвидитъ. Кромѣ того банкиры, купцы и мануфактуристы имѣютъ съ высшимъ сословіемъ много личныхъ связей; они равны ему по богатству, ведутъ одинаковый образъ жизни, встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же салонахъ, сидятъ рядомъ въ театрахъ; почти всѣ лица одного сословія имѣютъ родственниковъ и пріятелей въ другомъ; и наконецъ это сліяніе дошло уже до того, что множество лицъ, принадлежащихъ по происхожденію къ высшему сословію, занялись промышленною дѣятельностью, а множество лицъ средняго сословія обратили часть своихъ движимыхъ капиталовъ въ недвижимую собственность. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно смягчаютъ враждебность средняго сословія противъ высшаго; но еще сильнѣе дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ существенная одинаковость ихъ положенія въ дѣлѣ распредѣленія цѣнностей при нынѣшнемъ порядкѣ. Мы видѣли противоположность ихъ отношеній къ производству: собственникъ - феодалъ пользуется рентою и получаетъ, ничего не давая въ обмѣнъ; нупецъ и хозяинъ промышленнаго заведенія пріобрѣтаютъ богатство посредствомъ обмѣна: они покупаютъ одинъ предметъ и продаютъ другой, берутъ сырой матеріалъ и возвращаютъ обработанный продуктъ, мѣняютъ товары на деньги, мѣняютъ кредитъ на деньги и на товары, даютъ простолудину деньги, покупая его трудъ. Въ этомъ отношеніи между антрепренёромъ и собственникомъ большая разница. Но сходство между ними то, что часть цѣнностей, поступающая къ собственнику безъ обмѣна, или остающаяся въ рукахъ антрепренёра послѣ обмѣна, далеко превышаетъ своимъ размѣромъ то количество цѣнностей, какое производится въ этомъ обществѣ трудомъ одного еѣ-

мейства или, точнѣ говоря въ экономическомъ смыслѣ, трудомъ одного работника. Фабрикантъ, получающій, напримѣръ, въ Англіи тысячу фунтовъ ежегоднаго дохода, принадлежитъ къ самымъ мелкимъ фабрикантамъ; а между тѣмъ для произведенія прибыли въ тысячу фунтовъ нуженъ трудъ десяти и двадцати работниковъ. Такимъ образомъ по распредѣленію цѣнностей общество распадается на два разряда: экономическое положеніе одного изъ нихъ основывается на томъ, что въ рукахъ каждаго изъ его членовъ остается количество цѣнностей, производимое трудомъ многихъ лицъ втораго разряда; экономическое положеніе людей втораго разряда состоитъ въ томъ, что часть цѣнностей, производимыхъ трудомъ каждаго изъ его членовъ, переходитъ въ руки лицъ перваго разряда. Очевидно, каково должно быть отношеніе интересовъ между этими разрядами: одинъ долженъ желать увеличенія, а другой уменьшенія и приведенія къ нулю той части цѣнностей, которая переходитъ отъ лицъ втораго разряда къ лицамъ перваго. Эта общность интересовъ высшаго и средняго сословія по отношенію къ массѣ, служитъ самымъ твердымъ залогомъ снисходительности промышленниковъ къ собственникамъ. Сообразно этой мирной основѣ, лежащей подъ оболочкою враждебности, господствующая теорія признаетъ экономическое достоинство собственности, какъ наслѣдственнаго факта, который даетъ право на часть производимыхъ цѣнностей, безъ всякаго дѣятельнаго участія въ производствѣ ихъ со стороны собственника. Тотъ фактъ, что извѣстное лицо получило извѣстную недвижимую собственность, уже влѣбается этому лицу въ заслугу, за которую оно должно получать постоянное вознагражденіе, называемое рентою. Уступая такую привилегію недвижимой собственности, принадлежащей главнымъ образомъ высшему сословію, средній классъ натурально долженъ былъ выставлять дѣломъ совершенно необходимымъ подобную же выгоду отъ простаго, бездѣятельнаго обладанія движимою собственностью (деньгами и кредитными бумагами), принадлежащею главнымъ образомъ ему самому. Сообразно этому господствующая теорія принимаетъ неизбежность процентовъ и доказываетъ, что человѣкъ долженъ считаться очень полезнымъ вленомъ экономического общества, когда, получивъ движимый или недвижимый капиталъ, проводитъ свою жизнь какъ потребитель, не принимая дѣятельнаго участія въ производствѣ, и видитъ свой капиталъ не уменьшающимся: она говоритъ, что рента и проценты имѣютъ свойство содержать собственника или капиталиста безъ убытка для общества, хотя бы онъ только потреблялъ, а самъ не производилъ ничего. При такихъ повлтіяхъ объ участіи собственности и оборотнаго капитала въ производствѣ, конечно не очень много мѣста остается въ теоріи на долю труда. Мы видѣли, что въ политической жизни простой народъ до сихъ поръ служилъ только орудіемъ для высшаго и средняго сословія, не имѣя прочнаго самостоятельнаго значенія; точно такъ и господствующая экономическая теорія смотритъ на трудъ, принадлежность простаго народа, только какъ на орудіе, которымъ пользуются для своего увеличенія собственность и оборотный капиталъ. Мы видѣли, что высшее и среднее сословія имѣютъ въ распредѣленіи цѣнностей прямой интересъ уменьшать долю труда, потому что ихъ собственную долю составляетъ сумма продуктовъ, за вычетомъ части отдаваемой труду; точно такъ и теорія говоритъ, что продукты должны принадлежать владѣльцамъ собственности и оборотнаго капитала, а работникамъ можетъ быть выдаваема на продовольствіе лишь такая часть изъ производимыхъ ими цѣнностей, какая будетъ найдена воз-

можной по интересамъ собственности и оборотнаго капитала, подъ вліяніемъ соперничества.

Послѣдователи господствующей системы могутъ быть недовольны такимъ изложешемъ характера своей теоріи; но читатель, знакомый съ ихъ сочиненіями, видитъ, что всѣ черты, нами исчисленныя, дѣйствительно принадлежать этой теоріи. Определить сущность ея, по нашему мнѣнію, очень легко: эта теорія выражаетъ взглядъ и интересы капиталистовъ, ведущихъ промышленныя и торговыя дѣла и отчасти уже сдѣлавшихся владѣльцами недвижимаго имущества, а вообще проникинутыхъ снисходительностью къ побѣждаемому врагу, феодальному сословію, которое оказывается ихъ союзникомъ въ вопросѣ о распредѣленіи цѣнностей. Теорія самихъ феодаловъ выражала интересы людей совершенно чуждыхъ производству и понятію обмена; потому мало найдется въ ней пригоднаго для экономическихъ потребностей общества, и мы совершенно согласны съ остальными экономистами въ томъ, что меркантильная система была ошибочна въ своихъ основахъ. Этого нельзя сказать о теоріи остальныхъ экономистовъ. Въ ней есть элементы совершенно справедливыя, и для того чтобы получить теорію, удовлетворяющую истиннымъ условіямъ общественнаго благосостоянія, нужно только со всею точностью развить основныя идеи, изъ которыхъ выходитъ господствующая система, но которыя или не хотятъ она развивать, или подавляетъ примѣсью враждебныхъ съ ними понятій.

Мы видѣли, что господствующая теорія соотвѣтствуетъ потребностямъ средняго сословія, существенную принадлежность котораго составляетъ оборотный капиталъ и которое источникомъ своихъ богатствъ имѣетъ участіе въ производствѣ. При такомъ основаніи теорія капиталистовъ должна была начать анализомъ понятій производства и капитала. Результатомъ анализа былъ выводъ, что всякая цѣнность создается трудомъ и что самый капиталъ есть произведеніе труда. Нужно не Богъ-знаетъ какое глубокое знакомство съ философскими приемами, чтобы видѣть, къ чему приводитъ развитіе этихъ положеній. Если всякая цѣнность и всякій капиталъ производятся трудомъ, то очевидно, что трудъ есть единственный виновникъ всякаго производства, и всякія фразы объ участіи движимаго или недвижимаго капитала въ производствѣ служатъ только измѣненіями мысли о трудѣ, какъ единственномъ производителѣ. Если такъ, то трудъ долженъ быть единственнымъ владѣльцемъ производимыхъ цѣнностей. Вывода, нами представленнаго, конечно не хотятъ принять остальные экономисты, но онъ необходимо слѣдуетъ изъ основныхъ понятій о цѣнности, капиталѣ и трудѣ, найденныхъ Адамомъ Смитомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если результатъ принципа не былъ замѣченъ тѣмъ мыслителемъ, который высказалъ принципъ: въ исторіи наукъ самое обыкновенное явленіе то, что у одного человѣка не достаетъ силы и открыть принципъ и послѣдовательно развить его; по принципу раздѣленія труда, принимаемому остальными экономистами, такъ и должно быть. Одни люди кладутъ фундаментъ, другіе строятъ стѣны, третьи кладутъ крышу и уже четвертые отдѣлываютъ домъ такъ, чтобы онъ былъ пригоденъ для жилья. Адаму Смиту тѣмъ легче было не предвидѣть логическихъ послѣдствій найденнаго имъ принципа, что въ тѣ времена у сословія, которому принадлежитъ трудъ, не было, ни въ Англіи, ни во Франціи, никакихъ стремленій къ самостоятельному историческому дѣйствованію и оно было въ тѣсномъ союзѣ съ среднимъ сословіемъ, съ владѣльцами оборотнаго капитала,

пользовавшимися помощью простолюднновъ для своей борьбы съ высшимъ еословіемъ. Это были времена, когда Вольтеръ и Даламберъ покровительствовали Жанъ-Жаку Руссо; когда откупщикъ Эльвееусъ былъ амфитріономъ всѣхъ прогрессистовъ. Адамъ Смитъ былъ въ сущности ученикомъ французскихъ энциклопедистовъ; и какъ они воображали, что народу не нужно ничего иного, кромѣ тѣхъ вещей, которыя были нужны для буржуазіи, и какъ народъ самъ не замѣчалъ еще тогда, что его потребности не во всемъ сходны съ интересами средняго сословія, шедшаго тогда во главѣ его на общую борьбу противъ феодаловъ, такъ и Адамъ Смитъ не замѣтитъ разницы между еодержаніемъ своей теоріи, соотвѣтствовавшей экономическому положенію средняго сословія, съ основнымъ своимъ ученіемъ о трудѣ, какъ источникѣ всякой цѣнности. То были времена, когда требованія средняго сословія выводились изъ демократическихъ принциповъ и оживлялись мыслями, говорившими о человѣкѣ вообще, а не о торговцѣ, фабрикантѣ или банкирѣ.

Читателю извѣстно, не хуже насъ, что съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось. Возьмемъ въ примѣръ исторію Франціи. Въ 1789 году ученики Монтескье подавали руку ученикамъ Руссо и апплодировали парижскимъ простолюдинамъ, штурмовавшимъ Бастилію. Черезъ нѣсколько лѣтъ они уже составляли заговоры для возстановленія Бурбоновъ. Во время реставраціи они опять соединились на нѣкоторое время съ народомъ, для низверженія восресавшагося феодализма. но съ 1830 г. разрывъ сталъ окончательнымъ и безвозвратнымъ. Въ 1848 году среднее сословіе постоянно дѣйствовало за одно съ аристократіею. Въ Англіи разрывъ не до такой степени замѣтенъ для поверхностнаго наблюдателя, потому что побѣда средняго сословія надъ феодалами еще не такъ полна, и оно принуждено было прибѣгать въ помощи простаго народа при проведеніи парламентской реформы въ 1832 году и при уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ въ 1846. Но и въ Англіи мы видимъ, что работники составляютъ между собою громадныя союзы для самостоятельнаго дѣйствованія въ политическихъ и особенно экономическихъ вопросахъ. Партія хартистовъ иногда примыкаетъ къ парламентскимъ либераламъ и крайніе парламентскіе либералы бывають иногда ораторами простонародныхъ требованій, если не въ экономическомъ, то въ политическомъ отношеніи. Но, несмотря на эти союзы, среднее сословіе и работники издавна держатъ себя, уже и въ Англіи, какъ двѣ разныя партіи, требованія которыхъ различны. Открытая ненависть между простолюдинами и среднимъ сословіемъ во Франціи произвела въ экономической теоріи коммунизмъ. Англійскіе писатели утверждаютъ, что послѣ Овена коммунизмъ не находилъ значительныхъ представителей въ ихъ литературѣ, и это отсутствіе смертельной вражды между теоретиками соотвѣтствуетъ отсутствію непримиримой ненависти между англійскими работниками и среднимъ сословіемъ. Но если англійскіе экономисты не находятъ въ своей литературѣ современныхъ мыслителей, подобныхъ Прудону, то въ практикѣ промышленныя союзы (Trade's Unions) работниковъ представляютъ очень много соотвѣтствующаго теоріямъ, которыя у французовъ называются коммунистическими. Въ Англіи, гдѣ не любятъ давать гюмкихъ именъ вещамъ, эти союзы подвергаются упреку въ коммунистическихъ сремленіяхъ только при особенныхъ случаяхъ, каковы, на примѣръ, колоссальныя с казн отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы. При взглядѣ на дѣло, болѣе спокойномъ, чѣмъ во Франціи, могутъ въ

английской литературы сохранять, благодаря своему спокойному тону, названіе экономистовъ, вѣрныхъ системъ Адама Смита и Рикардо, такіе писатели, идеи которыхъ, если бы выражены были на французскомъ языкѣ съ полемическою горячностью, подвергли бы своихъ авторовъ проклятію всѣхъ такъ называемыхъ экономистовъ Франціи. Забѣчательнѣйшій изъ этихъ английскихъ писателей, безъ особеннаго шума вводящихъ въ науку новые взгляды, — Джонъ Стюартъ Милль. Мы никакъ не думаемъ, чтобы его теорія была вполнѣ удовлетворительна. Онъ человекъ безспорно очень забѣчательнаго ума и безвѣрно выше всѣхъ французскихъ экономистовъ; но умъ его силенъ только въ логическомъ развитіи подробностей. Онъ превосходно разъясняетъ частныя истины, но создать новую систему, дойти до повѣрки основныхъ принциповъ и пополнить ихъ онъ не въ состояніи. Онъ говоритъ, напрямѣръ, что всѣ возраженія экономистовъ противъ коммунизма не выдерживаютъ критики; а между тѣмъ онъ только исправляетъ и дополняетъ въ частныхъ случаяхъ ту теорію, односторонность которой доказана писателями, по его собственнымъ словамъ, неопровержимыми въ сущности своихъ мыслей. Почему же онъ не перестроилъ всю теорію съ самыхъ основаній? Очевидно, у него нѣтъ силы отдѣлать сущность новыхъ мыслей отъ ихъ полемической и декламаторской формы, перевести французское ораторство на холодную теоретическую рѣчь и согласить новыя мысли со старыми. Во всякомъ случаѣ, политическая экономія у него далеко не похожа по своему духу на то, что называется политической экономіей у остальныхъ французскихъ экономистовъ.

Мы говорили, что у французскихъ экономистовъ, слѣдовавшихъ за Жаномъ Батистомъ Сэ, нельзя найти ни одной свѣжей мысли, что ихъ сочиненія содержатъ только безцвѣтное повтореніе мыслей, высказанныхъ Адамомъ Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Но какимъ бы раболѣпнымъ переписчикомъ старыхъ книгъ ни былъ новый писатель, онъ никакъ не можетъ остережеться отъ вліянія глѣвоторыхъ мыслей, принадлежащихъ его собственному времени; потому у французскихъ экономистовъ та теорія, вѣрность которой думаютъ они соблюсти, представляется съ искаженіями двойнаго рода. Адамъ Смитъ и Рикардо, когда писали свои произведенія, вовсе не думали о коммунистическихъ теоріяхъ, которыя во время Смита не существовали, а во время Рикардо казались невинною шуткою, не обращавшею на себя ничьего серьезнаго вниманія. Ныгѣшній французскій экономистъ, которому каждая блуза, встрѣчаемая на улицѣ, представляется символомъ коммунизма, грозящаго разрушеніемъ французскому обществу, который былъ нѣсколько разъ въ пухъ и прахъ побить Прудономъ, осмѣявшимъ его, выставившимъ его передъ публикой за идіота и невѣжду, — французскій экономистъ не можетъ ни одной буквы написать, не думая о коммунизмѣ. Какъ побѣдить этого ненавистнаго врага? Онъ самъ не одаренъ такими умственными силами, чтобы составить теорію, которая удовлетворяла бы его желанію опровергнуть коммунизмъ; онъ можетъ только переписывать старую теорію. Но при этомъ онъ вычеркиваетъ изъ нея все, что, по его мнѣнію, можетъ служить подтвержденіемъ коммунизму: онъ искажаетъ и опредѣленія и факты, чтобы предохранить своихъ читателей отъ коммунистической заразы; особенно отличался въ этомъ Вагетіа. Адамъ Смитъ или Рикардо ужаснулись бы, увидѣвъ себя въ его передѣлкахъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ французскій экономистъ не въ силахъ разобратъ, что въ его собственной головѣ засѣли разные клочки коммунистическихъ теорій, и среди искаженнаго повторенія мыслей, на-

примѣръ Адама Смита, вы вдругъ находите страницу, отъ которой такъ и вѣетъ коммунизмомъ, впрочемъ, также искаженнымъ *).

Французскіе экономисты, вклеивающіе въ свои книги все больше и больше страницъ изъ коммунистической теоріи, нисколько не сообразныхъ съ общими направленіемъ сочиненій, повазываютъ невозможность охранить прежнюю теорію отъ новыхъ идей. Англійскіе экономисты, и особенно Милль, прямо говорятъ о необходимости передѣлать ее, хотя и не имѣютъ силъ для исполненія такой задачи. Но изъ ихъ передѣлокъ и вставокъ можно видѣть, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать полной передѣлки. Мы попробуемъ представить краткій очеркъ теоріи, которая рождается изъ послѣдовательнаго логическаго развитія идей Адама Смита о трудѣ, какъ о единственномъ производителѣ всякой цѣнности. Читатель конечно не будетъ удивленъ, если наши опредѣленія будутъ иногда отличаться отъ опредѣленій обычныхъ для отсталой экономической школы.

Надобно начать съ разъясненій понятій о трудѣ производительномъ и непродуктивномъ. Производительнымъ трудомъ мы называемъ тотъ, результатомъ котораго бываютъ продукты, нужные для благосостоянія человѣка; непродуктивнымъ тотъ, результатомъ котораго не увеличивается благосостояніе. Очевидно, что тутъ многое зависитъ отъ того, чье благосостояніе ставится мѣриломъ производительности. Воровство очень производительный промыселъ для ловкаго вора; но благосостояніе общества не увеличивается отъ воровства, потому для него это дѣло непродуктивно, съ какою бы усердіемъ, и ловкостью, и прибылью ни велось ворами. Политическая экономія, если имѣетъ претензію на имя науки, конечно, должна разсматривать предметъ съ общей точки зрѣнія, имѣть въ виду выгоды общества, націи, человѣчества, а не какой нибудь частной корпораціи. Потому производительнымъ трудомъ мы называемъ только такой, продуктами котораго возвышается благосостояніе общества. Благосостояніе можетъ возвышаться только при расчетливости, а расчетливость находитъ убыточнымъ всякое дѣло, которымъ отнято время и силы отъ другаго болѣе выгоднаго дѣла. Напримѣръ, если плотникъ, который можетъ получать одинъ рубль въ сутки, займется мастерствомъ приносящимъ только восемьдесятъ копѣекъ, онъ поступитъ нерасчетливо и займется работою убыточною для него. Чтобы видѣть, какого рода трудъ можетъ считаться выгоднымъ для общества, то есть производительнымъ, надобно знать положеніе и потребности общества. Извѣстно, что потребности человѣка раздѣляются на необходимыя и прихотливыя. Если, напримѣръ, имѣть за обѣдомъ мясо составляетъ потребность дѣйствительную, то имѣть мясо, приправленное трюфлями, есть уже прихоть. Списокъ первыхъ существенныхъ потребностей человѣка не очень длиненъ; въ нашихъ климатахъ для здоровья необходимо: довольно просторное и опрятное жилище, хорошее отопленіе, теплая одежда, и пища, которая бы своимъ питательнымъ достоинствомъ равнялась пшеницѣ и мясу. Итакъ; пока всѣ члены общества не имѣютъ удовлетворенія этимъ первымъ потребностямъ, трудъ, обра-

*) Въ примѣръ укажемъ на опредѣленіе цѣнности у Бастиа. Онъ страшно ругаетъ противъ Прудона, и самъ того не замѣчая, принимаетъ опредѣленіе, данное Прудономъ, только уродуетъ его такъ, что вмѣсто внутренней цѣнности (*value en usage*) выводитъ изъ него мѣняемую цѣнность (*value en échange*); перепутавъ эти вещи, онъ начинаетъ излагать теорію обмена услугъ такимъ образомъ, что можно только удивляться, какъ онъ самъ не замѣтилъ ея несообразности ни съ его собственными намѣреніями, ни съ самими простыми понятіями о внутренней цѣнности и объ издержкахъ производства.

щаемый на производство предметов, служащих на удовлетворение потребностей болѣе изнеканныхъ и менѣе важныхъ для здоровья, употребляется нерасчетливо, убыточно, непроизводительно. Положимъ, напримѣръ, что въ извѣстномъ обществѣ не всѣ имѣютъ крѣпкое и теплое платье; положимъ, что на производство такого платья для одного человѣка па цѣлый годъ нужно десять рабочихъ дней или, оцѣняя каждый день въ одинъ рубль серебромъ, годовая цѣнность удовлетворительнаго платья составляетъ 10 р. с. Положимъ, что это общество состоитъ изъ ста человѣкъ и употребляетъ на производство платья 1,000 рабочихъ дней. Теперь, если одинъ изъ членовъ этого общества будетъ носить такое платье, что станетъ расходовать на него 50 руб., это значитъ, что трудъ для удовлетворенія его потребности одѣваться занимаетъ въ обществѣ 50 рабочихъ дней. Это значитъ, что на производство одежды для остальныхъ членовъ общества остается только 950 дней, между тѣмъ какъ вужно было бы 990 дней, чтобы одѣть ихъ удовлетворительнымъ образомъ. Ясно, что первая потребность нѣкоторыхъ членовъ общества не будетъ удовлетворена надлежащимъ образомъ, что они будутъ нуждаться въ платьѣ. Изъ этого надобно заключать, что работники, употребившіе 50 дней на изготовленіе платья, трудились непроизводительнымъ для общества образомъ, хотя бы и получили за свой трудъ надлежащее вознагражденіе. Ихъ трудъ имѣлъ направленіе невыгодное для общества, и изъ 50 рабочихъ дней, употребленныхъ ими на этотъ трудъ, 40 дней составляютъ чистую потерю для общества.

Изъ этого надобно выводить такое правило: весь трудъ, употребленный на производство продуктовъ, стоимость которыхъ выше другаго сорта тѣхъ же продуктовъ, удовлетворительнаго для здоровья, надобно называть непроизводительнымъ при настоящемъ положеніи общества, когда нѣкоторые изъ членовъ его еще имѣютъ недостатокъ въ продуктахъ, необходимыхъ для здороваго образа жизни. Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 р. сер., отнимаетъ у общества пудъ говядины, потому что ея производство взяло столько же времени, сколько бы вужно для произведенія пуда говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 р. сер., отнимаетъ у кого нибудь теплую шубу, потому что на производство этого аршина сукна потрачено время, которое было бы достаточно для производства простой, но теплой шубы.

Господствующая экономическая теорія очень близка къ подобному воззрѣнію, но никакъ не умѣетъ достигъ до того, чтобы ясно сознать его. Она запутывается въ соображеніяхъ, которыя имѣютъ какой-то меркантильный характеръ. Деньги, обмѣнъ, плата за услугу, удовлетворительность вознагражденія для работавшихъ, — эти второстепенныя понятія затемняютъ для нея коренную сущность дѣла, а сущность дѣла состоитъ просто вотъ въ чемъ: нація, имѣющая извѣстное число людей способныхъ въ работѣ, располагаетъ извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней. Каждый рабочий день, употребленный на удовлетвореніе прихоти или роскоши, пропасть для производства продуктовъ, удовлетворяющихъ первымъ потребностямъ. Если нація употребляетъ половину своего рабочаго времени на производство предметовъ роскоши, — а предметами роскоши надобно назвать всѣ тѣ, которые не идутъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей или хотя идутъ на удовлетвореніе ихъ, но имѣютъ стоимость превышающую цѣнность производства другаго сорта тѣхъ же предметовъ, удовлетворяющаго условіяамъ гигиены, — если нація употребляетъ половину своего рабочаго времени на производство предметовъ роскоши, тогда не

удовлетворены надлежащимъ образомъ первыя потребности всѣхъ ея членовъ, она расточаетъ половину своего времени непроизводительнымъ образомъ, она поступаетъ подобно человѣку, который сталъ бы голодать половину дней, чтобы имѣть роскошный столъ въ другіе дни, который тратилъ бы на перчатки половину своего дохода и мерзнулъ бы зимою безъ теплой одежды.

Если хотите, вся сущность новой теоріи заключается въ такомъ взглядѣ на различные роды экономической дѣятельности. Все остальное служить въ ней—или развитіемъ этого основнаго требованія, вовсе не чуждаго и прежней теоріи, или опредѣленіемъ средствъ для того, чтобы приблизиться къ его исполненію.

Само собою разумѣется, что средствъ этихъ нужно искать въ порядкѣ распредѣленія цѣнностей. Если я имѣю средства платить 40 рублей въ зиму за абонементъ кресла въ оперѣ, никто не запретитъ мнѣ нанимать это кресло, и какое мнѣ дѣло до того, что трудъ, употребленный на производство цѣнностей въ 40 рублей, потребляемыхъ мною на мое развлеченіе въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ,—какое мнѣ дѣло до того, что этотъ трудъ, употребленный на вещи болѣе необходимыя, доставилъ бы приличную одежду или приличное жилище какимъ нибудь людямъ, которые теперь терпятъ лишенія? Моя совѣсть такъ же спокойна, какъ тогда, когда я кладу въ чашку кусокъ сахара, произведеннаго трудомъ невольниковъ: не я такъ другой занялъ бы это кресло, купилъ бы этотъ сахаръ, и не смѣшонъ ли я буду, если я стану отказывать себѣ въ невинномъ или даже благородномъ удовольствіи для какихъ-то абстрактныхъ понятій о трудѣ и времени?

Дѣйствительно, теорія трудящихся (такъ будемъ называть мы теорію, соотвѣтствующую потребностямъ новаго времени, въ противоположность отсталой, но господствующей теоріи, которую будемъ называть теоріею капиталистовъ) главное свое вниманіе обращаетъ на задачу о распредѣленіи цѣнностей. Принципъ наивыгоднѣйшаго распредѣленія данъ словами Адама Смита, что всякая цѣнность есть исключительное произведеніе труда, и правиломъ здраваго смысла, что произведеніе должно принадлежать тому, кто произвелъ его. Задача состоитъ только въ томъ, чтобы открыть способы экономического устройства, при которыхъ исполнялось бы это требованіе здраваго смысла.

Тутъ мы встрѣчаемъ дикое, но чрезвычайно распространенное понятіе объ отношеніяхъ естественности и искусственности въ экономическихъ учрежденіяхъ. Какъ,—вы хотите преобразовывать экономическое устройство искусственнымъ образомъ? говорятъ послѣдователи теоріи капитала. Вы теоретически придумываете шкіе нибудь планы и хотите строить по нимъ общество?—это искусственность. Общество живетъ естественною жизнью и все должно совершаться въ немъ естественно. Публика, состоящая изъ людей, неимѣющихъ яснаго понятія ни объ искусственности, ни объ естественности, громкимъ хоромъ повторяетъ:—да, они хотятъ нарушать естественные законы. О! какіе они безумцы!

Обыкновенно называютъ естественнымъ экономическимъ порядкомъ такой, который входитъ въ общество самъ собою, незамѣтно, безъ помощи законодательной власти и держится точно такъ же. Опредѣленіе прекрасное,—только жаль, что ни одно важное экономическое учрежденіе не подходитъ подъ него. Напримѣръ, введеніе свободной торговли вмѣсто протекціонной системы, конечно, составляетъ по мнѣнію отсталыхъ экономистовъ возвращеніе къ естественному порядку отъ искусственнаго. Какимъ же образомъ оно происходитъ? Правительство, убѣждаемое

теоретическими соображеніями ученыхъ людей, объявляетъ уничтоженіемъ прежній высокой тарифъ и велитъ повиноваться распоряженіямъ новаго низкаго тарифа. Только правительственная власть заставляетъ мануфактуристовъ, враждебныхъ новому тарифу, терпѣть его; если бы они имѣли силу, они готовы были бы собрать войско, овладѣть таможами и поставить въ нихъ свою стражу, которая собирала бы высокія пошлины съ однихъ товаровъ и запрещала ввозъ другихъ. Величайшее торжество естественности составляетъ, по мнѣнію экономистовъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Но вѣдь она также была произведена по предварительному плану, составленному Кобденомъ и его товарищами, была произведена парламентскимъ актомъ, и много лѣтъ новый порядокъ вещей поддерживался только безпрестанными, упорными объявленіями законодательной власти, что она не потерпитъ нивакихъ попытокъ къ возстановленію прежняго порядка. Уничтоженіе навигаціоннаго акта, возвратившее свободу морской торговлѣ между Англіею и другими странами, экономисты такъ же назовутъ возвращеніемъ отъ искусственности къ естественности; но и оно было произведено также, въ исполненіе теоретическихъ соображеній, рѣшеніемъ законодательной власти, и англійскіе судозозяева до сихъ поръ такъ неистовствуютъ противъ свободы, данной иностраннымъ флагамъ, что если бы не правительственная защита новому учрежденію, оно было бы уничтожено завтра же. Такимъ образомъ, признакомъ естественности вовсе не должно считаться то, что для ея водворенія не нужны ученныя теоріи или законодательныя распоряженія. Никакая важная новость не можетъ утвердиться въ обществѣ безъ предварительной теоріи и безъ содѣйствія общественной власти: нужно же объяснить потребности времени, признать законность новаго и дать ему юридическое огражденіе. Если мы захотимъ въ чемъ бы то ни было важномъ обходиться безъ этого, мы просто не имѣемъ понятія объ отношеніи общества и его учреждений къ человѣческой мысли и къ общественной власти. Нѣтъ ни одной части общественнаго устройства, которая утвердилась бы безъ теоретическаго объясненія и безъ охраненія отъ правительственной власти. Возьмемъ вещь самую натуральную: существованіе семейства. Если бы европейскіе законы не опредѣлили семейныхъ отношеній, могло ли бы утвердиться наше понятіе, напримѣръ, о единоженствѣ или о правѣ наслѣдства? Различіе въ правѣ наслѣдства, существующее между націями равно образованными, доказываетъ важность законодательныхъ опредѣленій въ этихъ вопросахъ. Въ чемъ же заключается дѣйствительный смыслъ понятій о естественности, какъ о чемъ-то независимомъ отъ законодательныхъ постановленій? Онъ заключается въ томъ, что законы для своей прочности и благотворности должны быть сообразны съ потребностями извѣстной націи въ извѣстное время. Въ противномъ случаѣ законы оставались бы безсильны и недолговѣчны. Такимъ образомъ законодательное опредѣленіе вовсе не служитъ нормою естественности: можетъ называться естественнымъ такое учрежденіе, которое ограждено законами, и могутъ называться неестественными такія учрежденія, которыя также ограждены законами. Дѣло состоитъ только въ томъ, сообразны ли будутъ законы съ потребностями націи.

Это говорить здравый смыслъ и безпристрастіе; но не то говорятъ эгонстическіе интересы. У чеховъ есть превосходная древняя пѣсня о судѣ Любуши. Она относится къ тому времени, когда чехи были еще язычниками, но уже начали чувствовать нѣмецкое вліяніе. По старому чешскому обычаю, который былъ у всѣхъ

славянъ, недвижимая собственность оставалась въ обществѣ владѣнія сыновей. Въ крайнихъ случаяхъ, при невозможности мирныхъ отношеній между братьями-сонаслѣдниками, допускался ровный раздѣлъ между всѣми сыновьями. Вотъ умеръ на „Кривой Отавѣ“ владѣлецъ, какъ видно очень важный и богатый. Двое сыновей его не могли поладить между собою въ вопросѣ о наслѣдствѣ. Дѣло доходитъ до княжны, она созываетъ народный сеймъ для его рѣшенія. Что намъ дѣлать съ братьями? спрашиваетъ она:

Вадита се круто мезу собу (о дедине отне);
Будете имъ оба въ одно власти,
Чи се разделите ровну меру?—

„Ссорятся они жестоко между собою (изъ-за помѣстій отцовскихъ); будутъ ли они вин оба за одно владѣть, или раздѣлятся ровной мѣрой?“ Сеймъ отвѣчаетъ:

Будета имъ оба въ одно власти,—

„Должны они оба ими за одно владѣть“. Едва услышалъ это рѣшеніе старшій братъ, Хрудошъ, онъ всталъ. „Тряслись у него отъ ярости всѣ члены; махнулъ онъ рукой, заревѣлъ, навѣ дикій быкъ: горе птенцамъ, къ которымъ залѣзетъ змѣя! горе мужчинамъ, которыми управляетъ женщина! Мужчиною долженъ управлять мужчина; старшему сыну по справедливости должно отдать помѣстье.“

Встану Хрудошъ отъ Отаве Криве,
Трясехусе яростю вен уди;
Махну руну, зарве яримъ туремъ:
„Горе птенцемъ, къ нимъ-жь се змѣя внори,
Горе мужемъ, имъ же жена владе!
Мужу власти мужемъ заподобно,
Первенцу дедину дати правда!“

Экономисты не любятъ нераздѣльнаго владѣнія, но еще меньше одобряютъ они право первородства; а между тѣмъ Хрудошъ находитъ натуральнымъ и справедливымъ, чтобы старшій сынъ получалъ все помѣстье. Точно такъ во всѣхъ дѣлахъ я вопросахъ; каждый называетъ естественнымъ то, что сообразно съ его выгодами: сѣверо-американскіе плантаторы находятъ естественнымъ, чтобы черная раса была въ невольничествѣ у бѣлой; англійскіе землевладѣльцы находили естественнымъ, чтобы англійское земледѣліе охранялось пошлинами отъ иностраннаго соперничества; банкиры находятъ естественнымъ такой порядокъ, по которому они владычествуютъ надъ денежнымъ рынкомъ; мануфактуристы находятъ естественнымъ, чтобы фабрика имѣла хозяина, въ пользу котораго шли бы выгоды предпріятія; я могу находить естественнымъ, чтобы публика поклонялась мнѣ за мои статьи; г. Горловъ можетъ находить естественнымъ, чтобы его книгу называли очень хорошей: что сказать обо всѣхъ этихъ претензіяхъ? Обо всѣхъ одинаково надобно сказать, что личный интересъ облачаетъ иллюзіею естественности всѣ дѣла безъ разбора, которыя для него выгодны.

Съ этой точки зрѣнія наука, которая должна быть представительницею чело-вѣка вообще, должна признавать естественнымъ только то, что выгодно для чело-вѣка вообще, когда предлагаетъ общія теоріи. Если она обращаетъ вниманіе на дѣла какой нибудь націи въ отдѣльности, она должна признавать естественными

тѣ экономическія учрежденія, которыя выгодны для этой націи, т. е., въ случаѣ раздѣленія между интересами разныхъ членовъ націи, выгодны для большинства ея членовъ. Если такъ, то совершенно напрасно говорить о естественности или искусственности учреждений,—гораздо прямѣе и проще будетъ разсуждать толь о выгодности или невыгодности ихъ для большинства націи или для человѣка вообще; искусственно то, что невыгодно. Замѣнять точный терминъ другимъ, про извольно выбраннымъ, значить только запутывать смыслъ дѣла.

Мы старались найти смыслъ во фразахъ о естественности, которая будто бы должна служить необходимой принадлежностью экономическихъ учреждений, и наконецъ успѣли найти точку зрѣнія, съ которой эти фразы могутъ казаться въ совершенномъ пустословіемъ; но точка зрѣнія, нами найденная, чисто субъектив ная, производимая иллюзією личной выгоды. Нѣтъ надобности говорить, что наук не должна смотрѣть на предметы такимъ образомъ; она должна стараться поимать ихъ въ томъ видѣ, какой они дѣйствительно имѣютъ, а не въ такомъ, какой обыкновенно придается имъ страстями. Теперь спроеимъ каждаго, имѣющаго хоп какое нибудь понятіе о законахъ природы, можетъ ли что нибудь на свѣтѣ, важное или неважное, происходить не естественнымъ образомъ? Дѣйствіе не бываетъ безъ причины; когда есть причина, дѣйствіе непременно будетъ; все на свѣтѣ происходитъ по причинной связи. Это извѣстно каждому школьнику. Связь причины и дѣйствія естествена и неизмѣнна; ничего противнаго ей не можетъ случиться, все требуемое ею непременно должно произойти. Послѣ этого, кажется ясно должно быть, что неестественнаго ничего никогда въ мірѣ не было и не будетъ. Финикійцы приносили своихъ дѣтей въ жертву Молоху; это они дѣлали очень дурно; но если вы разберете ихъ понятія, т. е. ихъ суевѣрія, то вы увидите, что дѣло это было для нихъ совершенно естественно, что люди съ такими понятіями не могли не бросать своихъ дѣтей въ огонь для умилостивленія Молоха. Отчего же у нихъ были такія дикія понятія? Опять таки, разберите ихъ исторія и вы увидите, что имъ естественно было имѣть такія понятія. Феодалный рыцарь убивалъ и грабилъ еврея, да и не только еврея, а всякаго не принадлежащаго къ рыцарскому обществу, съ такимъ же спокойствіемъ совѣсти, какъ вы щете чашку чая. Въ его положеніи, съ его понятіями естественно было ему поступать и чувствовать такимъ образомъ. То положеніе общества, которымъ произведены были такія понятія и поступки, возникло также самымъ естественнымъ образомъ. Судя по этому, очень легко угадать, что скажутъ о нынѣшнемъ естественномъ порядкѣ дѣлъ наши потомки.

Впрочемъ нѣтъ надобности этому естественному порядку дѣлъ ждаты мнѣній потомства, чтобы услышать приговоръ себѣ. Каково бы ни было положеніе и понятія общества, все-таки тѣмъ же самымъ естественнымъ путемъ являются въ немъ или отдѣльныя лица, или цѣлыя сословія, которыя судятъ о дѣлахъ не по временнымъ и мѣстнымъ преданіямъ и предубѣжденіямъ, а просто по здравому смыслу и по чувству справедливости къ человѣку вообще, а не къ рыцарю или вассалу, не къ фабриканту или работнику. Какимъ путемъ развивается въ нихъ сознание о правахъ человѣка вообще, безъ всякихъ подраздѣленій,—все равно; въ иныхъ производится оно высокимъ развитіемъ мысли; таковъ, на примѣръ, былъ Мильтонъ, провозглашавшій свободу совѣсти во времена смертельной религіозной вражды, когда честные пуритане и безчестные иезуиты одинаково думали, что

должны казнить другъ друга. Иногда это сознание развивается невыносимостью личнаго положенія; такъ родился средневѣковой припѣвъ, который повторялся крестьянами на всѣхъ европейскихъ языкахъ, отъ англійскаго и французскаго до польскаго и чешскаго: „когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла шерсть, не было тогда рабовъ“. Задолго до уничтоженія рабства былъ произнесенъ надъ нимъ этотъ приговоръ, и стоитъ только сдѣлать рядъ вопросовъ, чтобы получить сужденіе о нынѣшнемъ естественномъ порядкѣ вещей. Мы не будемъ предлагать этихъ вопросовъ: они приходятъ въ голову каждому, въ комъ есть искра человѣческаго чувства, или кто подвергся несправедливости, или кто терпитъ лишенія. Мы скажемъ только, что все естественно: и хорошее и дурное. Естественность — не рекомендація.

Зато и искусственность тоже не должна служить ни порицаніемъ, ни похвалою, потому, что ни къ одной мысли, ни къ одному дѣйствию даже отдѣльнаго человѣка, не только къ какому нибудь плану, принимаемому многими людьми, или къ какому бы то ни было учрежденію, обнимающему многихъ людей, эпитетъ неестественности или искусственности не можетъ относиться на точномъ научномъ языкѣ. Вы скажете, напримѣръ, что какой нибудь жеманный франтъ говоритъ искусственнымъ языкомъ, дѣлаетъ искусственныя ужимки. Въ житейскомъ языкѣ, въ которомъ слова имѣютъ условный смыслъ и въ которомъ, напримѣръ, выраженіе „вашъ покорнѣйшій слуга“ означаетъ просто—я кончилъ свое письмо,—въ житейскомъ языкѣ почему и не выразиться такимъ образомъ? Но если вы хотите говорить языкомъ науки, вы не имѣете права сказать, чтобы франтъ, дѣлающій нелѣпыя ужимки, держалъ себя искусственно: по его понятіямъ объ изяществѣ манеръ онъ естественно долженъ дѣлать такія ужимки; а его понятія естественно получили такой характеръ отъ его воспитанія и отъ его отношеній къ обществу. Само собою разумѣется, что о такихъ пустыхъ вещахъ, какъ ужимки какого нибудь франта, смѣшно и глупо выражаться ваучнымъ языкомъ; но въ ученыхъ книгахъ о такихъ важныхъ вещахъ, какъ экономическія учрежденія, говорить языкомъ, не соотвѣтствующимъ научной точности, значитъ также поступать глупо и, позвольте прибавить, значитъ поступать недобросовѣстно. Извинять подобныя выраженія можно только отсутствіемъ филозофскаго образованія: потому они, конечно, извинительны, напримѣръ для Бастиа, который въ знаменитомъ спорѣ о даровомъ кредитѣ обнаружилъ совершенное незнакомство съ самыми элементарными приемами и терминами гегелевской діалектики. Мы не говоримъ, чтобы гегелевская діалектика была хороша; мы только думаемъ, что человѣкъ, не имѣющій понятія о такомъ важномъ фактѣ, какъ, напримѣръ, гегелева философія, не можетъ считаться просвѣщеннымъ человекомъ, и становится смѣшонъ, когда принимается разсуждать объ ученыхъ предметахъ. И вотъ этакой господинъ полюбилъ слово естественность и вздумалъ клеймить словомъ искусственность все, что ему не нравилось. И вотъ господа экономисты съ восхищеніемъ схватились за эти слова; это не дѣлаетъ чести ихъ ученому образованію.

Какъ въ исторіи общества каждый послѣдующій фазисъ бываетъ развитіемъ того, что составляло сущность предыдущаго фазиса, и только отбрасываетъ факты, мѣшавшіе болѣе полному проявленію основныхъ стремленій, принадлежащихъ природѣ человѣка, такъ и въ развитіи теоріи, позднѣйшая школа обыкновенно беретъ существенный выводъ, къ которому пришла прежняя школа, и развиваетъ

его, отбрасывая противорѣчившія ему понятія, несообразность которыхъ не замѣчалась прежнею теоріею. Мы видѣли основныя идеи, до которыхъ дошла теорія капиталистовъ: наивыгоднѣйшее положеніе производства то, въ которомъ продукты труда принадлежать трудившемуся; наивыгоднѣйшее распределеніе цѣнностей то, въ которомъ часть каждаго члена общества по возможности близка къ средней цифрѣ, получаемой изъ отношенія массы цѣнностей въ числу членовъ общества. Мы видѣли, что теорія трудящихся, принимая эти основныя идеи, точнѣйшимъ образомъ развиваетъ понятіе о производительномъ трудѣ, и говоритъ, что трудъ, обращенный на производство продуктовъ, несоотвѣтствующихъ настоятельнѣйшимъ потребностямъ чловѣческаго организма, долженъ въ вынѣшнее время считаться непроизводительнымъ, пропадающимъ для общества; мы говорили, что средствъ къ развитію производительнаго и къ уменьшенію непроизводительнаго труда новая теорія ищетъ въ учрежденіяхъ, которыми давалось бы наивыгоднѣйшее для общества распределеніе цѣнностей. Духъ этихъ учреждений легко опредѣлится, если мы сообразимъ экономическія качества лицъ, интересамъ которыхъ должна удовлетворять новая теорія. Важнѣйшее различіе между лицомъ, вносящимъ въ производство трудъ, и лицомъ, которому принадлежитъ капиталъ, опредѣляется слѣдующими чертами: въ производствѣ трудящійся дѣйствуетъ только собственными силами, между тѣмъ какъ капиталистъ располагаетъ силами многихъ лицъ; въ распределеніи цѣнностей, трудящійся не можетъ имѣть болѣе того, что произведено имъ самимъ, а капиталистъ пріобрѣтаетъ сумму цѣнностей, производимую трудомъ многихъ; цѣль производства для трудящагося есть потребленіе произведенныхъ цѣнностей, а для капиталиста сбытъ ихъ въ другія руки для выгрыша черезъ обмѣнъ. Мѣриломъ производства для трудящагося служатъ надобности его собственнаго потребленія (если трудъ въ одинъ день доставлялъ бы ему все, что нужно для потребленія въ цѣлую недѣлю, онъ сталъ бы трудиться только одинъ день въ недѣлю), а мѣриломъ производства для капиталиста служить только размѣръ сбыта.

Такимъ образомъ, трудящійся не находится къ другимъ лицамъ, занимающимся тою же работою, во враждебномъ отношеніи, какъ капиталистъ. Онъ можетъ только желать, чтобы въ другихъ промыслахъ производилось больше, но не имѣетъ интереса желать, чтобы уменьшилось производство другихъ трудящихся, занимающихся тѣмъ же промысломъ, какъ онъ. Нынѣ, когда трудящійся не имѣетъ самостоятельности, подчиненъ расчетамъ и оборотамъ капиталиста, этотъ естественный характеръ отношенія къ другимъ трудящимся затемняется соперничествомъ между работниками для полученія работы. Но внимемъ въ чувства и рассмотримъ кругъ дѣятельности тѣхъ трудящихся, которые работаютъ самостоятельно, — мы увидимъ, что для нихъ, даже при вынѣшнемъ порядкѣ распределенія цѣнностей, нѣтъ интереса дѣйствовать во вредъ другимъ трудящимся того же промысла. Представимъ себѣ, напримѣръ, русскую или французскую деревню, въ которой у каждаго домохозяина есть свой участокъ земли и которая лежитъ въ такомъ глухомъ мѣстѣ, что наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ нельзя тамъ найти *). Представимъ, что экономическій округъ, къ которому принадлежитъ эта

*) Экономисты, съ обыкновенной своей проницательностью, обратятся на выраженіе глухой мѣстности и скажутъ, что предполагаемый нами бытъ возможенъ только при неразвитости экономическаго быта. Дѣйствительно, работникъ при вынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ можетъ сохранить

деревня, имѣетъ самый малый объемъ, хотя бы даже только одну милю въ поперечникѣ. Представимъ, что онъ населенъ очень мало; все-таки эта квадратная миля будетъ имѣть нѣсколько сотъ человѣкъ населенія. Предположимъ сохраненіе нынѣшняго опредѣленія продажной цѣны не по стоимости производства, а по отношенію между спросомъ и предложеніемъ. Все-таки разореніе сосѣда не можетъ принести никакой выгоды земледѣльцу этой деревни: для продовольствія жителей нуженъ земледѣльческій трудъ нѣсколькихъ десятковъ семействъ, и устраненіе одного или двухъ изъ числа земледѣльцевъ нисколько не подниметъ цѣны на хлѣбъ. Когда было, на примѣръ, пятьдесятъ семействъ, производившихъ по десяти четвертей хлѣба, производство было 500 четвертей. Если Ивану удалось разорить Петра и осталось только 49 производителей, количество хлѣба уменьшилось только на одну 50-тую долю, и цѣна его не могла повыситься отъ этой ничтожной перемѣны. Иванъ, не имѣя наемныхъ работниковъ, не можетъ производить хлѣба больше прежняго, и продавая по прежнему 10 четвертей по прежней цѣнѣ, не найдетъ себѣ никакой выгоды отъ разоренія Петра. Конечно, дѣло иное, елибѣ разоренный поступилъ къ нему въ наемные работники: тогда онъ увеличалъ бы свое производство и получилъ бы больше выгоды; но тогда онъ завялъ бы уже положеніе капиталиста, и это показываетъ намъ, какимъ образомъ и по какому разчету возникаетъ особенный классъ капиталистовъ. Но читатель замѣтитъ, что возникновеніе капиталиста основывается на разореніи другаго человѣка, то есть на предварительной потерѣ нѣкотораго количества цѣнностей, находившихся въ обществѣ. Теорія, духъ которой мы опредѣляемъ теперь, стремится именно къ тому, чтобы предотвратить всякую потерю цѣнностей; а изъ этого слѣдуетъ, что если она можетъ найти средства для своей цѣли, то и превращеніе Ивана въ капиталиста не будетъ допускаться экономическимъ порядкомъ, ею излагаемымъ.

Итакъ трудящійся, пока остается трудящимся, не имѣетъ выгоды себѣ въ подрывѣ людей, занимающихся тѣмъ же производствомъ, какъ онъ. Число рукъ, требующихъ каждымъ производствомъ, такъ велико, что цѣна продуктовъ не можетъ измѣняться отъ происковъ, направленныхъ противъ того или другаго человѣка, трудящагося въ этомъ производствѣ. Даже при нынѣшнемъ порядкѣ мы видимъ, что земледѣльцы, имѣющіе свое хозяйство, проникнуты взаимнымъ доброжелательствомъ; между ними нѣтъ соперничества въ томъ видѣ, какое существуетъ между фабрикантами, торговцами или большими фермерами. Въ чемъ же можетъ состоять конкуренція по теоріи трудящихся, если она не имѣетъ въ ней стремленія подорвать другъ друга, какое принадлежитъ ей въ теоріи капиталистовъ? Она просто состоитъ въ выгодѣ производить наибольшее количество продуктовъ въ данное время. Выгода капиталиста требуетъ увеличивать число своихъ покупателей, то есть при данномъ размѣрѣ рынка отбивать покупателей у своихъ соперниковъ. Выгода трудящагося требуетъ поработать побольше въ каждый день. Изъ этого мы видимъ, что по ней сохраняютъ всю свою привлекательность средства къ усовер-

самостоятельность только въ тѣхъ мѣстахъ и промыслахъ, которые не охвачены биржевымъ коммерческимъ духомъ. Но читатель знаетъ, что теорія трудящихся именно въ тому и стремится, чтобы духъ спекуляціи, то есть отчаяннаго риска, замѣнился духомъ производительнаго труда, который разчетливъ и потому враждебенъ спекуляціи. Черезъ нѣсколько строкъ мы скажемъ, какимъ образомъ выгодная сторона ввѣшняго производительнаго развитія сохраняется и даже усиливается въ теоріи трудящихся, съ устраненіемъ убыточной своей стороны, то есть направленія къ рискованному и непродуктивному труду.

шенствованію производства. Трудящійся не хуже капиталиста долженъ чувствовать выгодность усовершенствованнаго инструмента, если трудится въ свою пользу. Разница только въ томъ, что выгода, приносимая этимъ усовершенствованіемъ, производится различнымъ образомъ по отношенію къ другимъ людямъ, занимающимся тою же отраслюю производства: выгода, получаемая трудящимся, остается его выгодою, и только; выгода, получаемая капиталистомъ, происходитъ изъ подрыва другихъ.

До сихъ поръ мы говорили о ходѣ дѣлъ при нынѣшнемъ порядкѣ. Но для того, чтобы изложить дѣло яснѣе, надобно отбросить понятіе денегъ и говорить только о продуктахъ, какъ дѣлаетъ и господствующая въ экономической теоріи. Представимъ себѣ общество, для удовлетворенія нуждамъ котораго потребно въ годъ 1000 паръ платья, производимыхъ трудомъ 6000 рабочихъ дней; считая по 300 рабочихъ дней въ году, мы видимъ, что производствомъ платья должны заниматься 20 человѣкъ. Представимъ себѣ, что ни одинъ изъ этихъ 20 человѣкъ не находитъ выгоды или возможности расширить свое производство насчетъ другихъ. Долженъ ли будетъ онъ и при такомъ порядкѣ дѣлъ желать усовершенствованій въ производствѣ платья? Онъ производитъ 50 паръ платья и на каждую пару употребляетъ 6 рабочихъ дней. Выгодно ли будетъ для него введеніе какого нибудь новаго инструмента, сокращающаго работу на одну треть? Разумѣется, выгодно. Тогда онъ произведетъ свои 50 паръ платья, по 4 дня на каждую пару, не въ 300, а только въ 200 дней и 100 дней будетъ у него выиграно. Онъ можетъ употребить ихъ на отдыхъ или на какое нибудь новое занятіе, для котораго общество до сихъ поръ не имѣло времени.

Читателю могутъ показаться совершенно излишними эти разсужденія. Можетъ ли въ здоровой головѣ родиться мысль о томъ, что усовершенствованіе производства, то есть сокращеніе труда, бываетъ пріятно человѣку только тогда, когда служить ему средствомъ пріобрѣсти себѣ новыхъ покупателей, и перестанетъ казаться ему пріятнымъ и выгоднымъ, если число покупателей останется у него прежнее? Да, трудно вообразить себѣ такую нескладицу, но экономисты съ важностью провозглашаютъ ее, когда увѣряютъ, что соперничество въ нынѣшнемъ своемъ видѣ необходимо для усовершенствованія производства. Имъ кажется, будто человѣку хлѣбъ вкусенъ бываетъ только тогда, когда отнять у другаго.

Не имѣя причинъ зложелательствовать другъ противъ друга, трудящіеся не имѣютъ побужденій держаться каждый особнякомъ. Напротивъ, они имѣютъ прямую экономическую необходимость искать взаимнаго союза. Почти каждое производство для своей успѣшности требуетъ размѣровъ, превышающихъ рабочія силы одного семейства. Капиталистъ не нуждается въ союзѣ съ другими, потому что располагаетъ силами множества людей. Трудящійся, располагая силами только своей семьи, долженъ вступать въ товарищество съ другими трудящимися. Это для него легко, потому что нѣтъ ему причины враждовать противъ нихъ. Такимъ образомъ форма, находимая для производства теоріею трудящихся, есть товарищество.

Тутъ мы опять встрѣчаемъ возраженіе, забавность котораго можетъ быть сравнена только съ самодовольствіемъ, съ какимъ экономисты повторяютъ его, какъ будто бы неопровержимый аргументъ. Дѣло, имѣющее одного хозяина, идетъ успѣшнѣе, нежели дѣло, производимое товариществомъ, говорятъ они. Это возраженіе до того несообразно съ сущностью вопроса, что можетъ свидѣтельствовать только с

рутинной тупости, лишенной способности понимать новыя идеи, или о недобросовѣстности, нагло разсчитывающей на незнакомство большинства публики съ сущностью дѣла.

Во-первыхъ, можно отдавать предпочтеніе одной формѣ дѣла надъ другою только тогда, когда обѣ формы возможны при данныхъ условіяхъ дѣла. Напримеръ, можно спорить о томъ, что выгоднѣе для англійскаго лендлорда: дѣлить свою землю на крупныя или на мелкія фермы. Но невозможно разсуждать въ Англии о томъ, долженъ ли лендлордъ самъ быть фермеромъ или отдавать свою землю въ аренду. При условіяхъ англійской жизни и при обширности помѣстій, лендлорду невозможно быть самому своимъ фермеромъ. Потому, хотя съ абстрактной точки зрѣнія собственнику выгоднѣе самому воздѣлывать свою землю, но въ Англии преобладаетъ отдача фермъ въ наймы, и ратовать противъ такого стремленія англійскихъ лендлордовъ вещь совершенно напрасная, пока остаются нынѣшніе обычай и нынѣшнее распредѣленіе поземельной собственности. Точно такъ, все равно, выгоднѣе ли ведется дѣло однимъ хозяиномъ, или товариществомъ, — если трудящіеся ищутъ стремленіе и выгоду быть самостоятельными: самостоятельность въ производствѣ возможна для нихъ только при формѣ товарищества, потому возражать противъ стремленія ихъ теоріи къ товариществу въ производствѣ — дѣло совершенно напрасное. Если вамъ угодно опровергать эту форму, доказывайте, что трудящіеся не должны имѣть стремленія къ самостоятельности. А если вы не хотите говорить этого, потому что говорить это значило бы отвергать свободу труда, объявлять себя защитникомъ несамостоятельности труда, защитникомъ крѣпостнаго состоянія и рабства, вы не имѣете логическаго основанія для возраженій противъ товарищества.

Мы не знаемъ, выгоднѣе ли шла бы постройка желѣзныхъ дорогъ, если бы эти предпріятія принадлежали отдѣльнымъ хозяевамъ, а не акціонернымъ компаниямъ; экономнѣе ли было бы управленіе построенными желѣзными дорогами, если бы каждая дорога принадлежала одному хозяину. Но дѣло въ томъ, что желѣзная дорога не можетъ быть построена иначе, какъ акціонернымъ обществомъ (если не строится государствомъ); это дѣло превышаетъ силы отдѣльнаго капиталиста. Итакъ, спрашивается только: выигрываетъ ли общество черезъ постройку желѣзныхъ дорогъ, нужны ли онѣ? Да. Могутъ ли онѣ быть строимы отдѣльными капиталистами? Нѣтъ. Послѣ этого всякая рѣчь о сравнительной выгоде строенія желѣзныхъ дорогъ отдѣльными капиталистами, а не товариществами капиталистовъ становится пустословіемъ. — Такъ точно мы спрашиваемъ: выигрываетъ ли трудящійся, если приобретаетъ самостоятельность въ трудѣ, долженъ ли онъ хотѣть, чтобы всѣ продукты его труда оставались въ его рукахъ? — Да. Каждый неизбѣжно желаетъ своей выгоды, и общество не можетъ не выигрывать, когда выигрываетъ вся масса населенія, которая состоитъ изъ трудящихся. Могутъ ли трудящіеся достичь этой выгоды иначе, какъ посредствомъ товарищества въ производствѣ? Нѣтъ. Послѣ этого всякая рѣчь о выгодахъ одиночнаго хозяйства надъ товариществомъ становится пустословіемъ.

Теорія трудящихся имѣетъ полное право говорить, что не принимаетъ возраженій о выгодахъ одиночнаго хозяйства, какъ возраженія, не примѣняющагося къ сущности данныхъ положеній. При какомъ порядкѣ дѣла производство идетъ выгоднѣе: при рабствѣ, или при свободѣ? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю

только, что рабство противно врожденнымъ стремленіямъ раба, что свобода соотвѣтствуетъ имъ, и потому я говорю, что производство должно имѣть форму свободы. — На какой фабрикѣ больше производится продуктовъ: на фабрикѣ, принадлежащей одному хозяину капиталисту, или на фабрикѣ, принадлежащей товариществу трудящихся? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетвореніе стремленію трудящихся въ самостоятельности, и потому говорю, что производство должно имѣть форму товарищества трудящихся.

Мы говоримъ: все равно, увеличивается или уменьшается успѣшность производства черезъ замѣненіе рабства свободою и одиночнаго хозяина товариществомъ трудящихся, — все равно, потребности человѣка заставляютъ утверждать, что самостоятельность трудящихся, даваемая только формою товарищества, выгоднѣе для общества, нежели хозяйство отдѣльнаго капиталиста, какъ свобода выгоднѣе рабства для общества. Но какъ при свободѣ успѣшнѣе идетъ и самое производство, точно также при формѣ товарищества оно должно идти успѣшнѣе, нежели при хозяйствѣ отдѣльнаго капиталиста.

Одну изъ причинъ этого мы видѣли, когда говорили объ общемъ принципѣ производства, указываемомъ самою теоріею капиталистовъ: успѣшность производства пропорціональна энергіи труда, а энергія труда пропорціональна степени участія трудящагося въ продувахъ; потому наивыгоднѣйшее для производства положеніе дѣль то, когда весь продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Форма товарищества трудящихся одна даетъ такое положеніе дѣль, потому должна быть признана формою самаго успѣшнаго производства.

Другая причина заключается въ направленіи производства, въ характерѣ продуктовъ, на которые будетъ обращенъ трудъ. Мы видѣли, что производительнымъ трудомъ долженъ называться только тотъ, который обращенъ на производство предметовъ нужныхъ, — такихъ предметовъ, потребленіе которыхъ одобряется разчетливостью и благоразуміемъ. Съ точки зрѣнія трудящихся, такіе продукты — вещи, удовлетворяющія необходимѣйшимъ потребностямъ человѣческаго организма. Пусть каждый рабочій день производитъ цѣнностей на одинъ рубль. Пусть для благосостоянія трудящагося съ его семействомъ нужно потребленіе цѣнностей первой необходимости на 200 рублей въ годъ. Пусть общество состоитъ изъ 100 человѣкъ трудящихся. Пусть въ этомъ обществѣ 40 человѣкъ заняты производствомъ предметовъ роскоши. Тогда для производства предметовъ первой необходимости остается 60 трудящихся. Они производятъ по 1 р. въ 300 дней — всего на 15,000 рублей продуктовъ первой необходимости, то есть для потребленія каждаго трудящагося производится цѣнностей только на 150 рублей, между тѣмъ, какъ для его благосостоянія нужно 200. Ясно, что трудящіеся должны нуждаться.

Самостоятельность трудящихся имѣетъ тотъ экономическій смыслъ, что они трудятся для собственнаго потребленія. Потому, пока не достаточно продуктовъ первой надобности для ихъ потребленія, они не займутся производствомъ другихъ продуктовъ. Положимъ, что форма товарищества уменьшаетъ успѣшность ихъ труда, такъ что въ рабочій день производится цѣнностей только на 70 копѣекъ. Но за то всѣ 100 трудящихся работаютъ надъ производствомъ предметовъ первой необходимости, и въ каждый день производится ихъ на 70 р., а въ 300 дней на 21,000. Ясно, что каждый трудящійся будетъ имѣть предметовъ первой необхо-

димости на 210 р., когда для благосостоянія нужно только 200. Ясно, что общество трудящихся имѣло бы избытокъ даже при предполагаемомъ уменьшеніи успѣшности труда, тогда какъ прежде оно терпѣло нужду даже при предполагаемой большей успѣшности его.

Это значить вотъ что: если изъ двухъ работниковъ только одинъ занятъ, напримеръ, земледѣлемъ, а другой производствомъ бронзовыхъ украшеній, то общество и въ томъ числѣ они скорѣе подвергнутся недостатку хлѣба, нежели когда оба они заняты производствомъ хлѣба, хотя бы, работая оба надъ производствомъ хлѣба, они производили только по 10 четвертей, а при занятіи одного производствомъ бронзовыхъ украшеній—другой оставшіяся при земледѣліи производилъ по 15 четвертей въ годъ. Во второмъ случаѣ, при работѣ болѣе успѣшной, общество имѣетъ только 15 четвертей хлѣба, а въ первомъ случаѣ, при работѣ даже менѣе успѣшной, оно имѣетъ 20 четвертей.

Но мы видѣли, что успѣшность труда въ каждый рабочій день должна не уменьшиться, а увеличиться; потому избытокъ, производимый формою товарищества, долженъ быть гораздо болѣе значителенъ.

Есть еще третья причина большей успѣшности труда при формѣ товарищества. Мы видѣли, что мѣриломъ производства для трудящагося служитъ не сбытъ продуктовъ, а надобность собственнаго потребленія. Потребленіе имѣетъ въ себѣ элементъ постоянства, котораго лишень сбытъ. Вы можете навѣрное рассчитывать, сколько хлѣба нужно для извѣстнаго семейства на недѣлю, на мѣсяцъ, на годъ; обѣдъ должевъ быть и нынѣ, и завтра. Не то въ вопросѣ о сбытѣ: нынѣ на биржѣ требуются сотни тысячъ четвертей хлѣба или тюковъ хлопчатой бумаги, черезъ недѣлю не потребуются, быть можетъ, ни одной четверти, ни одного тюка. Сбытъ не идетъ размѣреннымъ шагомъ, какъ потребленіе; онъ вѣчно находится въ лихорадочныхъ пароксизмахъ, и крайняя энергія смѣняется въ немъ совершеннымъ безсиліемъ. Къ довершенію гибельности, невозможно заблаговременно предусматривать ни времени, ни продолжительности этихъ перемѣнъ, ни интенсивности каждой изъ нихъ. Потому производство капиталиста подвержено непрерывнымъ застоямъ, а весь экономическій порядокъ, основанный не на потребленіи, а на сбытѣ, подверженъ неизбѣжнымъ промышленнымъ и торговымъ кризисамъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ потерѣ миллионовъ и десятковъ миллионовъ рабочихъ дней. Эти кризисы, эта насильственная утрата рабочаго времени невозможна при производствѣ, мѣриломъ котораго служитъ потребленіе. Пусть производство капиталиста, основанное на сбытѣ, можетъ бѣжать съ быстротою Ахиллеса; пусть производство товарищества трудящихся идетъ съ медленностью черепахи; но мы еще въ дѣтствѣ узнали, что черепаха шедшая безостановочно, опередила Ахиллеса, который, съ изумительною быстротою сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, сѣлся и терялъ даромъ время.

Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, дающіе переѣсъ производству подъ формою товарищества трудящихся надъ производствомъ отдѣльнаго капиталиста, если мы вникнемъ въ громадную силу cadaго изъ этихъ обстоятельствъ и подумаемъ, въ какой громадной пропорціи должна возрастать она отъ дружной помощи двухъ другихъ обстоятельствъ, то мы должны будемъ сказать, что степень возвышенія, которую должна произвести въ благосостояніи общества эта форма, далеко превосходитъ всѣ ожиданія, къ какимъ мы способны теперь, при нашемъ

рутинномъ понятіи объ идеалѣ общественнаго благосостоянія. Какъ самыя жаркіе проповѣдники уничтоженія феодальныхъ учрежденій остались со все́ми своими панегириками призываемому новому вѣку далеко ниже дѣйствительности, которую принесъ онъ людямъ, такъ и мы теперь, какого благосостоянія ни ожидали бы отъ формы товарищества между трудящимися, не въ силахъ вообразить себѣ ничего равнаго высокому благосостоянію, которое произведетъ она въ дѣйствительности.

Думая о томъ, что люди, называющіеся учеными, воображающіе себя доброжелательными и честными, напрягаютъ все свои силы, чтобы пустозвонными декламациями и тупыми возраженіями, неидущими къ дѣлу, задержать реформу столь благотворную, мы не можемъ не имѣть къ нимъ того чувства, которое человекъ, желающій улучшеній въ жизни, имѣетъ къ обскурантамъ и ретроgrадамъ. Они говорятъ о своей добросовѣстности, объ искренности своихъ убѣжденій. Но развѣ огромное число всякихъ вообще обскурантовъ не состоитъ также изъ людей добросовѣстныхъ? Мало того, чтобы быть человекомъ честнымъ; нужно также думать о томъ, чтобы не отстать отъ потребностей вѣка въ своемъ образѣ мыслей. Тяжко грѣшитъ противъ общества тотъ, кто воображаетъ, что не нужно ему провѣрять понятій. Богъ-знаетъ какъ и Богъ-знаетъ когда зашедшихъ къ нему въ голову и принадлежащихъ положенію общества, далеко не похожему на нынѣшнее. Но если таково наше мнѣніе о такъ называемыхъ экономистахъ, то читатель видѣлъ, что мы вовсе не подвергаемъ безусловному осужденію теорію Адама Смита и Рикардо, которой они до сихъ поръ продолжаютъ держаться. Намъ кажется, что отличіе новой теоріи отъ этой устарѣлой состоитъ только въ томъ, что новая теорія, овладѣвая существенными выводами старой, развиваетъ ихъ съ полнотою и послѣдовательностью, которыхъ не могла достигать прежняя теорія. Прежняя теорія провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояніе одного народа нужно для благосостоянія другихъ. Новая теорія проводитъ тотъ же принципъ товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теорія говоритъ: все производится трудомъ; новая теорія прибавляетъ: и потому все должно принадлежать труду; прежняя теорія говорила: непроизводительно никакое занятіе, которое не увеличиваетъ массу цѣнностей въ обществѣ своими продуктами; новая теорія прибавляетъ: непроизводителенъ никакой трудъ кромѣ того, который даетъ продукты, нужные для удовлетворенія потребностей общества, согласныхъ съ расчетливою экономіею. Прежняя теорія говоритъ: свобода труда; новая теорія прибавляетъ: и самостоятельность трудящагося.

Мы все говорили только о духѣ экономического порядка, требуемаго теоріею трудящихся, но не говорили о тѣхъ способахъ, которыми она предполагаетъ достигнуть своей цѣли. Если читатель припомнитъ сказанное нами въ началѣ статьи о характерѣ правилъ, представляющихъ способъ исполненія, онъ не будетъ ожидать, чтобы мы предложили какойнибудь способъ, какъ неизбѣжный и непремѣнный. Способъ зависить отъ нравовъ народа и обстоятельствъ государственной жизни его. Англичанину кажется удобнымъ расположеніе квартиры въ два или три этажа, о чемъ и не думаютъ другіе народы. Строить его домъ по одному плану съ русскимъ или французскимъ значило бы напрасно тревожить его привычки. Можно сказать вообще только то, что каждый домъ долженъ быть опрятенъ, сухъ и теплъ. Различныхъ плановъ для исполненія требованій новой теоріи находится много, и который изъ нихъ вы захотите предпочитать другому, почти все равно, потому

что каждый изъ нихъ въ существенныхъ чертахъ своихъ сходенъ съ другими и удовлетворителенъ, и изъ каждаго легко могутъ быть удалены тѣ подробности, которыя составляютъ причину споровъ между его приверженцами и защитниками другихъ плановъ. Экономисты и обскуранты всякаго рода, либеральные и нелиберальные, говорятъ, что всѣми этими планами стѣняется индивидуальная свобода. Мы теперь не можемъ читать безъ улыбки такой упрекъ, потому что припоминаемъ о томъ, какъ случилось намъ потѣшаться надъ нимъ въ изустныхъ спорахъ. Мы употребляли военную хитрость такого рода: когда говорили намъ, что теорія, нами защищаемая, стѣняетъ индивидуальную свободу, мы спрашивали: о коиъ же, напримѣръ, изъ главныхъ мыслителей этой теоріи можетъ сказать это нашъ противникъ? Онъ называлъ нѣсколько именъ. Мы спрашивали, которое изъ нихъ принадлежитъ самому злѣйшему стѣнителю свободы? Узнавъ, кто именно жесточайшій тиранъ, мы говорили, что не можемъ защищать его, и перемѣняли разговоръ. Черезъ четверть часа мы, подъ именемъ плана, составляемаго собственно нами, излагали теорію писателя, защищать котораго отказывались прежде, и спрашивали у нашего противника замѣчаній о недостаткахъ, какіе могутъ быть въ нашемъ планѣ; онъ дѣлалъ разныя замѣчанія, но никогда не случилось намъ слышать въ числѣ ихъ, чтобы изложенный планъ стѣнялъ свободу. Выслушавъ до конца, мы говорили, обращаясь къ другимъ собесѣдникамъ: „изложенный мною планъ, въ которомъ г. такой-то, находя всякіе недостатки, не нашелъ стѣснительности для свободы, принадлежитъ именно тому мыслителю, идеи котораго онъ называлъ стѣснительными для свободы“. Послѣ этого защитникъ свободы, разумѣется, не могъ продолжать спора: оказывалось, что онъ не имѣлъ понятія о томъ, что осуждалъ. Это средство очень вѣрное. Дѣйствительно, почти ни одинъ изъ людей, нападающихъ на такъ называемые утопическіе планы, не знаетъ хорошенько сущности ни одного изъ этихъ плановъ. Да и удивительно ли, что экономисты не имѣютъ отчетливаго понятія объ идеяхъ своихъ противниковъ, если обыкновенно остаются незнакомы хорошенько даже съ Адамомъ Смитомъ, котораго называютъ своимъ учителемъ?

Пользуясь способомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, мы предлагаемъ *своей* планъ осуществленія теоріи трудящихся, прося читателей обратить вниманіе на то, стѣняется ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ нравамъ стравъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающихъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. Надобно сказать также, что въ государствѣ, для котораго предназначенъ этотъ планъ, правительство ежегодно бросаетъ десятки миліоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ и оптовымъ торговцамъ. Кромѣ того, оно даетъ десятки миліоновъ займы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ и тратитъ десятки миліоновъ на разныя великолѣпныя постройки.

Правительство назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью, для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ.

Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи. Но если оптовые торговцы и компаніи желѣзныхъ до-

рогъ получаютъ пособія, то нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ такъ же имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копѣйки казнѣ: получая проценты и постепенно возвращая выданный капиталъ, она тутъ не жертвовальница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ.

Теперь идея товарищества дѣло еще новое, и для ея осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Потому на первый разъ веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности.

Приглашаются желающіе участвовать въ составленіи товарищества. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ обоего пола; они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 и 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько же работницъ. Какъ поступили они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходить изъ него каждый можетъ, когда ему вздумается.

Въ государствѣ, къ которому относится планъ, находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ. Для товарищества всего выгоднѣе будетъ купить одно изъ такихъ зданій, поправка котораго не требовала бы особенныхъ расходовъ. Но если оно найдетъ выгоднѣйшимъ, то можно построить новыя зданія; словомъ сказать, дѣло это ведется совершенно по такому же расчету, какъ постройка или покупка зданія для какого нибудь обыкновеннаго промышленнаго заведенія. Надобно только, чтобы при зданіи было такое количество полей и другихъ угодій, какое нужно для земледѣлія по расчету рабочихъ силъ товарищества.

Разница отъ обыкновенныхъ фабрикъ и домовъ для помѣщенія работниковъ состоитъ въ томъ, что квартиры устраиваются съ тѣми удобствами, какія нужны по понятіямъ самихъ работниковъ, которые будутъ жить въ нихъ. Такъ, напримеръ, квартира для семейнаго человѣка должна имѣть число комнатъ, нужное для кромкой, но приличной жизни. Число квартиръ устраивается приблизительно соразмѣрное съ числомъ желающихъ пользоваться такими квартирами. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Обязательнаго правила тутъ нѣтъ никакого.

При зданіи находятся принадлежности, которыя требуются нравами или пользою членовъ товарищества. По нравамъ того народа и его потребностямъ такими принадлежностями считаются: церковь, школа, зала для театра, концертовъ и вечеровъ, бібліотека. Кромѣ того, разумѣется, должна быть больница.

По архитектурнымъ смѣтанъ, т. е. по цифрамъ, точность которыхъ каждый можетъ провѣрить, оказывается, что такое зданіе, со всѣми своими принадлежностями и удобствами, будетъ стоить такую сумму, что лица поселившіяся въ немъ получаютъ квартиру и гораздо лучше и гораздо дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиры полагается такая, чтобы за вычетомъ ремонта капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ обычный въ томъ государствѣ.

Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабрич-

выми дѣлами, какіи удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются на счетъ товарищества.

Словомъ сказать, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Оно ведетъ съ ними совершенно такіе же счеты, какъ фабрикантъ съ работниками, домохозяинъ съ жильцами. Новаго и неудобноисполнимаго тутъ очень мало, какъ видимъ.

Теперь, когда зданіе готово и все нужное для работъ приобретено, начинается дѣло.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ расчетовъ служить то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ какъ можно расчетливѣе, потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязательности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ, для cadaго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое же средство привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, потому во время посѣва и уборки назначаетъ за земледѣльческую работу такую плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Какъ видимъ, товарищество держится въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ въ нынѣшнее время средствъ: оно держится ихъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работники, незанимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнять новое дѣло сноснымъ образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнуть къ нему.

Мы говорили, что каждый занимается тою работою, какую эналь или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожь, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится расчетомъ. Сапожники, портные, столары конечно для него нужны, и оно найдетъ выгоднымъ имѣть такіа мастерскія. Но если бы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудить, нужна ли ему такая работа: если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, го скажетъ ювелиру, что когда онъ непремѣнно хочетъ заниматься только ювелирствомъ, а не другимъ тѣмъ-нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы гдѣ ему угодно, а оно, товарищество, не можетъ доставить ему мастерской такого рода. На первый разъ этотъ разборъ возможнаго и невозможнаго зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ.

Но власть директора не ограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены; какъ только составъ товарищества опредѣлился, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; а всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

Но вотъ прошелъ годъ; члены товарищества успѣли достаточно узнать друга друга и пріобрѣсти опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла. Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею и совершенно прекращается. Со втораго года все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ самому товариществу; оно выбираетъ всѣхъ своихъ управителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ. Быть можетъ, опытъ и наклонности членовъ товарищества указали неудобства нѣкоторыхъ опредѣленій устава, которыми управлялось товарищество въ первый годъ. Въ такомъ случаѣ что же мѣшаетъ товариществу измѣнить ихъ по своимъ надобностямъ и желаніямъ? Конечно, если первоначальный директоръ былъ человѣкъ разсудительный, если онъ принималъ людей въ члены товарищества съ осмотрительностью, то члены набрались такіе, которые понимаютъ въ чемъ сущность дѣла, къ которому они присоединились. Они вѣроятно понимаютъ, что товарищество существуетъ для возможно-большаго удобства и благосостоянія своихъ членовъ, что сущность его состоитъ въ устройствѣ, по которому каждый работникъ былъ бы свободнымъ человѣкомъ, и трудился въ свою пользу, а не въ пользу какого нибудь хозяина. Вѣроятно, также, что эти люди будутъ люди, а не звѣри, то есть не станутъ забывать, что общество обязано по возможности заботиться о сиротахъ и другихъ безпомощныхъ своихъ членахъ; вѣроятно они не захотятъ уничтожить ни школы, ни больницы, видя, что есть у товарищества достаточно средствъ для ихъ содержанія. А если такъ, то они останутся вѣрны духу и цѣли своего товарищества и тогда, когда отъ нихъ будетъ зависѣть измѣнить, какъ имъ самимъ угодно, уставъ его. А если такъ, то надобно полагать, что уставъ этотъ они не испортятъ, а развѣ усовершенствуютъ. Что именно сдѣлаютъ они для его усовершенствованія, это уже ихъ дѣло, а наше дѣло только разсказать, какой порядокъ заводится въ товариществѣ первоначальнымъ уставомъ, дѣйствовавшимъ въ первый годъ; одву часть его, относящуюся къ производству, мы изложили: теперь займемся другою, относящеюся къ распредѣленію и потребленію.

Можно, кажется, предположить, что работники, получая отъ товарищества обыкновенную плату обыкновеннымъ порядкомъ, будутъ работать не хуже обыкновеннаго. Мы предполагаемъ, что управленію товарищества едва ли понадобится прибѣгать къ исключенію какого нибудь члена товарищества за лѣность; а если понадобится—что дѣлать!—оно исключитъ его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣнливаго работника. Но лѣнливыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя, какъ мы увидимъ, болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему качеству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣняется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то остается она и у товарищества. Однѣ часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе; третья на запасный капиталъ, который будетъ служить, такъ сказать, застрахованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. (Если товариществъ много, этотъ запасный капиталъ служитъ

основаніемъ для ихъ взаимнаго застрахованія отъ разныхъ невзгодъ. Когда же возрастаніе его представить возможность, онъ также обращается на пособіе вновь основываемымъ товариществамъ). За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ, должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней.

Нашъ уставъ написанъ именно въ томъ предположеніи, что эта сумма, остающаяся для дивиденда, будетъ значительна. Почему мы такъ думаемъ? Просто потому, что хозяинъ частной фабрики также имѣетъ всѣ расходы, которые мы вычитали изъ прибыли товарищества: онъ также платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, также еодержитъ, если только онъ человѣкъ честный, и церковь, и школу, и больницу (и надобно замѣтить, что, чѣмъ больше онъ тратитъ на эти учрежденія, требуемая понятіями или пользами его работниковъ, тѣмъ больше остается у него чистой прибылью); накопецъ, онъ также застраховываетъ свою фабрику, — издержка, соответствующая образованію запаснаго капитала въ товариществѣ, — и за всѣми этими расходами у него все еще остается значительная сумма, которая одна собственно и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свою фабрику, если бы эта сумма, остающаяся у него въ рукахъ, не была значительна. Нѣтъ причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менѣе успѣшно, нежели у него, а есть причина полагать, что она пойдетъ успѣшнѣе; потому-то и мы говоримъ, что дивидендъ въ товариществѣ будетъ значителенъ.

Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгодности товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ изъ производства. Другую сторону выгодности доставляетъ посредничество товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе.

Мы уже говорили, что всѣ желающіе члены пользуются въ общественномъ зданіи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно также они могутъ брать, если захотятъ, всякія нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества по оптовой цѣнѣ, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 коп. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ малевькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получается онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 коп. за фунтъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно. Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стоитъ еще дешевле, нежели покупка порцій изъ общей кухни на квартиру.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ пока ровно ничего особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи гдѣ хочешь, живи какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево, и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда.

Вотъ именно этотъ самый планъ имѣетъ свойство возбуждать въ экономистахъ истолой школы непомовѣрное негодованіе своею ужасною притѣснительностью, своимъ противорѣчіемъ со всѣми правилами коммерческаго разсчета, своею противо-

естественностью и своимъ пренебреженіемъ къ личному интересу, безъ котораго нѣтъ энергіи въ трудѣ. Хорошій отсталый эвономистъ скорѣе согласится пойти въ негры и всѣхъ своихъ соотечественниковъ тоже отдать въ негры, нежели сказать, что въ плавлѣ этомъ нѣтъ ничего слишкомъ дурного или неудобноисполнимаго.

Почему же такая простая и легкая мысль до сихъ поръ не осуществилась и по всей вѣроятности долго не осуществится? Почему такая добрая мысль возбуждаетъ негодованіе въ тысячахъ людей добрыхъ и честныхъ? Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда нибудь въ другой разъ.

СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ ПОДПИСЧИКОВЪ НА СОВРЕМЕННОМЪ 1859 Г. ПО ГУБЕРНІЯМЪ И ГОРОДАМЪ.

„Современникъ“ въ 1859 г. печатался въ числѣ 5,500 экземпляровъ. Они распредѣлялись между подписчиками по губерніямъ и городамъ слѣдующимъ образомъ *):

Все издаше разошлось въ теченіе первой половины года, такъ что съ августа мѣсяца редакция принуждена была прекратить подписку на журналъ, за неимѣніемъ экземпляровъ.

Мы печатаемъ эти свѣдѣнія и представляемъ таблицу подписчиковъ, находя, что она можетъ быть интересною для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей. Никакихъ общихъ выводовъ изъ нея нельзя дѣлать, потому что неизвѣстно, отчего зависитъ большее или меньшее количество подписчиковъ на „Современникъ“ въ разныхъ мѣстностяхъ—отъ развитія ли любви къ чтенію вообще, или отъ взгляда глѣстнаго общества именно на нашъ журналъ. Можно только видѣть, что наибольшее количество подписчиковъ нашихъ, послѣ столичныхъ губерній падаетъ на Новороссійскій край и малороссійскія губернія. Въ Херсонской (237) и Екатеринославской (211) губерніяхъ было болѣе всѣхъ. Затѣмъ много было въ Харьковской (190), Полтавской (188), Курской (111), Кіевской (96), Таврической (95), Ставропольской (94), Воронежской (88), Черниговской (82). Въ губерніяхъ собственно великорусскихъ (о бѣлорусскихъ, польскихъ и финляндскихъ не говоримъ) число подписчиковъ большею частію стоитъ ниже этой цифры. Изъ нихъ имѣютъ болѣе 80 подписчиковъ только губерніи Саратовская (105), Тамбовская (98), Орловская (92) и Тульская (91). Остальныя большею частію держатся около 30—60. Всего менѣе въ губерніяхъ Олонецкой (9) и Архангельской (16). Сравнительно съ числомъ населенія, довольно много подписчиковъ и въ Сибири. Напримѣръ, въ Енисейской губерніи, имѣющей почти столько же жителей, какъ и Олонецкая, подписчиковъ 38, вчетверо болѣе; Иркутская, населенная вчетверо менѣе Казанской, выписываетъ почти столько же экземпляровъ (59), какъ и Казанская (69), хотя Казань—университетскій городъ. Въ городѣ Иркутскѣ, на 25,000 жителей, получается болѣе экземпляровъ (37), нежели, напримѣръ, во всей Вятской губерніи, имѣющей два мильона населенія.... Впрочемъ, какъ част-

*) Далѣе идетъ таблица, не помѣщаемая нынѣ, какъ утратившая уже свой спеціальныи интересъ.

ные и единичные факты, эти цифры еще ничего не доказываютъ. Можно изъ сличенія ихъ вывести, пожалуй, нѣкоторыя странности, можно сдѣлать нѣсколько курьезныхъ вопросовъ: напримѣръ, что значить, что Луганскій заводъ, въ которомъ живетъ всего до 800 человекъ, выписываетъ столько же экземпляровъ „Современника“, сколько вся Олонецкая губернія (9 экземпляровъ)? Отчего во всей Самарской губерніи полтора мильона населенія получаютъ столько экземпляровъ (30), сколько идетъ въ одинъ городъ Пензу? Отчего въ Новомиргородъ (8000 жит.) идетъ 25 экземпляровъ, въ Верхнедѣпровскъ (3000 жит.)—23, а въ Нижній Новгородъ (40,000 жит.)—только 21? Отчего ни одного экземпляра „Современника“ не выписывается, напр., въ слѣдующихъ городахъ: въ Колѣ, въ Пинегѣ, въ Черномъ-Ярѣ, въ *Великомъ-Устюгѣ*, въ Боровскѣ, въ *Бугѣ*, *Кологривѣ*. Духъ и Пучежъ (Костромск.), въ *Верепѣ* и *Звенигородѣ* (Москов.), въ Каргополѣ, *Олонцѣ* и Повѣнци (Олонецк.), въ Мокшанскѣ, *Чердыни*, *Пронскѣ*, въ *Гатчинѣ*, *Ораніенбаумѣ*, *Павловскѣ* и *Стрѣльнѣ*, въ Балаклавѣ и Кинбурнѣ, въ *Ворисоглыбскѣ* и *Спаскѣ*, въ Алексинѣ и Ефремовѣ, въ *Романовъ-Борисоглыбскѣ*, и проч. Мы, разумѣется, наклонны къ тому, чтобы сдѣлать упрекъ всѣмъ такимъ городамъ, неимѣющимъ ни одного подписчика на „Современникъ“. Но, разумѣется, всѣ подобныя замѣчанія и вопросы могутъ имѣть значеніе только тогда, когда у насъ будутъ цифры подписчиковъ *всѣхъ* журналовъ, по губерніямъ и городамъ. Тогда возможно будетъ сдѣлать какіе нибудь выводы. Мы печатаемъ свѣдѣнія о количествѣ своихъ подписчиковъ по списку газетной экспедиціи Санктпетербургскаго почтамта, именно въ той надеждѣ, что и другіе журналы захотятъ послѣдовать нашему примѣру и откроютъ публикѣ эту тайну, которую до сихъ поръ почему-то старались не открывать публикѣ. По нашему мнѣнію, скрытность здѣсь совершенно бесполезна и неумѣтна. Казенныя учрежденія и акціонерныя компаніи безпрестанно печатаютъ подробные отчеты; что же намъ-то скрываться? Конечно, мы не обязаны публикѣ отчетомъ о степени матеріальнаго успѣха изданія: но если свѣдѣнія объ этомъ могутъ быть къ чему нибудь пригодны въ ряду общихъ знаній, то почему же и не объявить ихъ во всеобщее свѣдѣніе? А свѣдѣнія о распространеніи журналовъ въ публикѣ могутъ быть очень важны для статистики, если не образованія, то по крайней мѣрѣ—*любви къ чтенію въ Россіи*. И вотъ почему мы, печатая свой списокъ, надѣемся, что примѣру нашему послѣдуютъ и другіе журналы.

ЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.

I.

I. Характеръ Луи-Филиппа. Смерть принца Конде.—II. Процессъ министровъ Карла X. Открытый разрывъ съ демократами, потомъ и съ либералами. Отставка Лафайета и Лафита.—III. Министерство Казимира Перье. Размѣръ улучшеній, произошедшихъ изъ юльскихъ событій.—IV. Новый элементъ французской исторіи. Ліонское возстаніе.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ первой книги „Мемуаровъ“ Гизо, мы помѣстили въ „Современникъ“ очеркъ политической исторіи Франціи въ эпоху реставраціи. Теперь мы хотимъ воспользоваться второю частью записокъ Гизо, чтобы представить читателямъ исторію Франціи при юльской монархіи. Какъ въ статьяхъ „Борьба партій во Франціи въ эпоху реставраціи“ мы вовсе не держались книги, изданіе которой служило для насъ только предлогомъ для изложенія фактовъ по совершенно инымъ источникамъ и съ точки зрѣнія, диаметрально противоположной взгляду Гизо, такъ и теперь вовсе не Гизо будетъ нашимъ руководителемъ. Читатель, знакомый съ литературою французской исторіи, конечно назоветъ наши рассказы почти простымъ переводомъ, —мы и не имѣемъ другой претензіи, кромѣ той, чтобы эти статьи могли назваться не совсѣмъ дурнымъ переводомъ. Теперь мы считаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ, но со временемъ удовлетворимъ и требованію библиографической точности представленіемъ цитатъ, отъ приведенія которыхъ нынѣ уклоняемся только для того, чтобы не сдѣлать свое изложеніе чрезмерно тяжелымъ.

Въ статьяхъ о реставраціи, мы довели рассказъ до возведенія на французскій престолъ принца Орлеанскаго. Мы не будемъ останавливаться на формальностяхъ, которыми сопровождался переходъ власти отъ Бурбоновъ къ ихъ родственнику. Легкая передѣлка конституціи, нѣкоторыя новыя гарантіи для свободы печати, не слишкомъ прочныя, — все это само по себѣ не было дѣломъ такой великой важности, чтобы стоило долго останавливаться надъ техническими подробностями произведенныхъ реформъ. Тѣ стороны новыхъ учрежденій, знаніе которыхъ будетъ полезно для объясненія смысла тѣхъ или другихъ событій, будутъ изложены нами или рассказъ объ этихъ фактахъ. Читатель согласится, что намъ нѣтъ надобности рассказывать о новыхъ учрежденіяхъ слишкомъ подробно, если вспомнить, что новое правительство съ перваго же раза стало стремиться къ тому, чтобы всѣ либеральныя передѣлки прежнихъ законовъ остались только на бумагѣ. Такимъ образомъ, мы прямо начинаемъ съ рассказа о событіяхъ. Ходъ событій въ очень значительной степени опредѣлялся характеромъ новаго короля, и черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Луи-Филиппа произошелъ случай, очень ясно обрисо-

совывавшій ту сторону его характера, которая привела Францію къ лишенію свободы, а его собственную династію повела въ изгнаніе.

Сынъ Луи-Жозефа Конде, знаменитаго предводителя эмигрантской арміи, отецъ герцога Ангьенскаго, извѣстнаго своею трагическою смертію, принцъ Луи-Генрихъ-Жозефъ Конде, герцогъ Бурбонскій, послѣдній потомокъ фамиліи Конде, былъ въ свое время храбрымъ офицеромъ, но въ 1830 году имѣлъ уже около 75 лѣтъ, и прежняя отважность замѣнилась въ дряхломъ старикѣ боязливостію. Онъ давно уже не вмѣшивался въ политическія дѣла и тихо жилъ въ своихъ громадныхъ помѣстьяхъ, цѣнность которыхъ простиралась до семидесяти милліоновъ франковъ. При извѣстіи о катастрофѣ, постигнувшей Бурбонъ, онъ совершенно растерялся. Онъ трепеталъ за Карла X, трепеталъ самъ за себя; приближенные напоминали ему о прежнемъ его мужествѣ, но слабый старикъ находился подъ властію женщины, интересы которой были связаны съ выгодами орлеанскаго дома.

Происхожденіе этой женщины было темно, даже фамильное имя ея неизвѣстно съ достовѣрностію; говорятъ, что она когда-то играла на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ; потомъ жила она съ какимъ-то роскошнымъ богачемъ; наконецъ успѣла овладѣть старикомъ Конде; при его посредничествѣ она успѣла выйдти замужъ за барона де-Фёшера, незнавшаго объ ея истинныхъ отношеніяхъ къ принцу. Женщина умная, красивая лицомъ, соединявшая искательность съ надменностію, умѣвшая казаться то нѣжной, то гордой, баронесса де-Фёшеръ умѣла устроить такъ, что принцъ Конде въ 1824 г. написалъ завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ ей помѣстья Сенъ-Лё и Буасси. Она уже пользовалась и при его жизни доходами съ нихъ, но ей казалось мало этихъ подарковъ и огромныхъ суммъ, выпрошенныхъ ею у принца. Черезъ нѣсколько времени Конде прибавилъ въ своемъ завѣщаніи новый подарокъ ей — Ангьенскій лѣсъ. Баронесса безпокоилась за судьбу этихъ пріобрѣтеній: она боялась, что по смерти принца законные наслѣдники, принцы Роганы, заведутъ съ нею процессъ. Она искала опоры своимъ правамъ и убѣждала герцога Конде усыновить герцога Омальскаго, бывшаго крестникомъ принца, одного изъ сыновей Луи-Филиппа. Существуютъ документы объ этихъ переговорахъ, начавшихся въ 1827 году. Герцогиня Орлеанская, супруга Луи-Филиппа, писала къ баронессѣ де-Фёшеръ письма, въ которыхъ благодарила ее за хлопоты объ усыновленіи герцога Омальскаго принцемъ Конде и увѣряла ее въ своей защитѣ. Вотъ одинъ отрывокъ изъ этой переписки: „Я очень признательна, писала герцогиня баронессѣ, за вашу заботливость, и повѣрьте, что если я дождусь счастья видѣть своего сына усыновленнымъ со стороны принца Конде, то вы всегда и при всякихъ обстоятельствахъ найдете для себя и для всѣхъ близкихъ къ вамъ въ насъ ту опору, которой требуете; признательность матери служить вамъ вѣрнымъ ручательствомъ за то“. Но герцогъ Конде медлил уступить настояшьямъ баронессы, и тогда герцогъ Орлеанскій присоединилъ свои личныя убѣжденія къ просьбамъ баронессы. 2 мая 1829 года Луи-Филиппъ написалъ принцу Конде очень ловкое письмо, въ которомъ говорилъ о своей признательности къ баронессѣ де-Фёшеръ за ея хлопоты и о томъ, какъ пріятно будетъ видѣть ему одного изъ своихъ сыновей носщимъ славное имя Конде. Старикъ былъ смущенъ. Старинный эмигрантъ, онъ не любилъ Луи-Филиппа, фамилія котораго щеголяла либерализмомъ. Но онъ не зналъ, какъ сказать, что вовсе не имѣетъ того желанія, за которое благодарить его герцогъ; онъ боялся раздражить и баронессу, черезъ посредство которой при-

носилаь ему слишкоь ранняя благодарность. При томъ баронесса увѣряла его, что Карль X и всѣ Бурбоны желаютъ усыновленія, котораго она требуетъ. Вотъ отрывокъ одного изъ ея писемъ: „Король и королевская фамилія желаютъ, чтобы вы избрали одного изъ родственныхъ вамъ принцевъ наслѣдникомъ вашего имени и состоянія. Они думаютъ, что я одна мѣшаю исполненію этого желанія. Умоляю васъ, освободите меня отъ этого тяжелаго положенія, избравъ себѣ наслѣдника. Этимъ вы обезпечите, мой милый другъ, благосклонность королевской фамиліи и менѣе несчастное будущее для вашей бѣдной Софіи“. Принцъ Конде упрекаль баронессу за то, что она, не спросивъ его мнѣнія, не разузнавъ объ его намѣреніяхъ, вступила съ герцогомъ Орлеанскимъ въ переговоры о столь важномъ дѣлѣ. Но баронесса продолжала настаивать, говоря, что только усыновленіемъ герцога Омальскаго принцъ можетъ обезпечить ея собственную будущность, и наконецъ устроила свиданіе между принцемъ Конде и герцогомъ Орлеанскимъ. Ничего рѣшительнаго привць Конде не сказала на этомъ свиданіи; но герцогъ Орлеанскій привазаль Дюпену старшему, своему повѣренному въ дѣлахъ, приготовить для герцога Конде проектъ завѣщанія въ пользу принца Омальскаго. Это порученіе, какъ и всѣ переговоры, оставалось въ секретѣ. Но изготовленіемъ завѣщанія значительно облегчалось дѣло: имѣя готовую бумагу, баронесса де-Фѣшеръ могла воспользоваться первою благопріятною минутою, чтобы получить подпись принца Конде. Она продолжала настаивать. Старикъ жаловался и сердился.хлопоты баронессы о завѣщаніи лишали его покоя и онъ проводилъ ночи безъ сна: „они хотятъ моей смерти, говорилъ онъ: — какъ только получаютъ они то, чего желаютъ, моя жизнь будетъ въ опасности“. Въ своемъ отчаяніи, онъ, чтобы избѣжать преслѣдованій баронессы де-Фѣшеръ, вздумалъ наконецъ обратиться къ великодушію самого герцога Орлеанскаго. „Дѣло, занимающее насъ, писалъ онъ герцогу 20 августа 1829, было начато баронессою де-Фѣшеръ безъ моего вѣдома и нѣсколько легкомысленно; оно чрезвычайно тяжело для меня — вы сами могли это видѣть“. Онъ умоляль Луи-Филиппа просить баронессу де-Фѣшеръ, чтобы она оставила свои требованія объ усыновленіи герцога Омальскаго, общая ему „дать доказательство“ своего расположенія. Герцогъ Орлеанскій исполниль просьбу: отправился въ баронессѣ и въ присутствіи свидѣтеля, который могъ бы передать его слова принцу Конде, уговаривалъ ее прекратить свои настоянія. Само собою разумѣется, что баронесса де-Фѣшеръ рѣшительно отказала ему и объявила, что не можетъ не хлопотать въ пользу его сына. Дѣйствительно, она продолжала св/и хлопоты съ такимъ усердіемъ, что вечеромъ 29 августа одинъ изъ приближенныхъ людей принца, Сюрваль, которому принцъ уже и прежде жаловался ва свои страданія по дѣлу о завѣщаніи, услышалъ въ комнатѣ принца крики и стоны. Онъ вошелъ въ комнату. Тамъ были баронесса де-Фѣшеръ и принцъ, опечаленный и раздраженный. „Это страшно, жестокое дѣло! — воскликнулъ принцъ: приставляютъ мнѣ ножъ къ горлу, чтобы принудить меня сдѣлать актъ, столь непріятный для меня!“ Онъ схватилъ баронессу за руку и продолжалъ, сопровождая свои слова соотвѣтствовавшими ихъ смыслу жестаи: „ну, чтожь? рѣжьте же мнѣ горло этимъ ножемъ — рѣжьте!“ На другой день, 30 августа, принцъ Конде подписалъ завѣщаніе, по которому дѣлалъ принца Омальскаго своимъ наслѣдникомъ и завѣщаль баронессѣ на 10 миллионъ франковъ имущества въ помѣстьяхъ и въ деньгахъ.

Это было ровно за одиннадцать мѣсяцевъ передъ іюльской революціей. Черезъ

нѣсколько времени придворные привца замѣтили перемѣну въ его отношеніяхъ къ баронессѣ: ея имя производило на него тяжелое впечатлѣніе, котораго онъ иногда не могъ скрыть. Онъ по прежнему выказывалъ ей нѣжность, не жалѣлъ для нея денегъ, но въ его нѣжности къ ней замѣтенъ былъ страхъ. Онъ не распечатывалъ при ней получаемыхъ писемъ, какъ дѣлалъ прежде. Днумъ изъ своихъ приближенныхъ онъ сказалъ наконецъ, что хочетъ предпринять далекое путешествіе, и просилъ ихъ держать этотъ проэктъ въ секретѣ, особенно отъ баронессы де-Фѣшеръ. Время шло, и совершилась іюльская революція; отецъ принца Омальскаго сдѣлался королемъ французовъ. Между тѣмъ происходили у него съ баронессою странныя сцены. Утромъ 11 августа Манури, любимый камердинеръ принца, вошедши въ его спальную, увидѣлъ у старика царапину около глаза. Принцъ поторопился объяснить ему происхожденіе раны: „повернувшись на кровати, я ударился глазомъ о столикъ“, сказалъ онъ. Манури замѣтилъ на это, что столикъ ниже кровати и удариться о него нельзя. Черезъ нѣсколько минутъ Манури, разстлалъ коверъ въ туалетной комнатѣ принца, увидѣлъ подъ дверью потайной лѣстницы письмо и подаль его принцу. Принцъ очень смутился, взглянувъ на письмо, и сказалъ: „я не умѣю хорошо лгать. Я сказалъ, что ушибся, повернувшись во снѣ на постели: нѣтъ, я хотѣлъ отворить дверь, упалъ и ударился вискомъ о панель“. Послѣ того принцъ просилъ Манури, чтобы онъ ложился спать у дверей его комнаты. Манури замѣтилъ, что прислуга будетъ говорить объ этомъ, потому что но ея понятіямъ принцу натуральнѣе было бы класть у дверей сноей комнаты другаго камердинера, Леконта, который былъ рекомендованъ принцу баронессою де-Фѣшеръ. „Нѣтъ, если такъ, лучше оставить эту мысль“, отвѣчалъ принцъ.

Черезъ нѣсколько дней принцъ объявилъ одному изъ своихъ довѣренныхъ людей, капитану Шуло, что рѣшился уѣхать.

25 августа, за два дня до смерти принца, баронесса Фѣшеръ взяла у Ротшильда вексель на Англію въ 500,000 франковъ. На другой день въ девятомъ часу утра служители принца слышали жаркую сцену въ его комнатѣ между нимъ и баронессою. Манури, когда вошелъ въ комнату, увидѣлъ его въ страшномъ разстройствѣ. Принцъ велѣлъ подать себѣ одеколона. Онъ послалъ за Шуло, который устраивалъ его секретную поѣздку. Но вечеромъ старикъ былъ довольно веселъ, играя въ вистъ съ баронессою де-Фѣшеръ и двумя придворными. Уходя спать, онъ сдѣлалъ слугамъ дружескій жестъ, который удивилъ ихъ, показавшись имъ знакомъ прощанія. Это было вечеромъ 26 августа.

Спальная принца Конде соединялась небольшимъ корридормъ съ комнатами, въ которыхъ жили разныя лица его штата. Нѣкоторыя изъ нихъ легли спать не раньше двухъ часовъ, но они не слышали никакого шума въ спальній. Остальная часть ночи также прошла совершенно спокойно.

Утромъ (27 августа 1830) камердинеръ принца Леконтъ пошелъ въ 8 часовъ къ принцу, который наканунѣ приказалъ разбудить себя въ это время. Онъ постучалъ въ дверь — отвѣта не было. Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько времени воротился съ Бонни, находившимся въ штатѣ принца; они снова постучались: отвѣта также не было. Леконтъ и Бонни, обезпеченные, пошли сказать объ этомъ баронессѣ Фѣшеръ. „Услышавъ мой голосъ, онъ будетъ отвѣчать“, сказала она и пошла вмѣстѣ съ ними. Но отвѣта не было по прежнему. Между тѣмъ весь домъ уже встревожился. Сошлись слуги. Манури желѣзнымъ ломомъ выбилъ дверь и вошелъ

въ спальную принца вмѣстѣ съ Леконтонъ и Бонни. Ставни, бывшіе у оконъ изнутри, были затворены, въ комнатѣ было очень темно, на каминѣ горѣла свѣча, но она стояла за экраномъ, скрывавшимъ свѣтъ. При этомъ слабѣе освѣщеніи вошедшіе служители увидѣли голову принца прислоненною ко внутреннему ставню одного изъ оконъ: фигура старика имѣла такое положеніе, какъ будто бы онъ подслушивалъ, что говорятъ за окномъ. Манури поспѣшно раскрыли ставни другаго окна. Тутъ увидѣли, что такое произошло: принцъ Конде былъ повѣшенъ, или лучше сказать прицѣпленъ къ задвижкѣ ставни. Всѣ бросились въ спальную. Баронесса де-Фѣшеръ съ воплемъ упала на кресло.

Герцогъ былъ привязанъ къ задвижкѣ ставни двумя носовыми платками, связанными въ одну веревку. Конецъ одного платка былъ привязанъ въ задвижкѣ, другой платокъ обвязанъ около шеи. Но этотъ платокъ, окружавшій шею, былъ связанъ неподвижнымъ узломъ, а не петлею, которая могла бы удушить; онъ не сдавливалъ шеи и былъ повязанъ такъ слабо, что вошедшіе люди легко всовывали пальцы между нимъ и шею. Голова мертваго свѣсилась на грудь, лицо его было блѣдно. Языкъ у него не былъ высунутъ, какъ высовывается у людей удушаемыхъ петлею; руки были сложены, колѣна подогнуты и пальцы ногъ касались пола. Всѣ эти обстоятельства въ положеніи тѣла противорѣчили мысли о самоубійствѣ.

Явилось мѣстное начальство, потомъ король прислалъ высшихъ сановниковъ. Принцъ Луи-Роганъ, который былъ бы наслѣдникомъ принца Конде, если бы Конде умеръ безъ завѣщанія, не былъ увѣдомленъ о его смерти: онъ только изъ газетъ узналъ о кончинѣ человѣка, наслѣдство послѣ котораго отнималось у него завѣщаніемъ, неизвѣстнымъ ему до той поры.

Были составлены протоколы о положеніи, въ которомъ нашли тѣло, и состояніи комнаты. Эти протоколы говорили о самоубійствѣ. Главнымъ доводомъ въ подтвержденіе мысли о самоубійствѣ было обстоятельство, ничтожность котораго раскрылась позднѣйшимъ слѣдствіемъ: спальная изнутри была заперта задвижкой, такъ что безъ шума нельзя было войти въ нее. Но потомъ, когда начали пробовать, нельзя ли отодвинуть задвижку снаружи, оказалось, что можно было снаружи продѣть сквозь дверь ленту и отодвигать задвижку. Предположили, что принцъ для совершенія самоубійства сталъ на стулъ, съ котораго потомъ спустился. Но стулъ этотъ находился такъ далеко отъ тѣла, что отъ этого предположенія должны были потомъ отказаться даже люди, его высказавшіе.

Въ противность протоколамъ, говорившимъ о самоубійствѣ, свидѣтельствовали всѣ обстоятельства. Дряхлость принца, вялость его характера, извѣстная его религіозность, ужась, какой внушала ему одна мысль о смерти, его мнѣніе о самоубійствѣ, какъ о дѣлѣ трусливомъ и низкомъ, веселость, которую онъ обнаруживалъ въ предыдущіе дни, — всѣ эти соображенія разрушали догадку, порожденную тѣмъ обстоятельствомъ, что дверь была заперта. Всѣ вещи, найденныя въ комнатѣ принца, показывали, что, приготовляясь спать, онъ располагалъ провести слѣдующій день, какъ всегда проводилъ свои дни. Карманные часы его, лежавшіе на каминѣ, были заведены вечеромъ, по его обыкновешію, а подъ изголовьемъ лежалъ его носовой платокъ, завязанный узелкомъ на концѣ, какъ онъ дѣлалъ ложась спать, когда хотѣлъ напомнить себѣ этимъ узелкомъ что нибудь на слѣдующее утро. Самое тѣло висѣло такъ, что упиралось ногами въ полъ. Одинъ изъ лакеевъ принца, Гоманцо, путешествовавшій по Турціи и по Египту и видѣвшій много повѣшен-

ныхъ, говорилъ, что тѣло принца вовсе не имѣеть такого вида, что у повѣшенныхъ цвѣтъ лица бываетъ не блѣдный, а черный, что глаза у нихъ остаются открытыми и языкъ высовывается изо рта,—этихъ признаковъ не было въ тѣлѣ принца. То же самое подтверждать другой слуга, ирландецъ Файфъ, также видѣвшій много повѣшенныхъ. Когда стали отвязывать трупъ отъ окна Роханцо только съ большимъ трудомъ успѣлъ развязать узелъ платка, прикрѣпленный къ задвижкѣ ставня,—такъ искусно былъ сдѣланъ этотъ узелъ. Между тѣмъ вся прислуга принца знала, что онъ не умѣеть даже завязать лентъ на своихъ башмакахъ, по чрезвычайной неловкости. Кромѣ того кисть правой руки его имѣла сабельную рану, а ключица лѣвой руки была сломана, такъ что онъ не могъ поднять лѣвую руку къ шеѣ, стало быть не могъ завязать платка, ее окружавшаго; и дѣйствительно, когда онъ повязывалъ галстухъ, ему долженъ былъ помогать камердинеръ. Протоколы говорили, что онъ становился на стулъ, чтобы повѣситься. Но этотъ стулъ былъ слишкомъ далеко отъ тѣла, и притомъ всѣ знали, что принцъ съ трудомъ можетъ поднимать ногу даже на одну ступень лѣстницы: онъ могъ входить на лѣстницу не иначе, какъ держась одною рукою за перила, другою рукою опираясь на палку; трудно было такому разслабленному старику взлѣзть на стулъ и удержаться на немъ.

Мало того, были признаки, указывавшіе, что ночью кто-то входилъ въ комнату. Принцъ почти никогда не надѣвалъ туфель и онѣ почти всегда оставались у кресла, на которомъ онъ раздѣвался. Теперь туфли стояли у постели. Прислуга, убиравшая вечеромъ постель, всегда вдвигала ее въ глубину алькова; такъ была придвинута кровать и вечеромъ 26 числа; теперь кровать была найдена отодвинутой отъ стѣны на полтора фута. Когда вошли въ спальную, на каминѣ стояли двѣ восковыя свѣчи, недогорѣвшія и погашенныя: кто могъ погасить ихъ,—неужели принцъ? Неужели онъ нарочно оставилъ себя въ темнотѣ, занимаясь многосложными приготовленіями къ самоубійству?

Баронесса Фѣшеръ защищала предположеніе о самоубійствѣ. Но странно было, что, рѣшаясь на самоубійство, онъ не написалъ ни одного слова прощанья, не подумалъ о томъ, чтобы избавить отъ подозрѣнія служителей, которыхъ любилъ. Для освидѣтельствованія трупа были присланы три доктора: они рѣшили, что принцъ самъ лишилъ себя жизни, повѣсившись у окна. Но двое изъ нихъ находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; а докторъ принца не былъ приглашенъ присутствовать при освидѣтельствованіи тѣла. Одинъ изъ людей, невѣрившихъ самоубійству, Мери Лафонтенъ, доказалъ, что принцу нельзя было умереть въ томъ положеніи, какъ его нашли: онъ самъ привязывалъ шею къ задвижкѣ окна и опускался на полъ, принимая позу, въ какой нашли тѣло: петля не душила его въ этой позѣ. Къ довершенію всѣхъ сомнѣній въ самоубійствѣ найдено было новое обстоятельство. Кромѣ обыкновенной двери, запертой задвижкою, въ спальную принца вела другая потайная дверь и одинъ изъ свидѣтелей, вошедшихъ въ комнату утромъ 27 августа, утверждалъ, что дверь эта не была заперта.

Мало-по-малу предположеніе о самоубійствѣ стало казаться для всѣхъ невѣроятнымъ. Аббатъ Пелье, хоронившій Конде, сказалъ въ надгробномъ словѣ: „Принцъ невиненъ передъ Богомъ въ своей смерти“. Правительство не захотѣло напечатать эту проповѣдь въ Монитёрѣ.

Въ протоколахъ, говорившихъ о самоубійствѣ, были найдены неточности и на-

тяжки. Общая молва заставила правительство произвести слѣдствіе. Но когда слѣдователь, де-ла-Гюпруа, сталъ ревностно заниматься раскрытіемъ обстоятельствъ, его уволили въ отставку, но въ замѣнъ того дали его зятю должность, о которой давно хлопоталъ Гюпруа. Слѣдствіе о смерти принца Конде перешло въ другія руки и дѣло скоро было замято.

Молва винила въ смерти принца баронессу де-Фёшеръ; она сначала тревожилась, но скоро стала спокойна. Она была приглашена ко двору и весь Парижъ изумлялся такому приглашенію; подозрѣнія усилились; говорили, что самъ Луи-Филиппъ долженъ быть соучастникомъ въ ея преступленіи. Ему оставалось одно средство очиститься отъ подозрѣній: онъ долженъ былъ бы отказаться за своего сына отъ наслѣдства Конде. Но это наслѣдство простиралось до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, и такая жертва была выше силъ Луи-Филиппа. Наканунѣ своего восшествія на престоль, онъ передалъ дарственной записью своимъ дѣтямъ громаднаго родовыя имѣнья Орлеанскаго дома, чтобы уклониться отъ дѣйствія закона, по которому личное имущество человѣка, восходящаго на французскій престоль, становилось государственнымъ имуществомъ. Этотъ дарственный актъ уже возбудилъ чрезвычайное неудовольствіе, поднялъ ропотъ о своекорыстіи. Теперь, черезъ три недѣли послѣ начала новаго правительства, дѣло о смерти принца Конде дало пишуновому, еще болѣе черному подозрѣнію. Конечно нельзя раздѣлять нелѣпыхъ тогдашнихъ подозрѣній о прямомъ соучастіи Луи-Филиппа въ смерти принца Конде; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что принцъ былъ насильственно лишенъ жизни, что виновницей его смерти была баронесса де-Фёшеръ, которая опасалась, что принцъ ускользнетъ изъ-подъ ея власти и переимѣнитъ завѣщаніе, или хотѣла поскорѣе вступить во владѣніе завѣщанными ей богатствами. Не подлежитъ сомнѣнію то, что Луи-Филиппъ покровительствовалъ подозрѣваемой баронессѣ и почелъ нужнымъ затушить дѣло, результатовъ котораго опасалась баронесса: если бы она не боялась строгаго изслѣдованія, не нужны были бы усилія придать дѣлу тотъ оборотъ, которымъ отстранялась юридическая опасность, но усиливались подозрѣнія. Покровительство баронессѣ де-Фёшеръ по смерти принца Конде было очень вредно для репутаціи самого Луи-Филиппа. Но все равно, наконецъ, была ли виновна баронесса въ смерти своего любовника, или онъ самъ лишилъ себя жизни, во всякомъ случаѣ неоспоримымъ фактомъ остаются продолжительныя интриги, веденныя Луи-Филиппомъ вмѣстѣ съ этой женщиной для принужденія слабаго старика завѣщать свое безмѣрное богатство принцу Омальскому. Эта часть дѣла доказана документами, а она уже и сама по себѣ очень дурна.

Мы пропускаемъ дипломатическія сношенія, вниманіе къ которымъ только отвлекаетъ и народы, и исторію отъ мыслей о развитіи внутреннихъ учреждений, т. е. отъ предметовъ, исключительно имѣющихъ существенную важность для благосостоянія обществъ. Довольно замѣтить общій характеръ впечатлѣнія, произведеннаго на Францію первыми дѣйствіями внѣшней политики Луи-Филиппа. Подобно русской и англійской націямъ, французская нація достигла такой государственной силы, что не нуждается ни въ чьей снисходительности для своего независимаго существованія. Ни англичане, ни нѣмцы, никакой другой народъ не могли имѣть въ 1830 году ни малѣйшей претензіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, утверждать своимъ согласіемъ, или колебать своимъ неодобреніемъ переимѣны въ ней происшедшія. Потому французы были справедливы, оскорбляясь униженнымъ

смирениемъ, съ какимъ Луи-Филиппъ вынрашпвалъ у иноземныхъ державъ своего признанія королемъ французовъ. Роль, которая могла быть прилична бельгийцамъ, просившимъ признанія своей самостоятельности у Европы, не годилась для Франціи, имѣющей силы достаточныя для того, чтобы держать себя независимо. Другимъ источникомъ неудовольствія внутри самой Франціи было положеніе, принятое правительствомъ Луи-Филиппа относительно слабыхъ государствъ, увлеченныхъ къ внутреннимъ переворотамъ событіями іюльскихъ дней. Во многихъ мѣстахъ Европы произошли волненія, имѣвшія ту же цѣль, какъ іюльскій переворотъ. Принципы, вводимые въ государственную жизнь второстепенныхъ итальянскихъ и другихъ государствъ этими движеніями, были несогласны съ принципами остальныхъ сильныхъ континентальныхъ государствъ, которыя начали дѣйствовать враждебно имъ. Рѣдко можно ожидать пользы для народа отъ иноземныхъ вооруженныхъ вмѣшательствъ, хотя бы они производились и подъ предлогомъ освобожденія народовъ, получающихъ иноземную помощь, которая обыкновенно приводитъ только къ новому порабоженію. Но если Франція не должна была жертвовать своими солдатами и деньгами на вооруженную пропаганду конституціонныхъ принциповъ, то она могла выказывать серьезную симпатію къ реформамъ, произведеннымъ другими государствами въ духъ ея собственныхъ учреждений; она могла поддерживать ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, могла и должна была требовать, чтобы всѣ европейскія державы уважали независимость своихъ слабыхъ сосѣдей. Правительство Луи-Филиппа не отваживалось дѣлать и этого. Оно не осмѣливалось говорить въ своемъ духъ такимъ же языкомъ, какимъ въ своемъ духъ говорили Пруссія и особенно Австрія: ему казалось, что оно должно смирениемъ и уступчивостью покупать терпимость самому себѣ со стороны великихъ континентальныхъ державъ. Наконецъ Бельгія, освободившаяся безъ помощи Франціи, готова была присоединиться къ ней. Нельзя любить расширенія границъ, приобретаемаго покорениемъ чуждыхъ національностей, — но бельгийцы такъ близки къ французамъ, что чувствовали бы себя одною съ ними націею, если бы Франція приняла ихъ готовность соединиться съ нею. Правительство Луи-Филиппа не отважилось воспользоваться желаніемъ бельгийцевъ. Когда, не находя въ немъ такой рѣшимости, бельгийцы выбрали своимъ королемъ принца Нсмурскаго, втораго изъ сыновей Луи-Филиппа, новый король французовъ не захотѣлъ принять и этого предложенія, боясь оскорбить другія державы.

Такая смиренная робость могла происходить только изъ одного источника: Луи-Филиппъ хотѣлъ доказать континентальнымъ правительствамъ, что онъ достоинъ ихъ дружбы, что онъ хочетъ по возможности держаться тѣхъ же принциповъ, какихъ держались они, т. е. принциповъ, отъ которыхъ Франція отказалась съ конца прошлаго вѣка. Боязнь новаго порядка дѣлъ, пристрастіе къ старому порядку, господствовавшему до революціи и имѣвшему своими представителями Бурбоновъ, ясно выказывалась внѣшнею политикою Луи-Филиппа. Изъ того же самаго источника возникало его желаніе защитить бывшихъ министровъ Карла X, дѣло которыхъ подало первый случай къ открытому столкновенію новаго правительства съ сословіями и партіями, низвергнувшими Бурбоновъ, и послужило поводомъ къ удаленію изъ его кабинета людей, бывшихъ связью между нимъ и прогрессивною частью націи.

Увидѣвъ свое пораженіе въ іюльскіе дни, министры Карла X хотѣли скрыться

за границу. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись. Но четырехъ успѣли арестовать. Это были: Полиньякъ, предсѣдатель совѣта министровъ, служившій слѣпымъ орудіемъ Карла X; Перонне, бывшій самымъ усерднымъ исполнителемъ плана, составленнаго Карломъ X и Полиньякомъ, человекъ замѣчательнаго ума и тѣрдаго характера и потому виновный болѣе самаго Карла и Полиньява, которые не понимали, что дѣлали, между тѣмъ какъ онъ очень хорошо зналъ, къ чему ведетъ дѣло и какими средствами надобно будетъ защищать его; Шантлозъ и Гернонь-Ранвиль. Они были отвезены въ Венсенскій замокъ. Палата депутатовъ назначила изъ своей среды трехъ комиссаровъ для обвиненія ихъ передъ палатою перовъ. Арестованные министры хотѣли отнять у Франціи права, составлявшія основу новаго порядка вещей; они подписали повелѣнія, которыми возстановлялся безотчетный произволъ; они приказали войскамъ стрѣлять по народу. Факты были безспорны, не было сомнѣнія въ томъ, какому наказанію подвергнетъ законъ этихъ ослѣпленныхъ или злонамѣренныхъ людей: они подлежали смертной казни. Луи-Филиппъ хотѣлъ спасти ихъ, потому что самъ становился во вражду съ порядкомъ дѣлъ, который хотѣли они низвергнуть.

Если бы милосердіе происходило изъ чистаго источника, оно могло бы совершиться открыто и благородно. Если бы Луи-Филиппъ сознавалъ, что вѣрно служить новому порядку вещей, если бы онъ чувствовалъ, что его нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ старому порядку, или что онъ можетъ своими дѣлами опровергнуть такое подозрѣніе, онъ спокойно далъ бы процессу министровъ идти прямымъ путемъ, и когда судъ произнесъ бы приговоръ, онъ смѣло могъ бы смягчить его, какъ внушала ему кротость: имѣя по закону право помилованія, онъ могъ бы не только сохранить жизнь осужденныхъ, но даже избавить ихъ отъ заключенія, просто выславъ ихъ за границу для ихъ собственнаго спокойствія на время, пока заглохнетъ свѣжая ненависть къ нимъ. Но человекъ можетъ открыто и благородно прощать только тогда, когда прощеніе для всѣхъ покажется милостью къ врагамъ, а не потворствомъ. Луи-Филиппъ придумалъ косвенное средство спасти жизнь министровъ Карла X. Способъ, имъ избранный, замѣчателенъ потому, что превосходно характеризуетъ всегдашнее искусство его прискивать очевь благовидныя формы для удовлетворенія потребностямъ, вытекавшимъ изъ личнаго разсчета. Новый король говорилъ: „мой отецъ умеръ на эшафотѣ“, и плакалъ, увѣряя, что хочетъ уничтожить смертную казнь.

При всѣхъ дурныхъ сторонахъ своего характера, Луи-Филиппъ не можетъ быть обвиняемъ въ жестокости. Но кротость, за которую хвалятъ его, не простиралась въ немъ до того, чтобы онъ дѣйствительно считалъ смертную казнь дѣломъ безчеловѣчнымъ, вреднымъ для общества, преступнымъ, какъ слѣдуетъ считать ее. Если бы онъ дѣйствительно такъ думалъ, онъ имѣлъ бы очень много случаевъ провести черезъ палаты уничтоженіе смертной казни: онъ царствовалъ 18 лѣтъ, и въ послѣдніе годы своего правленія дѣлалъ во Франціи все, что хотѣлъ, пользуясь подъ конституціонными формами неограниченною властью. Но онъ не употребилъ смертной казни, и вовсе не стремился къ тому, чтобы уничтожить ее: съ окончаніемъ процесса министровъ Карла X, миновалась для него надобность женить этого. Желаніе, которое выражалъ онъ въ началѣ правленія, прямо имѣло своею цѣлью спасеніе министровъ Карла X. Такъ оно и было понято тогда же.

17 августа, Викторъ де-Траси предложилъ палатѣ депутатовъ уничтоженіе

смертной казни. Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія предложенія, 6 октября предложила отсрочить это дѣло. Но палата, одушевленная рѣчами Лафайета и тогдашняго министра юстиціи, республиканца Дюпонъ-Делёра, бывшаго въ 1848 г. президентомъ временнаго правительства, рѣшила послать королю адресъ, въ которомъ просила его представить черезъ министровъ проектъ закона объ отмѣненіи смертной казни, если не за всѣ, то за нѣкоторыя преступленія. Но въ самыхъ преніяхъ объ адресѣ было высказано, что дѣло собственно ведется не для рѣшенія общаго юридическаго вопроса, а только для спасенія жизни министровъ Карла X. Работники, недовольные уже тѣмъ, что судъ надъ Полиньякомъ и его товарищами предоставлялся палатѣ перовъ, учрежденію очень не популярному, стали роптать.

„Къ чему ведется это дѣло? говорили они:—для преступниковъ изъ простоародья, хотѣвъ оставить эшафотъ, а знатнымъ преступникамъ дать безнаказанность. Если какойнибудь несчастный, доведенный до преступленія нищетою или отчаяніемъ, совершить убійство, никто не станетъ избавлять его отъ руки палача; каждый почелъ бы стыдомъ обнаружить состраданіе къ его преступленію, порожденному несчастіемъ. Но когда люди знатные и богатые, которымъ поручена судьба государства, приносятъ въ жертву своей гордости тысячи людей, заставляютъ братьевъ рѣзаться между собою, и когда прійдетъ для этихъ людей часъ наказанія, всѣ говорятъ о милосердіи, и законъ теряетъ свою строгость“.

Парижъ волновался. На улицахъ явились афиши, возбуждавшія народъ дѣйствовать. 18 октября, собрались толпы и ходили по городу. Онѣ направились къ Пале-Роялю со знаменемъ, на которомъ было написано: „смерть министрамъ!“ Рѣшетку пале-рояльскаго сада успѣли запереть. Національная гвардія пришла на защиту дворца. Толпа, не успѣвшая войти во дворецъ, пошла на Венсенскій замокъ съ криками: смерть министрамъ! Генераль Дюмениль, командовавшій замкомъ, вышелъ на встрѣчу народу, и сталъ говорить, что взорветъ на воздухъ башню, въ которой находились министры, если не будетъ въ силахъ защитить ее. Толпа вернулась, и опять прошла мимо Пале-Рояля съ криками, требовавшими смерти министровъ Карла X.

Національная гвардія выказала рѣшимость защищать правительство. На другой день король благодарилъ ее.

Въ этихъ беспорядкахъ были обвиняемы демократическіе клубы; но они не играли въ нихъ никакой роли, потому что сами члены клубовъ были несогласны между собою въ вопросѣ о судьбѣ министровъ Карла X. Напримѣръ, въ самый сильный клубъ, Обществѣ Друзей Народа, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей. Ронсъ, чрезвычайно горячо говорилъ противъ предложенія требовать казни венсенскихъ плѣнниковъ, и клубъ разошелся, не принявъ предложенія.

Уличныя волненія испугали министерство. Оно объявило въ „Монятеръ“, что немедленное отмѣненіе смертной казни кажется ему невозможнымъ.

Сенскимъ префектомъ былъ тогда Одилонъ-Барро, пользовавшійся большою популярностью, которой не заслуживалъ. По своимъ понятіямъ, онъ мало отличался отъ Гизо, Броли и другихъ доктринеровъ, но королю не нравилась его грубоватая прямота и нерасположеніе къ придворнымъ. Луи-Филиппъ давно искалъ случая избавиться отъ него. Теперь случай нашелся. Одилонъ-Барро издалъ прокламацію, въ которой, строго порицая беспорядки, называлъ несвоевременнымъ

адресъ, представленный королю палатою. Король рѣшилъ отставить его. Но Лафайетъ былъ другомъ Одилона-Барро; Дюпонъ-Делѣръ находилъ, что онъ очень полезенъ своею популярностью; оба они сказали, что скорѣе выйдутъ въ отставку, нежели согласятся на отставку Одилона-Барро. Въ совѣтѣ министровъ были жаркіе споры, кончившіеся очень рѣзкою сценою между Луи-Филиппомъ и Дюпонъ-Делѣромъ. Король сказалъ, что Лафайетъ согласился на отставку Одилона-Барро. „Нѣтъ, государь, вы ошибаетесь“. — „Я самъ отъ него это слышалъ“, отвѣчалъ король. — „Позвольте мнѣ повторить, государь, что вы ошибаетесь, повторилъ Дюпонъ, славившійся чрезвычайною правдивостью: — Лафайетъ говорилъ мнѣ противное, и я не считаю его способнымъ противорѣчить самому себѣ до такой степени“. — Луи-Филиппъ вспыхнулъ. — „Впрочемъ, будемъ говорить только обо мнѣ, продолжалъ Дюпонъ: — если Одилонъ-Барро получить отставку, я возобновляю вашему величеству просьбу принять и мою отставку“. — „Но поутру вы говорили мнѣ не то“. — „Говорилъ вамъ? нѣтъ, государь, я утверждаю, что вы ошибаетесь“. — „Какъ? вы говорите, что мои слова несправедливы? Публика узнаетъ, что вы оскорбили меня“. — „Государь, когда король скажетъ да, и Дюпонъ-Делѣръ скажетъ нѣтъ, я не знаю, кому изъ нихъ повѣрить Франція“. — Министры были смущены этою рѣзкою сценою. Дюпонъ всталъ и хотѣлъ уйти. Герцогъ Орлеанскій, старшій сынъ Луи-Филиппа, присутствовавшій въ совѣтѣ, бросился къ Дюпону, схватилъ его за руки, подвелъ его къ королю и сказалъ; „г. Дюпонъ честный человѣкъ; все это должно быть недоразумѣшемъ“. Король обнялъ министра, и Дюпонъ согласился остаться министромъ. Король видѣлъ, что ему еще невозможно открытымъ образомъ разорвать связи съ прогрессивною партіею, которой онъ былъ обязанъ престоломъ и представителемъ которой въ министерствѣ былъ Дюпонъ-Делѣръ. Одилонъ-Барро сохранилъ свою должность. Это служило явнымъ поражениемъ большинству министровъ, которые были враждебны прогрессистамъ. Всѣ эти консерваторы (Броли, Гизо, Моле, Казимиръ Перье, Дюпонъ старшій и Виньонъ) подали въ отставку. Король при помощи Лафита убѣждалъ ихъ примириться съ Дюпономъ. Всѣ усилія были напрасны. Консерваторы уже чувствовали, что близко время, когда они могутъ захватить власть одни, недопуская никого изъ прогрессистовъ раздѣлять ее. Шестъ министровъ остались при своей просьбѣ объ отставкѣ и такимъ образомъ, если король еще сохранялъ видъ нейтральности между прогрессистами и консерваторами, то сами консерваторы уже отвергали всякія уступки прогрессистамъ, которымъ были они обязаны июльской побѣдою. Это было въ концѣ октября, всего черезъ три мѣсяца послѣ побѣды.

Положеніе дѣлъ представлялось затруднительнымъ, Парижъ сильно волновался; лозунгомъ волненія былъ крикъ: „смерть министрамъ Карла X!“ но судьба этихъ преступныхъ слѣдствъ служила только ничтожнымъ предлогомъ, по которому обнаруживалось недовольство и недоверіе къ общей политикѣ Луи-Филиппа. Подъ политическими признаками неудовольствія скрывались по обыкновенію другіе — социальные. Всякій политическій кризисъ влечетъ за собою нѣкоторое разстройство промышленныхъ дѣлъ. Какъ бы ни были выгодны для благосостоянія націи прочныя послѣдствія какойнибудь крутой перемѣны, но на первый разъ она производитъ паденіе биржевыхъ курсовъ, стѣсненіе кредита, задержку въ торговыхъ заказахъ и фабричной дѣятельности. Такъ было и послѣ июльской революціи. Она оставила многихъ работниковъ безъ занятій, отняла хлѣбъ у тѣхъ самыхъ, руками

которыхъ была произведена. Новое правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить имъ перенесеніе кризиса. Это также въ порядкѣ вещей. Волненія, происшедшія въ Парижѣ, повторялись во многихъ провинціальныхъ городахъ.

При затруднительности положенія мало было охотниковъ принимать министерскіе портфели. Просьбы короля отвергались всѣми, кого онъ просилъ вступитъ въ кабинетъ. Онъ обратился къ Лафиту, который въ то время былъ безгранично преданъ ему и пользовался чрезвычайною популярностію, считается однимъ изъ главныхъ виновниковъ переворота, хотя въ самомъ дѣлѣ былъ только однимъ изъ главныхъ виновниковъ того, что переворотъ кончился возведеніемъ Луи-Филиппа на престолъ. Богатства Лафита передъ іюльской революціею были безмѣрны, но промышленный кризисъ коснулся и его. Больше чѣмъ когда нибудь, ему слѣдовало сосредоточить все вниманіе на своихъ банкирскихъ дѣлахъ. Но изъ преданности королю онъ взялся и успѣлъ составить министерство подъ своимъ предѣлательствомъ. Дюпонъ остался министромъ юстиціи, другія министерства были приняты людьми, лично преданными Луи-Филиппу (Себастьяни, Монталиве, Жераръ, Мезонъ и Мерилью).

При парламентской формѣ правленія каждая важная перемѣна требуетъ объясненій въ палатѣ депутатовъ. Лица, вышедшія въ отставку, излагаютъ причины своего удаленія; лица, оставшіяся въ должности или вступившія въ должность, разсказываютъ дѣло съ своей точки зрѣнія. Эти объясненія произошли 9 и 10 ноября. Гизо, говорившему отъ имени отставныхъ министровъ, надобно отдать ту справедливость, что онъ очень прямо опредѣлилъ свою систему, которой держалось и большинство палаты. „Въ чемъ состоитъ характеръ іюльской революціи? сказалъ онъ. Она перемѣнила династію. Перемѣняя, она старалась прежнюю замѣнить такой, которая бы была какъ можно ближе къ этой прежней, и общественный инстинктъ склонилъ націю ограничить перемѣну самыми тѣсными предѣлами“. „Нѣкоторые члены министерства, продолжалъ Гизо, хотѣли развить изъ іюльской революціи новыя учрежденія. Мы, я и моя друзья, отказались продолжать такимъ образомъ революцію“. Кромѣ крайней лѣвой стороны, вся палата аплодировала ему.

Дѣло было представлено въ настоящемъ своемъ видѣ. Прогрессисты могли быть недовольны тѣмъ, что факты имѣли такой, а не иной характеръ; но факты были дѣйствительно таковы, какъ ихъ опредѣлялъ Гизо. Переворотъ въ самомъ дѣлѣ былъ поведенъ такъ, чтобы имѣть самые узкіе предѣлы. Тѣ, которые хотѣли новыхъ учрежденій, должны были понять, что реформы могутъ вытекать развѣ изъ новыхъ событій, а не изъ іюльской революціи, получившей характеръ простой замѣны прежняго короля ближайшимъ его родственникомъ съ нѣкоторыми мелочными уступками потребностямъ общества, оставшимся въ сущности неудовлетворенными. Такимъ образомъ консерваторы справедливо говорили, что кто хочетъ важныхъ реформъ, тотъ хочетъ новаго переворота, справедливо называли прогрессистовъ революціонерами. Кто не одобряетъ политику Гизо и Луи-Филиппа, можетъ развѣ прибавить, что революціонный характеръ прогрессивныхъ стремленій во Франціи происходилъ именно изъ этой политики. Власть не хотѣла и теперь, какъ при Бурбонахъ, соглашаться на реформы, требуемыя положеніемъ общества. Эти реформы были бы безвредны или даже выгодны для нея, еслибъ она искренно и твердо помогала имъ; но она поставила безусловною своею цѣлью отвергать ихъ, и потому

стремленіе къ реформамъ нашло первымъ условіемъ для своего успѣха низверженіе власти.

На другой день президентъ совѣта министровъ Лафитъ отвѣчалъ на слова Гизо. Человѣкъ мягкаго характера, онъ старался доказать, что разница между вышедшими и вступившими министрами не такъ велика, какъ утверждалъ суровый Гизо. Онъ говорилъ, что „никто изъ министровъ не хотѣлъ и не хочетъ слишкомъ большихъ перемѣнъ“, что разногласіе было только въ томъ, какія перемѣны могутъ быть произведены безъ всякаго нарушенія существующаго порядка. Министры, вышедшіе въ отставку, полагали, что уже пора совершенно остановиться; онъ и новые министры думаютъ, что можно еще кое-что сдѣлать, не нарушалъ установившихся отношеній. „Никакого существеннаго разногласія въ системѣ не было, сказалъ онъ, между членами прежняго кабинета“, то есть между Дюпономъ съ одной стороны и Гизо съ другой. Либеральная часть вонсерваторовъ осталась недовольна такими словами. Эти почтенные люди воображали, что цѣлая бездна отдѣляетъ ихъ вмѣстѣ съ Лафитомъ и Одилономъ Барро отъ безусловныхъ консерваторовъ въ родѣ Гизо. Они обольщали себя. Разница была только въ томъ, что они любили нѣкоторыя слова, непріятныя для безусловныхъ вонсерваторовъ; особенно слово революція. Одни говорили „наша славная революція“, другіе говорили „революція опасна“. Но въ чемъ должны состоять существенные результаты этой революціи, обѣ партіи были согласны. Результатами ея они признавали вещи уже принятія въ законъ. Одни воее не хотѣли отвергать этихъ давнихъ пріобрѣтений: равенства передъ закономъ, уничтоженія сословныхъ привилегій, парламентской формы; другіе не думали, чтобы для удовлетворенія общественной потребности нужно было произвести новыя реформы, столь же глубокія какъ эти принципы, бывшіе лозунгомъ еще въ 1789 году.

Разница между партіею либеральныхъ и партіею нелиберальныхъ приверженцевъ польской монархіи была, какъ видимъ, дѣйствительно не велика, и Лафитъ, если не понималъ этого умомъ, то уже говорилъ это по мягкости характера. Но большинство не только средняго сословія, но и городскихъ работниковъ еще обольщались поверхностными несогласіями двухъ партій въ неважныхъ подробностяхъ. Простолудшны' еще воображали, что имѣютъ защитниковъ въ либералахъ, подобныхъ Лафиту, Одилону Барро, и популярность этихъ людей была очень велика. Еще не утвердившись въ своемъ новомъ положеніи, еще не собравъ силъ для отпора грозившимъ революціоннымъ порывамъ, Луи-Филиппъ могъ въ ожиданіи болѣе благоприятнаго времени держаться только помощью популярности Лафита и другихъ, именами которыхъ обольщались простолудины. Если былъ когда человѣкъ обязанный безусловно признательностью къ другому человѣку, это былъ Луи-Филиппъ въ отношеніи къ Лафиту. Трудно сказать, удалось ли бы ему получить престолъ безъ Лафита. Онъ теперь держался на престолѣ также преданностью Лафита и его друзей. Кромѣ этихъ политическихъ правъ на признательность Луи-Филиппа, Лафитъ имѣлъ права на его расположеніе, какъ частнаго человѣка: онъ былъ личнымъ его другомъ. Но то качество характера, которое выражалось въ дѣлахъ Луи-Филиппа съ баронессою де-Фѣшеръ и принцемъ Конде, не пощадило и самого Лафита.

Мы говорили, что банкирскія дѣла Лафита были затруднены промышленнымъ кризисомъ. Ему нужны были деньги. Онъ вздумалъ продать одно изъ своихъ имѣ-

ній—Бретельскій лѣсъ. Покупщикомъ явился Луи-Филиппъ. Для Лафита было необходимо, чтобы продажа оставалась нѣсколько времени секретомъ: слухъ о ней, открывая его денежное стѣсненіе, поколебать бы его фирму. Потому онъ условился съ королемъ, чтобы купчая крѣпость не была записываема у нотариуса. Но черезъ нѣсколько времени Луи-Филиппъ передумалъ: ему казалось, что безопаснѣе исполнить юридическую формальность, хотя бы она свидѣтельствовала о недовѣрїи къ Лафиту и была вредна его дѣламъ. 18 ноября Лафитъ получилъ отъ Луи-Филиппа записку, которая извѣщала его, что король приказалъ своему повѣренному записать купчую крѣпость у нотариуса. Такое неделикатное нарушеніе слова изъ мелочной и неумѣстной расчетливости глубоко оскорбило Лафита. Онъ промолчалъ. Но съ того времени поселилось въ немъ недовѣрїе къ словамъ короля. Онъ сталъ думать, что необходимо соблюдать осторожность въ сношенїяхъ съ Луи-Филиппомъ, и, чтобы избавиться въ политикѣ отъ такого же обмана, какому подвергся въ своихъ частныхъ дѣлахъ, рѣшилъ произнести въ палатѣ рѣчь, которая излагала бы систему министерства и служила бы для него самой гарантїей противъ двоедушїя Луи-Филиппа. Когда эта рѣчь предварительно читалась въ совѣтѣ министровъ, Луи-Филиппъ выражалъ совершенное одобреніе, показывалъ даже энтузіазмъ и, расхаживая по комнатѣ большими шагами, подтверждалъ голосомъ и жестомъ самыя энергическія мѣста рѣчи. Но когда совѣтъ кончился, онъ выпросилъ у Лафита рѣчь, чтобы еще разъ прочесть ее, повторяя, что чрезвычайно доволенъ ея тономъ и содержаніемъ. Получивъ назадъ рѣчь на другой день, Лафитъ изумился: рукопись была покрыта помарками. Дюпонъ, болѣе рѣшительный, чѣмъ Лафитъ, отправился къ Луи-Филиппу и объявилъ, что выйдетъ въ отставку, если помарки не будутъ уничтожены. Король согласился, чтобы рѣчь была произнесена въ томъ видѣ, какъ читалась въ совѣтѣ.

Мы привели этотъ маловажный случай только потому, что онъ характеризуетъ общій способъ Луи-Филиппа вести дѣла. При многихъ хорошихъ качествахъ, хитрая двуличность дѣлала его человекомъ совершенно ненадежнымъ. Сама по себѣ рѣчь Лафита, подобно тому либерализму, представителемъ котораго былъ Лафитъ, не содержала въ себѣ ничего кромѣ громкихъ фразъ и неопредѣленныхъ обѣщаній, которыми обольщались люди, ихъ дѣлавшіе, но не знавшіе какъ исполнить ихъ и боявшіеся средствъ, вужныхъ для исполненія. Либеральная публика твердила, что великія континентальныя державы не должны мѣшать распространенію либеральныхъ учрежденій по Европѣ, что Франція остановитъ всѣхъ враговъ свободы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ либералы не хотѣли войны съ сѣверными континентальными державами и потому ихъ слова были только пышнымъ хвостовствомъ. Такова была и рѣчь Лафита. „Франція, говорилъ Лафитъ, не допуститъ нарушенія принципа невмѣшательства. Но если война станетъ неизбѣжна, міръ долженъ видѣть, что мы ведемъ ее только по необходимости выбора между войною и отреченіемъ отъ нашихъ принциповъ. Мы будемъ продолжать переговоры, но ведя ихъ будемъ вооружаться. Скоро кромѣ гарнизоновъ нашихъ крѣпостей мы будемъ имѣть 500,000 войска, готоваго къ битвѣ. Мы двинемся тѣсными рядами, сильныя нашимъ правомъ и могуществомъ нашихъ принциповъ. Если народы взволнуются при видѣ трехцвѣтныхъ знаменъ и станутъ нашими союзниками, не мы будемъ виновны въ томъ“. Рѣчь Лафита была безпреставно прерываема аплодисментами.

Но какую цѣль могли имѣть вооруженія, которыми хвалилось министерство?

На Францію никто не думалъ нападать, а наступательной войны противъ Австріи, Пруссіи, Россіи сами либералы не хотѣли начинать. Такимъ образомъ они только удовлетворяли своему тщеславію, а сѣверныя державы спокойно занимались въ средней Европѣ подавленіемъ принциповъ несогласныхъ съ прежнихъ порядкомъ дѣлъ. Точно также были пусты слова либеральныхъ консерваторовъ и о внутренней свободѣ. Они много твердили о ней, но ровно ничего не дѣлали для ея развитія.

Между тѣмъ приближалось время суда надъ министрами Карла X. Одинъ изъ обвинителей, назначенныхъ палатою депутатовъ, Могенъ, выражалъ мнѣніе, что министры подлежатъ смертной казни. Когда при дворѣ узнали объ этомъ, рѣшились смѣнить его, и палата депутатовъ, раздѣлявшая систему Луи-Филиппа, назначила на его мѣсто Персиль. Одинъ изъ докладчиковъ, назначенныхъ палатою перовъ, выказывалъ намѣренія своихъ товарищей, говоря, что этого процесса нельзя судить по уголовному кодексу, что палатѣ перовъ принадлежитъ юридическое полномочіе, что она выше законовъ и потому можетъ помиловать обвиненныхъ.

Процессъ начался 15 декабря. Обвиняемые держали себя съ достоинствомъ. Полиньякъ былъ спокоенъ, Перонне также, а Гернонъ-Ранвиль такъ владѣлъ собою, что въ первомъ засѣданіи процесса вынулъ какую-то брошюру и внимательно читалъ ее, какъ будто вовсе не интересуясь ходомъ своего процесса.

Дѣйствительно, министры Карла X могли быть спокойны, если не за свою судьбу, то по крайней мѣрѣ за положеніе, которое давалось имъ характеромъ обвиненія. Они могли представляться безспорно преступными, если бы обвинители разсматривали дѣло въ его сущности, говорили о намѣреніи Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ насильственнымъ образомъ возстановить во Франціи старый порядокъ, отнять у націи всѣ пріобрѣтенныя ею блага, возвратить времена произвола и привилегій; если бы обвинители требовали наказанія министровъ Карла X, какъ людей, начавшихъ междоусобную войну для утвержденія надъ Франціею произвольной власти феодальныхъ временъ, защитники обвиненныхъ не могли бы отвѣчать ничего. Но Персиль, назначенный обвинителемъ по желанію Луи-Филиппа, сталъ на исключительную и узкую точку зрѣнія юридическихъ формальностей. Онъ требовалъ наказанія министровъ Карла X за то, что они июльскими повелѣніями нарушили конституцію. Отвѣтъ на это былъ готовъ: 14 статья конституціи 1814 года давала королю право „издавать повелѣнія, необходимыя для безопасности государства“. Июльскія повелѣнія были изданы потому, что Парижу грозили смуты; ихъ цѣлью была безопасность государства, охраненіе порядка; слѣдовательно Карлъ X и его министры ни мало не нарушали конституціи, издавая эти повелѣнія, слѣдствіемъ которыхъ было паденіе Бурбоновъ. Персиль возражалъ на это, что июльскія повелѣнія имѣли характеръ не административный, а законодательный, и что 15 статья конституціи присвоиваетъ законодательную власть не одному королю, а королю вмѣстѣ съ палатами перовъ и депутатовъ. Тутъ опять была явная и тяжкая: 15 статья говорила только о порядкѣ дѣлъ при обыкновенныхъ, спокойныхъ обстоятельствахъ, а исключительные случаи и чрезвычайныя опасности подходили подъ опредѣленіе 14 статьи. Послѣ этого слѣдовало спорить уже про- с о о томъ, дѣйствительно ли въ концѣ іюля угрожали государству волненія, и не опиблись ли министры, предположивъ тогда надобность чрезвычайныхъ мѣръ. І тѣсто преступленія, рѣчь должна была уже идти о проникательности и благора-

зуми, то есть о качествах, недостатокъ которыхъ не подлежитъ юридическому наказанію. При такомъ основаніи обвиненія, министры Карла X оказывались правы по формѣ; да и на самомъ дѣлѣ ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думали, что нарушаютъ конституцію, издавая іюльскія повелѣнія: напротивъ, они были тогда искренно убѣждены, что пользуются своими законными правами и дѣйствуютъ для спасенія конституцій, которую хотя въ низвергнувъ либералы и республиканцы.

Такимъ образомъ защитникамъ министровъ предоставлялась возможность блистательнаго оправданія. Особенный эффектъ произвела рѣчь Созе. Онъ говорилъ, что необходимость должна служить объясненіемъ закону, что правительство должно предупреждать опасныя для общества кризисы, что 14 статья ясно говорила объ этомъ, что если бы даже этой статьи и не было въ конституціи, то на всякомъ правительствѣ лежитъ обязанность поддерживать порядокъ. Послѣ этого остается только вопросъ, необходимо ли было правительству Карла X искать себѣ защиты въ іюльскихъ повелѣніяхъ? Да, уступки для Бурбоновъ были невозможны: династія могла бы держаться уступками только тогда, если бы могла удовлетворить пни національному чувству. Но Бурбоны были возведены на престолъ иностранными войсками, потому нація никакъ не могла примириться съ ними. Она хотѣла ихъ низверженія, потому что считала ихъ власть игомъ, наложеннымъ на нее отъ завоевателей. Конституція давала престолъ Бурбонамъ, а при враждѣ націи они могли удерживать за собою престолъ только деспотическими мѣрами; деспотизмъ не только не нарушалъ конституціи, но напротивъ былъ необходимъ для ея спасенія. Конечно, выраженія Созе были не таковы, но таковъ былъ ихъ смыслъ. Изъ этого ораторъ выводилъ, что между Бурбонами и французской націей неизбѣжна была вооруженная борьба, минута которой настала въ іюль 1830. Это была война, протекавшая изъ необходимости вещей. Карлъ X былъ побѣжденъ въ войнѣ, избѣжать которой не могъ, и по законамъ войны единственное наказаніе побѣжденнымъ состоятъ въ томъ, что побѣдитель отнимаетъ у нихъ имущество и они бѣгутъ съ поля битвы.

Нельзя не признаться, что Созе говорилъ правду. Но обвинители не могли принять приводимыхъ имъ фактовъ. Партія, одержавшая верхъ въ іюль, хотѣла сохранить въ сущности тотъ же самый порядокъ вещей, какой былъ при Бурбонахъ, и не допускала коренныхъ реформъ. Она должна была говорить, что учрежденія, существовавшія при Бурбонахъ, были удовлетворительны, что нація, производя іюльскій переворотъ, не хотѣла измѣнять законовъ, а вооружилась только на защиту ихъ отъ нарушеній. А если такъ, обвинители могли имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ въ палатѣ перовъ, но здравый смыслъ и чувство справедливости были на сторонѣ ихъ противниковъ. Что можно было сказать противъ словъ Созе, если признавалась неприкосновенность конституціи, по которой престолъ принадлежалъ Бурбонамъ, и если признавалось, что правительство должно принимать мѣры для огражденія своего существованія отъ народныхъ возстаній?

Парижскіе простолюдины роптали. Процессъ министровъ Карла X обращалъ въ панегирикъ людямъ, хотѣвшимъ возстановить во Франціи произволъ и старъ порядокъ вещей. У простолюдиновъ былъ простой отвѣтъ на рѣчи Созе и другихъ адвокатовъ побѣжденной партіи. Если Карлъ X дѣйствительно былъ въ необходимости отказаться отъ власти или прибѣгнуть къ деспотизму, почему онъ выбралъ деспотизмъ, а не отреченіе? Ему слѣдовало выбирать между своими правами и пра-

вами нации: изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ правъ, рѣшившись пожертвовать правами нации. Говорятъ, что обвиняемые министры дѣйствовали по необходимости; но если принимать необходимость за оправданіе, ею оправдывается все, потому что все въ мірѣ происходитъ по необходимости. Говорить объ искренности ихъ убѣжденій. Искренность можетъ служить обезпеченіемъ для репутаціи человѣка, но законъ не извиняетъ его преступленій; иначе каждый убійца могъ бы оправдаться, доказавъ, что считалъ убійство дѣломъ нужнымъ.

Мы уже видѣли, что официальные обвинители министровъ Карла X не могли говорить такимъ языкомъ, потому что мысли эти вытекали изъ принциповъ противоположныхъ стремленію ихъ партіи. Могла ли іюльская монархія признавать за націею право низлагать власть, когда сама предвидѣла близость борьбы съ націею? Она родилась изъ народнаго возстанія, но не могла признавать справедливости возстаній, потому что они уже угрожали ей самой.

Торжествующее положеніе, принимаемое адвокатами министровъ Карла X, раздражало простолудиновъ, и Парижъ снова волновался. 20 декабря, когда Созѣ кончилъ свою рѣчь, начавшуюся наканунѣ, Люксанбургскій дворецъ, въ которомъ засѣдала палата перовъ, былъ окруженъ толпами, громко выражавшими свое негодованіе на ходъ процесса. Караулъ, находившійся при дворцѣ, едва удерживалъ народъ. Курьеры поскакали извѣстить объ опасности Лафайета, который во время іюльскаго переворота былъ командированъ національной гвардіи. Было приказано бить тревогу; въ зажиточныхъ сословіяхъ распространилась по обыкновенію молва, что грубая чернь хочетъ грабить городъ, и національная гвардія, которая поелѣ іюльскаго переворота, точно также какъ и до него, состояла главнымъ образомъ изъ буржуазіи, стала поспѣшно собираться для укрощенія мятежниковъ, которые пять мѣсяцевъ тому назадъ прославлялись какъ защитники и спасители свободы.

Между перами владычествовало смятеніе. Напрасно одинъ изъ офицеровъ, вомаидовавшихъ Люксанбургскимъ карауломъ, увѣрялъ Паке, президента палаты, что ручается за сохраненіе порядка. Разстроенный Паке понялъ его слова въ обратномъ смыслѣ и объявилъ, что засѣданіе прекращается, что комендантъ караула не совѣтуетъ ему собирать засѣданія вечеромъ, потому что это было бы опасно. Въ палатѣ депутатовъ господствовало такое же безпокойство. Но сознавая въ себѣ болѣе силы, депутаты переходили отъ безпокойства не къ робости, какъ перы, а къ рѣчамъ о необходимости крутыхъ мѣръ для усмиренія мятежа. День прошелъ однако же безъ кровопролитія. Но ждали гораздо большихъ опасностей на другой день.

21 декабря правительство приняло сильныя мѣры къ сохраненію порядка. Около Люксанбурга было поставлено нѣсколько батальоновъ регулярнаго войска и множество національной гвардіи. Всего было собрано до 30,000 человѣкъ вооруженной силы. Рѣчи адвокатовъ и обвинителей оканчивались въ этотъ день. Перъ и оставалось только произвести приговоръ. По окончаніи прешій, обвиняемые были посажены въ карету, которая быстро поскакала въ Венсенскій замокъ. Нарядъ волновался и національная гвардія бывала иногда принуждена скрещивать штыки, преграждая дорогу толпѣ. Особенно встревожился народъ пушечнымъ выстрѣломъ, который служилъ сигналомъ того, что подсудимые благополучно доведены до крѣпкаго замка. Толпа приняла выстрѣлъ за знакъ начала борьбы. Въ первыхъ мѣстахъ пять или шесть человѣкъ получили случайнымъ образомъ раны

въ небольшихъ дракахъ, не имѣвшихъ даже характера стычекъ. Нѣсколько республиканцевъ закричали—къ оружію! и народъ бросился къ Лувру, на дворъ котораго было сборное мѣсто для артиллеріи національной гвардіи.

Республиканцы были въ то время очень малочисленны. Когда составлялась національная гвардія, они разсудили, что исчезнуть въ ней незамѣтными, если будутъ безъ разбора записываться въ разные легіоны. Чтобы сохранить нѣкоторую силу посредствомъ сосредоточенія, они вздумали преимущественно записываться въ артиллерію, которая имѣла четыре баттарей; такимъ образомъ вторая баттарей состояла вся изъ республиканцевъ и они составляли половину третьей баттарей. Народъ ожидалъ, что они выдадутъ ему пушки и пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ. Но рѣшетки луврскаго двора были заперты; артиллеристы не могли присоединиться къ народу и онъ разошелся, потому что не имѣлъ предводителей.

Наступилъ вечеръ. Палата перовъ собралась для произнесенія приговора. Перы хотѣли показать мужество и всѣ явились въ засѣданіе; но мало по налу боязнь брала верхъ, хотя все пространство около Люксамбургскаго дворца было занято войсками и національными гвардейцами, ограждавшими безопасность судей. Подавъ голоса, перы торопливо бросились къ дверямъ. Напрасно Паке, президентъ палаты, восклицалъ, что это неприлично, приказывать запереть двери, — перы тайвомъ уходили черезъ заднія двери и приговоръ былъ прочитанъ президентомъ въ залѣ почти опустѣвшей. Палата перовъ осудила всѣхъ четырехъ министровъ Карла X на вѣчное заключеніе.

Извѣстіе объ этомъ приговорѣ увеличило раздраженіе народа. Ночь проведена была тревожно. Поутру, 22 декабря, на площади Пантеона было развернуто черное знамя, символъ пролетаріевъ. Толпы народа шумѣли около Люксамбургскаго дворца и Пале-Рояля. Снова приказано было бить тревогу для созванія національной гвардіи. Но она была и утомлена службою предшествовавшихъ дней и сама недовольна приговоромъ, возбуждавшимъ негодованіе народа. Въ этой опасности, правительство обратилось къ помощи студентовъ, которые пользовались чрезвычайно популярностью съ іюльскихъ дней, когда управляли битвами на баррикадахъ. Студенты гордились ролью успокоителей, которую имъ предлагали. Они обнародовали прокламацію, приглашавшую народъ къ сохраненію порядка, увлекли за собою тысячи простолюдиновъ, привыкшихъ вѣрить имъ на-слово, и ходили по улицамъ, возставовляя тишину. Къ вечеру, дѣйствительно, все успокоилось безъ всякаго кровопролитія и насилія.

Луи-Филиппъ и консерваторы увѣрились теперь въ своихъ силахъ. За нихъ не только была національная гвардія, но и простолюдины выказали нерѣшительность, обнаружили неспособность начинать борьбу безъ предводителей, а студенты и прежніе іюльскіе предводители народа были на сторонѣ правительства. Больше всего содѣйствовало избѣжанію кровопролитія имя Лафайета, которому кромѣ команды надъ національной гвардіей было поручено въ эти дни и начальство надъ войсками. Результатомъ его увѣщаній народу было то, что онъ потерялъ значительную часть своей популярности, но все-таки довѣріе къ нему сильно усповоивало народъ. Онъ приобрѣлъ новыя права на признательность Луи-Филиппа и консерваторовъ; но они по прекращеніи волненія разсудили, что могутъ обойтись и безъ помощи этого энтузіаста, сильно беспокоившаго ихъ своими либеральными порывами.

Едва увѣрились консерваторы въ томъ, что опасность мятежа прошла, какъ сдѣлано было въ палатѣ депутатовъ предложеніе уничтожить званіе коменданта всей національной гвардіи Франціи, принадлежавшее Лафайету съ іюльскаго переворота. Палата приняла это предложеніе 24 декабря, черезъ два дня по успокоеніи Парижа. Лафайетъ не былъ даже предувѣдомленъ о такомъ рѣшеніи. До сихъ поръ Луи-Филиппъ увѣрялъ его, что командованіе національною гвардіею всего королевства останется за нимъ на всю жизнь. Во время процесса министровъ эти увѣренія повторялись. Но едва процессъ кончился и тишина въ Парижѣ была восстановлена, его простодушному тщеславію нанесли жесточайшее оскорбленіе. Рѣшеніе палаты не говорило прямо о его отставкѣ, оно только уничтожало должность, ижъ занимаемую. Въ исполненіе воли депутатовъ онъ послалъ къ Луи-Филиппу просьбу объ отставкѣ и получилъ отвѣтъ чрезвычайно странный. Луи-Филиппъ говорилъ, что просьба генерала удивила его, что онъ „еще не читалъ газетъ“ и что послѣ совѣта министровъ, который соберется въ тотъ день, онъ надѣется убѣдить Лафайета взять назадъ свою просьбу. Луи-Филиппъ очевидно хотѣлъ показать генералу, будто бы до полученія его просьбы не зналъ о рѣшеніи палаты. Это было не натурально, неправдоподобно: всѣ знали, что Луи-Филиппъ принимаетъ самое живо участіе въ государственныхъ дѣлахъ и что ни одно важное рѣшеніе не принимается министрами безъ его согласія. Особенно странна была фраза „я еще не имѣлъ времени прочесть газеты“: она говорила, будто бы Луи-Филиппъ только изъ газетъ узнаетъ о томъ, что дѣлаетъ правительство. Опять мы видимъ хитрость, доходящую до оскорбительнаго двоедушія. Лафайетъ былъ раздраженъ ишемъ. Онъ однако же явился въ Пале-Рояль по приглашенію короля. Луи-Филиппъ принялъ его съ живѣйшимъ выраженіемъ привязанности, жалѣлъ о рѣшеніи палаты, осуждалъ неловкость своихъ министровъ. Лафайетъ отвѣчалъ, что вопросъ идетъ не лично о немъ, что о себѣ онъ не хочетъ говорить, но что система, которой вообще слѣдуетъ правительству, угрожаетъ опасностью свободѣ, что правительство не понимаетъ условій, налагаемыхъ на него іюльскими событіями, что оно идетъ по ложной дорогѣ. Характеръ его рѣчи былъ тотъ, что онъ переходитъ въ оппозицію. Его упрасивали остаться командиромъ національной гвардіи города Парижа, онъ отказался. Луи-Филиппъ умѣлъ придать дѣлу такой оборотъ, что самъ оставался въ сторонѣ; притомъ же, если палата уничтожила званіе командира національной гвардіи всего королевства, то отъ команды надъ парижскою національною гвардіею Лафайетъ отказался самъ, и такимъ образомъ Луи-Филиппъ могъ на другой день послѣ свиданія съ Лафайетомъ обнародовать (26 декабря) слѣдующую прокламацію:

„Храбрые національные гвардейцы, милые мои соотечественники, вы раздѣлите мою скорбь, узнавъ, что генералъ Лафайетъ нашелъ нужнымъ ийти въ отставку. Я льстил себя надеждой, что онъ останется вашимъ начальникомъ, одушевляя вашу ревность своимъ примѣромъ и воспоминаніемъ о великихъ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу свободы. Его удаленіе отъ должности тѣмъ огорчительнѣе для меня, что достойный генералъ еще такъ недавно принималъ славное участіе въ поддержаніи общественнаго спокойствія, которое вы столь успѣшно охранили при послѣднихъ волненіяхъ. Потому я имѣю утѣшеніе думать, что сдѣлалъ все зависящее отъ меня для предотвращенія дѣла, которое будетъ для національной гвардіи предметомъ живаго огорченія, а для меня—истинной печали“.

Но ни эта прокламація, ни тонкость, съ какою была ведена вся интрига, не обманули никого: для всѣхъ былъ ясенъ истинный хоцъ дѣла. Ясенъ былъ и смыслъ

его: разрывъ съ Лафайетомъ былъ окончательнымъ разрывомъ съ тою частью либераловъ, которая желала придать июльской монархіи демократическій характеръ. Дюпонъ-Делёръ, единственный представитель этой партіи въ министерствѣ, подалъ въ отставку вслѣдъ за Лафайетомъ. Два мѣсяца тому назадъ, Луи-Филиппъ еще дорожилъ его содѣйствіемъ до такой степени, что пожертвовалъ для него вѣми остальными министрами. Теперь король считалъ себя уже столь сильнымъ, что не видѣлъ надобности беречь для себя опору въ монархистахъ съ демократическимъ направлениемъ. Оставалась еще въ связи съ нимъ не демократическая, но все-таки прогрессивная партія умѣренныхъ либераловъ, представителемъ которой былъ Лафитъ. Мы увидимъ, что очень скоро Луи-Филиппъ нашелъ такъ же ненужнымъ беречь ея сочувствіе и сталъ опираться исключительно на консерваторовъ, которые до самаго конца переворота старались оставить власть за Бурбонами. Повидимому, такіе люди всего менѣе могли бы разсчитывать на дружбу съ новою династією, возведенною на престолъ противъ ихъ желанія. Но ясны причины, по которымъ такой союзъ нравился Луи-Филиппу: онъ находились въ качествахъ его характера, уже извѣстныхъ намъ.

Партія, до июльскаго переворота желавшая низверженія Бурбоновъ, была уже отгѣснена отъ участія въ правительствѣ; парижскіе простолюдины, совершившіе переворотъ, казались усмирёнными; было уже видно, что общественныя учрежденія остаются почти въ такомъ же видѣ, какой имѣли при Бурбонихъ. Натурально было, что въ легитимистахъ воскресла надежда низвергнуть новое правительство, отказывавшееся отъ своихъ опоръ и не обѣщавшее наци никакихъ важныхъ улучшеній. Приверженцы Бурбоновъ начали думать, что пришло время для нихъ дѣйствовать смѣло. Предлогомъ для первой демонстраціи они выбрали 14 февраля (1831 года), годовщину смерти герцога Беррійскаго, который считался у нихъ мученикомъ за свою династію и сынъ котораго остался для нихъ королемъ по отреченіи Карла X. Легитимистскія газеты объявили, что 14 февраля будетъ совершена въ церкви св. Роха панихида по герцогу Беррійскомъ. Но министръ исповѣданій написалъ архіепископу парижскому предостереженіе, говоря, что предположенная церемонія можетъ вызвать народное волненіе. Главный священникъ церкви св. Роха не захотѣлъ рисковать и отложилъ церемонію. Но главный священникъ церкви св. Жермена, старикъ, сопровождавшій на эшафотъ Марію Антуанету, былъ мужественнѣе. Онъ согласился назначить свою церковь мѣстомъ манифестаціи. Элегантный аристократическій свѣтъ съѣхался на панихиду. Въ церкви собралось подающее въ пользу солдатъ королевской гвардіи, которые были ранены въ июльскую революцію, сражаясь за Бурбоновъ. Среди церкви былъ поставленъ катафалкъ, изображавшій гробъ герцога Беррійскаго. Въ концѣ службы повѣсили на катафалкъ портретъ герцога Бордосскаго, котораго присутствующая публика признавала законнымъ королемъ. Катафалкъ украсили вѣнками; офицеры снимали свои ордена и клали на него.

Но слухъ о манифестаціи созвалъ на нее не однихъ легитимистовъ. Вокругъ церкви собралась толпа; въ ней ходили разсказы, по обыкновенію преувеличенные, о томъ, что дѣлается въ церкви. Толпа росла, въ ней раздавались угрозы. Префектъ полиціи Бодъ явился для наблюденія за порядкомъ. Служба уже кончилась и легитимисты разошлись, но толпа передъ церковью все увеличивалась и шумѣла. Вдругъ ея вниманіе обратилось на молодого человѣка съ блѣднымъ лицомъ и длин-

ыми волосами. Онъ былъ въ черношъ платьѣ и смотрѣлъ на толпу молча, но съ насмѣшкой. „Іезуитъ“, закричала толпа и бросилась на него; его потащили къ набережной и хотѣли сбросить въ рѣку. Префектъ полиціи съ нѣсколькими людьми успѣшилъ спасти его. Завязалась драка и продолжалась болѣе часа; префектъ полиціи не могъ вырваться изъ толпы, а толпа съ криками ломилась въ церковь.

Легитимисты вздумали угрожать владычеству средняго сословія, за то буржуазія рѣшилась запугать ихъ яростью простолюдиновъ. Толпою предводительствовали люди изящно одѣтые, съ палевыми перчатками на рукахъ. Само правительство поощряло волненіе своимъ бездѣйствіемъ; войска не являлись, не являлась и національная гвардія: она готова была подавлять демократическія волненія, но не считала нужнымъ мѣшать мятежу, направленному противъ легитимистовъ. Толпа вломилась въ церковь и опустошила ее; все было переломано и разбито. Этотъ безпорядокъ еще продолжался, когда префектъ полиціи, успѣвъ спасти несчастнаго, сочтеннаго іезуитомъ, успѣшилъ за приказаніями къ Луи-Филиппу. Король былъ совершенно спокоенъ; онъ оставилъ префекта полиціи обѣдать съ собою и такимъ образомъ прямо къ нему приходили полицейскія донесенія о ходѣ мятежа. Полиція говорила, что на слѣдующій день надобно ждать возобновленія такихъ же сценъ въ ббльшихъ размѣрахъ, что народъ собирается опустошить архіепископскій дворецъ, „Надобно дать имъ мѣсто, гдѣ погулять, сказалъ король префекту полиціи: охраняйте только мой дворецъ“. Воротившись домой, префектъ полиціи распорядился, чтобы на завтра войска были разставлены около Пале-Рояля и не двигались на другіе пункты, что бы ни дѣлалось.

Утромъ 15 феврѣаля народъ сталъ собираться около Пале-Рояля. Но тутъ стояли войска, а дворецъ архіепископа былъ оставленъ безъ всякаго охраненія. Какіе-то переодѣтые люди втерлись въ толпу и стали уговаривать ее идти на дворецъ архіепископа. Толпа двинулась. Тревога, созывавшая національную гвардію, была пробита вяло, и національная гвардія не собиралась въ зажиточныхъ кварталахъ. Только изъ двѣнадцатаго округа, т. е. изъ предмѣстья св. Антонія, гдѣ живутъ работники, явился для охраненія порядка отрядъ подъ командою знаменитаго Араго, ревностнаго республиканца, игравшаго важную политическую роль въ своей партіи. Когда Араго съ своимъ отрядомъ дошелъ до архіепископскаго дворца, дворецъ былъ уже взятъ и опустошеніе производилось съ бѣшенствомъ. Пришелъ другой отрядъ національной гвардіи, подъ командою другаго демократа, Шонена; но эти слабые отряды исчезали въ толпѣ и не могли ничего сдѣлать. И тутъ, какъ вчера, разрушеніемъ руководили изящно одѣтые люди. Араго послалъ за подкрѣпленіями къ командиру парижской національной гвардіи. Командиръ задержалъ посланнаго у себя и не далъ отвѣта. Араго послалъ къ нему нѣсколько записокъ. Командиръ обѣщалъ наконецъ прислать подкрѣпленіе, но не послалъ.

Подлѣ архіепископскаго дворца находится церковь Парижской Богоматери. Толпа хотѣла грабить и ее. Араго успѣлъ спасти церковь хитростью. Наверху въ околыни были уже люди, которые рубили крестъ: Араго указалъ на нихъ. „Вы видите, сказалъ онъ народу, что крестъ качается отъ ударовъ; колоколыня очень велика, потому онъ кажется не великъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ огромный. Когда онъ станетъ падать, онъ сорветъ съ собою и тяжелую желѣзную балюстраду съ колоколыни. Уходите отсюда, или многимъ сыновьямъ придется оплакивать отцовъ,

многимъ женамъ—мужей⁴. Сказавъ это, онъ самъ бросился бѣжать, будто боясь, что будетъ раздавленъ. Толпа ринулась отъ церкви вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ успѣли подойти національные гвардейцы и окружили церковь. Благодаря республиканскому ученому, церковь уцѣлѣла.

Но разрушеніе продолжалось въ архіепископскомъ дворцѣ. Араго былъ въ бѣшенствѣ отъ безсилія прекратить буйство. Онъ приказалъ однакоже своему слабому отряду гнать разрушителей; но ему отвѣчали, что въ ряды національныхъ гвардейцевъ вмѣшались сильные въ правительствѣ люди и говорить гвардейцамъ, чтобы они не мѣшались въ это дѣло. Въ числѣ другихъ тутъ находился Тьеръ, бывшій тогда товарищемъ министра финансовъ. Онъ ходилъ по мѣсту опустошенія съ довольнымъ лицомъ и съ улыбкой на губахъ. Въ три часа наконецъ явился одинъ изъ двѣнадцати легионовъ національной гвардіи. Араго убѣждалъ командира легиона, чтобы онъ занялъ архіепископскій дворецъ и вытѣснилъ толпу, „Мнѣ приказано только прійти сюда, повернуть назадъ и уйти“, отвѣчалъ командиръ легиона. Онъ не сдѣлалъ ничего для прекращенія буйства. По всему Парижу происходили около церквей подобныя сцены. Толпа разрушала украшенія снаружи церквей, смѣшивая католицизмъ съ феодальнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ крестами были разрушаемы на барельефахъ и гербахъ бѣлыя лиліи, символъ Бурбоновъ. Въ ночь 15 февраля мятежь успокоился.

Когда въ палатѣ депутатовъ потребовали у префекта полиціи Бода объясненій о бездѣйствіи городскихъ властей во время смуты, онъ отвѣчалъ пустыми фразами, изъ которыхъ было только видно, что онъ не можетъ оправдать себя, не компрометируя Луи-Филиппа. Объясненія министра внутреннихъ дѣлъ Монталнве были также неудовлетворительны. Участіе правительства въ смутахъ 14 и 15 февраля очевидно изъ подробностей приведенныхъ нами. Когда Араго, увидѣвъ людей, рубившихъ крестъ на церкви Парижской Богоматери, хотѣлъ остановить ихъ, они отвѣчали, что исполняютъ приказаніе начальства, и въ удостовѣреніе показали ему приказъ, подписанный меромъ округа. Меръ, конечно, поступалъ такъ не по собственной власти. Луи-Филиппъ хотѣлъ показать духовенству и аристократамъ, что въ случаѣ надобности можетъ предать ихъ ярости простолюдиновъ; а буржуазія возбуждала народъ противъ враговъ, которыхъ недавно побѣдила его помощью и которые вздумали было беспокоить ее, когда увидѣли, что она разорвала свой союзъ съ народомъ.

Чтобы польстить народу дешевымъ угожденіемъ его враждѣ къ Бурбонамъ, Луи-Филиппъ уничтожилъ въ государственномъ гербѣ бѣлыя лиліи, которыя истреблены были 14 и 15 февраля.

Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя сильнѣе, и думалъ, что можетъ наконецъ разорвать связь даже съ тѣми умѣренными, очень умѣренными прогрессистами, которые сохранили вліяніе на дѣла по удаленіи демократовъ отъ власти. Онъ думалъ, что пришло уже время, когда онъ открыто можетъ опираться исключительно на однихъ консерваторовъ. Лафитъ сталъ ему не нуженъ, и онъ оставилъ ему только имя министра, отнимая у него всякое участіе въ дѣлахъ. Цѣль была очевидна: ему хотѣлось вытѣснить Лафита изъ министерства, и скоро Лафитъ увидѣлъ себя одураченнымъ до того, что не могъ не подать въ отставку. Случай этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Сѣверная половина Церковной области всегда была проникнута къ папскомъ

правительству такими же чувствами, какъ теперь. Отголосокъ польской революціи произвелъ въ легатствахъ возмущеніе. Австрійцы готовились идти усмирять Болонью. Лафитъ не хотѣлъ дозволить вмѣшательства, и давалъ инструкціи посланнику въ Вѣнѣ, Мезону, въ этомъ смыслѣ. Луи-Филиппъ не хотѣлъ сориться съ Австрією. Мезонъ доносилъ французскому правительству, что Меттернихъ не исполняетъ его требованій, что австрійцы идутъ въ легатства, и если Франція хочетъ предупредить ихъ, она должна двинуть армію въ Пиемонтъ. Эта депеша была получена министромъ иностранныхъ дѣлъ Себастіани 4 марта. Президентъ совѣта узналъ о ней только 8 числа изъ газеты „National“. Отъ него четыре дня скрывали важнѣйшее донесеніе посланника. Онъ былъ изумленъ, потребовалъ объясненій у Луи-Филиппа, и все еще сохраняя преданность къ нему, говорилъ, какъ опасна для самого короля дорога, по которой онъ идетъ. Луи-Филиппъ отвѣчалъ по своей обыкновенной методѣ. Съ наивной фамильярностью онъ кротко успокаивалъ своего друга, говорилъ, что будетъ очень огорченъ его удаленіемъ изъ министерства, упрашивалъ его остаться, показывалъ видъ, что не понимаетъ, какъ произошелъ случай, неприятный для Лафита, что онъ ничего не знаетъ о системѣ имъ осуждаемой, и совѣтовать ему объясниться объ этихъ вещахъ съ своими товарищами. Лафитъ собралъ ихъ на другой день; но между тѣмъ уже разнеслись слухи, что король просилъ предводителя консерваторовъ, Казиміра Перье, составить новое министерство; тонъ принятый министрами окончательно убѣдилъ Лафита въ справедливости этихъ слуховъ и онъ подалъ въ отставку. Ему давно было необходимо сдѣлать это для собственной репутаціи. Его давно, или лучше сказать, съ самаго начала обманывали. Себастіани и Монталиве, завѣдывавшіе важнѣйшими министерствами, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовали по инструкціямъ, которыя получали отъ Луи-Филиппа мимо Лафита; иностранная политика и внутренняя политика были ведены по системѣ, несогласной съ убѣжденіями перваго министра.

Отставку Лафита кончается первый и очень непродолжительный періодъ царствованія Луи-Филиппа, періодъ такъ называемаго либеральнаго правительства. Съ министерствомъ Казиміра Перье власть рѣшительно переходитъ въ руки консерваторовъ, которыхъ вѣрнѣе будетъ назвать реакціонерами; точнѣе говоря, Луи-Филиппъ находитъ уже нужнымъ управлять исключительно посредствомъ консерваторовъ. Здѣсь мы должны остановиться, чтобы посмотреть, какія новыя учрежденія получила Франція при Луи-Филиппѣ даже въ тѣ первые семь мѣсяцевъ, когда Луи-Филиппъ еще находилъ необходимымъ имѣть въ своемъ кабинетѣ прогрессистовъ. Мы видѣли характеръ событій: онъ состоялъ въ томъ, что постепенно и очень быстро отгѣснялись отъ власти люди, хотѣвшіе развитія либеральныхъ учреждений, хотя стремленія этихъ людей были чрезвычайно умѣренны, хотя пленно эти люди были основателями новаго правительства, хотя Луи-Филиппъ зналъ, что они вполне преданы ему, и былъ имъ обязанъ признательностью и за свое возвышеніе и за личную дружбу ихъ къ нему. Посмотримъ, что успѣли сдѣлать эти люди для развитія свободы во Франціи.

Мы уже говорили, что измѣненія, произведенныя въ конституціи 1814 года при передачѣ престола орлеанскому дому, были неважны. Они ограничивались слѣдующими вещами: католическая религія, называвшаяся въ конституціи 1814 г. государственною религією, объявлялась просто „религією большинства французовъ“;

мы увидимъ, что католическая партія выводила изъ этого новаго выраженія точно такія же притязанія, какія прежде выводила изъ словъ „государственная религiя“: стало быть перемѣна была ничтожна и не достигала своей цѣли, если имѣла цѣлью равенство всѣхъ исповѣданій передъ администраціею и судомъ. Гораздо важнѣе казалась прибавка, сдѣланная къ восьмой статьѣ, устанавливавшей свободу печати: „цензура никогда не можетъ быть возстановлена“. Но, во-первыхъ, цензура была давно уничтожена еще при Бурбонахъ; а во-вторыхъ, мы увидимъ, что эта гарантія оказалась очень неполна и что орлеанское правительство удержало за собою средства вредить непріязненной публицистикѣ посредствомъ штрафовъ и другихъ наказаній типографщикамъ и отвѣтственнымъ редакторамъ. 14 статья, бывшая предлогомъ къ изданію іюльскихъ повелѣній, была конечно уничтожена. Это было неизбѣжно. Для большей гарантіи отъ произвольныхъ распоряженій было прибавлено, что король не можетъ останавливать дѣйствія законовъ. Но за правительствомъ осталась власть объявлять города или цѣлыя департаменты находящимися въ осадномъ положеніи, если грозила опасность законному порядку; а по осадному положенію административная власть переходила отъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ въ руки военныхъ командировъ и обыкновенный уголовный судъ могъ быть замѣняемъ военнымъ судомъ; такимъ образомъ уничтожалось только одно имя. даваемое произвольнымъ распоряженіямъ, но оставался другой, столь же широкой способъ замѣнять законъ произволомъ въ рѣшительныя минуты. Въ 16 статьѣ было сказано, что члены обѣихъ палатъ получаютъ право предлагать проекты законовъ, между тѣмъ какъ по конституціи 1814 года проекты законовъ могъ предлагать только король, то есть министерство. Но эта уступка была чистою формальностью: что касается собственно возможности представить проектъ закона, никто не могъ помѣшать какому нибудь перу или депутату представить полный проектъ закона подъ формою просьбы къ королю о предложеніи палатѣ такого закона; что же касается возможности провести проектъ черезъ палату, большинство палаты депутатовъ принимаетъ только такіе проекты, которымъ не противится министерство, потому что само министерство при парламентской формѣ бываетъ представителемъ большинства депутатовъ; если парламентская форма существуетъ на дѣлѣ, а не только на бумагѣ, министерство само представляетъ всѣ проекты, требуемые палатою депутатовъ, и другимъ членамъ ея не остается дѣлать въ этомъ отношеніи ничего важнаго съ вадеждою на успѣхъ. Кромѣ того были сдѣланы публичными засѣданія палаты перовъ, ва которыя прежде не допускалась публика; но палата перовъ сама не имѣла большой важности. Было также постановлено, что члены палаты депутатовъ избираются не на семь лѣтъ, какъ прежде, а только на пять, и возрастъ, пужный для нихъ, пониженъ вмѣсто прежнихъ сорока лѣтъ на тридцать лѣтъ,—перемѣны не дурныя, подобно всѣмъ другимъ перемѣнамъ, нами перечисленнымъ, но также не значительныя. Нѣсколько важнѣе было то, что палата депутатовъ получила право сама избирать своего президента, который прежде назначался отъ короля. Наконецъ была объявлена незаконность всякихъ чрезвычайныхъ судилищъ. Но сами Бурбоны давно уже не прибѣгали къ чрезвычайнымъ судилищамъ, а возможность замѣнять обыкновенный судъ военнымъ оставалась попрежнему. Изъ этого перечисленія реформъ, произведенныхъ при передачѣ престола Луи-Филиппу, мы видимъ, что перемѣнъ было сдѣлано очень немного, что почти всѣ онѣ были совершенно мелочны, а дѣи или

три изъ нихъ, которыя однѣ могли имѣть серьезное значеніе, не достигали своей цѣли, оставляя незакрытыми другіе пути къ произволу, подобному произвольнымъ дѣйствіямъ Реставраціи, и стало быть казались гарантіями для свободы только по формѣ, а вовсе не лучше прежняго ограждали ее въ дѣйствительности.

Образованные классы дорожатъ свободою. Они имѣли власть съ своихъ рукахъ и не сдѣлали ничего удовлетворительнаго для огражденія свободы. Послѣ этого напрасно и спрашивать о томъ, было ли сдѣлано что нибудь для доставленія бѣльшаго благосостоянія массѣ народа, для облегченія лежавшихъ на ней тяжестей, были ли приняты хотя какія нибудь средства для того, чтобы дать ей средства подняться въ матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ. Для народа не было сдѣлано ровно ничего.

Но если улучшенія, произведенныя при передачѣ власти новому королю, не могли назваться значительными или удовлетворительными даже для тѣхъ ограниченныхъ цѣлей, о достиженіи которыхъ думали партіи, захватившія власть въ іюльскій переворотъ, то еще гораздо менѣе было сдѣлано для развитія внутреннихъ учреждений въ слѣдующіе семь мѣсяцевъ, пока прогрессивные люди участвовали въ правительствѣ.

Ничего нельзя было ожидать для дѣла прогресса уже потому, что послѣ іюльскаго переворота продолжала свое существованіе та палата депутатовъ, которая была выбрана передъ іюльскими событіями въ оппозицію министерству Полиньяка. Въ тѣ времена общественное мнѣніе не могло быть разборчиво: борьба шла противъ крайняго фанатизма и произвола; каждый былъ хорошъ, кто говорилъ противъ преобладанія іезуитской и феодальной партіи. Кромѣ очень цѣлагойхъ уже слишкомъ закоснѣлыхъ обскурантовъ, каждый назывался тогда либераломъ, какъ самый смуглый брюнетъ долженъ назваться бѣлымъ, если сравнить его съ негромъ. Потому палата, выбиравшаяся исключительно для оппозиціи Полиньяку, составила изъ людей, безъ всякаго разбора казавшихся тогда либеральными. Большинство этихъ людей вовсе не желало низверженія Бурбоновъ; оно старалось въ іюльскіе дни и въ первыя числа августа удержать за ними власть, ограничивая, впрочемъ, свое усердіе словами въ засѣданіяхъ своей палаты. Эти расчетливые люди перешли на сторону Луи-Филиппа, когда низложеніе Бурбоновъ было рѣшено. Но если они держались Бурбоновъ, значитъ, они были довольны учрежденіями, существовавшими при Реставраціи, и прежняя оппозиція ихъ вытекала только изъ мелочныхъ несогласій, изъ страха, что возьметъ верхъ феодальная партія, или изъ личныхъ причинъ. Теперь опасенія за преобладаніе феодаловъ исчезло, личные враги были побѣждены, нѣкоторыя мелочи въ законахъ были перемѣнены, и большинство палаты не хотѣло уже нивакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, находя, что и сдѣланныя перемѣны едва ли не слишкомъ велики. Изъ либераловъ эти люди вдругъ превратились въ консерваторовъ, даже въ реакціонеровъ.

Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ нашелъ палату депутатовъ, расположенную какъ можно болѣе сократить и съузить развитіе политическихъ и общественныхъ учрежденій. Мы увидимъ, какія средства употреблялъ онъ въ послѣдствіи, чтобы негда имѣть такія палаты. Теперь надобно только замѣтить, что консерватизмъ той первой палаты превосходно соотвѣтствовалъ его цѣлямъ: онъ могъ прикрывать свое личное нерасположеніе къ прогрессу, говоря, что не онъ, а палата не отчеть реформъ, требуемыхъ развитіемъ общества. До самаго 24 февраля 1848 г.

онъ постоянно оправдывалъ реакціонность своей политики реакціонностью депутатовъ. Но, по обыкновенной ошибкѣ людей тонкаго ума, онъ не замѣчалъ, что тонкій формализмъ не понятенъ ограниченному соображенію людей не тонкаго ума, что они смотрятъ на дѣло проще, по своей неспособности къ мудренымъ умственнымъ экзерциціямъ. Общество скоро увидѣло, въ чемъ дѣло; оно увидѣло, что большинство депутатовъ реакціонно только потому, что Луи-Филиппъ хочетъ этого. Дѣйствительно, масса консерваторовъ всегда состоитъ изъ людей, у которыхъ первая потребность — дѣйствовать за одно съ правительствомъ, чтобы не нарушалась тишина. Правительству нужно только показать, что оно искренно хочетъ реформъ, и эти люди сами станутъ хотѣть реформъ, потому что ихъ судьба: поддерживать правительство во всемъ и всегда, для избѣжанія всякихъ нарушеній тишины. Это мы замѣчаемъ вообще, и болѣе по отношенію къ позднѣйшимъ временамъ іюльскаго періода; а дѣло съ первою палатою депутатовъ іюльскаго правительства, о которой мы должны теперь говорить, было еще гораздо проще. По принципамъ парламентскаго правленія, было очень странно, что палата, созванная королемъ одной династіи, спокойно продолжаетъ быть палатою короля другой династіи, какъ будто и не произошло переворота. Сущность парламентской формы состоитъ въ томъ, чтобы депутаты служили представителями господствующаго въ обществѣ настроенія; потому, если произойдетъ въ обстоятельствахъ общественной жизни слишкомъ большая перемѣна, которая имѣетъ вліяніе на настроеніе умовъ, практика парламентаризма требуетъ новыхъ выборовъ, чтобы депутаты выражали собою не минувшее, а настоящее расположеніе общества. Формального закона на это быть не можетъ, потому что дѣло зависитъ отъ настроенія умовъ и нельзя подвести подъ формальныя рубрики того, при какихъ случаяхъ происходитъ перемѣна въ настроеніи умовъ. Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ могъ, не нарушая законныхъ формъ, сохранить палату, избранную при Карлѣ X. Но для каждаго очевидно было, что іюльскій переворотъ и перемѣна династіи должны были вызвать потребность въ новыхъ выборахъ. Если Луи-Филиппъ не производилъ ихъ, каждый понималъ, что причина этого — внутреннее довольство короля характеромъ палаты. Формально, Луи-Филиппъ имѣлъ за собою право дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ; но и теперь, какъ постоянно во все время своего правленія, онъ, слишкомъ надѣясь на возможность оправдаться формальнымъ образомъ, пренебрегалъ тѣмъ, что сущность дѣла, понятная для всѣхъ, компрометируетъ его. Первая палата его дѣйствовала реакціонно, непопулярно, и непопулярность переходила съ нея на Луи-Филиппа, сохранявшаго палату, стало быть довольнаго ею.

Палата во всемъ показывала, что довольна прежними учрежденіями и не хочетъ реформъ. Если кому, кромѣ парижскихъ простолюдиновъ, іюльская монархія была обязана своимъ возникновеніемъ, то конечно газетамъ. Онѣ проложили Луи-Филиппу путь къ престолу. Неумѣнье понять важность ихъ сочувствія, то есть важность сочувствія со стороны общественнаго мнѣнія, было причиною гибели Бурбоновъ. Луи-Филиппъ съ перваго же раза сталъ держаться той же ошибочной системы. Въ законодательныхъ вопросахъ, его желанія прикрывались рѣшеніями палаты депутатовъ; когда здѣсь и при всѣхъ слѣдующихъ законодательныхъ вопросахъ мы будемъ говорить о большинствѣ палаты, читатель постоянно долженъ понимать слова „большинство депутатовъ“ въ смыслѣ: „тѣ депутаты, дѣйствія

которыхъ соотвѣтствовали системѣ Луи-Филиппа, которые составляли большинство въ палатѣ только потому, что Луи-Филиппъ находилъ это нужнымъ для своихъ цѣлей“. Съ этимъ замѣчаніемъ скажемъ, что первымъ важнымъ рѣшеніемъ палаты депутатовъ по учрежденіи новаго правительства было выраженіе рѣшимости сохранить тѣ законы, которые при Бурбонахъ предназначены были для стѣсненія журналистики. Въ началѣ ноября были пренія о предложеніи Траси уничтожить газетный залогъ (cautionnement) и о предложеніи Барта уничтожить газетный штемпель (timbre). Обѣ эти вещи были тяжелы для газетъ. Взносъ огромной суммы при основаніи газеты въ видѣ залога конечно затруднялъ основаніе новыхъ газетъ. Еще тяжеле было правило, что газеты могутъ быть печатаемы только на бумагѣ, къ которой приложенъ штемпель, стоившій нѣсколько сантимовъ. Этою платою за штемпель годовая цѣна газетъ значительно возвышалась, то есть, сильно ограничивалось ихъ распространеніе въ публикѣ. Само собою разумѣется, что эти стѣпенительныя мѣры въ сущности производили дѣйствіе, противное тому, какого ожидало отъ нихъ правительство: чѣмъ меньше было число газетъ, тѣмъ сильнѣе была каждая изъ нихъ, и малочисленность газетъ, принадлежавшихъ каждой партіи, не давала партіи простора раздробляться на многочисленные отдѣлки, раздоры между которыми ослабляли бы партію: имѣя одинъ органъ, члены партіи невольно держались плотно между собою. Уменьшеніе числа экземпляровъ газетъ, производимое штемпелемъ, ни мало не мѣшало расходиться ихъ мнѣніямъ въ публикѣ: напротивъ, малочисленные люди, читавшіе газеты, естественно становились руководителями остальныхъ и любопытство этихъ остальныхъ, которое могло бы молча удовлетворяться чтеніемъ дешевыхъ газетъ, теперь вело къ разспросамъ, разговорамъ, шумнымъ спорамъ, всегда овазывающимъ больше вліянія на мысли, чѣмъ одинокое чтеніе. Но по обыкновенію, реакціонеры замѣчали только внѣшнее дѣйствіе своихъ распоряженій, не соображая этого внутренняго результата, вреднаго для нихъ самихъ. Они видѣли, что штемпель и залогъ вредятъ газетамъ— этого было для нихъ довольно; того, что и штемпель, и залогъ увеличиваютъ вліяніе газетъ и содѣйствуютъ организацію плотныхъ партій, реакціонеры не замѣчали. Потому предложеніе объ отиѣнѣ штемпеля было отвергнуто палатою; точно такъ же отвергла она предложеніе объ отиѣнѣ залога, и, между прочимъ, Гизо надменно сказала: „залогъ долженъ быть сохраненъ, потому что служить гарантіею, показывающею принадлежность людей, основывающихъ газету, къ известному классу общества“. Это значило, что благонамѣренными и почтенными людьми признаются только люди зажиточнаго класса. Можно судить, какъ дѣйствовали такіа надменная мнѣнія на гордыхъ парижскихъ пролетаріевъ. Правительство съ перваго же раза выказало, что не любитъ и боится газетъ. Мы постоянно будемъ видѣть, какой вредъ приносила ему такая система, которая наконецъ и довела юльскую династію до паденія.

Но иной системы относительно газетъ, то есть общественнаго мнѣнія, не могла держаться консервативная партія. Безъ удовлетворенія современнымъ потребностямъ, она не могла ждать отъ общественнаго мнѣнія похвалъ своей политикѣ. А всѣ замыслы, составлявшіе предметъ совѣщаній палаты депутатовъ, имѣли характеръ несоотвѣтствовавшій нуждамъ общества.

Франція страдала отъ централизаціи и бюрократіи. Эти формы управленія были организованы Наполеономъ сообразно деспотическому характеру всей его си-

стемы. Онъ не хотѣлъ терпѣть никакой самостоятельности въ обществѣ, хотѣлъ, чтобы все зависѣло лично отъ него, докладывалось ему и рѣшалось имъ. Реставрація, стараясь истребить все хорошее, перешедшее въ законы Наполеона изъ постановленій предшествовавшихъ ему національныхъ собраний, усердно сберегла всѣ дурные элементы, введенные въ законодательство его стремлешемъ къ произволу. Луи-Филиппъ подражалъ Бурбонамъ. Города и сельскіе округа не имѣли независимости въ своихъ дѣлахъ; они управлялись распоряженіями префектовъ и подчиненныхъ префектамъ чиновниковъ. Законъ о муниципальной организаціи, принятый палатою депутатовъ въ половинѣ февраля 1831 года, ничего не измѣнялъ въ этомъ положеніи и не возвращалъ самостоятельности общинамъ. Также неудовлетворителенъ былъ избирательный законъ. Реставрація хотѣла сосредоточить вліяніе на дѣла въ рукахъ одного высшаго сословія; средствомъ къ этому служить ей высокій избирательный цензъ, по которому депутатовъ назначали только люди богатые, платившіе до 300 франковъ пряныхъ налоговъ съ имущества. (Приблизительно считая, это значило то же, что владѣть имуществомъ въ 45,000 франковъ). При такомъ цензѣ изъ 33 милліоновъ французовъ только 80 тысячъ были избирателями. Такая тѣсная привилегія съ самаго начала служила предметомъ всеобщаго негодованія. Надобно было понизить цензъ. Палата упорно боролась противъ общественнаго мнѣнія, стараясь, чтобы пониженіе было какъ можно незначительнѣе. Она хотѣла остановиться на 240 франковъ, но принуждена была опуститься до 200 франковъ. Такимъ пониженіемъ число избирателей удвоилось; но все-таки они составляли малочисленный привилегированный классъ въ массѣ населенія. Передъ февральскою революціею изъ 36 милліоновъ жителей Франціи только 200 тысячъ были избирателями: изъ 50 человѣкъ взрослыхъ мужчинъ только одинъ имѣлъ право участвовать въ выборѣ депутатовъ. Читатель знаетъ, что упорство, съ которымъ орлеанское правительство защищало такую неудовлетворительную систему, отказывая во всякомъ расширеніи избирательнаго права, послужило прямою причиною февральской революціи. Благовидность высокому цензу хотѣли придать увѣреніемъ, что онъ служитъ гарантіею извѣстной степени образованности, необходимой для избирателя. Но фальшивость такого предлога слишкомъ обнаруживалась тѣмъ, что палата отвергла предложеніе дать право выбора лицамъ, званіе которыхъ служить уже ручательствомъ за ихъ образованность. Было предлагаемо, чтобы профессора юридическихъ наукъ, медицины и другихъ университетскихъ факультетовъ, нотаріусы, адвокаты, судьи, офицеры становились избирателями, хотя бы и не имѣли требуемаго цензомъ состоянія. Эти предложенія были отвергнуты, хотя званіе профессора конечно служить болѣе вѣрнымъ признакомъ образованности, нежели простое владѣніе участкомъ земли или домою, платящимъ 200 франковъ налога. Цѣль высокаго ценза была очевидна: человѣкъ зажиточный предполагался болѣе твердымъ консерваторомъ, нежели человѣкъ безъ состоянія; высокій цензъ избирателей служилъ просто ручательствомъ за консервативность ихъ депутатовъ. Но этимъ соображеніемъ руководились сами консерваторы, а Луи-Филиппъ кнѣзь и другой расчетъ, которымъ такъ хорошо пользуются англійскіе олигархи въ маленькихъ городкахъ, гдѣ 150 или 200 человѣкъ выбираютъ двухъ депутатовъ. Чѣмъ малочисленнѣе кружокъ избирателей, тѣмъ легче приобрести въ негъ большинство голосовъ личными сдѣлками съ каждымъ избирателемъ. Мы знаемъ, какъ продаются голоса въ маленькихъ англійскихъ городахъ и какъ невозможенъ по -

купъ въ английскихъ большшхъ городахъ. Такъ Луи-Филиппъ разсчитывалъ, что у правительства будутъ средства набрать 300 голосовъ въ какомъ нибудь департаментѣ, предоставленіемъ каждому изъ этихъ людей какихъ нибудь личныхъ выгодъ, и что 300 голосовъ составляютъ большинство, если число всѣхъ избирателей въ цѣломъ департаментѣ только 500 или 550 человекъ. Но орденовъ, должностей, выгодныхъ подрядовъ и денежныхъ подарковъ не достало бы у министерства, если бы понадобилось подкупать не сотни, а десятки тысячъ людей. Намъ придется разсказывать много примѣровъ того, какъ нагло производился подкупъ, особенно въ министерство Гизо. Въ послѣдніе годы июльской монархіи было всѣмъ извѣстно, что большинство депутатовъ, поддерживающихъ кабинетъ, выбирается людьми подкупленными и потому безнаказанно даетъ подкупать себя. Въ тѣ времена всеобщее право выбора считалось само по себѣ достаточною гарантіею для составленія такой палаты, которая дѣйствительно была бы представительницею общественныхъ потребностей. Теперь, когда опытъ показалъ, что всеобщимъ избирательствомъ дается власть обскурантамъ и реакціонерамъ, многіе лучшие люди потеряли вѣру въ этотъ принципъ. Дѣло въ томъ, что и тутъ, какъ во всѣхъ историческихъ дѣлахъ, разныя условія общественнаго благосостоянія связаны одно съ другимъ, и какое изъ нихъ ни возьмете въ отдѣльности, оно оказывается непрактичнымъ безъ другихъ условій. Политическая власть, матеріальное благосостояніе и образованность, — всѣ эти три вещи соединены неразрывно. Кто находится въ нищетѣ, тотъ не можетъ развить своихъ умственныхъ силъ; въ комъ неразвиты умственныя силы, тотъ не способенъ пользоваться властью выгоднымъ для себя образомъ; кто не пользуется политической властью, тотъ не можетъ спастись отъ угнетенія, т. е. отъ нищеты, т. е. и отъ невѣжества. Эта неразрывность условій, похожая на фальшивый логическій кругъ, приводитъ въ отчаяніе людей нетвердыхъ духомъ или нетерпѣливыхъ. Но что же дѣлать, если такъ устроенъ свѣтъ? Намъ вѣроятно будетъ случай поговорить объ этомъ подробнѣе, если мы доведемъ разеазъ о французской исторіи до тѣхъ временъ, когда вопросъ о всеобщемъ избирательствѣ получилъ практическую важность и когда потомъ первые опыты всеобщаго избирательства оказались такъ неудачны. Теперь замѣтимъ только, что не одно всеобщее избирательство, а всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь и вѣроятно долго еще будутъ находиться въ нелѣпомъ положеніи, представляясь возможными только какъ результаты такихъ фактовъ, которые сами должны служить ихъ результатами. Разумѣется, мы говоримъ только о западной Европѣ. Напримѣръ, при нынѣшней воинственности французовъ невозможно имъ достигъ благосостоянія; но только благосостояніе можетъ отучить ихъ отъ нелѣпой воинственности. Напримѣръ, невозможно для нихъ стать народомъ здоровыслящимъ, пока половина мужчинъ и почти всѣ женщины находятся у нихъ подъ вліяніемъ переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ іезуитовъ; но избавиться имъ подъ власти іезуитовъ могутъ они только тогда, когда станутъ народомъ здоровыслящимъ. Если надобно называть фальшивымъ логическимъ кругомъ, когда А можетъ быть порождено только существованіемъ Б, а Б, въ свою очередь, можетъ быть порождено только существованіемъ А, и когда А и Б, существованіе которыхъ необходимо для націи, одинаково не существуютъ или почти не существуютъ, — если надобно называть фальшивымъ кругомъ такое положеніе обстоятельствъ, то всѣ народы всегда находились въ этомъ фальшивомъ кругу; потому-

то прогрессъ и шель всегда и теперь идетъ съ такую страшною медленностью. Но если все-таки было нѣкоторое, хотя очень медленное движеніе впередъ, то значить, этотъ фальшивый кругъ не абсолютно сковываетъ развитіе жизни. Дѣло въ томъ, что если каждое условіе благосостоянія поражается только совокупностью всѣхъ другихъ условий, то успѣхъ, сдѣланный какимъ бы то ни было изъ нихъ, все-таки отражается нѣсколько благоприятнымъ образомъ на другихъ условіяхъ, какъ бы неудачны ни были его дѣйствія въ собственной частной сферѣ, какими бы разочарованіями ни печалили эти частныя послѣдствія людей, слишкомъ надѣявшихся на всемогущество одинокаго условія. Возьмемъ, напримѣръ, результаты декрета, ввезапно давшаго каждому взрослому французу голосъ на выборахъ. Прямой результатъ декрета протпворѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ того? Развѣ все-таки не послужилъ этотъ декретъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губить Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и остававшаяся безъ леченія; но все-таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было, наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все-же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже, поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принесенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеобщее избирательство, все-таки декретъ о немъ, при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно болшую пользу. А со временемъ, когда горечь первой неудачи пройдетъ, общественное мнѣніе возвратится къ мысли о правѣ каждаго француза быть участникомъ въ общественной власти, и масса будетъ при возстановленіи этого права подготовлена пользоваться имъ лучше, нежели воспользовалась при первомъ его установленіи. Не говоримъ уже о томъ, что какъ бы сильна ни оказалась при возстановленіи законныхъ учреждений реакція общественнаго мнѣнія противъ всеобщаго избирательства, все-таки цензъ будетъ установленъ несравненно ниже того, какой отмѣненъ декретомъ о всеобщемъ избирательствѣ.

Консервативный принципъ требовалъ, чтобы только малочисленный привилегированный кружокъ пладывествовалъ надъ общественными дѣлами; это было сдѣлано сохраненіемъ высокаго цевза. Натуральнымъ образомъ, охраненіе порядка, установляемаго представителями привилегированнаго кружка, можно было ввѣрять также только избраннымъ по своему состоянію людямъ. Съ этою цѣлю, при учрежденіи національной гвардіи было рѣшено, чтобы она имѣла довольно дорогіе мундиры; благодаря необходимости такого расхода, національная гвардія составила только изъ людей зажиточныхъ. Бѣдный классъ, совершенно удаленный отъ участія въ дѣлахъ, имѣлъ противъ себя вооруженную силу, готовую наказать „вѣрную преступную попытку къ ниспроверженію существующихъ учреждений“. Судить объ этомъ каждый можетъ какъ угодно; но дѣло въ томъ, что кто не имѣетъ власти, кто не имѣетъ оружія, о томъ никому не нужно заботиться: что за радос

хлопотать въ чужую пользу? Дѣйствительно, во весь орлеанскій періодъ ничего не было сдѣлано въ пользу массы.

Мы видѣли характеръ системы, господствовавшей въ тѣ немногіе первые мѣсяцы іюльской монархіи, пока Луи-Филиппъ находилъ нужнымъ терпѣть въ своемъ кабинетѣ прогрессистовъ. Если въ это время не было сдѣлано почти ничего для развитія общественныхъ учрежденій, если и то очень немногое, что было сдѣлано подѣ напоромъ еще незаглохнувшихъ требованій взволнованнаго въ іюль общества, было сдѣлано такъ, чтобы сѣузить реформы въ возможно меньшіе размѣры,—если упорный консерватизмъ владычествовалъ надѣ іюльскою системою даже при Лафайетѣ, Дюпонъ-Делѣръ и Лафитѣ, то разумѣется, еще сильнѣе выказался этотъ принципъ, когда управление перешло исключительно въ руки чистыхъ консерваторовъ и предводитель ихъ, Казиміръ Перье, сталъ главою министерства.

Казиміръ Перье во многихъ книгахъ называется человѣкомъ непоколебимой твердости характера,—эту репутацію онъ былъ обязанъ своему страшно-грубому высокоумію и страсти къ самовластию. Онъ приходилъ въ негодованіе отъ каждаго слова, сказаннаго поперекъ ему, вспыхивалъ и изливался жолчною бранью. При мягкости французскихъ общежительныхъ формъ, такія манеры отуманивали многихъ. Но въ нашемъ обществѣ подобные люди встрѣчаются часто, мы поприсмотрѣлись къ этимъ юпитерамъ громовержцамъ и знаемъ, какъ судить о нихъ. Подѣ грубымъ высокоуміемъ скрывается обыкновенно трусливость, какъ мы знаемъ по ежедневному опыту. Казиміръ Перье также былъ трусливъ,—онъ блистательно выказалъ это качество въ іюльскіе дни, когда блѣднѣлъ, дрожалъ, прятался усерднѣе всѣхъ своихъ товарищей депутатовъ. Но при отсутствіи опасности онъ былъ очень заносчивъ. Находя въ Луи-Филиппѣ человѣка мягкаго, деликатнаго, Казиміръ Перье обращался съ нимъ грубо,—это ставило ему въ заслугу, какъ доказательство независимости характера. Но при своемъ тонкомъ и терпѣливомъ умѣ, Луи-Филиппъ позволялъ ему грубить, потому что Казиміръ Перье трудился въ пользу личной власти короля, которому рѣзко запрещалъ вмѣшиваться въ дѣла. Высокоумный министръ душилъ либерализмъ; Луи-Филиппъ съ улыбкою смотрѣлъ на рьяность грубіяна, приучавшаго и министровъ и депутатовъ къ послушаію. Луи-Филиппъ имѣлъ довольно ума, чтобы жертвовать своему расчету щекотливостью самолюбія.

Не всѣ были такъ расчетливы; придворный кругъ не любилъ дѣльцовъ, которые третируютъ его съ пренебреженіемъ, и Казиміръ Перье съ перваго же раза имѣлъ удовольствіе выказать свою силу въ полномъ блескѣ. На другой день по своемъ вступленіи въ министерство, явившись во дворецъ, онъ увидѣлъ на всѣхъ лицахъ недовольство и недовѣріе. Придворные дерзко перешептывались, когда новый министръ проходилъ мимо нихъ, и бросали на него враждебные взгляды. Онъ ошелъ въ залъ, гдѣ ждала его королевская фамилія. Король былъ любезенъ, королева вѣжлива съ нимъ, но принцесса Аделаида, сестра короля, уважавшаго ея совѣты, указывала ледяную холодность, а старшій сынъ короля, герцогъ Орлеанскій, не кривалъ своего нерасположенія къ новому министру. Казиміръ Перье nobлѣднѣлъ, тиснувъ зубы отъ досады, подошелъ къ королю и попросилъ его поговорить съ обою наединѣ. Они вышли въ сосѣдную комнату и Перье рѣзкимъ тономъ сказалъ: „Государь, прошу у васъ отставки“. Король изумился, смутился, началъ оворить, что не понимаетъ причины его неудовольствія. „У меня враги въ клу-

бахъ, у меня враги при дворѣ, продолжалъ Перье: — этого слишкомъ много, государь, слишкомъ много. Бороться противъ столькихъ враговъ въ одно и то же время невозможно“. Луи-Филиппу нельзя было ссориться съ нимъ: отставка черезъ день по принятіи должности надѣлала бы слишкомъ много шума, а вражда Казимира Перье была бы страшна. Король старался смягчить его любезностями. Министръ былъ непреклоненъ. Луи-Филиппъ позвалъ сестру и сына, объяснилъ имъ раздраженіе Казимира Перье и сказалъ, что надобно умиловить его. Заставивъ ихъ просить себя, выказавъ свою силу вадъ ними, Перье согласился остаться министромъ.

Товарищами Казимира Перье были люди незначительные, не осмѣливавшіеся противорѣчить ему *). Одинъ маршалъ Сультъ могъ бы не смиряться передъ главою министерства, но онъ не имѣлъ охоты спорить, лишь бы ему самому не мѣшали деспотически распоряжаться въ военномъ министерствѣ и увеличивать свое богатство, потому что онъ былъ жаденъ къ деньгамъ.

Казимиръ Перье открыто высказалъ свою программу, явившись въ палату 18 марта (1831 г.). Онъ объявилъ, что іюльскій переворотъ не былъ дѣломъ народнаго возстанія, что онъ хочетъ подавить партіи, иначе понимающія характеръ этого событія, что Франція не будетъ оказывать никакой помощи народамъ, возставшимъ противъ своихъ правительствъ. Консервативное большинство палаты совершенно сочувствовало такой системѣ.

Но первыя дѣйствія Казимира Перье для подавленія враждебныхъ партій не всегда сопровождались успѣхомъ. Впечатлѣше, произведенное іюльскими событіями, не совершенно еще изгладилось, и преслѣдуемые смущали преслѣдователей, напоминая о томъ, что дали имъ власть.

Въ іюль 1830 г. число республиканцевъ было чрезвычайно мало; оно было очень невелико и теперь, но все-таки возрастало по мѣрѣ того, какъ все яснѣе становилось, что реформъ нельзя ждать. Нѣкоторые изъ прежнихъ политическихъ обществъ, имѣвшихъ только общее либеральное направленіе, начали принимать рѣшительно республиканскій цвѣтъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ было „Общество друзей народа (des Amis du peuple)“, членами котораго по преимуществу были молодые люди, предводительствовавшіе народомъ въ іюльской битвѣ. Засѣданія „Друзей народа“ сначала были публичныя. Они происходили въ обширной залѣ манежа Пелле, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Въ концѣ сентября, пранительство, именемъ Лафайета, бывшаго тогда командиромъ національной гвардіи, убѣдило „Друзей народа“ отказаться отъ публичности засѣданій и перенести ихъ въ какую нибудь частную квартиру. Средства общества не были ничтожны, потому что оно отправило батальонъ волонтеровъ на помощь бельгіяцамъ противъ короля голландскаго. Оно вело сношенія съ департаментами, издавало рѣзкія прокламаціи. Въ началѣ октября президентъ общества, Гюберъ, былъ потребованъ къ суду за одну изъ этихъ прокламацій, которая была найдена оскорбительной для палаты депутатовъ. „Господа, публично сказалъ онъ судьямъ:—странно видѣть васъ, всего черезъ два мѣсяца послѣ іюльской революціи, призывающими на

*) Военнымъ министромъ былъ маршалъ Сультъ; министромъ иностранныхъ дѣлъ Себастьянъ „Исторія десяти лѣтъ“. Просимъ сравнить это примѣчаніе съ нашимъ предисловіемъ. Другими министрами были: финансы — баронъ Луи; юстиція — Бартъ; просвѣщенія и вѣроисповѣданій — Монтаинне; торговли — д'Аргу; морскихъ силъ — Риваль.

свой судъ людей, бывшихъ не чуждыми успѣху этой великой борьбы. Я не буду имѣть непростительной слабости признавать васъ за своихъ судей и защищаться передъ вами. Судьи, служившіе Карлу X, объявите, что вы не можете признать надо мною приговора. Народъ снялъ съ васъ власть, возвративъ свободу вашимъ жертвамъ, и вы сами подтвердили его приговоръ, бѣжавъ, когда другіе сражались. Взгляните на нашу трехцвѣтную кокарду: два мѣсяца тому назадъ, вы стали бы позорить ее, называя эмблемою мятежа. Какъ вы отважитесь съ прежнею самоувѣренностью судить людей, носившихъ ее напереворъ вашимъ наказаніямъ? Какъ вы отважитесь, сидя на вашихъ креслахъ, съ которыхъ сняты лиліи, выносить взглядъ людей, которые изгнали кумира, погубившаго столь многихъ?“ Народъ ашплодироваль этому гордому языку, и судьи еще робѣли передъ обвиняемыми.

Мы говорили, что во время волненій 21 и 22 декабря народъ рассчитываль на содѣйствіе артиллеристовъ 2-й батареи національной гвардіи. Они дѣйствительно хотѣли соединиться съ народомъ, и на луврскомъ дворѣ, ими занимаемомъ, произошло нѣкоторое волненіе. Девятнадцать человекъ артиллеристовъ были преданы суду. Главными изъ обвиненныхъ были командиры 2-й батареи, Гинаръ и Кавеньякъ, и Трелъ, записавшія въ нее простымъ артиллеристомъ.

Двое изъ этихъ людей, быть можетъ, извѣстны читателю по событіямъ 1848 г.: Гинаръ командоваль тогда однимъ изъ легионовъ національной гвардіи и дѣйствовать смѣлѣе другихъ командировъ; Трелъ былъ министромъ публичныхъ работъ въ іюнѣ и имѣль несчастіе, оказавшись уже человекомъ отсталымъ, сдѣлать или одобрить безразсудныя распоряженія, слѣдствіемъ которыхъ было іюньское возстаніе. Третій, Годфруа Кавеньякъ, братъ Эжена Кавеньяка, сдѣланнаго диктаторомъ въ іюньскую битву, былъ уже и въ 1830 году однимъ изъ главныхъ людей республиканской партіи, а по смерти Армана Карреля сталъ ея предводителемъ; его слава Эженъ Кавеньякъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, которымъ такъ плохо воспользовался. Въ то время, всѣ они были еще молодые люди. Ихъ и шестнадцать человекъ другихъ обвиняли въ намѣреніи произвести возстаніе для провозглашенія республики. Процессъ ихъ былъ веденъ уже въ апрѣль 1831 года, при министерствѣ Казиміра Перье.

Когда обвиненные вошли въ залу суда, сотви зрителей привѣтствовали ихъ ашплодисментами. Не думая защищаться, Кавеньякъ и его товарищи сами напали на своихъ обвинителей, то съ желчною прошеею, то съ гнѣвною серьезностью. Пренія продолжались нѣсколько дней, сочувствіе зрителей къ обвиняемымъ возрастало съ каждымъ днемъ. Докторъ Трелъ, человекъ строгихъ нравовъ и нѣжнаго, сострадательнаго характера, былъ любимцемъ бѣдняковъ, потому что бесплатно ходилъ лечить и утѣшать ихъ. Онъ представилъ трагическую картину нищеты, свидѣтелемъ которой постоянно былъ, напоминаль о несдержанныхъ обѣщаніяхъ, о забытыхъ услугахъ. Поелъ него говорилъ Годфруа Кавеньякъ, изящный и блистательный, но весь предавшійся серьезному изученію общественныхъ вопросовъ, человекъ замѣчательнаго ума и великаго краснорѣчія. Онъ началъ оправдашемъ памяти своего отца, который служилъ тому же дѣлу, какъ и онъ, и былъ оклеветанъ вмѣстѣ съ другими дѣятелями временъ, предшествовавшихъ учрежденію директоріи. „Я наслѣдовалъ свои принципы, сказалъ онъ. Наука утвердила меня въ направленіи, которое естественно получилъ мой политическій взглядъ, и теперь, когда,

наконецъ, представляется мнѣ случай произнести слово, гонимое другими. я безъ страха и безъ аффектаціи объявляю свое задушевное убѣжденіе: „я республиканецъ“. Республиканскую партію обвиняютъ въ заговорахъ, продолжалъ онъ, это обвиненіе пусто: съ тѣхъ поръ какъ совершаются революціи, заговорами не стоитъ заниматься. Республиканская партія такъ увѣрена въ своей будущности, что можетъ ждать ея терпѣливо и полагаться въ судьбѣ своей на счастье нашія. Республиканцы предоставляютъ самому правительству вести заговоры на погибель нынѣшнихъ учрежденій ошибками и неправдами, которыя оно совершаетъ. Республиканцамъ нѣтъ нужды торопиться: они знаютъ, что есть въ обществѣ разлагающій элементъ, столь сильно разрушающій всѣ прежнія средства къ управленію, что власть неизбѣжно должна быть пересоздана. Управлять обществомъ безъ коренныхъ преобразованій теперь труднѣе, нежели измѣнить всѣ учрежденія. Противъ республиканцевъ вызываютъ воспоминанія Конвента; но изъ всѣхъ правительствъ, смѣнявшихся во Франціи, одинъ Конвентъ не былъ низвергнутъ, а добровольно отдалъ власть, сходя со сцены побѣдоносно“. Онъ доказывалъ, что республиканская форма правленія — самая приличная и удобная для Франціи, что Франція стремится къ ней, и заключилъ свою рѣчь словами: „мы исполняли свою обязанность къ отечеству, и Франція найдетъ насъ готовыми на призывъ ея всегда, когда мы понадобится ей; все, чего бы ни потребовала она отъ насъ, мы отдадимъ ей“. Аплодисменты публики служили продолженіемъ его рѣчи. При такомъ сочувствіи зрителей, при такой смѣлости обвиненныхъ, адвокатамъ ихъ почти не нужно было защищать ихъ: они были оправданы. Зрители бросились къ обвиненнымъ, чтобы проводить ихъ съ триумфомъ. Гинаръ, Кавеньякъ и нѣкоторые другіе успѣли скрыться отъ готовившейся имъ оваціи: Гилье былъ пойманъ и отнесенъ домой на рукахъ, несмотря на всѣ свои просьбы и успліи. Трелà и д'Эрбенвиль сѣли въ карету и велѣли кучеру ѣхать скорѣе, но толпа нагнала карету, остановила ее, со всѣхъ сторонъ посыпались цвѣты, народъ отирягалъ лошадей. Трелà и д'Эрбенвиль напрасно говорили народу, что онъ долженъ сохранять гордость и въ изъявленіяхъ сочувствія, что такіе знаки симпатіи несприятны для нихъ самихъ: толпа, не слушая ихъ, повезла на себѣ карету, и по всей дорогѣ до квартиры Трелà поѣздъ двигался среди аплодисментовъ и криковъ. Это было 15 апрѣля (1831). Министерство было раздражено и хотѣло загладить свою неудачу насиліемъ. На другой день по улицамъ Парижа ходили войска, какъ будто для того, чтобы вызвать народъ къ столкновенію. Но республиканцы убѣдили его сохранить тишину.

Въ это время приближалась раздача медалей за іюльскіе дни. На медали хотѣли сдѣлать надпись „дана королемъ“. 1,200 человекъ, которымъ назначалась медаль, собрались въ Омонскомъ пассажѣ и рѣшили не принимать медали, если эта надпись на ней не будетъ уничтожена. Подъ вліяніемъ судебного пораженія, правительство уступило и уничтожило надпись. Казиміру Перье самому было принтне имѣть тутъ новый предлогъ, чтобы уколоть Луи-Филиппа.

20 апрѣля были отерочены засѣданія палаты депутатовъ, а 3 мая она была распущена и назначены новые выборы. Ничтожность перемены, сдѣланной въ избирательномъ законѣ слабымъ пониженіемъ ценза съ 300 на 200 франковъ, обнаруживалась тѣмъ, что въ новой палатѣ большинство осталось прежнее: это значило, что сохранили преобладаніе тѣ же самые классы, какіе имѣли его и до іюль-

екой революціи. Нашъ вообще печальныйъ взглядъ на исторію происходитъ вовсе не отъ того чтобы мы отрицали прогрессъ: напротивъ, много разъ мы доказывали, что прогрессъ есть слѣдствіе причинной связи, неизмѣнно дѣйствующей повсюду и всегда, что онъ имѣетъ за собою такую же необходимость и неизбѣжность, какъ тѣ законы, о которыхъ говорятъ естественныя науки, какъ законъ тяготѣнія или химическаго сродства. Несомнѣнно былъ нѣкоторый прогрессъ и въ исторіи Франціи за тѣ годы, событія которыхъ мы рассказываемъ. Пензъ въ 200 франковъ все-же лучше цевза въ 300 франковъ, и все-же оказывалъ нѣсколько лучшее дѣйствіе. Прогрессисты въ новой палатѣ были сильнѣе, нежели въ прежней. Исторія грустна только потому, что прогрессъ идетъ очень медленнымъ шагомъ, подобно геологическому и зоологическому развитію. Климатъ Франціи сталъ теперь несравненно мягче и благопріятнѣе для человѣка, чѣмъ былъ во время Цезаря, когда покрывали Галлію лѣса и болота. Мы ни мало не отрицаемъ того, что и человѣческая жизнь во Франціи теперь гораздо лучше, нежели въ XV, или XVI, или XVII вѣкѣ. Печально только то, что улучшение въ жизни идетъ такъ медленно, что лишь наука открываетъ его посредствомъ своихъ тонкихъ наблюдений, какъ только она открываетъ его и въ климатѣ, а для простаго практическаго чувства улучшение и въ климатѣ и въ жизни слишкомъ мало замѣтно. Впрочемъ такъ было всегда, и наше поколѣніе не имѣетъ основанія жаловаться на свою судьбу: болѣе счастливыхъ поколѣній не бывало. Эти послѣднія слова могутъ служить къ смягченію гнѣва, который мы заслуживаемъ со стороны умѣренныхъ либераловъ, восторгающихся настоящимъ временемъ: эти почтенные люди могутъ съ торжествомъ сказать: ну вотъ, вы сами признались, что наше поколѣніе самое счастливое во всей исторіи, стало быть оно очень счастливо. Мы не будемъ возражать.

И такъ прогрессъ былъ, прогрессъ удивительный, великій. Въ новой палатѣ число прогрессистовъ удвоилось; еще нѣсколько голосовъ, всего какихъ нибудь 20 или 30 голосовъ, и они имѣли бы большинство. Близка побѣда. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ досталась имъ побѣда. Мы увидимъ, какъ стали они держать себя тогда, много ли хорошаго они сдѣлали для родины, когда получили власть. Впрочемъ, мы ни мало не станемъ винить ихъ, если окажется, что они сдѣлаютъ не очень много: мы не станемъ упрекать ихъ въ измѣнѣ убѣжденій, въ неисполненіи обѣщаній. Обѣщанія были и малы, и неопредѣленны, а въ убѣжденіяхъ своихъ огромное большинство прогрессистовъ всего на одинъ миллиметръ, т. е. на одну сороковую часть вершка расходилось съ консерваторами. Но изъ-за этого миллиметра шель споръ, поднимались крики, будто о завоеваніи цѣлыхъ областей.

При самомъ открытіи палаты прогрессисты доказали увеличившуюся свою силу. Правда, имъ не удалось сдѣлать президентомъ своего кандидата Лафита; но зато, воспользовавшись нѣкоторымъ раздробленіемъ консервативныхъ голосовъ, ни сдѣлали вице-президентомъ Дюпонъ-Делѣра, который недавно вышелъ изъ министерства за спой демократизмъ. Это было неудачею для министерства и Казиръ Перье подалъ въ отставку. Но тутъ же пришло извѣстіе, что голландская армія вступила въ Бельгію; являлось важное дипломатическое затрудненіе, нельзя было Франціи имѣть министерскій кризисъ въ такое время, и министерство Казира Перье взяло назадъ свою отставку. Побѣда, уже достававшаяся прогрессистамъ, ускользнула изъ ихъ рукъ и власть осталась за консерваторами. Вотъ одинъ

изъ прии́ровъ гибельнаго вліянія, какое постоянно имѣеть забота о внѣшнихъ дѣлахъ на развитие внутренней жизни общества. Если бы мы не поставили себѣ за правило исключать внѣшнюю политику изъ нашего разсказа, мы на каждомъ шагу встрѣчались бы съ подобными прии́рами. Но намъ кажется, что подтвержденіе полезной мысли, доставляемое этими прии́рами, далеко перевѣшивалось бы вредомъ, происходящимъ отъ уклоненія мысли читателей и нашихъ собственныхъ соображеній отъ истинно важнаго предмета, отъ внутреннихъ дѣлъ, къ пустымъ интригамъ и ничтожнымъ запутанностямъ.

Казиміръ Перье, т. е. консервативный кабинетъ, былъ драгоцененъ для Луи-Филиппа, цѣлямъ котораго такъ усердно служилъ. Но нѣтъ розы безъ шиповъ: характеръ Казиміра Перье, грубый и высокомерный, былъ для Луи-Филиппа очень непріятною колючкою. Надменный банкиръ дозволилъ себѣ грубость даже при торжественной церемоніи открытія новой палаты (23 іюля 1831). По парламентскому правилу новая сессія открывается чтеніемъ королевской рѣчи, которая составляется министерствомъ и содержитъ его программу. Когда король читалъ рѣчь, всѣ присутствовавшіе видѣли, что Казиміръ Перье слѣдитъ за его словами по списку рѣчи, который держитъ въ рукахъ. Такое публичное обнаруженіе недовѣрія было страшнымъ неприличіемъ; впрочемъ читатель могъ видѣть на предыдущихъ страницахъ довольно фактовъ, служившихъ основаніемъ для подобнаго поступка. Казиміръ Перье не былъ такъ простодушенъ, какъ Лафайетъ и Лафитъ.

Но скоро произошелъ скандалъ, давшій прогрессистамъ право говорить о самомъ Казимірѣ Перье точно также, какъ онъ думалъ о Луи-Филиппѣ. Послѣ іюльской битвы народъ громко требовалъ оружія и въ удовлетвореніе общему настроенію составъ національной гвардіи увеличился. Нужно было для штыхъ гвардейцевъ большое количество ружей. Чтобы получить ихъ какъ можно скорѣе, рѣшились сдѣлать заказъ не французскимъ фабрикамъ, а англійскимъ, которыя гораздо обширнѣе. Коммисіонеромъ выбрали банкира Жиске, котораго рекомендовалъ тогдашнему министерству Казиміръ Перье. 2 октября 1830 г. Жиске поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы купить для военнаго министерства 300,000 ружей. Онъ былъ не подрядчикомъ, а просто коммисіонеромъ. Правительство брало на себя его иутешныя издержки и назначало ему извѣстный процентъ за хлопоты. Очевидно, онъ долженъ былъ заключать контракты на имя правительства, а не на свое, и сверхъ коммисіонныхъ денегъ не искать себѣ коммерческой выгоды отъ поставки. Однакожъ, пріѣхавъ въ Англію, онъ заключилъ съ бирмингемскими фабрикантами Гуилеромъ, Аїрономъ и Ферфексомъ контрактъ на свое имя: изъ коммисіонера онъ сдѣлалъ себя подрядчикомъ. Бирмингемскіе фабриканты предложили, что возьмутъ, для исполненія подряда, старыя ружья изъ лондонскаго арсенала, гдѣ было множество стараго оружія. Жиске согласился, предоставивъ имъ третью часть выгоды, какую принесетъ этотъ оборотъ. Англійское министерство съ удовольствіемъ приняло выгодную сдѣлку: Гуилеръ и Коми, обязались взаимнѣ старыя ружья поставить въ лондонскій арсеналъ новыя ружья, съ извѣстною разсрочкою. 17 октября 1830 года Жиске воротился въ Парижъ. Наканунѣ его пріѣзда, его банкнрская фирма, потрясенная промышленнымъ кризисомъ, прекратила платежи. На другой день по еѣ пріѣздѣ она возобовила платежи. Маршалъ Жераръ, бывшій тогда военнымъ министромъ, отказался утвердить контрактъ, заключенный Жиске. Маршалъ Сульта, ставшій преемникомъ Жерара при перемѣнѣ министерства, произошедшей въ на-

чалъ ноября, также колебался принять контрактъ, по которому Жиске изъ комиссионера дѣлалъ себя подрядчикомъ. Жиске хлопоталъ, и когда наконецъ спросили, по какой цѣнѣ онъ будетъ ставить ружья, онъ назначилъ по 34 франка 94 сантима за ружье. Но 27 ноября негоціантъ ванъ-деръ-Мекъ предложилъ черезъ маршала Жерара поставить все требуемое количество ружей по 26 франковъ, обязываясь дать ружья англійской фабрикаціи и перваго сорта. Жиске, извѣщенный 8 декабря объ этомъ предложеніи, былъ сильно опечаленъ; но Ротшильдъ, получивъ участіе въ предполагаемой сдѣлкѣ, отправился къ Сульту и на другой день Жиске былъ приглашенъ Сультомъ для утвержденія подряда. Сравнительно съ цѣною, назначавшеюся отъ ванъ-деръ-Мека, подрядъ, утвержденный за Жиске, составлялъ для казны потерю въ два съ половиною мильона франковъ. Алчность маршала Сульта была извѣстна. По городу распространились очень дурные слухи о томъ, какимъ образомъ Сультъ былъ убѣжденъ отдать подрядъ Жиске по такой разорительной цѣнѣ. Когда публика стала вникать въ дѣло, къ имени маршала Сульта прибавилось имя Казимира Перье. Имѣя свою фирму, Казимиръ Перье находился кромѣ того въ долѣ съ Жиске, имѣя въ его фирмѣ пай въ 1.200,000 франковъ. Фирмѣ Жиске грозило банкротство, и контрактъ, заключенный съ бирмингемскими фабрикантами, возстановлялъ, какъ мы видѣли, его дѣла, то есть, спасалъ отъ потерь и Казимира Перье. Молва о характерѣ этой сдѣлки усилилась, когда оказалось въ добавокъ, что ружья, поставляемыя Жиске по такой чрезмѣрной цѣнѣ, были стары и дурны.

Контрактъ былъ утвержденъ Сультомъ до министерства Казимира Перье. Но когда онъ сдѣлался первымъ министромъ, толки о подозрительности контракта стали еще сильнѣе. Арманъ Маррѣ, имя котораго извѣстно читателямъ по событіямъ 1848 года, когда онъ былъ членомъ временнаго правительства, меромъ Парижа и президентомъ конституціоннаго собранія, написать въ республиканской газетѣ „La Tribune“ 9 іюля 1831 года статью, излагавшую это дѣло и содержавшую, между прочимъ, слова: „Правда ли, что при подрядѣ ружей г. Казимиръ Перье и маршалъ Сультъ получили *благодарность* (rot-de-vin), цифра которой составляетъ около мильона на cadaго изъ нихъ?“

Арманъ Маррѣ былъ потребованъ къ суду; адвокаты Жиске и Казимира Перье защищали своихъ кліентовъ очень ловко, но публика опять была на сторонѣ обвиненнаго, съ жаромъ отстаивавшаго право газетъ печатать статьи подобныя той, за которую его обвинили. „Министры имѣютъ въ своемъ распоряженіи армію, казну, всѣ національныя силы, говорилъ овъ. По одному знаку ихъ движется вся администрація, встаютъ на ихъ противниковъ прокуроры и полиція. А мы, писатели, неужели не будемъ имѣть права спрашивать, какъ употребляютъ они власть, злоупотребленія при которой такъ легки? Неужели мы не можемъ выражать слуховъ общественнаго мнѣнія, инстинктъ котораго такъ правдивъ и вѣренъ? Наша обязанность высока. Свобода живетъ недовѣріемъ. Берите себѣ власть, если хотите, но знайте, что, взявъ ее, вы подвергаете публичному обсужденію себя, свое настоящее, свое прошедшее, всѣ ваши дѣйствія, даже всѣ ваши предположенія. Стыдъ робкому писателю, измѣняющему своей обязанности изъ страха опасностей, съ ней соединенныхъ“. Басканъ, издатель газеты, въ которой помѣщена была обвиняемая статья, представилъ суду письмо одного изъ главныхъ лондонскихъ оружейниковъ, Бевуита. Басканъ успѣлъ сѣздить въ Лондонъ, и сказавъ, что

имѣть подрядъ, просилъ Бекуита письменно обозначить цѣпу, но которой онъ могъ бы принять на себя поставку. Въ этомъ условіи было сказано: «ружьѣ того самаго качества, какъ ружья, полученныя Жиске изъ лондонскаго арсенала, стоятъ 26 франковъ 50 сантимовъ». Судь отказался принять къ дѣлу это письмо. Арманъ Марра былъ приговоренъ къ 3,000 франковъ штрафа и шестимѣсячному заключенію. Но общественное мнѣніе рѣшило, что онъ былъ правъ, и фраза «ружьѣ Жиске» вошла въ полемическій словарь.

Послѣ этого процесса вниманіе общества было занято преніями палаты депутатовъ о наслѣдственности членовъ палаты перовъ. Мы не будемъ входить въ техническія подробности тѣхъ юридическихъ и политическихъ доводовъ, которыми защищали свое мнѣніе приверженцы и противники наслѣдственности званія перовъ. Довольно будетъ замѣтить отношеніе этихъ разныхъ мнѣній къ общему характеру французскихъ учреждений. Защитники наслѣдственности законодательной власти аристократическаго элемента были совершенно нравы, когда говорили, что для прочности и натуральности монархической формы необходимо имѣть ей вокругъ династіи цѣлое сословіе людей, нравы которыхъ на власть были бы также наслѣдственны; иначе, говорили консерваторы, принципъ наслѣдственной власти, примѣняясь только къ одному лицу, будетъ чѣмъ-то исключительнымъ, несоотвѣтствующимъ всему остальному правительственному устройству и всѣмъ остальнымъ общественнымъ учреждениямъ; власть короля будетъ представляться натуральной только въ такомъ обществѣ, которое считаетъ натуральнымъ дѣломъ наслѣдственность политической власти вообще. Съ этой точки зрѣнія противники наслѣдственности въ палатѣ перовъ были очевидно неправы, воображая, что не наносятъ вреда самой монархіи разрушеніемъ аристократическихъ привилегій. Но если эти люди, будучи искренними монархистами (число республиканцевъ въ палатѣ депутатовъ было совершенно ничтожно), вовлекались въ такое противорѣчіе съ своими собственными стремленіями, если они принуждены были обольщать себя софизмомъ о возможности демократической монархіи, то очевидно они увлекались силою обстоятельствъ. Дѣйствительно, общественное мнѣніе слишкомъ настойчиво требовало уничтоженія наслѣдственности званія перовъ. Оно знало только, что эта наслѣдственность несогласна съ національнымъ образомъ мыслей, противорѣчитъ общему духу гражданскихъ учреждений, водворившихся во Франціи съ конца прошлаго вѣка. Наслѣдственность вліянія на законодательную власть и правъ на участіе въ высшей администраціи была остаткомъ феодальнаго порядка вещей, ненавистью къ которому была проникнута французская нація. Противъ этого чувства не умѣло устоять большинство палаты депутатовъ, и не было этому большинству свободы сообразить, соответствуетъ ли вражда къ наслѣдственной власти въ палатѣ перовъ желанію быть защитниками монархической формы. Только съ этой точки зрѣнія интересенъ вопросъ о наслѣдственности званія перовъ: въ немъ выказалось безознательное республиканское направленіе консервативной партіи, воображавшей себя такою ревностною защитницею монархической формы. Она противъ воли увлекалась общимъ духомъ французскихъ гражданскихъ учреждений и національной ненавистью къ средневѣковымъ властямъ.

Въ другомъ отношеніи интересенъ изданный около того же времени законъ объ изгнаніи Бурбоновъ. Въ числѣ множества неосновательныхъ мнѣній о характерѣ партій есть предположеніе, что чѣмъ умѣреннѣе убѣжденія партій, тѣмъ

мягче средства, которыми она хотѣла бы вести управленіе, и наоборотъ, чѣмъ важнѣе реформы, составляющія предметъ желанія извѣстныхъ людей, тѣмъ безпощаднѣе они къ своимъ противникамъ. Это мнѣніе получаетъ видимую основательность отъ сравненія политики крайнихъ реакціонеровъ съ политикою умѣренныхъ прогрессистовъ, которая дѣйствительно гораздо мягче. Луи-Филиппъ, Гизо и даже Тьеръ являются ангелами кротости сравнительно съ эмигрантами, свирѣпствовавшими въ первые годы Реставраціи. Изъ этого заключаютъ, что люди, сидящіе налѣво отъ центра, должны также уступать гуманностью своихъ правилъ центру, какъ уступаютъ ему люди, сидящіе направо отъ него. Но тутъ ошибка состоитъ въ томъ, что фактъ характеризуется неточнымъ признакомъ. Разница между реакціонерами и умѣренными прогрессистами заключается не въ томъ, что реакціонеры хотѣтъ перемѣнъ бѣльшаго размѣра, а умѣренные прогрессисты меньшаго, не въ томъ, что Гизо хотѣлъ измѣнить только неважныя подробности второстепенныхъ учрежденій, а эмигранты думали передѣлать все гражданское устройство общества: нѣтъ, разница въ томъ, что Гизо хотѣлъ все-таки подвигать учрежденія впередъ, а эмигранты отодвинуть ихъ назадъ; большая кротость мѣръ, нужныхъ для Гизо, зависѣла отъ того, что его намѣренія были все-таки сообразнѣе съ потребностями общества и онъ все-таки былъ человѣкъ, имѣвшій болѣе современныя чувства, нежели эмигранты. Нельзя отвергать того, что съ теченіемъ времени европейскія общества становятся гуманнѣе; потому въ комъ болѣе новыхъ идей, въ томъ должно быть больше гуманности. Еще важнѣе то обстоятельство, что, удовлетворяя потребности общества, человѣкъ встрѣчаетъ въ немъ сочувствіе и содѣйствіе, а идя наперекоръ ей, возбуждаетъ ропотъ и сопротивленіе. Прогрессъ учреждений состоитъ именно въ томъ, чтобы они приводились въ соотвѣтствіе съ настоящимъ развитіемъ общественныхъ потребностей; потому прогрессъ самою сущностью своей вызываетъ въ своихъ послѣдователяхъ расположеніе къ мягкому и гуманному образу дѣйствій. Если мы не захотимъ вѣрить на слово историкамъ, исполненнымъ предразсудковъ, и ставемъ всматриваться въ самые источники нашихъ историческихъ свѣдѣній, мы дѣйствительно увидимъ, что гуманность разныхъ партій была вообще пропорціональна ихъ прогрессивности, а жестокость соразмѣрна отсталости. Есть примѣры, свидѣтельствующіе противное во мнѣніи довѣрчивой массы, привыкшей полагаться на чужое, пристрастное свидѣтельство. Но мы именно то и говоримъ, что если мы будемъ изслѣдовать факты по достовѣрнѣйшимъ памятникамъ, мы убѣдимся, что въ этихъ примѣрахъ характеръ фактовъ искаженъ ненавистью пристрастныхъ историковъ и что, на примѣръ, въ тѣ эпохи французской исторіи, которыя зачернены передъ нами, какъ эпохи неслыханныхъ насилій и жестокостей, было совершенно жестокостей и насилій меньше, чѣмъ въ эпохи, прославляемыя за свое спокойствіе.

Мы все это говоримъ въ видѣ предисловія къ слѣдующимъ словамъ объ изгнаніи Бурбоновъ, приводимымъ нами изъ писателя, котораго многіе воображаютъ извергомъ, жаждущимъ казней. Какъ удивятся эти люди, увидѣвъ, что врагъ не только феодализма, представителями котораго были Бурбоны, но и всѣхъ учреждений нашего времени, имѣющихъ средневѣковое происхожденіе, называетъ безчеловѣчной надменностью рѣшеніе объ изгнаніи Бурбоновъ, принятое консерваторами и умѣренными либералами. Вотъ подлинныя слова:

„Полковникъ Бриквилль предложилъ, чтобы всѣ члены старшей отрасли Бурбоновъ или объявлены навсегда изгнанными изъ французскихъ предѣловъ; и чтобы этотъ за-

ковъ объявлялъ наказаніемъ за свое нарушеніе смертную казнь. Надобно отдать буржуазіи ту справедливость, что предложеніе полковника Бриквилли не нашло въ ней едиனுшнаго сочувствія. Многіе понимали, что такой законъ нечестивъ и несправедливъ, наказывая цѣлый родъ за дѣла одного изъ его членовъ; что онъ противенъ принципу общественности, связывая долговѣчный народъ условіями мимолетнаго раздраженія: что онъ ненуженъ, потому что французскіе законы и безъ него наказываютъ заговоры, в безъ него слишкомъ кровавы; что онъ противорѣчитъ собственной своей цѣли, потому что честолюбіе пробуждается опасностями, облагораживающими даже незаконныя стремленія, и потому, что среди благородной націи названіе преслѣдуемаго будетъ служить паспортомъ претенденту. Да и прилично ли было выказывать такое ожесточеніе противъ династіи, уже побѣжденной? На трибуну вошелъ Мартиньякъ (бывшій некогда министромъ Карла X и заслужившій общее уваженіе своими напрасными усиліями спасти Бурбоновъ отъ погубившаго ихъ расположенія къ реакціи). „На его лицѣ была печать смерти, зародышъ которой уже лежалъ въ его организмѣ. Видя его выступившимъ на защиту своего стараго изгнаннаго государя, вспоминали о его усиліяхъ предотвратить это паденіе, это изгнаніе. „Господа, сказалъ онъ слабымъ, проникавшимъ въ душу голосомъ, изгнаніе по нашимъ законамъ—наказаніе позорное, налагаемое судьей по зрѣломъ обсужденіи. А вамъ предлагаютъ изречь наказаніе впередъ, безъ обсуждения, противъ поколѣній еще не родившихся, противъ людей, о которыхъ вы не знаете, каковы они будутъ. Одинъ изъ ваинихъ ораторовъ недавно сказалъ: во Франціи гонеше искупляетъ человѣка. Этому глубокою истиною осужденъ вашъ законъ. Если претендентъ пріѣдетъ во Францію, каждый предупредитъ правительство объ опасности, угрожающей государственному спокойствію. Но если пріѣдетъ во Францію изгнанникъ, впередъ осужденный на казнь, гдѣ вы найдете человѣка, который пошелъ бы привести за руку палача и сказать ему: вотъ, посмотри, этому человѣку ты долженъ отрубить голову. Нѣтъ, во Франціи не найдется такого человѣка“. Ораторъ остановился, въ волненіи. „Если одинъ изъ этихъ изгнанниковъ, наказываемыхъ вашимъ предложеніемъ (заклучилъ онъ свою рѣчь), будетъ приведенъ судьбою во Францію искать убѣжища, пусть онъ постучится въ дверь того самаго человѣка, который сдѣлалъ это предложеніе,—отворится дверь, пусть онъ назоветъ себя, пойдетъ въ домъ,—я впередъ ручаюсь ему за его безопасность“. Этими благородными словами былъ рѣшенъ вопросъ. Палата приняла законъ объ изгнаніи, но уничтожила всякое наказаніе за его нарушеніе. Если бы палата была послѣдовательна, она отвергла бы все предложеніе, а не одну половину его“.

Это говоритъ авторъ „Исторіи десяти лѣтъ“. Могъ ли ожидать отъ него такихъ словъ кто нибудь, знавшій о немъ только по словамъ его противниковъ, а не по его собственнымъ сочиненіямъ и дѣйствіямъ? Надобно прибавить, что онъ и его политическіе друзья не только говорятъ, но и дѣйствуютъ въ томъ же духѣ: въ 1848 г. они противились изгнанію орлеанской фамиліи.

До сихъ поръ передъ нами проходили событія, имѣвшія чисто политическій характеръ. Но вотъ Ліонъ подалъ первый примѣръ тѣхъ волненій новаго рода, которыя, постепенно возрастая, отѣснили на второй планъ политическіе вопросы во внутренней жизни Франціи и въ 1848 году дали событіямъ направленіе, смущающее нынѣ столь многихъ.

Организація ліонской шелковой промышленности была въ 1831 году почти такова же, какъ теперъ. Она занимала отъ 30 до 40,000 подмастерьевъ (*ouvriers compagnons*), которые жили со дня на день, не имѣя ни денегъ, ни кредита, ни постоянныхъ квартиръ. Выше ихъ находился классъ хозяевъ или мастеровъ (*chefs d'atelier*), число которыхъ простиралось отъ 8 до 10 тысячъ. У каждаго хозяина было четыре или пять станковъ и работавшіе за ними подмастерья отдавали за сьянокъ хозяину половину платы, которую получали отъ фабриканта за работу. Фабриканты, числомъ до 800 человѣкъ, составлявшіе третій классъ, занимали

середину между мастерами и такъ называемыми комиссіонерами, отъ которыхъ сами получали заказы и шелкъ. Такимъ образомъ было четыре разряда, изъ которыхъ каждый тяготѣлъ надъ слѣдующимъ. Комиссіонеры давили собою фабрикантовъ, фабриканты мастеровъ, и стѣсненные мастера не могли не давить подмастерьевъ; такое отношеніе производило глухую ненависть каждаго низшаго разряда противъ того, который тяготѣлъ надъ нимъ. Пока промышленность шла безъ остановки, дѣло ограничивалось глухимъ ропотомъ. Но еще до іюльскаго переворота Ліонская фабрикація стала впадать въ затруднительное положеніе. Производство шелковыхъ матерій развилось въ Цюрихъ, въ Базель, въ Бернъ, въ Кельнъ; Англія также начала сама производить у себя шелковые товары, которые прежде брала изъ Ліона. Кромѣ иностраннаго соперничества, уменьшавшаго сбытъ, явилось другое обстоятельство, тяжелое для работниковъ. Съ 1824 года число фабрикантовъ стало сильно увеличиваться; отъ этого усилилось между ними соперничество. Слѣдствиемъ всего было разумѣется пониженіе заработной платы. Въмѣсто прежнихъ 4 или 6 франковъ въ день, хорошіе работники стали получать только по 2 франка, по 2 франка безъ четверти, по 1 франку съ четвертью. Пониженіе шло постепенно, и въ ноябрь 1831 года работникъ, ткавшій гладкія матеріи, получалъ уже только 90 сантимовъ (20 коп. сер.), работалъ 18 часовъ въ сутки. Нищета подмастерьевъ дошла до крайности. Сами мастера впали въ жестокую нужду: пониженіе заработной платы не оставляло имъ средствъ платить за наемъ мастерской по возвысившимся цѣнамъ квартиръ. Жалобы были общія. Подмастерья и мастера сблизились между собою въ общей бѣдѣ.

Ліонскимъ префектомъ былъ человекъ, умѣвшій обращаться съ народомъ, Бувье-Дюмоляръ; онъ видѣлъ, что придется или употребить крутыя мѣры противъ мастеровыхъ, или помочь ихъ нуждѣ, и рѣшился помочь. Но его власть была слаба. Муниципальный совѣтъ вообще враждовалъ противъ префекта, а генералъ Роге, командовавшій войсками въ Ліонѣ, былъ личнымъ врагомъ префекта. Роге, храбрый солдатъ, не понималъ ничего кромѣ военнаго ремесла и считалъ жалобы рабочаго населенія просто слѣдствиемъ мятежнаго духа. 11 октября 1831 года промышленный посредническій совѣтъ (*conseil des prud'hommes*), члены котораго выбирались изъ мастеровыхъ и фабрикантовъ съ тѣмъ, что число членовъ отъ фабрикантовъ было однимъ больше числа членовъ отъ мастеровыхъ, принялъ рѣшеніе слѣдующаго содержанія: „принималъ въ соображеніе общезвѣстный фактъ, что многіе фабриканты дѣйствительно платятъ за ткаше слишкомъ мало, признается полезнымъ опредѣлить тарифъ наименьшихъ цѣнъ работы“. Посредническій совѣтъ занялся этимъ вопросомъ по приглашенію генерала Роге; префектъ, несмотря на свою вражду съ генераломъ, рѣшился дѣйствовать въ пользу этого постановленія, и 15 октября собралъ на совѣщаніе членовъ Ліонской торговой палаты, меровъ города Ліона и его предмѣстій. На этомъ совѣщаніи было положено, чтобы тарифъ наименьшей платы былъ постановленъ по соглашенію между 22 работниками, изъ которыхъ 12 были уже выбраны своими товарищами, и 22 фабрикантами по выбору торговой палаты. Фабриканты остались недовольны такимъ рѣшеніемъ, но работники почли его благодареніемъ. 21 октября собрались 22 фабриканта, выбранные торговою палатою, и 12 депутатовъ отъ мастеровыхъ. Но фабриканты сказали, что будучи назначены не своими товарищами, а торговою палатою, они не могутъ составлять положеній обязательныхъ для всѣхъ фабрикантовъ; имъ былъ данъ срокъ,

чтобы получить полномочіе отъ сословія фабрикантовъ, а работники въ эти дни должны были выбрать остальныхъ десять депутатовъ въ дополненіе къ прежнимъ двѣнадцати. Но между тѣмъ кризисъ становился сильнѣе. Каждый вечеръ на площадяхъ собирались толпы работниковъ, разсуждая о жестокости промедленія при трудности ихъ обстоятельствъ. 25 октября было назначено днемъ засѣданія коммисіи для окончательнаго установленія тарифа. Въ десять часовъ утра улицы Лиона представляли замѣчательное зрѣлище. Десятки тысячъ рабочихъ въ стройномъ порядкѣ, молча сходили съ высотъ предмѣстья Краснаго Креста, которое населено ими, и шли по городу къ префектурѣ ждать рѣшенія своей судьбы. Они стояли смирно и молча. У нихъ не было ни оружія, ни палокъ; только начальники отрядовъ имѣли небольшія палочки, означавшія ихъ власть, и трехцвѣтное знамя развѣвалось надъ мирною толпой. Демонстрація имѣла спокойный характеръ, но Бувье-Дюмоляръ хотѣлъ отстранить всякій поводъ къ клеветѣ. Окъ вышелъ въ мундирѣ къ работникамъ, сказалъ имъ, что душно будетъ, если ихъ присутствие станутъ выставлять понужденіемъ при составленіи тарифа, и поэтому пусть они разойдутся; тогда онъ откроетъ засѣданія коммисіи. Съ криками „ура префекту!“ бѣдняки тихо и въ порядкѣ воротились домой. По ихъ удаленіи началось засѣданіе коммисіи. Депутаты работниковъ выказали такую умѣренность, что въ нѣкоторыхъ работахъ согласились даже на пониженіе прежнихъ цѣнъ. Тарифъ былъ составленъ, подписанъ депутатами обѣихъ сторонъ; коммисія поручила промышленному посредническому совѣту наблюдать за его исполненіемъ и назначила извѣстный день въ недѣлю для занятій этимъ предметомъ; работники были въ восторгѣ. Предмѣстье Краснаго Креста вечеромъ было иллюминировано, танцы и пѣніе въ немъ продолжались до глубокой ночи. Работники такъ были расположены довольствоваться своимъ первымъ успѣхомъ, что ихъ депутаты хотѣли сложить свое званіе. Но префектъ просилъ ихъ остаться официальными лицами, надѣясь имѣть въ нихъ полезныхъ помощниковъ для поддержанія порядка.

Нѣкоторые изъ фабрикантовъ были также довольны введеніемъ тарифа: она понимали, что онъ защищаетъ большинство самихъ фабрикантовъ отъ угнетенія капиталами нѣсколькихъ сильныхъ спекулянтовъ. Большинство фабрикантовъ было раздражено. Они называли тарифъ несноснымъ тиранствомъ. 10 ноября 400 человекъ изъ нихъ собрались и подписали протестъ противъ тарифа: „работники требуютъ чрезмѣрно большой платы, потому что создали себѣ прихотливыя потребности“, говорили они въ этомъ документѣ. Бувье-Дюмоляръ, запуганный ихъ угрозами, 17 ноября прочелъ посредническому совѣту бумагу, которой объявлялъ ему, что тарифъ не имѣетъ обязательной силы, а служитъ только основаніемъ для частныхъ сдѣлокъ между фабрикантомъ и работникомъ. Въ Лионѣ пришелъ слухъ, что министръ торговли не одобряетъ дѣйствій префекта. Генералъ Роге говорилъ, что надобно принять крутыя мѣры, чтобы работникамъ нельзя было возобновить манифестацій, подобныхъ манифестаціи 25 октября. Онъ держалъ солдатъ въ готовности къ вооруженному дѣйствію и удвоилъ караулы, присоединивъ къ солдатамъ національныхъ гвардейцевъ перваго Лионскаго легіона, состоявшаго изъ фабрикантовъ. Тарифъ пересталъ исполняться многими фабрикантами, посреднической совѣтъ пересталъ наблюдать за его охраненіемъ. Доведенные до прежней крайности несчастные работники рѣшились отказаться на недѣлю отъ работы и возобновили мирныя манифестаціи, условившись громко выражать свою признательность пр

встрѣчѣ на улицахъ съ тѣми фабрикантами, которые выказывали къ нимъ доброжелательство. Но именно умѣренность работниковъ усиливала раздраженіе ихъ враговъ, приобрѣтавшихъ болѣе самоувѣренности. Одинъ фабрикантъ показывалъ рабочникамъ пистолеты, приготовленные у него на столѣ; другой сказалъ: „если у шхъ нѣтъ хлѣба въ животѣ, мы набьемъ его штыками“.

20 ноября былъ смотръ національной гвардіи. Зажиточные гвардейцы явились на него въ мундирахъ новой формы: люди нуждавшіеся, т. е. хозяева мастерскихъ, ставались въ мундирахъ стараго покрою. Надъ ними стали смѣяться фабриканты, цеголявшіе новыми мундирами. Отвѣтомъ на насмѣшки служили угрозы. Вечеромъ въ городѣ было нѣкоторое безпокойство за слѣдующій день. Префектъ въ сопровожденіи мера и начальниковъ національной гвардіи хотѣлъ отправиться къ Роге, чтобы условиться съ нимъ о мѣрахъ для охраненія порядка. Комендантъ по враждѣ съ нему не захотѣлъ его принять. Бувье-Дюмоляръ сдѣлалъ распоряженія, чтобы національная гвардія собралась въ 7 часовъ утра. Эти распоряженія не были исполнены и на увѣдомленія о нихъ Роге отвѣчалъ презрительной запиской, въ которой говорить, что префекту не зачѣмъ хлопотать о сохраненіи порядка, потому что онъ, комендантъ войскъ, самъ займется этимъ; а самъ онъ между тѣмъ былъ боленъ и не зналъ хорошенько мѣстности Ліона.

Ліонъ расположенъ на узкомъ мысѣ между Роною съ востока и Соною съ запада. Предмѣстье Краснаго Креста лежитъ на сѣверъ отъ Ліона, на возвышенности, господствующей надъ городомъ. Между этимъ предмѣстьемъ и городомъ находится терраса, возвышающаяся надъ самымъ предмѣстьемъ; по ея отлогости идугъ въ городъ двѣ главныя дороги; та изъ нихъ, которая налѣво, называется Косогорною (Grand'Côte).

Въ понедѣльникъ 21 ноября, въ восьмомъ часу утра, 300 или 400 человекъ шелковыхъ работниковъ собрались въ предмѣстьи Краснаго Креста; съ ними былъ ихъ синдикъ. Они хотѣли ходить по мастерскимъ, чтобы приглашать къ прекращенію работы до возстановленія тарифа. Вдругъ явился отрядъ человекъ изъ 60-ти національныхъ гвардейцевъ; офицеръ скомандовалъ: „друзья, надобно разогнать эту сволочь!“ Они бросились со штыками на работниковъ. Работники окружили ихъ, обезоружили и прогнали. Толпы стали увеличиваться, но въ нихъ еще не было млтежныхъ мыслей. Онѣ только хотѣли возобновить свою мирную манифестацію 25 октября и пошли въ городъ по Косогорной дорогѣ, по четыре человека въ рядъ, держась за руки. Гренадеры 1-го легіона, состоявшего изъ фабрикантовъ, пошли на встрѣчу имъ изъ города. На срединѣ дороги между городомъ и предмѣстьемъ они встрѣтились съ рабочниками, приложились, дали залпъ и восьмеро изъ работниковъ упали, тяжело раненые. Остальные въ безпорядкѣ бросились назадъ въ свое предмѣстье съ криками отчаянія. Въ минуту все предмѣстье Краснаго Креста взволновалось; изо всѣхъ домовъ посыпались люди, вооруженные палками, лопатами, кольями, вилами. У нѣкоторыхъ были ружья. Всюду раздавались крики: „къ оружію! бьютъ нашихъ братьевъ!“ По улицамъ стали подниматься баррикады; женщины и дѣти помогали строить ихъ. Работники захватили двѣ пушки національной гвардіи предмѣстья Краснаго Креста, и двинулись на Ліонъ; впереди шли барабанщики, надъ ними развѣвалось черное знамя, знамя пролетаріата; на этомъ знамени былъ дивизъ: „жить работою или умереть въ бою“ (vivre en travaillant ou mourir en combattant). Былъ 11 часъ въ концѣ.

Въ городѣ между тѣмъ Роге мѣшалъ префекту. Онъ велѣлъ принести себя въ ратушу, гдѣ былъ уже Бувье-Дюмоляръ. Префектъ требовалъ, чтобы онъ велѣлъ раздать патроны. — „Не отъ васъ мнѣ получать приказанія, я знаю самъ, что дѣлать“, — отвѣчалъ комендантъ. Въ половинѣ 12-го патроны были наконецъ розданы; префектъ съ генераломъ Ордонно повели колонну линейныхъ войскъ и національной гвардіи по Косогорной дорогѣ. На верхнемъ пунктѣ ея уже стояла баррикада. Подъемъ тутъ очень крутъ и съ обѣихъ сторонъ тянутся дома, въ которыхъ во всѣхъ живутъ работники. Градъ черепицъ, камней и пулъ посыпался на колонну, когда она стала подниматься въ баррикадѣ. Префектъ былъ раненъ камнемъ, многіе вокругъ него упали, колонна отступила. Два офицера національной гвардіи Краснаго Креста, соединившейся съ работниками, вышли впередъ, прося префекта быть парламентаремъ. Онъ пошелъ за ними въ предмѣстье, вошелъ на балконъ, чтобы говорить народу, волновавшемуся подъ окнами. По временамъ его слова перерывались отчаянными криками: „работы или смерти!“ Непріязненные дѣйствія казались прекратившимися, какъ вдругъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ слышались ружейные залпы и пушечные выстрѣлы. „Предательство! мстить!“ закричали работники и бросились на префекта, сорвали съ него шпагу, повели его, поднявъ сабли надъ его головою, въ другой домъ и оставили тамъ подъ карауломъ. Генераль Ордонно также былъ схваченъ и приведенъ въ квартиру работника Бернара, который защитилъ его.

Между тѣмъ въ городѣ били тревогу, собирались войска и національная гвардія. Эскадронъ драгунъ, съ батареею артиллеріи національной гвардіи, прошелъ до предмѣстья Краснаго Креста по правой, Кармелитской дорогѣ, ведя жаркую перестрѣлку, потому что эта дорога также опоясана домами, въ которыхъ живутъ работники. Въ предмѣстья онъ, поддержанный батальономъ національной гвардіи, упорно бился; земля была покрыта мертвыми и ранеными, когда принесена была записка отъ генерала Ордонно, приказывавшая войску и гвардіи отступить. Они повиновались, не зная, что Ордонно въ плѣну.

Вооруженные работники требовали у префекта, чтобы онъ подписалъ приказъ выдать имъ 40,000 патроновъ и 500 картечныхъ зарядовъ. Онъ не соглашался, и многіе грозили ему; но большинство, и въ томъ числѣ Лакомбъ, одинъ изъ мастеровыхъ, предводительствовавшихъ возстаніемъ, выказывали Бувье-Дюмоляру свою привязанность, даже предлагали, чтобы онъ переодѣвшись ушелъ изъ плѣна. Уйти тайнымъ образомъ префектъ не согласился, но вечеромъ вышелъ къ толпанъ инсургентовъ и сказалъ: „Послушайте: если вы хотя минуту могли думать, что я измѣнялъ вашимъ интересамъ, оставьте меня заложникомъ; но если, вамъ не за что упрекнуть меня, пустите меня воротиться къ управленію дѣлами, и вы увидите, что я неизмѣнно буду поступать, какъ добрый отецъ“. Работники начали спорить между собою, отпускать ли его; но въ восьмомъ часу вечера наконецъ отпустили. Когда онъ проходилъ по улицамъ предмѣстья, наполненнымъ инсургентами, нѣкоторые роптали, но ропотъ покрывался криками „ура префекту, ура отцу рабочихъ!“ Ночью былъ отпущенъ и генераль Ордонно.

Въ Лионѣ находилось до 3,000 войска; Роге призвалъ еще одинъ полкъ, который пришелъ ночью. Поутру (22 ноября) онъ послалъ отрядъ на предмѣстье Краснаго Креста, но работники окружили солдатъ и заставили ихъ положить оружіе; обѣ дороги, ведущія въ городъ, были во власти инсургентовъ, и тысячи лю-

дей, вооруженных чѣмъ попало, двинулись на городъ. Битва на ліонскихъ улицахъ продолжалась цѣлый день. Постепенно почти вся ліонская національная гвардія перешла на сторону инсургентовъ; только отряды, состоявшіе изъ фабрикантовъ, до конца остались за одно съ войскомъ. Фабриканты стрѣляли по инсургентамъ изъ оконъ, Роге истреблялъ ихъ картечью—все было напрасно. Работники отбивали одну позицію за другою, брали въ плѣнъ одинъ отрядъ за другимъ. Къ вочи они владѣли всѣмъ городомъ, кромѣ окрестностей ратуши, куда отступили войска. Роге увидѣлъ невозможность продолжать оопротивленіе и ночью вывелъ войска за городъ, оставивъ префекта въ Ліонѣ хлопотать о возстановленіи порядка мирными средствами.

Бувье-Дюмоларъ пригласилъ къ себѣ Лакомба и другихъ работниковъ, имѣвшихъ вліяніе на товарищей. Они признали его власть, объявили, что не имѣютъ ничего противъ правительства, что хотѣли только спасти себя отъ истребленія. Они подписали прокламацію, составленную въ этомъ смыслѣ (23 ноября), и обыкновенное городское начальство было возстановлено самими инсургентами. Работники не дѣлали никакихъ жестокостей во время боя, сохраняли дисциплину, поступали съ плѣнными солдатами и фабрикантами ласково и предупредительно, а немедленно по прекращеніи битвы возстановилась въ городѣ полная безопасность. Ни о чемъ, подобномъ грабежу или воровству, не могли говорить и самые ожесточенные противники работниковъ. Когда какіе-то два плута вздумали было воровать во время битвы, работники, поймавъ ихъ, приговорили своимъ судомъ къ смерти и разстрѣляли. Они охраняли жизнь и собственность самыхъ враждебныхъ вивъ фабрикантовъ, какъ охраняла бы самая заботливая администрація.

Такъ прошло полторы недѣли. Наконецъ, 3 декабря, около 12 часовъ, явилась прокламація, объявлявшая, что въ Ліонъ прибыли принцъ Орлеанскій, старшій сыгъ короля, и маршалъ Сульть, военный министръ. Они вступили въ городъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, которое шло боевыми колоннами, съ заряженными ружьями, съ пушками при зажженныхъ фитиляхъ.

Маршалъ Сульть немедленно принялъ мѣры, какихъ и слѣдовало ожидать. У работниковъ было отобрано оружіе; національная гвардія Ліона и предмѣстья Краснаго Креста была распущена. Ліонъ и предмѣстье, наводненные 20,000-ными войскомъ, были объявлены въ осадномъ положеніи; предмѣстье Краснаго Креста стали окружать фортами съ многочисленными батареями. Множество работниковъ было арестовано.

Теперь, разумѣется, не стало надобности сохранять тарифъ, поддержаніе котораго было единственною цѣлью инсургентовъ и единственнымъ ихъ требованіемъ послѣ побѣды. Бувье-Дюмоларъ, за „неблагодарными дѣйствіями“ былъ отставленъ отъ должности; онъ былъ боленъ, но маршалъ Сульть приказалъ ему выѣхать изъ города, хотя бы за два лѣа, если не можетъ ѣхать дальше до выздоровленія. Бувье-Дюмоларъ былъ изгнанъ какъ негодяй и злодѣй изъ Ліона, который спасъ для правительства; онъ былъ вывезенъ изъ города больной, въ суровую зимнюю погоду, оставляя въ тревогѣ многочисленное свое семейство, состоявшее изъ 82-лѣтней матери и маленькихъ дочерей.

Странное впечатлѣніе произведено было на Францію ліонскимъ возстаніемъ. Непонятно казалось оно, и потому сначала наполнило умы тревогою. Ліонскіе работники поднялись не за Генриха V, не за Наполеона II, не для провозглашенія

республики, — зачѣмъ же они возстали, чего хотятъ? — чего-то чуждаго понятіямъ всѣхъ порядочныхъ людей, даже самыхъ увлеченныхъ крайними республиканскими понятіями. „Жить работою или умереть въ бою“ — это девизъ чуждый всѣмъ партіямъ; что же будетъ такое? Могутъ ли всѣ партіи считать безопаснымъ для себя этотъ классъ, или всѣ должны соединиться противъ него?

Но забота эта была новая, непривычная для тогдашняго поколѣнія, уже забывшаго о Бабѣфѣ. Палата депутатовъ одобрила строгія мѣры правительства, газеты не видѣли въ лионскомъ возстаніи отношенія въ своей полемикѣ о политическихъ формахъ, общественное вниманіе тотчасъ же было поглощено другими дѣлами, и вопросъ, поднятый въ Лионѣ людьми, не участвующими въ политической жизни, скоро былъ забытъ.

II.

V. Королевскій бюджетъ. — VI. Вандейское возстаніе и дѣль герцогини Беррійской. — VII. Похороны Ланарка и возстаніе 5—6 іюня.

Разсвѣтъ о событіяхъ іюльской монархіи намъ приходилось начать странною исторіею завѣщанія и смерти герцога Конде, бросавшею самый невыгодный оттѣнокъ на характеръ человѣка, которому поручена была судьба государства. Вторую статью вамъ опять приходится начать разсказомъ о проискахъ, имѣвшихъ такой же характеръ, производившихъ на французское общество такое же впечатлѣніе. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ новой палаты депутатовъ было опредѣленіе бюджета для короля. Едва принявъ власть, Луи-Филиппъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы избѣжать исполненія скромныхъ обѣщаній, какія дѣлалъ во время іюльскаго переворота для привлеченія къ себѣ энтузіастовъ, подобно Лафайету мечтавшихъ о республиканской простотѣ при монархическомъ устройствѣ. Онъ говорилъ тогда о чрезмѣрности расходовъ на придворный штатъ при Бурбонахъ и восклицалъ: „6,000,000 франковъ — вотъ самое большое, что можетъ понадобится королю-гражданину!“ Но какъ только объявленъ былъ онъ королемъ, онъ сталъ вести придворные расходы на сумму втрое большую. Очень можетъ быть, что онъ былъ правъ, находя нужнымъ для сохраненной французами формы правленія такую обстановку: но публика, по обыкновенной своей непослѣдовательности, не хотѣла знать о существенныхъ условіяхъ формы, которую поддерживала, а твердила только о несоразмѣрности новыхъ требованій съ прежними обѣщаніями. Составленъ былъ проектъ королевскаго бюджета въ 20 милліоновъ франковъ; умѣренный либерализмъ поступилъ и тутъ по своей обычной системѣ поднимать великій шумъ изъ-за пустяковъ. Дѣло было еще при министерствѣ Лафита. Онъ, увидѣвъ проектъ, составленный придворными, выразилъ изумленіе громадности цифры: по его мнѣнію было бы достаточно 18 милліоновъ. Стоило ли спорить изъ-за такой мелкой разницы? 18 или 20 милліоновъ, вѣдь это было бы почти все равно и для Луи-Филиппа и для государственныхъ расходовъ. Но Луи-Филиппъ не соглашался сбавить десяти процентовъ изъ своей цифры. Лафитъ находилъ, что очень важна будетъ экономія на 2 милліона изъ 20, что характеръ придворной обстановки сильно переимѣнится отъ такого сокращенія. Назначена была коммиссія изъ членовъ палаты депутатовъ для разсмотрѣнія проекта. Палата, еще бывшая подъ впечатлѣніемъ іюльскихъ обѣщаній, подобно Лафиту пришла въ ужасъ, узнавъ

цифру: вѣроятно ей казалось, что было бы довольно не 20, а тоже 18 или 18 съ половиною, или 17 съ половиною милліоновъ. Впечатлѣніе, произведенное проэктомъ, было очень сильно и дурно. Луи-Филиппъ нашелъ нужнымъ отложить вопросъ и путь къ отступленію былъ выбранъ имъ точно такой же какъ всегда: хитрость до того тонкая, что, удовлетворяя формѣ, никакъ не могла скрыть сущности дѣла. Онъ прибѣгъ къ преданности Лафита. Условились, чтобы онъ написалъ къ Лафиту письмо, въ которомъ жаловался бы на опрометчивое усердіе придворныхъ и говорилъ бы, что никогда не давалъ своего одобренія цифрѣ ими выведенной. Это письмо должно было имѣть характеръ секретнаго; но Лафитъ по неосторожности долженъ былъ прочесть его передъ членами комиссія, и, благодаря опрометчивому нарушенію тайны, комиссія получала и передавала палатѣ, а палата публикѣ,—все это по секрету,—неопровержимое доказательство безкорыстія Луи-Филиппа, безкорыстія, которое коварно насилуется безразсудными придворными. Все сдѣлалось по условію и вопросъ о королевскомъ бюджетѣ былъ отложенъ до благоприятѣйшихъ обстоятельствъ.

Время возобновить его пришло, когда палъ Лафитъ и съ образованіемъ министерства Казимира Перье власть исключительно перешла въ руки безусловныхъ вонсерваторовъ. Новая палата уже не помнила іюльскаго обѣщанія о 6 милліонахъ и твердила только о надобности дать королю приличную обстановку. И тутъ опять способъ дѣйствія былъ выбранъ самый тонкій: въ проектъ королевскаго бюджета министры не выставляли цифрѣ, а только конфиденціальнымъ образомъ убѣждали разныхъ членовъ палаты депутатовъ назначить 18 съ половиною милліоновъ изъ государственнаго казначейства. Велика или мала была эта цифра, нужны или нѣтъ были прибавки къ ней, но сдѣлали еще новую ошибку изъ желанія не говорить о 20 слишкомъ милліонахъ. Если нужно давать людямъ непріятный сюрпризъ, всего разсчетливѣе бываетъ давать его однимъ приемомъ въ одной пилюль, а не дробить на нѣсколько разныхъ сюрпризовъ. По разсчету слишкомъ тонкому не было соблюдено это условіе, требуемое грубостью вкуса публики. Сначала сообщили ей объ 18 съ половиною милліонахъ чистыхъ денегъ изъ общихъ доходовъ государства, потомъ стали обнаруживать требованія на разныя прибавки подъ разными названіями. Оказалось, что кромѣ 18 съ половиною милліоновъ дворъ требуетъ въ личное распоряженіе короля множество разныхъ помѣстій и гѣсовъ, доходъ съ которыхъ простирается до 4 милліоновъ; кромѣ того стали говорить о сохраненіи удѣльнаго содержанія. До вступленія своего на престоль Луи-Филиппъ, какъ принцъ крови, пользовался удѣльнымъ содержаніемъ въ 2 съ половиною милліона, даннымъ ему щедростью Карла X. По здравому смыслу, да и по положительнымъ законамъ Франціи, это удѣльное содержаніе должно было уничтожиться со вступленіемъ на престоль лица, пользовавшагося имъ по титулу простаго принца. Напротивъ, теперь требовали, чтобы удѣльное содержаніе было оставлено за Луи-Филиппомъ независимо отъ королевскаго бюджета. Всѣми этими требованіями напомнилось публикѣ неблаговидное распоряженіе, сдѣланное Луи-Филиппомъ при самомъ вступленіи на престоль. Но основнымъ законамъ французской монархіи личное имущество фамиліи, вступающей на престоль, сливается съ государственнымъ имуществомъ. Луи-Филиппъ поступилъ иначе: 6 августа 1830 года, наканунѣ дня, назначеннаго для провозглашенія его королемъ, онъ дарственной записью уступилъ своимъ дѣтямъ громадное свое богатство, которое на другой день

должно было бы стать государственными имуществомъ. Это старое дѣло припомнилось теперь.

Самыя статьи основнаго или собственно такъ называемаго королевскаго бюджета (*liste civile*) были составлены съ натяжками явно несообразными. Такъ, напримеръ, на содержаніе придворной церкви было назначено въ десять разъ больше, чѣмъ при набожномъ Карлѣ X, а Луи-Филиппъ не былъ усерднымъ католикомъ. На дѣкарства было назначено 80,000 франковъ, и публика говорила, что разслабленный подагрикъ Людовикъ XVIII употреблялъ микстуру и припарокъ на сумму гораздо меньшую, чѣмъ думаетъ употреблять Луи-Филиппъ, пользующійся, по милости небесной, превосходнымъ здоровьемъ: Подъ статью „личныя удовольствія“ (*menusplaisirs*) было выставлено 4,268,000 франковъ; этотъ терминъ понимался во Франціи, какъ расходъ на содержаніе фаворитокъ, и забавно было назначеніе такой огромной суммы для Луи-Филиппа, нравы котораго были строги и семейное счастье котораго было всею извѣстно. На содержаніе каждой лошади было назначено по 5,000 франковъ, а лошадей этихъ полагалось 300. Луи-Филиппъ не блисталъ экипажами и упряжью: за чѣмъ же ему 300 лошадей, и чѣмъ кормить ихъ, чтобы фуражъ каждой стоилъ 5,000 франковъ?

Насмѣшкамъ не было конца. Особенною извѣтливостію отличались памфлеты Корннена. Они доказывали, что даже при Карлѣ X тратилось всего только 11,200,000 франковъ на тѣ статьи расходовъ, которыя теперь доводились до 18 съ половиною милліоновъ. Пренія въ палатѣ депутатовъ были продолжительны. Луи-Филиппъ достигъ успѣха; ему было дано все, чего онъ требовалъ, по нравственное достоинство его страшно потерпѣло: всею казалось, что онъ взомель на престолъ лишь за тѣмъ, чтобы собирать себѣ деньги, принявъ званіе короля по расчетамъ, какими руководится человекъ, берущій на аренду заводъ или помѣстье.

Къ довершенію эффекта, въ это же время возобновилось дѣло о завѣщаніи и смерти герцога Конде. Мы оставили его въ томъ положеніи, что законные наслѣдники, принцы Роганы, собирали матеріалы для начатія процесса противъ завѣщанія, передавшаго фамильныя богатства одному изъ сыновей Луи-Филиппа и баронессѣ де-Фёшеръ. Наконецъ матеріалы были собраны теперь и процессъ начался. Рѣчи адвокатовъ фамиліи Роганъ были убійственны для Луи-Филиппа; всѣ обстоятельства, изложенныя нами въ первой статьѣ, были выставлены на видъ съ беспощаднымъ мастерствомъ. Были разоблачены всѣ интриги, происходившія между баронессою и Луи-Филиппомъ, всѣ нравственныя мученія, какимъ подвергали жалкаго старика, чтобы выманить у него богатство, и вся двусмысленность его смерти. Адвокаты баронессы и герцога Омальскаго могли отвѣчать только юридическими тонкостями, показывавшими недостаточность обвиненій для судебнаго признанія насильственной смерти герцога и недѣйствительности его завѣщанія. Но публика осталась при мнѣніи, что если принцы Роганы не имѣютъ полныхъ юридическихъ доказательствъ, то сущность дѣла была именно такова, какъ они говорятъ.

Въ отвѣтъ на намеки легитимистскихъ и республиканскихъ газетъ о жадности, придворныя газеты вздумали отвѣчать указаніемъ на молодость Луи-Филиппа, на то, что онъ сражался подъ знаменами Дюмурье. Для газетъ противныхъ партій это послужило предлогомъ разобрать всю прошедшую жизнь Луи-Филиппа, доказать, что онъ съ первой молодости былъ интриганомъ: тутъ припомнилось, какъ онъ при помощи Дюмурье хотѣлъ овладѣть французскимъ престоломъ, какъ тогда

раскрылись его сношенія съ австрійцами, какъ потомъ онъ завелъ интриги въ Испаніи и былъ постыдно удаленъ оттуда Веллингтономъ, какъ интриговаль онъ для полученія французскаго престола въ 1814 и 1815 годахъ.

Волненіе общества поддерживалось всѣми этими неблаговидными исторіями и раздраженіе противниковъ новаго правительства усиливалось строгостями, которыми хотѣлъ принудить ихъ къ молчанію Казиміръ-Перье. Онъ безпрестанно арестоваль журналистовъ, заводилъ процессы противъ газетъ, подвергалъ полицейскіиъ насиліямъ и судебному преслѣдованію разные кружки недовольныхъ, обвиняемыхъ въ составленія заговора. Но часто выказывались въ этихъ преслѣдованіяхъ обстоятельства, еще сильнѣе подрывавшія уваженіе къ правительству. Мы упоианемъ только объ одной изъ такихъ исторій.

4 января 1832 года, въ пять часоувъ вечера, послышался набать на колокольнѣ парижской церкви Notre-Dame. Сторожъ бросился на колокольню, но былъ встрѣчевъ сверху лѣстницы криками и пистолетными выстрѣлами. Онъ побѣжалъ донести полиціи объ атомъ странномъ происшествіи и были присланы солдаты. Колокольня была обыскана; на ней нашли шесть человекъ молодыхъ простолюдиновъ. Одинъ изъ нихъ былъ еще ночки ребенокъ, плакаль, увѣрять въ своей невинности и обѣщать открыть все. Пока его допрашивали, поназался огонь на сѣверной башнѣ церкви. Пожаръ успѣли потушить. Плачущій юноша говорилъ, что на колокольнѣ былъ еще седьмой человекъ. Долго не могли найдти этого седьмаго, и на башнѣ вспыхнулъ опять огонь. Пожаръ погасили во второй разъ и продолжали обыскъ. Вдругъ самъ вышелъ изъ какого-то темнаго угла человекъ и закричалъ, что сдается. Когда его спросили объ его званіи, онъ отвѣчалъ: „бунтовщикъ“. Самъ по себѣ случай былъ ничтожный, и странные люди, безъ всякихъ приготовленій думавшіе произвести возстаніе звоноувъ въ волоколь, никому непонятнымъ, конечно, не были опасными противниками. Но слѣдствіемъ объ нихъ раскрылись вещи гораздо худшія самаго ихъ безразсудства. Оказалось, что полиція была за нѣсколько дней предувѣдомлена о ихъ замыслѣ. Открылось даже, что начальникъ городской полиціи Карлье, получившій такую знаменитость во время реакціи, послѣ 1848 года, когда сдѣлали его префектомъ полиціи, самъ сказалъ сторожу, чтобы онъ не запираль дверей на колокольню. Полицейскіе, ловившіе мятежниковъ, напередъ говорили, въ какомъ мѣстѣ лѣстницы найдутъ они баррикаду; когда арестовали послѣдняго изъ нихъ, полицейскій сержантъ сталъ нюхать его ладони, не намочены ли онъ спиртомъ: полиція знала даже о томъ, что заговорщики хотить взять съ собой бутылку спирта, которая дѣйствительно и нашлась. Наконецъ, описаніе происшествія было послано въ Times изъ Парижа 3 января, наканунѣ самаго происшествія. Всѣ эти вещи были раскрыты слѣдствіемъ; а когда начался судъ, то адвокатъ арестованныхъ доказаль, что они были возбуждены въ безразсудной попыткѣ полицейскимъ агентомъ Перно, освобожденнымъ ваторжникомъ, доносившимъ начальству о всемъ ходѣ устроиваемаго имъ заговора. Казиміръ Перье увѣрять, что ему оставалась неизвѣстна эта темная продѣлка; но правительство все-таки оставалось нравственно виновно въ томъ, что его собственная полиція устраиваетъ заговоры для доставленія ему случаевъ устраивать строгостями недовольныхъ. Большая часть обвиненныхъ были оправданы присяжными, только трое были приговорены къ легкому наказанію, и то не за участіе въ заговорѣ, а лянъ за то, что не донесли о продѣлкахъ Перно.

Человѣку, имѣющему высокія понятія о назначеніи правительства, должно казаться удивительнымъ, что онъ читаетъ въ этихъ статьяхъ все только рассказы о разныхъ темныхъ проискахъ, имѣвшихъ цѣлью денежныя выгоды Луи-Филиппа, и объ усиліяхъ къ подавленію разныхъ вспышекъ. Но дѣйствительно только этими вещами почти постоянно и ограничивалась дѣятельность новаго правительства. Не производя никакихъ важныхъ реформъ, оно оставляло въ разныхъ слояхъ общества всѣ прежнія причины къ недовольству положеніемъ дѣлъ. Общественное устройство оставалась въ томъ же видѣ какъ при Бурбонахъ, и тѣ классы, которые произвели іюльскій переворотъ, по недовольству не самими Бурбонами, а порядкомъ дѣлъ державшимся при Бурбонахъ, постепенно проникались такою же враждою и противъ Луи-Филиппа, опять-таки не по какимъ нибудь политическимъ убѣжденіямъ, несомнѣннымъ съ властью Луи-Филиппа, а просто потому, что она поддерживала тяжелый для нихъ прежній порядокъ дѣлъ. Видъ этого безеялія іюльской монархіи сдѣлать что нибудь въ пользу простолюдиновъ постепенно приводилъ все большее число демократовъ къ мысли, что монархическая форма во Франціи несовмѣстна съ народными потребностями; такимъ образомъ само правительство было причиною усиленія республиканской партіи и успѣха, какой постепенно приобретала ее пропаганда между парижскими простолюдинами. Съ другой стороны приверженцы Бурбонивъ справедливо находили, что Орлеанская династія не имѣетъ причины существовать, если ничѣмъ важнымъ не отличается отъ прежней династіи: нація, не находя разницы между Бурбонами и ихъ младшею вѣтвью, Орлеанскимъ домошъ, должна, думали легитимисты, отдать предпочтеніе прежней династіи. Будучи поставлено между этими двумя движеніями, назадъ къ Бурбонамъ, и впередъ къ республикѣ, не имѣя самобытной опоры въ чувствахъ массы, іюльское правительство, поставившее задачей себѣ стоять и держать общественныя учрежденія въ прежнемъ видѣ, тратило всѣ свои силы исключительно на то, чтобы удержаться. Оно оправдывало свою апатію въ дѣлѣ общественнаго прогресса необходимостью сосредоточивать всѣ свои мысли, всѣ свои силы на свою защиту отъ опасностей, и не хотѣло понять, что опасности для него возникали именно только изъ его апатіи къ прогрессу и исчезли бы при появленіи въ немъ заботливости о реформахъ, полезныхъ для общества. Мы не хотимъ рѣшать, были ли въ самой формѣ правительства, сохраненной іюльскимъ переворотомъ, какія нибудь причины невозможности принять прогрессивное направленіе; бонапартисты и республиканцы утверждали это, доказывая, что дать Франціи необходимыя реформы можетъ, по мнѣнію однихъ, только военное самовластіе, по мнѣнію другихъ—только республика. Но была или нѣтъ въ самой формѣ правленія, установленной конституціею 1814 года и сохраненной конституціею 1830 года, несообразность съ потребностями французской націи, во всякомъ случаѣ, даже при наилучшихъ правительственныхъ формахъ, нельзя было произойти ничему хорошему при характерѣ Луи-Филиппа, имѣвшаго много прекрасныхъ качествъ ума и души, но не имѣвшаго одного: честной способности забывать свои денежные расчеты и хитрыя интриги для національныхъ потребностей. Его характеръ не внушалъ ни уваженія, ни довѣрія; нравственная власть правительства надъ умами падала отъ этого, и враждебныя ему партіи, видя неудовлетворенность народныхъ нуждъ, рассчитывали легко низвергнуть Орлеанскую династію. Еще въ 1830 и 1831 годахъ были, какъ мы упоминали, небольшіе вспыски республиканскихъ движеній и легитимист-

скихъ демонстрацій. Въ 1832 году тѣ и другія приняли размѣръ болѣе значительный.

Мы начнемъ съ волненія, поднятаго легитимистами на западѣ Франціи.

По удаленія любимцевъ Карла X вслѣдъ за Бурбонами въ Англію, легитимисты остались безъ энергическихъ предводителей въ Парижѣ. Правда, они имѣли на своей сторонѣ двѣ великія знаменитости, Шатобриана и Беррье, но обое сообщали только блескъ своей партіи, а вести ее на битву не были способны. Великій поэтъ и благороднѣйшій человѣкъ по мнѣнію французовъ, а по нашему мнѣнію, несносный риторъ, всѣ хорошія качества котораго портились неимовѣрною раздутостью тщеславія, Шатобрианъ могъ своими кудрявыми произведеніями и рѣчами восхищать людей, любящихъ высокопарность, но къ практическому дѣлу никогда и ни въ чемъ не былъ способенъ,—это видѣли даже люди, приходившіе въ восторгъ отъ его гешя, который дѣйствительно былъ у него на одно только жеманство. Онъ хандрилъ и разсуждалъ о паденіи своего вѣка, который палъ въ его мнѣніи собственно потому, что не призналъ въ немъ великаго государственнаго человѣка, равнаго Наполеону—стать въ параллель съ Наполеономъ было задушевною его мечтою, какъ показываетъ каждая страница его „Замогильныхъ Записокъ“. Хандрилъ онъ потому, что это придавало челу его очень эффектную печать „высокой и глубокой скорби“. Онъ чуждался всѣхъ, чтобы производить на публику болѣе эффекта своимъ трагическихъ одиночествомъ: ему хотѣлось навести людей на мысль, что онъ изгнанникъ на умственномъ островѣ Св. Елены. Беррье, напротивъ, былъ человѣкъ дѣйствительно огромнаго ума и таланта. Краснорѣчіе его было увлекательно, личность его очаровательна. Но онъ былъ плебей по происхожденію, и легитимизмъ управлялъ только его мыслями, а не сердцемъ: онъ самъ не вѣрилъ въ будущность аристократической монархіи Бурбоновъ. Его привлекло въ лагерь легитимистовъ особенно то, что аристократическіе салоны очень изящны, манеры аристократовъ очень граціозны и любезны, нигдѣ нельзя такъ хорошо провести вечеръ, послушаться столько и такихъ иныхъ комплиментовъ, найти для себя столько лести, не шокирующей тонкаго вкуса. Онъ былъ артистъ и любитель высокаго комфорта; своею завидною обстановкою онъ не хотѣлъ жертвовать: какъ ему было рисковать головою или свободою, когда адвокатство доставляло краснорѣчивому оратору такіе доходы, то есть такой комфортъ, и притомъ рисковать безъ глубокой преданности дѣлу легитимистовъ? Чтобы поднялось легитимистское возстаніе, управление партіевъ должно было перейти въ другія руки. Шатобрианъ, Беррье и другіе важнѣйшіе легитимисты, остававшіеся во Франціи, говорили, что надобно ждать, терпѣть, пока черезъ долгое время іюльское правительство надетъ еяно собою.

Аристократическая молодежь не хотѣла ждать: этимъ изящнымъ рыцарямъ грубая толпа колола глаза насмѣшливыми вопросами о томъ, чтѣ дѣлали они въ іюльскіе дни, когда имъ слѣдовало бы умереть за своего аристократическаго короля и когда ни одинъ изъ нихъ не сталъ защищать династію, погибавшую за аристократовъ. Они горѣли нетерпѣніемъ доказать, что сохранили храбрость, привлекію на которую присвоивали дворянству, по примѣру своихъ предковъ. Тою же ревностью къ подготовленію возстанія были проникнуты дамы аристократическаго круга, праздность которыхъ радовалась развлеченію, имѣвшему романическій видъ съ своими воображаемыми опасностями, въ сущности безвредными для нихъ (кто

же стать бы казнить дамъ за бунтъ?) и тѣмъ болѣе привлекательными: затѣять интригу, хлопотать, вѣдять, секретничать, поощрять мужество словами любви, поцалуями за вѣрность законному королю, — все это такъ занимательно!

Партія легитимистовъ сама по себѣ была малочисленна; за то она владѣла большими денежными средствами и во многихъ мѣстахъ, особенно на югѣ Франціи и въ Вандеѣ, значительнымъ вліяніемъ на сельское населеніе, благодаря огромнымъ помѣстьямъ, уцѣлѣвшимъ отъ продажи въ революцію. При нѣкоторой восторженности, молодежь и дамы могли рассчитывать на успѣхъ, котораго не надѣялись дѣльные люди легитимистской партіи. Предводители отказывались отъ участія въ опрометчивой попыткѣ, надобно было замѣстить ихъ кому нибудь. За это взялась принцесса Беррійская Марія-Каролина, вдова несчастнаго принца, убитаго десять лѣтъ тому назадъ, мать малолѣтнаго короля Генриха V, женщина еще молодая, везальтированная, любившая эксцентрическія приключенія. Карль X не одобрялъ отваги своей невѣстки, но не въ силахъ былъ устоять противъ ея пылкихъ требованій, согласился объявить, чтобы легитимисты признавали ее правительницею королевства отъ имени ея сына, и отпустить ее въ Италію, чтобы она оттуда руководила ходомъ заговора и явилась начальствовать возстаніемъ, когда оно вспыхнетъ. По пріѣздѣ герцогини въ Сардинію, начались совѣщанія съ являвшимися изъ Франціи заговорщиками о томъ, гдѣ начать возстаніе, на югѣ или въ Вандеѣ. Вандея уже имѣла нѣсколько шуанскихъ шаекъ, составившихся изъ молодыхъ людей, скрывшихся отъ конскрипціи, которую поселяне въ тѣхъ мѣстахъ не любили больше, чѣмъ гдѣ нибудь во Франціи. Однако главные изъ ваядейскихъ заговорщиковъ все-таки мало надѣялись на свои силы, говоря, что могутъ взяться за оружіе лишь тогда, когда силы правительства будутъ отвлечены отъ западныхъ департаментовъ возстаніемъ на югѣ. Но прежде того легитимисты рѣшились сдѣлать попытку въ самомъ Парижѣ: они хотѣли овладѣть Тюильрійскимъ дворцомъ въ ночь съ 1 на 2 февраля (1832), во время большаго придворнаго бала; они уже достали ключи отъ пяти воротъ Тюильрійскаго сада, набрали нѣсколько сотъ человекъ бывшихъ воровескихъ тѣлохранителей (*garde royale*), обольстили нѣсколькихъ простолюдиновъ, сражавшихся въ іюлѣ на баррикадахъ и раздраженныхъ гѣмъ, что побѣда не принесла никакой пользы народу. Но полиція узнала о замыслѣ отъ оружейника, у котораго заговорщики покупали ружья, и который сталъ подозрѣвать недобрые замыслы въ своихъ покупщикахъ. Отважнѣйшіе изъ заговорщиковъ, простолюдины, были арестованы въ кофейной, въ улицѣ Пруверъ, куда собрались, чтобы взять ружья, которыя долженъ былъ привезти туда оружейникъ. Знатные соучастники замысла не были выданы преданными суду простолюдинами, да и противъ арестованныхъ почти не нашлось уликъ, такъ что наказаны были немногіе. Дѣло, задуманное въ Парижѣ, разрушилось, и надобно было возвратиться къ мысли поднять возстаніе на югѣ и въ Вандеѣ.

Герцогиня Беррійская, бывшая принцессою неаполитанскаго дома и находившаяся въ родствѣ почти со всѣми итальянскими государями, нашла себѣ радужный пріемъ у герцога моденскаго, который гордился гѣмъ, что одинъ изъ всѣхъ европейскихъ правителей не признавалъ королею Луи-Филиппа. Герцогиня поселилась въ городкѣ Массѣ, на морскомъ берегу и близъ Ливорно, такъ что сношенія съ Франціею были для нея очень удобны. Но прежде, чѣмъ начать войну съ Луи-Филиппомъ, она должна была преодолѣть препятствія, ко-

торны представлялись ей въ самой легитимистской партіи, дробившейся на три отдѣла.

Важнѣйшіе изъ легитимистовъ, остававшихся во Франціи, не надѣясь на успѣхъ возстанія, думали, что надобно пока ограничиваться газетною и парламентскою поленикою и только готовить умы къ возстаювлюшю Бурбоновъ въ болѣе или менѣе отдаленной будущемъ.

Молодежь и дамы хотѣли возстаніи; изъ людей, пользовавшихся политическимъ вліяніемъ, эту мысль раздѣляли только придворные, эмигрировавшіе съ Карломъ X. Они опять дѣлились на двѣ партіи. Одни полагали, что возстаніе можетъ имѣть удачу только тогда, если будетъ опираться на иноземное войско; они хотѣли, чтобы Россія, или Австрія, или Голландія, или вся континентальная Европа послала армію для вторженія во Францію, какъ было въ 1792 году; когда иностранцы двинутся въ Парижъ какъ воины Генриха V, вся Франція присоединится къ нимъ, думали эти люди, господствовавшіе надъ умомъ Карла X; ихъ представителемъ былъ герцогъ де-Блака. Другіе, главою которыхъ была герцогиня Беррійская, находили, что иностранное вторженіе могло только окончательно погубить Бурбоновъ, пробудивъ противъ нихъ національное чувство. Они хотѣли опираться исключительно на своихъ приверженцевъ внутри самой Франціи. Эти люди были нѣсколько разсудительнѣе партіи герцога Блака, рѣшительно неспособной понимать чувства французской націи, хотя и сами могли казаться сколько нибудь разсудительными только по сравненію съ партією Блака.

Соглашаясь на экспедицію герцогини Беррійской, Карлъ X посылалъ вмѣстѣ съ регентшею герцога Блака, какъ совѣтника ея, и далъ ему тайное полномочіе, по которому вся власть должна была принадлежать герцогу, а регентшѣ одинъ только титулъ. Содержаніе этой бумаги не было въ точности извѣстно герцогинѣ, но она узнала его, благодаря ссорѣ двухъ сановниковъ своего штата съ герцогомъ. Одинъ изъ этихъ придворныхъ, вліянію которыхъ на герцогиню завидовалъ Блака, увидѣлъ необходимость низвергнуть его, чтобы удержаться самому, и убѣдилъ герцогиню потребовать, чтобы Блака показалъ ей свое полномочіе. Когда бумага была прочитана главными приверженцами герцогини, они всѣ объявили, что Карлъ X, по отреченіи своемъ отъ королевскаго титула и по назначеніи регентшею герцогини Беррійской, уже не имѣлъ права располагать властью. Послѣ долгой борьбы герцогиня написала наконецъ въ Блака письмо, въ которомъ доказывала ему неудобство раздѣленія власти между двумя лицами и просила его, въ доказательство дружбы къ ней, воротиться въ Шотландію въ Карлу X.

По удаленіи Блака энергическая герцогиня стала вести дѣло быстро. По Франціи разъѣзжали эмиссары, были приготовлены прокламаціи и актъ, учреждавшій въ Парижѣ временное правительство, членами котораго герцогиня назначала Шатобріана, Кергорле, маршала Виктора (герцога Беллунскаго) и генерала Латурь-Мобура. Заговорщики вступили въ сношенія съ бонапартистами и надѣялись на поддержку Меттерниха. Но Меттернихъ былъ настолько остороженъ, что не захотѣлъ компрометировать австрійскій кабинетъ связью съ авантюристами, а бонапартисты не могли сойтись съ легитимистами, потому что независимо отъ приверженности другому претенденту имѣли систему убѣжденій, несомнѣнную съ цѣлями легитимистовъ: Бурбоны были представителями старинной аристократической монархіи, бонапартисты были дѣтьми революціи и, охотно соглашаясь на военный

деспотизмъ, не хотѣли жертвовать равенствомъ всѣхъ французовъ передъ закономъ. Легитимисты, враждебные равенству, хотѣли деспотизма не военнаго, а придворнаго. Символами противоположности принциповъ служили цвѣта національнаго знамени: бонапартисты требовали, чтобы оставлено было трехцвѣтное знамя революціи, Наполеона I и июльской монархіи, легитимисты не согласились отказаться отъ возстановленія бѣлаго знамени. Такимъ образомъ герцогиня Беррійская могла рассчитывать только на свою собственную партію, да и то далеко не на всю: благоразумнѣйшая и большая часть легитимистовъ не хотѣла участвовать въ опрометчивой попыткѣ. Шатобрианъ просилъ дозволенія пріѣхать въ Италію, чтобы отклонить герцогиню отъ ея намѣреній. Марія-Каролина не захотѣла видѣться съ нимъ. Легитимистскіе комитеты въ Парижѣ напрягали всѣ усилія, чтобы отклонить отъ мысли о возстаніи пылкую часть аристократической молодежи въ южныхъ провинціяхъ и Вандеѣ. Въ этихъ провинціяхъ легитимисты также были несогласны и большинство считало возстаніе несвоевременнымъ. Но люди пылкіе готовились къ нему, набирали волонтеровъ между поселянами, запасали ружья; въ Вандеѣ явились уже вооруженные отряды, убивавшіе жандармовъ, грабившіе почту. Волненіе увеличивалось, такъ что герцогиня видѣла надобность или сообщить заговорщикамъ, что дѣло отсрочено, или спѣшить къ нимъ во Францію. Она рѣшилась на послѣднее и взяла съ собою конституцію, приготовленную ея партизанами на случай успѣха. Конституція была составлена въ самомъ либеральнѣйшемъ духѣ, по мнѣнію легитимистовъ, но въ сущности все-таки возвращала Францію къ тому положенію дѣлъ, какое было до революціи. Одною изъ приготовленныхъ прокламацій всѣ законы и распоряженія, изданные съ июльскаго переворота, объявлялись недействительными, а личное имущество Луи-Филиппа подвергалось секвестру. Страшная мстительность, выказанная Бурбонами въ 1815 году, была одною изъ причинъ ихъ непопулярности. Люди, составлявшіе совѣтъ при герцогинѣ Беррійской, требовали, чтобы она увѣрила Францію въ полной безопасности отъ преслѣдованій за прошедшія событія. Герцогиня должна была покориться на словахъ, но въ спорѣ объ этомъ слишкомъ ясно выказала свои настоящія намѣренія жестомъ, подражавшимъ паденію топора гильотины. Кергорле съ жаромъ схватилъ ее за руку и сказалъ: „прошу васъ не повторять подобныхъ жестовъ“.

Отъѣздъ изъ Италіи во Францію назначенъ былъ 24 апрѣля (1832). Предлогомъ отъѣзда изъ Массы была выбрана поѣздка во Флоренцію. При наступленіи ночи герцогиня съ двумя дамами и однимъ изъ придворныхъ сѣла въ четырехмѣстную карету, подъ которую были взяты почтовые лошади, для избѣжанія вслѣдствія подозрѣній. Въ городскихъ воротахъ каретѣ надобно было остановиться, и почтовый кучеръ по обыкновенію воспользовался этою остановкою, чтобы поправить сбрую на лошадяхъ. Пока онъ возился съ ними, не оглядываясь на карету, придворный служитель отперъ дверцу кареты, герцогиня съ одною изъ дамъ и съ придворнымъ вышла изъ нея, а въ карету сѣла горничная другой дамы, оставшейся на своемъ мѣстѣ. Карета стояла близъ городской стѣны, покрывавшей нѣсколько шаговъ пространства самою густою темнотою. Вышедшіе изъ кареты спрятались въ этой тѣни, и когда кучеръ, не замѣтившій ничего, поѣхалъ дальше, герцогиня съ своимъ спутникомъ и спутницею стали пробираться къ морскому берегу все вдоль по стѣнѣ. Въ одиннадцать часовъ вечера они пришли на пристань.

Дежурные таможенные служители крѣпко спали; если бы кто изъ нихъ проснулся, тайна разрушилась бы, и пришедшіе старались не поднять ни малѣйшаго шороха. Инъ пришлось долго ждать маленькаго парохода „Карль-Альбертъ“, принадлежавшаго герцогинѣ. Пароходъ шелъ изъ Генуи; экипажу было сказано, что онъ отправляется въ Испанію. Время отъѣзда было рассчитано такъ, чтобы въ назначенное время пароходъ поравнялся съ окрестностями Массы; пассажиры на немъ были эмигранты. Капитанъ очень удивился, когда они потребовали, чтобы онъ шелъ къ берегу взять другихъ пассажировъ; онъ не хотѣлъ слушаться, боясь строгихъ наказаній за нарушеніе карантинныхъ правилъ; но эмигранты заставили его повиноваться. Герцогинѣ пришлось ждать парохода около четырехъ часовъ и она заснула на пескѣ, завернувшись въ свой плащъ. Въ три часа утра пароходъ наконецъ подошелъ и герцогиня счастливо перешла на него, не разбудивъ таможенныхъ сторожей.

Во время переѣзда она была спокойна и весела. Пароходъ пришелъ къ Марсели безъ всякихъ опасностей 28 апрѣля, въ полночь. На извѣстномъ мѣстѣ берега дожидались нѣсколько легитимистовъ. Переѣздъ съ парохода на берегъ въ шлюпкѣ былъ довольно страшенъ, потому что море сильно волновалось; но герцогиня и тутъ выказала свое безстрашіе. Мѣстомъ отдыха для нея былъ выбранъ крестьянскій домикъ среди поля; тропинка вела къ нему по скаламъ очень крутымъ. Герцогиня въ темную ночь смѣло шла этою опасною и тяжелою дорогою.

Между тѣмъ, въ Марсели уже распространился слухъ о ея прибытіи. Но за обстоятельствомъ, неожиданно разгласившимъ тайну, послѣдовало другое странное обстоятельство, прикрывшее герцогиню совершенною безопасностью на довольно долгое время. Вечеромъ 28 числа одинъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ герцогини нанялъ у рыбака лодку, чтобы ѣхать подальше отъ берега, взглянуть, не приближается ли пароходъ. Во время поѣздки онъ безпрестанно посматривалъ на часы и вообще обнаруживалъ безпокойство. Воротившись на берегъ, гребцы, бывшіе на лодкѣ, зашли случайнымъ образомъ отдохнуть въ ту самую харчевню, куда пришли и гребцы, перевозившіе съ парохода на берегъ герцогиню. Начавъ толковать между собою, они обнаружили, кто такая дама перевезенная на берегъ, и стали пить за здоровье герцогини. Городское начальство тотчасъ же узнало объ этомъ и приняло мѣры противъ волненія. Заговорщики увидѣли необходимость сдѣлать своимъ дѣломъ. 30 числа, на разсвѣтѣ, они созвали нѣсколько сотъ человекъ рыбаковъ на пристани и приглашали ихъ подняться за Генриха V. Рыбаки выслушали, но пристать къ нимъ не захотѣли. Потергивъ неудачу на пристани, легитимисты пошли по городу, но и тамъ никто къ нимъ не присоединился. Потерявъ всякую надежду, заговорщики думали уже только о томъ, чтобы скрыться отъ полиціи, но трое изъ нихъ все-таки были пойманы. Другіе немедленно послали въ домикъ, гдѣ скрывалась герцогиня, лаконическую записку, говорившую только: „движеніе не удалось, надобно удалиться изъ Франціи“. Марія-Каролина не потеряла отваги. Она хотѣла тотчасъ же ѣхать въ Испанію, чтобы оттуда переѣхать въ Вандею. Но море было бурно, такъ что шлюпка не могла бы перевезти ее на пароходъ, а таможенная стража получила приказаніе слѣдить за всѣмъ какъ можно внимательнѣе. Выслушавъ эти соображенія, герцогиня рѣшилась ѣхать съ юго-восточнаго берега Франціи на западный берегъ прямымъ путемъ. Когда она жила еще въ Массѣ, ова видѣла во снѣ покойнаго мужа, который сказалъ ей:

„одобряю твое намѣреніе; но на югѣ тебѣ не удастся; успѣхъ ты получишь въ Вандеѣ“. Она вѣрила этому сну и отправилась въ Вандею черезъ всю Францію. Ова ѣхала проселочными дорогами по лѣсамъ; путь былъ труденъ; однажды, чтобы доставить ей ночлегъ, спутники ея должны были силою вломиться въ какую-то пустынную, жалкую избу; въ другой разъ она принуждена была искать убѣжища у какого-то республиканца, образъ мыслей котораго былъ ей хорошо извѣстенъ. Вошедши въ его домъ, она сказала свое имя и республиканецъ сохранилъ ея тайну.

Пароходъ, на которомъ она пріѣхала, держался между тѣмъ въ открытомъ морѣ. Послѣ разныхъ поисковъ на берегу, полиція вздумала отыскать этотъ корабль и 3 мая вечеромъ къ „Карлу-Альберту“ подошелъ дозорный пароходъ; двое офицеровъ вошли на палубу „Карла-Альберта“. Спутники герцогини, остававшіеся на немъ, сидѣли въ это время за етоломъ и не потеряли духа, увидѣвъ опасность. Въ числѣ ихъ была мадмуазель Лебешю, сопровождавшая герцогиню изъ Массы. „Карль-Альбертъ“ былъ приведенъ въ Тулонскую гавань. Адмиралъ, командовавшій портомъ, послалъ поручика Сарла удостовѣриться, кто такова дама, найденная на пароходѣ. Взглянувъ на мадмуазель Лебешю, офицеръ смутился: ему показалось, что онъ видитъ передъ собою герцогиню, и не успѣвъ хорошенько рассмотреть лица дамы, онъ поспѣшилъ съ донесеніемъ, что на пароходѣ захвачена герцогиня Беррійская. Извѣстіе объ этомъ было по телеграфу отправлено въ Парижъ, а „Карль-Альбертъ“ подъ строжайшимъ надзоромъ отведенъ на Корсику, въ гавань Алчіо. Захваченныхъ арестантовъ, и въ томъ числѣ мадмуазель Лебешю, держали въ каютахъ подъ строгимъ арестомъ, такъ что не видѣлъ ихъ ни одинъ человѣкъ, который могъ бы узнать ошибку. Правительство распорядилось отвезти захваченную герцогиню въ Шотландію къ Карлу X. Мадмуазель Лебешю хотѣли уже посадить на корабль, отправлявшійся въ Шотландію, но королевскій адъютантъ д'Удето, которому было поручено исполнить это, зналъ герцогиню Беррійскую въ лицо, и только тутъ, 8 мая, открылась мистификація. А между тѣмъ ошибка, сообщенная въ Парижъ и продолжавшаяся цѣлыхъ пять дней, разнеслась по всей Франціи, и благодаря общиимъ толкамъ о томъ, что она арестована на „Карль-Альбертѣ“, герцогиня могла проѣхать большую часть дороги на почтовыхъ лошадяхъ, не обращая на себя ничего подозрѣнія. Посѣтивъ нѣсколькихъ вандейскихъ легитимистовъ въ ихъ замкахъ, она поселилась наконецъ, переодѣвшись въ мужское платье, на фермѣ Мелье. Русые свои волосы она закрыла чернымъ парикомъ и носила костюмъ молодаго вандейскаго поселанина. Вечеромъ 21 мая предводители вандейскихъ легитимистовъ собрались на совѣщаніе у ней въ Мелье. Ихъ было четыре человѣка. Всѣ они говорили, что возстаніе невозможно; что нѣкоторая надежда на успѣхъ могла бы явиться развѣ тогда, если бы легитимисты уже восторжествовали на югѣ, а на югѣ они потерпѣли неудачу и въ Вандеѣ легитимисты такъ слабы, что не могутъ сами начать дѣло. Вандейскіе провинціальныя дворяне, объяснявшіе это герцогинѣ, конечно, не убѣдили ее отказаться отъ мысли о возстаніи; но парижскій комитетъ легитимистовъ совершенно раздѣлялъ ихъ мнѣніе и былъ пораженъ, узнавъ о прибытіи герцогини въ Вандею. Собравшись на совѣщаніе, члены его рѣшились отправить въ Вандею Беррье, чтобы онъ отклонилъ герцогиню отъ напраснаго замысла и убѣдилъ ее уѣхать изъ Франціи. Марія-Каролина сильно возражала ему, когда онъ прибылъ въ бѣдную во-

нату, служившую ей убѣжищемъ. Она говорила, что Европѣ и Франціи показалось бы трусостью, елибъ она отказалась отъ своего плана, даже не пытавшись исполнить его. Однакоже Беррье успѣлъ склонить ее ѣхать изъ Франціи съ паспортомъ, который онъ далъ ей. Но по всей вѣроятности она выразила ему свое согласіе только затѣмъ, чтобы избавиться отъ его контроля и настояній. Едва уѣхалъ Беррье, герцогиня стала говорить, что получила письмо, отъ котораго измѣняются всѣ ея мысли: по ея словамъ письмо сообщало ей, что на югѣ вспыхнуло возстаніе. Быть можетъ она хитрила; а быть можетъ сама была обманута хитростью какого нибудь слишкомъ восторженного заговорщика.

Возстаніе не могло имѣть удачи ни въ какомъ случаѣ. Но разнорѣчашія распоряженія уменьшили и ту небольшую силу, какой могло бы оно достигъ. Маршалъ Бурмонъ, управлявшій военною частью у легитимистовъ и прѣхавшій изъ Шотландіи въ Навтъ, отмѣнилъ срокъ назначенный герцогинею Беррійскою для возстанія; потомъ, увидѣвшись съ герцогинею, отмѣнилъ прежній свой приказъ, отлагавшій возстаніе на неопредѣленное время, и опредѣлялъ сровомъ его ночь съ 3 на 4 іюня. Эти перемѣны окончательно разстроили дѣло и безъ того плохое. Многіе изъ людей, собиравшихся возетать, не успѣли взяться за оружіе, другіе, лишенные ихъ поддержки, были легко подавлены. Произошло въ разныхъ мѣстахъ вѣскольکو незначительныхъ схватокъ и тѣмъ кончилось дѣло. Даже изъ поселянъ почти никто не помогаль заговорщикамъ, а жители Вандейскихъ городовъ, особенно Навта, отличавшіеся ненавистью къ аристократіи еще въ первую реюлюцію, ходили обезоруживать инсургентовъ съ такимъ же усердіемъ и мужествомъ, какъ регулярныя войска. Инсургенты были такъ малочисленны и раздробленны, что изъ всѣхъ схватокъ только одна была нѣскольکو замѣчательна. 45 человекъ инсургентовъ, запершись въ замкѣ Пенисьеръ, нѣскольکو часовъ отражали атаки многочисленнаго отряда съ такимъ упорствомъ, что противники ихъ единственнымъ средствомъ принудить ихъ къ сдачѣ нашли — зажечь замокъ. Горсть инсургентовъ, не будучи въ силахъ погасить огня, пробилась сквозь ряды осаждавшихъ. Возстаніе, продолжавшееся всего нѣскольکو дней, само по себѣ такъ ничтожно, что не стоило бы о немъ говорить, елибъ неудача этого безраасуднаго дѣла не поразила надолго безеиліея легитимистскую партію, которая теперъ, лишившись всякой надежды на самостоятельный успѣхъ, стала помогать своими денежными средствами республиканцамъ, чтобы хоть какъ нибудь вредить Орлеанской династіи. Республиканцы, люди вообще небогатые, затруднялись непрерывными штрафами, которыми подвергались ихъ газеты. Легитимисты въ слѣдующіе годы часто давали имъ деньги на уплату штрафовъ.

Теперъ герцогинѣ Беррійской надобно было думать только о томъ, чтобы спастись отъ полицейскихъ поисковъ. Убѣжище было выбрано очень ловко. Навтъ былъ навѣстенъ своею ненавистью къ Бурбонамъ; полиціи никакъ не могло бы прійдти въ голову, что герцогиню нужно искать въ этомъ враждебномъ ей городѣ. Она прѣехала туда переодѣтая крестьянкою и скрылась въ домѣ принадлежавшемъ сестрамъ Дюгиньи, двѣицамъ изъ легитимистской фамиліи.

Во время вандейскаго возстанія, Казимира Перье уже не было въ живыхъ. Здоровье перваго министра давно было разстроено; бурины сцены, которыя часто вѣлль онъ съ Луи-Филиппомъ, рѣзкія статьи и рѣчи прогрессистовъ дѣйствовали на него очень сильно при раздражительности его характера. Давно уже при немъ

нельзя было говорить о чьей нибудь смерти или болѣзни, не производя въ немъ вреднаго потрясенія. Въ такомъ состояніи духа, геройскимъ дѣломъ съ его стороны была рѣшимость, ставшая ближайшимъ поводомъ къ его смерти. Въ началѣ весны 1832 года дошла до Парижа холера, наводившая такой страшный ужасъ этимъ первымъ своимъ путешествіемъ по Европѣ. Во всей Европѣ народъ думалъ, что какіе-то злоумышленники отравляютъ его, и въ Парижѣ, какъ повсюду, было нѣсколько сценъ убійства совершенно невинныхъ людей, принятыхъ народомъ въ его отчаяніи за отравителей. Страшное уныніе владычествовало въ Парижѣ. Оно усиливалось мнѣшемъ, господствовавшимъ тогда по всей Европѣ, что холера заразна. Старшій сынъ Луи-Филиппа, герцогъ Орлеанскій, захотѣлъ посѣтить холерные госпитали, чтобы своимъ примѣромъ разрушить, сколько отъ него зависѣло, этотъ гибельный предрасудокъ. Казиміръ Перье, какъ первый министръ, считалъ своею обязанностью сопровождать его и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ навѣстить холерныхъ, несмотря на ужасъ, какой при разстройствѣ собственнаго здоровья чувствовать отъ вида больныхъ. Страшныя мученія, судороги, искаженныя лица умирающихъ убили его. Воротившись домой, онъ почувствовалъ себя гораздо хуже прежняго и неизгладимое впечатлѣніе, оставленное въ его умѣ холерными сценами, быстро истощило его послѣднія силы. Онъ умеръ 16 мая. Единственныя слова, которыми Луи-Филиппъ почтилъ память человѣка, такъ усердно служившаго ему подавленіемъ прогрессивныхъ партій, показываютъ всю холодность души его. Услышавъ о смерти перваго министра, онъ сказалъ: „Казиміръ Перье умеръ; дурно это, или хорошо? Посмотримъ“. Смертью перваго министра довольно долго не было производимо никакой перемены въ составѣ правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве уже съ мѣсяцъ управлялъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, принадлежавшимъ Перье, которому болѣзнь мѣшала заниматься дѣлами; это такъ и осталось по смерти Перье. Прежнее министерство продолжало существовать еще пять мѣсяцевъ. Казиміръ Перье былъ въ немъ единственный человѣкъ самостоятельнаго характера; всѣ остальные министры были его покорными слугами и слугами Луи-Филиппа, когда могли тайкомъ отъ своего президента слушаться въ чемъ нибудь короля. Теперь они слушались уже одного короля, и Луи-Филиппу было пріятно сохранять такихъ покорныхъ исполнителей. Вандейское возстаніе вспыхнуло и было подавлено при этомъ ничтожномъ министерствѣ и при немъ же кончился процессъ двадцати двухъ человѣкъ, обвиненныхъ за участіе въ этомъ возстаніи. Большая часть изъ нихъ были оправданы, немногіе осужденные были приговорены только къ легкому аресту. Также подвергнуть былъ суду Беррье за то, что ѣздилъ на свиданье съ герцогинею передъ началомъ возстанія; но тутъ правительство дѣлало слишкомъ очевидную нелѣпость, пытаясь преслѣдовать человѣка, который вмѣшивался въ дѣло только съ цѣлью предотвратить его: процессъ былъ для Беррье триумфомъ. При началѣ преній, многіе адвокаты сѣли не на мѣста, для нихъ назначенныя, а рядомъ съ Беррье на скамью обвиненныхъ. Президентъ замѣтилъ имъ, что имъ не слѣдуетъ сидѣть на ней. „Скамья обвиненныхъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, получаетъ нынѣ такую славу, что намъ почетно сѣсть на нее“. Когда вошелъ обвиненный, зрители и присяжные встали передъ нимъ.

Герцогиня Беррійская скрывалась въ Нантѣ въ домѣ г-жѣ Дюгьины. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не могли открыть ея убѣжища; кажется, Луи-Филиппъ и предписывалъ своимъ послушнымъ министрамъ, чтобы они не старались найти герцогиню:

арестъ ея поставилъ бы его въ неприятное положеніе или раздражить монархатовъ предашемъ ея суду, или раздражить прогрессистовъ ея безнаказанностью. Притомъ, каковъ былъ бы результатъ процесса? Что, если бы палата перовъ или присяжные объявили ее невинною? Это равнялось бы объявленію, что самъ Луи-Филиппъ не имѣеть законныхъ правъ называться королемъ. А если найдутъ герцогиню виновною, приговоромъ ея будетъ смерть; исполнить такой приговоръ невозможно, а смягчить его — значить подвергнуться обвиненію въ излишней снисходительности къ женщинѣ, бывшей виновницею междоусобной войны.

Но приближалось время собранія палатъ, а ничтожные министры не могли служить удовлетворительными представителями исполнительной власти передъ палатою депутатовъ; потребность парламентскаго правленія состоятъ въ томъ, чтобы кабинетъ имѣлъ людей, уважаемыхъ большинствомъ, чтобы оно могло полагаться на ихъ слова. Депутаты принадлежавшіе къ большинству, возвращаясь въ Парижъ, говорили, что не потерпятъ министерства, це имѣющаго ни одного человѣка съ самостоятельнымъ умомъ или характеромъ. Луи-Филиппу надобно было ввести въ кабинетъ предводителей парламентскаго большинства. Онъ уклонялся отъ этой конституціонной обязанности, пока могъ, — уже тогда онъ обнаруживалъ стремленіе имѣть министрами не тѣхъ людей, на которыхъ указывало общественное мнѣніе или хотя мнѣніе большинства депутатовъ, а людей, которые были бы простыми исполнителями его личныхъ желаній. Впослѣдствіи, онъ успѣлъ обратить въ такую машину Гизо, человѣка съ великими талантами, поддававшася хитрымъ обольщеніямъ, воображавшаго, что управляетъ Луи-Филиппомъ, между тѣмъ какъ Луи-Филиппъ водилъ его за носъ. Но теперь пока не было у Луи-Филиппа подготовлено еще ни одного такого сильнаго въ парламентской борьбѣ человѣка для служенія личнымъ его надобностямъ, и какъ онъ прежде терпѣлъ грубіяна Казимира, такъ теперь былъ принужденъ пригласить въ свой кабинетъ людей, оставшихся послѣ Казимира Перье предводителями консервативнаго большинства въ палатѣ депутатовъ, хотя эти люди не отказывались отъ всякой самостоятельности въ угодность ему.

Предводителями парламентскаго консервативнаго большинства были тогда Тьеръ и Гизо, соотвѣтствовавшіе своими характерами двумъ оттѣнкамъ этого большинства, различавшимся между собою не сущностью стремленій, а только темпераментами. Гизо былъ представителемъ людей разсудительныхъ и серьезныхъ, ясно понимавшихъ, чего они хотятъ и какія мысли, какія фразы сообразны съ ихъ основными стремленіями. Тьеръ выше всего цѣнилъ эффектъ и любилъ всякія громкія олова безъ разбору, лишь бы они были эффектны; онъ служилъ представителемъ людей легкомысленныхъ. По легкомыслію и любви въ эффектамъ, ему часто случалось заговариваться, и когда впослѣдствіи сталъ онъ непримиримымъ соперникомъ Гизо, многіе стали считать его либераломъ за блестящія фразы; но въ сущности онъ любилъ произволъ болѣе, чѣмъ самъ Гизо, и нимало не уступалъ ему консерватизмомъ, доходившимъ у нихъ обоихъ до реакціонности. Подробныя доказательства этому мы представимъ, когда будетъ рѣчь о борьбѣ между Тьеромъ и Гизо въ слѣдующіе годы, а теперь упоминаемъ только мимоходомъ, потому что личныя особенности этихъ двухъ людей еще не получили важнаго вліянія на судьбу Франціи: оба они были тогда еще только простыми представителями парламентскаго консервативнаго большинства.

Новое министерство, главными лицами котораго были Тьеръ и Гизо, извѣстно

подъ названіемъ министерства 11 октября, потому что въ этотъ день явилось въ „Монитеръ“ объявленіе о замѣнѣ прежняго кабинета новыми. Министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался Брольи, политическій другъ Гизо; внутреннихъ дѣлъ — Тьеръ; народнаго просвѣщенія — Гизо; фискаль — Гюманъ; юстиціи — Бартъ; военный министромъ остался Сультъ, получившій имя президента совѣта министровъ, но не имѣвшій никакого политическаго значенія.

Дѣло по отыскиванію убѣжища герцогини Беррійской принадлежало министерству внутреннихъ дѣлъ. По опрометчивости ли, или по какимъ нибудь политическимъ соображеніямъ, Тьеръ имѣлъ больше охоты отыскать герцогиню, нежели прежшій министръ Монталиве. Нѣкто Дейцъ, перекрещенный еврей, бравшій деньги у духовенства за свое усердіе въ новой вѣрѣ и у легитимистовъ за свою преданность Бурбонамъ, давно уже предлагалъ свои услуги. Монталиве оставался равнодушнымъ къ его усердію, но Тьеръ обѣщалъ ему 500,000 франковъ награды, если онъ отдастъ герцогиню Беррійскую въ руки правительства. Дейцъ сопровождалъ ее въ Италію, служилъ для легитимистовъ агентомъ по довольно важныхъ дѣламъ и ему было легко проникнуть въ тайну убѣжища герцогини. Тьеръ послалъ его въ Нантъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ полицейскимъ сыщикомъ, Жоли, которому, разумеется, было поручено слѣдить за продажнымъ негодяемъ. Явившись въ Нантъ, Дейцъ отправился къ важнѣйшимъ изъ тамошнихъ легитимистовъ, прося, чтобы они доставили ему свиданіе съ герцогиней. До легитимистовъ уже доходили слухи о его предательствѣ и онъ долго не могъ побѣдить ихъ недовѣріе. Наконецъ, 30 октября, герцогиня послала за нимъ Дюгиньи, брата тѣхъ дѣвицъ, у которыхъ жила. Дюгиньи сказала Дейцу, что свиданіе будетъ происходить не въ томъ домѣ, гдѣ живетъ герцогиня, что она пріѣдетъ для этого въ другой домъ. Дейцъ повѣрилъ, а между тѣмъ свиданіе происходило въ томъ самомъ домѣ, гдѣ скрывалась герцогиня. Онъ долго говорилъ съ нею и просилъ новаго свиданія: увѣрившись, что она не боится сама давать ему аудіенціи, онъ теперь могъ дѣйствовать смѣло. Второе свиданіе было назначено 6 ноября въ томъ же домѣ. Онъ былъ незамѣтно окруженъ войсками. Въ разговорѣ съ герцогиней предатель не выказалъ никакого смущенія; но едва вышелъ изъ комнаты, какъ повсюду кругомъ дома заблестали штыки и полицейскіе чиновники бросились въ комнаты. Извѣщенная объ опасности, герцогиня едва имѣла время спрятаться съ одною изъ бывшихъ при ней дѣвицъ и двумя кавалерами евоей свиты въ маленькій потайной альковъ, бышшій въ углу ея комнаты и прикрытый доскою, которая составляла заднюю спинку камина, такъ что входъ въ альковъ былъ только черезъ каминъ. Полиція произвела самый внимательный обыскъ: раскрывала мебель, пробовала стѣны ударами молотка, чтобы открыть, нѣтъ ли гдѣ нибудь за ними пустоты; но все ничего не находила. Такъ прошло нѣсколько часовъ до самой ночи. Въ комнатѣ стало холодно и полицейскіе нѣсколько разъ затопили каминъ, чтобы согрѣться. Наконецъ отъ этого огня стало такъ жарко въ душномъ маленькомъ альковѣ за каминомъ, что герцогиня и притавшіеся съ нею люди не могли выносить мученій жара. Они закричали: „мы идемъ; выбросьте дрова изъ камина“. Дрова были выброшены и герцогиня Беррійская вышла изъ алькова, измученная шестнадцатью часами заключенія въ душномъ шкапѣ, имѣвшемъ только одно отверстіе, черезъ которое поочередно вдыхали свѣжій воздухъ она и товарищи ея. Она была перевезена въ цитадель Бле, лежащую близъ Бордо, въ мѣстности довольно унылой и не совсемъ здоровой. Климатъ Бле

убійственъ для людей съ слабою грудью; а герцогиня была расположена къ чашоткѣ.

При дворѣ сначала очень обрадовались арестованію Маріи-Каролины, забывавшему отъ опасенія новыхъ тревогъ въ Вандеѣ; но скоро удовольствіе помрачилось появленіемъ тѣхъ затрудненій, предчувствіе которыхъ долго удерживало правительство отъ дѣятельныхъ поисковъ убѣжища принцессы. Предать ее суду не отваживались; легитимисты торжествовали, выставляя эту робость слѣдствіемъ неувѣренности новой династіи въ своихъ правахъ, а прогрессисты говорили о преступной снисходительности къ виновницѣ междоусобія. Множество просьбъ объ освобожденіи герцогини поступало въ палату депутатовъ; столько же поступало въ нее просьбъ о преданіи герцогини суду. Министры не могли избѣжать преній по этому дѣлу. Депутатъ, бывший докладчикомъ комиссіи, которой палата поручила рассмотреть просьбу, предлагалъ рѣшеніе сообразное съ желаніями министерства: онъ говорилъ, что министрамъ должна быть оставлена свобода поступить, какъ они найдутъ лучшимъ. Но министры не могли сказать въ защиту этого предложенія ничего такого, что не могло бы етать оружіемъ противъ нихъ самихъ для легитимистовъ. Явиться передъ палатою защитникомъ доклада принялъ на себя Брольи. Онъ сталъ говорить, что старшая отрасль Бурбоновъ, будучи изгнана изъ Франціи, не подлежитъ дѣйствию французскихъ законовъ и потому съ герцогинею можно поступать только по праву войны, то есть держать ее въ плѣну, пока того требуетъ государственная надобность. Предавать ее суду было бы слишкомъ опасно: „всѣ силы, какими можетъ располагать правительство, говорилъ онъ, были бы недостаточны на защиту или судей, или обвиненной, смотря по расположенію умовъ. Вы видѣли процессъ министровъ Карла X: десять дней весь Парижъ не выпускалъ оружія изъ рукъ, находился въ тревогѣ города, который ждетъ штурма. Но всѣ эти волненія были бы ничтожны передъ смутами, какія вызоветъ процессъ герцогини“. Депутаты лѣвой стороны требовали суда; они говорили, что во время преній объ изгнаніи старшей отрасли Бурбоновъ правительство обязалось предоставлять власти законовъ тѣхъ членовъ изгнанной династіи, которые отважились бы возбуждать междоусобную войну. „Говорятъ, что опасно было бы подвергать герцогиню Беррійскую обыкновенному суду, сказалъ Кабэ (получившій впоследствии известность, какъ основатель коммунистической доктрины Икаризма и недавно умершій среди неутомимыхъ трудовъ для осуществленія своей теоріи). Неужели правительство такъ шатко, что не устоитъ въ подобномъ испытаніи?“ Легитимисты, напротивъ, иронически защищали мнѣніе министровъ и выводили изъ него заключеніе, что сами министры признаютъ Бурбоновъ стоящими выше ихъ суда, имѣющими права, отвергать которыхъ они не смѣютъ. Они хвалили правительство за такой вѣрный взглядъ и сожалѣли только, что оно не довольно послѣдовательно: при такомъ образѣ мыслей ему надобно было бы признать Бурбоновъ имѣющими законныя права на французскій престолъ.

Положеніе Луи-Филиппа и его министровъ было неловко. Но вдругъ разнесся слухъ, оевободившій ихъ отъ затрудненія: стали говорить, что герцогиня Беррійская беременна. Правительство немедленно отправило въ Бле двухъ докторовъ для опредѣленія, есправедлявъ ли слухъ. Легитимисты объявляли его клеветою. На одной изъ дуалей, случившихся по этому поводу, былъ довольно тяжело раненъ Арманъ Каррель. Неизвѣстность длилась нѣсколько недѣль, потому что два первые отчета

медиковъ о положеніи герцогини говорили только, что она вообще нездорова. Но не утверждали, чтобы ея болѣзнь происходила отъ беременности. Въ первомъ отчетѣ требовалось даже, чтобы изъ цитадели Бле, гдѣ воздухъ вреденъ для груди, герцогиня была переведена куда нибудь въ другое мѣсто. Правительство не напечатало этого акта и убѣдило медиковъ сказать во второмъ отчетѣ, что климатъ Бле хорошъ. Эти интриги конечно не могли скрыться отъ публики, которая порицала правительство за такую небрежность о больной женщинѣ.

Еще громче стали порицанія, когда публика узнала, что герцогиню подвергаютъ нравственной пыткѣ для вылужденія у ней сознанія въ беременности. Прежній комендантъ цитадели не согласился впустить въ нее полицейскихъ шпионовъ: онъ былъ смѣненъ, и комендантомъ назначили генерала Бюжо (впослѣдствіи прославившагося своими свирѣпостями при подавленіи республиканскаго возстанія въ Трансноренской улицѣ, а потомъ побѣдами въ Алжиріи), человекъ грубаго, вспыльчиваго, готоваго на всякія услуги начальству для полученія наградъ. Знаменитый полицейскій сыщикъ, Жюли, помѣстился теперь прямо подъ тою комнатою, гдѣ жила принцесса, и устроилъ въ потолокъ своей комнаты, то есть въ полу комнаты герцогини, двѣ слуховыя трубы, просверливъ полъ спальни герцогини, такъ чтобы это не было замѣтно ей и ея приближеннымъ. Вынужденная шпионствомъ полиціи и вспыльчивостью Бюжо, герцогиня 22 февраля (1833) написала наконецъ записку, въ которой говорила, что вступила въ тайный бракъ, когда была въ Италіи передъ вандейскимъ возстаніемъ. Въ самой запискѣ была фраза, показывавшая, какими мѣрами вынудили у нея это сознаніе: герцогиня говорила, что она „принуждена обстоятельствами и мѣрами, принятыми относительно нея правительствомъ“.

Этотъ актъ былъ немедленно напечатанъ въ „Мониторъ“, но произвелъ на публику дѣйствіе совершенно не такое, какъ ожидало правительство. Луи-Филиппъ шутилъ надъ положеніемъ герцогини, которая до іюльской революціи была чрезвычайно милостива къ нему и къ его семейству; онъ рассказывалъ разные притчскіе анекдоты изъ временъ старой монархіи для объясненія случаевъ, которые могли произвестъ ея беременность. Публика находила шутки и скандалъ неумѣстными, видя, что бѣдную женщину притѣсняють самымъ неделикатнымъ образомъ. Даже республиканскія газеты говорили, что если не слѣдуетъ прощать преступленийъ, то еще менѣе прилично оскорблять женщину и издѣваться надъ тѣмъ, что она вышла замужъ.

Неделикатность, съ какою вынуждали у герцогини косвенное признаніе въ беременности, могла еще быть понятна, хотя и заслуживала порицаніе. Но совершенно неумѣстны, даже съ точки зрѣнія выгодъ самаго Луи-Филиппа, были дальнѣйшіе поступки его министра внутреннихъ дѣлъ съ герцогинею. Порицаніе еще прямѣе упадетъ на него, когда мы скажемъ, что во время этихъ и дальнѣйшихъ притѣсненій и пошлостей министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ уже не Тьеръ, дѣйствовавшій самостоятельно, а д'Аргу, покорный слуга Луи-Филиппа, занявшій мѣсто Тьера, который принялъ министерство торговли и публичныхъ работъ. Тайное замужство герцогини навсегда соорило ее съ Карломъ X. его любимцами и всѣми знатными легитимистами, которые по своимъ понятіямъ объ этикетѣ могли скорѣе простить женщинѣ всякій развратъ, всякую низость, нежели неравный бракъ. Герцогиня лишалась всякаго значенія въ своей партіи, совершенно пер-

ставала быть опасною: къ чему же было мучить ее? Хитрая расчетливость Луи-Филиппа, хотѣвшая какъ можно болѣе унижить Бурбоновъ въ лицѣ герцогини Беррійской, довела его въ этомъ дѣлѣ до жестокости, противорѣчившей обыкновенному его добродушію, до пошлостей, вредившихъ его собственному имени гораздо больше, нежели имени герцогини, о которой, напротивъ, онъ заставилъ всѣхъ сожалѣть.

Многочисленные доктора, посланные по выбору самого правительства въ Бле, продолжали говорить, что слабость груди герцогини и общее разстройство ея здоровья требуетъ освободить ее. Правительство продолжало держать ее въ цитадели, въ нездоровой мѣстности, когда могло бы уже совершенно безопасно освободить. Оно обманывало ее обѣщаніями выпустить немедленно, если она въ дополненіе въ прежнему признанію о своемъ бракѣ напишетъ новое признаніе, прямо говорящее о беременности. Она не соглашалась; ей надоѣдали, подвергали ее грубымъ сценамъ, мучили ее шпионствомъ, мучили присылкою къ ней разныхъ людей, которыхъ она не любила или боялась. Наконецъ, вынудили этими пошлыми средствами актъ, котораго требовали, — и не освободили ее, а оставили въ цитадели до разрѣшенія отъ бремени: къ чему были всѣ эти низости и жестокости? Потомъ, когда приблизилось время родовъ, придуманы были новыя неумѣстныя притѣсненія. 24 апрѣля Бюжо принесъ герцогинѣ проектъ протокола, который будетъ составлять о ея разрѣшеніи отъ бремени. Тутъ говорилось, что для засвидѣтельствованія подлинности событія должно присутствовать при немъ множество разныхъ официальныхъ лицъ; что они будутъ осматривать всю мебель комнаты съ цѣлью удостовѣриться, не епрятанъ ли гдѣ нибудь новорожденный ребенокъ, который былъ бы выдвигъ за рожденнаго герцогиней: это было нужно для предотвращенія подлога, на случай, если герцогиня не въ самомъ дѣлѣ беременна и хочетъ устроить сцену фальшивыхъ родовъ. Какимъ образомъ могло родиться такое дикое подозрѣніе, совершенно непонятно, потому что беременность герцогини была очевидна и достаточно засвидѣтельствована медиками. Въ противоположность этому принимались другія мѣры, чтобы она не могла скрыть ребенка, спустивъ его черезъ окно или какъ нибудь иначе. Всѣ эти предосторожности, совершенно напрасныя, имѣли чрезвычайно оскорбительный характеръ и споръ о нихъ мучилъ герцогиню въ то время, когда ей всего болѣе нужно было бы спокойствіе. Ее раздражали иногда этими обидами до конвульсій, которыя могли привести къ выкидышу и кончиться смертью. О каждой пошлой мелочи, унижительной для людей ее требовавшихъ, велись настойчивые переговоры будто о какомъ нибудь государственномъ вопросѣ, и наконецъ вытребовали у принцессы согласіе на слѣдующія условія: Марія-Каролина обязывалась 1) извѣстить генерала Бюжо, какъ только почувствуетъ первые симптомы родовъ; 2) когда войдутъ въ комнату официальные свидѣтели, утвердительно отвѣчать на вопросъ ихъ, который будетъ состоять въ томъ, дѣйствительно ли она герцогиня Беррійская; 3) если эти свидѣтели не успѣютъ прійти во время родовъ, то принять ихъ, когда найдетъ удобнымъ акушеръ. Обо всемъ этомъ доносилось по телеграфу въ Парижъ и требовалось разрѣшеніе высшаго правительства.

Акушеръ герцогини поселился было въ комнатѣ подъ ея спальною, гдѣ жилъ шпионъ до полученія отъ нея письменнаго признанія въ беременности. Когда стали ждать приближенія родовъ, у акушера отняли эту комнату и снова поселили въ ней шпионовъ, которые поставили лѣстницу до потолка подъ самую кроватью гер-

погиби. Всего этого казалось еще мало. Бюжо вытребовалъ, чтобы двери спальни были оставляемы на ночь отворенными, и въ залѣ, которая сообщалась через эти двери со свальною, велѣлъ спать двумъ полицейскимъ чиновникамъ. Поелъ споръ согласились замѣнить полицейскихъ чиновниковъ докторами, присланными отъ правительства. Бюжо хотѣлъ, чтобы чиновники, назначенные быть свидѣтелями, переселились изъ города Бле въ цитадель; но главные изъ нихъ были задержаны отъ этого переселенія дѣлами службы, и когда начались роды, свидѣтелей не было въ цитадели. Чтобы скорѣе извѣстить ихъ, Бюжо велѣлъ сдѣлать три пушечные выстрѣла, не думая о томъ, какъ испугаетъ бѣдную родильницу внезапный громъ подъ ея окнами. Надобно прибавить еще одну подробность, которая лучше всѣхъ прежнихъ: герцогиню принуждали замедлить движеніе ребенка во время родовъ, чтобы успѣли прійти свидѣтели.

Всѣ эти пошлыя, низкія притѣсненія и жестокости дѣлались генераломъ Бюжо по сношенію съ совѣтомъ министровъ и съ Луи-Филиппомъ. Если бы не было другихъ фактовъ, одна исторія поступковъ съ герцогинею Беррійскою во время ея беременности могла бы показать, какъ чужда душѣ Луи-Филиппа была всякая мысль о совѣстливости.

Послѣ родовъ герцогиня Беррійская объявила имя своего мужа; это былъ графъ Луккези-Палли, сициліанскій аристократъ, съ которымъ она познакомилась и повѣнчалась въ Палермо, передъ отъѣздомъ во Францію. Когда больная оправилась, ее наковецъ освободили и она уѣхала въ Палермо повидаться съ мужемъ, а оттуда думала проѣхать въ Прагу, куда Карлъ X переселился вмѣстѣ съ ея дѣтьми изъ Шотландіи во время ея плѣна. Когда герцогиня объявила имя своего мужа, у легитимистовъ не осталось уже никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно обезчестила себя неравнымъ бракомъ. Белибъ беременность была слѣдствіемъ отношеній внѣ брака, такую слабость они могли бы еще простить; но дочь, рожденная герцогинею, была рождена въ законномъ бракѣ, неприличномъ титулу принцессы: этого никакъ не могли простить люди, для которыхъ этикетъ былъ выше всего на свѣтѣ. Вся легитимистская партія во Франціи съ презрѣніемъ отвернулась отъ герцогини; только Шатобрианъ сдѣлалъ рыцарскій поступокъ, какъ часто дѣлалъ въ своей жизни. Когда всѣ аристократы отвернулись отъ Маріи-Каролины и позорили ее, онъ предложилъ ей свои услуги и явился посредникомъ между нею и Карломъ X, раздѣлявшимъ общее негодованіе придворныхъ легитимистовъ противъ герцогини. Усилія его, конечно, остались напрасны. Братъ принцессы, король Неаполитанскій, не хотѣлъ видѣться съ сестрою; Карлъ X также не соглашался принять ее въ Прагу и лишилъ опеки надъ дѣтьми. Онъ согласился только устроить кратковременное свиданіе съ ней въ другомъ городѣ, въ Леобенѣ, чтобы нога ея не переступала порогъ его жилища. Бѣдная женщина, отвергнутая всѣми, за кого рисковала жизнью, скоро умерла отъ чахотки. Дочь ея, рожденная во время заключенія, умерла почти въ одно время съ матерью.

Отвергнувъ Марію-Каролину, Карлъ X и его придворные лишились помощи единственнаго умнаго и энергическаго существа, какое было въ ихъ кругу. Легитимисты, оставшіеся во Франціи, получали отъ Карла X и его совѣтниковъ, главнымъ изъ которыхъ былъ Блака, такія несообразныя съ положеніемъ общества инструкціи, что не могли ничего дѣлать. Они надолго лишились всякой самостоя-

тельной роли въ ходѣ событій, и единственными противниками июльской монархіи послѣ неудачной вандейской попытки оставались республиканцы.

Не желая перерывать разсказа о судьбѣ герцогини Беррійской, мы отступили отъ хронологическаго порядка и должны теперь возвратиться цѣлымъ годомъ назадъ, чтобы видѣть, какими происшествіями и мыслями занята была Франція послѣ того, какъ миновалась въ маѣ 1832 года опасность вандейскаго возстанія.

Прогрессисты съ каждымъ мѣслцемъ яснѣе видѣли, что Луи-Филиппъ окончательно отвернулся отъ нихъ и хочетъ управлять Франціею въ реакціонномъ духѣ. Когда распушена была палата депутатовъ весною 1832 года, либеральные и радикальные члены ея видѣли надобность въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ мѣрахъ для предупрежденія новыхъ опасностей, поражаемыхъ реакціоннымъ направлениемъ власти. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда холера почти миновалась, Лафитъ еозвалъ въ себѣ на совѣщаніе всѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ. Ихъ собралось около 40 человекъ. Тутъ были представители всѣхъ партій, не хотѣвшихъ реакціи, отъ самыхъ умѣренныхъ прогрессистовъ, въ родѣ Лафита, до республиканцевъ. Лафитъ предложилъ составить адресъ къ королю. Одинъ изъ немногихъ республиканскихъ депутатовъ, Гарнье-Паже (братъ его въ 1848 году былъ членомъ временнаго правительства, благодаря славѣ, наслѣдованной отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго человека, умершаго въ молодости), сказалъ, что на это нельзя согласиться. Луи-Филиппъ, говорилъ онъ, человекъ неисправимый; обращаться къ нему съ просьбами и доказательствами совершенно напрасно: это значило бы только дѣлать себя смѣшнымъ, потому что можно впередъ предсказать отказъ на просьбу. Оппозиція имѣетъ передъ собою только одно судилище, на приговоръ котораго можетъ отдавать свои стремленія; это судилище — нація. Гарнье-Паже предлагалъ сдѣлать воззваніе въ націю. Его доводы убѣдили другихъ депутатовъ; по предложенію Шарля Конта было рѣшено изложить передъ націею мысли оппозиціи въ формѣ отчета. Онъ былъ составленъ Кормненомъ и Одилономъ Барро, обнародованъ 28 мая 1832 года за подписью всѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе.

„Нижеподписавшіеся депутаты, видя опасность системы, все болѣе и болѣе удаляющей правительство отъ создавшей его революціи (говорилъ отчетъ), считаютъ вринявшимъ положенія Франціи настоятельною своею обязанностью отдать своимъ избирателямъ отчетъ о принципахъ, которыми они руководствовались въ совѣщаніяхъ палаты. Если они не могли возвратить правительство къ образу дѣяствій, нужному для его собственнаго спасенія, то они могутъ по крайней мѣрѣ указать на опасность. Мысли о характерѣ июльскаго переворота были различны. Одни видѣли въ немъ только эпизодъ, только видоизмѣненіе реставраціи; они заключали изъ этого, что люди и принципы реставраціи должны быть людьми и принципами новаго правительства. Вліяніе этого мнѣнія обнаружилось во всѣхъ фазисахъ долгой и безплодной сессіи, теперь окончившейся. Оно было видно въ преніяхъ о королевскомъ бюджетѣ и т. д. Оно управляетъ администраціею государства и его отношеніями къ иноземнымъ державамъ.

„Другіе, и въ томъ числѣ мы, привѣтствовали въ июльской революціи окончательное утвержденіе принциповъ и правъ, провозглашенныхъ революціею 1789 года“.

Оппозиціонные депутаты говорили, что они по всѣмъ вопросамъ дѣйствовали сообразно принципамъ 1789 г. Такъ, напримѣръ, они хотѣли привести королевскій бюджетъ въ скромные размѣры дѣйствительной надобности; хотѣли, чтобы члены палаты перовъ избирались подобно членамъ палаты депутатовъ, а не назначались правительствомъ; хотѣли преобразовать армію, уменьшивъ число солдатъ, нахо-

дящихся подъ ружьемъ въ мирное время, и образовавъ сильные резервы. Люди хотѣвшіе, чтобы июльская монархія служила только продолженіемъ реставраціи, не дали исполниться ни одному изъ этихъ желаній. Оппозиціонные депутаты говорятъ также, что они хотѣли измѣнить и государственнѣй бюджетъ. Мы приведемъ слова отчета объ этомъ предметѣ: они показываютъ, что если чувства оппозиціи были хороши, то она ограничивалась почти только неопредѣленными чувствами, не доходя до точныхъ заключеній о формѣ ихъ практическаго осуществленія.

„Продолжатели реставраціи находили всѣ издержки законными, всѣ налоги хорошими. Мы хотѣли, чтобы революціи принесла свой даръ народу. Мы были далеки отъ мысли не заботиться о средствахъ въ защитѣ родныхъ предѣловъ въ случаѣ надобности; но болѣе экономное и простое управленіе, выборъ лучшаго основанія для нѣкоторыхъ налоговъ и менѣе притѣснительный способъ ихъ сбора уменьшили бы тяжесть государственныхъ податей; распродѣлявшись справедливѣе, онѣ стали бы менѣе обременительными для рабочихъ классовъ“.

Желаніе, какъ видимъ, очень хорошее; но какіе же налоги надобно измѣнить и какъ измѣнить?—этого оппозиція не говорить. Видно, что у нея не было твердыхъ убѣжденій по этимъ вопросамъ. Далѣе оппозиціонные депутаты говорятъ, что они хотѣли дать болѣе самостоятельности выборному началу въ мѣстномъ управленіи, винять правительство за то, что оно сохранило всѣхъ администраторовъ, служившихъ Бурбонамъ, и считало единственными своими врагами тѣхъ людей, которые сражались противъ Бурбоновъ. Переходя въ внѣшней политикѣ, оппозиція винить правительство за то, что оно не умѣло поддержать достоинство Франціи въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Отчетъ заключается повтореніемъ мысли, что правительство, уступая какому-то тайному влиянію, — фраза, подъ которою легко узнать влияніе Луи-Филиппа, — отступаетъ все далѣе отъ принциповъ, на которыхъ основана его власть, и тѣмъ готовитъ себѣ паденіе.

Отчетъ нравился публикѣ своимъ либерализмомъ, но не заключалъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго о способѣ дѣйствій, какого стала бы держаться оппозиція, если бы получила власть. Та же самая неопредѣленность оставалась въ мысляхъ парламентской оппозиціи до самаго конца царствованія Луи-Филиппа.

Говоря о неопредѣленности образа мыслей въ оппозиціи, мы, конечно, относимъ это сужденіе только къ большинству депутатовъ ее составлявшихъ, или къ собственно такъ называемой династической оппозиціи, къ той партіи прогрессивныхъ, которые своими предводителями имѣли тогда Лафита и Одилона Барро и хотѣли прогресса подъ властью Луи-Филиппа, какъ будто бы при человѣкѣ подобномъ Луи-Филиппу возможны были какія нибудь важныя реформы. Но за этими многочисленными депутатами стояла горсть людей, убѣжденія которыхъ были ясны по крайней мѣрѣ по вопросу о формѣ правленія. Изъ 135 депутатовъ, подписавшихъ отчетъ, болѣе 100 человѣкъ принадлежали къ династической оппозиціи, хотѣвшей сохранить конституціонную монархію съ Орлеанскою династіей. Но человѣкъ 20 или 25 были республиканцы, убѣжденные, что для произведенія коренныхъ реформъ необходимо прежде всего устранить власть Луи-Филиппа. Въ чемъ должны состоять реформы, не было ясно и для большей части изъ этихъ людей, — это обнаружили они, когда получили власть въ 1848 году. Но они по крайней мѣрѣ понимали, какая перемѣна необходима для доставленія самой возможности къ реформамъ; путь къ этой перемѣнѣ видѣли они ясно, и какъ люди съ точнымъ понятіемъ о цѣли своихъ стремленій, очень расчетливо умѣли пользоваться всѣми

обстоятельствами, которыя могли быть имъ полезны. Сами по себѣ въ палатѣ депутатовъ республиканцы были совершенно безсильны и могли играть въ ней хотя какую нибудь роль, только опираясь на династическую оппозицію; изъ этого возникалъ между нею и республиканцами нѣкотораго рода союзъ, и мы сейчасъ видѣли примѣръ того, какъ онъ приводилъ иногда династическую оппозицію въ дѣйствіямъ, несообразнымъ съ ея собственными намѣреніями и принципами. Она хотѣла изложить свои убѣжденія и причины своего неудовольствія въ адресѣ къ королю; это было очень логично съ ея точки зрѣнія; но республиканецъ Гарнье-Паже убѣдилъ ее, что вмѣсто адреса къ королю гораздо приличнѣе и умнѣе будетъ написать воззваніе къ націи. Съ своей точки зрѣнія онъ поступалъ логично; но что же сдѣлала династическая оппозиція, согласившись съ нимъ? Ясно было, что если она обращается въ націи, то жалоба приносится уже не на министровъ, — на нихъ слѣдовало бы жаловаться королю, — а на самого короля. Подрывать довѣріе націи къ нему могло быть выгодно для республиканцевъ, но никакъ не для династической оппозиціи, сохранявшей искренно монархическія чувства. Воззваніе къ націи было написано Курмненомъ подъ диктовку Одилона Барро; но все-таки Одилонъ Барро и его товарищи по убѣжденію допустили въ этомъ актѣ намеки, которые вели уже вовсе не къ тому, чего хотѣла династическая оппозиція: актъ ею подписанный говорилъ о тайномъ вліяніи, т. е. вліяніи Луи-Филиппа, уничтожающемъ всякую возможность добра въ рѣшеніяхъ палаты депутатовъ и дѣйствіяхъ министерства. Мы говоримъ не то, чтобы династическая оппозиція выражала этими словами мысль ложную, а только то, что возбужденіе подобной мысли въ публикѣ прямо противорѣчило намѣреніямъ Лафита, Одилона Барро и ихъ политическихъ друзей. Точно также черезъ 15 лѣтъ династическая оппозиція стала дѣйствовать не въ своихъ, а въ республиканскихъ выгодахъ, когда начала знаменитую агитацію посредствомъ банкетовъ, которые привели въ февральской революціи. Люди съ понятіями сбивчивыми всегда работаютъ въ пользу людей съ образомъ мыслей яснымъ и систематичнымъ. Теперь умѣренные прогрессисты, вовсе не хотѣвшіе перемѣны въ правительственныхъ формахъ, работали, сами того не замѣчая, въ пользу республиканцевъ, а за два года передъ тѣмъ, ведя дѣло къ іюльскому перевороту, они работали, такъ же сами того не замѣчая, въ пользу Казимира Перье, Гизо и ихъ друзей, на которыхъ теперь жаловались націи.

Еще поразительнѣе обнаружилась неспособность династической оппозиціи понимать смыслъ собственныхъ дѣйствій въ рѣшимости, которую приняла она черезъ нѣсколько дней по обнародованіи своего отчета: вопросъ о демонстраціи по поводу похоронъ генерала Ланарка еще прямѣе отчета доказалъ, что династическая оппозиція незамѣтно для самой себя доведена будетъ отъ словъ до дѣйствій, ведущихъ къ торжеству республиканцевъ. Такъ и случилось въ февралѣ 1848 года, когда она согласилась участвовать въ парижскомъ банкетѣ, результатомъ котораго могло быть только или упроченіе власти Гизо посредствомъ картечи и осаднаго положенія, или провозглашеніе республики, — вещи одинаково противныя намѣреніямъ династической оппозиціи. Теперь, въ 1832 году, точно такую же несообразность она сдѣлала, согласившись на демонстрацію при похоронахъ Ламарка. При тогдашнемъ волненіи умовъ, произведенномъ вандейскимъ возстаніемъ, отчетомъ оппозиціи, разрушеніемъ надежды на либеральную перемѣну въ правительствѣ по смерти Казимира Перье, созывать десятки тысячъ народа въ одну процессію, раз-

горячать эту массу эмблемами и рѣчами могли бы, кажется, только люди, хотѣвшіе произвести столкновение между народомъ и правительствомъ для низверженія Луи-Филиппа. Республиканцы хотѣли этого; но никакъ не могла хотѣть династическая оппозиція. Чего же она хотѣла и зачѣмъ дѣлала демонстрацію? По своему обыкновенію она не знала, чего хочетъ и что должно выйти изъ ея дѣйствій.

Генераль Ламарвъ, храбрый солдатъ наполеоновской арміи, одинъ изъ очень немногихъ генераловъ, не измѣнявшихъ отечеству въ 1814 году, пользовался большою популярностью, благодаря честности и прямотѣ характера, уваженію, какое приобрѣлъ у Наполеона во время его бѣдствій, благодаря пылкости своего патриотизма и либеральному направленію. Когда онъ скончался въ началѣ іюня (1832), оппозиціонные депутаты, припоминая съ какимъ великолѣпіемъ совершены были консерваторами двѣ недѣли тому назадъ похороны Казимира Перье, вздумали сдѣлать такимъ же политическимъ торжествомъ для своей партіи похороны своего знаменитаго друга. Днемъ похоронъ было назначено 5-ое іюня.

Легитимисты, разстроенные недавними неудачами на югѣ и въ Вандеѣ, и бонапартисты, въ то время очень малочисленные, могли надѣяться на счастливый для тѣхъ или другихъ оборотъ дѣла развѣ только какънибудь въ послѣдующемъ его развитіи, при какихънибудь особенныхъ случайностяхъ. Прямо могли выступить на борьбу съ Орлеанскою династіею одни только республиканцы. Съ этой точки зрѣнія, они дѣйствовали логически, возбуждал династическую оппозицію къ демонстраціи, подававшей поводъ къ столкновению, въ которомъ единственный шансъ успѣха, если могъ быть какойнибудь шансъ успѣха, былъ въ пользу республиканцевъ. Но если династическая оппозиція дѣлала ошибку, ведя дѣло къ обороту, несоотвѣтствовавшему ея стремленіямъ, то республиканцы въ свою очередь ошибались, преувеличивая свою надежду на успѣхъ. Они были чрезвычайно малочисленны: правда, они пользовались популярностью въ Парижѣ между рабочими; но простолюдины могли принять участіе въ ихъ попыткѣ только тогда, если бы предварительно были расположены къ борьбѣ или долгою агитаціею, или какиминибудь особенными обстоятельствами. Этого не было. Притомъ, сами республиканцы не успѣли согласиться между собою. Большинство ихъ видѣло безнадѣжность борьбы и не готовилось къ ней. Разсчитывали на успѣхъ только немногіе, не составлявшіе большинства ни въ одномъ изъ четырехъ главныхъ республиканскихъ клубовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, неблагоприятно было со стороны республиканцевъ то, что они не отклонили манифестацію, которая неизбѣжно вела къ столкновению. Они дорого заплатили за эту ошибку; но гибельное для нихъ дѣло было вредно и для правительства: оно показало, какъ ничтожная горсть людей можетъ привести всѣхъ слугъ Луи-Филиппа къ отчаянію, какъ легко теряютъ голову эти надменные консерваторы, на которыхъ онъ исключительно оперся, какъ мало въ нихъ и преданности, и мужества.

5-го января, съ самаго разсвѣта, улицы около дома Ламарка были наполнены тысячами людей, захотѣвшихъ принять участіе въ процессіи. Она имѣла угрожающій видъ; правительство приготовилось къ этому: въ Парижѣ было собрано 24,000 регулярнаго войска, кромѣ того, въ окрестностяхъ Парижа еще 30,000, готовыхъ двинуться въ столицу. Процессія должна была проходить черезъ весь Парижъ, чтобы дойти отъ дома Ламарка до кладбища Лашеза. На этомъ длинномъ пути, при страшномъ скоплешіи народа, конечно происходили нѣкоторыя небольшія

драки съ полицейскими, которыхъ прогоняла толпа; одушевленіе увеличивалось революціонными рѣснями. Зрители говорили, что начало іюльской революціи не было такъ грозно, какъ эта процессія, состоявшая изъ десятковъ тысячъ людей. Она дошла до Аустерлицкаго моста. Тутъ была приготовлена эстрада; процессія остановилась; Лафайетъ, маршалъ Клозель, Могенъ сказали рѣчи, отличавшія спокойною и грустною торжественностью. Но скоро эти ораторы смѣнились другими, менѣе знаменитыми и болѣе восторженными. Толпа разгорачалась; начали носиться слухи, что въ другихъ частяхъ Парижа уже дерутся, что какой-то генераль перешелъ на сторону инсургентовъ, что войска также перешли на сторону народа и двинулись на Тюильри. Въ распространеніи этихъ фальшивыхъ извѣстій винятъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, возбуждавшихъ народъ къ столкновенію, чтобы можно было надолго запугать его страшнымъ подавленіемъ мятежа. Справедливо ли вообще такое обвиненіе, трудно рѣшить, но оно соотвѣтствуетъ обыкновенной системѣ французской полиціи, и подтверждается по крайней мѣрѣ однимъ достовѣрнымъ фактомъ: въ толпу вѣхалъ какой-то неизвѣстный простонародью и республиканцамъ человекъ въ черномъ платьѣ, сидѣвшій верхомъ на лошади и державшій въ рукѣ красное знамя, увѣчанное фригійскою шапкою, символомъ 1793 года. Этотъ неизвѣстный являлся очевидно за тѣмъ, чтобы возбудить массу къ насиліямъ. Но противъ своего ожиданія, онъ произвелъ дурное впечатлѣніе на народъ и въ особенности на республиканцевъ, не хотѣвшихъ, чтобы ихъ считали террористами. Неизвѣстный человекъ, потерѣвъ неудачу, подошелъ къ генералу Флаго, одному изъ приближенныхъ Луи-Филиппа, и они вмѣстѣ ушли въ Тюильри. Народъ оставался спокоенъ.

Но кромѣ пространства у Аустерлицкаго моста, множество другихъ улицъ было наполнено толпою. Въ одной изъ нихъ, безъ всякой надобности явился эскадронъ драгунъ, направлявшійся къ Аустерлицкому мосту, по приказанію префекта полиціи Жиске, а не военнаго коменданта генерала Пажоля: ревность полиціи дѣйствовала и тутъ. Эскадронъ тѣнилъ толпу; изъ нея раздались нѣсколько выстрѣловъ. Тогда драгуны отступили и, объѣхавъ окольными улицами, бросились въ атаку на пространство у Аустерлицкаго моста по Контръ-Эскарпной улицѣ, далекой отъ того мѣста, гдѣ они были встрѣчены выстрѣлами. Тутъ народъ еще не подавалъ никакого повода къ атакѣ. Онъ былъ раздраженъ этимъ насиліемъ, и вида необходимость защищаться отъ сабельныхъ ударовъ, построилъ баррикаду. Окна сосѣднихъ зданій были заняты наскоро вооружившимися людьми, которые на атаку противъ народа стали отвѣчать ружейными выстрѣлами. Драгуны смѣшались и ускакали; возстаніе началось. Инсургентовъ было мало, но они быстро разсѣялись по всѣмъ направленіямъ и въ нѣсколько часовъ овладѣли большею частью города, успѣли даже взять безъ боя нѣсколько крѣпкихъ позицій, выгнавъ занимавшіе ихъ караулы, которые въ смущеніи отступали безъ сопротивленія. Въ 6 часовъ вечера успѣхи инсургентовъ были уже такъ велики, что большая часть правительственныхъ лицъ отчаялись, хотя битва еще не начиналась. Министры и генералы собрались на совѣщаніе. Военный министръ, маршалъ Сультъ, или потерялъ голову, или, какъ потомъ стали подозрѣвать, хотѣлъ измѣнить, въ надеждѣ занять мѣсто Луи-Филиппа. Онъ говорилъ, что посылать войска въ узкія улицы и глухіе переулки, занятые инсургентами, значило бы подвергать солдатъ пораженію, и выказывалъ полную нерѣшительность. Онъ и многіе другіе говорили, что надобно

совершенно выступить изъ Парижа, оставивъ его во власти инсургентовъ. и сосредоточить войска за городомъ на Марсовомъ полѣ; а потомъ оттуда штурмовать городъ, какъ штурмуютъ неприятельскую крѣпость. Правительство собрание разошлось, не принявъ никакого рѣшенія. Придворные были въ уныніи. Дворецъ опустѣлъ; въ зданіяхъ министерствъ чиновники прятали важнѣйшія бумаги и нѣкоторые притовлялись къ бѣгству.

Образъ дѣйствій маршала Сульта былъ особенно двусмысленъ. Онъ не понималъ, что низость характера и жадность къ деньгамъ отнимають у него то уваженіе въ народѣ, на какое имѣлъ бы онъ право по своимъ военнымъ заслугамъ. Онъ видѣлъ, что одинъ изъ его товарищей, Бернадоттъ, сдѣлался королемъ шведскимъ, и давно уже думалъ, что подобная карьера доступна и ему, имѣвшему собственно военной славы больше, чѣмъ Бернадоттъ. Во время испанской войны, командуя сильнѣйшею изъ французскихъ армій, защищавшихъ Иосифа, онъ велъ интриги съ англичанами, думая объявить себя королемъ португальскимъ, — но крайней мѣрѣ такъ думали тогда всѣ. Теперь, судя по страннымъ его дѣйствіямъ, стали подозрѣвать, что у него явилась мысль сѣсть на французскій престолъ. Онъ давалъ совѣтъ вывести войска изъ Парижа, хотя ему, какъ отличному генералу, понятнѣе всѣхъ было, что выступленіе изъ города равнялось бы для Луи-Филиппа потерѣ престола. Въ наступившую ночь (съ 5 на 6 іюня) онъ имѣлъ свиданія съ предводителями республиканцевъ. Но если онъ дѣйствительно хотѣлъ бросить Луи-Филиппа и воспользоваться возстаніемъ для своего личнаго возвышенія, то онъ дѣйствовалъ слишкомъ нерѣшительно и не выигралъ ничего.

Правительство и придворные трепетали; большая часть изъ нихъ считали свое дѣло потеряннымъ; но сами инсургенты имѣли еще меньше надежды на успѣхъ. Это были почти все только молодые люди, безъ всякаго значенія въ обществѣ и даже въ собственной партіи. Простолудины, разочарованные безплодностью іюльской революціи, не приставали къ новому движенію, разсуждая, что и на этотъ разъ успѣхъ не принесъ бы имъ пользы. Быть можетъ, они вовлеклись бы въ движеніе, елибѣ стали во главѣ его люди съ популярными, знаменитыми именами. Инсургенты разсчитывали на содѣйствіе Лафайета и маршала Клозеля. Лафайетъ выразилъ согласіе присоединиться къ нимъ. Но самъ онъ былъ такъ дряхлъ, что не могъ ничего сдѣлать безъ помощи своихъ приближенныхъ, а они не хотѣли подвергать опасности его сѣдую голову, и согласіе, данное лично имъ помогать инсургентамъ, осталось секретомъ, не имѣвшимъ никакихъ результатовъ. Маршалъ Клозель отвѣчалъ инсургенту, который велъ съ нимъ переговоры: „Я присоединюсь къ вамъ, если вы имѣете на своей сторонѣ хотя одинъ полкъ“. — „Если бы теперь былъ у насъ хотя одинъ полкъ, мы не нуждались бы въ васъ“, сказалъ инсургентъ. При такомъ безсиліи, даже настоящіе предводители республиканской партіи въ палатѣ депутатовъ и въ журналистикѣ считали безнадежнымъ дѣло возстанія, начатое безъ нихъ, и не захотѣли присоединиться къ отчаянной попыткѣ немногихъ энтузіастовъ. Они собрались на совѣщаніе въ конторѣ National'a, въ 8 часовъ вечера (5 января). Арманъ Каррель, самый сильный человекъ своей партіи, доказывалъ, что возстаніе не можетъ имѣть успѣха, и поддерживать инсургентовъ значило бы только увеличивать число жертвъ. Нужны были безстрашие Карреля и его репутація, чтобы говорить это въ собраніи отважныхъ людей, готовыхъ отвѣчать подозрѣніями въ трусости на благоразумный совѣтъ. Но онъ

одержалъ верхъ и республиканскіе предводители рѣшили, напереворъ собственной пылкости, не принимать участія въ возстаніи. Только немногіе второстепенные люди изъ нихъ не захотѣли покориться рѣшенію и отправились въ тѣ части города, гдѣ были построены баррикады.

Вечеромъ 5 іюня инсургенты владѣли множествомъ позицій, но всѣми ими овладѣли только потому, что не нашли сопротивленія въ караулахъ, застигнутыхъ врасплохъ. Повсюду они были чрезвычайно малочисленны и должны были удалиться, когда ночью и на слѣдующее утро явились войска. На разсвѣтъ 6 іюня въ ихъ рукахъ оставались только два пункта: площадь Бастиліи, при входѣ въ предмѣстье св. Антонія, и часть Сенъ-Мартенской улицы съ выходившими на нее въ тѣхъ мѣстахъ переулками. Не было никакого сомнѣнія, что они черезъ нѣсколько часовъ будутъ выбиты и изъ этихъ позицій.

Между тѣмъ оппозиціонные депутаты собрались у Лафита на совѣщаніе; большинство ихъ думало только о томъ, чтобы очиститься отъ подозрѣнія въ соучастничествѣ съ инсургентами. Было предложено сдѣлать манифестацію въ этомъ смыслѣ. Но нашлись люди болѣе мужественные, которые успѣли убѣдить остальныхъ, что подобный поступокъ былъ неприличенъ, имѣя видъ трусости. Тогда собраніе пришло къ мысли послать къ Луи-Филиппу депутацію, которая высказала бы ему, что система, принятая имъ, служить источникомъ всѣхъ волнеій въ обществѣ. Противъ этого говорили, что усилія депутаціи останутся безплодны, что Луи-Филиппъ подобно Карлу X имѣетъ свою неизмѣнную систему, отъ которой не захочетъ отступиться, что его ошибки происходятъ не отъ незнанія, а изъ сознательнаго разсчета. Все это было справедливо, но оппозиція считала своею обязанностью сдѣлать предостереженіе, хотя и предвидѣла его безуспѣшность. Членами депутаціи были назначены Араго (астрономъ), Одилонъ Барро и Лафитъ. Отправляясь во дворецъ, депутаты узнали, что возстаніе уже почти совершенно подавлено.

Главная борьба происходила въ Сенъ-Мартенской улицѣ. Площадь Бастиліи была скоро отбита у инсургентовъ, но въ Сенъ-Мартенской улицѣ они держались довольно долго, успѣвъ построить нѣсколько баррикадъ. Тутъ было ихъ всего нѣсколько десятковъ человѣкъ и они знали, что обрекли себя на смерть. Много атакъ было ими отбито и 60 человѣкъ нѣсколько часовъ противились нѣсколькимъ батальонамъ регулярныхъ войскъ и многочисленнымъ отрядамъ національной гвардіи. Вотъ уже половина инсургентовъ была перебита, оставалось ихъ всего человѣкъ 35. Старикъ съ сѣдой бородою держалъ надъ баррикадою трехцвѣтное знамя. Пуля поразила его, но падая онъ убѣждалъ своихъ товарищей не унывать. Подлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, управлявшій движеніями инсургентовъ посредствомъ барабанныхъ сигналовъ. Пуля раздробила ему кисть лѣвой руки. „Ступай въ лазаретъ“, твердили ему. — „Пойду, когда отобьемъ солдатъ“, отвѣчалъ онъ и продолжалъ бить сигналы одной правой рукой. Одинъ изъ людей, защищавшихъ баррикаду, сказалъ, что онъ проголодался и что надобно послать за пищею. — „Стоять ли? отвѣчалъ Жанъ, командовавшій баррикадою: теперь три часа, а въ четыре насъ не будетъ на свѣтѣ“. Регулярныя войска не могли одолѣть эту горсть людей. Надобно было привезти пушки. Баррикада была разбита ядрами; тогда нѣсколько человѣкъ инсургентовъ, оставшихся живыми, пробились штыками сквозь ряды войска, нѣсколько человѣкъ другихъ ушли въ сосѣдній домъ и продолжали

такъ защищаться. Они отстаивали комнату за комнатой, этажъ за этажемъ, наконецъ черезъ кровлю перелѣзли въ ближайшій домъ и спаслись. Всего тутъ было человекъ 25; 17 изъ нихъ были убиты, 5 или 6 человекъ ушли черезъ кровлю, двое, раненные, были спасены докторомъ. Вообще сопротивление было такъ продолжительно и упорно, что сами побѣдители не могли потомъ понять, какимъ образомъ такъ долго защищались отъ нихъ нѣсколько десятковъ человекъ.

Между тѣмъ, депутація, посланная оппозиціею, явилась въ Тюильрійской дворецъ. Луи-Филиппъ, всегда умѣвшій владѣть собою и одаренный замѣчательнымъ мужествомъ, сохранялъ во все время опасности спокойствіе духа и теперь принялъ депутацію съ обыкновенною своею любезностію. Депутаты исполнили свое порученіе твердо. Они сказали королю, что послѣ побѣды, имъ одержанной, удобно ему исправить прежнія ошибки для успокоенія всеобщаго неудовольствія, что минута побѣды должна быть эпохою переменъ въ его системѣ, что онъ теряетъ свою популярность, что два возстанія, произошедшія почти одновременно на западѣ и въ Парижѣ, показываютъ гибельность политики, получившей господство послѣ отставки Лафита. Луи-Филиппъ, никогда не затруднявшійся отвѣтомъ, возразилъ на это, что если Парижъ обогрѣлся кровью, въ этомъ виноватъ духъ партій; что если, сдѣлавшись королемъ Французскимъ, онъ лишился популярности, какую имѣлъ, будучи герцогомъ Орлеанскимъ, то это не удивительно послѣ клеветы, какой онъ постоянно подвергается отъ враждебныхъ партій. Строгость, выказываемая правительствомъ, продолжалъ онъ, необходима для подавленія постоянныхъ нападеній на него, и въ отчетѣ оппозиціонныхъ депутатовъ всѣ обвиненія — несправедливый вымыселъ. Послѣ этого официального общаго рѣчей начался разговоръ въ томъ же духѣ. Луи-Филиппъ съ гордостью говорилъ, что ошибаются люди, приписывающіе собственно Казимиру Перье ту систему, которой слѣдовало министерство Перье; онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, увѣряя, что система принадлежитъ ему самому, Луи-Филиппу, и что Перье былъ только орудіемъ его воли. Въ этомъ онъ былъ совершенно правъ.

Въ разговорѣ съ депутаціею, Луи-Филиппъ обѣщался не принимать никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для преслѣдованія участниковъ и предать ихъ законному суду. Это слово не было сдержано: Парижъ былъ объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи, хотя миновалась всякая опасность. Черезъ это судъ надъ обвиняемыми въ возстаніи передавался военнымъ комиссіямъ. Изъ всѣхъ королевскихъ совѣтниковъ, самымъ горячимъ образомъ требовалъ осаднаго положенія Тьеръ. Полиція произвела множество арестовъ и обысковъ. Было между прочимъ приказано арестовать Армана Карреля. Но совершенно неизвинительно было то, что правительство приказало медикамъ и хирургамъ доносить о раненыхъ, которые поступили къ нимъ въ госпитали или будутъ лечиться на дому. Не нашлось ни одного человека изъ докторовъ, который былъ бы столь низокъ, чтобы исполнить это требованіе.

Парижъ ропталъ. Военно-судныя комиссіи начали процессы противъ заговорщиковъ. Но по первому-же приговору, произнесенному одною изъ этихъ комиссій, была подана апелляція въ кассационный судъ, и онъ, выслушавъ Одилона Барро, бывшаго защитникомъ обвиненнаго, уничтожилъ приговоръ, признавъ, что преданіе обвиняемаго военному суду составляло превышеніе власти и нарушало конституцію. Это былъ тяжелый ударъ для правительства, признаннаго виновнымъ въ

такой же незаконности распоряжений, какою произведены были июльскія событія. Осадное положеніе было снято и процессы переданы законному уголовному судилищу. Изъ 22 человекъ обвиненныхъ только 5 были осуждены, остальные оправданы. Изъ осужденныхъ самому тяжелому наказанію подвергся Жаняъ, командовавшій баррикадою Сень-Мартенской улицы: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ. Остальные подверглись заключенію въ тюрьму на небольшое число лѣтъ. Эта многочисленность оправданій и мягкость наказаній также свидѣтельствовала о глубокомъ недовольствѣ общественнаго мнѣнія господствующею системою. Такимъ образомъ изъ трехъ партій, привимавшихъ участіе въ дѣлѣ 5 и 6 іюня, каждая въ свою очередь подвергла себя пораженію по собственной нерасчетливости. Династическая оппозиція, вовсе не хотѣвшая возстанія, компрометировала себя соглашеніемъ на демонстрацію, которая неизбѣжно вела къ вооруженному столкновенію. Республиканцы расчетливо шли къ той цѣли, каковую дѣйствительно имѣли, но выбрали для взрыва неудобное время и преждевременностью борьбы навлекли на себя неудачу, отъ которой долго не могли оправиться. Наконецъ консервативная партія и Луи-Филиппъ, восторжествовавъ надъ противниками, надѣлали такихъ неловкостей, что только усилили прежнее неудовольствіе и послѣ побѣды увидѣли себя въ положеніи худшемъ прежняго.

Этотъ ходъ дѣла приводитъ насъ къ заключенію, какое вообще выводится почти изъ всѣхъ катастрофъ. Напрасно было бы думать какой нибудь партіи, что вредъ, наносимый противникамъ, непременно долженъ обратиться ей въ пользу. Нѣтъ, дѣйствительно существуютъ выше всѣхъ вопросовъ о побѣдѣ той или другой партіи интересы цѣлаго общества, и тѣ дѣйствія, которыя вредятъ имъ, приносятъ въ результатѣ вредъ не однимъ противникамъ, но всѣмъ безъ исключенія, въ томъ числѣ даже людямъ, основывающимъ свой успѣхъ на нихъ. Есть мѣры, къ которымъ никогда не долженъ прибѣгать расчетливый человекъ, какъ бы гибельны ни были онѣ для людей ему ненавистныхъ. Мы говоримъ это не съ точки зрѣнія нравственности или гуманности, а даже просто съ точки зрѣнія выгоды, эгоистическаго расчета. Династическая оппозиція хотѣла повредить правительству, и дѣйствительно подвергла его бѣдѣ. Но что ова выиграла сама? Она только компрометировала себя. То же самое надобно сказать и о республиканцахъ, и о консерваторахъ, руководимыхъ Луи-Филиппомъ. Эти три партіи были смертельно враждебны другъ съ другомъ, но для каждой изъ нихъ одинаково было бы лучше, еелибъ не произошло событій 5 и 6 іюня. Каковы бы ни были цѣли извѣстной партіи, но каждая должна была бы помнить, что нанесеніе вреда обществу не можетъ быть полезно даже и для частныхъ ея цѣлей. Конечно, хорошо говорить это людямъ спокойно смотрящимъ издали на историческую борьбу, и почти нѣтъ человеку возможности удержаться отъ опрометчивыхъ дѣйствій, когда онъ охваченъ вихремъ исторической жизни, влекущей къ столкновеніямъ, столь же неизбѣжнымъ, какъ и напраснымъ. Но если уже нельзя удержаться отъ вредной растраты собственныхъ силъ и общественныхъ средствъ въ безплодныхъ катастрофахъ, то надобно по крайней мѣрѣ помнить, что есть другой гораздо спокойнѣйшій путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, путь ученаго изслѣдованія; и надобно было бы не безславить тѣхъ немногихъ людей, которые работаютъ на этомъ пути за всѣхъ насъ, увлекающихся пристрастіемъ къ виѣшнимъ событіямъ и къ эффектному драматизму собственно такъ называемой политической исторіи.

Мы обыкновенно не помнимъ и этого. Мыслители, отыскивающіе средства къ отстраненію тѣхъ недостатковъ, изъ которыхъ проистекають гибельныя для всего общества катастрофы, подвергаются насмѣшкамъ и клеветамъ общества, которому хотятъ помочь. Довольно нелѣпнымъ образомъ, за основаніе для порицаній и гонимій берется то, что они нововводители. Но вѣдь въ томъ именно и состоитъ общественная потребность, что старыя отношенія не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ жизни, стало быть должны замѣниться новыми.

Мы видѣли, изъ чего проистекали волненія, смущавшія Францію при іюльской монархіи, — источникомъ всѣхъ ихъ и самаго іюльскаго переворота былъ тотъ же самый фактъ, который служилъ причиною всѣхъ важныхъ событій французской исторіи съ конца прошлаго вѣка. Либералы, совершившіе іюльскій переворотъ, не могли бы ничего сдѣлать, елибѣ не помогли имъ парижскіе простолюдины. Тѣ же простолюдины давали силу людямъ, низвергнувшимъ старинное французское устройство въ концѣ прошлаго вѣка. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своимъ защитникомъ отъ возвращенія стараго порядка дѣлъ. Когда они убѣдились, что Наполеонъ дѣйствуетъ въ свою, а не въ ихъ пользу, они покинули его, и только это охлажденіе массы къ Наполеону дало возможность низвергнуть его въ 1814 году. Когда она увидѣла, что при Бурбонахъ не стало для нея лучше, чѣмъ было при Наполеонѣ, она низвергла ихъ, въ надеждѣ пріобрѣсти нѣчто лучшее безъ нихъ. Источникомъ всей силы, какую имѣло то или другое французское правительство, бывала надежда массы, что оно благоприятно для нея; недовольство ея своимъ положеніемъ было всегда причиною катастрофъ. Изъ чего же происходило это недовольство?

Не изъ политическихъ убѣжденій: масса одинаково была предана сначала республикѣ, потомъ абсолютной монархіи Наполеона. Къ политическимъ формамъ въ сущности была она равнодушна. Ея требованія относились къ предметамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тою или другою политическою формою, — самымъ яснымъ свидѣтельствомъ тому служило Ліонское возстаніе 1832 года, о которомъ рассказывали мы въ прошлый разъ. И если политическія формы падали одна за другою по неудовлетворенности этихъ требованій при каждой изъ нихъ, то повидимому люди всѣхъ политическихъ партій должны бы радоваться попыткамъ мыслителей къ пріисканію средствъ для удовлетворенія потребностей массы: какова бы ни была форма политическаго устройства, предпочитаемая извѣстною партіею, все равно, эта форма могла получить прочность только отъ разрѣшенія вопросовъ, составлявшихъ предметъ изслѣдованія для тѣхъ мыслителей, которые заботились пріискать средства къ удовлетворенію потребностей массы. Но всѣ политическія партіи — абсолютисты, конституціонисты, республиканцы — одинаково возставали противъ этихъ попытокъ, которыми пролагался единственный путь къ успокоенію общества. Республиканцы сдѣлали такую ошибку въ 1848 году: теперь, при іюльской монархіи, дѣлали ее консерваторы и умѣренные либералы.

Первою изъ попытокъ найти способы къ удовлетворенію потребностей массы былъ во Франціи въ нашемъ вѣкѣ сенъ-симонизмъ. Его основатели были подвергнуты судебному преслѣдованію вскорѣ послѣ событій, произошедшихъ изъ манифестаціи при похоронахъ Ламарка.

III.

VIII. Процессъ Меньиьмонтаяскаго семейства.

Приверженцы новыхъ политическихъ и общественныхъ идей постоянно жаждутся на то, что ихъ предшественники и предводители подвергались и подвергались преслѣдованіямъ, какъ враги общественнаго спокойствія, люди вредные для общества. Но жаловаться тутъ ровно не на что. Преслѣдованіе — натуральная участь новизны не въ однихъ общественныхъ идеяхъ, а рѣшительно во всеихъ: и въ отвлеченной наукѣ, и въ искусствѣ. Вспоинимъ: огромное большинство врачей очень долго называло нелѣпностью открытіе Гарве, что кровь не стоитъ, а течетъ въ нашихъ жилахъ; вспоинимъ: огромное большинство математиковъ и натуралистовъ очень долго называло нелѣпностью законъ тяготѣнія, открытый Ньютономъ. Смотри по тому, къ какой сферѣ относится новизна, различна бываетъ и форма возбуждаемаго ея преслѣдованія. Если дѣло относится въ отвлеченной наукѣ, челоуѣкъ вводящій новую идею заслуживаетъ репутацію невѣжды и сумасброда; если дѣло относится къ невиннымъ, безвреднымъ и бесполезнымъ искуствамъ, челоуѣкъ за новизну идей провозглашается лишеннымъ излщнаго вкуса, безталаннымъ фантазеромъ, — такимъ долго считали Грѣза, вздумавшаго ввести простоту и челоуѣческое чувство во французскую аффектированную и холодно-сладооустрасную живопись. Если дѣло относится къ обществу, въ политикѣ, то, конечно, и отрицательное возданіе должно имѣть административный и юридическій характеръ. Этому такъ и слѣдуетъ быть, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи общества. Быть можетъ, когда состояніе массы измѣнится, когда она будетъ руководиться собственными, а не чужими внушеніями въ своихъ интѣнсахъ объ общественныхъ дѣлахъ, — очень можетъ быть, что тогда будетъ иначе; но это время еще очень далеко, а до той поры новыя общественныя идеи должны по всѣмъ возможнымъ основаніямъ и разсчетамъ подвергаться преслѣдованію, какъ бы полезны въ сущности ни были.

По нашему разсказу о фавтахъ, составлявшихъ такъ называемую исторію въ первые годы іюльской монархіи, можно уже достаточно судить о томъ, каковы были существенныя потребности французской націи, хорошо ли удовлетворялись онѣ и много ли заботились о ихъ удовлетвореніи существовавшія тогда власти. Мы видѣли, что народъ, пробужденный изъ своей обычной летаргіи іюльскими днями, ежедневно грозилъ возстаніемъ, что уже и было довольно много попытокъ возстанія въ Парижѣ и Ліонѣ, единственныхъ двухъ пунктахъ, гдѣ масса народа такъ велика, что можетъ, хотя по временамъ, одушевляться сознаніемъ своихъ силъ. Мы видѣли, что половина всѣхъ правительственныхъ заботъ тратилась на подавленіе возстаній, а другая употреблялась на устройство личныхъ отношеній Луи-Филиппа; у правительства не оставалось времени позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыми вызывались смуты, подвергавшія опасности его существованіе; а между тѣмъ смуты возникали изъ тяжелыхъ обстоятельствъ массы. Для облегченія судьбы народа не было ничего дѣлано правительствомъ; она почти не занимала и либеральную часть палаты, увлеченную въ споры противъ правительства по вопросамъ, быть можетъ очень интереснымъ для образованныхъ и зажиточныхъ

сословій, но не имѣвшимъ никакого прямого отношенія къ матеріальнымъ нуждамъ массы народа. При такой беззаботности правительства и самихъ депутатовъ о народѣ, надобно было заняться заботою о его судьбѣ людямъ, не имѣвшимъ никакого официальнаго характера, никакой власти, такъ называемымъ теоретикамъ. Первая теорія объ улучшеніи народнаго быта, обратившая на себя большое вниманіе во французскомъ обществѣ, стала извѣстна подъ именемъ сень-симонизма, хотя самъ Сень-Симонъ положилъ только общія, очень неопредѣленные основанія ей, а школа людей, гордившаяся названіемъ его учениковъ, переработала и развила мысли учителя такъ, что придала имъ значеніе, какого онѣ вовсе не имѣли у самаго Сень-Симона.

Первыя проявленія новыхъ общественныхъ стремленій всегда имѣютъ характеръ энтузіазма, мечтательности, такъ что болѣе походятъ на повзю, чѣмъ на серьезную науку. Таковъ былъ и характеръ сень-симонизма. Чтобы понять, какими образомъ могли дойти до фантастическихъ грезъ въ своихъ реформаторскихъ идеяхъ люди, оказавшіеся впоследствии очень практичными дѣльцами, мы должны нѣсколько ближе всмотрѣться въ тогдашнее положеніе французскаго общества.

Теперь французъ только по преданію знаетъ о порядкѣ дѣлъ, господствовавшемъ до временъ большой революціи. Хорошъ или дуренъ новый порядокъ вещей, но нація уже свыклась съ нимъ и безвозвратно отдѣлилась мыслью отъ дореволюціонной старины. Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ было не то: въ націи оставались еще живыя воспоминанія о феодальной старинѣ, о средневѣковомъ бытѣ, уничтоженномъ революціею. Революція ве исполнила всѣхъ надеждъ, ею возбуждавшихся; не уничтожила бѣдности народа, давъ ему политическія права. У многихъ родилась мысль, что новый порядокъ, оставляющій каждого на произволъ судьбы, хуже прежняго, при которомъ простолюдинъ, находясь въ гражданской зависимости отъ аристократа, пользовался его покровительствомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ старину, и бѣдствія настоящаго располагали придавать серьезное значеніе старинному преданію о покровительствѣ отъ высшаго низшему. Конечно, это расположеніе идеализировать старинныя отношенія всего скорѣе могло обольстить собою человѣка происходившаго изъ аристократіи. Ученіе Сень-Симона, основанное на мысли, что опека высшихъ надъ низшими можетъ быть полезна для низшихъ, показываетъ намъ въ реформаторѣ герцога, потомка феодаловъ, наследника средневѣковыхъ воззрѣній.

Человѣкъ необыкновеннаго ума и рѣдкаго благородства, полный пламеннаго состраданія къ бѣдствіямъ массы, Сень-Симонъ видѣлъ передъ собою ту самую картину, какую и теперь видитъ каждый; но чужія несчастія и общественныя несообразности, не возмущающія душевнаго спокойствія людей съ обыкновеннымъ сердцемъ, мучили его.

Повсюду вокругъ себя онъ видѣлъ ожесточенную борьбу: борьбу производителей между собою за сбытъ товара, борьбу работниковъ между собою за полученіе работы, борьбу фабриканта съ работникомъ за размѣръ платы, борьбу бѣдняка противъ машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежній кусокъ хлѣба; эта война называется конкурренціею и насъ увѣряютъ, что она приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда; очень можетъ быть; но страданія ея приносимыя неизмѣримо велики, потому что она губитъ всѣхъ слабѣйшихъ въ каждомъ званіи, въ каждомъ

промыслѣ. У кого больше капитала, тотъ богатѣетъ, а всѣ другіе раззоряются изъ самой свободы возникаетъ монополія милліонеровъ, порабащующихъ себѣ все; земли обременены долгами; ремесленники, сами бывшіе хозяевами, замѣняются наемными рабочими; духъ спекуляціи влечетъ общество въ отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждаго противоположна выгодѣ другихъ людей и каждый родъ занятій враждебенъ другому. Рынки завалены товарами не находящими сбыта, фабрики запираются и рабочіе остаются безъ хлѣба. Всѣ открытія науки обращаются въ средства порабощенія и оно усиливается самимъ прогрессомъ: пролетарій дѣлается просто рукояткою машины и безпрестанно бываетъ принужденъ жить милостынею; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ остается безъ всякихъ средствъ въ жизни; его дочь продаетъ себя отъ голода, его сынъ съ семи лѣтъ дышитъ зараженнымъ воздухомъ фабрикъ. Таково было матеріальное положеніе общества, представлявшееся Сень-Симону.

Тотъ же самый хаосъ видѣлъ онъ и въ нравственной жизни общества: оно не имѣло никакихъ твердыхъ убѣжденій, оно только привыкло слышать, что все вздоръ, кромѣ личной денежной выгоды. Самый бракъ сталъ просто коммерческою сдѣлкою, денежнымъ расчетомъ: женихъ продаетъ себя, невѣсту продаютъ. При такомъ началѣ невозможно хорошее продолженіе супружеской жизни: мужъ всегда невѣренъ жепѣ, жена почти всегда измѣняетъ мужу, супружеское счастье — рѣдкость, которой никто даже не вѣритъ; едва умираетъ человекъ, надъ его трупомъ начинаются ссоры и процессы изъ-за наслѣдства: общественная жизнь наполнена жесточайшею враждою между родными; эта гнусность простирается до того, что безпрестанно возникаютъ тяжбы у дочери съ отцемъ за имущество матери, у сына съ матерью за имущество отца. Вотъ какова семейная жизнь зажиточныхъ сословій. Для простолюдина съ каждымъ днемъ уменьшается возможность имѣть семейство: молодой человекъ не имѣетъ средствъ содержать жену, дѣвушка находитъ любовника, но не находитъ мужа; супружество замѣняется наложничествомъ. А если бѣднякъ по безразсудству женится, онъ принужденъ не воспитывать дѣтей, а дѣлать ихъ орудіями, помогающими прокормленію семьи: маленькіе мальчики и дѣвочки уже работаютъ на фабрикахъ, погибая тѣломъ отъ чрезмѣрной работы, погибая душою отъ преждевременнаго разврата: имъ нужно было бы подышать свѣжимъ воздухомъ, поиграть, а они заперты въ душной мастерской, въ которой перемѣшаны оба пола и происходятъ грязныя сцены. Каждый день въ пять часовъ утра тѣснится у дверей фабрики толпа этихъ несчастныхъ дѣтей, блѣдныхъ, слабыхъ, съ потусклымъ взоромъ, съ спиною уже сторбленною, какъ у стариковъ. Шарль Дюпенъ уже докладывалъ палатѣ пѣровъ, что изъ тысячи молодыхъ людей, призываемыхъ въ мануфактурныхъ департаментахъ на очередь по конскрипціи, 898 человекъ оказываются неспособными къ военной службѣ по болѣзненности или изуродованности.

Мы уже видѣли, чѣмъ были поглощены силы правительства: не заботами объ общественномъ благѣ, а личными интригами, отчаянными усиліями поддержать свое существованіе, бесплодными для народа турнирами ораторскаго краснорѣчія; мы видѣли, что депутаты были представителями одного зажиточнаго сословія, находившаго выгоду себѣ при общественномъ устройствѣ, столь тяжеломъ для массы: они не имѣли и мысли преобразовать его; притомъ же въ числѣ депутатовъ было столько чиновниковъ, безусловно зависящихъ отъ правительства, что министры

всегда и во всемъ имѣли за себя большинство, и не могло пройти черезъ палату ничто не поддерживаемое министрами.

Все это возмущало Сень-Симона. Онъ сталъ думать о необходимости совершенно перестроить общественный бытъ. Онъ былъ потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Франціи, герцога, богачъ; онъ пожертвовалъ всѣмъ для изслѣдованій о средствахъ улучшить положеніе страдавшихъ простолюдиновъ. Прежде всего, онъ считалъ нужнымъ изучить природу человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ самыхъ изысканныхъ до самыхъ грубыхъ, отъ самой высокой добродѣтели до низкихъ пороковъ. Самъ будучи человѣкомъ чистѣйшей нравственности, онъ вошелъ въ развратнѣйшіе круги, чтобы изучить, какими причинами и влеченіями обольщаются порочные люди; серьезный ученый, онъ сдѣлалъ свой домъ центромъ легкомысленныхъ забавъ аристократическаго общества, чтобы видѣть, почему становится человѣкъ пустымъ и легкомысленнымъ. Блестящіе балы смѣнялись у него собраніями ученыхъ, потому что онъ хотѣлъ также наблюдать, какимъ образомъ проявляется въ человѣкѣ стремленіе къ знанію. Изучивъ самымъ близкимъ наблюдешемъ высшія потребности человѣка и уклоненія, возникающія отъ изысканной цивилизаціи, онъ захотѣлъ узнать, что такое бѣдность; тутъ наблюденіе казалось ему недостаточнымъ, нуженъ былъ собственный опытъ и притомъ серьезный, а не шуточный: онъ преднамѣренно, обдуманно, расчетливо раззорился и конецъ своей жизни провелъ въ величайшей бѣдности, добывая пропитаніе ремесломъ переписчика. Такая жизнь свидѣтельствуетъ объ экзальтаціи филантропической любознательности, о фанатической преданности дѣлу, похожей на мономанію. Эта черта отразилась и на теоріи, которую извлекъ онъ изъ своихъ изумительныхъ опытовъ.

Сень-Симонъ видѣлъ въ исторіи человѣчества прогрессивное движеніе и замѣчалъ, что по временамъ оно чрезвычайно усиливается, а потомъ человѣкъ ищетъ отдыха въ состояніи временной почти совершенной неподвижности, чтобы, собравъ силы въ этомъ отдыхѣ, снова броситься въ стремительное движеніе. Поэтому онъ раздѣлялъ исторію на два разряда періодовъ, смѣняющихся одинъ другимъ: періоды, въ которыхъ владычествуетъ какая нибудь система понятій и учрежденій, вышедшая изъ предъидущей эпохи движенія; эта система представляетъ нѣчто связанное, стройное, хорошее или дурное, но гармонирующее во всѣхъ своихъ частяхъ: отдыхающее человѣчество подчиняется этой системѣ; такія эпохи Сень-Симонъ называлъ органическими. Собравъ силы, человѣчество принимается передѣлывать прежнюю систему своихъ понятій и учрежденій, является отрицаніе, разрушеніе, борьба защитниковъ старивы съ нововводителями во всѣхъ отрасляхъ жизни; такія эпохи передѣли онъ называлъ критическими. Онъ видѣлъ органическую эпоху въ язычествѣ до Сократа, потомъ критическую эпоху разрушенія язычества, смѣнивши его христіанскими понятіями и учрежденіями; когда христіанство окончательно восторжествовало въ Европѣ, западное человѣчество снова успокоилось въ органической эпохѣ, продолжавшейся до Лютера; съ Лютера снова началась и до сихъ поръ продолжается критическая эпоха. Задача Сень-Симона состояла въ томъ, чтобы найти систему понятій и учрежденій, на которыхъ снова могло бы успокоиться общество.

Онъ замѣчалъ, что общество дѣлится на трудящихся и праздныхъ; ему казалось, что сообразна съ стремленіями общества будетъ только такая система, въ которой будутъ господствовать трудящіеся. Для этого необходимо имѣть организоваться.

Первымъ основаніемъ организаціи трудящихся Сень-Симонъ находилъ ихъ распредѣленіе на три разряда по тремъ главнымъ способностямъ, которымъ соотвѣтствуетъ ихъ трудъ. Человѣкъ чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ; Сень-Симонъ раздѣлялъ трудящихся на артистовъ, трудъ которыхъ дѣйствуетъ на чувство, на ученыхъ, развивающихъ человѣческую мысль, и на промышленныхъ людей (*les industriels*), исполняющихъ потребности, удовлетворяемыя матеріальною дѣятельностью. Теперь надобно было найти законъ, по которому опредѣлялись бы взаимныя отношенія этихъ классовъ.

Въ мысляхъ, внушившихъ Сень-Симону рѣшеніе этого вопроса, видны сильныя слѣды католическихъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ: его теорія приходила къ полному отрицанію католичества, такъ же какъ и всѣхъ формъ протестантства, но выросла она на почвѣ католичества. Ему казалось, что до Лютера католичество въ самомъ дѣлѣ служило очень сильной нравственной связью между всѣми народами и сословіями западной Европы, какъ увѣряютъ католическіе писатели; ему казалось, что католичество до Лютера въ самомъ дѣлѣ было элементомъ прогресса въ исторической жизни, имѣло на нее благотворное вліяніе. Онъ думалъ, будто бы паденіе этой предполагаемой нравственной связи, никогда не бывшей дѣйствительно сильною въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ей Сень-Симонъ, — будто бы это паденіе оставило въ сердцѣ человѣка и въ общественныхъ учрежденіяхъ пустоту, которую надобно наполнить новымъ подобнымъ учрежденіемъ. Разузнется, это мнѣніе было фантазмагорією: человѣчество ровно ничего не потеряло отъ замѣны папской власти въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ властью духовенства, не признававшего папу, хотя (надобно признаться) мало и выиграло отъ той формы, какую приняла реформація въ Германіи и Англіи, потому что лютеранство и англиканство сохранили въ себѣ прежній католическій духъ. Власть надъ умами необразованныхъ сословій и немыслящаго большинства образованныхъ сословій, принадлежавшая католичеству до Лютера, осталась и послѣ Лютера у католичества въ южной Европѣ, подобнаго католичеству протестантства въ сѣверной Европѣ; а малочисленные мыслящіе люди, непризнающіе этихъ опеку, не признавали и католической опеки въ Среднихъ вѣкахъ. Можетъ быть, число такихъ людей постепенно увеличивается; но это возрастаніе самостоятельной части общества просто слѣдствіе постепеннаго развитія и распространенія наукъ, и эти люди уже не могутъ быть возвращены подъ умственную опеку, какъ не возвращались подъ нее и въ Средніе вѣка.

Сень-Симону казалось иначе. Онъ думалъ, будто бы католичеству принадлежала власть надъ развитыми умами и будто бы можно возстановить надъ ними владычество авторитета; онъ думалъ, что этимъ возстановленіемъ внесется въ общество гармонія понятій, что изъ гармоніи понятій возникнетъ гармонія стремленій и дѣйствій, которая приведетъ людей къ благоденствію. Какимъ же способомъ создать эту власть надъ умами?

Сначала Сень-Симону казалось, что она должна возникнуть изъ сословія ученыхъ и онъ придумалъ очень фантастическій способъ помочь ей возстановленію. Въ „Письмахъ жителя Женевы къ его современникамъ“ онъ предлагалъ открыть подписку на гробъ Ньютона; участвовать въ этой подпискѣ призывались бы всѣ: богатые и бѣдные, мужчины и женщины; каждый далъ бы, сколько можетъ и хочетъ, и, давая свое пожертвованіе, назначалъ бы нѣсколькихъ людей изъ числа

ученыхъ и художниковъ, авторитету которыхъ онъ наиболѣе вѣрить; по проэктъ Сень-Симона, онъ долженъ былъ назначить трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физиологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ. Собранныя подпискою деньги распредѣлились бы между учеными и артистами, получившими извѣстное число голосовъ, а тѣ двадцать одинъ человекъ изъ ученыхъ и артистовъ, которые получили наибольшее число голосовъ, составили бы „Ньютоновъ Совѣтъ“, который взялъ бы въ свои руки умственное и нравственное управление народами, направлялъ бы ихъ къ одной общей цѣли и водворялъ бы повсюду гармонію понятій.

Само собою разумѣется, что эта наивная фантазія никого не очаровала. Видя неуспѣхъ, Сень-Симонъ сталъ доискиваться его причинъ и ему повезло, что онъ заключаются не въ самой сущности его мысли, совершенно непригодной къ исполненію, а только въ подробностяхъ придуманнаго имъ способа. Ему показалося, что напрасно онъ обратился къ ученымъ, потому что ученые — сословіе безжизненное, сухое, не имѣющее инициативы, неспособное развивать новыя мысли, а только принимающее идеи, выработанныя другими сословіями. Живой элементъ въ обществѣ составляетъ промышленность; она быстро развивается и ведетъ общество, куда хочетъ. Сень-Симонъ подумалъ, что исполнителями его мыслей будутъ промышленные люди. Онъ придумалъ проэктъ общественнаго устройства, по которому правитель былъ бы не главою бюрократическаго принципа, не представителемъ государства въ дипломатическихъ и военныхъ дѣлахъ, а главою промышленныхъ людей; министрами его были бы просвѣщенные промышленники; заботою ихъ было бы обращать государственные доходы на развитіе промышленности; система налоговъ была бы устроена такъ, чтобы давать трудящимся людямъ совершенный перевѣсъ надъ праздными въ государственной жизни. Но черезъ нѣсколько времени, Сень-Симонъ увидѣлъ несостоятельность и этого плана: промышленные люди, подобно ученымъ, оказались неспособными осуществить мысли реформатора и ему оставалось только обратиться къ артистамъ.

Съ каждою передѣлкою Сень-Симонъ пополнялъ свою теорію и въ этой послѣдней передѣлкѣ она получила наконецъ тотъ видъ, въ которомъ послужила основаніемъ такъ называемаго сень-симонизма, развитаго, какъ мы замѣтили, не самимъ родоначальникомъ школы, а ужъ его учениками.

Коренною идеею Сень-Симона въ послѣднемъ видѣ его теоріи служить любовь. При нынѣшнемъ положеніи общества обязанность любить ближняго какъ брата должна состоять въ заботѣ о наискорѣйшемъ возможномъ улучшеніи матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Въ этомъ и состояла цѣль папской власти, пока папы оставались вѣрны своему назначенію: тогда они и господствовали надъ міромъ. Но въ самомъ основномъ принципѣ папства былъ уже важный недостатокъ, портившій все дѣло. Католичество учило, что власть папы ограничивается только религіозною, умственною, нравственною жизнью человекъ, а мірскія, матеріальныя дѣла подлежатъ вѣдомству свѣтской власти. Изъ этого возникъ дуализмъ паны и императора, характеризующій Средніе вѣка. Лишенное заботы о матеріальныхъ интересахъ людей, католичество тратило свои силы въ бесплодныхъ отвлеченныхъ изслѣдованіяхъ, не приносящихъ никакой матеріальной пользы людямъ. Въ своемъ безспіи надъ матеріальною жизнью, папство дошло до того, что обратило въ принципъ, въ нрав-

ственную обязанность свое пренебреженіе къ этой сторонѣ жизни, отнятой изъ-подъ его вѣдомства свѣтскою властью, стало говорить, что человѣкъ долженъ презирать свое тѣло. Единственнымъ утѣшителемъ для многочисленнѣйшаго класса, страдающаго отъ матеріальныхъ нуждъ, папство выставило фразу: „терпѣніе есть добродѣтель, физическое страданіе ведетъ къ духовному наслажденію;“ оно обольщало людей фантазмагорією, потому что не въ силахъ было оказать имъ дѣйствительной помощи. Этого утѣшенія, по мнѣнію Сень-Симона, могло быть достаточно для тѣхъ временъ, когда свѣтская власть обнаруживалась только войною и завоеваніями. Но пришло другое время, когда она стала развиваться путемъ промышленности: тогда католичество было потрясено до самыхъ основаній, потому что для промышленности нужна была новая наука, а католичество не давало ея, и господство надъ умами перешло въ руки мірянъ. Кенлеръ, Гуттенбергъ, Медичи, родоначальники и покровители новой науки, новыхъ искусствъ, были міряне; математика, физика, фізіологія, астрономія развивались трудами мірянъ и свѣтское общество получило господство надъ человѣческими понятіями; тогда католичество должно было пасть, явился Лютеръ и прежняя власть папы надъ умами исчезла. Папа утратилъ свое значеніе, когда свѣтское общество повело людей по пути улучшенія участи многочисленнѣйшаго класса. Но и Лютеръ въ свою очередь не возстановилъ истиннаго значенія духовной власти, потому что подчинилъ ее свѣтской власти. Притомъ же онъ изгналъ изъ протестантства артистическій элементъ, соотвѣтствующій одной изъ трехъ главныхъ способностей человѣка — чувству. Протестантство разрушило папскую власть, но само оказалось неудовлетворительнымъ, и общество нуждается теперь въ духовной власти, которая обнимала бы всѣ потребности человѣка и вела бы людей къ цѣли христіанства, къ улучшенію судьбы многочисленнѣйшаго класса, дѣйствуя на чувство черезъ артистовъ, на умъ черезъ ученыхъ, на матеріальныя дѣла черезъ промышленныхъ людей; эта власть должна создать систему, по которой устремляла бы она всѣхъ людей къ одной общей цѣли посредствомъ силы своего тонкаго чувства, глубокой науки и неутомимой дѣятельности. Сень-Симонъ думалъ, что нашелъ теорію этой власти и призванъ создать ее.

Намъ нѣтъ нужды объяснять передъ читателями, что вся его теорія возникаетъ изъ ошибочныхъ представленій о роли, будто бы принадлежавшей католичествому, и о возможности держать умъ развитыхъ людей подъ опекою авторитета. Сень-Симонъ называлъ свою теорію новымъ религіознымъ ученіемъ и дѣйствительно отвергалъ католическіе догматы; но догматическая разница не мѣшала его системѣ принадлежать къ тому же самому разряду нравственныхъ явленій, къ какому относилось католичество. Проникнутый его духомъ, Сень-Симонъ не замѣчалъ, что притязанія католичества на власть надъ умами всегда были неудачны, даже въ Средніе вѣка: люди назывались католиками, исполняли католическіе обряды, потому что ихъ заставляли дѣлать это, или по машинальной привычкѣ; но въ сущности каждый руководился или житейскими или учеными понятіями совершенно иного рода: люди и въ Средніе вѣка хлопотали о богатствѣ, о почестяхъ или бились изъ-за куска хлѣба; они ненавидѣли другъ друга въ случаѣ столкновешя выгодъ, они безпрестанно сражались между собою, хотя и носили одинаковое имя католиковъ; каждый изъ нихъ всегда радъ былъ послушаться панскаго приказанія, трогиворѣчащаго его выгодамъ, если только имѣлъ хотя какую нибудь возмож-

ность послушаться. Сами прелаты помогали папѣ только потому, что находили въ томъ свою выгоду; всѣ умные люди между ними смѣялись въ душѣ, а часто и открыто смѣялись надъ католичествомъ, сановниками котораго были только по житейскому расчету. Сень-Симонъ хотѣлъ возстановить то, чего никогда не было, съ наивнымъ энтузіазмомъ повѣривъ пустому самохвальству папизма. А елибъ и существовала когда нибудь въ Средніе вѣка та власть надъ умами, въ существованіе которой онъ вѣрилъ, то въ наши времена существовать ей невозможно; впрочемъ напрасно мы сказали „въ наши времена“: существовать ей невозможно ни въ какія, ни даже въ самыя невѣжественныя времена. Авторитетъ существуетъ въ рутинѣ, т. е. въ дѣлахъ, въ которыхъ не участвуетъ разутокъ; разутокъ знаетъ факты, убѣждается доказательствами, но ничего не принимаетъ по авторитету. Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ часто можетъ не быть смысла, но если они совершаются съ участіемъ смысла, они бывають результатомъ собственнаго самостоятельнаго соображенія обстоятельствъ и доказательствъ, а не внушеніемъ авторитетовъ. Думать иначе, вѣрить въ возможность авторитета, которому свободно подчинился бы развитый разумъ, могъ только энтузіастъ, экзальтированный фальшивыми рассказами о прежней благотворительности папизма. Кому угодно, тотъ можетъ хохотать надъ такою наивностью; но серьезный человѣкъ, не станетъ обращать большаго вниманія на ошибочныя гипотезы, посредствомъ которыхъ Сень-Симонъ развивалъ свою основную идею, не станетъ много заниматься разоблаченіемъ фантастичности тѣхъ средствъ, какими онъ думалъ осуществить ее: всѣ эти слабыя стороны очевидны каждому, не доведенному экзальтаціею до мовоманіи. Нѣтъ, серьезный человѣкъ скорѣе посоветуетъ обратить вниманіе на основную идею, которая лежитъ подъ всѣми этими заблужденіями, выкупаешь всѣ ошибки и странности теоріи Сень-Симона. Эта идея проста и чиста: „для успокоенія общества необходимо наискорѣйшее возможное улучшеніе матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Обязанность каждаго хорошаго гражданина, каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы посвятить всѣ свои силы этому дѣлу“.

Сень-Симонъ умеръ за пять лѣтъ до іюльскихъ событій, не доживъ до такого времени, когда сильное возбужденіе общественныхъ мыслей могло бы расположить общество къ оцѣнкѣ попытокъ коренной общественной реформы и когда простолюдины, начавъ предъявлять свои требованія, заставили бы образованное общество обратить вниманіе на способы улучшить ихъ судьбу. Самоотверженный труженикъ умеръ почти незамѣченный обществомъ, имѣя только немногихъ учениковъ; но онъ умеръ исполненный вѣры въ успѣхъ своего ученія. „Жатва созрѣла, вы соберете ее“, было его послѣднее слово окружавшимъ его постель пламеннымъ послѣдоателямъ. Энтузіасты прогресса ошибаються въ одномъ: въ томъ, что цѣль ихъ будетъ достигнута ихъ путемъ; но они правы, не сомнѣваясь въ томъ, что она будетъ достигнута. Такъ не исполнилась и надежда Сень-Симона на то, что обновленіе общества будетъ произведено его ученіемъ; но мы видимъ, что съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе влечется общество къ исполненію задачи, служенію которой онъ посвятилъ себя.

Но если уцѣлѣла только основная идея и исчезла форма его стремленій, то и самая форма исчезла не безъ слѣда, не безъ замѣтнаго вліянія на развитіе европейскаго общества. У него самаго ученіе оставалось еще отвлеченною теоріею, не

принимало практическаго характера; это внесли въ его теорію ученики, принявшіеся за осуществленіе своего восторженнаго стремленія съ такимъ блескомъ, что изумленное общество стало вслушиваться въ ихъ рѣчи, присматриваться къ ихъ дѣламъ и, удивляясь имъ или смѣясь надъ ними, превознося или порицая ихъ, все равно не могло не запомнить кореннаго смысла ихъ словъ и дѣлъ, освоилось черезъ нихъ съ идеею объ улучшеніи общественныхъ учреждений сообразно съ потребностями простолюдиновъ, начало понимать, что эта задача имѣетъ въ себѣ настоятельность, неотступность, и стало нѣсколько яснѣе прежняго понимать, изъ-за чего же волнуются лонскіе ткачи и жители Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Далеко время, когда исполнится то, что нужно для благосостоянія простолюдиновъ; понять еще не значить сдѣлать: можно понимать и не хотѣть сдѣлать; а кто не можетъ захотѣть, тотъ не способенъ и порядочно понять. Таково нынѣшнее положеніе дѣла, первая громкая рѣчь о которомъ принадлежала ученикамъ Сентъ-Симона: іудеямъ кажется оно соблазномъ, а элинамъ безумствомъ. Очень не многіе люди изъ образованнѣйшихъ сословій сочувствуютъ ему настолько, чтобы въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только хотѣть его исполненія; всѣ остальные порицаютъ его, не понимая, потому что не желаютъ понять. Много еще времени нужно ему идти до успѣха. Но все-таки уже довольно много приблизилось оно въ успѣху и тѣмъ самымъ, что сдѣлалось предметомъ, всѣхъ занимающимъ, каждому извѣстнымъ, стало на очереди уже въ числѣ важнѣйшихъ заботъ общества.

Въ числѣ людей близкихъ къ Сентъ-Симону находились такіе, имена которыхъ знамениты въ наукѣ. Секретаремъ Сентъ-Симона былъ Огюстенъ Тьерри, ученикомъ Огюсть Коппъ, основатель положительной философіи, единственной философской системы у французовъ вѣрной научному духу, одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей нашего времени. Но не они остались намѣстниками учителя въ осиротѣвшемъ кругу друзей. Главою школы признанъ былъ Олиндъ Родригесъ, который скоро добровольно отрекся отъ этого титула, сказавъ, что Анфантенъ и Базаръ достойнѣе его занимать вмѣстѣ первое мѣсто, — тотъ, кто знаетъ силу тщеславія надъ человѣкомъ, обыкновенное упорство самолюбія, изъ этого одного случая можетъ видѣть, какой высоты достигалъ энтузіазмъ у главныхъ послѣдователей Сентъ-Симона: самому сказать „есть люди умнѣ меня, вотъ они, я уступаю имъ мѣсто“, — это такой фактъ, на который гораздо рѣже у людей достаеетъ нравственной силы, чѣмъ на пожертвованіе жизнью. Теорія Сентъ-Симона принимала средствомъ къ своему осуществленію авторитетъ, подчиненіе руководству старшинъ. Школа, оставшись вѣрна этому началу, предоставила разработку своего ученія признаннымъ его главамъ Анфантену и Базару, которые во всемъ совѣтовались съ Олиндомъ Родригесомъ, считавшимся за человѣка наиболѣе посвященнаго во всѣ мысли покойнаго учителя; ихъ изслѣдованія и размышленія придали ученію школы такое развитіе:

Принимая раздѣленіе людей на артистовъ, ученыхъ и промышленныхъ людей, по преобладанію въ нихъ чувства, разсудка или дѣятельной силы, сентъ-симонисты занялись точнѣйшимъ изысканіемъ того, что говоритъ исторія о ходѣ развитія этихъ трехъ сторовъ нравственной жизни.

Они находили, что въ развитіи чувства человѣчество идетъ отъ ненависти къ любви, отъ противоборства къ товариществу. Исторія показываетъ, что побѣжденные сначала были истребляемы побѣдителями; потомъ побѣдитель сталъ довольствоваться обращеніемъ побѣжденнаго въ рабство; рабство замѣнилось вѣрнопостнымъ

состоящемъ (seruage); крѣпостные люди были напослѣдокъ сдѣланы свободными, — вотъ одна черта постепеннаго ослабленія свирѣпой ненависти, перехода отъ вражды и угнетенія къ хорошинь чувствамъ. Другая черта этого развитія, постепенное исчезновеніе самыхъ источниковъ вражды, постепенная замѣна ея товариществомъ, союзомъ, видна въ образованіи государствъ. Сначала живутъ дикари разрозненными семействами, родами, которые всѣ воюють между собою. Эти семейства и роды мирятся, основываютъ города, изъ которыхъ каждый составляется союзомъ многихъ семействъ и родовъ; города, сначала враждебные между собою, сливаются въ государство, союзъ, который обнимаетъ всѣхъ ихъ; напослѣдокъ государства сливаются въ федерацію. Исторія свидѣтельствуетъ, говорили сенъ-симонисты, что человѣческій родъ идетъ въ всеобщему товариществу, основанному на любви.

Въ этомъ отдѣлѣ теоріи мы уже видимъ переходъ отъ фантастической идеализаціи къ понятіямъ болѣе сообразнымъ съ наукою. Но галлюцинація сохранила свою силу въ понятіи сенъ-симонистовъ о развитіи науки и о томъ, какой элементъ жизни былъ ея представителемъ въ давней исторіи. Они говорили, что развитіе цивилизаціи постепенно уменьшаетъ преобладаніе физическаго насилія, замѣняя его владычествомъ ума; но, подобно своему учителю, они воображали католичество представителемъ и руководителемъ умственаго явленія въ Средніе вѣка. „Какимъ величественнымъ зрѣлищемъ было католичество, организованное независимо отъ свѣтской власти, говорили сенъ-симонисты: духовная власть внушала повиновеніе себѣ умственнымъ убѣждемъ и собственными заслугами, между тѣмъ, какъ свѣтская налагала свое владычество завоеваніемъ и наслѣдственностью. Папа свободно избирался изъ простыхъ монаховъ и до самаго Льва X, который окружилъ себя дворомъ, какъ свѣтскій государь, духовная власть затмевала свѣтскую и господствовала надъ ней. Поучителенъ этотъ примѣръ: монахъ, выходя изъ своей кельи на папскій престолъ, заставляетъ самыхъ гордыхъ наслѣдственныхъ владѣтелей цаловать свою туфлю. Исторія папства въ Средніе вѣка показываетъ, что человечество идетъ къ такой организаціи, въ которой каждому будутъ давать по его способностямъ, а способность будутъ цѣнить по дѣламъ ея“. Рисуя утомить читателя повторешемъ, мы снова скажемъ, что папство никогда не играло такой роли. Папа, какъ папа, никогда не господствовалъ надъ свѣтскими государями. Обыкновеннымъ примѣромъ преобладанія духовной власти приводятъ борьбу Гогенштауфеновъ съ римскими первосвященниками, особенно борьбу Генриха IV съ Григоріемъ VІІ. Но тутъ дѣйствовали побужденія совершенно иного рода, чѣмъ послушность повелѣшямъ духовной власти: Гогенштауфены имѣли противъ себя въ Германіи нѣсколько могущественныхъ герцогскихъ династій, которыя воевали противъ нихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ; итальянцы вели противъ нѣмецкихъ завоевателей національную борьбу; у папы были союзники, находившіе житейскую выгоду поддерживать его; когда папа съ своими союзниками дѣлался врагомъ императора, другіе враги конечно ободрялись, какъ ободряется всякая держава, видя, что государство, воюющее съ ней, подвергается нападенію новыхъ враговъ. О благочестіи, о повиновеніи духовной власти тутъ такъ же напрасно говорить, какъ напрасно считать доброжелателями лютеранскаго исповѣданія тѣхъ французскихъ государей, которые воевали съ Австрією и поддерживали нѣмецкихъ протестантовъ въ то самое время, когда жгли на кострахъ французскихъ протестантовъ. Религіозныя фразы въ борьбѣ противъ Гогенштауфеновъ служили только

благовиднымъ прикрытіемъ для династическихъ расчетовъ нѣмецкимъ герцогаемъ, для національныхъ и муниципальныхъ стремленій итальянскія горадамъ. Когда папа не прятался подъ защиту этихъ житейскихъ интересовъ, его буллы и проклятія овазывались совершенно безсильны; такъ было въ спорахъ папъ съ французскими королями, не грозившими поработченіемъ итальянцамъ и умѣвшими поладить съ своими вассалами: папа проклинаетъ короля, французы не обращаютъ на это никакого вниманія; король посылаетъ въ Римъ небольшой отрядъ войска, солдаты преспокойно арестуютъ папу и предводитель ихъ даетъ папѣ пощечину въ наказаніе за буйство. Но неудачный выборъ примѣра не мѣшаетъ справедливости мысли, которую напрасно подтверждали сенъ-симонисты исторіею папства, а не анализомъ общаго вліянія, оказываемаго развитіемъ просвѣщенія на общественные нравы: исторія дѣйствительно говоритъ, что развитіе ума ведетъ къ лучшей оцѣнкѣ личныхъ заслугъ, къ замѣненію насилія убѣжденіемъ.

Въ промышленности законъ прогресса такъ же очевиденъ, продолжали сенъ-симонисты. Промышленныя привычки постоянно усиливаются, а воинственныя привычки ослабляются. Самыя войны, которыя прежде велись для грабежа областей, стали потомъ вестись для распространенія торговли съ этими областями. Римскія завоеванія имѣли не тотъ характеръ, какой имѣютъ англійскія. Итакъ человѣчество идетъ къ организаціи промышленности.

Изъ этихъ историческихъ изслѣдованій выводились три формулы, въ которыхъ, какъ и въ самыхъ изслѣдованіяхъ, основная мысль не всегда находить удачную форму для своего выраженія; вотъ эти выводы:

Человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви. Оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ. Оно идетъ къ организаціи промышленности.

Человѣчество дѣйствительно идетъ къ замѣненію вражды, принимающей въ промышленныхъ дѣлахъ форму конкуренціи, товариществомъ, союзомъ. Но совершенно напрасно ожидать, что основаніемъ этого союза можетъ служить любовь: любовь бываетъ только результатомъ, возникающимъ изъ согласія интересовъ, а основаніемъ хорошихъ отношеній служитъ расчетъ, выгода. Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ расчетомъ; да и то можетъ побуждать его только въ одномъ, въ двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все-таки остается подъ властью расчета или рутинны, обычая, т. е. того же расчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ давно и усвоившагося намъ по воспитанію. Изъ-за любви иные люди могутъ утопиться, застрѣлиться, — рѣшимость очень сильная, но обнимающая собою очень не долгое время. Но чтобы любовь измѣняла характеръ человѣка и его дѣйствій на цѣлую жизнь, этого никогда не бывало: тѣ случаи, въ которыхъ молодой человѣкъ, полюбивъ достойную женщину, отставалъ отъ дурнаго общества или отъ прежнихъ пороковъ, показываютъ только, что встрѣча въ молодыхъ лѣтахъ съ благороднымъ человѣкомъ оказываетъ хорошее вліяніе на человѣка, который имѣетъ доброе сердце и предавался порокамъ не по внутреннему влеченію къ нимъ, а только отъ неумѣнья управлять собою и по недостатку хорошихъ людей между своими прежними знакомыми. Точно такое вліяніе имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ и простое сближеніе молодого человѣка съ хорошимъ пріятелемъ или руководителемъ,

не имѣющее никакого оттѣнка сантиментальности или экзальтаціи. Но сенъ-симонисты, будучи энтузіастами подобно своему учителю, ошибочно думали, что энтузіазмъ можетъ имѣть надъ всѣми людьми постоянно такую же власть, какую имѣлъ тогда надъ ними: они не предчувствовали, что даже и въ нихъ, сопедшихся въ ученики Сенъ-Симона по особенной наклонности къ энтузіазму, эта горячка экзальтаціи скоро пройдетъ и они обратятся въ обыкновенныхъ людей, дѣйствующихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ, стануть изъ сенъ-симонистовъ купцами и банкирами, какъ Перейра, водевилистами, какъ Дюверье, фабрикантами и администраторами промышленныхъ предпріятій, какъ Казо и самъ Аяфантепъ, профессорами и учеными, какъ Мишель Шевалье, Жанъ Рено, Пьеръ Леру.

Въ своемъ энтузіазмѣ они не замѣчали, что вторая формула выражена у нихъ самымъ одностороннимъ образомъ, такъ что вмѣсто водворенія всеобщаго благосостоянія она своимъ осуществленіемъ только упрочила бы пинѣшія страданія огромнаго большинства людей. Право человѣка пользоваться житейскими удобствами они основывали только на его способностяхъ, забывая, что человѣкъ имѣетъ уже извѣстныя права просто какъ человѣкъ, независимо отъ того, умепъ онъ или глупъ: — на обширности результатовъ его дѣятельности, забывая о томъ, что у человѣка съ крѣпкими и съ слабыми мускулами желудокъ одинаково требуетъ пищи. „Каждому по его способности“: если — такъ, Ньютонъ долженъ получить сотни милліоновъ, — на что ему они? ему довольно простаго благосостоянія; для него и для другихъ людей было бы не выгодно, если бы его обратить въ Ротшильда, да онъ и не сумѣлъ бы справиться съ ротшильдовскими дѣлами; но учитель ариѳметики въ приходской школѣ, человѣкъ бѣдныхъ даровацій, едва самъ выучившійся тройному правилу, долженъ быть нищимъ, потому что онъ человѣкъ очень ограниченнаго ума. А что же будетъ съ большинствомъ людей всякаго сословія, въ которыхъ не обнаруживается способности ни къ чему кромѣ механическаго исполненія рутинны, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ умственныхъ правъ? Но мало того, что каждому дается по его способности, — сама способность измѣняется дѣлами: что же тогда будетъ съ людьми пораженными параличемъ, или другими хроническими болѣзнями, или увѣчными? — они не имѣютъ никакого права на самое сохраненіе жизни.

Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи: раздастъ ли его по способностямъ, или по результатамъ дѣятельности, или, можетъ быть, по другимъ расчетамъ, болѣе выгоднымъ для общественнаго благосостоянія; но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ чело-вѣческихъ потребностей; общество только потому и существуетъ, что предполагается надобность его для обезпеченія каждому изъ его членовъ полнѣйшаго удовлетворенія чело-вѣческихъ нуждъ.

Двѣ первыя формулы сенъ-симонизма оказываются не удовлетворительными. Да и третья формула удовлетворительна только въ своемъ общемъ выраженіи, какое мы видѣли, а не въ томъ болѣе опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ сенъ-симонисты думали осуществить ее. „Организація промышленности.“ Это такъ, это возможно и нужно, это неизбѣжно. Но какимъ способомъ промышленность получить и будетъ сохранять свою организацію? Сенъ-симонисты извлекали этотъ способъ изъ

своей фальшивой идеализация католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ, какъ господствовать будто бы католицизмъ и господствовать будто бы съ пользою для людей. Они придумывали правила и хотѣли, чтобы люди исполняли эти правила не по расчетливому убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и по преданности къ людямъ провозглашающимъ эти правила, повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того: люди облеченные авторитетомъ сами должны были стоять выше всякихъ правилъ, ихъ воля должна была служить верховнымъ и безусловнымъ правиломъ для другихъ, какъ воля папы будто бы служила верховнымъ закономъ для католиковъ въ Средніе вѣка. Мы не станемъ дѣлать уже никакихъ замѣчаній о дикости этой фантазіи: нелѣпость тутъ очевидна.

Но каковы бы ни были недостатки способовъ, которыми сенъ-симонисты предполагали вести человѣчество къ благоденствію, выскость основнаго стремленія ихъ школы выкупала все, и потому къ ученикамъ Сенъ-Симона присоединялось довольно много даровитѣйшихъ людей изъ молодаго поколѣнія. Замѣчательно то, что почти всѣ они были люди самага серьезнаго образованія, главнымъ образомъ воспитанники Политехнической Школы, математики, инженеры, натуралисты. Конечно, это надобно объяснять тѣмъ, что, несмотря на второстепенныя нелѣпости развитія, коренная мысль, забота объ улучшеніи быта простолюдиновъ, имѣла справедливость и настоятельность, такъ что чѣмъ развитѣе былъ умъ человѣка, тѣмъ болѣе готовъ онъ былъ предпочесть сенъ-симонизмъ всѣмъ другимъ тогдашнимъ ученіямъ, упускавшимъ изъ виду самую основную черту общественнаго положенія. До июльской революціи пропаганда шла тихо, но пробужденная послѣ июльскихъ событій энергія общественной мысли дала сильный успѣхъ ученикамъ Сенъ-Симона. Школа считала уже нѣсколько десятковъ членовъ и могла приступить къ изданію газеты. Нужна была значительная сумма, чтобы основать газету: Фурнель и его жена пожертвовали на это свое состояніе. Газета эта, *le Globe*, была предприятиемъ совершенно безкорыстнымъ и нумера ея раздавались даромъ. Но еще сильнѣе газеты возбуждали вниманіе Парижа публичныя засѣданія или лекціи школы въ улицѣ Тебу. Огромная зала была устроена въ видѣ театра съ тремя рядами ложъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ въ театрѣ бываетъ оркестръ, стояли въ три ряда лавки для послѣдователей школы; партеръ и ложи предназначались для любопытныхъ. Каждое воскресенье являлись въ засѣданіе ученики Сенъ-Симона, молодые и серьезные; въ числѣ ихъ было нѣсколько дамъ. Они надѣвали при этихъ случаяхъ свой офиціальнй костюмъ: у мужчинъ онъ былъ голубаго цвѣта, у дамъ бѣлаго съ фіолетовыми шарфами. Когда члены заняли свои мѣста, главы школы, Аяфантенъ и Базаръ, вводили въ залу оратора, который долженъ былъ читать лекцію на этотъ разъ. При появленіи „верховныхъ отцовъ“ (*Pères supérieurs*), какъ вазывались Аяфантенъ и Базаръ, ученики вставали; между многочисленными зрителями водворялось глубокое молчаніе и ораторъ начиналъ изложеніе теоріи. Многие изъ зрителей слушали его сначала съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица, но пламенная рѣчь, полная любви къ людямъ, постепенно увлекала все собраніе и сами скептики выходили изъ залы глубоко тронутые, серьезно размышляя объ удивительномъ явленіи.

Сама школа вся была предана своему дѣлу; устроился въ ней общій столъ, какъ первая попытка братской жизни. Младшіе члены называли старшихъ отцами, мужчины называли женщинъ матерями, сестрами или дочерьми. Школа посылала

своихъ ораторовъ и въ провинціальныя города для распространенія теоріи. Сначала провинціалы принимали ихъ, какъ и парижане, съ насмѣшкой, но результатомъ лекцій и въ провинціяхъ бывало сильное впечатлѣніе.

Приобрѣтая вѣдшій успѣхъ, теорія продолжала развиваться внутри самой школы; но съ развитіемъ дошла наконецъ до такихъ вопросовъ, по которымъ обнаружилось разногласіе между главными членами школы. Цѣлю теоріи было доставить трудящимся преобладаніе надъ праздными; формулою своею она избрала соразмѣрность между способностями человѣка и матеріальными средствами, какія предоставляются ему въ распоряженіе обществомъ. При такихъ воззрѣніяхъ сенъ-симонисты необходимо должны были дойти до понятія о томъ, что нынѣшнее распредѣленіе собственности неудовлетворительно и что должны измѣниться правила, по которымъ она переходитъ отъ однихъ людей къ другимъ. Они думали, что государство, обратившись въ сенъ-симонистскую ассоціацію, должно постепенно выкупить у частныхъ лицъ недвижимую собственность, поземельную и всякую другую; они предполагали, что это дѣло должно совершаться медленно, почти незамѣтно и безъ всякаго нарушенія чьихъ бы то ни было денежныхъ интересовъ. Такимъ образомъ имущество частныхъ лицъ, по ихъ теоріи, должно было состоять только въ доходахъ съ капитала, а самый капиталъ долженъ былъ вѣчно оставаться собственностью общества. Имѣя въ своихъ рукахъ всю національную недвижимую собственность, государство должно было имѣть очень большую массу доходовъ за надѣломъ своихъ трудящихся членовъ по размѣру ихъ труда. На этотъ остатокъ оно производило бы тѣ улучшенія и содержало бы тѣ вужныя для общаго блага учрежденія, которыя по своей огромности не могутъ быть устроиваемы и поддерживаемы частными средствами. Одною изъ его заботъ было бы обезпеченіе хорошаго воспитанія всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ своихъ гражданъ. А если каждый видитъ судьбу своихъ дѣтей обезпеченною, то исчезаетъ разсудительная надобность оставлять имъ наслѣдство, которое тогда послужило бы только во вредъ имъ, давая имъ средство жить въ праздности, то есть подвергаться нравственной порчѣ, быть въ тягость самимъ себѣ и обществу, — участь всѣхъ праздныхъ людей. Въ такомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ всѣ были согласны; но съ наслѣдствомъ тѣсно связано самое существованіе семьи въ нынѣшнемъ ея видѣ, и вотъ возникъ въ школѣ вопросъ о бракѣ. Главная связь между родителями и дѣтьми — наслѣдство; если родители не передаютъ дѣтямъ наслѣдства, если воспитаніе и судьба дѣтей обезпечены и помимо родительской заботы, тогда, конечно, ослабляется важнѣйшее изъ соображеній, на которыхъ основываютъ теперь надобность въ прочности брачнаго союза. До какой степени должны остаться неприкосновенными супружескія отношенія — въ этомъ никакъ не могли сойтись два главныя лица сенъ-симонизма, Базаръ и Анфантенъ. Восторженность доходила у всѣхъ сенъ-симонистовъ до галлюцинаціи, но все-таки была между ними разница по степени восторженности, и нѣкоторые могли назваться людьми разсудительными, по сравненію съ другими, хотя и сами были очень горячіе энтузіасты. Изъ двухъ „верховныхъ отцевъ“ Базаръ былъ разсудительнѣе Анфантена; онъ былъ очень счастливъ въ своей супружеской жизни, имѣлъ взрослыхъ дочерей, которыхъ нѣжно любилъ; онъ никакъ не могъ переварить мысли, что такія семейныя отношенія, которыми были счастливы и онъ, и его жена, и дѣти, несовмѣстны съ теоріей. Во Франціи католики не признаютъ полнато развода; Базаръ не понималъ серьезности брака при

существованіи развода. Но Анфантеъ не ограничивался защитою развода: онъ находилъ, что вліяніе правителей сенъ-симоонистскаго общества должно прости- раться и на супружескій отношенія. Эта мысль Анфантена служить обывновенною характеристикою сенъ-симоонистскаго ученія; многіе только то и слышали о немъ, будто бы оно хотѣло, чтобы правители могли имѣть связи со всѣми женщинами, съ какими имъ вздумается. Но Анфантеъ хотѣлъ вовсе не того: его мысль была только идеализаціею тѣхъ будто бы благотворныхъ и чистыхъ отношеній, расска- замъ о которыхъ онъ по своей фантастичности вѣрилъ и которыя будто бы суще- ствовали между дамами и рыцарями въ Средніе вѣка и будто бы существуютъ между набожными католичками и ихъ нравственными совѣтниками іезуитскаго ордена. Извѣстно, что іезуиты съ своими собратіями необыкновенно любятъ вмѣ- шиваться въ семейныя дѣла; Анфантеъ хотѣлъ, чтобы то же дѣлали сенъ-симо- нистскіе правители, только дѣлали съ чистымъ безкорыстіемъ, между тѣмъ какъ іезуиты хлопочуть для выманыванія денегъ. Сенъ-симоонисты думали, что надобно дать женщинѣ всѣ тѣ права, какими пользуется мужчина, открыть ей доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, наравнѣ съ мужчинами. Анфантеъ выводилъ изъ этого, что кромѣ правителей должны быть и правительницы; отношеніе этихъ правительницъ къ семейной жизни подчиненныхъ имъ людей онъ представлялъ себѣ въ родѣ того вліянія, каковымъ по преданію пользовались дамы надъ своими рыцарями въ Средніе вѣка. Онъ вѣрилъ дѣйствительности того, чѣмъ восхищаемся мы въ романсѣ Пушкина о блѣдномъ, застѣнчивомъ и скромномъ рыцарѣ, кото- рый, разъ увидишь какое-то таинственное существо, земную женщину или нѣчто высшее, трудно и рѣшить, написалъ ея девизъ на своемъ щитѣ и рубился въ ея славу съ сарацинами, одушевляя себя произнесеніемъ ея именій въ минуты опасностей, и ни разу больше не видѣлъ ея во всю свою жизнь, и во всю свою жизнь не взгля- нулъ уже ни на одну женщину:

Овъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижимое уму.
И глубоко сновидѣнье
Въ душу врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не глядѣлъ;
Молвить слова ни съ одною
Онъ до гроба не хотѣлъ.
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ пламенной мечтѣ,
А. М. D. своєю кровью
Написалъ онъ на щитѣ, и т. д.

У Базара еще оставалось настолько разеудительности, что онъ понималъ невоз- можность подобныхъ отношеній, которыя переходятъ въ матеріальную связь, какъ скоро переставятъ быть пустыми, праздными словами. Анфантеъ вѣрилъ, что все будетъ такъ, какъ представляется его разгоряченному воображенію, обманутому съазочными преданіями. Споры были безконечны, исполнены увлеченій и потрясе- ній, которыя сами по себѣ уже свидѣтельствовали объ экзальтаціи близкой къ бреду. Изъ нѣсколькихъ десятковъ полныхъ приверженцевъ сенъ-симоонизма, составляв- шихъ такъ называемое „семейство“ (famille), нѣсколько человекъ главныхъ обра- зовали такъ называемую коллегію, верховный совѣтъ, гдѣ предварительно разби-

рались вопросы, рѣшеніе которыхъ объявлялось потомъ всему „семейству“. Когда поднялись между Базаромъ и Анфантенемъ раздорѣнія о неразрывности брака, о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ обществу и къ правителямъ будутъ правительницы и нужды ли онѣ, о вмѣшательствѣ правителей и правительницъ въ супружескія отношенія, бурныя засѣданія коллегіи стали продолжаться по цѣлымъ днямъ и ночамъ, такъ что члены коллегіи часто падали въ обморокъ среди пылкихъ споровъ. Однажды Олиндъ Родригесъ упалъ бездыханенъ, какъ будто пораженный апоплексіей, когда Рено отвѣчалъ ему „не думаю“ на вопросъ, думаетъ ли Рено, что онъ говоритъ по вдохновенію. Онъ оправился, но его жизнь была въ опасности, такъ что Рено по совѣту доктора долженъ былъ успокоить его словами, что вѣрить ему. Въ другой разъ Базаръ, чувствуя, что Анфантенъ уничтожаетъ всѣ его возраженія своею діалектикою, упалъ замертво послѣ спора, продолжавшагося цѣлую ночь. Нравственное потрясеніе было такъ сильно, что здоровье Базара уже не восстанавливалось: черезъ нѣсколько времени онъ умеръ, какъ хилой старикъ.

Большинство членовъ сень-симонистскаго „семейства“ долго не знало ничего положительнаго объ этомъ приближавшемся разрывѣ; наконецъ онъ сталъ необходимъ, и 19 ноября 1831 года было созвано общее собраніе „семейства“. Анфантенъ, изложивъ причины раздорѣнія между нимъ и Базаромъ, объявилъ однако же, что не считаетъ своего мнѣнія окончательнымъ закономъ сень-симонистской теоріи, потому что, по самому предмету спорныхъ вопросовъ, нельзя рѣшить ихъ одному мужчинѣ безъ участія женщины; а сень-симонизмъ, имѣя въ немъ верховнаго отца (онъ уже получилъ первенство надъ Базаромъ), еще не имѣетъ верховной матери; когда явится она, она откроетъ искомый законъ; до той поры теорія нравственныхъ отношеній, развиваемая Анфантенемъ, еще не имѣетъ такой достовѣрности, чтобы можно было отступать отъ обыновенныхъ нравственныхъ обычаевъ, опираясь на нее. „До той поры всякій поступокъ въ лонѣ ученія, который заслуживать бы порицанія по правамъ и понятіямъ окружающаго насъ міра, былъ бы поступкомъ безнравственнымъ, потому что нанесъ бы вредъ всему ученію,—такъ заключилъ Анфантенъ свою рѣчь:—и лично я считалъ бы такой поступокъ величайшимъ свидѣтельствомъ нелюбви ко мнѣ, какое только можетъ быть со стороны моихъ дѣтей“. Но разсудительнѣйшая часть школы находила это ручательство совершенно не достаточнымъ: „по моему мнѣнію позволительно и даже нужно дѣлать вотъ что, но я прошу васъ изъ уваженія ко мнѣ не дѣлать этого“—ожидать, что кто нибудь будетъ остановленъ такою просьбою, значить совершенно забывать законы дѣйствительной жизни. Большинство главныхъ членовъ сень-симонистскаго общества ужасались послѣдствій эманципаціи, которой хотѣлъ Анфантенъ. Пьеръ Леру горячо перервалъ его и, протестуя отъ имени всей коллегіи противъ его мнѣнія, сказалъ, что удаляется изъ его общества. Абель Трансонъ горько упрекалъ Анфантена за то, что онъ раскрываетъ, какъ часто нарушается супружеская вѣрность въ нынѣшнемъ обществѣ, какъ мало вѣрныхъ,—не только мужей (вѣрныхъ мужей изъ милліона наберется развѣ только десять—это знаетъ каждый мужчина), но и вѣрныхъ женъ, какъ мало замуженныхъ женщинъ, положеніе которыхъ не было бы очень тяжело. „Отецъ Анфантенъ думаетъ (вскричалъ Жанъ Рено), что женщина явится узаконить правила имъ возвѣщенные, и потому онъ стоитъ, смѣло поднявъ голову; но я вѣрю, что женщина сотретъ главу его. Я боюсь вліянія отца Анфантена на людей, приведенныхъ нами къ нашему ученію; потому я не уйду отъ него,

буду подлѣ него, чтобы показывать имъ, каковъ онъ“. — „Ваше ученіе возводитъ прелюбодѣянiе въ законъ“, сказалъ Анфантену Карно. — „Вы восхваляете развратъ“, сказалъ Дюжье. Анфантенъ, въ своемъ фанатизмѣ никогда не терявшій спокойной и ласковой самоувѣренности, кротко выслушивалъ всѣ рѣзшія укоризны и только говорилъ, что радуется самостоятельности и откровенности, съ какою высказывается противное ему мнѣніе. Почти всѣ члены коллегіи были противъ него; но находилось довольно много и пламенныхъ защитниковъ, если не его мнѣнія, то его лица. Однимъ изъ нихъ былъ Мишель Шевалье, нынѣ сенаторъ французской имперіи: удивительно, что можетъ выйти со временемъ изъ восторженного юноши. „Объявляю вамъ, сказалъ Талабо, указывая на Анфантена, что этотъ человекъ руководитель человѣчества“. — „Съ печалью вижу я, воскликнулъ Барро, обращаясь къ Абелью Трансону, что ты, Трансонъ, знаменосецъ нашего учешя, ты, рядомъ съ которымъ шель я, отдѣляешься отъ насъ. Нѣтъ, Трансонъ, ты не можешь покинуть насъ, потому что ты любишь простолудиновъ, бѣдныхъ и страдающихъ“. Анфантенъ, ни на минуту не терявшій гордой ясности духа, наконецъ распустилъ бурное собраніе, торжественнымъ голосомъ сказавъ: „происходящее теперь имѣетъ великую пользу для всѣхъ, но я желаю скорѣе кончить это. Мы снова соберемся въ понедѣльникъ. Очевиденъ тотъ фактъ, что есть изъ насъ люди, которые должны на время удалиться и успокоиться“.

Школа собралась на новое засѣданіе; тутъ уже не было нѣкоторыхъ изъ числа значительнѣйшихъ членовъ. Анфантенъ съ нѣсколькими вѣрными послѣдователями сгѣшилъ перейти отъ прежнихъ теоретическихъ разсужденій къ практическому осуществленію системы. Какъ только онъ остался полнымъ распорядителемъ по удаленіи Базара, онъ повелъ дѣло впередъ съ чрезвычайною быстротою. Подлѣ его президентскаго кресла въ этомъ засѣданіи уже стояло другое кресло, пустое: оно показывало, что для полной организаціи общества должна явиться подлѣ верховнаго отца верховная мать. Всталъ Олиндъ Родригесъ, управлявшій хозяйственною стороною школы. Съ восторженностью, обычною въ ней, онъ возвѣстилъ, что начинается великое дѣло, передъ которымъ померкнуть всѣ прежнія дѣла промышленности, торговли и кредита. „Ротшильдъ и Лафитъ не предпринимали ничего столь великаго, сказалъ онъ: ихъ время кончается, начинается мое“. И онъ изложилъ планъ хозяйственной организаціи сень-симонистскаго общества; главными чертами ея онъ постановлялъ: 1) совершать, исключительно мирными средствами, улучшеніе нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго быта многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса; 2) устроить воспитательные дома для дѣтей сень-симонистовъ; эти дѣти должны воспитываться всѣ одинаково, безъ различій по богатству и знатности; 3) основать промышленныя ассоціаціи для работниковъ, принявшихъ ученіе сень-симонизма; 4) давать на первое время денежные пособія этимъ ассоціаціямъ; 5) распространять ученіе, чтобы замѣнить нынѣшнюю промышленную анархію рабочническою ассоціаціею. Анфантенъ уже всталъ, считая собраніе конченнымъ, когда Рено сдѣлалъ знавъ, что хочетъ говорить; онъ былъ въ величайшемъ волненіи и вскричалъ: „ваши деньги, отецъ Анфантенъ, не могутъ имѣть нравственнаго вліянія, потому что вы разрушаете прежнюю нравственность, не имѣя новой“. — „Развѣ не имѣли вы новой нравственности, когда провозглашали вмѣстѣ со мной лiонскому народу наступленіе новой эпохи?“ — вскричалъ, обращаясь къ нему, Лоранъ. — „Отецъ мой былъ пролетарій, воскликнулъ Анри Бо. Трудомъ

своимъ онъ собралъ богатства. Когда слово Сень-Симона было услышано мной, я почувствовать, что долженъ отказаться отъ моей привилегіи и я сталъ пролетаріемъ; тогда семья моя отеклась отъ меня, но вся суровость ея не охладить мою любовь къ ней. Своими дѣлами я заставлю ее возвратить мнѣ свою любовь. Рено! ты часто говорилъ: голосъ народа, голосъ Божій! — чего же требуютъ эти люди, населяющіе самый трудовой нивъ нашихъ городовъ? Какой крикъ раздается подъ знаменемъ смерти? (читатель вспомнить, что незадолго передъ этимъ собраниемъ, бывшимъ въ концѣ 1831 г., происходило лонское возстаніе подъ чернымъ знаменемъ съ девизомъ: „жить трудомъ или умереть въ бою“). Рено! Рено! они требуютъ хлѣба. Пролетаріи, слышашіе меня! рука моя не разъ жала ваши руки, загрубѣвшія отъ труда, и чувствовала, что вы отвѣчаете на ея пожатіе. Успокойтесь же! Богъ не допуститъ, чтобы человѣкъ могъ являться передъ людьми съ такимъ спокойнымъ и яснымъ лицомъ, въ такомъ величіи, такой красотѣ, чтобы служить на обольщеніе и пагубу ихъ. А вамъ, женщины, скажу я: здѣсь нѣтъ той, которая носила меня подъ сердцемъ, она не слышитъ меня; дайте же въ вашихъ сердцахъ мѣсто материнской любви ко мнѣ, чтобы увидѣвъ ту, которая по волѣ Бога родила меня, утишить скорбь безплодія, въ которую впала она. Скажите ей, чтобы смягчить ее, какую печаль долженъ чувствовать сынъ, подобный мнѣ, лишившись ея объятій, ея слова, ея присутствія“.

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ за тѣмъ, чтобы читатель могъ судить по немъ объ экзальтаціи, въ какой находились сень-симонисты. Эта пламенная безсвязица похожа на бредъ опьянѣнія или на вопли помѣшаннаго. Трудно повѣрить, что люди, такъ говорившіе и вообще производившіе надъ собою такія сцены, были люди очень умные и почти всѣ оказались впоследствии людьми очень разсудительными. Весь періодъ ихъ принадлежности къ школѣ былъ длиннымъ припадкомъ экстаза, чѣмъ-то въ родѣ монomanій, которымъ подвергались фанатики Среднихъ вѣковъ, основатели и знаменитости босоногихъ, нищенствующихъ, капуциновъ и трапистовъ.

Засѣданіе кончилось достойною своего начала сценою: увлеченное рѣчью Анри Бо, собраніе встало въ волненіи, многіе бросились обнимать Анфантена; другіе навсегда удалились изъ общества, безусловнымъ руководителемъ котораго онъ остался. Натурально было, что онъ побѣдилъ Базара и другихъ, еще сохранявшихъ искру разсудительности: весь сень-симонизмъ былъ экзальтацією, презиравшею всѣ внушенія разсудка, и кто былъ болѣе экзальтированъ, тотъ былъ вѣрнѣе духу ученія.

Мы не умѣемъ рѣшить, была ли въ Анфантенѣ черта шарлатанства, рассчитывающаго, если не на денежные выгоды, то на шумъ и звонъ. Все, что мы читаемъ о немъ, склоняетъ къ такому предположенію; если такъ, то надъ сень-симонизмомъ повторилась очень частая исторія, что добросовѣстные фанатики попадаютъ подъ влияніе ловкихъ обманщиковъ. Но свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ, недостаточны для возведенія естественной догадки въ полную увѣренность. Анфантенъ постоянно держалъ себя какъ отличный актеръ, ни на минуту не измѣнивъ роли, которая была наложена на него убѣжденіемъ, или которую наложилъ онъ на себя по расчету: онъ постоянно являлся вдохновеннымъ жрецомъ; его рѣчь всегда была торжественна и медленна, чтобы слушатели чувствовали важность каждаго слова; его движенія, позы, жесты были величественны и всегда спокойны, какъ будто онъ неизмѣримо выше всего окружающаго міра со всѣми его вдохнове-

пѣжи. Въ англичанинѣ, въ нѣмцѣ, въ русскоиѣ по этимъ признакамъ безошибочно можно было бы узнать шарлатана; но французы болѣе насъ или англичанъ приучаются обычаями своего общества театральничать безсознательно. То, что бываетъ аффектаціею у людей сѣверной Европы, у французовъ очень часто дѣлается совершенно искренно и, быть можетъ, мы напрасно оскорбляемъ Анфантена, видя въ немъ не одну задушевную восторженность, какая была въ другихъ сенъ-симонистахъ, а также и сильную примѣсь актерства. Какъ бы то ни было, но то направление, представителемъ котораго былъ Анфантенъ, одержало совершенный верхъ надъ болѣе умѣренными мнѣніями другихъ главныхъ людей школы; школа распалась, всѣ отдѣлившіеся отъ Анфантена остались раздроблены между собою и скоро изъ сенъ-симонистовъ сдѣлались обыкновенными людьми; у благородныхъ между ними — а почти всѣ отдѣлившіеся были люди безукоризненнаго благородства, — сохранилось отъ прежняго увлеченія сенъ-симонизмомъ только живое сочувствіе къ судьбѣ простоплюдиновъ и болѣе широкое понятіе, чѣмъ у другихъ тогдашнихъ либераловъ и радикаловъ, о томъ, какія преобразованія матеріальныхъ отношеній нужны для удовлетворенія потребностямъ бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса, для его успокоенія, т. е. для успокоенія всего французскаго общества, снова начинавшаго потрясаться волненіями пролетаріевъ, совершившихъ переворотъ въ концѣ прошлаго вѣка.

Изъ осмнадцати человѣкъ главныхъ членовъ школы только шестеро остались вѣрны Анфантену. Очень скоро по отдѣленіи Вазара, отдѣлился отъ него и Олиндъ Родригесъ, управлявшій хозяйственными дѣлами общества. Небольшой кружокъ, оставшійся около Анфантена и считавшій уже очень мало замѣчательныхъ людей въ своемъ составѣ, скоро долженъ былъ подвергнуться денежнымъ затрудненіямъ, потому что кредитъ его поколебался по удаленіи Родригеса. Другою еще неизбѣжнѣйшею причиною скорого распаденія и этой горсти людей, состоявшей уже всего изъ сорока или пятидесяти человѣкъ, должно было послужить то обстоятельство, что экзальтація ихъ дошла до крайней степени напряженія, которое не можетъ держаться въ человѣкѣ долго: они должны были впасть въ нравственное изнуреніе, обратиться къ отдыху въ обыкновенной жизни. Но въ первое время энтузіазмъ господствовалъ надъ ними со всею силою, развившеюся въ страстной борьбѣ съ болѣе умѣренными прежними товарищами и энергія ихъ возвышалась сознаніемъ побѣды надъ отпавшими отъ нихъ, неимѣвшими духа идти такъ далеко, какъ они. Анфантенъ хотѣлъ воспользоваться этою порою крайняго одушевленія, чтобы придать себѣ и своей школѣ новый блескъ передъ ея паденіемъ.

У Анфантена былъ въ Мевильмонтанскомъ предмѣстьѣ, на краю Парижа, домъ съ садомъ: онъ рѣшился перевести туда своихъ вѣрныхъ послѣдователей, чтобы они показали иру примѣръ новой жизни, основанной на братствѣ и на сочетаніи матеріальнаго труда съ умственнымъ. 20 апрѣля 1832 года, въ страстную пятницу, объявляя о прекращеніи газеты *le Globe*, служившей органомъ сенъ-симонизма и падавшей теперь отъ недостатка денежныхъ средствъ, онъ говорилъ: „Милыя дѣти, нынѣшній день празднуется какъ великій девъ въ теченіе осмнадцати вѣковъ; въ этотъ день умеръ божественный освободитель рабовъ. Въ память святой годовщины да начнется наше отшельничество и да исчезнетъ изъ среды насъ послѣдній слѣдъ рабства — домашняя прислуга“.

Сорокъ учениковъ послѣдовали за Анфантеномъ на Менильмонтанъ и начали новую жизнь, которая казалась имъ великимъ подвигомъ самоотверженія. Ихъ

общество состояло изъ поэтовъ, музыкантовъ, инженеровъ; эти люди, высоко развитые и привыкшіе къ почетному положенію въ свѣтѣ, стали сами исполнять для себя всѣ обязанности домашней прислуги, стали какъ черные рабочіе занижаться самымъ грубымъ и простымъ матеріальнымъ трудомъ: они поправляли домъ, подметали комнаты, подметали дворы, копали землю въ саду и въ огородѣ, усыпали аллеи пескомъ, который сами копали и привозили. Ихъ винили въ нечистыхъ понятіяхъ о бракѣ и эманципациі женщинъ: доказывая, что ихъ идеи не были внушеніемъ сластолюбивыхъ наклонностей, они постановили правиломъ себѣ не прикасаться къ женщинамъ во все время своего отшельничества и строго сохранили этотъ законъ. Каждое утро, каждый вечеръ они собирались слушать поученія своего верховнаго отца или читать жизнеописанія святыхъ, которыхъ брали себѣ примѣромъ. Феліксенъ Давидъ, нынѣ ставшій знаменитымъ композиторомъ, а тогда бывшій однимъ изъ ихъ товарищей, писалъ музыку для гимновъ, пѣніемъ которыхъ одушевляли они себя, исполняя свою черную работу. Въ пять часовъ вечера собирались всѣ они къ общему столу и садились обѣдать, пропѣвъ хорошъ молитву. Все это дѣлалось публично: каждый желающій могъ смотрѣть, какъ проводятъ свой день менильмонтанскіе подвижники.

Торжественное вступленіе сенъ-симонистовъ въ новый порядокъ жизни происходило 6 іюня 1832 года, въ тотъ самый день, когда сосѣдніе кварталы Парижа были театромъ республиканскаго возстанія, возбужденнаго процессією похорошь Ламарка. Безмятежно приступая къ своей внутренней организаціи среди грома пушекъ, истреблявшихъ малочисленные отряды инсургентовъ, сенъ-симонисты какъ будто показывали, что нѣтъ имъ никакого дѣла до старыхъ радикальныхъ партій, идущихъ къ преобразованію общества путемъ, который сенъ-симонисты считали ошибочнымъ, и даже не понимающихъ, какія реформы нужны для общества: отрекаясь отъ стараго міра, они отреклись даже и отъ людей, которые больше всѣхъ другихъ въ старомъ мірѣ хотѣли добра простолудиямъ. Понятія этихъ людей были по мнѣнію сенъ-симонистовъ слишкомъ узки и фальшивы, способы ихъ дѣйствія ни къ чему негодны. Въ половинѣ втораго часа менильмонтанское семейство стало кружкомъ передъ своимъ новымъ жилищемъ; около этого круга, состоявшаго изъ пламеннѣйшихъ энтузіастовъ, обрекавшихъ себя на новую жизнь, стоялъ другой кругъ ихъ сотоварищей, не имѣвшихъ такой рѣшимости и остававшихся въ мірѣ. Далѣе находилась толпа зрителей, толпа немногочисленная, потому что парижанамъ 6 іюня было не до того, чтобы заниматься сенъ-симонистами. Но зрителя, собравшіяся тутъ, видѣли картину гораздо болѣе новую и странную, чѣмъ сцены междоусобной войны, раздиравшей Парижъ.

Происходила церемонія облаченія въ новый востомъ, служившій символомъ отреченія отъ старой жизни. Костюмъ былъ страненъ, какъ и все, что придумывали сенъ-симонисты: человѣку нельзя было явиться въ немъ на улицѣ, не навлекая на себя всеобщихъ насмѣшекъ; но рѣшимость переносить ихъ служила испытаніемъ твердости духа адептовъ новаго ученія. Подъ голубою курткой, застегивавшеюся спереди, былъ жилетъ, застегивавшійся на спинѣ; бѣлые панталоны стягивались кожанымъ поясомъ; шея оставалась открыта: сенъ-симонисты отвергли галстухъ, за то отпускали бороду, что было тогда странною новостью; на головахъ они носили красную шапочку. Чтобы придать болѣе эффекта обряду облаченія, Анфантенъ три дня передъ гѣмъ провелъ запершись, не показываясь своимъ уче-

янкамъ: онъ и они готовились къ подвигу уединенными размышлениями. Когда ученики заняли свои мѣста въ кругу и все было готово, явился верховный отецъ. Лица прозелитовъ просіяли восторгомъ при его появленіи и они пропѣли хоромъ привѣтствіе своему главѣ:

Salut, Père, salut.
 Salut et gloire à Dieu!

Онъ подходилъ къ нимъ медленнымъ и величественнымъ шагомъ, съ открытой головой, съ сіяющимъ лицомъ. „Я далъ Буффару полномочную довѣренность расплагать всѣмъ, что принадлежитъ мнѣ по мірскимъ законамъ, сказалъ онъ. Я теперь уже не хочу и не могу совершать никакихъ гражданскихъ актовъ, относящихся къ имуществу; люди, хотяще идти по моему пути, также отказываются отъ этого права: мы всѣ освобождаемся отъ мірскихъ узъ, отрицаемся сатаны и всей гордыни его, чтобы приобрѣтать насущный хлѣбъ нашъ своимъ трудомъ, жить рабочею платою, какъ живетъ народъ“. Послѣ этой рѣчи верховный отецъ при помощи одного изъ учениковъ надѣлъ новый костюмъ; переодѣвшись, онъ въ свою очередь помогъ одѣться въ него ученику, который прежде помогалъ ему. Надѣвая жилетъ, онъ объяснилъ смыслъ его оригинальнаго покроя: „Этотъ жилетъ символъ братства, сказалъ онъ: его нельзя надѣть одному безъ помощи брата, и каждый разъ онъ напоминаетъ необходимость товарищества“. Вслѣдъ за Анфаненомъ стали облачаться и другіе адепты. Съ этого дня начиналась ихъ трудовая жизнь, проводимая въ черной работѣ, въ плотничествѣ, земледѣліи, домашней службѣ и т. д.; они своимъ примѣромъ возстаивали достоинство черной работы, показывали необходимость ея соединенія съ умственнымъ трудомъ въ одномъ человѣкѣ. Само собою разумѣется, что вся эта торжественная комедія заключала въ себѣ ребяческаго и смѣшнаго гораздо больше, чѣмъ высокаго, хотя была со стороны сенъ-симонистовъ совершенно серьезна. Всѣ смѣялись надъ дикостью поступковъ менильмонтанскаго семейства, въ которомъ ученые и артисты служили другъ другу лакеями и возились надъ простонародными ремеслами, въ которыхъ стали неспособны по всей своей предшествующей жизни. Все дѣло походило на забаву праздныхъ людей, которые отъ нечего дѣлать вздумали развлечь себя небывалою шалостью. Менильмонтанскіе штукатуры, огородники, землекопы напоминали собою аристократокъ временъ Людовика XV, которыя любили писать съ себя портреты въ костюмѣ пастушекъ. Этотъ маскарадъ, поддерживаемый только крайнею экзальтаціею, не могъ тянуться долго: нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ нѣсколько недѣль, и онъ надоѣлъ бы всѣмъ своимъ участникамъ, они разошлись бы, какъ разошлись отъ нихъ прежніе ихъ товарищи; подобно этимъ прежнимъ товарищамъ сожалѣя о забавномъ безразудетвѣ до котораго увлеклись, сами сознавая, что заслуживали всеобщихъ насмѣшекъ. Но консерваторы и реакціонеры, составлявшіе кабинетъ Луи-Филиппа, сдѣлали ошибку, обыкновенно дѣлаемую реакціонерами: они не дали восторженному порыву дойти до своего натурального конца, не дали сенъ-симонистамъ распасться по вліянію внутренней несообразности ихъ попытки съ холоднымъ разсудкомъ, не дали имъ дожить въ менильмонтанѣ до того, чтобы они сами разошлись, упрекая другъ друга и каждый самого себя за слишкомъ наивное самообольщеніе. Министры Луи-Филиппа разсудили поступить иначе: они подвергли менильмонтанское семейство преслѣдованію и дѣло кончилось для сенъ-симонистовъ торжествомъ вмѣсто пристыженія, до котораго довело бы ихъ, будучи предоставлено своему нестѣсенному ходу.

Министры уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ распорядились, чтобы дѣйствія сенъ-симонистовъ были подвергнуты формальному обвиненію; слѣдствіе тянулось довольно долго; нѣсколько разъ въ ненильмонтанскій домъ являлась полиція съ солдатами производить обыски, совершенно излишніе. Наконецъ, матеріалы для юридическаго обвиненія были собраны, и главные распорядители сенъ-симонистской школы: Анфантенъ, Мишель Шевалье, Барро, Дюверье, Олиндъ Родригесъ, были потребованы къ суду, который долженъ былъ начаться 27 августа. Обвинительными пунктами противъ нихъ выставлялось: 1) нарушеніе 292 статьи уголовного кодекса, запрещающей учреждать безъ правительственнаго разрѣшенія какія бы то ни было общества, имѣющія болѣе 20 членовъ; 2) нарушеніе правил общественной нравственности и оскорбленіе морали. Неразсчетливость обвиненія видна уже изъ того, что въ число обвиненныхъ былъ включенъ Олиндъ Родригесъ, отставшій отъ Анфантена. Дѣло съ самаго начала имѣло видъ придирки.

Анфантенъ воспользовался выгоднымъ положеніемъ, какое получалъ отъ напраснаго преслѣдованія. Онъ пошелъ въ судъ торжественною процессіею. Всѣ глаза обратились на него, когда онъ явился въ залу суда, переполненную любопытными зрителями. Церемональнымъ маршемъ шли за нимъ сенъ-симонисты въ своихъ костюмахъ; онъ шелъ впереди въ такомъ же костюмѣ, на груди его куртки было вышито слово „отецъ“. Въ менильмонтанскомъ домѣ жили только одни мужчины, чтобы отвратить всякую возможность нечистыхъ подозрѣній; но раздѣлять съ своими братьями по духу судебную опасность явились двѣ женщины безукоризненной репутаціи: Аглая Сентъ-Илеръ и Сесилія Фурнель, сопровождаемыя своими мужьями. Важно съѣвъ на скамью обвиненныхъ, Анфантенъ медленно обозрѣвалъ все еобраще, какъ будто знакомясь съ людьми, господствовать надъ которыми скоро онъ будетъ. Зрители удивлялись восторженному уваженію, съ которымъ онъ давалъ свои странные отвѣты на вопросы президента и прокурора. „Правда-ли, что вы называете себя отцемъ человѣчества? Правда-ли, что вы признаетесь за живое воплощеніе закона?“ спросилъ президентъ. — „Да“, отвѣчалъ онъ съ равнодушіемъ, какъ будто говорилъ самую обыкновенную вещь. Начался допросъ свидѣтелей; почти всѣ они были сенъ-симонисты и первый, котораго пригласили присягнуть, чтобы начать формальныя показанія, обратился къ Анфантену со словами: „отецъ, могли я присягнуть?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ Анфантенъ, и свидѣтель сказалъ, что не можетъ давать показаній; то же повторилось со всѣми слѣдующими свидѣтелями, принадлежавшими новому ученію. Генераль-адвокатъ Делапаль изложилъ развитіе сенъ-симонизма, который называлъ фетишизмомъ, и объявлялъ Анфантена человѣкомъ, который доведенъ тщеславіемъ до сумасбродства. Онъ сильно порицалъ сенъ-симонистскую ассоціацію за то, что она принимала денежные пожертвованія отъ своихъ приверженцевъ; онъ доказывалъ, что сенъ-симонизмъ не можетъ быть признанъ религіозной сектой, впадая въ явное противорѣчіе съ собственными своими словами, винившими сенъ-симонистовъ въ суевѣріяхъ: доказать, что они не составляютъ секты, нужно было для того, чтобы подвести ихъ подъ 292 статью уголовного кодекса, подъ которую не подходятъ секты и на которой основывалось требованіе наказать ихъ за самовольное составленіе общества, имѣвшаго болѣе 20 членовъ. Переходя ко второму обвиненію, къ обвиненію въ безнравственности, генераль-адвокатъ спрашивалъ, можно ли не при-

знать противнымъ нравственности ученіе, оправдывающее непостоянство отношеній между мужчинами и женщинами, говорящее объ эмашипаціи тѣла, подвергающее супружескія отношенія вмѣшательству своихъ правителей и правительницъ. „Но, господа, сказалъ генераль-адвокатъ, эти гибельныя правила не остались безъ противорѣчія: когда отецъ Анфантенъ провозгласилъ ихъ, его слова были услышаны женщиной, душа которой возмущалась гнусными его понятіями и она, слабая, робкая, встала и энергически протестовала“. При этихъ словахъ Сесилія Фурнель, о которой говорилъ генераль-адвокатъ, незнавшій ее въ лицо, поднялась съ своего мѣста и вскричала: „мнѣ приписываютъ такую роль несправедливо....“ — „Замолчите“, перервать ее президентъ; но не слушая его, она продолжала, что, разъяснивъ себѣ понятія Анфантена, убѣдилась въ ихъ невинности и чистотѣ. „Если вы не замолчите, сердито сказалъ президентъ, я прикажу вывести васъ“. Эта выходка противъ дамы окомпрометировала и судей и обвинителей въ общемъ мнѣніи: зрители были теперь расположены въ пользу обвиняемыхъ. Такое же дѣйствіе произвела неловкость, о которой мы уже говорили: министры поступили неразсчетливо, допустивъ, чтобы одному обвиненію съ Анфантенемъ подвергался Олиндъ Родригесъ, разошедшійся съ Анфантенемъ по тѣмъ самымъ вопросамъ, за безнравственное мнѣніе о которыхъ обвинялся Анфантенъ. Олиндъ Родригесъ даже не оправдывался: онъ только защищалъ память Сенъ-Симона, на котораго нападалъ генераль-адвокатъ, не захотѣвшій понять, что Сенъ-Симонъ никогда не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго тому, за что обвинялись сенъ-симонисты, уже долго спустя по смерти своего учителя занявшіеся вопросами объ эманципаціи женщинъ и семейныхъ отношеніяхъ. Послѣ Олинда Родригеса стали говорить обвиненные женьильмонтанскаго семейства. Они доказывали, что могутъ называться сектою и потому не подходятъ подъ 292 статью уголовнаго кодекса; очень легко имъ было доказать неосновательность обвиненія въ фетишизмъ, въ самомъ дѣлѣ смѣшнаго въ примѣненіи къ извѣстнымъ математикамъ, инженерамъ, къ лучшимъ воспитанникамъ политехнической школы. Отъ защиты своихъ понятій они перешли къ строгимъ нравственнымъ порицаніямъ противъ жизни и понятій общества, осуждавашаго ихъ за безнравственность.

Рѣчи Мишеля Шевалье, Дюверье, Барро и ихъ адвокатовъ наполнили собою засѣданіе 27 августа. Зрители были потрясены строгимъ нравственнымъ судомъ надъ ихъ жизнью, произносимымъ отъ людей, которыхъ они почли было проповѣдниками шаткой нравственности. Судьи были смущены.

На другой день, 28 августа, сталъ говорить Анфантенъ. По своему обычаю, онъ произносилъ слова медленно, съ разстановками, и во время этихъ паузъ пристально всматривался своими пронизательными глазами то въ президента и судей, то въ генераль-адвоката, то въ зрителей. Мучимый этимъ взглядомъ, президентъ думалъ избавиться отъ него и смутить Анфантена, сказавъ: „Вы часто останавливаетесь; вы должно быть не совсѣмъ приготовились; вамъ вадобно обдумать рѣчь“. — „Мнѣ нужно видѣть, какіе люди меня окружаютъ, и нужно, чтобы они смотрѣли на меня. Кромѣ того, я желаю, чтобы г. генераль-адвокатъ понялъ могущество нашего тѣла, могущество формы, чувствъ, и для этого даю ему испытывать могущество взгляда“, отвѣчалъ онъ. Раздраженный президентъ сказалъ: „намъ не время ждать, пока вы обдумываете вашу рѣчь“. Анфантенъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Вотъ новое доказатель-

ство тому, что они не способны быть нашими судьями. Они отрицают нравственное могущество чувствъ, а я однимъ своимъ взглядомъ заставляю ихъ лишаться спокойствія, приличнаго ихъ должности“. Онъ былъ человѣкъ очень краснорѣчивый и чрезвычайно сильный діалектикъ. Тѣ мысли, которыя наканунѣ были выражены его учениками, онъ повторилъ еще съ большею силою, такъ что торжество обвиненныхъ надъ обвинителями было поразительно. Разумѣется, это не помѣшало процессу кончиться осужденіемъ обвиняемыхъ. Анфантенъ, Дюверье и Мишель Шевалье были приговорены къ годичному заключенію въ тюрьму. Неловкость обвинять вмѣстѣ съ ними Олида Родригеса была такъ очевидна, что его присудили только къ штрафу въ 50 франковъ, чтобы не компрометировать себя полнымъ его оправданіемъ. Такимъ же штрафомъ ограничилось наказаніе пятого обвиненнаго, Барро.

Этимъ процессомъ былъ положенъ насильственный конецъ сенъ-симонизму, который и безъ того скоро скончался бы естественною смертію, было доставлено очень эффектное торжество ученію уже погибавшему отъ внутреннихъ своихъ недостатковъ, были возвеличены, какъ страдальцы за убѣжденія, люди, которые безъ того скоро оказались бы жалкимъ образомъ опомнившимися отъ ребяческой наивности или стали бы изобличать другъ друга въ тщеславіи.

Читатель видитъ, что мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ, которая называется сенъ-симонизмомъ. Это ученіе кажется намъ галлѣкцинаціею, сформировавшеюся изъ ошибочной идеализаціи католицизма и кромѣ того носившею какой-то приторный характеръ изящной аристократичности, аффектирующей замашки сантиментальнаго демократизма. Сенъ-симонисты разыгрывали въ лицахъ идиллію г-жи Дезульеръ. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминаютъ намъ знаменитый золотой лапотъ, лежащій, какъ говорятъ, на рабочемъ столѣ одного изъ нашихъ миллионеровъ, разыгрывающаго роль русскаго мужичка, напоминаютъ фантастическіе бархатные костюмы, въ которыхъ щеголяютъ нѣкоторые наши поклонники народности, имѣющіе съ нашимъ народомъ гораздо меньше общаго, нежели всякій французъ или нѣмецъ. Сенъ-симонизмъ смѣшитъ нашъ разумъ своею фантастичностью, возмущаетъ наше чувство своимъ благонамѣреннымъ іезуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими поползновеніями къ артистичности. Балетная танцовщица можетъ быть очень хороша на своемъ мѣстѣ, но ова стала бы противна, если бы, выдѣлывая свои антраша, говорила намъ о страдающихъ бѣдвухъ мужичковъ. Сенъ-симонисты были салонные герои, подвергавшіеся припадку филантропизма.

Но называя приторной ту форму, которую имѣло первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, мы, конечно, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно, какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бывають уже не восторженною забавою, а дѣломъ собственной надобности; а когда станетъ разсудительно заботиться о своемъ благосостояніи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сенъ-симонисты, тогда вѣроятно будетъ лучше ему жить на свѣтѣ чѣмъ теперь.

ЛѢНОСТЬ ГРУБАГО ПРОСТОНАРОДЬЯ.

Книга почтеннаго нашего экономиста г. Горлова навела васъ на мысль познать читателя съ однимъ изъ безчисленныхъ примѣровъ того, какъ несправедливыя жалобы и неосновательныя опасенія людей, погрязшихъ въ узкомъ и грубомъ предразсудкѣ обветшалой рутины, легкомысленно принимаются публикой, поддерживаются толпой мнимыхъ ученыхъ, привыкшихъ безъ разбора повторять всякія устарѣлыя мнѣнія, и наконецъ надолго принимаются обществомъ за научную истину, между тѣмъ какъ нужно только присмотрѣться къ фактамъ, чтобы убѣдиться въ пустотѣ противныхъ чувству справедливости и здравому понятію о человѣческой природѣ доводовъ, которыми прикрывается близорукое своекорыстіе. Въ предисловіи къ руководству г. Горлова мы нашли обѣщаніе съ особеннымъ вниманіемъ разсматривать тѣ вопросы политической экономіи, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ важнѣйшимъ нынѣшнимъ заботамъ русскаго общества. Мы вздумали посмотрѣть, что говоритъ онъ объ уничтоженіи обязательнаго труда. Оказалось, что по его свидѣтельству освобожденіе рабочихъ классовъ вообще приносило убытокъ ихъ бывшимъ владѣльцамъ и влекло за собою уменьшеніе производства стравы, то есть обѣднѣніе общества. Главнѣйшимъ примѣромъ этому выставляется у г. Горлова освобожденіе негровъ въ англійскихъ колоніяхъ. Мы не мало не винимъ г. Горлова за такой тусклый взглядъ на дѣло: виновать не онъ, а составители французскихъ книжекъ и книгъ, которымъ онъ безотчетно слѣдовалъ. Но важность не въ томъ, кого винить, а въ томъ, чтобы раскрыть неосновательность мнѣнія, противнаго справедливости. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ вопросъ потому, что въ извѣстной части нашего общества господствуютъ тѣ же опасенія и, ничего еще не вида, слышатся тѣ же самыя жалобы, какими наполнили Европу землевладѣльцы англійскихъ колоній. Работники, которые прежде принуждались къ труду властью господина, лѣнны; если есть между ними нѣкоторые немногіе несовѣтъ негодные люди, то и эти немногіе по грубости своихъ привычекъ удовлетворяются очень малымъ и ни за какія деньги не станутъ работать много и усердно, а станутъ жить кое-какъ: получивъ хотя самую грубую пищу и одежду съ своего небольшого участка, они будутъ лежать на печи, не нуждаясь ни въ чемъ лучшемъ. Наше земледѣліе почувствуетъ недостатокъ въ работникахъ и нивы наши заустѣютъ. Это мы слышимъ каждый день. То же самое говорили плантаторы англійскихъ колоній; французскіе сочинители, слова которыхъ легко вѣрно принимаются за авторитетъ не однимъ г. Горловымъ, утверждаютъ, что англійскіе плантаторы говорили справедливо.

Досада, производимая легкомысленнымъ повтореніемъ вздорныхъ претензій, заставила насъ вспомнить статью объ освобожденіи негровъ въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ, недавно помѣщенную въ „Edinburgh Review“ (July, 1859). Журналъ этотъ не можетъ быть подозрителенъ для нашихъ консерваторовъ: если онъ когда нибудь грѣшилъ наклономъ къ прогрессу, онъ давно излѣчился отъ такого недостатка. Онъ свирѣпо нападаетъ на Диккенса за отрицательное направленіе и за непочтительность въ начальству. Съ великимъ презрѣніемъ онъ говоритъ о демагогѣ Брайтѣ, который злонамѣренною, но безсильною рукою пытается потрясти всѣ основы англійской славы и національнаго благосостоянія. Онъ жалѣетъ, что нельзя вполне возетановить прежнихъ уголовныхъ наказаній противъ работниковъ, отказывающихся работать по цѣнѣ, которою они не довольны, но совѣтуетъ парламенту возетановить наказаніе противъ такихъ мятежниковъ, насколько это можно послѣ долговременной потачки, которая необдуманно дана имъ. Словомъ сказать, это журналъ хорошій и благонамѣренный. Посмотримъ, что говоритъ даже онъ объ экономическихъ послѣдствіяхъ уничтоженія обязательнаго труда въ авглійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ.

Если есть страны удобныя для лѣности простонародья, то ужъ это конечно острова Вестъ-Индскаго Архипелага. Тамъ не то, что у насъ. Нѣтъ нашей зимы. нѣтъ вашей надобности въ тепломъ жилищѣ, платьѣ; несравненно меньше надобности въ самой пищѣ. Развѣ въ іюлѣ такъ безопасенъ у насъ человѣкъ отъ холода, какъ тамъ въ самое холодное время года. При такомъ теплѣ пища требуется желудкомъ только для возобновленія мускуловъ, а не для согрѣванія тѣла, какъ у насъ, и человѣкъ тамъ цѣлую недѣлю будетъ сытъ тѣмъ, что вужо у насъ еѣстъ въ одинъ день, чтобы не мучиться голодомъ. Десятой части того, что нужно у насъ для поддержанія жизни, довольно тамъ, чтобы жить въ избыткѣ; но и это немногое нужно достается не такъ, какъ у насъ. Земля тамъ не чета нашему чернозему, — она, быть можетъ, и не такъ прославлена за свою благодатность, но съ одной десятины человѣкъ собираетъ тамъ столько, сколько не соберетъ у насъ съ двадцати черноземныхъ десятинъ, и на обработку этой одной десятины нужно употребить ему въ пять разъ меньше труда, нежели у насъ на десятину даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не знаютъ удобренія. Да и земля попадаетъ въ руки человѣку тамъ не такъ, какъ у насъ: пустопорожнихъ пространствъ, никому не принадлежащихъ, на Ямайкѣ столько, сколько у насъ какой нибудь Барабинской степи, а паспортовъ и разрѣшеній на поселеніе тамъ не у кого и брать: поселился гдѣ хочешь и никому до того дѣла нѣтъ. Кажется, при такихъ обстоятельствахъ должно быть въ простонародьи тамъ поменьше охоты работать по найму, чѣмъ у насъ. И какое простонародье тамъ? Не наши мужики, о которыхъ только изъ насъ же нѣкоторые полагаютъ, будто они лѣнны, но которые давно заслужили въ западной Европѣ славу своей неумоимостью, — нѣтъ, африканская раса, о которой огромное большинство и нѣмецкихъ, и французскихъ, и англійскихъ ученыхъ твердитъ, что лѣность прирождена ей. Не такіе авторитеты какъ г. Бланкъ говорятъ, что негръ ненавидитъ всякій трудъ и можетъ работать только изъ-подъ палки. Посмотримъ же, было ли разорительно при такихъ работникахъ и при такомъ климатѣ уничтоженіе обязательнаго труда для вестъ-индскихъ землевладѣльцевъ; и если бы оказалось, что ихъ жалобы на лѣность освобожденныхъ негровъ несприсяедливы, что негры нанимаются въ работу охотно и работаютъ усердно, что хозяйство съ

наемнымъ трудомъ, даже на Ямайкѣ, гораздо выгоднѣе обязательнаго труда для землевладѣльца, то, вѣроятно, можно будетъ заключить, что въ нашемъ климатѣ нангъ народъ подаетъ еще меньше причинъ каждому, хотя сколько нибудь разсудительному и разчетливому землевладѣльцу, жалѣть объ уничтоженіи обязательнаго труда.

Мы могли бы вмѣсто перевода представить только извлеченіе изъ статьи *Edinburgh Review*. Но факты, на которые мы обращаемъ вниманіе читателя, противорѣчатъ мнѣнію, чрезвычайно распространенному, и мы не хотимъ подавать повода къ подозрѣнію, что сколько нибудь измѣнили ихъ: пусть говоритъ самъ *Edinburgh Review*.

Лѣтъ сто тому назадъ, когда чернокожіе люди рѣдко попадались къ сѣверу отъ Твида, старая шотландская леди, встрѣтивъ однажды на улицѣ негра, съ величайшимъ удивленіемъ воскликнула: — „Посмотрите, господа, чего нельзя сдѣлать за деньги!“ Точно также могла бы воскликнуть и англійская нація. Цѣною 20 милліоновъ фунтовъ мы создали свободнаго вестъ-индскаго негра. Посмотримъ теперь, благоразумное ли употребленіе дали нашему капиталу?

Многіе высокіе авторитеты уже отвѣчали на этотъ вопросъ. Они объявили, что наши вестъ-индскіе острова, нѣкогда богатѣйшіе и прекраснѣйшіе въ мірѣ, теперь пришли въ окончательный упадокъ, что ихъ города разрушаются, брошены жителями, разорены; гавани пусты, торговля уничтожена, земледѣліе впало въ агонію, старые склады запасовъ истощены, владѣтели этихъ нѣкогда плодородныхъ странъ томятся въ бѣдности или умерли съ горя; наконецъ негры, для которыхъ все это было сдѣлано, съ каждымъ днемъ становятся болѣе дикими, лѣнивыми, скотоподобными. Вотъ, говорятъ эти высокіе авторитеты, вотъ что сдѣлала наша филантропія. Посмотримъ, справедливо ли все это. Вопросъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Освобожденіе англійскихъ невольниковъ было поступкомъ безпринципнымъ въ исторіи человѣчества. Мы не знаемъ другаго примѣра такой благородной жертвы, принесенной цѣлымъ народомъ. Англійская нація нашла рабство дѣломъ жестокимъ; нашла, что оно нарушаетъ законъ любви; потому она рѣшилась уничтожить рабство и приняла на себя всѣ издержки по этому дѣлу. За освобожденіе невольниковъ она заплатила 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Можно ли, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, назвать этотъ поступокъ безразсуднымъ? Правда ли, что онъ внесъ въ міръ страданія, а не благоденствіе? Правильнымъ рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, конечно, стоитъ заняться. Дать на нихъ отвѣтъ утвердительный, значило бы опровергнуть старый, благородный афоризмъ: „справедливость вредна не бываетъ“. Если освобожденіе негровъ привело къ злу, а не къ добру, то веяній будетъ имѣть право сказать, что права человѣка сами по себѣ достойны всякаго уваженія, но что исключительно уважая ихъ, человѣкъ рискуетъ остаться въ дуракахъ.

Мы вовсе не отвергаемъ того, что вестъ-индскимъ землевладѣльцамъ пришлось пережить трудный періодъ въ 1847 и слѣдующихъ годахъ. Неудивительно, что составилось тогда мнѣніе, будто освобожденіе невольниковъ нанесло смертельный ударъ нашимъ нѣкогда процвѣтавшимъ колошіямъ. Публика не хотѣла принять въ соображеніе, что крикъ отчаянія плантаторовъ раздался четырнадцать лѣтъ

послѣ уничтоженія невольничества, непосредственно послѣ переворота совершенно иного рода. Публика не замѣтила также, что до нея доходилъ не общій голосъ вѣсть-индскаго населенія, а главнымъ образомъ только вопли тѣхъ землевладѣльцевъ, которые жили въ Англіи. Эти вопли естественно звучали всего громче; но не были выраженьемъ мнѣнія массы населенія. Публика весьма естественно пришла въ мысли, что гибель постигла всѣ наши сахарныя плантаціи, хотя на самомъ дѣлѣ пострадали только нѣкоторыя изъ нихъ. Весьма естественно, что когда пересталъ раздаваться „этотъ яростный, ужасный вопль страданія“ (выражаясь словами, употребленными тогда въ рѣчи королевы), міръ заключилъ, что его заглушила смерть; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ замолкъ, потому что кризисъ миновался. Міръ вообразилъ, будто наши сахарныя колоніи исчезли съ лица земли, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ быстро пріобрѣтаютъ цѣнность, какой до освобожденія никогда не имѣли.

Долгое и внимательное изученіе этого вопроса непреодолимой силой привело насъ къ заключенію, что публика ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Мы надѣемся, что читатель, который послѣдуетъ за нами до конца этой статьи, согласится, что освобожденіе невольниковъ оказыѣается выгоднымъ для плантаторовъ, даже если откинуть все, кромѣ денежной стороны вопроса. Мы представимъ доводы, которые положительно доказываютъ, что если бы Англія даже совершенно не думала о тѣхъ благородныхъ принципахъ, которые подвинули ее на великое дѣло, если бы она просто съ тонко-бдительнымъ разчетомъ искала своей выгоды, — и тогда освобожденіе невольниковъ было бы съ ея стороны дѣломъ полезнымъ и умнымъ.

И такъ, вотъ простой вопросъ, на который мы искали отвѣта. Не заботясь о гуманности, нравственности, имѣя въ виду одинъ только карманъ, мы хотѣли узнать, была ли эманципація хорошей или дурной спекуляціей? Она, безъ сомнѣнія, была выполнена съ доброй цѣлью; но разорили ли филантропы Вѣсть-Индію или напротивъ спасли ее отъ неизбѣжнаго, безотлагательнаго разоренія и поставили на путь къ здоровому и блистательному благоденствію? Пусть это будетъ пробнымъ камнемъ великаго опыта, сдѣланнаго въ 1834 году. Осудимъ его безусловно, не обращая никакого вниманія на его благородство, если онъ привелъ бывшія невольничьи колоніи къ разоренію. Но если бѣдствія, постигшія Вѣсть-Индію въ 1847 году, должны очевидно быть отнесены къ другимъ причинамъ, если они были только мимолетной грозой, если, по устраненіи этихъ причинъ, Вѣсть-Индія нашла въ свободѣ источникъ благосостоянія, неизвѣстнаго во дни рабства, — тогда провозгласимъ величіе совершеннаго нами освобожденія.

Факты приводятъ насъ къ утвердительному отвѣту. Они показывають, что невольничество съ страшной быстротой увлекало наши колоніи къ гибели; что, продлись оно еще полъ-столѣтія, положеніе ихъ стало бы неисправимымъ. Съ другой стороны эти факты намъ показывають, что теперь подъ вліяніемъ свободы наши колоніи съ каждымъ днемъ становятся богаче и счастливѣе. Торговля ихъ расширяется, земледѣліе совершенствуется, населеніе становится развитѣе, промышленнѣе, нравственнѣе.

Никогда еще судьба цѣлаго народа не подвергалась столь коренному перевороту, какъ тотъ, который испытали 800,000 британскихъ негровъ при переходѣ изъ рабства къ свободѣ. Когда въ ночь 31-го іюля 1834 года началъ раздаваться

звукъ двѣнадцати-часоваго колокола, ови еще были, въ глазахъ закона, вещами, движимымъ имуществомъ, вьючнымъ скотомъ, собственностью своихъ владѣльцевъ; когда замолвъ этотъ звукъ, они стали людьми свободными, поднялись до уровня тѣхъ самыхъ людей, которые прежде владѣли ими. Весь порядокъ вещей измѣнился до такой степени, что теперь не легко составить себѣ живое понятіе объ уничтоженномъ состояніи общества, хотя еще осталось достаточное количество слѣдовъ отъ главныхъ чертъ этого безобразнаго прошедшаго. Просматривая кипы документовъ о невольничьихъ колоніяхъ во время борьбы за эманципацію, мы были удивлены ужасными размѣрами жестокости, порождаемой невольничествомъ. Есть много людей убаюкивающихъ себя легкимъ и сладкимъ убѣжденіемъ, что плантаціи наши пользовались благами кроткаго управленія, и что рассказы о варварствѣ, будто бы господствовавшемъ въ нихъ, не болѣе, какъ чистый вздоръ. Мы нашли слишкомъ много причинъ перемѣнить свой взглядъ на этотъ вопросъ. Но, несмотря на мракъ рабства, на его слишкомъ частые ужасы, кажется, что и въ этой атмосферѣ иногда игралъ солнечный лучъ. Восхитительная картина блестящей стороны невольничества показана намъ Льюисомъ, человѣкомъ съ поэтической душой и чрезвычайно добрымъ сердцемъ, поѣхавшимъ на свои плантаціи по сознанію своихъ обязанностей относительно невольниковъ. Онъ прибылъ въ Ямайку 1-го января 1816 года. Тяжелыя работы сбора жатвы только что кончились, и негры находились въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Воздухъ былъ упоительно благоуханенъ. Запахъ пахучихъ деревъ напомнилъ Льюису „живительный, пропитанный благоуханіями воздухъ рая“. Мѣстность имѣла чрезвычайно живописный характеръ, при яркой зелени растительности, и оживлялась игрушечнымъ видомъ негритянскихъ домиковъ, окруженныхъ небольшими садами, съ пахучими кустарниками. Радость невольниковъ при видѣ своего господина выразилась шумно. Они пѣли, плясали, кричали, шутя, толкали другъ друга, катались по землѣ; и всѣ наперерывъ, мужчины, женщины и дѣти, громко болтали. Матери подымали своихъ черныхъ, лоснящихся ребятишекъ, смѣясь во весь ротъ, и кричали: — „Масса, масса, посмотри: вотъ будетъ массъ хорошій негритенокъ“. Была и женская красота для пополненія картины. Представительницей ея была Мери Уайтпнсъ, негритянка чистой крови съ великолѣпными зубами, съ кроткимъ и блестящимъ взоромъ. Старые слуги семейства Льюиса собрались взглянуть на него и обнаружили теплоту энтузіазма, составлявшую необыкновенно пріятный контрастъ съ холодными англійскими манерами. Онъ расчувствовался въ атмосферѣ добрыхъ взглядовъ и кроткихъ словъ, ждавшихъ его отвѣтной улыбки. Пурпурныя горы съ трехъ сторонъ замыкали мѣстность, дойки, разсѣянные вокругъ, давали всей сценѣ видъ необыкновенной жизни. Картина была тѣмъ заманчивѣе, что вся обстановка отличалась щеголеватымъ видомъ. Негры были одѣты въ куртки и панталоны совершенно бѣлые, или съ красными и голубыми полосками. Тутъ толпа негровъ несла на головахъ спѣлый тростникъ на мельницу. Тамъ другая относила выжимки. Стада индюшекъ искали подъ деревьями убѣжища отъ зноя. Рѣка была наполнена утками и гусями. Кузнецы и плотники стучали молотами и топорами. Тяжелыя телѣги, запряженные шестью или восемью волами, свозили съ полей груды маиса. Черные ребятишки укладывали его въ магазины, или дрались со свиньями, такими же черными, какъ и они сами, и съ такою же дѣятельностью принимавшимися красть зерно, чуть только ребятишки выпускали ихъ изъ виду. Вотъ кар-

тина, поразившая взоръ мистера Льюиса, когда онъ явился на открытой галлерей своего дома.

Вотъ какимъ аркадскимъ благоденствіемъ пользовались невольничьи плантація добраго и богатаго владѣльца. Но оказывается, что и этотъ эдемъ не былъ безусловно счастливъ.

Подъ кроткимъ управленіемъ мистера Льюиса дѣла шли очень мирно; но и тутъ онъ сталъ замѣчать вещи, которыя далеко ему не нравились. Онъ самъ говорить, что „безмѣрны были его удивленіе и досада“, когда онъ открылъ, что дѣлалось въ плантаціи прежде, чѣмъ стали ожидать его пріѣзда. Письма его отца постоянно были наполнены самыми положительными приказаніями о хорошемъ обращеніи съ невольниками. Управитель, котораго онъ выбралъ, пользовался отличнѣйшей репутаціей. При всемъ томъ, онъ позволилъ надзирателю, — своему помощнику, — обращаться съ неграми такъ жестоко, что было время, „когда они положительно вынуждены были взбунтоваться, и почти всѣ лучшіе невольники разбѣжались“ „Если бы я самъ не отправился на Ямайку, прибавляетъ мистеръ Льюисъ, то по всей вѣроятности не имѣлъ бы и самой неполной идеи о томъ, какому ужасному обращенію были подвергнуты эти несчастныя созданія“. Его управитель ничего не сказалъ ему прямо, а только покачалъ головою, и далъ ясно понять бѣдному Льюису, что съ невольниками нельзя имѣть дѣла безъ бича. Необходимость этого двигателя скоро выяснилась самому Льюису, потому что вмѣсто 33 бочекъ сахару въ недѣлю, которыя выдѣлывались до его прібытія, невольники стали выдѣлывать всего 13 бочекъ. „Негры развращены“, замѣчаетъ Льюисъ; но скоро онъ пришелъ къ тому же заключенію и относительно бѣлыхъ, жившихъ въ колоніи: плантаторы обвинили его передъ судомъ за излишнюю снисходительность къ его же собственнымъ невольникамъ! Осматривая другую свою плантацію, которую считалъ „совершеннѣйшимъ подобіемъ рая“, онъ, къ прискорбію, увидѣлъ, что она была „адамъ на землѣ“.

А какимъ земнымъ адамъ были плантаціи другихъ владѣльцевъ, можно судить по простому, неприкрашенному разсказу мистера Уитли, бывшаго въ 1832 году бухгалтеромъ въ плантаціи Нью-Грундъ, на Ямайкѣ. Разсказъ этотъ такъ живъ, что мы рѣшаемся передать одну изъ многихъ сценъ, находящихся въ немъ. Замѣтимъ, что эти возмутительныя жестокости вовсе не были явленіемъ исключительнымъ.

„12-й примѣръ.“ Замужнюю женщину, мать нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей, однажды утромъ притащили къ дому надзирателя, обвиняя въ покражѣ курицы. Доказательствомъ преступленія представили нѣсколько перьевъ, будто бы найденныхъ въ ея хижинѣ. Надзиратель спросилъ ее, можетъ ли она заплатить за птицу. Она дала ему какой-то отвѣтъ, котораго я не могъ ясно разслышать. Надзиратель повторилъ свой вопросъ, и снова получилъ такого же рода отвѣтъ. Тогда онъ сказалъ: — „разложите ее“. При этихъ словахъ женщина наполнила воздухъ криками ужаса; лицо ея страшно измѣнилось, губы мертвенно поблѣднѣли. Надзиратель съ ругательствомъ повторилъ свое приказаніе. Женщину тогда растянули на землѣ, два негра стали держать ее. Платье и рубашка были сорваны съ ея спины, и, обнаживъ ее такимъ грубымъ образомъ, ее подвергли ударамъ бича. Наказаніе этой несчастной было безчеловѣчно жестоко. Она была довольно полна собой, и бичъ глубоко врѣзывался въ тѣло при каждомъ ударѣ. Она сильно рвалась изъ

рукъ палачей и громко стонала, но не произносила ни одного слова. Только однажды у нея вырвался умоляющій вопль: она просила, чтобы не выставляли ея наготы. Женская стыдливость заставляла ее страдать еще больше, чѣмъ жестокая физическая боль. Но на эту просьбу надзиратель отвѣчалъ только грубой бранью и бичеваніе продолжалось. Несмотря на свое отвращеніе, я досмотрѣлъ дѣло до конца, считая ударъ за ударомъ. Ихъ насчиталось *пятьдесятъ*, между тѣмъ какъ колониальные законы ограничивали произволъ владѣльца или управителя тридцатью девятью. Несчастная жертва была страшно истерзана. Когда ей позволили встать, она снова громко вскрикнула. Надзиратель разразился грубымъ ругательствомъ и погрозилъ снова „разложить“ ее, если она не уймется. Затѣмъ онъ приказалъ отвести ее въ госпиталь, и поставить въ колодки. Въ колодкахъ ее продержали нѣсколько ночей сряду, а днемъ заставляли заниматься какой нибудь легкой работой во дворѣ госпиталя. Она была истерзана такъ жестоко, что не могла быть послана въ поле въ теченіе нѣсколькихъ дней“.

Въ четырехъ „коронныхъ колошіяхъ“ англійское правительство могло повелѣвать. Оно потребовало, чтобы каждый плантаторъ подъ присягой представилъ отчетъ о наказаніяхъ, которымъ подвергались его невольники. Въ этихъ присяжныхъ отчетахъ за 1828 и 29 годы показано 68,921 наказаніе. Законъ, въ коронныхъ колошіяхъ, ограничивалъ число ударовъ двадцатью-пятью. Его постоянно нарушали; но мы все-таки положимъ, что среднимъ числомъ давали только 20 ударовъ. При такомъ счетѣ число ударовъ, правильнымъ порядкомъ розданныхъ неграмъ, въ однихъ этихъ четырехъ колошіяхъ, въ теченіе только двухъ лѣтъ,—доходить до 1,350,000! Плантаторы показали, что изъ этого числа 25,094 наказанія, или при той же средней цифрѣ, поль-милліона ударовъ пришлось на долю *женщинъ!*

Итакъ, кажется, довольно ясно, что бичъ и страхъ бича должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ необъятную массу физическаго и нравственнаго страданія. Въ этомъ отношеніи освобожденіе, безъ всякаго сомнѣнія, значительно увеличило благосостояніе человѣка, замѣнивъ тиски страха приманкой награды. Но самой чудовищной, поразительной чертой вестъ-индскаго общества при невольничествѣ былъ тотъ фактъ, что невольники вымирали въ размѣрѣ, который даже тогда называли „ужаснымъ“.

Не рассказы о жестокостяхъ открыли парламенту весь вредъ, всю нелѣпость невольничества. Въ умѣ государственныхъ людей Англій смертельный ударъ былъ нанесенъ ему отчетами о движеніи народонаселенія. Изъ восемнадцати острововъ только одиннадцать прислали такіе отчеты; но и тутъ уже обнаружился „ужасный“ фактъ, что въ теченіе двѣнадцати лѣтъ число невольниковъ на этихъ островахъ уменьшилось на 60,219 человѣкъ. Въмсто 558,194 ихъ тогда оказалось 497,975 *). Изъ этого факта, каждому легко было понять, что система невольничества не можетъ держаться. Замучивая вестъ-индскихъ негровъ работою до смерти, можно было получать хорошіе доходы въ теченіе извѣстнаго времени: но, à la longue, это не могло быть выгодной аферой. Вопросъ о народонаселеніи сталъ главнымъ, можно сказать единственнымъ предметомъ преній о невольничествѣ въ 1831 и 32 годахъ. Можно ли было назвать невольничество поголовнымъ убій-

*) Уменьшеніе числа невольниковъ вслѣдствіе отпуска ихъ на свободу сюда не включено.

ством рабочаго сословія нашихъ сахарныхъ острововъ—вотъ вопросъ, который и съ денежной стороны, и съ нравственной стороны былъ разобранъ въ долгихъ, горячихъ спорахъ. Результатомъ ихъ было полное подтвержденіе ужаснаго факта. По выраженію Марріета, невольники вымирали, „какъ чумныя овцы“.

Итакъ, что бы ни говорили въ пользу вестъ-индскаго невольничества, оно все-таки должно быть заклеявлено тѣмъ приговоромъ, что *негры отъ него вымирали*. Наступило освобожденіе, и дѣло вдругъ пережилось. Въ слѣдующіе двѣнадцать лѣтъ число негровъ въ десяти колошихъ (важнѣйшіхъ колоніи не прислали отчетовъ) *увеличилось* на 54,076 человекъ. Одно этого факта довольно для оправданія освобожденія. Какія бы бѣдствія оно ни повлекло за собой, все же смерть всѣхъ невольниковъ была бы вреднѣе для владѣльцевъ. А между тѣмъ дѣло именно шло къ этому, и даже весьма быстро. Если бы смертность продолжалась въ тѣхъ же размѣрахъ, невольники всѣ вымерли бы въ теченіе одного столѣтія. Предоставляемъ здравому смыслу нашихъ читателей рѣшить, могло ли быть выгоднымъ продолженіе такого порядка вещей.

Мы показали, какъ убійственно было страданіе, которому невольничество подвергало рабочіе классы Вестъ-Индіи. Мы бросили взглядъ на притѣсненіе, которое они выдерживали, и показали, какъ они вымирали отъ него. Итакъ, принимая въ соображеніе массу народа, было не только добрымъ, но и благоразумнымъ дѣломъ разорвать ихъ цѣпи. И теперь, можетъ быть, покажется страннымъ, что было когда нибудь время, когда желали продолженія такого порядка вещей ради выгодъ небольшого числа лицъ. Но защита системы сдѣлалась уже окончательно нелѣпой, когда оказалось, что она не имѣла даже плачевной заслуги обогащать тѣхъ, для чьихъ выгодъ ее поддерживали. Въ Вестъ-Индіи яенѣ чѣмъ гдѣ нибудь обнаружилась истина, что замѣна естественнаго порядка вещей искусственнымъ есть близорукое безуміе. Дѣйствительно, плантаторы были люди, владѣвшіе богатѣйшими землями въ мірѣ. Имъ принадлежало большое число людей, которыхъ они могли заставлятъ работать сколько хотѣли. Они пользовались монополіей до того строгой, что даже сахаръ другихъ владѣній Англіи, сахаръ Индіи и Сингапура былъ устраненъ отъ конкуренціи съ ними. И несмотря на все это, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, эти люди безпрестанно представляли министру колоній и парламенту записки, наполненныя жалобами, стонами и горемъ. Даже въ 1805 году, еще до запрещенія привоза невольниковъ изъ Африки, плантаторы говорили, что положеніе ихъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ, и грозить имъ неминуемымъ разореніемъ. Это дѣйствительно было справедливо.

Если бы мы привели здѣсь всѣ эти, теперь забытыя, жалобы плантаторовъ, онѣ показались бы скучны. Мы только посмотримъ, въ какомъ положеніи были денежные дѣла плантаторовъ въ 1830 году, когда невольничество и монополія достигли полнѣйшаго своего развитія, за три года передъ уничтоженіемъ невольничества.

Въ 1830 году лордъ Чендосъ представилъ отъ имени вестъ-индскихъ плантаторовъ просьбу, свидѣтельствовавшую „о тяжелыхъ бѣдствіяхъ, съ которыми они борются“. Въ своей рѣчи онъ объявилъ, что они „не въ состояніи выдерживать долѣе это бѣдствіе, что они приведены въ положеніе, которое вынуждаетъ ихъ просить помощи парламента“. Брайтъ (конечно, не нынѣшній Брайтъ) говорилъ:— „бѣдствія вестъ-индскихъ колонистовъ не имѣютъ себѣ подобныхъ въ цѣ-

ложь государствъ. Многія семейства, прежде жившія въ изобиліи, теперь приведены къ окончательной нищетѣ“. West-India Reporter также приводит отчетъ о коммерческомъ состояніи Вестъ-Индіи, въ которомъ сказано: „положительныя свидѣтельства довазываютъ, что только быстрыя и энергическія мѣры могутъ спасти большинство плантаторовъ отъ разоренія, которое, въ противномъ случаѣ, неминуемо должно постигнуть ихъ въ весьма непродолжительномъ времени“. Производство колошій уменьшалось. Такъ въ теченіе пятилѣтія, заключеннаго 1820 годоу, изъ Ямайки было вывезено 585,172 бочки сахара, а въ пятилѣтіе, заключенное 1830 годоу, всего только 493,784—уменьшеніе 91,388 бочекъ. А если возьмемъ десятилѣтія, заключенныя 20 и 30 годами, то увидимъ въ теченіе послѣдняго уменьшеніе на 201,843 бочки.

Другой фактъ очевидно показываетъ, что эти бѣдствія постоянно бы усиливались, если бы невольничество не было уничтожено. Голландская колонія въ Суринамѣ подверглась тому же разоренію, которое постигло и наши острова. Сохраненіе невольничества нисколько не измѣнило въ ней дѣла. Передъ нами обширная колонія, гдѣ невольничество поддерживается во всей своей силѣ и прелести. Къ чему же привелъ этотъ порядокъ вещей?—Къ разоренію почти окончательному. „Изъ 917 плантацій 636 совершенно оставлены! Изъ числа прочихъ 65 производятъ только лѣсъ или сѣбствныя припасы“. Небольшой остатокъ другихъ близокъ къ гибели.

И такъ, вотъ положеніе дѣлъ, съ которымъ приходилось бороться государственнымъ людямъ 1833 года. Передъ ними была система, поддерживавшаяся одной только силой. Она лишала 800,000 невольниковъ всякихъ гражданскихъ и чело-вѣческихъ правъ, считала ихъ животными, назначенными только обогащать своимъ трудомъ немногія англійскія семейства. Она умерщвляла этихъ людей, и въ то же время привела ихъ владѣльцевъ къ бѣдственному состоянію. „не имѣющему себѣ подобнаго“; привела этихъ джентльменовъ Англій къ позорной необходимости просить „помощи“ парламента. Наконецъ она постоянно уменьшала производительную силу плодородныхъ острововъ Вестъ-Индіи. Убійство рабочаго класса, разореніе владѣльцевъ—вотъ блистательное дѣло невольничества, вотъ порядокъ вещей, къ которому многіе взоры все еще обращаются съ нѣжнымъ сожалѣніемъ. Самъ Карлейль, главный ненавистникъ филантроповъ, съ обычной своей силой сказалъ намъ:

„Чтобы успѣть въ этотъ міръ, чтобы достигнуть счастья, побѣды, развитія, чело-вѣку или народу нужно только одно:—узнать отношеніе истинныхъ законовъ міра къ вену и къ его цѣлямъ, и затѣмъ съ постоянствомъ и вѣрой слѣдовать этимъ законамъ. Они приведутъ его къ побѣдѣ. Кто бы ни поставилъ его на этотъ путь, можетъ быть назвать его другомъ изъ друзей. И по той же причинѣ слѣдуетъ назвать нашимъ врагомъ изъ враговъ того, кто совращаетъ насъ съ этого пути“.

Это оказалось совершенно справедливымъ въ Вестъ-Индіи, гдѣ произвольное установленіе искусственныхъ законовъ вмѣсто естественной свободы чело-вѣка готово было привести къ уничтоженію рабочаго класса и окончательному разоренію плантаторовъ.

Мы не имѣемъ въ виду разбирать, почему невольничество должно было привести не къ богатству, котораго отъ него ждали, а къ этому непредвидѣнному разоренію. Замѣтимъ только, что это безуміе вездѣ имѣло тѣ же роковыя послѣдствія.

Замѣна свободнаго труда невольничьимъ имѣла значительное вліаніе на постепенный упадокъ Римской имперіи. Россія одна изъ всѣхъ христіанскихъ государствъ до сихъ поръ удерживала своихъ крестьянъ въ неволѣ; и Россія далеко отстала отъ остальнаго христіанскаго міра и въ денежномъ, и въ нравственномъ богатствѣ.

Но всего поразительнѣе этотъ фактъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Путешественники свидѣтельствуютъ, что, несмотря на роскошь почвы и климата, эти штаты имѣютъ ^{жалкій} видъ, если сравнить ихъ съ свободными штатами Союза. Американскій агрономъ, мистеръ Олмстедъ, разобравъ вопросъ съ тактомъ практическаго фермера, представляетъ намъ неопровержимыя доказательства разрушительнаго вліанія невольничества и превосходно объясняетъ, почему наемъ чело^{вѣка}, ^{годнаго} къ данной работѣ, ^{непремѣнно} обойдется дешевле, чѣмъ содержаніе цѣлой орды людей, изъ которыхъ работа ^{выжимается} страхомъ кнута. Читая его печальный разсказъ о бѣдствіяхъ невольничьихъ штатовъ, ясно понимаешь, какъ много должно теряться производительныхъ силъ ^{вслѣдствіе} настойчиваго, постояннаго сопротивленія, которое эта система выжиманія труда встрѣчаетъ въ работникѣ. Можно сказать, что она ^{поощряетъ} его лѣность къ самому энергическому сопротивленію.

Подъ ея вліаніемъ негръ не только всѣми силами старается употребить возможно большее время на возможно меньшій трудъ; но, по согласной жалобѣ всѣхъ негровладѣльцевъ, становится до такой степени невнимательнымъ, что уничтожаетъ всякую возможность земледѣльческихъ и мануфактурныхъ усовершенствованій. Невольникамъ нельзя довѣрить никакой машины. При невольничьемъ трудѣ необходимо имѣть самые простые инструменты, отказаться отъ всѣхъ усовершенствованій, ускоряющихъ работу. Эта азва такъ ужасно тяготѣла надъ Вестъ-Индіей, что даже плугъ (съ тѣхъ поръ вошедшій во всеобщее употребленіе) былъ неизвѣстенъ во время невольничества.

Въ необходимой тенденціи рабства къ развитію въ рабочемъ классѣ лѣности и неспособности заключается, по нашему мнѣнію, истинная причина, по которой оно всегда разоряетъ народъ, держащійся его. Не знаемъ, справедливо ли такое объясненіе, но во всякомъ случаѣ мы видѣли, что вестъ-индскіе плантаторы быстро стремились къ этой пропасти. Потому британскій парламентъ не сдѣлалъ ошибки, когда положилъ конецъ этому положенію дѣлъ. Даже тѣ, которые находятъ, что оевобожденіе негровъ имъ повредило, жалуются теперь уже не на самое дѣло, а на способъ введенія его въ англійскихъ колоніяхъ. Они горько жалуются, что невольниковъ освободили съ торопливостію, между тѣмъ какъ при введеніи постепенныхъ мѣръ, приспособленныхъ къ облегченію переворота, все пошло бы отлично. Но если это справедливо, аболіціонисты имѣютъ полное право обвинить въ этомъ только самихъ плантаторовъ, которые не согласились на постепенное приготовленіе. Мы не хотимъ порицать плантаторовъ, они трусили, и потомъ дорого заплатили за свою непредусмотрительность. Но мы должны упомянуть объ ошибкахъ, которую они сдѣлали.

Всего любопытнѣе въ этой исторіи то, что люди, которые требовали переходныхъ мѣръ, — теперь подвергаются обвиненію отъ тѣхъ самыхъ людей, которые сопротивлялись имъ до послѣдней крайности; и обвиненію въ чемъ же? — въ препятствованіи этимъ мѣрамъ! Но пока руководители аболіціонистовъ не потеряли

всякой надежды склонить вестъ-индскихъ плантаторовъ сдѣлать хотя что нибудь для приготовления своихъ невольниковъ къ освобожденію, они сильно хлопотали объ этихъ предварительныхъ иѣрахъ. Когда въ 1823 году мистеръ Бевстонъ сдѣлалъ первое предложеніе объ уничтоженіи невольничества, онъ прямо объявилъ:

„Цѣль вама — уничтоженіе невольничества, уничтоженіе полное, обнимающее все пространство британскихъ владѣній. Мы однако не думаемъ ни о быстромъ окончаніи этого дѣла, ни о внезапномъ освобожденіи негровъ. Мы имѣемъ въ виду такія подготовительныя распоряженія, которыя съ медленной постепенностью, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, понемногу привели бы насъ къ уничтоженію невольничества, *сдѣлавъ сначала негровъ способными пользоваться свободой*“.

Онъ въ особенности требовалъ освобожденія молодыхъ дѣтей невольниковъ, чтобы вслѣдствіе этого невольничество могло постепенно исчезнуть.

Что могло быть умѣреннѣе этихъ стремленій? Циркулярныя письма, отправленныя вслѣдствіе этого диспута на невольничьи острова Кенниатомъ, просто „совѣтовали“ колониальнымъ властямъ принять какія нибудь временныя мѣры, которыя могли бы приготовить негровъ къ свободѣ. Ярость, вызванная этими спасительными совѣтами, показала аболиціонистамъ, какъ неосновательна была надежда, что плантаторы согласятся на постепенное уничтоженіе невольничества.

Одну изъ „переходныхъ мѣръ“, такъ кратко предложенныхъ Кенниатомъ, долженъ былъ бы, кажется, охотно принять каждый англичанинъ, въ какой бы части свѣта онъ ни жилъ. Кеннингъ предлагать прекратить бичеваніе женщинъ. Очевидно, что нельзя было надѣяться на возвышеніе нравственнаго уровня невольниковъ, пока ихъ жены, сестры и матери были подвергнуты бичу всякаго разбойнива, поставленнаго надъ ними. Съ чего же было и начинать улучшенія, если бы колонисты не согласились отказаться отъ такой привилегіи? И однако во всѣхъ колоніяхъ было рѣшено, — сохранить вредный и возмутительный обычай.

Аболиціонисты или, точнѣе, англійская публика рѣшилась покончить съ этими шутками, и сказала прямо, что если невольничества нельзя ослабить понемногу, такъ оно должно быть уничтожено. „Ученичество“ было однако новой попыткой дать свободу какъ нибудь постепенно. Раздраженіе владѣльцевъ и невольниковъ было его единственнымъ слѣдствіемъ. Ово не допускало ни бича, ни заработной платы; и потому, вмѣсто приготовления негровъ къ энергической работѣ по найму, оно только усилило разрывъ между ними и ихъ прежними владѣльцами.

Мы пришли теперь въ концу перваго періода въ исторіи англійской Вестъ-Индіи — періода невольничьяго труда. Мы видѣли, что при этомъ порядкѣ вещей рабочіе вымирали, производительность слабѣла, земледѣліе находилось въ варварскомъ состояніи, торговля падала, и сами владѣльцы — англійскіе джентльмены — „приведены были къ положенію, заставившему ихъ просить помощи парламента“. Мы видѣли, что не аболиціонистовъ, а тѣхъ, кто спорилъ съ ними, слѣдуетъ обвинять въ непринятіи подготовительныхъ мѣръ для переходнаго періода. Обращаясь къ этому періоду, мы можемъ прямо замѣтить, что тотчасъ за уничтоженіемъ невольничества послѣдовало сильное уменьшеніе въ количествѣ выработываемаго сахара. Плантаторы не привыкли обращаться съ неграми, какъ съ свободными людьми, которыхъ можно было только поощрять, а не принуждать къ работѣ. Мы могли бы наполнить сотни страницъ описаніемъ болѣзненныхъ и безплодныхъ усилій плантаторовъ, чтобы всякими неправдами избѣжать ужасной необходимости: обращаться прилично съ своими бывшими невольниками, замани-

вать жалованьемъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ незадолго передъ тѣмъ могли сѣчь за малѣйшее проявленіе лѣности. Эти усилія имѣли единственнымъ слѣдствіемъ внушеніе неграмъ отвращенія къ плантаторамъ и рѣшимости зарабатывать себѣ хлѣбъ гдѣ бы то ни было, только не на сахарныхъ плантаціяхъ. Притомъ очень многіе плантаторы сами заставляли негровъ оставить принадлежавшіе имъ коттеджи и земли, надѣясь, что эта угроза заставитъ ихъ работать за меньшую плату. Но результатомъ былъ только переходъ негровъ на другія мѣста *).

Итакъ, въ теченіе извѣстнаго времени въ колоніяхъ господствовало нѣкоторое затрудненіе. Многіе плантаторы находили очень труднымъ приспособить свою обстановку и самихъ себя къ новому порядку вещей. Притомъ въ 1843 году страшное землетрясеніе опустошило группу Подвѣтренныхъ острововъ. На Антигоѣ, изъ 172 сахарныхъ заводовъ, 117 были совершенно разрушены. Въ городѣ Сень-Джонѣ цѣлая треть домовъ была разрушена, а значительная часть остальныхъ повреждена до того, что не могла уже служить жильемъ. Вслѣдъ за тѣмъ разразился ураганъ, и слѣды этихъ двухъ бѣдствій были еще замѣтны шесть лѣтъ послѣ того. Снесенныя церкви, вырванныя деревья, разрушенные дома поражали глазъ Берда еще въ 1849 году. Сахарный тростникъ пострадалъ ужасно. Но еще болѣе губеленъ былъ рядъ засухъ, которыя, съ двумя только исключеніями, продолжались отъ 1840 по 1849 годъ. Шести засухъ въ теченіе восьми лѣтъ было бы конечно достаточно для разоренія плантаторовъ, если бы они даже владѣли мильонами невольниковъ.

Всѣ эти обстоятельства конечно страшно затруднили дѣло, и мы нисколько не отрицаемъ, что вестъ-индскіе владѣльцы понесли много убытковъ въ теченіе этихъ лѣтъ. Но многочисленныя свидѣтельства согласно утверждаютъ, что вскорѣ послѣ эманципаціи дѣла стали устроиваться. Выражаясь словами членовъ коммиссіи, занимавшейся изслѣдованіемъ состоянія Гвіаны въ 1850 году, скажемъ, что „обнаружились всѣ признаки перемѣны къ лучшему; количество обрабатываемой земли увеличилось, сборъ съ полей также; въ трудящемся населеніи стало замѣтно болѣе прилежанія къ работѣ, и вообще состояніе его свидѣтельствуешь о быстромъ прогрессѣ“. Невольничество кончилось въ 1834 году; ученичество—въ 1838; а только въ 1847 наступилъ для колоній кризисъ, разразившійся тогда надъ цѣлымъ міромъ.

Причиной этого кризиса былъ огромный упадокъ въ цѣнѣ сахара. Конечно и другія обстоятельства содѣйствовали увеличенію бѣдствій, начавшихся въ 1847 году; во истинное ихъ объясненіе заключается въ томъ поразительномъ фактѣ, что вестъ-индскій сахаръ, который въ 1840 году продавался въ таможенныхъ складахъ (за вычетомъ пошлины) по 49 шиллинговъ, въ 1848 году упалъ до 23 шил. 5 пенсовъ, то есть упалъ на 25 шил. 7 пенсовъ изъ 49! Если возьмемъ періодъ болѣе обширный, то увидимъ, что въ восьмилѣтіе, заключенное 1846 годомъ, сахаръ среднимъ числомъ продавался (за вычетомъ пошлины) по 37 шил. 3 пенса за центнеръ. Въ слѣдующія восемь лѣтъ средняя цѣна сахара спустилась до 24 шил. 6 пенсовъ за центнеръ. Замѣтимъ еще обстоятельство. Въ первыя восемь лѣтъ

*) Авторъ дѣльной статьи въ февральскомъ номерѣ Westminster Review на 1853 годъ приходитъ къ тому заключенію, что „уменьшеніе количества труда было прямимъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ дурныхъ поступковъ плантаторовъ“.

Вестъ-Индія производила ровно 20,000,000 центнеровъ сахара *). Въ слѣдующее за тѣмъ восьмилѣтіе производство его увеличилось на 4,500,000 центнеровъ. Проданное по прежнимъ цѣнамъ, это количество должно бы было дать пятнадцать милліонами фунтовъ стерлинговъ болѣе, чѣмъ сколько дало въ дѣйствительности. Дѣйствительный доходъ былъ даже *семью милліонами фунтовъ меньше* того, который получился въ первое восьмилѣтіе, когда сахара производилось меньше. Можно себѣ представить чувства плантаторовъ: сборъ съ полей увеличился, а между тѣмъ они получили семью милліонами меньше, чѣмъ въ прежнее восьмилѣтіе; пятнадцатью милліонами меньше, чѣмъ могли бы получить, если бы прежнія цѣны удержались! Уменьшеніе дохода семью милліонами! Одного этого факта было бы достаточно для произведенія страдальческихъ воплей, раздавшихся въ Вестъ-Индіи. Пониженіе цѣны съ 37 шил. 3 пенсовъ до 24 шил. 6 пенсовъ повлекло за собой положительный убытокъ вездѣ, гдѣ, по отсутствію владѣльцевъ, хозяйство было предоставлено небрежнымъ рукамъ управителей, или гдѣ имѣнія были обременены тяжелыми процентами по долгамъ. Сильное пониженіе цѣны сахара есть чрезвычайно важный фактъ, котораго нельзя забывать, если хотимъ понять, почему въ теченіе этихъ лѣтъ Вестъ-Индія была такъ близка отъ гибели **).

Легко понять, что такое сильное пониженіе цѣны главнаго продукта Вестъ-Индіи было бы причиной глубокаго страданія даже въ саномъ здоровомъ обществѣ. Но ударъ сталъ губителенъ потому, что періодъ рабства и монополіи оставилъ вестъ-индскихъ владѣльцевъ въ такомъ разоренномъ, болѣзненномъ положеніи, что, по справедливому замѣчанію Байджлоу, зданіе должно было во всякомъ случаѣ рушиться. Уничтоженіе или неуничтоженіе невольничества тутъ ничего не значило. Дѣла дошли во время невольничества до того, что неизбѣженъ былъ какой нибудь переворотъ, достаточно сильный, чтобы стереть съ лица земли весь старый порядокъ вещей и очистить мѣсто новому. Мы слегка укажемъ нѣкоторыя черты этого стараго порядка.

Плантаторы были во время невольничества по уши въ долгахъ. Въ 1833 году былъ, напримѣръ, учрежденъ на маленькомъ островкѣ Сантъ-Люси судъ для разбора дѣлъ по залогамъ поземельной собственности; и въ первые же 18 мѣсяцевъ существованія этого суда, несмотря на небольшіе размѣры острова, было протестовано обязательствъ на огромную сумму 1,089,965 фунт. стерл. Все это были долги, заключенные во время существованія невольничества. И этотъ островокъ не былъ исключеніемъ. На всѣхъ прочихъ господствовалъ тотъ же порядокъ вещей. Почти всѣ владѣнія были заложены, многія далеко выше своей стоимости, владѣльцамъ было почти невозможно выплачивать тяжелые проценты и извлекать хотя какой нибудь барышъ изъ сложнаго и труднаго дѣла, съ которымъ они тщетно старались справиться. Мистеръ Байджлоу (американскій путешественникъ замѣ-

*) Parliamentary Return of tea and sugar, July 1818. Этотъ отчетъ показываетъ также, что въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ вашего вѣка сахаръ продавался по 48 шил., т. е. вдвое дороже, чѣмъ съ 1846 по 1855 годъ. Неудивительно, что цѣна собственности въ Вестъ-Индіи упала съ тѣхъ поръ, какъ миновались эти блаженные старыя времена.

**) Это сильное пониженіе цѣны было, конечно до известной степени, слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ въ пользу свободной торговли въ 1846 году. Но, съ другой стороны, на него имѣли также вліяніе тѣ покровительственныя мѣры, которыя тогда были приняты Франціей, Бельгіей и другими континентальными государствами въ пользу свежловчанаго сахара. Сахаръ тростниковый былъ тогда принужденъ сосредоточиваться въ Англіи, вмѣсто того, чтобы раскопаться по всей Европѣ.

чательнаго ума и наблюдательности), разобравъ этотъ вопросъ, объявляетъ, что въ эпоху освобожденія „островъ Ямайка былъ въ неоплатномъ долгу... почти всѣ владѣнія были заложены выше своей стоимости и не могли выплачивать лежавшихъ на нихъ процентовъ... Банкротство было неизбежно“.

Но самымъ невыгоднымъ обстоятельствомъ въ положеніи прежнихъ владѣльцевъ было то, что почти никто изъ нихъ не жилъ въ своихъ владѣніяхъ; а если кто и жилъ, то не былъ приготовленъ къ управленію имѣніемъ. Почти всѣ сахарныя плантаціи принадлежали лицамъ жившимъ въ Англіи, которыя никогда и не видали своихъ владѣній. Всякому извѣстно, какъ рѣдко окупается даже простая англійская ферма, если ее не арендуютъ, а просто поручаютъ управителю на жалованьи. А тутъ, кромѣ земледѣльческаго риска, на долю плантатора выпадало сложное мануфактурное производство, требующее очень большихъ издержекъ въ внимательнаго присмотра. И все это поручалось агенту владѣльца.

Очень не рѣдко этотъ агентъ былъ человѣкомъ честнымъ, несмотря на сильное искушеніе; человѣкомъ воздержнымъ—несмотря на изобиліе рома и нравы вестиндскаго общества; человѣкомъ энергическимъ—несмотря на расслабляющее дѣйствіе климата; наконецъ, очень нерѣдко онъ обладалъ и количествомъ знанія достаточнымъ для веденія обширнаго хозяйства. Но большею частью это былъ просто человѣкъ, который жилъ на Ямаикѣ съ спеціальной цѣлью—награбить какъ возможно больше. Бутылка и черныя дѣвушки занимали его гораздо больше, чѣмъ исполненіе обязанности; его энергія испарялась подѣ влияніемъ лихорадки и бѣлой горячки; съ правильными хозяйственными системами онъ не былъ знакомъ вовсе; его вадзору, наконецъ, ввѣрялось нѣсколько владѣній, къ которымъ очень часто присоединялось его собственное имѣніе, весьма естественно становившееся уже на первомъ планѣ. Какъ примѣръ послѣдняго, весьма обыкновеннаго случая, можемъ привести записку, поданную въ 1852 году сэру Генри Беркли, за подписью одиннадцати джентльменовъ „колонистовъ - производителей“. Въ этой запискѣ положительно сказано, что эти одиннадцать плантаторовъ въ то время владѣли или управляли ста двадцатью тремя имѣніями! Одиннадцать человѣкъ для управленія земледѣльческими и мануфактурными работами сахарнаго производства въ 123 имѣніяхъ, подѣ влияніемъ тропическаго солнца! Докторъ Деви говоритъ, что въ Монсерратѣ только четыре имѣнія, изъ тридцати девяти, были управляемы владѣльцами. Изъ остальныхъ, *двадцать-три* были ввѣрены одному агенту. Не удивительно, что девятнадцать изъ нихъ оказались или „дурно обработанными“ или „оставленными“. На Сень-Кристофѣ было 143 имѣнія и только восемь владѣльцевъ жили на островѣ. Мистеръ Байджлоу встрѣтился съ однимъ господиномъ, пріѣхавшимъ въ Вестъ-Индію, объяснить себѣ, почему его имѣніе съ каждымъ годомъ поглощаетъ все больше и больше денегъ. Оказалось, что его агентъ жилъ въ шестидесяти миляхъ отъ имѣнія и былъ принужденъ сдѣлать непріятное признаніе въ томъ, что ни разу его и не видѣлъ! Впрочемъ, сказать правду, владѣльцы были принуждены заключать подобныя условія. Не легко было найти англичанина, сколько нибудь знакомаго съ сахарныхъ производствомъ и согласнаго отправиться выпаривать свою жизнь на Ямайку. Нельзя порицать владѣльцевъ за то, что они не жили въ своихъ имѣніяхъ. Нельзя порицать ихъ за то, что они прибѣгали къ единственнымъ агентамъ, которыхъ могли отыскать. Но система эта, безъ еопытній, могла привести только къ банкротству и разоренію.

Всякій легко согласится, что положеніе отсутствующаго владѣльца, обремененнаго долгами, ограбленнаго, обманутаго, забытаго своимъ агентомъ, было весьма затруднительно даже въ то время, когда сахаръ продавался по великолѣпнымъ цѣнамъ. Какой же участи этотъ владѣлецъ неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться, когда съ 1840 по 48-й годъ цѣна сахара упала съ 49 шил. до 23 шил. 5 пенсовъ?

Читатель отгадаетъ причину разоренія владѣльца, припишетъ его тому, что столь сильное пониженіе цѣны должно было не только поглотить всѣ барыши, но и привести къ значительной потерѣ. Это справедливо; но все еще не въ этомъ заключается главная причина, которая привела Вестъ-Индію къ такой страшной катастрофѣ. Смертельный ударъ нанесла не простая неудача годовой операціи, но то, что эта неудача повлекла за собой совершенную потерю кредита; а вмѣстѣ съ кредитомъ исчезъ капиталъ.

Одно изъ главныхъ отличій торговыхъ операцій Вестъ-Индіи заключалось въ томъ, что обширный капиталъ, необходимый для всѣхъ работъ сахарнаго производства (капиталъ, доходящій до суммы нѣсколькихъ милліоновъ фунтовъ), ежегодно былъ занимаемъ плантаторами у купцовъ, жившихъ въ Лондонѣ, подъ залогъ слѣдующаго сбора тростника, который затѣмъ и поступалъ къ этимъ купцамъ. Когда сахаръ такъ страшно упалъ въ цѣнѣ, купцы перепугались, и кредитъ плантаторовъ лопнулъ. Они были заняты операціей, стоившей уже имъ затраты обширнаго капитала; для поддержанія ея, имъ былъ необходимъ новый капиталъ и *этого капитала они не могли достать!* Всѣ прочіе обстоятельства—долги плантаторовъ, ихъ отсутствіе, недостатокъ рабочихъ и т. д.—могли болѣе или менѣе затруднить ихъ положеніе; но настоящая сущность вопроса заключалась въ томъ, что вестъ-индскіе плантаторы вдругъ оказались лишенными капитала.

Страшный недостатокъ средствъ еще усилился, дошелъ почти до невозможности достать денегъ на какихъ бы то ни было условіяхъ оттого, что въ это самое время разразился надъ коммерческимъ міромъ кризисъ 1847 года. И, какъ будто для того, чтобы Вестъ-Индіи пришлось выпить до дна полную чашу разрушенія, вестъ-индскій банкъ подвергся банкротству.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла плантаторовъ, когда они подверглись конкуренціи Кубы и Бразиліи. Они были обременены долгами; не занимались своими дѣлами; приобрѣтеніе ими новыхъ капиталовъ было подвергнуто всѣмъ случайностямъ займа. Никогда еще такой коренной переворотъ не постигалъ людей, менѣе къ нему готовыхъ. Послѣдствія были ужасны. Читатели едва ли поблагодарили бы насъ за ихъ описаніе; да оно и не входитъ въ предѣлы, которые мы себѣ опредѣлили. Мы хотѣли только показать, какъ несправедливо приписывать этотъ кризисъ освобожденію негровъ, когда онъ очевидно былъ слѣдствіемъ упадка цѣнъ на сахаръ и тѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя мы описали. Прибавимъ только, что въ Барбадосѣ недостатка въ рабочихъ рукахъ не было, и заработная плата держалась отъ 5 до 6 пенсовъ въ день. Между тѣмъ и тамъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, „произошелъ переходъ собственности изъ рукъ въ руки, соединенный съ разореніемъ первоначальныхъ владѣльцевъ, принужденныхъ уступить свои имѣнія по сильно пониженнымъ цѣнамъ“.

Замѣтимъ еще слѣдующее обстоятельство. Старые плантаторскіе барыши упали; упали сильно. Пониженіе цѣнъ разорило людей, обремененныхъ долгами, или распорядившихся земледѣльческими и мануфактурными операціями изъ Лондона, черезъ

агентовъ. При всемъ томъ, свободная торговля не остановила сахарнаго производства ни на одно мгновение.

Съ 1840 года привозъ вестъ-индскаго сахара въ Соединенное Королевство подвергался слѣдующимъ измѣненіямъ:

ЦЕНТИНЕР.

Въ шестилѣтіе передъ установленіемъ свободной торговли (1841—1846) было привезено.	14,629,550.
Въ слѣдующія шесть лѣтъ (1847—1852).	17,918,362.
Въ послѣднія шесть лѣтъ (1853—1858).	18,443,331.

Мы видимъ, что цифра привоза постоянно росла. Въ первыхъ шесть лѣтъ послѣ освобожденія торговли, она поднялась на значительную цифру 3,288,812 центнеровъ. Въ вопросъ, наии разбираемомъ, обстоятельство это имѣетъ первостепенное значеніе. Оно безусловно, необходимо, неопровержимо доказываетъ двѣ вещи: во первыхъ, что хотя прежніе владѣльцы не могли извлекать выгодъ изъ сахарнаго производства, *за то новые владѣльцы могли*. Ясно, что количество сахара не увеличивалось бы такъ постоянно и быстро, если бы производители не находили въ этомъ выгоду. А если такъ, то, во-вторыхъ, слѣдуетъ, что разореніе прежнихъ владѣльцевъ зависѣло отъ особенныхъ причинъ—отъ ихъ долговъ, отсутствія и т. д., а не отъ недостатка рукъ; потому что съ этимъ недостаткомъ новымъ владѣльцамъ приходилось бороться точно также, какъ и старымъ. Нельзя допустить такую рѣдкость и дороговизну рабочихъ рукъ, чтобы не было средствъ покрыть эту издержку цѣною жатвы. Иначе тростника конечно и не произвели бы.

Итакъ, мы утверждаемъ, что вестъ-индскій кризисъ 1847 года былъ слѣдствіемъ упадка цѣны на сахаръ, заставшаго порядокъ вещей уже совершенно гнилой. Но, можетъ быть, при томъ же упадкѣ цѣны и томъ же гниломъ состояніи общества, кризисъ разыгрался бы съ меньшей силой, если бы невольничество не было уничтожено? Если бы плантаторы вполне пользовались невольничьимъ трудомъ, имъ можетъ быть удалось бы побѣдить эти затрудненія? Если бы они не страдали недостаткомъ рабочихъ рукъ, имъ можетъ быть удалось бы устоять подъ порывами бури, разразившейся надъ ними со столькихъ сторонъ?

Какъ? Если при полномъ развитіи невольничества и монополіи плантаторы находились въ „бѣдственномъ положеніи ни съ чѣмъ неравнимомъ“ и были принуждены „просить помощи парламента“—то можно ли предполагать, что у нихъ достало бы силъ выдержать подобную бурю? Такая мысль была бы безуміемъ. Гроза, разразившаяся надъ міромъ въ 1847 году, во всякомъ случаѣ разгромила бы плантаторовъ.

Обратимся теперь къ докучливому вопросу о недостаткѣ рабочихъ рукъ. Тутъ прежде всего должно вспомнить, что при освобожденіи вегровъ, извѣстное количество труда необходимо должно было оставить сахарное производство. Во время существованія невольничества, женщины и мужчины работали вмѣстѣ, толпами, и оба пола были принуждаемы почти къ одинаковому количеству полевой работы. Пока матери были заняты такимъ образомъ, дѣтей держали въ особеннаго рода госпиталяхъ, подъ надзоромъ нянекъ. Къ счастью, эта система исчезла вмѣстѣ съ установленіемъ свободы. Съ другой стороны, во время невольничества, больши-

ство рабочихъ ежедневно сгонялось на одну какую нибудь работу. Освободившись, каждый выбралъ себѣ ту, которую считалъ самой удобной и прибыльной. Если бы въ результатѣ оказалось меньше сахара, это нисколько не доказывало бы разоренія Вестъ-Индіи.

Затѣмъ справедливо, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно по берегамъ гвіанскихъ рѣкъ, большія массы негровъ, потерявъ сообщеніе съ цивилизованнымъ міромъ и найдя въ охотѣ и рыбномъ промыслѣ изобильныя средства къ жизни, впали въ состояніе бесполезнаго варварства. Говорятъ также, что въ портовыхъ городахъ можно встрѣтить значительное число отвратительно-грязныхъ лѣнтяевъ, которые непріятно поражаютъ случайнаго посѣтителя. Положимъ, что какой нибудь путешественникъ при выходѣ на берегъ предлагаетъ шиллингъ черному господину въ лохмотьяхъ, и проситъ его перенести свой чемоданъ. Черный господинъ поблагодаритъ „массу“, но скажетъ, что „ему не нравится“ эта работа. Путешественникъ принимаетъ его за сумасшедшаго, и обращается къ другому. Тотъ, послѣ продолжительнаго соображенія, отвѣчаетъ, что онъ „готовъ на все для удовольствія массы“; онъ „надѣется, что Господь благословитъ массу и все его семейство“ и что „масса скоро найдетъ человѣка, который исполнитъ его желаніе“, но что онъ самъ собирается вечеромъ на похороны, чтобы „проводить своего умершаго брата до могилы“. Раздраженный путешественникъ натурально придетъ къ заключенію, что всѣ негры лѣнливые негодяи, и, вернувшись домой, напишетъ пламенную тираду противъ нихъ и филантроповъ.

Но что же говорятъ люди, которые въ самомъ дѣлѣ знакомы съ этимъ краемъ? Мы были удивлены массой достовѣрныхъ свидѣтельствъ, которыя можно привести въ подтвержденіе того факта, что если гдѣ нибудь недоставало рабочихъ, такъ или потому, что у плантатора не было капитала, необходимаго для еженедѣльной уплаты жалованья по рыночной цѣнѣ, или потому, что управляющій не умѣлъ принудить себя обращаться съ неграми съ должной добротой. Рапорты губернаторовъ показываютъ, что на большей части острововъ вовсе нельзя жаловаться на недостатокъ рабочихъ рукъ. Быть можетъ, что на Ямаикѣ, въ Гвіанѣ, на Сень-Кристофѣ, Гренадѣ и Тринидадѣ нѣтъ количества рабочихъ, которое бы могло удовлетворить огромному запросу на трудъ, хотя многія точныя изслѣдованія свидѣтельствуютъ противъ этого. Замѣтимъ, однако, что Сень-Кристофъ и особенно Тринидадъ производятъ теперь гораздо больше сахара, чѣмъ во время невольничества; а въ Гренадѣ „довольство господствуетъ во всѣхъ классахъ общества“.

Многочисленные и достовѣрные авторитеты свидѣтельствуютъ, что существующій недостатокъ рабочихъ рукъ не слѣдуетъ относить къ лѣности негровъ. Понятно, что въ такомъ климатѣ ничья энергія не можетъ развиваться до такой степени, какъ въ Англіи. Но „я положительно отрицаю, писать губернаторъ Табаго въ 1857 году, — чтобы негры были преданы лѣни. Напротивъ, я могу засвидѣтельствовать, что нѣтъ въ цѣломъ мірѣ людей болѣе трудолюбивыхъ; по крайней мѣрѣ когда они работаютъ для себя“. „Немногія племена, говоритъ сиръ Чарльзъ Грей, способны къ труду болѣе тяжелому и настойчивому, чѣмъ негры, если только они увѣрены въ вознагражденіи за свой трудъ“. Докторъ Деви замѣчаетъ: „мигновеніе, что африканецъ по природѣ лѣнивъ и менѣе европейца склоненъ къ труду, очень распространено, но все-таки ошибочно. Кто, какъ я, былъ свидѣтелемъ ихъ неутомимой и заботливой работы, тотъ вѣроятно будетъ удивляться дѣятельности

негра и его любви къ труду“. Свидѣтельство такого ученаго и независимаго наблюдателя, какъ докторъ Деви, о „неутомимой и заботливой работѣ негровъ“ — достойно вниманія.

Вотъ дѣйствительныя причины недостатка рабочихъ рукъ: въ первые годы свободы недальнорукое поведеніе плантаторовъ раздражило негровъ и принудило ихъ искать себѣ пропитанія внѣ предѣловъ плантацій. Затѣмъ, послѣ 1847 года, плантаторы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣли *капиталовъ для уплаты жалованья*. Это была одна изъ сильнѣйшихъ причинъ удаленія работниковъ. Въ третьихъ, агенты плантаторовъ очень часто оскорбляли негровъ грубымъ обращеніемъ. Въ четвертыхъ, плантаторы были готовы нанимать рабочихъ *на время жатвы*, но затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могли предложить имъ ужь очень мало дѣла. Весьма естественно, что работникъ не хотѣлъ бросать остальныхъ своихъ занятій, для принятія временнаго мѣста. Наконецъ, и въ этомъ заключается сущность вопроса, участокъ земли, принадлежащій каждому свободному негру, даетъ ему больше дохода (считая за цѣлый годъ), чѣмъ плантаторское жалованье. Лордъ Гаррисъ свидѣтельствуешь, что на Тринидадѣ негръ можетъ получать 10 ф. съ cadaго акра своего участка (то есть, около 175 руб. сер. съ десятины). Если это справедливо, то для общества выгодноѣ, чтобы онъ *въ болшей степени увеличивалъ его богатство* этимъ путемъ, вмѣсто того чтобы идти работать по найму.

Можно было думать, что въ странѣ богатой плодородными землями такого рода причины отвлекутъ съ сахарныхъ плантацій гораздо больше рабочихъ рукъ, чѣмъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. Въ 1857 году въ одну Англію (независимо отъ обширнаго вывоза въ Америку) было вывезено сахара на сумму, доходившую до 5,618,000 фунт. стерл. Такіе обширные размѣры производства не должны быть приписаны наемнымъ переселенцамъ; наемные переселенцы болшею частію нанимаются въ Вестъ-Индію на пять лѣтъ. Въ послѣднее пятилѣтіе ихъ было привезено всего 25,000. Между ними было много женщинъ и дѣтей; многіе изъ нихъ умерли. Такая горсть настоящихъ рабочихъ имѣетъ очень мало общаго съ выработкой сахара на сумму, приближающуюся къ шести милліонамъ фунтовъ стерлинговъ.

Мы должны прибавить, что заработная плата далеко не высока. Конечно, сэръ А. Эльзенъ не отказываетъ себѣ въ удовольствіи сообщить намъ, что негры „такъ чудовищно-неумѣренны въ запросѣ жалованья“, такъ распущены и безпорядочны въ своихъ привычкахъ, что „отнимаютъ всякую возможность заниматься обработкой сахара съ какою бы то ни было надеждой на выгоду“. Мистеръ Карлейль, съ обычной своей силой и неточностью, также рисуетъ намъ портретъ негра, который „по уши залѣзъ въ тыкву и потягиваетъ сахарный сокъ“. Ему такъ хорошо среди Вожяго міра, что онъ конечно можетъ спокойно слушать „запросъ“ менѣе блаженной бѣлой личности и не торопится его исполненіемъ. „Давай болше жалованья, масса, ты не можешь ждать, давай болше“, кричитъ онъ, пока наконецъ не дойдетъ до цифры, выходящей изъ предѣловъ всякой возможной роскоши жатвы“.

Ни педантъ, ни эксцентрическій геній не сообщаютъ никакихъ фактовъ относительно „чудовищной заработной платы, выходящей изъ предѣловъ всякаго дохода съ самой обильной жатвы“; и можно бы было подумать, что плантаторъ

работнику платить въ два или три раза больше, чѣмъ обыкновенный англійскій фермеръ. Между тѣмъ официальные отчеты и всѣ дѣльные авторитеты согласно говорятъ, что негръ получаетъ за полевую работу, среднимъ числомъ, по одному шиллингу въ день или по шести шиллинговъ въ недѣлю. Такал сумма конечно можетъ показаться страшною бывшему негровладѣльцу; но если бы „никакая жатва тростника“ не могла покрыть такой платы, эту жатву слѣдовало бы бросить,— и ее бросили бы.

Вопросъ о недостаткѣ рабочихъ рукъ совершенно правильно изложенъ французской комиссіей, посланной для изученія положенія дѣлъ въ Вестъ-Индіи. Оставляя Гвіану, эта комиссія писала:

„Нѣкоторые изъ гвіанскихъ плантаторовъ кричатъ о невозможности жить при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что никогда не терпятъ недостатка въ рабочихъ, совершенно довольны прилежаніемъ негровъ, и производятъ ни чуть не меньше, чѣмъ въ прежнія времена.... Это надобно сказать о прежнихъ плантаторахъ. Обратитесь теперь къ новымъ; послушайте этихъ людей, знакомыхъ съ насильственнымъ трудомъ только по преданію: вы встрѣтите въ нихъ единодушіе. Они всѣ вамъ скажутъ, что довольны условіями труда, что работы ихъ идутъ успѣшно“.

Намъ кажется, что всѣ эти доводы достаточно убѣдительно доказываютъ, что не освобожденіе виновато въ вестъ-индскомъ кризисѣ 1847 года. что бѣдствія этого періода были елѣдствіемъ потери монополіи, разразившейся надъ обществомъ совершенно искусственнымъ и гнилымъ. Намъ кажется несомнѣннымъ, что потеря монополіи произвела бы точно такую же катастрофу и въ случаѣ сохраненія невольничества. Мы согласны съ тѣмъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ чувствовался во многихъ мѣстахъ, соглашаемся, что онъ былъ серьезнымъ затрудненіемъ для плантаторовъ, но очевидно, что не недостатокъ рабочихъ разорилъ плантаторовъ, разореніе плантаторовъ произвело недостатокъ рабочихъ.

Была еще и другая, сильная причина страданій, перенесенныхъ Вестъ-Индіей. По мнѣнію людей, вполне знакомыхъ съ этимъ вопросомъ, дурная администрація и дурное положеніе финансовъ имѣли огромное вліяніе на бѣдственное положеніе дѣлъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, разбирая положеніе cadaго острова отдѣльно. Мы покажемъ, какъ быстро многіе изъ нихъ достигли блестящаго благосостоянія, тотчасъ же послѣ того, какъ въ ихъ финансовомъ управленіи были произведены полезныя реформы. Мы покажемъ, какъ сильно отсутствіе такихъ реформъ затруднило положеніе Ямайки и другихъ острововъ. Теперь удовольствуемся приведешемъ двухъ, довольно забавныхъ фактовъ. Докторъ Деви говоритъ, что на Монсерратѣ считалось только 85 бѣлыхъ, удовлетворявшихъ тремъ условіямъ, положеннымъ для избирателя: имѣвшихъ болѣе двадцати лѣтъ, умѣвшихъ читать и платившихъ прямыя подати. Тѣмъ не менѣе, этотъ островъ имѣлъ президента, совѣтъ министровъ, парламентъ и 77 должностныхъ лицъ, считая въ томъ числѣ членовъ парламента. Тутъ были и вице-канцлеръ, и генераль-прокуроръ, и генераль-адвокатъ, и королевскій совѣтникъ и т. д. Губернаторъ другаго островка официально рапортовалъ, что число членовъ палаты уменьшилось отъ 44 до 42, вслѣдствіе того, нѣсколько страннаго, обстоятельства, что *одинъ избиратель*, обязанный выбрать *двухъ членовъ*, отправился въ Англію.

Остановимся на минуту. Мы доказали, кажется, что не потеря невольниковъ,

а потеря монополии привела Вестъ-Индію къ такой страшной катастрофѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что освобожденіе невольниковъ можетъ быть оправдано, но свобода торговли должна быть осуждена? Можетъ ли исторія Вестъ-Индіи служить щитомъ падающему дѣлу протекціонизма?

Напротивъ. Мы покажемъ читателю, какую массу благосостоянія свобода торговли уже распространила въ Вестъ-Индіи. Намъ скажутъ, можетъ быть, что она была страшнымъ бѣдствіемъ. Замѣтимъ на это, что нація, рѣшающаяся принять свободу торговли, находится въ положеніи вовсе не похожемъ на то, въ которомъ была Вестъ-Индія. Поступая такимъ образомъ, нація говоритъ: „вмѣсто того, чтобы силой закона загоразивать путь хорошимъ товарамъ ко мнѣ, предоставляю каждому желающему наполнять ими мои магазины“. Такого рода мѣра, даже въ первую минуту, можетъ только увеличить богатство и благоденствіе страны. Въ Вестъ-Индіи положеніе дѣлъ было совсѣмъ другое. Тамъ небольшая группа острововъ имѣла привилегію продавать свои произведенія въ метрополи, не опасаясь иностранной конкуренціи. Естественно, что рѣшимость метрополи покупать на открытомъ рынкѣ должна была нанести имъ тяжелый ударъ. Если бы весь міръ всегда покупалъ ружья въ одномъ Бирмингамѣ, а потомъ вдругъ рѣшился покупать ихъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ихъ ни дѣлали, — то конечно дѣла Бирмингамскихъ оружейниковъ пошли бы очень плохо. Съ Вестъ-Индіей былъ именно такого рода случай. Уничтоженіе всякой монополии приноситъ міру вообще большую пользу; но монополисту оно, на извѣстное время, можетъ быть вредно.

Не забудемъ также, какой нечестной конкуренціи асть 1846 г. открылъ дорогу. Плантаторы Бразиліи и Кубы не только имѣли цѣлыя стада невольниковъ, но и пользовались ввозомъ невольниковъ изъ Африки, который ежегодно доставлялъ имъ 150,000 негровъ.

Никто не оспариваетъ факта, что кубанскіе плантаторы замучиваютъ своихъ невольниковъ до смерти, среднимъ числомъ, въ семь лѣтъ. Они заставляютъ ихъ работать день и ночь во все время сбора тростника, и *Африка вознаграждаетъ ихъ за убыль въ людяхъ*. Ясно, что при такой конкуренціи положеніе английскихъ плантаторовъ было не выгодно. Мы увѣрены, что свободный трудъ очень быстро побѣдилъ бы невольничество, ничѣмъ не поддерживаемое. Но, когда можно заставлять невольниковъ работать до смерти, и замѣнять ихъ новыми, невольничество дѣйствительно становится могущественнымъ соперникомъ.

И, несмотря на все это, защитникъ свободной торговли можетъ торжествовать. Въ 1846 году говорили, да и теперь очень часто говорятъ, что свободный трудъ будетъ раздавленъ такой конкуренціей. Однако статистическія свѣдѣнія о привозѣ сахара показываютъ, что въ десятилѣтіе, заключенное 1846 годомъ, въ Англію было ввезено, изъ странъ *свободнаго труда*, 41,903,326 центнеровъ сахара. Въ десятилѣтіе, заключенное 1856 годомъ, эта цифра поднялась до 54,616,229 центнеровъ. Ясно, что свободный трудъ побѣждаетъ даже такое препятствіе, — побѣждаетъ на 12,712,903 центнеровъ. Потребленіе сахара въ Англію, при уменьшенной пошлинѣ, поднялось съ 18,253,111 центнеровъ (въ четырехлѣтіе, заключенное 1846 годомъ) до 30,470,354 центнеровъ (въ четырехлѣтіе, заключенное 1858 годомъ). Но всего замѣчательнѣе здѣсь то обстоятельство (на которое финансовымъ людямъ слѣдовало бы обратить полное вниманіе), что свободная торговля не только возвысила народное благосостояніе въ такой значитель-

ной пропорціи, но и *увеличила доходы казны*. Въ первое изъ названныхъ нами четырехлѣтій пошлина съ сахара составила сумму въ 17,750,847 фунт. стерл. Во второе, при пониженной пошлинѣ, сумма эта достигла 20,883,583 фунт.

Теперь простимся навсегда съ „ужаснымъ прошедшимъ“. Времена эти, слава Богу, миновались безвозвратно. Законы Англии никогда уже не надѣнутъ въ Вестъ-Индіи цѣпей на руки или промышленность человѣка. Бичъ уже не терзаетъ тѣла невольника и не вырываетъ изъ груди его ужасный вопль отчаянія: „или ты думаешь, что я не человѣкъ?“ Старый порядокъ вещей уступилъ мѣсто новому. Но тутъ мы и приходимъ къ главному вопросу—къ тому, былъ ли кризисъ 1847 года только временной грозой или, напротивъ, сказалъ Вестъ-Индіи первое слово неизмѣннаго приговора? Разорена ли она? Не обрекли ли ее на смерть филантропы и приверженцы свободной торговли, которые разорвали цѣпи ея невольниковъ и лишили ее протекціоннаго тарифа? Правда ли наконецъ, что она, съ каждымъ годомъ, все больше и больше, становится жертвой бѣдности и варварства, и не точнѣе ли будетъ сказать, что напротивъ теперь положены для нея основанія цвѣтущаго, здороваго благосостоянія?

Только неопровержимая сила официальныхъ отчетовъ и статистическихъ цифръ, которыя мы представимъ, даетъ намъ смѣлость произнести нашъ отвѣтъ. Со времени бѣдствій Вестъ-Индіи глаза англичанъ мало въ ней обращались, и очень не многіе знаютъ, что тамъ дѣлалось. Міръ вообразилъ, что смерть прекратила стоны, которые онъ пересталъ слышать. А между тѣмъ Вестъ-Индіи быстро достигаетъ состоянія изобилія, счастья, комфорта, съ которымъ до сихъ поръ не была знакома. Два великіе опыта, опытъ освобожденія и опытъ свободной торговли, имѣли успѣхъ, сначала встрѣтившіи нѣкоторыя препятствія, но теперь съ каждымъ годомъ принимающій болѣе и болѣе рѣшительный характеръ.

Мы уже говорили о насиліи, которое искусственнымъ образомъ направляло почти всю массу рабочихъ силъ нашихъ невольничьихъ колодій къ одному занятію — производству сахара. Мы замѣтили, что, при уничтоженіи этого насилія, необходимо должно было произойти новое распределеніе труда. Точно также мы говорили, что замѣна этого однообразнаго труда различными отраслями занятій была столько же полезна, какъ и необходима.

Потому мы нисколько не были бы огорчены, если бы какія нибудь новыя отрасли промышленности почти совершенно вытѣснили старыя. Такого рода фактъ нисколько не доказывалъ бы разоренія нашихъ острововъ. Онъ могъ быть слѣдствіемъ болѣе благоразумнаго и полезнаго примѣненія труда. Событія не дали однако такого результата. Свобода труда и торговли не только не ослабила, но значительно увеличила производство сахара въ нашихъ колоніяхъ. Въ послѣдніе два года чистаго невольничества (1832, 1833) наши колоши вывезли въ Англію 8,471,744 центнера сахара. Въ 1856 и 1857 годахъ вывозъ этотъ достигъ до 8,736,654 центнеровъ. Сверхъ того, открыта была совершенно новая торговля съ Австраліей, Соединенными Штатами и нѣкоторыми другими странами. Относительно этой торговли, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ.

Результатъ будетъ еще поразительнѣе, если мы не примемъ въ соображеніе Ямайку, по рукавъ и по ногамъ связанную (какъ мы сейчасъ это покажемъ) своей дурной администраціей и финансовыми беспорядками. Взявъ только остальные цестнадцатъ острововъ, мы найдемъ, напримѣръ, что въ послѣднія шесть лѣтъ не-

вольничества они вывозили, среднимъ числомъ, 3,007,782 центнера сахара, а въ послѣдніе четыре года одна Англія получила отъ нихъ 4,055,521 центнеръ. Сверхъ того, была заведена новая торговля съ другими государствами.

То же оказывается и относительно рома. Не принимая въ соображеніе островъ Маврикія (гдѣ вывозъ увеличился въ 150 разъ противъ прежняго!) и Ямайку. увидимъ, что во время невольничества изъ Вестъ-Индіи вывозилось 2,722,880 галлоновъ. При свободномъ трудѣ ихъ вывозится 4,074,602.

Итакъ ясно, что на семнадцати островахъ, изъ восемнадцати, производительность увеличилась. Развились даже тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ можно было ждать паденія.

Изъ одной только Ямайки все еще приходятъ неблагоприятныя вѣсти. Дѣйствительно, больно читать отчеты, присланные оттуда въ 1853 и 54 годахъ, послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ холерой и оспой. Естественно представляется вопросъ, почему, среди быстраго развитія благоденствія во всѣхъ прочихъ колоніяхъ, этотъ островъ, самый важный изъ всѣхъ, все еще находится въ страдальческомъ положеніи? По нашему мнѣнію этотъ фактъ можно объяснить только дурнымъ состояніемъ ея администраціи. „Нѣтъ, говоритъ сиръ Ч. Грей, никакой системы, ни послѣдовательности въ управленіи финансами этой колоніи; нѣтъ ни одного признаннаго органа исполнительной или законодательной власти, который былъ бы въ состояніи принять дѣйствительныя и полезныя мѣры.

Беркли говоритъ: „Я убѣжденъ, что корень золь, потрясающихъ основы здѣшняго общества, заключается въ недостаткѣ взаимной довѣренности при ежедневныхъ сдѣлкахъ и въ необезпеченности собственности; а это въ свою очередь есть слѣдствіе невозможности, при нынѣшнемъ административномъ порядкѣ, придать закону хотя какую нибудь силу“.

Однако и на Ямаикѣ произведено нѣсколько важныхъ перемѣнъ, и дѣйствіе ихъ уже замѣтно въ быстрыхъ успѣхахъ края. Вывозъ произведеній острова, простиравшійся въ 1853 году до суммы 837.276 ф. ст., въ 1855 году дошелъ до 1,003,325 ф. ст. Въ два года онъ увеличился на 166,049 ф. ст. Въ послѣднее время губернаторъ писалъ, что онъ „больше чѣмъ когда нибудь надѣется на совершенное возстановленіе благосостоянія острова“.

Итакъ, даже Ямайка, новидимому, нѣсколько подвигается впередъ; а прочіе острова далеко ее обогнали. Легко можетъ быть, что перечень этихъ острововъ покажется скучнымъ, но онъ такъ свидѣтельствуетъ о благодѣтельности свободы труда и торговли, что мы рѣшаемся представить рядъ извлеченій изъ губернаторскихъ рапортовъ о положеніи и надеждахъ каждой колоніи.

Антигоа. „Отчеты о доходахъ показываютъ распространеніе промышленности и торговли, явившееся вслѣдъ за возстановленіемъ благоденствія земледѣльческихъ сословій“.

Багама. Быстрое развитіе этой группы острововъ выражается увеличеніемъ суммы привоза и вывоза. Въ 1854 году эта сумма составляла 201,497 ф. с. въ 1855—304,421 ф. с.—приращеніе 102,924 ф. с. въ теченіе одного года. Въ 1855 году здѣсь было построено 23 корабля. Въ 1851 году губернаторъ писалъ, что въ условіяхъ народной жизни обнаружилась „значительная и важная перемѣна къ лучшему“, которую онъ главнымъ образомъ объясняетъ успѣхами воспитанія.

Барбадосъ. 1853. „Значительное распространение торговли. Успѣхъ воздѣлыванія земли свободнымъ трудомъ не подлежитъ сомнѣнiю. Въ 1851 году вывезено больше сахара, чѣмъ когда бы то ни было, со времени заселенія острова“.

Въ 1858 году: „большое увеличенiе цѣнности статей вывоза“. „Значительное пространство земли, купленной рабочимъ классомъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ его индустриальныхъ способностей и трудолюбія“.

Доминика. 1853. „Увеличенiе производства много общается въ будущемъ“. Въ вывозѣ замѣтно значительное приращеніе по сахару, рому, кофе, какао, апельсинамъ, фруктамъ, кожамъ, колоніальному дереву и хлопку. 1857. „Весьма значительное приращеніе въ доходахъ и столь же замѣтное усиленіе ввоза“. Губернаторъ обращаетъ также вниманіе на индустриальное развитіе массы населенія, имѣвшее слѣдствіемъ распространеніе въ рабочемъ классѣ высокой степени комфорта и независимости.

Не давно начавшая развиваться независимость туземнаго работника уже и прежде выразилась въ „небольшихъ участкахъ тростника и маленькихъ мельницахъ“. Теперь этотъ работникъ поднялся ступенью выше; и мы уже видимъ его арендаторомъ обширныхъ сахарныхъ плантацій. Въ подтвержденіе этого, можемъ привести, наприимѣръ, арендатора плантаціи *Hope Vale* (492 акра земли съ водяной мельницей); арендатора плантаціи *Perseverance* (522 акра съ паровой машиной и вполне устроенною матеріальною частью) и арендатора помѣстья *Mound Hardman*, бывшаго сначала сахарной плантаціей, а потомъ фермой для разведенія скота. Бываютъ случаи, что способный работникъ принимаетъ издержки производства на себя. Онъ въ состоянiи вести хозяйство дешевле, чѣмъ его бѣлый хозяинъ, и при меньшихъ издержкахъ получаетъ больше. Если ему не удастся отыскать пріятеля, который бы ссудилъ его деньгами, онъ обращается въ помощи евоихъ же братьевъ работниковъ, и послѣ жатвы раздѣляетъ съ ними собранныя произведенія или вознаграждаетъ ихъ долями въ результатѣ продажи.

Изъ Гренады мы слышимъ, „что довольство повидимому господствуетъ во всѣхъ слояхъ общества. Изъ рабочаго сословія уже поднялось значительное зерно землевладѣльцевъ. Состояніе финансовъ совершенно удовлетворительно“ вслѣдствіе усиленія привоза.

Въ *Times* 15 октября 1858 года о Гренадѣ говорится: „пространство земли, покрытой сахарными плантаціями, значительно увеличилось“. Упоминается о значительномъ приращеніи въ вывозѣ сахара, рома и какао.

Образовалось сословіе крестьянъ собственниковъ и арендаторовъ, быстро развивающее свое благосостояніе и независимость.

Гвіана. Населеніе увеличивается, воспитаніе повсемѣстно распространяется, число преступленій становится меньше и торговля развивается.

Монсерратъ. Указавъ на „всѣми признанное и постоянное улучшеніе состоянiя общества“, губернаторъ продолжаетъ (1853): „нѣтъ острова на этихъ водахъ, въ которомъ была бы замѣтна болѣе энергическая тенденція къ общественному и нравственному обновленію и развитію. Сельское населеніе спокойно и довольно. Въ матеріальномъ отношеніи оно пользуется большимъ благосостояніемъ. Въ теченіе года привозъ больше чѣмъ удвоился“.

Невисъ. Дѣла этого острова въ особенности интересны потому, что надъ его податной системой былъ произведенъ опытъ, который, можетъ быть, когда нибудь

будетъ произведенъ въ цѣломъ шірѣ. Положеніе дѣль острова сдѣлалось послѣ кризиса 1847 года до такой степени отчаяннымъ, что президентъ Сеймуръ, человекъ замѣчательно смѣлый и энергическій, уговорилъ наконецъ законодательный корпусъ согласиться на коренной переворотъ въ финансовой системѣ. Пошлины съ привоза были совершенно отиѣнены, а на доходы съ имущества была наложена подать въ 20%.

Результаты этой мѣры были такъ поразительны, что заслуживаютъ вниманія государственныхъ людей, несмотря на ограниченность поля, на которомъ былъ произведенъ опытъ. Новая система вступила въ силу съ марта 1856 года. Въ этомъ же году привозъ поднялся съ 19,728 ф. с. до 34,449. Быстро открылись новыя лавки; доходъ съ домовъ утроился. Послышались звуки молота и запахъ свѣжей краски тамъ, гдѣ уже все разваливалось. „Дороги такъ оживлены, что кажется, будто большая часть населенія вышла показать свое новое платье, а въ гавани, такъ часто пустынной, я насчиталъ десять большихъ кораблей“.

Сенъ-Винсентъ. Въ 1857 году, губернаторъ писалъ: „Мнѣ чрезвычайно пріятно засвидѣтельствовать, что... положены основанія важныхъ и постоянно развивающихся улучшеній“. Упомянувъ о распространеніи земледѣлія, онъ писалъ, что „колонія теперь находится въ хорошемъ, здоровомъ состояніи, и подаетъ самыя отрадныя надежды“. Поселяне, по его словамъ, почти повсемѣстно пользуются благосостояніемъ, являются новыя сѣна, увеличивается число собственниковъ и фермеровъ; наконецъ постоянно возвышается цѣнность привоза. Въ 1858 году онъ писалъ: „состояніе колоніи чрезвычайно удовлетворительно; земледѣльческія операціи значительно развились“. Его надежды на прогрессъ и благоденствіе оправдались. Сумма привоза и вывоза въ 1856 году составляла 249,526 ф. с.; въ 1857—406,159 ф. с.; приращеніе 156,633 ф. ст. въ одинъ годъ. Онъ положительно приписываетъ этотъ фактъ развитію образованія и довольства. Вотъ подлинныя его слова о состояніи острова: „отрадныя надежды 1856 года вполне оправдались. Настоящее положеніе Сенъ-Винсента въ высшей степени удовлетворительно; будущее полно самыхъ блестящихъ обѣщаній“.

Сенъ-Кристофъ. „Сахара теперь производится больше, чѣмъ во времена невольничества“. „Состояніе земледѣлія на островѣ подаетъ наилучшія надежды. Торговый оборотъ въ 1856 году выразился суммой 246,536 ф. с. Въ 1857 г. онъ составлялъ 352,769 ф. с.,—приращеніе въ 106,233 ф. с. въ теченіе одного года. Число учениковъ въ школахъ постоянно увеличивается. Количество преступленій постоянно уменьшается“.

Сенъ-Люси. „Никогда еще, въ продолженіе всей исторіи колоші, сахарныя плантанціи не занимали такого обширнаго пространства“. Отчеты о воспитаніи очень удовлетворительны. Губернатору кажется, что „значительная часть населенія все больше и больше одушевляется желаніемъ завести у себя школы. Общій видъ страны и состояніе земледѣльцевъ внушаютъ большія надежды“.

Съ 1838 по 42 годъ сахара было вывезено 4,588,475 фунтовъ.

Табано. „Рабочій классъ отличается промышленностью и хорошимъ поведениемъ“.

Тринидадъ „находится въ цвѣтущемъ состояніи“. Во время невольничества торговый оборотъ составлялъ среднимъ числомъ сумму въ 810,636 ф. с.; въ 1856 году онъ дошелъ до 1,239,241 ф. с.—приращеніе въ 428,605 ф. с. Въ

1852 году сборъ тростника былъ изобильнѣе, чѣмъ когда нибудь, и съ тѣхъ поръ „въ хозяйствѣ сахарныхъ плантацій были произведены значительныя улучшения“. При прежнемъ порядкѣ вещей вывозилось сахару, среднимъ числомъ, 310,797 центнеровъ; въ семилѣтіе, заключенное 1854 годомъ, цифра эта поднялась до 426.042 центнеровъ.

Эти данныя относительно острововъ архипелага подтверждаются также статистическими отчетами о Вестъ-Индіи вообще.

Вывозъ кофе, хлопка, шерсти, сахара, рому, какао постоянно увеличивается. Сумма вывоза Великобританіи въ Вестъ-Индію въ 1857 году превосходила среднюю цифру вывоза въ предшествовавшее десятилѣтіе полумилліономъ фунтовъ стерлинговъ, и равнялась соединенной цифрѣ ея вывоза въ Швецію, Норвегію, Данію, Грецію, Азорскіе острова, Мадеру и Марокко. Въ четырехлѣтіе, заключенное 1853 годомъ, вывозъ и привозъ Вестъ-Индій составляли вмѣстѣ 32,500,000 ф. с.; въ слѣдующіе четыре года эта цифра поднялась до 37,000,000—приращеніе въ 4,500,000. Въ 1857 году весь торговый оборотъ архипелага оцѣнивали въ 10,735,000 ф. с. и цѣнность сахара, вывезеннаго въ этомъ году въ одну Англію, составляла 5,618,000 ф. с.

Всѣ эти официальные отчеты и документы неопровержимо доказываютъ фактъ быстраго развитія богатства и благосостоянія Вестъ-Индіи. Нравственность негровъ, со времени уничтоженія прежняго порядка вещей, сдѣлала, по общему свидѣтельству, самыя отрадныя успѣхи; особенно въ тѣхъ тысячахъ новыхъ селъ, которыя негры себѣ выстроили. У негровъ теперь есть много коттеджей каменныхъ. Многие изъ нихъ съ лицевой стороны украшены портиками, для защиты отъ дождя и солнца.

По концамъ строенія обыкновенно устраиваютъ спальни, а въ серединѣ родъ пріемной комнаты. У многихъ негровъ спальня снабжена хорошей кроватью краснаго дерева, умывальнымъ столикомъ, зеркаломъ и стульями. Въ средней комнатѣ стоитъ буфетъ, съ выставленной на немъ разнаго рода посудой, и нѣсколько приличныхъ стульевъ. Селенія выстроены правильно. Участки поселянъ имѣютъ большею частью продолговатую форму. Дома ихъ расположены въ одинаковомъ разстояніи отъ краевъ участка и въ 8 или 10 футахъ отъ дороги. Иногда передней части участка даютъ видъ европейскаго садика; украшаютъ ее кустами розъ и другихъ цвѣтовъ и вообще самыми красивыми растеніями. Въ остальной части растутъ огородныя овощи.

Селенія негровъ имѣютъ „весьма пріятную наружность“. Посѣщая тѣ изъ нихъ, которыя разсѣяны по гористой мѣстности, свръ Генри Беркли нашель, что они имѣютъ сходство съ селами Швейцаріи и положительно доказываютъ прогрессъ цивилизаціи и комфорта. „Тысячи новыхъ хорошо воздѣланныхъ поселеній, съ прекрасно убранными коттеджами и садиками, совершенно переимѣнили видъ края съ 1838 года. Они представляютъ отрадное явленіе, свидѣтельствуя о благосостояніи жителей“.

Негры, прежде незнакомые съ комфортомъ и независимостью, теперь находятся въ совершенно другомъ положеніи. Очень многіе изъ нихъ стали собственниками, устроили себѣ удобныя жилища и владѣютъ большимъ количествомъ лошадей, свиней и другихъ домашнихъ животныхъ. Они производятъ такое количество земледѣльческихъ продуктовъ, что ведутъ обширную торговлю ими. Унижающія при-

вычки безсемейной жизни оставлены многими, уже вступившими въ супружество; еженедѣльные объявленія о предстоящихъ свадьбахъ доказываютъ, что обычай брака все болѣе распространяется между ними. Они послушны, вѣжливы и довѣрчивы къ тѣмъ, на кого работаютъ. Часто случается, что они по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ работаютъ съ одной только надеждой на вознагражденіе, хотя много можно насчитать примѣровъ того, что за такую довѣрчивость имъ платили обманомъ.

Количество поселеній, образовавшихся со времени освобожденія, почти невѣроятно. На одной Ямайкѣ, въ теченіе восьми лѣтъ послѣ этого событія, негры выстроили до двухъ сотъ такихъ селъ и купили 100,000 акровъ земли.

Очень многіе думаютъ, что освободившіеся негры бросали плантаціи и располагались на пустопорожной землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это случалось, но болѣею частію они покупали землю для своихъ поселеній и платили за нее хорошія деньги. Негръ-собственникъ гордится своимъ домашнимъ очагомъ и участвомъ земли, и въ этомъ не уступить никакому англичанину.

Некрасивость вовсе не составляетъ общей принадлежности [всѣхъ негровъ. Многіе изъ негровъ-вредовъ могутъ быть названы красивыми. Высокіе и прекрасныя лбы, черныя и блестящія глаза, правильные носы и губы, очень мало выдающіяся, попадаютъ очень часто. Одежда женщинъ болѣею частію состоитъ изъ пестраго бумажнаго платья, бѣлаго платка, повязаннаго на головѣ въ видѣ тюрбана, и хорошенькой соломенной шляпы съ бѣлыми лентами. Но нельзя не признаться, что въ праздничныя дни негры наряжаются далеко не съ безукоризненнымъ вкусомъ. Одинъ изъ путешественниковъ по Вестъ-Индіи былъ скандализованъ видомъ негрятки, нарядившейся въ красныя чулки, желтыя башмаки и шляпку красную съ зеленымъ, къ которой была приколата голубая роза съ серебряными листьями. Шелковыя матеріи, атласъ, кисея и крепъ въ большомъ употребленіи; и даже „джентльмены“ въ такіе дни показываются не иначе, какъ въ самыхъ ослѣпительныхъ костюмахъ. Бархатныя воротники, ослѣпительныя жилеты и сапоги, сколько возможно болѣе шумливыя, тутъ совершенно необходимы. Они всѣ носятъ зонтики, по возможности шелковыя, и носовыя платки, уголъ которыхъ непременно выставляется на показъ. Мы слышали однако, что страсть къ яркимъ цвѣтамъ исчезаетъ, и что женщины становятся все болѣе и болѣе скромными. Просвѣщеніе уже уничтожило прежнія клички Самбосовъ, Помпейевъ, Даркейевъ; теперь негры любятъ имена въ родѣ: Аделина-Флоретта, Розалинда-Монемія, Алонзо-Фредерикъ и т. п. Эти маленькія претензіи, конечно, могутъ вызвать улыбку, но онѣ обнаруживаютъ успѣхъ цивилизаціи. То же можно сказать и объ ихъ обращеніи, въ которомъ произошла удивительная перемѣна. Грубый тонъ, недовольный видъ и манеры прежнихъ невольниковъ исчезли. Относительно бѣлыхъ они болѣею частію выказываютъ пріятную и свободную любезность. Ихъ вѣжливость и почтительность другъ въ другу, можетъ быть, иногда доходить и до смѣшного. При встрѣчѣ другъ съ другомъ, негры поселяне всегда мѣняются поклонами и вопросами. Старики пользуются особеннымъ уваженіемъ. Шумливыя ребятишки всегда останавливаютъ свои игры при проходѣ старика. Какъ ваше здоровье?— кричатъ они; и слышатъ учтивый отвѣтъ: какъ ваше? Всѣ хвалятъ великодушіе и доброту негровъ. Несчастныя бѣлые бѣдняки, которыхъ много въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вестъ-Индіи, часто находятъ въ нихъ ангеловъ хранителей. Негры часто для нихъ работаютъ, кормятъ, одѣваютъ ихъ, безъ малѣйшей надежды на вознагражденіе.

Они быстро развиваются въ гражданскомъ отношеніи. Бердъ говоритъ, что въ законодательныхъ налатахъ многихъ острововъ уже засѣдаютъ цвѣтные люди и чистые негры. Байджлоу въ законодательномъ собраніи Ямайки, состоявшемъ изъ пятидесяти членовъ, нашель десять или двѣнадцать цвѣтныхъ людей. Точно также, онъ видѣль цвѣтныхъ людей въ числѣ чиновниковъ, судей и адвокатовъ. Старые предрасудки противъ африканской крови исчезаютъ.

Воспитаніе съ каждымъ годомъ улучшается. Въ нѣкоторыхъ округахъ жалуются на недостаточное усердіе негровъ къ доставленію своимъ дѣтямъ образованія. За то изъ другихъ присылаются самыя удовлетворительныя отчеты, и почти всѣ губернаторы свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи количества преступленій. Пьянство мало распространено между неграми. Это веселый, добрый и нѣсколько легкомысленный народъ.

Намъ пора кончить. Мы надѣемся на согласіе читателя съ тѣмъ, что разъясняли три обстоятельства. Во-первыхъ, что если успѣхъ освобожденія былъ уменьшенъ недостаткомъ приготовленія негровъ къ свободѣ, то въ этомъ виноваты не аболіціонисты, а плантаторы. Во-вторыхъ, если недостатокъ рабочихъ рукъ былъ стѣснителенъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то нигдѣ не достигъ размѣровъ серьезнаго неудобства, и во всякомъ случаѣ не былъ слѣдствіемъ лѣности негровъ. Въ третьихъ, кризисъ 1847 и послѣдующихъ годовъ былъ произведенъ не освобожденіемъ негровъ, а упадкомъ цѣны на сахаръ.

Каждый изъ этихъ фактовъ имѣетъ свою важность; но вотъ два главныя заключенія, къ которымъ привело насъ ваше изслѣдованіе. Первое состоитъ въ томъ, что невольничество и монополія губили Вестъ-Индію. Второе—что свобода труда и торговли развиваетъ ея благосостояніе. При невольничествѣ и монополіи рабочее сословіе страдало и гибло жалкимъ образомъ, а плантаторы были приведены къ самому бѣдственному положенію. Старый порядокъ вещей необходимо долженъ былъ вызвать катастрофу. И когда она наступила, когда старый порядокъ вещей исчезъ и далъ мѣсто новому—обнаружилось внутреннее достоинство принципа свободы. Онъ привелъ теперь къ результатамъ самымъ благотворнымъ, поразительнымъ; къ результатамъ, которые, немного лѣтъ тому назадъ, показались бы невѣроятными. Мудрая мѣра оправдалась послѣдствіями. Стремясь только къ тому, что было законно и благородно, желая не выгоды, а удовлетворенія требованій справедливости,—Англія освободила своихъ невольниковъ. Безъ этой мѣры ея колонія погибли бы безвозвратно; освобожденіе поставило ихъ на путь благосостоянія, и наконецъ съ каждымъ годомъ даетъ нашей торговлѣ съ Вестъ-Индіей все большее и большее значеніе. Вестъ-индскіе жители съ каждымъ годомъ все больше и больше обогащаютъ насъ произведеніями своей плодородной почвы. Въ-сто того, чтобы быть мученіемъ государственныхъ людей, позоромъ Англіи—Вестъ-Гадія теперь становится безцѣннымъ сокровищемъ британской короны. Великое дѣло оевожденія доказало, что поступать справедливо есть высшая степень разсметливости.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Мы видимъ, что вообще освобожденные негры работаютъ по найму очень усердно, и что недостатокъ паемныхъ работниковъ чувствовался только на тѣхъ плантаціяхъ, владѣльцы которыхъ желали и одолжать ту же систему обращенія съ вольными людьми, какой держались отно-

сительно невольниковъ. Будемъ желать, чтобы вредъ, принесенный вестъ-индекииъ землевладѣльцамъ желаніемъ продолжать прежнее свое дурное обращеніе съ работниками, послужилъ урокомъ для другихъ. Что дѣлать, амбіція, поставяющая свое достоинство въ дурномъ обращеніи, не выгодна въ нашъ вѣкъ. Теперь выгодный способъ вести хозяйство только одинъ—коммерческій; а чтобы вести дѣло коммерческимъ образомъ, надобно не гнущаться условіями коммерческаго обращенія съ людьми. Посмотрите на торговца: развѣ онъ ругается, даетъ окрики, дерется? Нѣтъ, онъ мягокъ и ласковъ, иначе ему быть нельзя, иначе какой дуракъ захочетъ связываться съ нимъ? Ему никто не захочетъ продавать, никто не захочетъ покупать у него; за свою грубость, заплатится онъ прорѣхами въ варманѣ. Вестъ-индскіе землевладѣльцы не хотѣли понять этого,—но хорошо будетъ для другихъ, если они поймутъ, что мягкость дѣлается необходима послѣ освобожденія людей въ обращеніи съ наемными работниками.

Мы указали только на одинъ выводъ изъ напечатанной нами статьи, но каждая страница ея представляетъ много матеріаловъ для полезныхъ соображеній по примѣненію въ нашихъ дѣлахъ. Повторимъ въ немногихъ словахъ сущность статьи.

Обязательный трудъ разорялъ вестъ-индскіяхъ землевладѣльцевъ. Задолго до освобожденія, дѣла ихъ были въ совершенномъ разстройствѣ. Землевладѣльцы, захотѣвшіе обращаться съ освобожденными неграми по-человѣчески, не потерпѣла отъ освобожденія никакихъ затрудненій въ своемъ хозяйствѣ,—напротивъ, хозяйство ихъ пошло лучше. Освобожденные негры не усердны въ работѣ только для тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не могли отбросить любви къ бичу и ругательствамъ. Эти страдалцы отъ собственной грубости и жестокости совершенно напрасно взводятъ на негровъ клевету, будто они лѣнны и грубы,—напротивъ, огромное большинство негровъ очень трудолюбиво.

Вспоминая о заглавіи нашей статьи, мы спрашиваемъ: возможно ли говорить о лѣности какого бы то ни было простонародья, если оказывается, что мѣла о лѣности—недобросовѣстная выдумка даже относительно африканской расы? А если такъ, то на чемъ же могутъ быть основаны въ какой-нибудь европейской странѣ опасенія о томъ, что землевладѣлецъ не найдетъ себѣ наемныхъ работниковъ, сколько ихъ нужно не только для веденія хозяйства въ нынѣшнемъ размѣрѣ, но для расшаренія его? Неужели же о людяхъ, чувствующихъ такое опасеніе, надобно имѣть опасеніе, что они любятъ дурное обращеніе съ людьми болѣе, чѣмъ свою выгоду, не способны пользоваться выгодою, если выгода доставляется не дурнымъ обращеніемъ?

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(Очерки вопросовъ практической философіи. Сочиненіе П. Л. Лаврова.
I. Личность. Спб. 1860).

I.

Если бы брошюра г. Лаврова могла служить только предметомъ критическаго разбора и если бы мы стали читать ее съ мыслью написать потомъ разборъ понятій, излагаемыхъ въ ней, мы съ первыхъ же страницъ отказались бы отъ ея чтенія, потому что, — скажемъ откровенно, — мы не читали большей части тѣхъ многочисленныхъ книгъ, которыя приняты въ соображеніе авторомъ, и даже думаемъ, что никогда не прочтемъ ихъ; а безъ знакомства съ ними нельзя съ точностью оцѣнить спеціальнаго достоинства брошюры г. Лаврова. Но она не только прочтена нами, — она даже послужила причиною того, что мы написали довольно длинную статью, имѣющую самыя тѣсныя отношенія къ ней.

Изслѣдованія г. Лаврова прямо начинаются ссылкой на писателя, изъ книгъ котораго ни одна не прочтена нами, — цитатою изъ Жюля Симона, очень извѣстнаго французскаго теоретика. Если бы мы не знали, къ какому направленію принадлежитъ этотъ писатель, довольно было бы намъ увидѣть двѣ строки, приводимыя изъ него въ самомъ началѣ брошюры, чтобы лишиться охоты знакомиться съ нимъ: „сочиненіе, относящееся къ политической теоріи и чуждое текущей политики, есть теперь почти новость“, говоритъ Жюль Симонъ, по свидѣтельству г. Лаврова, въ началѣ своей книги „Свобода“. Этого десятка словъ, приведенныхъ изъ него, достаточно, чтобы замѣтить въ ихъ авторѣ совершенное непониманіе того порядка, по которому происходитъ всё дѣла на свѣтѣ и между прочимъ ишутся теоретическія сочиненія. Нынѣ политическія теоріи создаются подъ вліяніемъ текущихъ событій и ученые трактаты служатъ отголосками исторической борьбы, имѣютъ цѣлью задержать или ускорить ходъ событій. По мнѣнію Жюля Симона, прежде было не такъ, — иначе онъ не употребилъ бы слова „теперь“. Этого мало: Жюлю Лаврову кажется также, что всё люди нашей эпохи, а въ томъ числѣ и ученые, оступаютъ не совсѣмъ хорошо, являясь не простыми представителями или послѣдователями абстрактныхъ ученій, не имѣющими никакого родства съ страстями своей страны въ свое время, а истолкователями и защитниками стремленій каждой своей партіи: еслибъ онъ не порицалъ ихъ за это, онъ не называть бы свою книгу сочиненіемъ „чуждымъ текущей политики“. Наконецъ, онъ воображаетъ, что мо-

жетъ обмануть читателей, или чистосердечно полагаетъ самъ, что говорить правду, титулуя свою книгу сочиненіемъ, „чуждымъ текущей политики“. Подъ влияніемъ трехъ этихъ воззрѣній написаны слова, приведенныя изъ Жюля Симона г. Лавровымъ и всѣ эти три воззрѣнія ошибочны до такой очевидности, что свидѣлствуютъ или о необыкновенной наивности и недалковидности Жюля Симона, или о совершенномъ недостаткѣ правдивости въ его языкѣ. Мы склоняемся къ первому предположенію, потому что человѣкъ хитрый умѣетъ хитрить, а Жюль Симонъ говорить несообразности слишкомъ явныя, которыя могутъ внушаться только крайнею наивностью.

Политическія теоріи, да и веянія вообще философскія ученія создавались всегда подъ сильнѣйшимъ влияніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали, и каждый философъ бывалъ представителемъ какойнибудь изъ политическихъ партій, борющихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся специально политическою стороною жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббсъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ—республиканецъ, Монтескьё—либераль въ англійскомъ вкусѣ, Руссо—революціонный демократъ, Бентамъ просто демократъ, революціонный или неревольюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались построеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строптелямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами дальше: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ представитель партіи, запуганной революціею, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возетановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патриотами; ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель умѣренный либераль, чрезвычайно консервативный въ своихъ выгодахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ ниспроверженію слишкомъ ветхой старивы. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди,—это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ. Говорить, будто бы не было и прежде всегда того же, что теперь, говорить, будто бы только теперь философы стали писать свои системы подъ влияніемъ политическихъ убѣжденій—это чрезвычайная наивность, а еще наивнѣе выражать такую мысль о тѣхъ мыслителяхъ, которые занимались въ особенности политическимъ отдѣломъ философской науки.

Но, пусть себѣ будутъ похожи или непохожи на иррежнихъ мыслителей нынѣшніе мыслители тѣмъ, что служатъ представителями политическимъ партій; какъ бы тамъ ни было въ старину, а теперь мы видимъ, что каждый человѣкъ съ развитою головою очень сильно интересуется политическими событіями: газету читаютъ даже тѣ люди, которые не въ состояніи читать книгъ скольконибудь серьезныхъ: чѣмъ же виноваты мыслители нашей эпохи, когда не отгадываютъ въ умственномъ развитіи отъ офицеровъ и чиновниковъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, ла

вочных сидѣльцевъ и мастеровыхъ? Развѣ мыслителю необходимо быть тупоумнѣе и слѣпѣе каждаго грамотнаго человѣка. Всякій, достигшій какой нибудь умственной самостоятельности, имѣеть политическія убѣжденія, судить обо всемъ по соображенію съ ними, — чѣмъ же виноватъ философъ или политическій теоретикъ, когда его образъ мыслей не лишень смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется? Неужели учитель долженъ быть невѣжественнѣе ученика? Неужели человѣкъ, пишущій о предметѣ, долженъ интересоваться имъ меньше, чѣмъ интересуются люди, не принимающіе на себя претензіи печатать теорію этого предмета? Нужна баранья наивность, чтобы порицать ученаго за то, что онъ не глупѣе и не тупѣе неученыхъ людей.

Но забавнѣе всего простодушіе, съ какимъ Жюль Симонъ хочетъ убѣдить публику или успѣлъ убѣдить даже самого себя, будто бы его книга чужда текущей политики. Мы слыхивали о характерѣ теоретическихъ книгъ, писанныхъ Жюлемъ Симономъ въ разные годы. При іюльской монархіи его доктрина отличалась умѣреннымъ духомъ свободы и снисходительными полуудобреніями, полупорицаніями людямъ дѣйствительно прогрессивнымъ. Во время республики элементъ свободы припрятался у него подъ ожесточенною реакціею противъ рѣшительныхъ прогрессистовъ, которые тогда едва не захватили власть въ свои руки. Когда упрочилась имперія и рѣшительные прогрессисты стали казаться безсильными, а реакція совершенно восторжествовала, Жюль Симонъ сталъ писать въ духѣ очень яростнаго свободолюбія. Изъ этого мы видимъ, что его теоріи отражали на себѣ не просто только убѣжденія его партіи, а подчинялись даже каждому кратковременному состоянію чувства этой партіи. Еслибъ мы и не читали объ этомъ фактѣ, мы навѣрное могли бы знать, что дѣло происходило такимъ образомъ: для насъ довольно было бы знать, что Жюль Симонъ пользуется во Франціи нѣкоторою репутаціею и слѣдовательно не совершенно лишень ума: умный человѣкъ не можетъ не замѣчать событій, происходящихъ около него, не принимать ихъ въ соображеніе, стало быть и его система не можетъ не отражать на себѣ хода событій. Это понимаетъ всякій, кромѣ немногихъ, слишкомъ наивныхъ людей. Г. Лавровъ прямо замѣчаетъ, что цитруемый имъ авторъ ве сдержалъ своего несбыточнаго обѣщанія. А если такъ, къ чему было Жюлю Симону взводить на себя неправдоподобную небыллицу, увѣреніемъ въ изолированности своей системы отъ вліянія текущей политики?

Человѣкъ, который говоритъ такіа наивныя несообразности, можетъ быть добродѣтельнымъ семьяниномъ, хорошимъ гражданиномъ, пріятнымъ болтуномъ; но мыслителемъ онъ быть не можетъ, потому что у него въ головѣ нѣтъ логики. Если онъ сдѣлается писателемъ, его произведенія могутъ имѣть достоинства беллетристическія, археологическія и всякія другія, но не могутъ имѣть ровно никакого философскаго значенія. Поэтому мы лишаемъ себя всякой надежды прочесть философскія сочиненія Жюля Симона. Если бы мы захотѣли фельетонныхъ достоинствъ, мы прямо стали бы читать фельетоны г-жи Эмиль Жирарденъ, Луи-Дюнойе, Теофиля Готье; если бы мы захотѣли наслаждаться поэзіею, мы стали бы штать романы Жоржа Занда, пѣсни Беранже; если бы, наконецъ, мы захотѣли просто читать пустую болтовню, мы взяли бы за романы Александра Дюма-старшаго, или, пожалуй, младшаго, или даже маркиза Фудраса; но какая охота была бы намъ читать философскія книги Жюля Симона, въ которыхъ можетъ быть

много приятной болтовни, фельетонной соли или даже поэзии, но которыя все-таки, во самому своему предмету, далеко отстають этими достоинствами отъ порядочныхъ фельетоновъ, хорошихъ и даже плохихъ романовъ, а не имѣють того достоинства, изъ-за котораго становится интереснымъ философское сочиненіе, — не имѣють логики?

Точно также мы не думаемъ, чтобы намъ удалось прочесть сочиненіи нынѣшняго Фихте, о которомъ извѣстно намъ то, что о немъ всегда выражаются „сынъ знаменитаго Фихте“. Такая рекомендація напоминаетъ намъ анекдотъ, случившійся въ Петербургѣ лѣтъ пять или шесть тому назадъ. Встрѣтились гдѣ-то на вечерѣ два незнакомые господина и, потолковавъ между собою, почувствовали желаніе познакомиться. „Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?“ спросилъ одинъ изъ нихъ. Другой назвалъ свою фамилію и въ свою очередь спросилъ: „а съ кѣмъ а имѣю удовольствіе говорить?“ — „Я мужъ г-жи Тедеско“, отвѣчалъ его собесѣдникъ. Мы никогда не имѣли охоты слушать нѣніе мужа г-жи Тедеско.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя отнимають у насъ возможность познакомиться съ сочиненіями Жюля Симона и Фихте-сына, мы не читали и не прочтемъ философскихъ произведеній Шопенгауэра и Фраунштета: Ови, по всей вѣроятности, прекрасные люди, но въ философіи они то же самое, что въ поэзіи г-жа К. Павлова, одно изъ произведеній которой, „Разговоръ въ Кремль“, также цитруется г. Лавровымъ.

По недостатку знакомства съ многими изъ источниковъ, которыми пользовался г. Лавровъ, мы, конечно, не можемъ въ точности оцѣнить достоинство его произведенія. Мы можемъ предполагать только одно: если бы онъ не имѣлъ бѣльшаго философскаго дарованія, чѣмъ Жюль Симонъ, Фихте-сынъ, то въ его брошюрѣ былъ бы тотъ же самый вовсе не философскій духъ, какой находится въ ихъ произведеніяхъ, и его „Теорія личности“ была бы также плоха, какъ ихъ теоріи. Но его брошюра должна быть положительно признана хорошею. Изъ этого надобно заключать, что г. Лавровъ замѣтилъ многія ошибки тѣхъ посредственныхъ филозофовъ, которыхъ изучалъ, что онъ умѣлъ понять многія вещи гораздо лучше, нежели они, словомъ сказать, что недостатки его брошюры произошли изъ другихъ книгъ, каковы книги Жюля Симона и Фихте-сына, а достоинствами своими брошюра обязана въ очень значительной степени самому автору. Мы думаемъ, что это предположеніе вѣрно, и потому желаемъ, чтобы г. Лавровъ продолжалъ писать статьи о философіи.

Точно также въ большую заслугу ему надобно вмѣнить и то, что онъ изучаетъ философію не по однимъ мыслителямъ такого разряда, какъ Шопенгауэръ и Жюль Симонъ. Въ нашемъ обществѣ, которое такъ мало знакомо съ истинно великими нынѣшними мыслителями западной Европы, которое считаетъ лучшими руководствами къ изученію философіи или произведенія людей нынѣшняго поколѣнія, далеко отставшихъ отъ современнаго развитія мысли, или творенія мыслителей великихъ, но уже слишкомъ давнихъ и переставшихъ быть удовлетворительными при нынѣшнемъ развитіи наукъ и общественныхъ отношеній, — въ нашемъ обществѣ за великую заслугу надобно считать то, когда человекъ, кромѣ плохихъ или обветшалыхъ руководствъ, рекомендуемыхъ ему всѣми встрѣчными и особенно вѣными специалистами, самъ доискивается до лучшихъ руководствъ, умѣетъ найти ихъ, умѣетъ понять ихъ. Г. Лавровъ бѣльшую часть пути ведетъ своихъ читателей по

прямой и хорошей дорогѣ впередъ: это дѣлаетъ ему большую честь, потому что никто въ нвшеи обществѣ не повязывалъ ему этой дороги, а вѣроятно всѣ, когда-нибудь служившіе ему совѣтниками, толкали его на разныя кривыя тропинки, ведущія по болоту и большею частью назадъ, а не впередъ.

Мы высоко цѣнимъ обѣ эти заслуги: и ту, что г. Лавровъ имѣлъ силу додуматься до результатовъ гораздо лучшихъ того, что давали ему какіе нибудь Фихтесыновья и Жюли Симоны; и ту заслугу, что онъ умѣлъ найти для своихъ философскихъ изслѣдованій руководства, гораздо лучше посредственныхъ и отсталыхъ книгъ. Но соединеніе прекрасныхъ мыслей, заимствованныхъ изъ дѣйствительно великихъ и современныхъ мыслителей или цнушенныхъ собственнымъ умомъ, съ понятіями, или не совсѣмъ современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого въ сущности держится г. Лавровъ, или, наконецъ, принадлежащихъ особенному положенію мыслителя среди публики непохожей на нашу и потому получающихъ невѣрный колоритъ при повтореніи у насъ,—это соединеніе собственныхъ достоинствъ съ чужими недостатками придаетъ, если мы не ошибаемся, системѣ г. Лаврова характеръ эклектизма, который производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе на читателя, знакомаго съ требованіями философскаго мышленія. Въ брошюрѣ г. Лаврова встрѣчаются мысли, которыя едва ли совмѣстны между собою. Мы приведемъ одинъ примѣръ тому.

Г. Лавровъ мыслитель прогрессивный,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. По всему видно, что онъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать своему обществу въ приобрѣтеніи нравственныхъ и общественныхъ благъ. Между тѣмъ на первой же страницѣ книжки мы встрѣчаемъ фразу „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ“, и къ этой фразѣ прибавлена для подтвержденія цитата изъ книги Милля *On liberty*. „Утверждаютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, чувствованія большинства, которому неприятно обнаруженіе болѣе-замѣтнаго или болѣе-богатаго образа жизни, чѣмъ образъ жизни, доступный этому большинству, дѣйствуютъ, какъ довольно дѣйствительный законъ противъ роскоши, и во многихъ мѣстахъ Союза, для лица, имѣющаго значительный доходъ, дѣйствительно трудно найти средства его тратить, не навлекая на себя народнаго неудовольствія“. Миллю хорошо говорить это: англійская публика знаетъ, какъ понимать его слова, а наша публика подумаетъ Богъ-знаетъ что, услышавъ ихъ безъ объясненій. Г. Лавровъ приводитъ отрывокъ изъ Милля не для какой нибудь важной цѣли, а просто для того, чтобы увеличить четырьмя словами „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ“, длинный списокъ разныхъ политическихъ или общественныхъ формъ, пережитыхъ или переживаемыхъ западнымъ человѣчествомъ. Для такой неважной надобности, какъ представленіе 27 указаній вмѣсто 26, не стоило затрогивать факта, требующаго слишкомъ длинныхъ разсужденій. Напрасно г. Лавровъ привелъ его; но еще хуже, по нашему мнѣнію, вышло оттого, что онъ, указавъ на фактъ, не сказалъ нашей публикѣ о его смыслѣ. Мы должны дополнить этотъ недостатокъ. Во-первыхъ, фактъ, называемый у г. Лаврова общественнымъ деспотизмомъ, существуетъ не во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, а почти исключительно въ одной части ихъ, въ такъ называемыхъ Штатахъ Новой Англии и главнымъ образомъ въ городѣ Бостонѣ. Во-вторыхъ, этотъ фактъ, вовсе, какъ видимъ, не повсемѣстный, составляетъ не послѣдствіе сѣверо-американскихъ учрежденій, какъ думаютъ поверхностные наблюдатели, а просто остатокъ пуританства,

ослабвующий съ каждымъ годомъ: извѣстно, что штаты Новой Англіи были основаны пуританами, которые считали роскошь грѣхомъ. Въ-третьихъ, даже и между потомками пуританъ стѣсненіе существуетъ вовсе не въ такой значительной степени, какъ полагаютъ довѣрчивые люди, принимающіе за чистую монету слова богатыхъ скрягъ: скряги вездѣ шцутъ предлога для извиненія своей чрезмѣрной скупости; обыкновенно они жалуются на свое безденежье, на тяжелыя времена, а въ штатахъ Новой Англіи прискакали еще новый предлогъ — мнимую стѣснительность какого-то повѣрья, почти уже переставшаго существовать.

Если уже говорить объ общественномъ деспотизмѣ въ Сѣверной Америкѣ, то слѣдовало бы указать не на эту ничтожную черту отживающей старины, а на другое явленіе, которымъ производятся теперь такія сильныя смуты въ Соединенныхъ Штатахъ: въ той части ихъ, которая сохранила невольничество, общественное мнѣше, находясь подъ владычествомъ плантаторовъ, не допускаетъ ни одного слова, похожаго на аболіціонизмъ; люди, говорящіе противъ невольничества, подвергаются грабѣжу, изгнанію и уголовнымъ наказаніямъ. Но довольно сказать, что въ этой половинѣ Союза, въ южныхъ или невольническихъ штатахъ, господствуетъ аристократія: вся власть фактически принадлежитъ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ богатыхъ плантаторовъ, которые держатъ въ неувѣствѣ и нищетѣ не только своихъ негровъ, но и массу бѣлаго населенія этихъ штатовъ. Извѣстно, что вся земля въ Виргиніи и другихъ старинныхъ невольничьихъ штатахъ принадлежитъ потомкамъ старинныхъ вельможъ, получившихъ ее по пожалованью при Стюартахъ. Они постепенно расширяли свои владѣнія и на тѣ страны, въ которыхъ основаны новые невольничьи штаты; они держатъ шайки бандитовъ, подобныя знаменитому Уокеру. Вообще разница между Неаполемъ и Швейцаріею не такъ велика, какъ разница между южною и сѣвѣрною половинами Соединенныхъ Штатовъ. Сѣверные (свободные) штаты только въ послѣднее время стали сознать, что до сихъ поръ сохраняли надъ Союзомъ преобладаніе аристократы южныхъ (невольничьихъ) штатовъ и коренной смыслъ нынѣшней борьбы между аболіціонистами и плантаторами заключается въ томъ, что демократія, господствующая въ сѣверныхъ штатахъ, хочетъ вырвать политическую власть надъ Союзомъ изъ рукъ аристократовъ-плантаторовъ *).

Западная Европа очень богата политическими опытами, политическими теоріями, говоритъ г. Лавровъ, но къ чему же она пришла, такъ дорого заплативъ за опыты, употребивъ такъ много умственныхъ силъ на оцѣнку ихъ? Она пришла только къ чувству неудовлетворенности своимъ настоящимъ, къ страху за свое будущее: „Вездѣ критика и критика; надежды, недавно кипѣвшія съ такою силою, ослабѣли; будущее страшно для всѣхъ“. Этотъ выводъ г. Лавровъ подтвер-

*) Въ Сѣверной Америкѣ многія слова, отвосящіяся къ политической жизни, употребляются не въ такомъ смыслѣ, какъ въ Европѣ; отъ этого происходятъ чрезвычайно частыя ошибки въ европейскихъ сужденіяхъ о сѣверо-американскихъ дѣлахъ. Аболіціонисты, которыхъ по европейскимъ понятіямъ слѣдуетъ называть демократами, называются теперь въ Сѣверной Америкѣ просто республиканцами; ихъ противники, аристократы, присвоили себѣ имя демократовъ. Какъ произошло такое превращеніе именъ, разсказывать здѣсь было бы неумѣстно, и мы замѣчаемъ о немъ только для того, чтобы читатель ввѣдѣлъ, что мы, приписывая аристократическій характеръ защитникамъ невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ, не забыли о названіи демократовъ, которое они фальшиво себѣ присвоили. Такия превращенія въ смыслѣ политическихъ словъ встрѣчаются очень часто и въ европейской исторіи. Напримѣръ во Франціи патриотами въ концѣ прошлаго вѣка назывались республиканцы, а въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка тѣмъ же именемъ звали себя защитники феодальныхъ учрежденій

ждаетъ выписками изъ Жюля Симона, Милля и изъ автора книги „de la Justice“. О мнѣніяхъ Жюля Симона мы не станемъ говорить, но обратимъ вниманіе на взгляды двухъ другихъ писателей, цитруемыхъ г. Лавровымъ, потому что они люди дѣйствительно очень умные и совершенно честные.

Милля мы очень уважаемъ; онъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мыслителей нынѣшней эпохи и сильнѣйшій мыслитель между экономистами, которые остались вѣрны ученію Смита. Впрочемъ, послѣдняя рекомендація сама по себѣ еще не могла бы служить мѣркою ума, потому что другихъ, сколько нибудь сильныхъ въ логикѣ людей, это экономическое направлеше рѣшительно не имѣетъ. Но, говоря не по сравненію съ другими экономистами смитовской школы, съ которыми неприлично сравнивать людей большаго ума, а по сравненію вообще съ учеными людьми по всѣмъ наукамъ, Милля можно назвать принадлежащимъ къ разряду тѣхъ второстепенныхъ, но все-таки очень замѣчательныхъ мыслителей, силу мысли которыхъ мы яснѣе всего опредѣлимъ, если скажемъ, что она такъ же велика, какъ на примѣръ сила поэтическаго таланта у лучшихъ изъ нынѣшнихъ нашихъ беллетристовъ. Г. Писемскій, на примѣръ, вовсе не Гоголь, но все-таки его талантъ далеко не дюжинный. Точно такъ и Миллю далеко до такихъ людей, какъ Адамъ Смитъ, или Гегель, или Лавуазье, — до людей, ввопившихъ въ науку новыя основныя идеи; но довольно самостоятельно развивать идеи, уже получившія господство, пройти нѣсколько шаговъ впередъ по направленію, уже указанному другими, — это дѣло такихъ людей, какъ Милль. Они заслуживаютъ большаго уваженія. Посмотримъ же, что говорить Милль и почему онъ такъ говоритъ?

Его можно характеризовать однимъ недавнимъ дѣломъ. Читателю извѣстно, что въ Англіи стоитъ теперь на очереди вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза. Самые отсталые консерваторы согласны, что это дѣло неизбѣжное. Они всячески стараются затянуть его, стараются уменьшить размѣръ его, говорятъ о рискованности большихъ перемѣнъ, объ опасностяхъ, угрожающихъ конституціи; но сознаются, что какую нибудь уступку надобно сдѣлать. Въ началѣ прошлаго года, когда умы, еще мало развлеченные вѣдными дѣлами, были сильно заняты пониженіемъ ценза, Милль издалъ брошюру и напечаталъ письмо, въ которыхъ объяснялъ, что прежде, нежели давать права людямъ какого нибудь сословія, надобно сдѣлать точныя ученія изслѣдованія объ умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ качествахъ людей этого сословія. Мы не знаемъ, говорилъ онъ, каковы политическія убѣжденія разныхъ разрядовъ работниковъ, мелкихъ лавочниковъ и другихъ людей, не пользующихся теперь политическими правами: кого они будутъ выбирать своими представителями, на какой путь повлекутъ ихъ представители палату общинъ? Но главнымъ предметомъ его замѣчаній былъ вопросъ о замѣнѣ открытой подачи голосовъ на выборахъ тайною баллотировкою. Консерваторы оворяютъ, что открытая подача голосовъ развиваетъ въ человѣкѣ гражданскую доблесть, прямотушіе и всевозможныя другія добродѣтели, а тайная баллотировка нужна только трусамъ, которые лучше пусть и не участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, пока не приучатся быть доблестными гражданами, или людямъ двоедушнымъ, которые на словахъ будутъ обѣщать свой голосъ одному кандидату, а подадутъ голосъ за другаго. Всѣ прогрессисты, напротивъ, требуютъ тайной баллотировки, говоря, что только ею ограждается независимость избирателя. Милль, хотя самъ большой прогрессистъ въ теоріи, не побоялся высказать, что не раздѣ-

ляетъ въ этомъ случаѣ мнѣнія своихъ политическихъ друзей. Это дѣлаетъ ему, какъ человѣку, тѣмъ больше чести, что прежде онъ думалъ иначе и теперь съ откровеннымъ благородствомъ прямо говорить, что принужденъ отказаться отъ своего прежняго мнѣнія, какъ неосновательнаго. Значила ли эта брошюра, восхитившая собою всѣхъ консерваторовъ, что Милль пересталъ быть прогрессистомъ? Нѣтъ, въ теоріи онъ по прежнему защищаетъ предоставленіе избирательнаго голоса всѣмъ взрослымъ людямъ; онъ идетъ тутъ гораздо далѣе самихъ хартистовъ, доказывая, что голосъ на выборахъ долженъ быть данъ и женщинамъ, тогда какъ даже хартисты говорятъ только о мужчинахъ. Но дѣло въ томъ, что къ живому вопросу Милль приступаетъ съ идеальнымъ желаніемъ повести его путемъ дѣйствительно наилучшимъ, по научному взгляду: прежде чѣмъ сдѣлать перемѣну, конечно, надобно собрать самыя лучшія и полныя данныя о качествахъ предмета, къ которому относится перемѣна, чтобы съ математическою точностью можно было предсказать ея результаты. Такъ и дѣлаютъ, напримѣръ, въ таможенныхъ реформахъ: высчитаютъ до послѣдней копѣйки, насколько уменьшится въ первый годъ таможенный сборъ отъ пониженія пошлины, съ какою быстротою начнетъ онъ потомъ возрастать, во сколько лѣтъ и до какой цифры возвысится. Милль хотѣлъ бы, чтобы и парламентская реформа была произведена такимъ же разуннымъ и осмотрительнымъ порядкомъ. Не собрано статистическихъ данныхъ о томъ, какое число людей честныхъ и вовсе не трусливыхъ поставлены своими житейскими обстоятельствами въ такую зависимость, что при открытой подачѣ голосовъ принуждены или вовсе не являться ва выборы, или подавать голосъ не за того кандидата, котораго предпочитаютъ въ душѣ. Свѣдѣній этихъ не собрано, потому и Милль послѣ многолѣтняго обдумыванья рѣшилъ, наконецъ что нѣтъ достаточныхъ основаній предпочесть тайную баллотировку открытой подачѣ голосовъ. А если бы собрать доказательства, достаточныя для возведенія наклонности прогрессистовъ къ тайной баллотировкѣ въ научную истину, Милль былъ бы очень радъ раздѣлять желанія своихъ политическихъ друзей. Словомъ сказать, онъ въ своей брошюрѣ явился человѣкомъ очень честнымъ и такимъ же прогрессистомъ, какъ прежде, только выставилъ непрактичныя требованія. Отчего же эта непрактичность? Просто отъ слишкомъ сильнаго желанія, чтобы развитіе общественной жизни шло путемъ совершенно разуудительнымъ. На дѣлѣ этого не бываетъ въ важныхъ вещахъ ни въ жизни отдѣльнаго человѣка, ни въ народной жизни. Совершенно хладнокровно, спокойно, обдуманно, разуудительно дѣлаются только вещи не слишкомъ важныя. Посмотрите на человѣка, съ какой обдуманностью, какъ умно выбираетъ онъ, какую дѣвицу ангажировать ва кадрилъ или мазурку: какъ зорко оцѣниваетъ онъ и красоту, и нарядность, и пріятность въ разговорѣ, и ловкость въ танцахъ избираемой имъ дамы, прежде чѣмъ подойдетъ къ ней съ предложеніемъ. Но вѣдь это потому, что дѣло тутъ не важное для него. Такъ ли онъ поступитъ при выборѣ невѣсты? Дѣло извѣстное, что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово, — и кончено. Правда, и при выборѣ невѣсты поступаютъ обдуманно, благоразумно, очень многіе; но вѣдь это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда женитьба представляется рѣшающемуся на нее дѣломъ простаго комфорта, т. е. развѣ не многимъ поважнѣе, чѣмъ прискиваніе удобной квартиры или хорошаго повара. Даже изъ людей, женящихся просто съ корыстными цѣлями

слишкомъ часто дѣлають неразумительный выборъ тѣ, у которыхъ желаніе обогатиться доходитъ до страсти. Гдѣ замѣшана страсть, тамъ обдуманность и хладнокровіе невозможны—это истина извѣстная по прописямъ. Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти, это дѣло также извѣстное. Если реформа касается только небольшой части общества или, затрогивая интересы всѣхъ, представляетъ для каждаго рискъ лишь незначительнаго убытка или выигрыша, словомъ сказать, если реформа не очень важна, она можетъ производиться хладнокровнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, пониженіе пошлины на чай или сахаръ произведено было въ Англіи очень спокойно и рационально: кому охота была волноваться изъ-за того, что уменьшится нѣсколькими пенсами цѣна фунта чая, или нѣсколькими шиллингами цѣна центнера сахара? Каждому было пріятно получить черезъ это возможность сберечь десятка полтора или два шиллинговъ въ годъ; но кому надобность горячиться изъ за такой мелочи? Убытка не приносила реформа никому. Но большой убытокъ приносила англійскимъ судохозяевамъ другая реформа, также очень полезная: отмѣна навигаціоннаго акта, по которому англійскія суда пользовались въ англійскихъ гаваняхъ таможенными преимуществами передъ иностранными. Сословіе судохозяевъ доходило до ярости въ то время, и до сихъ поръ кипитъ злостью, съ неистовствомъ требуетъ, чтобы возстановили навигаціонный актъ. За то это сословіе составляетъ лишь ничтожную часть въ торговомъ класѣ, который, за исключеніемъ судохозяевъ, весь выигрывалъ черезъ реформу. Люди раздраженные были безсильны и потому дѣло велось обществомъ очень холодно. Но такъ ли были отмѣнены хлѣбные законы, когда теряли привилегію люди сильные въ аягійскомъ обществѣ? Читатель знаетъ, что людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла, только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла невозможно. Развѣ у Роберта Пилля достало времени на многолѣтнія статистическія изысканія, когда подошла неизбѣжность перемѣны? Нѣтъ, какія свѣдѣнія были, тѣми и воспользовались, медлить было нельзя. А вѣдь это не совсѣмъ рационально: почему знать, если бы глубже вникнуть въ дѣло, быть можетъ нѣкоторыя подробности закона обработались бы лучше? Быть можетъ, представилась бы возможность вполне достигъ цѣли, не повредивъ выгодамъ многихъ противниковъ реформы; дѣйствительно подвергнувшись черезъ нее убытку? Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ не дѣлались. Посмотрите, какимъ путемъ уничтожался феодализмъ, или обращалась въ ничтожество инквизиція, или получались права среднимъ сословіемъ, вообще уничтожалось какое нибудь важное зло или вводилось какое нибудь важное благо. Милль очень хорошо понимаетъ это, какъ научную истину, какъ общій принципъ историческаго развитія; но когда пришлось видѣть на опытѣ приложеніе этого принципа, онъ смутился и сталъ говорить Богъ знаетъ что. Отчего же смущеніе передъ фактомъ у человѣка, ясно понимающаго и отважно допускающаго принципъ, изъ котораго родился этотъ фактъ? Просто отъ разницы впечатлѣнія, производимаго отвлеченною мыслью и фактомъ, дѣйствующимъ на чувства. Осязаемый предметъ дѣйствуетъ гораздо яльнѣе отвлеченнаго понятія о немъ. Человѣкъ, хладнокровно разсуждающій о томъ, что онъ сдѣлаетъ въ данномъ случаѣ, рѣдко имѣетъ силу сохранить все спокойное присутствіе духа при дѣйствительномъ появленіи этого случая, если онъ

сколько нибудь дѣйствительно важень. Когда онъ пріятень, при черныхъ признакахъ его появленія нами овладѣваетъ радостное волненіе, когда онъ непріятень — тяжелый трепеть, и ощущенія эти возбуждаются такъ легко, что очень часто производятся даже простымъ обманомъ чувствъ: дѣйствительныхъ признаковъ еще нѣтъ, но мы уже радуемся или тоскуемъ, по наклонности отыскивати во всемъ слѣды занимающаго насъ предмета, принимая за признаки приближающагося факта такія явленія, которыя на самомъ дѣлѣ ни мало не относятся къ нему. Оттого-то каждая политическая партія постоянно видитъ приближеніе своего идеала, истолковывая каждая по своему одни и тѣ же явленія, какъ признаки совершенно противоположныхъ одна другой перемѣнъ. Какъ бы то ни было, основательно или неосновательно бываетъ ожиданіе великихъ перемѣнъ, съ радостью или тоскою ждуть ихъ заинтересованные люди, но дѣло въ томъ, что ихъ сужденіе, справедливое или несправедливое, никакъ не можетъ быть хладнокровно. Мы видѣли, съ какими чувствами принялъ Милль фактическіе признаки приближенія парламентской реформы, необходимость которой онъ самъ признаетъ въ теоріи. Отвлеченнымъ образомъ онъ желаетъ ея, но фактъ навелъ на него нѣкоторую робость. Это значитъ, что въ сущности лично для него перемѣна непріятна, что у него достало нравственнаго мужества побороть эту непріятность въ теоріи, но не достало силы побѣдить болѣе сильное впечатлѣніе, производимое фактомъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ тому общему сужденію о положеніи дѣлъ въ западной Европѣ, которое беретъ изъ Милля г. Лавровъ. Вотъ слова Милля: «Современное направленіе общественнаго мнѣнія представляетъ то же самое въ неорганизованномъ видѣ, что мы видимъ организованнымъ въ китайской политической и педагогической системѣ; и если личности не будутъ способны успѣшно возстать противъ этого ярма, то въ Европѣ, несмотря на ея благородное прошедшее и на исповѣдуемое ею христіанство, разовьется второй Китай». У насъ многіе съ большимъ удовольствіемъ схватились за эти слова, принимая ихъ за чистую монету; другіе сильно огорчились отъ нихъ. Западная Европа идетъ къ состоянію китаизма, она уже не въ силахъ выработать новыхъ формъ жизни, она будетъ только заимствовать систематическую постройку прежнихъ формъ, уже оказывающихся неудовлетворительными; потребности настоящаго, несомѣстныя съ ними, будутъ подавлены предавіемъ и на всемъ Западѣ водворяется однообразная методичность насильственной рутинѣ, какую мы видимъ въ Китаѣ. Такъ говорятъ нѣкоторые даже изъ самыхъ лучшихъ нашихъ людей, и указываютъ на грустный приговоръ Милля, какъ на подтвержденіе очень сильное. Но легко сообразить, какого дофрѣн заслуживаютъ въ подобныхъ вещахъ впечатлѣнія челоуѣка, смутившагося даже такою частною перемѣною, какъ парламентская реформа, и притомъ перемѣною, являющеюся въ такомъ умѣренномъ объемѣ, какой принадлежитъ требованіямъ даже радикальной партіи парламента въ лицѣ ея представителя Брайтъ, который притомъ лишень надежды достигъ осуществленія даже своихъ предложеній въ самомъ смутномъ и ослабленномъ ихъ видѣ. Если Милль смутился отъ парламентской реформы, то можно ли ожидать, чтобы онъ хладнокровно разсудилъ о признакахъ перемѣны, которая стремится объять всю общественную и частную жизнь западной Европы, измѣнить все учрежденія и нравы, начиная съ государственныхъ формъ и кончая семейными отношеніями и экономическими постановленіями? Что мудренаго, если отъ признаковъ такой громадной перемѣны затмится холодная ясность

сужденія у человѣка, который можетъ безъ особеннаго трепета анализировать отвлеченныя понятія, но которому лично неприятны факты, соответствующіе этимъ понятіямъ? Въ приведенныхъ г. Лавровымъ словахъ Милля мы видимъ не анализъ сущности дѣла, а только впечатлѣніе, производимое этимъ дѣломъ на человѣка, имѣющаго благородный образъ мыслей, но по своимъ личнымъ обстоятельствамъ принадлежащаго къ сословіямъ, ожидающимъ себѣ потерь отъ перемѣны, выгодной для всего общества. Когда онъ говоритъ: западная Европа находится въ кризисѣ, исходъ котораго сомнителенъ; отворотить этотъ кризисъ, остановить развитіе вещей, вернуться къ прошлому—невозможно; но неизвѣство, чѣмъ кончится кризисъ: приведетъ ли онъ западную Европу къ развитію болѣе высокихъ формъ жизни или къ китаизму, къ деспотизму подъ формою свободы, къ застою подъ формою прогресса, къ варварству подъ формою цивилизаціи,—когда онъ говоритъ это, намъ припоминаются чувства и слова честной части англійскихъ лендлордовъ во время отміны хлѣбныхъ законовъ. Тѣ лендлорды, которые имѣли благородный образъ мыслей, также говорили тогда: да, мы видимъ, что отмінить хлѣбные законы необходимо; всякое сопротивленіе останется вапрасно и можетъ только увеличить размѣръ окончательной побѣды Кобдена съ его товарищами; но въ чѣмъ приведетъ эта неизбѣжная перемѣна? Не убьетъ ли она англійское земледѣліе? Не разоритъ ли она наше сословіе?—это бы еще ничего: свою бѣду мы перенесли бы безропотно,—но не разоритъ ли она и фермеровъ, не пуститъ ли по міру голодными и миліоны деревенскихъ рабочихъ, пахущихъ поля для нашихъ фермеровъ? Эти люди говорили добросовѣстно; однако же, фактъ показалъ неосновательность ихъ мрачныхъ сомнѣній, и постороннему зрителю съ самаго начала было видно, что подобныя опасенія за будущность внушались этимъ людямъ только невыгодностью перемѣны для сословія, въ которомъ они принадлежали. Точно таково же происхожденіе боязни Милля за будущность западной Европы: его сомнѣніе о предстоящей судьбѣ цивилизованныхъ странъ не больше, какъ возведенное личнымъ чувствомъ въ общую формулу предчувствіе того, что дальнѣйшее развитіе цивилизаціи будетъ уменьшать привилегіи, присвоенныя сословіемъ, къ которому самъ онъ принадлежитъ. Постороннему человѣку очень замѣтна неосновательность силлогизма, обращающаго въ опасность для всего общества потерю привилегій.

Въ Миллѣ мы видимъ представителя чувствъ, съ которыми благородные люди богатыхъ сословій западной Европы встрѣчаютъ предстоящую перемѣну общественныхъ отношеній. Не менѣе любопытенъ характеръ возрѣвій другаго мыслителя, служащаго представителемъ умственнаго положенія простолюдиновъ западной Европы. Авторъ книги *de la Justice* былъ сынъ деревенскаго бочара,—не какого нибудь хозяина мастерской,—нѣтъ, простаго деревенскаго мужика, который самъ и одинъ, безъ всякихъ наемныхъ работниковъ, набиваль обручи на мужицкія бочки и жилъ такъ же бѣдно, какъ всѣ мужики той деревни. Въ дѣтствѣ своемъ, мыслитель отчасти служилъ пастухомъ, отчасти помогаль отцу набивать обручи. Нѣкоторые добрые люди зажиточнаго сословія, замѣтивъ умъ мальчика, помогли ему отдать его въ безансонскую гимназію. Но книгъ покупать ученику было не за что, и онъ училъ уроки уже въ классной комнатѣ, въ немногія минуты передъ начатіемъ класса, по книгамъ своихъ товарищей. Бѣдность семейства скоро заставила его бросить гимназію, чтобы снова стать работникомъ; на 19-мъ году удалось ему поступить въ одну изъ безансонскихъ типографій наборщикомъ; черезъ

нѣсколько лѣтъ сдѣлался онъ корректоромъ, а потомъ достигъ должности фактора. Такъ прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ; молодой наборщикъ читалъ книги, думалъ, пробовалъ самъ писать кое-что, и за одно изъ своихъ сочиненій получилъ трехлѣтнюю стипендію въ 1,500 франковъ отъ безансонской академіи (общества любителей словесности). Это помогло ему въ занятіяхъ. Онъ продолжалъ писать, оставаясь типографскимъ работникомъ; но безансонская академія уже отвергала его новые труды, замѣтивъ, какой неблагонамѣренный характеръ обнаруживается въ образѣ мыслей ея стипендіата, который сначала представился ей человѣкомъ самыхъ консервативныхъ понятій. Между тѣмъ авторъ, оказавшійся очень дѣльнымъ человѣкомъ по управленію коммерческими дѣлами, прискалъ себѣ мѣсто коммисіонера (управляющаго) въ конторѣ водяной и сухопутной транспортировки братьевъ Готье въ Лионѣ. Въ этой конторѣ служилъ онъ до самаго 1848 года, который доставилъ ему возможность жить уже одними литературными трудами. Управляя конторою Готье, онъ былъ дѣльцомъ очень распорядительнымъ и практичнымъ. такъ что привелъ въ цвѣтущее положеніе фирму, въ которой служилъ. Эта внѣшняя сторона жизни автора книги *de la Justice* служитъ вѣрнымъ отраженіемъ общихъ отношеній западнаго простонародья въ его трудовой жизни. Простонародье должно выбиваться изъ самаго жалкаго положенія; благосостоятельнымъ классамъ сначала бываетъ жалко видѣть людей умныхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, находящимися въ безвыходной бѣдности и въ униженіи; сильные міра помогаютъ по чистому человѣческому чувству своимъ менѣе счастливымъ братьямъ: благодаря сострадательной заботливости зажиточныхъ людей, сынъ бѣднаго мастераваго, паствухъ и ученикъ бочара поступаетъ въ школу, выводится на дорогу, по которой и прійдетъ къ почету и выйдетъ изъ бѣдности. Но помощь эта, при всей своей похвальности, недостаточна, заботливость эта, при всей своей гуманности, не довольно внимательна: мальчикъ, прежде чѣмъ обратился въ юношу, уже остается безъ хлѣба, долженъ бросить путь къ хорошему положенію въ обществѣ, чтобы кормить себя и свою семью черной работой. Много гибнетъ тутъ силъ и времени въ благодарномъ трудѣ поденщика, живущаго со дня на день, работающаго 14 часовъ въ сутви, чтобы имѣть невѣрную и скудную пищу. Но природныя дарованія велики у него; онъ еще ничему не выучился, за то узналъ по крайней мѣрѣ, что спасенье можетъ быть дано ему только наукой: онъ уже не отстанетъ отъ умственнаго труда, какъ бы ни стѣсняли его обстоятельства. Притомъ же, онъ хочетъ знать правду. Кромѣ матеріальной потребности знанія, въ немъ уже развита любознательность. И вотъ, урывая время отъ сна, отказывая себѣ во всякомъ развлеченіи, даже въ отдыхѣ, онъ посвящаетъ часъ или полчаса поздняго вечера чтенію, какъ бы ни чрезмѣрна была черная работа, занимавшая его цѣлый день. Такимъ образомъ, учится онъ много; а мыслить онъ еще больше: голова его думаетъ надъ общечеловѣческими вопросами и надъ вопросами о положеніи цѣлаго его соловія, пока руки его исполняютъ черную работу. Тяжелъ и длиненъ этотъ путь: пятнадцать лѣтъ нужно ему на то, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія, которыя при лучшихъ условіяхъ пріобрѣлъ бы онъ въ два-три года. За то было у него время глубоко обдумывать все, что узнаетъ онъ, и мысль его получила великую проницательность. Вотъ онъ знаетъ уже все, что знаютъ ученые люди, а судить онъ яснѣе ихъ; онъ можетъ сообщить имъ нѣчто достойное ихъ вниманія: въ его мысляхъ есть нѣчто новое, потому что порождены онѣ жизнью, какой не

испытывают классы, имѣющіе ученыхъ людей. На первый разъ это новое такъ же нравится ученымъ порядочнаго общества, какъ нравилась прежде даровитость деревенскаго мальчика: они одобряютъ труженика; онъ продолжаетъ свой умственный трудъ, развиваетъ свои мысли, — но тутъ догадываются наконецъ его покровители, что есть какая-то вредная сторона въ его мысляхъ, показавшихся сначала такими невинными. Прежнее довольно гордое участіе къ нему замѣняется въ нихъ подозрительностью, она усиливается, подтверждается, переходитъ въ положительную нелюбовь, потомъ въ ненависть въ нему за его вредный образъ мыслей, за его гибельныя стремленія; онъ отвергнутъ всѣми, кто имѣетъ хорошее положеніе въ обществѣ, подвергается гоненіямъ; но уже поздно: онъ уже не нуждается въ покровительствѣ, онъ уже силенѣе преслѣдователей, онъ знаменитъ, и всѣ его трепещутъ, потому что онъ сокрушаетъ каждаго, на кого принужденъ поднять руку. Эта біографія отдѣльнаго человѣка — исторія сословія, къ которому онъ принадлежитъ.

Этотъ человѣкъ интересенъ, какъ полный представитель умственного положенія, до котораго возвышается на Западѣ простолудиягъ. Переходя къ его теоріямъ, мы также найдемъ, что исторія его развитія отразилась въ нихъ всѣми своими сторонами и въ томъ числѣ своими недостатками. Онъ самоучка; по какимъ книгамъ онъ учился? Зналъ ли онъ, какія книги выбирать, зналъ ли онъ, на какія ученія обращать вниманіе, какъ на ученія дѣйствительно современныя? Нѣтъ, онъ учился по книгамъ, какія попадались ему въ руки, а чаще всего попадаютъ книги, написанныя въ духъ теорій, уже получившихъ господство въ обществѣ, то есть теорій уже довольно старыхъ и значительно устарѣвшихъ. Такова судьба всякаго самоучки. Если кто нибудь изъ насъ, не учившихся, напримѣръ, химии, вздумаетъ заняться этою наукою и не будетъ во время имѣть хорошихъ руководителей, онъ навѣрное возьмется или за школьныя руководства, служащія вмѣстилищемъ всякаго хлама, или за книги химическихъ знаменитостей, слава которыхъ уже распространялась въ обществѣ: за Либиха, можетъ быть даже за старика Берцеліуса; а люди, знакомые съ химіею въ нынѣшнемъ ея видѣ, говорятъ, что понятія не только Берцеліуса, но и Либиха уже устарѣли, уже не годятся въ руководство человѣку, который хотѣлъ бы узнать химію въ нынѣшнемъ ея видѣ; что науку эту надобно теперь изучать по другимъ писателямъ, а книги Либиха могутъ служить съ пользою только уже для справокъ, только уже человѣку усвоившему себѣ другой взглядъ на дѣло.

Г. Лавровъ занятъ философскою стороною системы автора книги *de la Justice* и мы обратимъ вниманіе здѣсь также на эту сторону, хотя для экономической науки его сочиненія гораздо важнѣе, чѣмъ для философіи. Авторъ книги *de la Justice* далеко превосходитъ всѣхъ своихъ французскихъ соперниковъ тѣмъ, что знакомъ съ нѣмецкою философіею. Ни о какомъ другомъ французскомъ философѣ нельзя сказать, чтобы онъ владѣлъ этимъ знаніемъ. Говорятъ, будто бы Кузенъ изучалъ Шеллинга и Гегеля; но они оба находили, что онъ рѣшительно не понимаетъ духа ихъ ученій, подъ именемъ ихъ системъ воображаетъ себѣ какую-то нелѣпицу, составившуюся въ его головѣ изъ смѣси непонятныхъ нѣмецкихъ выраженій съ принципами, противорѣчащими не только нѣмецкой философіи, но и духу всякаго научнаго изслѣдованія. Слѣдовавшіе за Кузеномъ французскія знаменитости по части философіи, точно такъ же какъ онъ, оставались чужды духу великихъ нѣмецкихъ

мыслителей или даже и вовсе не знакомы съ ними. Объ авторѣ книги de la Justice надобно сказать не то: онъ глубоко проникнуть принципами нѣмецкой философіи. Мы читали, будто бы онъ не знаетъ по-нѣмецки; если это правда, то все еще ничего не значить. Бѣлинскій также не зналъ по-нѣмецки, а между тѣмъ зналъ нѣмецкую философію такъ, что не наберется въ самой Германіи десяти человекъ, понимающихъ ее столь же глубоко и ясно. Мы слышали, что главный источникъ знакомства съ этою наукою у автора книги de la Justice и у Бѣлинскаго былъ одинаковъ: разговоры съ людьми занимавшимися нѣмецкою философіею; говорятъ, что даже эти люди были одни и тѣ же. Можно полагать, что такія извѣстія справедливы. Но какъ бы то ни было, Прудонъ проникся духомъ нѣмецкой философіи. Это составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ его сторонъ. Надобно прибавить, что одна изъ причинъ неудовлетворительности или по крайней мѣрѣ неясности его понятій также заключается въ этомъ знакомствѣ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ узналъ нѣмецкую философію подъ формою системы Гегеля и остановился на этой формѣ, какъ на окончателномъ выводѣ, между тѣмъ какъ въ Германіи наука развивалась дальше. Система Гегеля, проникнутая духомъ, господствовавшимъ надъ общественнымъ мнѣніемъ во время реставраціи и получившимъ свое начало во время первой имперіи, сама по себѣ уже не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію знаній. Надобно еще прибавить, что Гегель по своей натурѣ, или, быть можетъ по расчету, облакалъ свои принципы въ одежду очень консервативную, когда говорилъ о политическихъ и теологическихъ предметахъ. Смѣлый французскій простолюдинъ, усвоивъ себѣ его методъ, не остался доволенъ его выводами и сталъ приписывать для принциповъ Гегеля развитіе, болѣе сообразное съ ихъ собственнымъ духомъ и съ своимъ личнымъ образомъ мыслей, чѣмъ какое получили они у самаго Гегеля. Если бы онъ заблаговременно былъ ознакомленъ съ послѣдующимъ развитіемъ науки въ Германіи, онъ нашель бы въ немъ то, чего искалъ. Но не имѣя этого пособія, онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ; а исторія его умственного развитія помѣшала этимъ силамъ сохранить или приобрѣсти качества, вужныя для построенія связной и однородной философской системы. Онъ слишкомъ много начитался новыхъ французскихъ философовъ, прежде чѣмъ сталъ ученикомъ Гегеля. Когда онъ нередѣлывалъ его систему, онъ слишкомъ часто упдалъ подъ вліяніе мыслей, какія прежде были привычны ему по французскимъ книгамъ. Такимъ образомъ, его собственная система составлялась изъ соединенія гегелевской философіи съ понятіями французскихъ философовъ, часто не имѣющими научнаго духа. Повсюду видва у него чрезвычайная сила ума, но слишкомъ часто замѣтно, что умъ этотъ связывался возрѣніями, не имѣющими никакого научнаго основанія. Результатомъ столь неблагопріятныхъ условій была темнота; онъ самъ замѣтилъ ее и хотѣлъ выйти изъ нея, или страстными порывами ненависти къ преданію, противъ его воли опутывавшему его, или усиленіями придать ему разумный смыслъ. Во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственного положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, склонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній. При не-

знакомствѣ съ этими понятіями онъ принужденъ учиться по книгамъ или положительно дурнымъ, или устарѣлымъ, оставаться подѣ вліяніемъ ошибочныхъ мнѣній, господствующихъ въ такъ называемой образованной публикѣ, въ которой достигается господства только то, что уже отжило свое время въ наукѣ, принужденъ истощать свои силы на борьбу съ предрасудками уже разоблаченными истинно-современной наукой, еще не дошедшей до него, или подчиняться этимъ предрасудкамъ, переходить отъ гнѣва на нихъ къ покорности имъ, вмѣсто того чтобы холодно отстранить ихъ, какъ разоблаченную ложь, которая стала бы для него неопасна, какъ скоро онъ понялъ бы, что она чистѣйшій вздоръ.

Вотъ почему мы думаемъ, что ни авторъ книги de la Justice, ни Милль не могутъ быть авторитетами въ философій. Оба они чрезвычайно важны для чловека, желающаго узнать расположеніе мыслей въ извѣстныхъ сословіяхъ западно-европейскаго общества: изъ Милля онъ узнаетъ, какъ благородная часть западно-европейскихъ привилегированныхъ классовъ смущается духомъ при видѣ осуществленія тѣхъ идей, теоретическую справедливость которыхъ сама она защищаетъ, признавалъ ихъ логически неотразимыми и ведущими къ общему благу, но которыя невыгодны для этихъ сословій. Авторъ книги de la Justice показываетъ, какъ простолюдины, жаждущіе переменъ, затрудняются въ ихъ осуществленіи тѣмъ, что воспитались въ понятіяхъ старины, не познакомились еще съ воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Но представителями этихъ воззрѣній, развитыхъ современною наукою, ни Милль, ни Прудонъ не могутъ считаться *). Истинныхъ представителей ея надобно и теперь, какъ прежде, искать въ Германіи. Быть можетъ мы ошибаемся, но намъ кажется, что г. Лавровъ принужденъ былъ собственными силами доискиваться тѣхъ рѣшеній, которыя уже найдены нынѣшнею нѣмецкою философіею. Намъ кажется, что изученіе отжившихъ формъ нѣмецкой философій и книгъ, написанныхъ мыслителями англійскими и французскими, предшествовало у него знакомству съ новѣйшими нѣмецкими мыслителями, и что, будь иначе, прочти онъ нѣсколькими годами позже тѣ книги, которыя прочтены имъ раньше, прочти онъ нѣсколькими годами раньше тѣ книги, которыя прочтены имъ уже только по окончаніи внутренней его работы надъ построеніемъ своего образа мыслей, онъ писалъ бы нѣсколько иначе. Мы не говоримъ, что онъ пришелъ бы къ другимъ воззрѣніямъ, — намъ кажется, что сущность его воззрѣній справедлива, — но они представлялись бы ему въ видѣ болѣе простомъ; быть можетъ мы выразились не такъ, и точнѣе было бы сказать: онъ рѣшительнѣе находилъ бы, что отвергаемая имъ ложь совершенно пустая ложь, могущая вызывать только улыбку состраданія, а не серьезное раздумье о томъ, можно ли безусловно отвергнуть ее. Очень можетъ быть, что убѣжденіе въ простотѣ истины и въ основательности совершеннаго разрыва современныхъ воззрѣній съ пустою софистикою, въ которую одѣта древняя грубая ложь, отразилось бы и на его изложеніи большею

*) Конечно, когда мы говоримъ, что Милль не представитель современной философій, мы разумѣемъ собственно ту часть науки, которую принято у насъ называть философіею, — теорію рѣшенія самыхъ общихъ вопросовъ науки, обыкновенно называемыхъ метафизическими, напримеръ вопросовъ объ отношеніяхъ духа къ матеріи, о свободѣ человѣческой воли, о бессмертіи души и т. д. Этою частью науки Милль даже вовсе не занимался прямымъ образомъ; онъ предвѣренно отклоняется отъ высказыванія всякаго мнѣнія о подобныхъ предметахъ, какъ будто считая ихъ недоступными точному наслѣдованію. Онъ собственно не филовофъ въ томъ смыслѣ слова, по которому философами называются у насъ Кантъ или Гегель, но не называются Кьюве или Любихъ (по англійски Кьюве и Либихъ также называются философами).

доступностью для большинства публики; быть может его статьи, которые теперь всеми уважаются, болѣе читались бы тою частью публики, которая слишкомъ склонна оставлять непрочтенными книги и статьи, внушающія ей слишкомъ большое уваженіе. Не входя въ критику воззрѣній г. Лаврова, мы попробуемъ изложить наши понятія о тѣхъ же предметахъ; намъ кажется, что они въ сущности сходны съ образомъ мыслей г. Лаврова; разница будетъ почти только въ изложеніи и въ приемахъ постановки вопроса.

Основаніемъ для той части философій, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно такъ же служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всеми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философій видятъ въ немъ то, что видятъ медицина, физиологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей ватуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой природы въ немъ нѣтъ. Убѣдительность этого доказательства равняется убѣдительности тѣхъ основаній, по которымъ, напримѣръ, вы, читатель, увѣрены, что, напримѣръ, въ эту минуту, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете, во-первыхъ потому, что не видите его глазами, не слышите его рыканія; но это ли одно ручается вамъ за то, что льва нѣтъ въ вашей комнатѣ? Нѣтъ, есть у васъ второе ручательство за то: ручательствомъ служитъ тотъ самый фактъ, что вы живы; если бы въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ. Нѣтъ послѣдствій, которыми неизбѣжно сопровождалось бы присутствіе льва, потому вы знаете, что нѣтъ тутъ и льва. Скажите также, почему вы убѣждены, что собака не умѣетъ говорить? Вы не слышали, чтобы она когда нибудь говорила; само по себѣ это было бы еще недостаточно: вы видѣли многихъ людей, которые молчали въ то время, какъ вы ихъ видѣли; они просто не хотѣли, а не то чтобы не умѣли говорить: быть можетъ и собака только не хочетъ говорить, а не то что не умѣетъ говорить? Такъ и думаютъ люди съ неразвитымъ умомъ, вѣрящіе сказкамъ, въ которыхъ разговариваютъ животныя, и объясняющіе свое предположеніе такимъ способомъ: собака очень умна и хитра, она знаетъ, что слова часто доводятъ до бѣды, оттого и молчитъ, рассчитавъ, что молчать гораздо безопаснѣе, чѣмъ говорить. Вы смѣетесь надъ такими замысловатыми объясненіями и понимаете дѣло проще: вы видѣли случаи, въ которыхъ собака не могла бы не говорить, если бы имѣла эту способность; напримѣръ, убиваютъ собаку; она визжитъ изо всѣхъ силъ, ей очевидно невозможно удержаться отъ выраженія своей мысли о томъ, что ей больно, о томъ, что съ нею поступаютъ жестоко. Она ищетъ всякихъ средствъ выразить это и находитъ одно средство—визгъ, а словъ не находитъ; значить, въ ней нѣтъ дара слова; еслибы онъ былъ въ ней, она дѣйствовала бы иначе. Дано обстоятельство, въ которомъ существованіе извѣстнаго элемента въ извѣстномъ предметѣ непремѣнно имѣло бы извѣстный результатъ; этого результата нѣтъ, потому нѣтъ и этого элемента. Возь-

немъ еще случай. Почему вы знаете, что, напримѣръ, г. Юмъ, надѣлавшій у насъ въ Петербургѣ такого шума года два тому назадъ своими фокусами, дѣйствительно только фокусникъ, а не можетъ въ самомъ дѣлѣ знать будущаго, знать тайнъ, которыхъ ему не сказывали, читать книгъ и бумагъ, которыя не находятся у него передъ глазами? Вы знаете это вотъ почему: еслибъ онъ могъ знать будущее, онъ былъ бы сдѣланъ дипломатическимъ совѣтникомъ при какомъ нибудь дворѣ и рассказывалъ бы министерству этого двора все, что произойдетъ въ данныхъ случаяхъ: напримѣръ, онъ сказалъ бы Рехбергу въ прошломъ мартѣ, что если австрійцы начнутъ войну, то они будутъ побиты при Палестро, Маджентѣ и Сольферино и потеряютъ Ломбардію. Тогда австрійцы не начали бы войны и не было бы ничего изъ того, что произошло въ прошломъ году въ Италіи, Франціи, Австріи, а происходило бы что нибудь совершенно иное. Если бы онъ могъ читать книги, не находящіяся у него подъ глазами, тогда правительства и ученныя общества не стали бы посылать ученыхъ на востокъ отыскивать древнія рукописи, а обратились бы съ просьбою къ нему, и онъ изъ Парижа прочелъ бы и продиктовалъ бы имъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ теперь древняго греческаго писателя, списокъ котораго уцѣлѣлъ въ какомъ нибудь сирійскомъ захолустьи. Этого нѣтъ, г. Юмъ и его собратія по искусству не открыли ровно ничего ни дипломатамъ, ни ученымъ; а непремѣнно открывали бы имъ важныя вещи, если бы могли, потому что это было бы для нихъ и несравненно выгоднѣе и несравненно почетнѣе фокусничества; потому они и не имѣютъ той способности, которую приписываютъ имъ легковѣрные люди. О всѣхъ такихъ случаяхъ не довольно сказать: мы не знаемъ, существуетъ ли извѣстный элементъ; нѣтъ; разсудокъ обязываетъ насъ прямо сказать: мы знаемъ, что этого элемента нѣтъ; еслибъ онъ былъ, то произошло бы не то, что происходитъ.

Но при единствѣ натуры мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различныя ряда явленій: явленія такъ называемаго матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣстъ, ходитъ) и явленія такъ называемаго нравственнаго порядка (человѣкъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ). Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти два порядка явленій? Не противорѣчить ли ихъ различіе единству натуры человѣка, показываемому естественными науками. Естественныя науки опять отвѣчаютъ, что дѣлать такую гипотезу мы не имѣемъ основанія, потому что нѣтъ предмета, который имѣлъ бы только одно качество, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденія о немъ подводимъ подъ разные разряды, давая каждому разряду имя качества, такъ что въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ. Напримѣръ, дерево растеть, горитъ; мы говоримъ, что оно имѣетъ два качества: растительную силу и удобостараемость. Въ чемъ сходство между этими качествами? Они совершенно различны; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба эти качества, кромѣ общаго понятія—качество; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба ряда явленій, соответствующихъ этимъ качествамъ, кромѣ понятія—явленіе. Или, напримѣръ, ледъ твердъ и блестящъ; что общаго между твердостью и блескомъ? Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другаго безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого, близкаго или далекаго, логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія. Изъ этого мы видимъ, что соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ

въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей. Но въ этомъ разнообразіи естественныя науки открываютъ и связь, — не по формамъ обнаруженія, не по явленіямъ, которыя рѣшительно несходны, а по способу происхожденія разнородныхъ явленій изъ одного и того же элемента при напряженіи или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи. Напримѣръ, въ водѣ есть свойство имѣть температуру, — свойство общее всѣмъ тѣламъ. Въ чемъ бы ни состояло свойство предметовъ, называемое нами теплотою, но оно при разныхъ обстоятельствахъ обнаруживается съ очень различными величинами. Иногда одинъ и тотъ же предметъ очень холоденъ, то есть обнаруживаетъ очень мало тепла, иногда онъ очень горячъ, то есть обнаруживаетъ его очень много. Когда вода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, обнаруживаетъ очень мало теплоты, она бываетъ твердымъ тѣломъ — льдомъ; обнаруживая нѣсколько больше теплоты, она бываетъ жидкостью; а когда въ ней теплоты очень много, она становится паромъ. Въ этихъ трехъ состояніяхъ одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различныхъ явленій, такъ что одно качество принимаетъ форму трехъ разныхъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.

Но разные предметы различаются между собою своею способностью обнаруживать извѣстныя общія имъ качества въ очень различныхъ количествахъ. Напримѣръ, желѣзо, серебро, золото обнаруживаютъ очень значительное количество того качества, которое называется тяжестью, и мѣриломъ котораго у насъ на землѣ служитъ вѣсъ. Воздухъ обнаруживаетъ это качество въ такомъ маломъ количествѣ, что только особенными учеными изслѣдованіями оно открыто въ немъ, а каждый человѣкъ, незнакомый съ наукою, по необходимости предполагаетъ, будто бы въ воздухѣ вовсе нѣтъ тяжести. Точно также думали о всѣхъ газообразныхъ тѣлахъ. Возьмемъ другое качество, способность сжиматься отъ давленія. Безъ особенныхъ средствъ анализа, даваемыхъ только наукою, никто не замѣтитъ, чтобы жидкости сжимались отъ какого бы то ни было давленія: кажется, будто бы вода сохраняетъ совершенно прежній объемъ подъ самымъ сильнымъ давленіемъ. Но наука отыскала факты, показывающіе, что и вода въ нѣкоторой степени сжимается отъ давленія. Изъ этого надобно заключать, что когда намъ представляется какое нибудь тѣло, не имѣющее повидимому извѣстнаго качества, то надобно употребить научный анализъ для повѣрки этого впечатлѣнія, и если онъ скажетъ, что качество это находится въ тѣлѣ, то надобно не твердить упорно: наши невооруженныя научными средствами чувства говорятъ противное, а надобно просто сказать: результатъ, полученный при помощи изслѣдованія предмета съ нужными научными средствами, показываетъ неудовлетворительность впечатлѣнія, получаемаго чувствами, лишенными нужныхъ въ этомъ дѣлѣ пособій.

Съ другой стороны, когда кажется, будто бы извѣстный предметъ имѣетъ какое нибудь особенное качество, котораго будто бы совершенно нѣтъ въ другихъ предметахъ, то надобно опять изслѣдовать дѣло научнымъ образомъ. Напримѣръ, намъ кажется, что дерево имѣетъ способность совершенно особенную, какой нѣтъ въ большей части другихъ тѣлъ: оно горитъ, а камень, глина, желѣзо не горятъ. Но когда мы изслѣдуемъ при помощи научныхъ пособій процессъ, называемый горѣніемъ, то мы найдемъ, что онъ состоитъ въ соединеніи нѣкоторыхъ элементовъ извѣстнаго тѣла съ кислородомъ; вмѣстѣ съ этимъ наука показываетъ, что

въ большей части такъ называемыхъ негорючихъ тѣлъ постоянно происходитъ точно тотъ же процессъ соединенія всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ составныхъ ихъ частей съ кислородомъ. Напримѣръ, желѣзо постоянно окисляется, — на разговорномъ языкѣ этотъ видъ процесса называется особеннымъ словомъ „ржавѣть“; во наука открываетъ, что ржавѣнье и горѣнье совершенно одинъ и тотъ же процессъ, и что эти два случая его представляются различными для нашего впечатлѣнія только оттого, что въ одномъ случаѣ процессъ происходитъ гораздо быстрѣе, гораздо интенсивнѣе, нежели въ другомъ.

Отчего же теперь разные предметы имѣютъ различную величину интенсивности въ обнаруженіи извѣстнаго качества при одинаковыхъ условіяхъ? — отчего камень въ обыкновенныхъ житейскихъ условіяхъ обнаруживаетъ очень сильную степень качества называемаго тяжестью, а воздухъ не обнаруживаетъ его иначе, какъ при пособіи особенныхъ научныхъ средствъ, увеличивающихъ проникаемость нашихъ чувствъ? Отчего окисленіе желѣза происходитъ въ обыкновенной атмосферѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ окисленіе дерева, когда оба предмета положены въ одну и ту же горящую печь? Наука говоритъ, что она еще не успѣла изслѣдовать законовъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ немногихъ тѣлахъ, остающихся въ химіи пока подъ именемъ простыхъ, но что во всѣхъ остальныхъ тѣлахъ, которыя успѣла она разложить, эта разница происходитъ отъ различія въ составѣ или отъ различія состояній, въ которыхъ находятся составныя части сложнаго тѣла. Напримѣръ, различіе между водою и масломъ или водянымъ паромъ и камнемъ соотвѣтствуетъ различію въ составѣ этихъ тѣлъ. Различіе между углемъ и алмазомъ соотвѣтствуетъ то различію, что составныя части угля находятся въ невристаллизованномъ, а составныя части алмаза въ кристаллизованномъ состояніи. Естественныя науки замѣчаютъ также, что простые или составленныя изъ нихъ сложныя тѣла, входя между собою въ химическія соединенія, вообще даютъ въ продуктѣ тѣло, обнаруживающее такія качества, какихъ не обнаруживали составныя его части, когда находились порознь. Такъ, напримѣръ, изъ соединенія въ извѣстной пропорціи водорода и кислорода образуется вода, имѣющая множество такихъ качествъ, которыхъ не было замѣтно ни въ кислородѣ, ни въ водородѣ. Объ этихъ комбинаціяхъ химія замѣчаетъ, что многосложныя изъ нихъ вообще отличаются большею переѣнчивостью, такъ сказать подвижностью. Такъ, напримѣръ, желѣзная ржавчина, состоящая только изъ соединенія желѣза съ кислородомъ въ очень простой пропорціи, очень постоянна, такъ что нужно дѣйствовать на нее чрезвычайно высокою температурою или чрезвычайно сильными реагентами, чтобы произвести переѣну въ этомъ тѣлѣ. Но кровяной шарикъ, въ которомъ желѣзная окись служитъ только однимъ изъ элементовъ многосложной химической комбинаціи съ примѣсями разныхъ другихъ тѣлъ, напримѣръ, воды, никакъ не можетъ долго сохранять своего состава: онъ можно сказать не существуетъ въ постоянномъ видѣ, какъ существуютъ частички ржавчины, а безпрестанно измѣняется, пріобрѣтая новыя частицы и теряя прежнія. То же надобно сказать о всѣхъ многосложныхъ химическихъ комбинаціяхъ: онѣ имѣютъ очень сильную склонность существовать постояннымъ возникновеніемъ, возрастаніемъ, обновленіемъ и наконецъ уничтожаться среди обыкновенныхъ обстоятельствъ, такъ что существованіе предмета, состоящаго изъ такихъ комбинацій, состоитъ въ безпрестанномъ возобновленіи частей и представляется непрерывнымъ химическимъ процессомъ.

Многосложныя химическія комбинаціи, имѣющія этотъ характеръ, одинаково обнаруживаютъ его, находятся ли въ такъ называемыхъ органическихъ тѣлахъ, или возникаютъ и существуютъ внѣ ихъ, въ такъ называемой неорганической природѣ. Еще не очень давно казалось, что такъ называемыя органическія вещества (напримѣръ, уксусная кислота) существуютъ только въ органическихъ тѣлахъ: но теперь извѣстно, что при извѣстныхъ условіяхъ они возникаютъ и внѣ органическихъ тѣлъ, такъ что разница между органическою и неорганическою комбинаціею элементовъ не существенна и такъ называемыя органическія комбинаціи возникаютъ и существуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и всѣ они одинаково возникаютъ изъ неорганическихъ веществъ. Напримѣръ, дерево отличается отъ какой нибудь неорганической кислоты собственно тѣмъ, что кислота эта комбинація не многосложная, а дерево—соединеніе многихъ многосложныхъ комбинацій. Это какъ будто разница между 2 и 200,—разница количественная, не больше.

Итакъ естественныя науки видятъ въ существованіи органическаго тѣла, каково, напримѣръ, растеніе или насѣкомое, химическій процессъ. Объ этомъ явленіи вообще замѣчаютъ естественныя науки, что во время химическаго процесса тѣла обнаруживаютъ тавія качества, какихъ совершенно незамѣтно въ нихъ при состояніи неподвижнаго соединенія. Напримѣръ, дерево само по себѣ не жжетъ, труть, кремь и огниво также не жгутъ; но если частичка стали, раскаленная треніемъ (ударомъ) о кремь и оторванная отъ огнива, попадаетъ въ труть и, чрезвычайно возвысивши температуру нѣкоторой частички этого трута, даетъ условіе, нужное для начала въ этой частичкѣ трута химическаго процесса, называемаго горѣніемъ, то постепенно весь кусокъ трута, вовлекаясь въ этотъ химическій процессъ, начинаетъ жечь, чего не дѣлалъ, когда въ немъ не было химическаго процесса; будучи пододвинутъ къ дереву во время этого процесса, онъ также вовлекаетъ его въ свой химическій процессъ горѣнія и дерево во время этого процесса также жжетъ, свѣтитъ и обнаруживаетъ другія качества, какихъ не замѣчалось въ немъ до начала процесса. Возьмемъ какой угодно другой химическій процессъ, мы увидимъ то же самое: тѣло, находящееся въ немъ, обнаруживаетъ качества, какихъ не обнаруживало до начала процесса. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ броженія. Пивное сусло стоитъ спокойно въ своемъ чану; дрожжи также неподвижны въ своей кружкѣ. Положите дрожжи въ сусло, начинается химическій процессъ, называемый броженіемъ, сусло бурлитъ, гѣнится, бьется въ своемъ сосудѣ. Разумѣется, когда мы говоримъ о различіи состоянія тѣлъ во время химическаго процесса и въ такое время, когда не находятся они въ процессѣ, мы говоримъ только о количественной разницѣ между сильнымъ, быстрымъ ходомъ процесса и очень медленнымъ, слабымъ ходомъ его. Собственно говоря, каждое тѣло постоянно находится въ состояніи химическаго процесса; напримѣръ бревно, если и не будетъ зажжено, не сгоритъ въ печи, а будетъ спокойно какъ будто безъ всякихъ перемѣнъ лежать въ стѣнѣ дома, все-таки когда нибудь прійдетъ къ тому же концу, къ какому приводитъ его горѣніе: оно постепенно истлѣетъ и отъ него останется тоже только пепель (пыль гнилушки, которая наконецъ оставитъ отъ себя на прежнемъ мѣстѣ только минеральныя частицы пепла). Но если этотъ процессъ, какъ, напримѣръ, при обыкновенномъ тлѣніи бревна въ стѣнѣ дома, происходитъ чрезвычайно медленно и слабо, то и качества, свойственныя тѣлу, находящемуся въ процессѣ, обнаруживаются съ микроскопической слабостью, которая въ житейскомъ

быту совершенно неуправима. Напримѣръ, при медленномъ истлѣваніи дерева, лежащаго въ стѣнѣ дома, также развивается теплота; но то количество ея, которое при горѣніи сосредоточилось бы въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, тутъ разжижается (если можно такъ выразиться) на нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ что не достигается никакого результата, удобоуправимаго на практикѣ: существованіе этой теплоты ничтожно для практическихъ сужденій. Это то же самое, какъ винный вкусъ въ цѣломъ прудѣ воды, въ который брошена одна капля вина: съ научной точки зрѣнія этотъ прудъ содержитъ въ себѣ смѣсь воды съ виномъ; но въ практикѣ надобно принимать, что вина въ немъ какъ будто вовсе нѣтъ. *

Читатель, вѣроятно, скажетъ, что всѣ наши разсужденія такъ же справедливы, какъ справедливы были бы разсужденія объ обращеніи земли около солнца, о холодѣ на полюсахъ, о жарѣ подъ тропиками, и столь же мало идутъ къ дѣлу. Читатель, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ правъ, сказавъ, что мы занимаемся теперь пустословіемъ. Но гораздо легче замѣтить въ себѣ недостатокъ или согласиться съ словами людей, увязывающихъ его, нежели исправиться отъ него. Вообще люди склонны щегольнуть знакомствомъ съ такими вещами, съ которыми въ сущности мало знакомы, любятъ выказывать это свое мнимое знакомство кстати и некстати; почему же намъ слѣдовало бы не имѣть этого недостатка? А если мы уже имѣемъ его, то почему же и не выказываться ему? Пусть же себѣ выказывается, и будемъ заниматься неидущими къ дѣлу разсужденіями о естественныхъ наукахъ, мало намъ знакомыхъ, пока надобно намъ это щегольство, — тогда мы займемся чѣмънибудь другимъ, чего, быть можетъ, также вовсе не знаемъ, напримѣръ, хоть нравственную философію. Читатель подумаетъ: однако же труденъ будетъ переходъ отъ хиши къ общественнымъ учрежденіямъ. Ну вотъ, будто бы уже и трудно найти фразу, которой бы связывались совершенно несвязныя части разсужденія? Когда прійдетъ намъ охота говорить о философіи вмѣсто химіи, мы просто напишемъ: „итакъ, до сихъ поръ мы разсуждали вотъ о чемъ, а теперь будемъ разсуждать вотъ о чемъ“ и дѣло будетъ кончено — удовлетворительный переходъ сдѣланъ. Развѣ не дѣлаютъ безпрестанно точно такихъ же переходовъ очень знаменитые авторитеты: напишутъ двѣ фразы, рѣшительно не клещіяся между собою, поставятъ между ними „итакъ“ или „слѣдовательно“, — и силлогизмъ готовъ, и все доказано.

Но мы чувствуемъ, что еще на нѣсколько страницъ хватить у насъ желанія толковать вмѣсто философіи о естественныхъ наукахъ, совершенно неидущихъ къ дѣлу, по справедливому замѣчанію читателя. Смутило было насъ одно обстоятельство: мы уже истощили весь скудный запасъ нашихъ свѣдѣній о химическихъ комбинаціяхъ и процессахъ; мы не имѣемъ, что тутъ больше сказать, а говорить намъ охота страшная. Вотъ она-то и выручаетъ насъ изъ бѣды: „сказалъ все, что знаешь объ одномъ, шепчетъ намъ она, кидайся на другое, что подвернется подъ языкъ“. Мы послушались добраго совѣта. Давайте же говорить хоть о царствахъ природы: кое-что каждый о нихъ знаетъ, хоть иной и маловато; кое-что знаемъ и мы, и уже сами чувствуемъ, что маловато, — а все-таки на нѣсколько страницъ достанетъ. Но тутъ въ другое ухо желаніе какъ можно дольше уклоняться отъ настоящаго предмета рѣчи, чтобы наговорить какъ можно больше неидущаго къ дѣлу, подшешнуло намъ другой совѣтъ: „изъ трехъ царствъ природы, минеральнаго, растительнаго и животнаго, вы пока ничего не говорите о томъ, которое одно могло

бы представлять примѣры хотя нѣкоторой аналогіи съ человѣческой жизнью. въ жизни муравьевъ, пчелъ, бобровъ, — не говорите ничего о царствѣ животныхъ. Мы слушаемся и этого совѣта, хоть онъ очевидно нелѣпъ: нелѣпостей въ жизни дѣлаешь такъ много, что одною больше или одною меньше — не составитъ ровно никакой разницы, какъ не составляетъ ровно никакой разницы въ температурѣ присутствіе какой нибудь гнивающей щепы. Будемъ же говорить о неорганической природѣ и о растительномъ царствѣ.

Намъ нравится эта новая тема собственно потому, что и независимо отъ недостаточности нашихъ знаній о ней, нельзя было бы сказать о ней ничего дѣльнаго; потому что она сама по себѣ чужда всякой реальности, вводя въ природу подраздѣленіе, котораго въ природѣ вовсе нѣтъ. Оно только кажется незнающему человеку, что камень самъ по себѣ, а растение вещь совершенно другаго рода; на самомъ же дѣлѣ открывается, что оба эти предмета, столь несходные, состоятъ изъ одинаковыхъ частей, соединившихся по однимъ и тѣмъ же законамъ, только соединившихся въ разной пропорціи. Разлагаемъ камень и находимъ, что онъ составился изъ газовъ и металловъ; разлагаемъ растение и въ немъ тоже находимъ газы и металлы. Въ камняхъ металлы находятся не въ чистомъ своемъ видѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ кислородомъ; въ растенияхъ тоже. Въ камняхъ газы находятся не каждый особо, не самъ по себѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ другими газами и металлами; въ растенияхъ тоже. Больше всего въ растеніи такихъ частей, которыя прямо состоятъ изъ голаго камня: въ живомъ растеніи этотъ камень составляетъ двѣ трети или три четверти всей массы растенія, или даже больше; этотъ камень — вода. Отъ вещей, которыя называются камнями въ обыкновенномъ языкѣ, этотъ камень отличается лишь тѣмъ, что плавится при температурѣ очень низкой, между тѣмъ какъ обыкновенные камни плавятся только при чрезвычайно высокой температурѣ. Но если расплавленный кварцъ не перестаетъ быть кварцемъ, камнемъ, то и минераль, бывающій въ расплавленномъ видѣ водою (ледъ), не перестаетъ расплавившись, быть минераломъ. Итакъ отъ обыкновенныхъ рудъ, камней и другихъ неорганическихъ тѣлъ растение отличается собственно тѣмъ, что представляетъ комбинацію элементовъ гораздо болѣе сложную и потому гораздо быстрѣе проходящую химическій процессъ въ обыкновенной атмосферѣ, чѣмъ неорганическія тѣла, и притомъ по самой своей многосложности проходящую процессъ гораздо болѣе сложный. Въ неорганическомъ тѣлѣ происходитъ, напримѣръ, окисленіе только одного рода, а въ растеніи одновременно совершается окисленіе въ нѣсколькихъ степеняхъ, и притомъ въ неорганическомъ тѣлѣ окисленію подвергаются одинъ или два элемента его однообразной комбинаціи, а въ растеніи вдругъ нѣсколько химическихъ соединеній, изъ которыхъ каждое довольно многосложно. Само собою разумѣется, что, находясь въ такомъ быстромъ и многосложномъ химическомъ процессѣ, тѣла обнаруживаютъ такія качества, которыхъ не проявляютъ при процессахъ менѣе быстрыхъ и сложныхъ. Словомъ сказать, разница между царствомъ неорганической природы и растительнымъ царствомъ подобна различію между маленькою травкою и огромнымъ деревомъ: это разница по количеству, по интенсивности, по многосложности, а не по основнымъ свойствамъ явленія: былинка состоитъ изъ тѣхъ же частицъ и живетъ по тѣмъ же законамъ, какъ дубъ; только дубъ гораздо многосложнѣе былинки: на немъ десятки тысячъ листьевъ, а на былинкѣ всего два или три. Опять само собою разумѣется, что одинаковость тутъ существуетъ для теоре-

тического знанія о предметѣ, а не для житейскаго обращенія съ нимъ: изъ былинокъ нельзя строить домовъ, а изъ дубовъ можно. Въ житейскомъ быту мы совершенно правы, когда считаемъ руду и растенія предметами, принадлежащими къ совершенно разнымъ разрядамъ вещей; но точно также мы правы въ житейскомъ быту, считая лѣсъ вещь совершенно иного разряда, чѣмъ трава. Теоретическій анализъ приходитъ къ другому результату: онъ находитъ, что эти вещи, столь различныя по своему житейскому отношенію къ намъ, должны считаться только разными состояніями однихъ и тѣхъ же элементовъ, входящихъ въ разныя химическія комбинаціи по однимъ и тѣмъ же законамъ. Для открытія этого тождества между травой и дубомъ былъ достаточно анализъ ума, не обогащеннаго большимъ запасомъ наблюденій и тонкими средствами изслѣдованія; для открытія одинаковости между неорганическимъ веществомъ и растеніемъ нуженъ былъ гораздо больший умственный трудъ при помощи гораздо сильнѣйшихъ средствъ изслѣдованія. Химія составляетъ едва ли не лучшую славу нашего вѣка.

Впрочемъ громадный запасъ наблюденій и особенно тонкія средства анализа нужны не столько за тѣмъ, чтобы гениальный умъ могъ увидѣть истину, открытіе которой требуетъ глубокихъ соображеній, — чаще всего бываетъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ философскихъ вопросахъ, что истина замѣтна съ перваго взгляда человеку пытливаго и логичнаго ума, — обширныя изслѣдованія и громадныя научныя средства въ этихъ случаяхъ приносятъ собственно ту пользу, что безъ нихъ истина, открытая гениальнымъ человекомъ, остается его личнымъ соображеніемъ, котораго онъ не въ силахъ доказать точнымъ ученымъ образомъ, и потому или остается непринята другими людьми, продолжающими страдать отъ своихъ ошибочныхъ мнѣній, или, что едва-ли не хуже еще, принимается другими людьми не на разумномъ основаніи, а по слѣпому довѣрію къ словамъ авторитета. Принципы, разъясненные и доказанные теперь естественными науками, были найдены и приняты за истину еще греческими философами, а еще гораздо раньше ихъ индійскими мыслителями, и вѣроятно были открываемы людьми сильнаго логическаго ума во всѣ времена, во всѣхъ племенахъ. Но развить и доказать истину логическимъ путемъ прежніе гениальные люди не могли. Она извѣстна была всегда повсюду, но стала наукою только въ послѣднія десятилѣтія. Природу сравниваютъ съ книгою, заключающею въ себѣ всю истину, но написанною языкомъ, которому нужно учиться, чтобы понять книгу. Пользуясь втѣмъ уподобленіемъ, мы скажемъ, что очень легко можно выучиться каждому языку настолько, чтобы понимать общій смыслъ написанныхъ имъ книгъ; но очень много и долго нужно учиться ему, чтобы умѣть отстранить всѣ сомнѣнія въ основательности смысла, какой мы находимъ въ словахъ книги, умѣть объяснить каждое отдѣльное выраженіе въ ней и написать хорошую грамматику этого языка.

Единство законовъ природы было понято очень давно гениальными людьми; но только въ послѣднія десятилѣтія наше знаніе достигло такихъ размѣровъ, что доказываетъ научнымъ образомъ основательность этого истолкованія явленій природы.

Говорятъ: естественныя науки еще не достигли такого развитія, чтобы удовлетворительно объяснить всѣ важныя явленія природы. Это совершенная правда; но противники научнаго направленія въ философіи дѣлаютъ изъ этой правды выводъ вовсе не логическій, когда говорятъ, что пробѣлы, остающіеся въ научномъ объяс-

неніи натуральныхъ явленій, допущаютъ сохрaненіе какихъ нибудь остатковъ фантастическаго міросозерцаія. Дѣло въ томъ, что характеръ результатовъ, доставленныхъ анализомъ объясненныхъ наукою частей и явленій, уже достаточно свидѣтельствуеетъ о характерѣ элементовъ, силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ остальныхъ частяхъ и явленіяхъ, которыя еще не вполне объяснены: если бы въ этихъ необъясненныхъ частяхъ и явленіяхъ было что нибудь иное, кромѣ того, что найдено въ объясненныхъ частяхъ, тогда и объясненные части имѣли бы не такой характеръ, какой имѣютъ. Возьмемъ какую угодно отрасль естественныхъ наукъ. — положимъ, хотя географію или геологію, — и посмотримъ, какой характеръ могутъ имѣть, какого характера не могутъ имѣть свѣдѣнія, которыхъ мы еще не приобретаемъ по разнымъ частямъ предмета, изслѣдуемаго этими науками. При нынѣшнемъ развитіи географіи, мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о странахъ около полюсовъ, о внутренности Африки, о внутренности Австраліи. Безъ сомнѣнія, эти пробѣлы въ географическомъ знаніи очень прискорбны для науки, и по всей вѣроятности даже для практической жизни было бы нужно пополнить ихъ, потому что очень можетъ быть, что въ этихъ странахъ найдется что-нибудь новое и пригодное для жизни: очень можетъ быть, что во внутренности Австраліи найдутся новыя золотныя россыпи или рудники еще обильнѣе тѣхъ, какіе найдены на ея побережьи; очень можетъ быть, что во внутренности Африки найдутся какія нибудь новыя горныя породы, новыя растенія, новыя метеорологическія явленія; все это очень можетъ быть, и пока не будетъ произведено точное изслѣдованіе этихъ странъ, никакъ нельзя съ точностью сказать, какія именно вещи и явленія найдутся въ нихъ; но можно уже и теперь съ достовѣрностью сказать, какихъ вещей и какихъ явленій никакъ не будетъ въ нихъ найдено. Подъ полюсами, напримѣръ, не найдется жаркаго климата и роскошной растительности. Этотъ отрицательный выводъ несомнѣненъ, потому что, если бы подъ полюсами средняя температура была высока или хотя умѣренна, не таково было бы состояніе сѣверной Сибири, сѣверной части англійскихъ владѣній въ Америкѣ, морей, сосѣднихъ съ полюсами. Въ центральной Африкѣ также не найдется полярнаго холода, потому что, если бы центральная часть африканскаго материка имѣла климатъ холодный, не таково было бы климатическое состояніе южной полосы Алжиріи, верхняго Египта и другихъ земель, окружающихъ центръ Африки. Какія именно рѣки найдутся въ центральной Африкѣ или Австраліи, мы этого не знаемъ, но навѣрное можно сказать, что если найдутся тамъ рѣки, то теченіе въ нихъ будетъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Точно то же надобно сказать и о тѣхъ частяхъ земнаго шара, которыхъ еще не успѣла изслѣдовать геологія. Мы изслѣдовали только одинъ очень тонкій слой земной коры, не составляющій и одной тысячной части всего шара; въ безмѣрной массѣ вещества, скрывающагося подъ этою корою, конечно находится много тѣлъ и явленій, не встрѣчающихся въ доступной намъ ничтожной части его. Но по этой одной части мы уже достовѣрно знаемъ, какой характеръ имѣютъ и какого характера не имѣютъ предметы и феномены, заключенные въ недоступныхъ намъ вѣдрахъ шара. Мы знаемъ, что тамъ температура страшно высокая, — если бы она не была такъ высока, не то было бы на поверхности земли, что находится и происходитъ теперь; мы знаемъ, что въ такой высокой температурѣ не могутъ удерживаться тѣ химическія соединенія, которыя составляютъ такъ называемое органическое царство; потому мы знаемъ, что въ вѣдрахъ земли нѣтъ растительной и

животной жизни, какая существуетъ на поверхности земли. Тамъ нѣтъ никакихъ организмовъ, скольконибудь подобныхъ нашимъ растеніямъ или животнымъ. Если мы захотимъ сказать, что на полюсахъ, или въ центральной Африкѣ, или въ нѣдрахъ земли находятся тѣла именно вотъ такого разряда, что тамъ происходятъ феномены именно вотъ такого вида, это будетъ только гипотезою, можетъ быть и ошибочною: мы не можемъ отгадать, вода или земля находится подъ полюсами; покрыто льдами или иногда бываетъ чисто отъ нихъ море подъ полюсами, если тамъ море; покрыта вѣчнымъ льдомъ или имѣетъ по временамъ какуюнибудь растительность земля подъ полюсами, если тамъ земля, — эти положительныя заключенія были бы только догадками, не имѣющими научной достовѣрности; но отрицательныя выводы, каковы, напримѣръ, то, что подъ полюсами не можетъ расти виноградъ или дубъ, что не могутъ тамъ жить обезьяны или попугаи, — эти отрицательныя выводы имѣютъ совершенную научную достовѣрность; это уже не гипотезы, не догадки, это достовѣрное знаніе, основанное на отношеніи явленій, происходящихъ въ извѣстныхъ намъ странахъ земной поверхности, къ неизслѣдованнымъ нами феноменамъ неизвѣстныхъ частей ея. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ усомниться въ томъ, что подъ полюсами не живутъ попугаи? Для попугаевъ нужна средняя годичная температура въ 15 или 18 градусовъ выше точки замерзанія, а если бы на сѣверномъ полюсѣ была такая температура, то Гренландія имѣла бы климатъ по крайней мѣрѣ столь же теплый, какъ Италія. Или, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что въ слояхъ земнаго шара, близкихъ къ центру его, нѣтъ растительныхъ организмовъ? Чтобы они могли тамъ существовать, нужна была бы тамъ температура не выше точки кипѣнія воды, потому что безъ воды нѣтъ никакихъ растеній; а если бы тамъ была температура ниже точки кипѣнія воды, тогда не находили бы мы, что чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ выше температура слоевъ изслѣдованной нами оболочки земнаго шара.

Къ чему мы такъ долго останавливаемся на явленіяхъ и заключеніяхъ, каждому извѣстныхъ? Просто отъ того, что, по непривычкѣ къ систематическому мышленію, слишкомъ многіе люди слишкомъ наклонны не замѣчать смыслъ общихъ законовъ, который одинаковъ со смысломъ отдѣльныхъ феноменовъ, ими понимаемыхъ. Мы хотѣли какъ можно сильнѣе выставить силу одного изъ такихъ общихъ законовъ: если при нынѣшнемъ состояніи научнаго наведенія (индуктивной логики) мы въ большей части случаевъ еще не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить по изслѣдованной нами части предмета, какой именно характеръ имѣетъ неизслѣдованная часть его, то уже всегда можемъ съ достовѣрностью опредѣлять, какого характера не можетъ имѣть она. Наши положительныя заключенія отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго при нынѣшнемъ состояніи наукъ находятся еще на степени догадокъ, подлежащихъ спору, доступныхъ ошибкамъ; но отрицательныя заключенія уже имѣютъ полную достовѣрность. Мы не можемъ сказать, чѣмъ именно окажется неизвѣстное намъ; но мы уже знаемъ, чѣмъ оно не оказывается.

Фаятастическія гипотезы, разрушаемыя этими отрицательными выводами, въ химіи, въ географіи, въ геологіи, уже не заслуживаютъ никакой борьбы, потому что всѣми и каждымъ скольконибудь образованнымъ человѣкомъ признаются за бредни. Географъ не имѣетъ нужды доказывать, что подъ полюсами не найдется обезьянъ, въ центральной Африкѣ не найдется безголовыхъ людей, въ централь-

ной Австралія рѣкъ, текущихъ снизу вверхъ, въ нѣдрахъ земли сказочныхъ садовъ и циклоповъ, кующихъ оружіе Ахиллему подъ надзоромъ Вулкана. Но чело-вѣкъ съ логическимъ умомъ точно также смотритъ на фантастическія гипотезы и въ другихъ наукахъ: онъ также видитъ, что все это бредни, несовмѣстныя съ нынѣшнимъ состояніемъ знаній. Говорятъ, что открытія, сдѣланныя Коперникомъ въ астрономіи, произвели перемѣну въ образѣ человѣческихъ мыслей о предметахъ повидному очень далекихъ отъ астрономіи. Точно такую же перемѣну и точно въ томъ же направленіи, только въ гораздо обширнѣйшемъ размѣрѣ, производятъ нынѣ химическія и физиологическія открытія: отъ нихъ измѣняется образъ мыслей о предметахъ, невидимому очень далекихъ отъ химіи. Теперь, чтобы сколько нибудь свести конецъ этой статьи съ ея началомъ, мы опять обратимся мыслью къ будущимъ судьбамъ западной Европы, о которыхъ были принуждены говорить по поводу приводимыхъ г. Лавровымъ изъ Милля и Прудона цитатъ о прискорбной будто бы перспективѣ, грозящей западному человечеству. Химія, геологія и потомъ, вдругъ, разсужденія о политическихъ партіяхъ въ Англіи или Франціи, о западно-европейскихъ нравахъ, о надеждахъ и опасеніяхъ разныхъ сословій и разныхъ публицистовъ — какой произвольный переходъ, какое отсутствіе логики! Что жъ дѣлать, читатель: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; ничего другаго вы и не должны были ждать отъ нашей статьи. Попробуемте приложить къ ея характеру методъ отрицательныхъ заключеній о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго и посмотримъ, чего никакъ не должны были бы вы ожидать отъ этой статьи, если бы потрудились употребить въ дѣло этотъ методъ передъ тѣмъ, какъ начали читать ее. Статья написана по русски, для русской публики: это вамъ было извѣстно по самой оберткѣ журнала. Статья эта хочеть говорить о философскихъ вопросахъ, — это также было видно по ея заглавію на оберткѣ книжки. Теперь, разсудите сами: есть ли какая нибудь логика въ этихъ двухъ извѣстныхъ вамъ фактахъ? Какой-то господинъ написалъ статью для русской публики; нужны ли для русской публики журнальныя статьи? Судя по всему, рѣшительно не нужны: потому что если бы были нужны, онъ бы не таковы, какія бываютъ теперь. Итакъ этотъ неизвѣстный вамъ господинъ, авторъ этой статьи, поступилъ вовсе не логично, сдѣлалъ то, чего не нужно публикѣ — написалъ статью. Но вы, по своему великодушію, допустили эту нелѣпость безъ порицанія: вздумалъ онъ дѣлать то, чего никому не нужно, — ну, такъ и быть: написалъ статью, такъ пусть написалъ. Теперь другой вопросъ: о чемъ же онъ написалъ ее? о философіи. О философіи! Господи, твоя воля! да кто же въ русскомъ обществѣ думаетъ о философскихъ вопросахъ? Развѣ г. Лавровъ, — да и то сомнительно: быть можетъ и самому г. Лаврову гораздо интереснѣе всевозможныхъ философскихъ вопросовъ наши житейскія и общественныя дѣла. Выборъ предмета для такого нелогического поступка, какъ написаніе журнальной статьи, еще нелогичнѣе самаго этого поступка. Чего же вы могли ожидать отъ статьи, къ самому началу которой приложены двѣ такія крупныя печати съ надписью: отсутствіе логики? При нынѣшнемъ состояніи наукъ въ Россіи нельзя достовѣрно сказать, какія вещи можно было ожидать найти въ этой статьѣ вамъ, судившимъ о ней по ея заглавію; но можно достовѣрно сказать, что никакъ нельзя было ожидать найти въ ней логику. А гдѣ нѣтъ логики, тамъ безсвязность. Вотъ вамъ небольшой опытъ приложенія теоріи отрицательныхъ выводовъ отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго. Неправда ли, приня-

цпъ достовѣрности этого метода блистательно подтвердился прочтенною вами статью? Мы говоримъ не по увлеченію авторскимъ самолюбіемъ, мы говоримъ по искреннему и вѣрному убѣжденію, что эта статья своею безсвязностью, безтолковостью возвышается надъ всѣми другими, читанными вами статьями, по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько интенсивность химическаго процесса въ растительной жизни возвышается надъ его интенсивностью въ неорганической природѣ. Скажите же теперь, не должны ли мы, чтобы выдержать характеръ статьи, переброситься къ разсужденіямъ о будущности западной Европы отъ химическихъ разсужденій?

Мы видѣли, какой характеръ принадлежитъ образу мыслей въ благородной части тѣхъ сословіи западной Европы, которыя ждуть себѣ потерь отъ переменъ, признаваемыхъ ими самими за неизбѣжныя и справедливыя. Скорбь о своей предстоящей судьбѣ производитъ смущеніе въ ихъ умѣ. У нихъ нѣтъ силъ примѣнить къ ближнему для нихъ факту принципъ, принимаемый ими въ его общемъ отвлеченномъ видѣ. Мы видѣли, на какой ступени развитія находится образъ мыслей простолюдина западной Европы. До него еще не дошла общая идея нынѣшней науки, выводы которой согласны съ его потребностями. Онъ еще держится устарѣлыхъ принциповъ, но видитъ совершенную несостоятельность выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ его учителями, людьми старыхъ системъ, и безпрестанно переходитъ отъ жолчнаго отрицанія ихъ къ подчиненности имъ. Въ этомъ смиреніи онъ не можетъ удержаться надолго и опять изливается въ фдкихъ тирадахъ, чтобы опять смириться передъ рутинною. Эта жолчная переменчивость, это колебаніе вовсе не принадлежитъ духу новыхъ идей: напротивъ, шаткость возрѣній, выражающаяся смѣсю скептицизма съ излишнею довѣрчивостью, происходитъ именно отъ недостаточнаго знакомства съ идеями, выработанными нынѣшнею наукою. Читатель видитъ, какой характеръ имѣютъ ея принципы и выводы. Основаніями своихъ теорій она беретъ истины, открытыя естественными науками посредствомъ самаго точнаго анализа фактовъ, истины столь же достовѣрныя, какъ обращеніе земли вокругъ солнца, законъ тяготѣнія, дѣйствіе химическаго сродства. Изъ этихъ принциповъ, неподлежащихъ никакому спору или сомнѣнію, современная наука дѣлаетъ свои выводы путемъ столь же осмотрительнымъ, какъ и тотъ, которымъ дошла до нихъ. Она не принимаетъ ничего безъ строжайшей, всесторонней повѣрки и не выводитъ изъ принятаго никакихъ заключеній, кромѣ тѣхъ, которыя сами собою неотразимо слѣдуютъ изъ фактовъ и законовъ, отвергать которыхъ нѣтъ никакой логической возможности. При такомъ характерѣ новыхъ идей, человѣку, разъ принявшему ихъ, не остается уже никакой дороги къ отступленію назадъ или къ какому нибудь сдѣлкамъ съ фантастическими заблужденіями.

Такимъ образомъ существенный характеръ нынѣшнихъ философскихъ возрѣній состоитъ въ непоколебимой достовѣрности, исключавшей всякую шаткость убѣжденій. Изъ этого легко заключить, какая судьба ждетъ челоѣчество западной Европы. Свойство каждаго новаго ученія состоитъ въ томъ, что нужно ему довольно много времени на распространеніе въ массахъ, ва то, чтобы стать господствующимъ убѣжденіемъ. Новое и въ идеяхъ, какъ въ жизни, распространяется довольно медленно; но за то и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно распространяется, постепенно проникая все глубже и глубже въ разныя слои населенія, начиная, конечно, съ болѣе развитыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и простолю-

дины западной Европы ознакомятся съ философскими воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Тогда найдутся у нихъ представители не совсѣмъ такіе, какъ Прудонъ: найдутся писатели, мысль которыхъ не будетъ, какъ мысль Прудона, спутываться преданіями или задерживаться устарѣлыми формами науки въ анализъ общественнаго положенія и полезныхъ для общества реформъ. Когда придетъ такая пора, когда представители элементовъ, стремящихся теперь къ пересозданію западно-европейской жизни, будутъ являться уже непоколебимыми въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, это будетъ признакомъ скорого торжества новыхъ началъ и въ общественной жизни западной Европы.

Теперь мы замѣчаемъ,— жаль, что замѣтили слишкомъ поздно, — что эта статья, при всей своей безсвязности, можетъ служить предисловіемъ къ изложенію понятій нынѣшней науки о человѣкѣ, какъ отдѣльной личности. Еслибъ это замѣчено было нами раньше, мы постарались бы сократить окольные наши отступленія изъ философіи въ естественныя науки; тогда предисловіе не имѣло бы такой излившей длинноты и осталось бы намъ довольно страницъ для очерка теоріи личности, какъ понимаетъ ее нынѣшняя наука. Но теперь уже поздно поправлять дѣло и намъ остается только надежда, что нынѣшняя статья, могущая, какъ мы видимъ, служить предисловіемъ къ очерку философскихъ понятій о человѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ послужитъ предисловіемъ къ нему.

II.

Словомъ „наука“ (science) у англичанъ называются далеко не всѣ тѣ отрасли знанія, которыя у насъ и у другихъ континентальныхъ народовъ обнимаются этимъ выраженіемъ. Англичане называютъ науками математику, астрономію, физику, химію, ботанику, зоологію, географію, — тѣ отрасли знанія, которыя называются у насъ „точными“ науками, и тѣ, которыя очень близко подходятъ къ нимъ по своему характеру; но они не разумѣютъ подъ выраженіемъ „наука“ ни исторіи, ни психологіи, ни нравственной философіи, ни метафизики. Надобно сказать, что дѣйствительно существуетъ громадная разница между этими двумя половинами знаній по качеству понятій, господствующихъ въ той и другой. Изъ одной половины каждый сколько нибудь просвѣщенный человѣкъ уже удалилъ всякія неосновательныя предубѣжденія и всѣ разсудительные люди уже держатся въ этихъ предметахъ одинаковыхъ коренныхъ понятій. Знанія наши и по этимъ отраслямъ бытія очень не полны; но по крайней мѣрѣ каждый тутъ знаетъ, что намъ извѣстно основательнымъ образомъ, что еще неизвѣстно и что, наконецъ, несомнѣннымъ образомъ опровергнуто точными изслѣдованіями. Попробуйте, на примѣръ, сказать, что человѣческому организму нужна пища или нуженъ воздухъ,— съ вами никто не будетъ спорить; попробуйте сказать, что еще неизвѣстно, тѣ ли одни вещества могутъ служить пищею человѣку, какими теперь онъ питается, и что можетъ быть найдутся новыя вещества, пригодныя для этой цѣли,— съ вами также никто изъ просвѣщенныхъ людей не станетъ спорить и каждый прибавитъ только, что если новыя вещества для пищи и будутъ найдены, если и очень вѣроятно, что они будутъ найдены, то до сихъ поръ они еще не найдены и человѣкъ пока можетъ питаться только извѣстными веществами, въ родѣ хлѣбныхъ растений, мяса, молока

или рыбы; вы въ свою очередь совершенно согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ и спора тутъ у васъ быть не можетъ. Спорить вы можете только о томъ, какъ велика или мала вѣроятность скорого открытія новыхъ питательныхъ веществъ и къ какому роду вещей скорѣ всего могутъ принадлежать эти новыя еще не открытыя вещества; но въ этомъ спорѣ вы и вашъ противникъ одинаково будете знать и признаваться, что выражаете только догадки, не имѣющія полной достовѣрности, могущія оказаться болѣе или менѣе полезными для науки вполнѣдствіи времени (потому что догадки, гипотезы даютъ направленіе ученымъ изслѣдованіямъ и ведутъ къ открытію истины, подтверждающей или опровергающей ихъ), но еще вовсе не входящія въ число научныхъ истинъ. Попробуйте сказать, наконецъ, что безъ пищи человѣкъ существовать не можетъ, — и тутъ каждый съ вами согласится, и каждый понимаетъ, что это отрицательное сужденіе находится въ неразрывной логической связи съ положительнымъ сужденіемъ „человѣческому организму нужна пища“; каждый понимаетъ, что если принять одно изъ этихъ двухъ сужденій, то непременно надобно принять и другое. Совсѣмъ не то, напримѣръ, въ нравственной философіи. Попробуйте сказать, что хотите—всегда найдутся люди умные и образованные, которые станутъ говорить противное. Скажите, напримѣръ, что бѣдность вредно дѣйствуетъ на умъ и сердце человѣка, — множество умныхъ людей возразитъ вамъ: „нѣтъ, бѣдность изоцряетъ умъ, принуждая его приискивать средства къ ея отвращенію; она облагороживаетъ сердце, направляя наши мысли отъ суетныхъ наслажденій къ доблестямъ терпѣнія, самоотверженія, сочувствія чужимъ нуждамъ и бѣдамъ“. Хорошо; попробуйте сказать наоборотъ, что бѣдность выгодно дѣйствуетъ на человѣка, — опять такое же множество, или еще большее множество умныхъ людей возразитъ: „нѣтъ, бѣдность лишаетъ средствъ въ умственномъ развитіи, мѣшаетъ развитію самостоятельнаго характера, влечетъ къ неразборчивости въ употребленіи средствъ для ея отвращенія или для простаго поддержанія жизни; она главный источникъ невѣжества, пороковъ и преступленій“. Словомъ сказать, какой бы выводъ ни вздумали вы сдѣлать въ нравственныхъ наукахъ, вы всегда найдете, что и онъ, и другой противоположный ему выводъ и кромѣ того множество другихъ выводовъ, не клеящихся ни съ вашимъ ни съ противоположнымъ ему выводомъ, ни другъ съ другомъ, имѣютъ исверженіихъ защитниковъ между умными и просвѣщенными людьми. То же самое въ метафизикѣ, то же самое въ исторіи, безъ которой ни нравственныя науки, ни метафизика не могутъ обойтись.

Такое положеніе дѣлъ въ исторіи, нравственныхъ наукахъ и метафизикѣ заставляетъ многихъ думать, что эти отрасли знанія не даютъ или даже и вовсе не могутъ никогда дать намъ ничего столь достовѣрнаго, какъ математика, астрономія и химія. Хорошо, что намъ случилось употребить слово „бѣдность“: оно наводитъ насъ на память о житейскомъ фактѣ, совершающемся ежедневно. Какъ только какой нибудь господинъ или какая нибудь госпожа изъ многочисленнаго семейства достигнетъ хорошаго положенія въ обществѣ, онъ или она тотчасъ же начинаетъ вытягивать изъ бѣдности, изъ ничтожества своихъ родственниковъ и родственницъ: около важнаго или богатаго лица появляются братья и сестры, племянники и племянницы, всѣ примыкаютъ къ нему и, держась за него, выльзаютъ въ люди. Припоминаютъ родство свое съ важнымъ или богатымъ лицомъ даже такіе господа и госпожи, которые не хотѣли и знаться съ нимъ, пока оно было не

наивно и не богато. Иныхъ оно въ глубинѣ души и не долюбиваетъ, а все-таки помогаетъ имъ, — нельзя, вѣдь все-же родственники и родственяницы, — и съ любовью къ роднымъ или съ досадой на нихъ, оно все-таки измѣняетъ ихъ положеніе къ лучшему. Точно такое же дѣло происходитъ въ области знаній теперь, когда нѣкоторыя науки успѣли изъ жалкаго положенія выбиться до великаго совершенства, до ученаго богатства, до умственной знатности. Эти богачки, помогающія своимъ жалкимъ родственницамъ, — математика и естественныя науки. Математика была въ хорошемъ положеніи давно, но чрезвычайно много времени было у ней занато заботою объ одной ближайшей ей родственницѣ, астрономіи. Тысячи четыре дѣтъ, если не больше, прошло въ этой возвѣ. Наконецъ, во время Коперника, астрономія была поставлена на ноги математикою, а съ Ньютона она получила блистательное положеніе въ умственномъ мірѣ. Едва переставъ сокрушаться день и ночь о бѣдственномъ состояніи своей сестры астрономіи, едва получивъ по нѣкоторомъ устройствѣ ея судьбы нѣсколько свободы подумать о другихъ родственяницахъ, математика принялась помогать разнымъ членамъ семейства, до сихъ поръ оставшагося въ нераздѣльномъ владѣніи родовымъ имуществомъ подъ именемъ физики: акустика, оптика и нѣкоторыя другія изъ сестеръ, носящихъ родовое имя физики, особенно воспользовались милостями математики; очень не дурно стало положеніе и многихъ другихъ членовъ той же многолюдной семьи. Дѣло тутъ шло уже гораздо быстрѣе, чѣмъ съ выведемъ астрономіи изъ жалкаго положенія: помогать другимъ математика уже выучилась, возвысивъ съ своею ближайшею родственницею, и кромѣ того хлопотала теперь уже не одна, а имѣла въ ней хорошую адъютантку. Когда онѣ вдводемъ придали человѣческой видъ многочисленнымъ особамъ семейства физики, пресмыкавшимся прежде въ жалчайшей нищетѣ и погрязавшимъ въ гнуснѣйшихъ научныхъ порокахъ, математика уже имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлое племя, стала президентшею довольно большаго и благодѣяющаго государства. Въ концѣ прошлаго вѣка это умственное государство было въ такомъ же состояніи, какъ Соединенные Штаты въ политическомъ мірѣ около того же времени. Оба общества растутъ съ той поры одинаково быстро. Чуть не каждый годъ прибавляется какая нибудь новая область къ молодому Сѣверо-Американскому государству, становится изъ дикой пустыни цвѣтущимъ штатомъ, и все дальше и дальше оттѣняются просвѣщеннымъ и дѣятельнымъ народомъ жалкія племена, нехотящія принимать цивилизаціи, и все больше и больше захватываетъ онѣ въ свой союзъ другія племена, ищущія цивилизаціи, но не умѣвшія найдти ея безъ его помощи: луизианскіе французы и испанцы Сѣверной Мексики уже присоединились и въ немногіе годы уже прониклись духомъ новаго общества, такъ что не отличить ихъ отъ потомковъ Вашингтона и Джефферсона. Милліоны пьяныхъ ирландцевъ и не менѣе жалкихъ нѣмцевъ стали въ Союзѣ людьми порядочными и зажиточными. Такъ и союзъ точныхъ наукъ подѣ управленіемъ математики, то есть счета, мѣры и вѣса, съ каждымъ годомъ расширяется на новыя области знанія, увеличивается новыми пришельцами. Послѣ химіи къ нему постепенно присоединились всѣ науки о растительныхъ и животныхъ организмахъ: физиологія, сравнительная анатомія, разныя отрасли ботаники и зоологіи; теперь входятъ въ него нравственныя науки. Съ ними дѣлается нынѣ то самое, что мы видимъ надъ людьми тщеславными, но погрязавшими въ нищетѣ и невѣжествѣ, когда какой нибудь дальній родственникъ, не гордящійся какъ они высокимъ про-

исхождением и неслыханными добродѣтелями, а просто человекъ простой и честный, пріобрѣтаетъ богатство: кичливые гидальго долго усиливаются смотрѣть на него свысока, но бѣдность заставляетъ ихъ пользоваться его подачками; долго они живутъ этой милостыней, считая низкимъ для себя обратиться при его помощи къ честному труду, которымъ онъ вышелъ въ люди; но съ улучшеніемъ ихъ пищи и одежды пробуждаются въ нихъ мало по малу разсудительныя мысли, слабѣетъ прежнее пустое хвастовство, они понемногу становятся людьми порядочными, понимаютъ, наконецъ, что стыдъ не въ трудѣ, а въ хвастовствѣ и напослѣдокъ принимаютъ нравы, которыми вышелъ въ люди ихъ родственникъ; тогда, опираясь на его помощь, они быстро пріобрѣтаютъ хорошее положеніе и начинаютъ пользоваться уваженіемъ разсудительныхъ людей не за фантастическія достоинства, которыми прежде хвастались, не имѣя ихъ, а за свои новыя дѣйствительныя качества. полезныя для общества—за свою трудовую дѣятельность. •

Еще не такъ далеко отъ насъ время, когда нравственныя науки въ самомъ дѣлѣ не могли имѣть содержанія, которымъ бы оправдывался титулъ науки, имъ принадлежавшій, и англичане были тогда совершенно правы, отнявъ у нихъ это имя, котораго онѣ не были достойны. Теперь положеніе дѣлѣ значительно измѣнилось. Естественныя науки уже развились на столько, что даютъ много матеріаловъ для точнаго рѣшенія нравственныхъ вопросовъ. Изъ мыслителей, занимающихся нравственными науками, всѣ передовые люди стали разрабатывать ихъ при помощи точныхъ пріемовъ, подобныхъ тѣмъ, по какимъ разрабатываются естественныя науки. Когда мы говорили о противорѣчіяхъ между разными людьми по каждому нравственному вопросу, мы говорили только о давнишнихъ, наиболѣе распространенныхъ, но уже оказывающихся отсталыми, понятіяхъ и способахъ изслѣдованія, а не о томъ характерѣ, какой получаютъ нравственныя науки у передовыхъ мыслителей; о прежнемъ рутинномъ характерѣ этихъ знаній, а не о нынѣшнемъ ихъ видѣ. По нынѣшнему своему виду нравственныя науки различаются отъ такъ называемыхъ естественныхъ собственно только тѣмъ, что начали разрабатываться истинно научнымъ образомъ позже ихъ и потому разработаны еще не въ такомъ совершенствѣ, какъ онѣ. Тутъ разница лишь въ степени: химія моложе астрономіи и не достигла еще такого совершенства; фізіологія еще моложе химіи и еще дальше отъ совершенства; психологія, какъ точная наука, еще моложе фізіологіи и разработана еще меньше. Но, различаясь между собою по количеству пріобрѣтенныхъ точныхъ знаній, химія и астрономія не различаются ни по достоверности того, что узнали, ни по способу, которымъ идутъ къ точному знанію своихъ предметовъ: факты и законы, открываемые химіею, такъ же достоверны, какъ факты и законы, открываемые астрономіею. То же надобно сказать о результатахъ нынѣшнихъ точныхъ изслѣдованій въ нравственныхъ наукахъ. Очерки предметовъ, даваемые астрономіею, фізіологіею и психологіею,—это все равно, что карты Англіи, Европейской Россіи и Азіатской Россіи: Англія вся снята превосходными тригонометрическими измѣреніями; въ Европейской Россіи тригонометрія покрыла свою сѣтью еще только половину пространства, другая половина снята способами, не столь совершенными; въ Азіатской Россіи остаются пространства, въ которыхъ только мимоходомъ опредѣлено положеніе нѣсколькихъ главныхъ пунктовъ, а все лежащее между ними наносится на карту по глазомѣру, способу очень неудовлетворительному. Но тригонометрическая сѣть съ каждымъ годомъ растяги-

вается все дальше и дальше, уже не очень далеко время, когда она охватит и Азиатскую Россію. А до той поры мы все-таки уже знаемъ объ этой странѣ многое довольно хорошо, нѣкоторые пункты даже очень хорошо, и всю ее уже знаемъ на столько, что легко открыть слишкомъ грубые промахи въ старинныхъ вартахъ ея; а если бы кто нибудь вздумать насъ увѣрить, что Иртышъ течетъ къ югу, а не сѣверу или что Иркутскъ лежитъ подъ тропиками, мы только пожали бы плечами. Кому угодно, тотъ можетъ и до сихъ поръ повторять рассказы нашихъ старинныхъ космографій о народахъ предѣла Симова и о „нѣмыхъ языкахъ“, живущихъ за Печерою, заклепаяныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ и запертыхъ синклитовыми воротами, неподдающимися ни огню, ни желѣзу; но мы уже знаемъ, что надобно думать объ этихъ разказахъ, основанныхъ только на фантазіи.

Первымъ слѣдствіемъ вступленія нравственныхъ знаній въ область точныхъ наукъ было строгое различіе того, что мы знаемъ, отъ того, чего не знаемъ. Астрономъ знаетъ, что ему извѣстна величина планеты Марса, и столь же положительно знаетъ, что ему неизвѣстенъ геологическій составъ этой планеты, характеръ растительной или животной жизни на ней и самое то, существуетъ ли на ней растительная или животная жизнь. Если бы кто нибудь вздумалъ утверждать, что на Марсѣ находится глина или гранитъ, существуютъ птицы или молюски, астрономъ сказалъ бы ему: вы утверждаете то, чего не знаете. Если бы фантазеръ зашелъ въ своихъ предположеніяхъ дальше и сказалъ бы, напримѣръ, что живущія на Марсѣ птицы не подвержены болѣзнямъ, а молюски не нуждаются въ пищѣ, астрономъ при помощи химика и фізіолога доказалъ бы ему, что этого даже и быть не можетъ. Точно такъ же и въ нравственныхъ наукахъ теперь строго разграничено извѣстное отъ неизвѣстнаго, и на основаніи извѣстнаго доказана несостоятельность нѣкоторыхъ прежнихъ предположеній о томъ, что еще остается неизвѣстныхъ. Положительно извѣстно, напримѣръ, что всѣ явленія нравственнаго міра происходятъ одно изъ другаго и изъ внѣшнихъ обстоятельствъ по закону причинности, и на этомъ основаніи признано фальшивымъ всякое предположеніе о возникновеніи какого нибудь явленія, не произведеннаго предъидущими явленіями и внѣшними обстоятельствами. Поэтому нынѣшняя психологія не допускаетъ, напримѣръ, такихъ предположеній: „человѣкъ поступилъ въ данномъ случаѣ дурно, потому что захотѣлъ поступить дурно, а въ другомъ случаѣ хорошо, потому что захотѣлъ поступить хорошо“. Она говоритъ, что дурной поступокъ или хорошій поступокъ былъ произведенъ непременно какимъ нибудь нравственнымъ или матеріальнымъ фактомъ, или сочетаніемъ фактовъ, а „хотѣніе“ было тутъ только субъективнымъ впечатлѣніемъ, которымъ сопровождается въ нашемъ сознаніи возникновеніе мыслей или поступковъ изъ предшествующихъ мыслей, поступковъ или внѣшнихъ фактовъ. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ дѣйствій, ни на чемъ не основанныхъ кромѣ нашей воли, представляется такой фактъ: я встаю съ постели; на какую ногу я встану? захочу на лѣвую, захочу на правую. Но это только такъ представляется поверхностному взгляду. На самомъ дѣлѣ факты и впечатлѣнія производятъ то, на какую ногу встанетъ человѣкъ. Если нѣтъ никакихъ особенныхъ обстоятельствъ и мыслей, онъ встаетъ на ту ногу, на которую удобнѣе ему встать по анатомическому положенію его тѣла на постели. Если явятся особенныя побужденія, превосходящія своею силою это фізіологическое удобство, результатъ измѣнится сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ. Если, напримѣръ, въ человѣкѣ явитъ я

мысль: „стану не на правую ногу, а на лѣвую“, онъ сдѣлаетъ это; но тутъ произошла только простая замѣна одной причины (физиологическаго удобства) другою причиною (мысль доказать свою независимость), или, лучше сказать, побѣда второй причины, болѣе сильной, надъ первою. Но откуда явилась эта вторая причина, откуда явилась мысль показать свою независимость отъ виѣвшихъ условій? Она не могла явиться безъ причины, она произведена или словами собесѣдника, или вспоминаемъ о прежнемъ спорѣ, или чѣмънибудь подобнымъ. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что человѣкъ, когда захочетъ, можетъ ступить съ постели не на ту ногу, на которую удобно ему ступить по анатомическому положенію тѣла на постели, а на другую ногу,—этотъ фактъ свидѣтельствуеетъ вовсе не то, чтобы человѣкъ безъ всякой причины могъ ступить на ту или другую ногу, а только то, что вставаніе съ постели можетъ совершаться подъ вліяніемъ причинъ болѣе сильныхъ, чѣмъ втіяніе анатомическаго положенія его тѣла передъ актомъ вставанія. То явленіе, которое мы называемъ волею, само является звеномъ въ ряду явленій и фактовъ, соединенныхъ причинною связью. Очень часто ближайшею причиною явленія въ насъ воли на извѣстный поступокъ бываетъ мысль. Но опредѣленное расположеніе воли производится также только опредѣленною мыслью: какова мысль, такова и воля: будь мысль не такова, была бы не такова и воля. Но почему же явилась именно такая, а не другая мысль? Опять отъ какойнибудь мысли, отъ какогонибудь факта, словомъ сказать, отъ какойнибудь причины. Психологія говоритъ въ этомъ случаѣ то же самое, что говоритъ въ подобныхъ случаяхъ физика или химія: если произошло извѣстное явленіе, то надобно искать ему причины, а не удовлетворяться пустынь отвѣтомъ: оно произошло само собою, безъ всякой особенной причины — „я такъ сдѣлалъ, потому что такъ захотѣлъ“. Прекрасно, но почему же вы такъ захотѣли? Если вы отвѣчаете „просто, потому что захотѣлъ“, это значитъ то же, что говорить: „тарелка разбилась, потому что разбилась; домъ сгорѣлъ, потому что сгорѣлъ“. Такіе отвѣты вовсе не отвѣты: ими только прикрывается лѣность доискиваться подлинной причины, недостатокъ желанія знать истину.

Если при нынѣшнемъ состояніи химія ктонибудь спроситъ, почему золото имѣетъ желтый цвѣтъ, а серебро бѣлый, химики прямо отвѣчаютъ, что до сихъ поръ еще не знаютъ этой причины, то есть еще не знаютъ, въ какой связи находится желтизна золота или бѣлизна серебра съ другими качествами этихъ металловъ, по какому закону, отъ какихъ обстоятельствъ произошло, что вещество, принявшее форму золота или серебра, приобрѣло въ этой формѣ качество производить на нашъ глазъ впечатлѣніе желтизны или бѣлизны. Это прямой, честный отвѣтъ; но онъ, какъ видимъ, состоитъ просто въ признаніи своего незнанія. Богатому человѣку легко сознаваться, что у него въ данномъ случаѣ не нашлось денегъ,—но легко въ этомъ сознаваться только тогда, когда всѣ увѣрены, что онъ дѣйствительно богатъ; напротивъ, человѣку, который хочетъ прослыть за богача, будучи въ сущности бѣденъ, или человѣку, кредитъ котораго поколебался, не легко сказать, что у него въ нынѣшнее время не случилось денегъ: онъ всяческими хитростями будетъ скрывать истину. Таково было до недавняго времени состояніе нравственныхъ наукъ: онѣ стыдились говорить: у насъ нѣтъ объ этомъ достаточныхъ япалій. Теперь къ счастью не то: психологія и нравственная философія выходятъ изъ прежней своей научной нищеты, у нихъ уже большой запасъ богатства и онѣ прямо могутъ говорить „мы еще не знаемъ этого“, если дѣйствительно не знаютъ.

Но если нравственные науки на очень многие вопросы должны еще отвѣчать теперь „мы этого не знаемъ“, то ошибемся мы, предположивъ, что къ числу вопросовъ, остающихся для нихъ неразрѣшимыми нынѣ, принадлежать тѣ вопросы, которые по одному изъ господствующихъ мнѣній признаются неразрѣшимыми. Нѣтъ, незнаніе этихъ наукъ совершенно не таково. Чего не знаетъ, напримѣръ, химія? Она не знаетъ теперь, чѣмъ будетъ водородъ, перешедшій изъ газообразнаго состоянія въ твердое, металломъ или не-металломъ: есть сильная вѣроятность предполагать, что онъ будетъ металломъ, но справедлива ли такая догадка, это еще неизвѣстно. Химія не знаетъ также, дѣйствительно ли простое тѣло фосфоръ или сѣра, или они будутъ современнымъ разложены на простѣйшіе элементы. Это случаи теоретическаго незнанія. Другой родъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ для нея теперь, представляютъ многочисленные случаи неумѣнья исполнить практическія требованія. Химія умѣетъ изготовлять синильную кислоту, уксусную кислоту, но изготовить фибринъ она еще не умѣетъ. Тѣ и другіе неразрѣшимые для нея нынѣ вопросы, имѣютъ, какъ видимъ, характеръ совершенно специальный, характеръ такой специальный, что и въ голову они приходятъ только людямъ уже порядочно знакомымъ съ химіей. Точно таквы же вопросы, остающіеся нынѣ еще не разрѣшенными для нравственныхъ наукъ. Психологія, напримѣръ, открываетъ слѣдующій фактъ: при слабомъ умственномъ развитіи человѣкъ не въ состояніи понимать жизни, различной отъ его собственной жизни; чѣмъ сильнѣе развивается его умъ, тѣмъ легче ему бываетъ представлять собѣ жизнь не похожую на его жизнь. Какъ объяснить этотъ фактъ? При нынѣшнемъ состояніи науки строгаго научнаго отвѣта еще не найдено, а существуютъ только разныя догадки. Скажите теперь, кому изъ людей незнакомыхъ съ нынѣшнимъ состояніемъ психологіи приходилъ въ голову такой вопросъ? Почти никто кромѣ ученыхъ даже не замѣчалъ и факта, къ которому относится этотъ вопросъ: это все равно, что вопросъ о металличности или не-металличности водорода: люди незнакомые съ химіей не знаютъ не только этого вопроса о водородѣ, но не знаютъ и самаго водорода. А для химіи чрезвычайно важенъ этотъ водородъ, существованіе котораго было бы не замѣтно безъ нея. Точно такъ для психологіи чрезвычайно важенъ фактъ неспособности неразвитаго человѣка и способности развитаго понимать жизнь различную отъ его жизни. Какъ открытіе водорода повело къ усовершенствованію химической теоріи, такъ и открытіе этого психологическаго факта имѣло своимъ послѣдствіемъ построеніе теоріи антропоморфизма, безъ которой ни шагу теперь нельзя ступить въ метафизикѣ. Вотъ другой психологическій вопросъ, также не разрѣшимый точнымъ образомъ при нынѣшнемъ состояніи науки: дѣти имѣютъ склонность ломать свои игрушки: отчего это происходитъ? Надобно ли считать эту ломку только неловкою формою желанія пересоздавать вещи по своимъ надобностямъ, неловкою формою такъ называемой творческой дѣятельности человѣка, или тутъ есть слѣдъ чистой склонности къ разрушенію, приписываемой человѣку нѣкоторыми писателями? Таковы почти всѣ теоретическіе вопросы, точнаго рѣшенія которыхъ еще не даетъ наука. Читатель видитъ, что они принадлежатъ къ разряду вопросовъ, надобность и важность которыхъ открывается только наукою, понятна только для ученыхъ, къ разряду такъ называемыхъ техническихъ или специальныхъ вопросовъ, которые вообще не интересны для простыхъ людей, часто кажутся имъ даже ничтожными. Это въ вопросахъ въ родѣ тѣхъ, пѣть какого старо-славянскаго звука произошло у въ словѣ

„рука“: изъ простаго у или изъ юса, и по какому закону образуется существительное „возъ“ изъ глагола „везу“: зачѣмъ тутъ буква е замѣнилась буквою о? Для филолога эти вопросы очень важны, а для насъ не-филологовъ они, можно сказать, не существуютъ. Но не будемъ опрометчиво смѣяться вадъ учеными, которые заняты изслѣдовашемъ такихъ мелочныхъ по видимому вещей: отъ открытія истины въ подобныхъ по видимому неважныхъ фактахъ возникали результаты важные и для насъ простыхъ людей: разъяснялись понятія о цѣломъ рядъ важныхъ фактовъ, измѣнялись важныя житейскія отношенія. Изъ того, что нѣкоторые люди разъяснили нашу фонетику открытіемъ значенія юсовъ, явилось болѣе разумное обученіе грамматикѣ, и нашихъ дѣтей будутъ меньше мучить за нею, чѣмъ мучили насъ, и будутъ лучше выучивать ей, чѣмъ выучивали насъ.

Итакъ теоретическіе вопросы, остающіеся неразрѣшенными при нынѣшнемъ состояніи нравственныхъ наукъ, вообще таковы, что даже не приходится въ голову почти никому, кромѣ специалистовъ; неспециалистъ съ трудомъ понимаетъ даже, какъ могутъ ученые люди заниматься изслѣдованіемъ такихъ мелочей. Напротивъ, тѣ теоретическіе вопросы, которые обыкновенно представляются важными и трудными для неспециалистовъ, вообще перестали быть вопросами для нынѣшнихъ мыслителей, потому что чрезвычайно легко разрѣшаются несомнѣннымъ образомъ при первомъ прикосновеніи къ нимъ могущественныхъ средствъ научнаго анализа. Половина такихъ вопросовъ оказывается происходящими просто отъ непривычки къ мышленію, другая половина находитъ себѣ отвѣтъ въ явленіяхъ знакомыхъ каждому. Куда дѣвается пламя, носящееся надъ свѣтильнею горящей свѣчи, когда мы гасимъ свѣчу? Неужели химикъ согласится назвать эти слова вопросомъ? Онъ просто называетъ ихъ бессмысленнымъ наборомъ словъ, возникающимъ изъ незнакомства съ самыми коренными, самыми простыми фактами науки. Онъ говоритъ: горѣніе свѣчи есть химическій процессъ; пламя есть одно изъ явленій этого процесса, одна изъ сторонъ его, одно изъ качествъ его, выражаясь простымъ языкомъ; когда мы гасимъ свѣчу, мы прекращаемъ химическій процессъ; само собою разумѣется, что съ его прекращеніемъ исчезаютъ и его качества; спрашивать, что дѣлается съ пламенемъ свѣчи, когда гаснетъ свѣча, значить то же самое, что спрашивать о томъ, что осталось отъ цифры 2 въ числѣ 25, когда мы зачеркнемъ все число, — ровно ничего не осталось ни отъ цифры 2, ни отъ цифры 5: вѣдь онѣ обѣ зачеркнуты; спрашивать это можетъ только тотъ, кто самъ не понимаетъ, что значить написать цифру и что значить зачеркнуть ее; на всѣ вопросы такихъ людей существуетъ одинъ отвѣтъ: другъ мой! вы не имѣете понятія объ ариметикѣ и сдѣлаете хорошо, если станете учиться ей. Предлагается, напримѣръ, очень головоломный вопросъ: доброе или злое существо человѣкъ? Множество людей потѣются надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, почти половина потѣющихся рѣшаютъ: человѣкъ по натурѣ добръ; другіе, составляющіе также почти цѣлую половину потѣющихся, рѣшаютъ иначе: человѣкъ по натурѣ золь. За исключеніемъ этихъ двухъ противоположныхъ догматическихъ партій, остаются нѣсколько человѣкъ скептиковъ, которые смѣются надъ тѣми и другими и рѣшаютъ: вопросъ этотъ неразрѣшимъ. Но при первомъ приложеніи научнаго анализа вся штука оказывается простою до крайности. Человѣкъ любитъ пріятное и не любитъ непріятнаго, — это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ сказуемомъ тутъ просто повторяется подлежащее: А есть А, пріятное для человѣка есть пріятное для человѣка, непріятное

для человѣка есть непріятное для человѣка. Добръ тотъ, кто дѣлаетъ хороше для другихъ, золь—кто дѣлаетъ дурное для другихъ,—кажется, это такъ же просто и ясно. Соединимъ теперь эти простыя истины и въ выводѣ получимъ: добрымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда для получения пріятнаго себѣ онъ долженъ дѣлать пріятное другимъ; злымъ бываетъ онъ тогда, когда принужденъ извлекать пріятность себѣ изъ нанесенія непріятности другимъ. Человѣческой природы нельзя тутъ ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависитъ отъ обстоятельствъ, отношеній. Если извѣстныя отношенія имѣютъ характеръ постоянства, въ человѣкѣ сформировавшемся подъ ними оказывается сформировавшеюся привычка къ сообразному съ ними способу дѣйствій. Потому можно находить, что Иванъ добръ, а Петръ золь; но эти сужденія прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще, какъ прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще понятія о привычкѣ тесать доски, умѣть ковать и т. д. Иванъ плотникъ, но нельзя сказать, что такое человѣкъ вообще: плотникъ или неплотникъ; Петръ умѣетъ ковать желѣзо, но нельзя сказать о человѣкѣ вообще, кузнецъ онъ или некузнецъ. Тотъ фактъ, что Иванъ сталъ плотникомъ, а Петръ кузнецомъ, показываетъ только, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Ивана, человѣкъ становится плотникомъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Петра, становится кузнецомъ. Точно такъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ человѣкъ становится добръ, при другихъ золь.

Такимъ образомъ съ теоретической стороны вопросъ о добрыхъ и злыхъ качествахъ человѣческой природы разрѣшается столь легко, что даже и не можетъ быть названъ вопросомъ: онъ самъ въ себѣ уже заключаетъ полный отвѣтъ. Но другое дѣло, если вы возьмете практическую сторону дѣла, если, напрямѣръ, вамъ кажется, что для самого человѣка и для всѣхъ окружающихъ его людей гораздо лучше ему быть добрымъ, чѣмъ злымъ, и если вы захотѣли бы позаботиться, чтобы каждый сталъ добръ: съ этой стороны дѣло представляетъ очень большія трудности; но онѣ, какъ замѣтитъ читатель, относятся уже не къ наукѣ, а только къ практическому исполненію средствъ, указываемыхъ наукою. Психологія и нравственная философія находятся тутъ опять точно въ такомъ же положеніи, какъ естественныя науки. Климатъ въ сѣверной Сибири слишкомъ холодегъ: если бы мы спросили, какимъ способомъ можно сдѣлать его теплѣе, естественныя науки не затруднятся отвѣтомъ на это: Сибирь закрыта горами отъ теплой южной атмосферы и открыта своимъ склономъ къ сѣверу холодной сѣверной атмосферѣ: если бы горы шли по сѣверной границѣ ея, а на южной не было горъ, страна эта была бы гораздо теплѣе. Но у насъ еще недостаетъ средствъ исполнить на практикѣ это теоретическое рѣшеніе вопроса. Точно такъ же и у нравственныхъ наукъ готовъ теоретическій отвѣтъ почти на всѣ вопросы, важные для жизни, но во многихъ случаяхъ у людей недостаетъ еще средствъ для пракческаго исполненія того, что указываетъ теорія. Впрочемъ, нравственныя науки имѣютъ въ этомъ случаѣ преимущество надъ естественными. Въ естественныхъ наукахъ всѣ средства принадлежатъ области такъ называемой внѣшней природы: въ нравственныхъ наукахъ только одна половина средствъ принадлежитъ этому разряду, а другая половина средствъ заключается въ самомъ человѣкѣ; стало быть половина дѣла зависитъ только отъ того, чтобы человѣкъ съ достаточною силою почувствовалъ необходимость въ извѣстномъ улучшеніи: это чувство уже даетъ ему очень значител-

ную часть условий, нужных для улучшения. Но мы видѣли, что однихъ этихъ условий, зависящихъ отъ состоянія впечатлѣній самого человѣка, еще недостаточно: нужны такъ же матеріальныя средства. Относительно этой половины условий, относительно матеріальныхъ средствъ, практическіе вопросы нравственныхъ наукъ находятся въ положеніи еще гораздо выгоднѣйшемъ, нежели относительно условий, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ. Прежде, при неразвитости естественныхъ наукъ, могли встрѣчаться во внѣшней природѣ непреодолимыя затрудненія къ исполненію нравственныхъ потребностей человѣка. Теперь не то: естественныя науки уже предлагаютъ ему столь сильныя средства располагать внѣшнею природою, что затрудненій въ этомъ отношеніи не представляется. Возвратимся для примѣра въ практическому вопросу о томъ, какимъ бы способомъ люди могли стать добрыми, такъ чтобы недобрые люди стали на свѣтѣ чрезвычайной рѣдкостью и чтобы злая качества потеряли всякую замѣтную важность въ жизни по чрезвычайной малочисленности случаевъ, въ которыхъ обнаруживались бы людьми. Психологія говорить, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной. Напримѣръ, въ случаѣ неурожая, когда пищи не достаточно для всѣхъ, число преступлений и всякихъ дурныхъ поступковъ чрезмѣрно возрастаетъ: люди обижаютъ и обманываютъ другъ друга изъ-за куска хлѣба. Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ; самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать; но предметъ, нужный для ея удовлетворенія, находится человѣкомъ почти во всѣхъ положеніяхъ въ достаточномъ изобиліи, потому изъ потребности воздуха почти никогда не возникаетъ дурныхъ поступковъ. Но если встрѣтится исключительное положеніе, когда этого предмета оказывается мало для всѣхъ, то возникаютъ также ссоры и обиды; напримѣръ, если много людей будетъ заперто въ душновѣ помѣщеніи съ однимъ окномъ, то почти всегда возникаютъ ссоры и драки, могутъ даже совершаться убійства изъ-за пріобрѣтенія мѣста у этого окна. Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить. Въ предметахъ для порядочнаго удовлетворенія этой потребности очень часто, очень у многихъ людей встрѣчается недостатокъ и онъ служитъ источникомъ самаго большаго числа всѣхъ дурныхъ поступковъ, почти всѣхъ положеній и учреждений, бывающихъ постоянными причинами дурныхъ поступковъ. Если бы устранить одну эту причину зла, быстро исчезло бы изъ человѣческаго общества, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ всего дурнаго: число преступлений уменьшилось бы въ десять разъ, грубые нравы и понятія въ теченіе одного поколѣнія замѣнились бы человѣческими, отнялась бы и опора у стѣснительныхъ учреждений, основанныхъ на грубости нравовъ и невѣжествѣ, и скоро уничтожилось бы почти всякое стѣсненіе. Прежде исполнить такое указаніе теоріи было, какъ насъ увѣряютъ, невозможно по несовершенству техническихъ искусствъ; не знаемъ, справедливо ли говорятъ это о старинѣ, но безспорно то, что при нынѣшнемъ состояніи механики и химіи, яри средствахъ даваемыхъ этими науками сельскому хозяйству, земля могла бы производить въ каждой странѣ умѣреннаго пояса несравненно больше пищи, чѣмъ

сколько нужно для изобильнаго продовольствія числа жителей, въ десять и двадцать разъ бѣльшаго чѣмъ нынѣшнее населеніе этой страны *). Такимъ образомъ со стороны внѣшней природы уже не представляется никакого препятствія къ снабженію всего населенія каждой цивилизованной страны изобильною пищею; задача остается только въ томъ, чтобы люди сознали возможность и надобность энергически устремиться къ этой цѣли. Въ реторическомъ слогѣ можно говорить, будто они на самомъ дѣлѣ заботятся объ этомъ какъ слѣдуетъ; но точный и холодный анализъ науки показываетъ пустоту пышныхъ фразъ, часто слышимыхъ нами объ этомъ предметѣ. Въ дѣйствительности еще ни одно человѣческое общество не приняло въ сколько нибудь обширномъ размѣрѣ тѣхъ средствъ, какія называются для приданія успѣшности сельскому хозяйству естественными науками и наукою о народномъ благосостояніи. Отчего это происходитъ, почему въ человѣческихъ обществахъ господствуетъ беззаботность объ исполненіи научныхъ указаний для удовлетворенія такой настоятельной потребности, какъ потребность пищи, почему это такъ, какими обстоятельствами и отношеніями производится и поддерживается дурное хозяйство, какъ надобно измѣнить обстоятельства и отношенія для замѣны дурнаго хозяйства хорошимъ, — это опять новые вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ очень легко; и опять практическое осуществленіе щучныхъ рѣшеній обуславливается тѣмъ, чтобы человѣкъ проникся извѣстными впечатлѣніями. Мы, впрочемъ, не станемъ здѣсь излагать ни теоретическаго рѣшенія, ни практическихъ затрудненій по этимъ вопросамъ; это завело бы насъ слишкомъ далеко, а намъ кажется, что уже довольно и предъидущихъ замѣчаній для разъясненія того, въ какомъ положеніи находятся теперь нравственныя науки. Мы хотѣли сказать, что разработка нравственныхъ знаній точнымъ научнымъ образомъ только еще начинается; что по этому еще не найдено точнаго теоретическаго рѣшенія очень многихъ чрезвычайно важныхъ нравственныхъ вопросовъ; но что эти вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ еще не найдено, имѣютъ характеръ чвсто технической, такъ что интересны только для еспеціалистовъ, и что наоборотъ. тѣ психологическіе и нравственные вопросы, которые представляются очень интересными и кажутся чрезвычайно трудными для неспеціалистовъ, уже съ точностью разрѣшены и притомъ разрѣшены чрезвычайно легко и просто, самими первыми приложеніями точнаго научнаго анализа, такъ что теоретическій отвѣтъ на нихъ уже найденъ; мы прибавляли, что изъ этихъ несомнѣнныхъ теоретическихъ рѣшеній возникаютъ очень важныя и полезныя научныя указанія о томъ, какія средства надобно употребить для улучшенія человѣческаго быта; что изъ этихъ средствъ нѣкоторыя должны быть взяты во внѣшней природѣ, и при нынѣшнемъ развитіи естественныхъ знаній внѣшняя природа уже не представляетъ этому препятствія, а другія должны быть доставлены разсудительною энергіею самого человѣка и нынѣ только въ ея возбужденіи могутъ встрѣчаться трудности, по недоброжелательству, невѣжеству и апатіи людей, и вообще по власти предразсудковъ надъ огромнымъ большинствомъ людей въ каждомъ обществѣ.

*) Въ самой Англійской землѣ можетъ прокормить по крайней мѣрѣ 150,000,000 человѣкъ Панегирика удивительному совершенству англійскаго селскаго хозяйства справедливы въ томъ отношеніи, что дѣло это тамъ быстро улучшается; но ошибочно было бы думать, что оно теперь пользуется въ удовлетворительномъ размѣрѣ нособинми науки; это только что еще начинается и дептъ десятыхъ частей землѣ воздѣлываемой въ Англійской воздѣлывается по рутинѣ совершенно не соотвѣтствующей нынѣшнему состоянію сельско-хозяйственныхъ знаній.

Всѣ эти разсужденія имѣли цѣлью объяснить, какимъ образомъ нынѣшнее высокое развитіе естественныхъ наукъ помогаетъ возникновенію точныхъ наукъ по такимъ отраслямъ бытія и по такимъ отдѣламъ теоретическихъ вопросовъ, которые прежде были только предметомъ догадокъ, иногда основательныхъ, иногда неосновательныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не дававшихъ точнаго знанія. Таковы нравственные и метафизическіе вопросы. Ближайшимъ предметомъ нашихъ статей служить теперь человѣкъ, какъ отдѣльная личность, и мы попробуемъ изложить, какія рѣшенія вопросовъ, относящихся къ этому предмету, найдены точною научною разработкою психологіи и нравственной философіи. Если читатель помнитъ характеръ нашей первой статьи, онъ, конечно, будетъ ожидать, что лишь только мы дали это общаіе, какъ тотчасъ же измѣнимъ ему и вѣдадимся въ длинное отступленіе, вовсе нейдущее къ дѣлу. Читатель не ошибется. Мы отлагаемъ на время въ сторону психологическіе и нравственно-философскіе вопросы о человѣкѣ, займемся физиологическими, медицинскими, какими вамъ угодно другими, и вовсе не будемъ касаться человѣка какъ существа нравственнаго, а попробуемъ прежде сказать, что мы знаемъ о немъ, какъ о существѣ имѣющемъ желудокъ и голову, кости, жилы, мускулы и нервы. Мы будемъ смотрѣть на него пока только съ той стороны, какую находятъ въ немъ естественныя науки; другими сторонами его жизни мы займемся послѣ, если позволитъ намъ время.

Физиологія и медицина находятъ, что человѣческій организмъ есть очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью. Процессъ этотъ такъ многосложенъ, а предметъ его такъ важенъ для насъ, что отрасль химіи, занимающаяся его изслѣдованіемъ, удостоена за свою важность титула особенной науки и названа физиологіею. Отношеніе физиологіи къ химіи можно сравнить съ отношеніемъ отечественной исторіи къ всеобщей исторіи. Разумѣется, русская исторія составляетъ только часть всеобщей; но предметъ этой части особенно близокъ намъ, потому она сдѣлана какъ будто особенною наукою: курсъ русской исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ читается отдѣльно отъ курса всеобщей, воспитанники получаютъ на экзаменахъ особенный баллъ изъ русской исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что эта внѣшняя раздѣльность служитъ только для практическаго удобства, а не основана на теоретическомъ различіи характера этой отрасли знанія отъ другихъ частей того же самаго знанія. Русская исторія понятна только въ связи съ всеобщею, объясняется ею и представляетъ только видоизмѣненія тѣхъ же самыхъ силъ и явленій, о какихъ разсказывается во всеобщей исторіи. Такъ и физиологія только видоизмѣненіе химіи, а предметъ ея только видоизмѣненіе предметовъ разсматриваемыхъ въ химіи. Сама физиологія не удержала всѣхъ своихъ отдѣловъ въ полномъ единствѣ подъ однимъ именемъ: нѣкоторыя стороны изслѣдуемаго ею предмета, т. е. химическаго процесса, происходящаго въ человѣческомъ организмѣ, имѣютъ такую особенную интересность для человѣка, что изслѣдованія о нихъ, составляющія часть физиологіи, сами удостоились имени особенныхъ наукъ. Изъ этихъ сторонъ мы назовемъ одну: изслѣдованіе явленій производящихъ и сопровождающихъ разныя отклоненія этого химическаго процесса отъ нормальнаго его вида; эта часть физиологіи названа особеннымъ именемъ — медицина; медицина въ свою очередь развѣтвляется на множество наукъ съ особенными именами. Такимъ образомъ часть, выдѣлившаяся изъ химіи, выдѣлила изъ себя новыя части, которыя опять раздѣляются на новыя ча-

сти. Но это явлеше точно того же порядка, какъ раздѣленіе одного города на кварталы, кварталовъ на улицы: это дѣлается только для практическаго удобства, и не должно забывать, что всѣ улицы и кварталы города составляютъ одно цѣлое. Когда мы говоримъ: Васильевскій Островъ, или Невскій проспектъ, мы вовсе не говоримъ, чтобы дома Васильевскаго Острова и Невскаго проспекта не входили въ составъ Петербурга. Точно такъ медицинскія явленія входятъ въ систему физиологическихъ явленій, а вся система физиологическихъ явленій входитъ въ еще обширнѣйшую систему химическихъ явленій.

Когда изслѣдуемый предметъ очень многосложенъ, то для удобства изслѣдованія полезно дѣлать его на части; потому физиологія раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе; подобно всякому другому химическому процессу вся эта система явленій имѣетъ возникновеніе, возрастаніе, ослабленіе и конецъ. Поэтому физиологія разсматриваетъ, будто бы особые предметы, процессы дыханія, питанія, кровообращенія, движенія, ощущенія и т. д., зачатія или оплодотворенія, роста, дряхлѣнія и смерти. Но тутъ опять надобно помнить, что эти разные періоды процесса и разные стороны его раздѣляются только теоріею, чтобы облегчить теоретическій анализъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно неразрывное цѣлое. Такъ геометрія разлагаетъ кругъ на окружность, радіусы и центръ, но въ сущности радіуса нѣтъ безъ центра и окружности, центра нѣтъ безъ радіуса и окружности, да и окружности нѣтъ безъ радіуса и центра, — эти три понятія, эти три части геометрическаго изслѣдованія о кругѣ составляютъ всѣ вмѣстѣ одно цѣлое. Нѣкоторыя изъ частей физиологіи разработаны уже очень хорошо; таковы, напримѣръ, изслѣдованія процессовъ дыханія, питанія, кровообращенія, зачатія, роста и одряхлѣнія; процессъ движенія разъясненъ еще не такъ подробно, а процессъ ощущенія еще меньше; довольно странно можетъ показаться, что такъ же мало изслѣдованъ процессъ нормальной смерти, происходящей не отъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаевъ или специальныхъ разстройствъ (болѣзни), а просто отъ истощенія организма самымъ теченіемъ жизни. Но это потому, во-первыхъ, что наблюденія медиковъ и физиологовъ представляется не очень много случаевъ такой смѣрти: изъ тысячи человѣкъ развѣ одинъ умираетъ ею, организмъ остальныхъ преждевременно разрушается болѣзнями и гибельными внѣшними случаями; во-вторыхъ, и на эти немногіе случаи нормальной смерти ученые до сихъ поръ не имѣли досуга обратить такое вниманіе, какое привлекаютъ болѣзни и случаи насильственной смерти: силы науки по вопросу о разрушеніи организма до сихъ поръ поглощаются пріисканіемъ средствъ къ устраненію преждевременной смерти.

Мы сказали, что нѣкоторыя части процесса жизни еще не разъяснены такъ подробно, какъ другія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы уже не знали положительнымъ образомъ очень многого и о тѣхъ частяхъ его, изслѣдоваше которыхъ находится теперь даже въ самомъ несовершенномъ видѣ. Во-первыхъ, если даже предположить, что какая нибудь сторона жизненнаго процесса въ своей особенной специальности остается до сихъ поръ и совершенно недоступною точному анализу въ духѣ математики и естественныхъ наукъ, то характеръ ея приблизительно былъ бы намъ уже извѣстенъ изъ характера другихъ частей, которыя уже довольно хорошо изслѣдованы. Это былъ бы случай такого же рода, какъ опредѣ-

леніе вида головы млекопитающаго по костямъ его ногъ: извѣстно, что по одной какой нибудь лопаткѣ или ключицѣ животнаго наука довольно точно возсоздаетъ всю его фигуру и въ томъ числѣ голову, такъ что когда находится потомъ полный скелеть, онъ подтверждаетъ вѣрность научнаго вывода о цѣломъ по одной его части. Мы знаемъ въ чемъ состоитъ, напримѣръ, питаніе; изъ этого мы уже знаемъ приблизительно, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, ощущеніе: питаніе и ощущеніе такъ тѣсно связаны между собою, что характеромъ одного опредѣляется характеръ другаго. Въ прошлой статьѣ мы уже говорили, что такія заключенія о неизвѣстныхъ частяхъ по извѣстнымъ частямъ имѣютъ и особенную достовѣрность и особенную важность въ отрицательной формѣ: А тѣсно связано съ X; А есть B; изъ этого слѣдуетъ, что X не можетъ быть ни C, ни D, ни E. Напримѣръ, найдена лопатка какого-то допотопнаго животнаго; къ какому именно разряду млекопитающихъ оно принадлежало, этого, можетъ быть, мы не съумѣемъ опредѣлить безошибочно, быть можетъ ошибемся, если причислимъ его къ породѣ кошекъ или лошадей; но уже по одной найденной нами лопаткѣ мы безошибочно знаемъ, что оно не было ни птицею, ни рыбою, ни черепокожимъ. Мы сказали, что эти отрицательные выводы имѣютъ большую важность во всѣхъ наукахъ. Но въ особенности они важны въ нравственныхъ наукахъ и въ метафизикѣ, потому что уничтожаемыя ими ошибки имѣли особенную практическую гибельность въ этихъ наукахъ. Если встарину по плохому развитію естественныхъ наукъ ошибочно считали кита рыбой, а летучую мышь птицей, отъ этого, вѣроятно, не пострадалъ ни одинъ человекъ; но отъ ошибокъ, имѣвшихъ такой же источникъ, т. е. происходившихъ отъ неумѣнія подвергнуть предметъ точному анализу, произошли въ метафизикѣ и въ нравственныхъ наукахъ ошибочныя мнѣнія, надѣлавшія людямъ гораздо больше зла, чѣмъ холера, чума и всѣ заразительныя болѣзни. Сдѣлаемъ, напримѣръ, гипотезу, что праздность пріятна, а трудъ непріятенъ: если эта гипотеза станетъ господствующимъ мнѣніемъ, каждый человекъ будетъ пользоваться всѣми случаями, чтобы обезпечить себѣ праздную жизнь, заставивъ другихъ работать за себя; изъ этого произойдутъ всѣ виды порабощенія и грабежа, начиная отъ собственно такъ называемаго рабства и отъ завоевательной войны до нынѣшнихъ болѣе тонкихъ формъ тѣхъ же явленій. Эта гипотеза дѣйствительно была сдѣлана людьми, дѣйствительно стала господствующимъ мнѣніемъ и дѣйствительно произвела немало страданій. Теперь попробуемъ приложить къ понятію пріятности или удовольствія выводы изъ точнаго анализа жизненнаго процесса. Феноменъ пріятности или удовольствія принадлежитъ той части жизненнаго процесса, которая называется ощущеніемъ. Предположимъ пока, что собственно объ этой части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной части, еще нѣтъ у насъ точныхъ изслѣдованій. Посмотримъ, нельзя ли чего нибудь заключить о ней изъ тѣхъ точныхъ свѣдѣній, какія приобрѣла наука о питаніи, дыханіи, кровообращеніи. Мы видимъ, что каждое изъ этихъ явленій составляетъ дѣятельность нѣкоторыхъ частей нашего организма. Какія части дѣйствуютъ при феноменахъ дыханія, питанія и кровообращенія, это мы знаемъ, знаемъ и то, какъ они дѣйствуютъ; быть можетъ мы ошиблись бы, если бы стали изъ этихъ свѣдѣній дѣлать выводы о томъ, какія именно части организма и какимъ именно образомъ дѣйствуютъ при феноменѣ пріятнаго ощущенія; но мы уже прямо видѣли, что только дѣятельность какой-нибудь части организма даетъ возникновеніе тому, что называется явленіями человѣческой жизни; мы видимъ,

что когда есть дѣятельность, то есть и феноменъ, а когда нѣтъ дѣятельности, то нѣтъ и феномена; изъ этого видимъ, что и для пріятнаго ощущенія непремѣнно нужна какая нибудь дѣятельность организма. Теперь анализируемъ понятіе дѣятельности. Для дѣятельности необходимо существованіе двухъ предметовъ, дѣйствующаго и подвергающагося дѣйствию, и дѣятельность состоитъ въ томъ, что дѣйствующій предметъ обращаетъ свои силы ва переработку предмета подвергающагося дѣйствию. Напримѣръ, грудь и легкія перемѣщаютъ и разлагаютъ воздухъ при феноменѣ дыханія, желудокъ перерабатываетъ пищу при феноменѣ питанія. Итакъ, пріятное ощущеніе такъ же должно непремѣнно состоять въ томъ, что силою человѣческаго организма передѣлывается какой-нибудь вѣншній предметъ: какой именно предметъ и какимъ именно способомъ перерабатывается, этого мы еще не знаемъ, но мы уже видимъ, что источникомъ удовольствія непремѣнно должна быть какая нибудь дѣятельность человѣческаго организма надъ вѣншними предметами. Попробуемъ теперь сдѣлать отрицательный выводъ изъ этого результата. Праздность есть отсутствіе дѣятельности; очевидно, что она не можетъ производить феноменовъ такъ называемаго пріятнаго ощущенія. Теперь становится намъ совершенно повятно, почему во вѣнхъ цивилизованныхъ странахъ зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на непріятность жизни. Эта жалоба совершенно справедлива. Богачу такъ же непріятно жить, какъ и бѣдняку, потому что по обычаю, внесенному въ общество ошибочною гипотезою, съ богатствомъ соединена праздность, то есть вещи, которыя должны были бы служить источникомъ удовольствія, лишены этою гипотезою возможности составлять удовольствіе. Къ привыкъ къ отвлеченному мышленію, тотъ впередъ увѣренъ, что наблюденіе надъ житейскими отношеніями не будетъ противорѣчить результатамъ научнаго анализа. Но и люди непривычные къ мышленію будутъ приведены къ такому же заключенію соображеніемъ смысла тѣхъ фактовъ, которые представляетъ такъ называемая свѣтская жизнь: въ ней нѣтъ нормальной дѣятельности, т. е. такой дѣятельности, въ которой объективная сторона дѣла соотвѣтствовала бы субъективной его роли, нѣтъ дѣятельности, которая заслуживала бы имени серьезной дѣятельности; чтобы избѣжать субъективнаго разстройства въ организмѣ, избѣжать происходящихъ отъ неподвижности болѣзней, избѣжать тоски, свѣтскій человѣкъ принужденъ создавать себѣ взамѣнъ нормальной дѣятельности фиктивную: онъ лишенъ движенія, имѣющаго объективную разумную цѣль, и потому „дѣлаетъ моціонъ“, т. е. убиваетъ на пустое размахиваніе ногами столько же времени, сколько слѣдовало употреблять на дѣловую ходьбу; онъ лишенъ физическаго труда и потому „занимается гимнастикой для гігіены“ т. е. машетъ руками и качается корпусомъ (за бильярдомъ, за токарнымъ станкомъ, если не въ гимнастической залѣ) столько же времени, сколько слѣдовало бы ему заниматься физической работой: онъ лишенъ дѣльныхъ заботъ о себѣ и своихъ близкихъ, потому занимается сплетнями и интригами, т. е. хлопочетъ мысленно надъ вздоромъ столько же, сколько слѣдовало бы хлопотать о дѣльныхъ вещахъ. Но всѣ эти искусственныя средства никакъ не могутъ доставить потребностямъ организма такою удовлетворенія, какое нужно для здоровья. Жизнь проходитъ у нынѣшняго богача такъ, какъ идетъ она у китайца, кушающаго ошумъ: противуестественное раздраженіе смѣняется летаргіею, напряженное пресыщеніе пустою дѣятельностью, оставляя послѣ себя все ту же пустую тоску, спасенія отъ которой ищутъ въ немъ.

Мы видимъ, что если даже предположить совершенный недостатокъ точныхъ изслѣдовацій о какой-нибудь части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной спеціальной части, то нынѣшнее состояніе точныхъ знаній о другихъ частяхъ того же самаго жизненнаго процесса уже даетъ намъ приблизительное понятіе объ общемъ характерѣ этой неизвѣстной части, даетъ намъ прочную опору для важныхъ положительныхъ и для еще болѣе важныхъ отрицательныхъ выводовъ о ней. Но, конечно, мы только для разъясненія дѣла, *argumenti causa*, предположили совершенное отсутствіе точныхъ изслѣдовацій по нѣкоторымъ частямъ жизненнаго процесса; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни одной части жизненнаго процесса, о которой наука не приобрѣла болѣе или менѣе обширныхъ и точныхъ знаній, спеціально относящихся именно къ этой части. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ. Результатами этихъ спеціальныхъ изысканій подтверждаются выводы, получаемые изъ общихъ наблюденій надъ цѣлымъ жизненнымъ процессомъ и надъ частями его, болѣе изслѣдованными.

До сихъ поръ мы говорили о физиологіи, какъ о наукѣ занимающейся изслѣдованіемъ жизненнаго процесса въ человѣческомъ организмѣ. Но читатель знаетъ, что физиологія человѣческаго организма составляетъ только часть физиологіи, или, точнѣе сказать, часть одного ея отдѣла—зоологической физиологіи. Замѣтивъ это, мы поправимъ ошибку сдѣланную на предъидущихъ страницахъ: напрасно мы говорили, что феномены дыханія, питанія и другихъ частей жизненнаго процесса въ человѣкѣ составляютъ предметъ физиологіи: предметъ ея составляютъ явленія этого процесса во всѣхъ живыхъ существахъ. Физиологія человѣка существуетъ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуетъ географія Англій, въ смыслѣ одной главы изъ состава цѣлой книги,—главы, которая можетъ сама разрастаться въ цѣлую книгу.

Когда мы поверхностнымъ образомъ обзрѣваемъ двѣ страны, очень далекія по развитію одна отъ другой, страну дикарей и страну высоко цивилизованнаго народа, намъ кажется, будто бы въ одной изъ нихъ нѣтъ даже и слѣда тѣхъ явленій, какія поражаютъ насъ своимъ колоссальнымъ размѣромъ въ другой. Въ Англій мы видимъ Лондонъ и Манчестеръ, доки наполненные пароходами и желѣзныя дороги, а у какихъ-нибудь якутовъ нѣтъ невидимому ничего соотвѣтствующаго этимъ явленіямъ. Но взгляните въ основательное описаніе жизни якутовъ и оно уже самымъ оглавленіемъ своимъ наведетъ насъ на мысль, что поверхностное заключеніе наше было ошибочно: оглавленіе книги о якутахъ точно таково же, какъ оглавленіе книги объ англичанахъ: почва и климатъ; способы добыванія пищи; жилища; одежда; пути сообщенія; торговля и т. д. Какъ? спрашиваете вы себя:—неужели у якутовъ есть и пути сообщенія, и торговля? Да, разумѣется есть, какъ и у англичанъ; разница только та, что у англичанъ эти явленія общественной жизни сильно развиты, а у якутовъ они развиты слабо. У англичанъ есть Лондонъ,—но и у якутовъ есть явленія возникающія изъ того же самаго принципа, которымъ созданъ Лондонъ: на зиму якуты, бросая кочевую жизнь, поселяются въ землянкахъ: эти землянки вырыты по сосѣдству одна отъ другой, такъ что составляютъ какую-то группу,—вотъ вамъ и зародышъ города; въ самой Англій дѣло началось съ того же: зародышъ Лондона была такая же группа такихъ же землянокъ. У англичанъ есть Манчестеръ съ гигантскими машинами, которыя называются бумаго-прядильною фабрикою; но въѣдъ и якуты не довольствуются звѣриными шкурами въ ихъ натуральномъ видѣ, они шиваютъ ихъ, они дѣлаютъ изъ шерсти войлокъ; отъ ва-

лянія войлока уже не далеко до тканья; отъ иголки не далеко до веретена, а Манчестеръ составляетъ просто накоплешемъ десятковъ миліоновъ веретенъ съ удобною для нихъ обстановкою; въ работѣ якутскаго семейства надъ изготовленіемъ одежды лежитъ уже зародышъ Манчестера, какъ въ якутской землянвѣ зародышъ Лондона. Дѣло иного рода, насколько гдѣ развилось извѣстное явленіе; но явленія всѣхъ разрядовъ въ разныхъ степеняхъ развитія существуютъ у каждаго народа. Зародышъ одинъ и тотъ же; онъ развивается повсюду по однимъ и тѣмъ же законамъ, только обстановка у него въ разныхъ мѣстахъ различна, оттого различно и развитіе: берлинскій кислый виноградъ тотъ же самый виноградъ, какой растетъ въ Шампани и въ Венгрія; только климатъ разный, потому съ практической точки зрѣнія можно говорить, что берлинскій виноградъ, который ни на что не годится, вещь совершенно иного рода, чѣмъ виноградъ Токая или Эперне, изъ котораго дѣлаютъ дивныя вина; такъ, разница огромная, явная для всякаго, но согласитесь, что ученые люди поступаютъ справедливо, утверждая, что нѣтъ въ товайскомъ виноградѣ такихъ элементовъ, которыхъ не нашлось бы въ берлинскомъ виноградѣ.

Намъ нужно обозрѣть всю область природы, чтобы дойти до человѣка; а до сихъ поръ мы говорили только о такъ называемой неорганической природѣ и о царствѣ растений, еще ничего не сказавъ о царствѣ животныхъ. Въ наиболѣе развитыхъ формахъ своихъ животный организмъ чрезвычайно отличается отъ растенія; но читатель знаетъ, что млекопитающее и птица связаны съ растительнымъ царствомъ множествомъ переходныхъ формъ, по которымъ можно прослѣдить всѣ степени развитія такъ называемой животной жизни изъ растительной: есть растенія и животныя почти ничѣмъ не отличающіяся другъ отъ друга, такъ что трудно сказать, къ какому царству отнести ихъ. Если нѣкоторыя животныя почти ничѣмъ не отличаются отъ растеній въ эпоху полнаго развитія своего организма, то въ первое время своего существованія всѣ животныя почти одинаковы съ растеніями въ первой порѣ ихъ роста; зародышемъ животнаго и растенія одинаково служатъ ячейка; ячейка, служащая зародышемъ животнаго, такъ похожа на ячейку, служащую зародышемъ растенія, что трудно и отличить ихъ. И такъ мы видимъ, что всѣ животныя организмы начинаютъ съ того же самаго, съ чего начинается растеніе, и только впоследствии нѣкоторые животныя организмы приобрѣтаютъ видъ очень различный отъ растеній и въ очень высокой степени проявляютъ такія качества, которыя въ растенія такъ слабы, что открываются только при помощи извучныхъ пособій. Такъ, напримѣръ, и въ деревѣ есть зародышъ движенія: соки въ немъ движутся, какъ въ животныхъ; корни и вѣтви тянутся въ разные стороны; правда, это перемѣщеніе происходитъ только въ частяхъ, а цѣлый организмъ растенія не перемѣняетъ мѣста; но и полипъ такъ же не перемѣняетъ мѣста: полипнявъ способностью перемѣщенія не превосходитъ дерево. Но есть даже и такія растенія, которыя перемѣняютъ свое мѣсто: сюда принадлежатъ нѣкоторые виды семейства *Mimosa*.

Не надобно обижать никого; мы нанесли бы животнымъ обиду, если бы, замѣтивъ, что они не должны считать себя существами иной природы, чѣмъ растенія, понизивъ ихъ на степень только особенной формы той же жизни, какая видна въ растеніяхъ, не сказали нѣсколькихъ словъ и въ честь имъ. Дѣйствительно, научный анализъ открываетъ несправедливость голословныхъ фразъ, будто животныя вовсе лишены разныхъ почетныхъ качествъ, какъ напримѣръ нѣкоторой способности къ

прогрессу. Обыкновенно говорятъ: животное всю жизнь остается тѣмъ, чѣмъ родилось, ничему не научается, неидетъ впередъ въ умственномъ развитіи. Такое мнѣніе разрушается фактами извѣстными каждому: медвѣдя научаютъ плясать и выкидывать равныя штуки, собакъ подавать поноску и танцовать; слоновъ даже выучиваютъ ходить по канату, даже рыбъ приучаютъ собираться въ данное мѣсто по звонку, — этого всего обученныя животныя не дѣлали безъ ученья; ученье даетъ имъ качества, которыхъ безъ него не имѣли бы они. Не только человѣкъ учитъ животныхъ — сами животныя учатъ другъ друга; извѣстно, что хищныя животныя учатъ своихъ дѣтей ловить добычу; птицы учатъ своихъ дѣтей летать. Но, говорятъ намъ, это наученье, это развитіе имѣетъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго неидетъ животное, такъ что каждая порода неподвижна въ своемъ развитіи, которое относится только къ отдѣльнымъ членамъ ея; отдѣльное животное можетъ имѣть свою исторію, но порода остается безъ исторіи, понимая подъ исторію прогрессивное движеніе. Это также несправедливо; на нашихъ глазахъ совершенствуются цѣлыя породы животныхъ: напримѣръ, улучшается порода лошадей или рогатаго скота въ извѣстной странѣ. Человѣкъ имѣетъ пользу отъ развитія однихъ только экономическихъ качествъ животнаго: отъ увеличенія силы у лошади, шерсти у овцы, молока и мяса у коровы и быка; потому мы и совершенствуемъ цѣлыя породы животныхъ только въ этихъ виѣшнихъ качествахъ. Но все-таки изъ этого уже видно, что животныя доступны развитію не только индивидуумами, а цѣлыми породами. Этого одного факта было бы уже достаточно для несомнѣннаго заключенія о томъ, что и умственныя способности животныхъ каждой породы не стоятъ неподвижно на одной данной точкѣ, а такъ же измѣняются: естественныя науки говорятъ, что причина производящая перемѣну въ мускулахъ, т. е. измѣненіе качествъ крови, непременно производитъ нѣкоторую перемѣну и въ нервной системѣ; если при перемѣнѣ въ составѣ крови, питающей мускулы и нервы, измѣняется питаніе мускуловъ, то должно измѣняться и питаніе нервной системы; а при различіи въ питаніи непременно измѣняются качества и дѣйствія питающей части организма. Лошадь улучшенной породы непременно должна имѣть впечатлѣнія нѣсколько иныя, чѣмъ простая лошадь: вы видите, что ея глазъ блещетъ болѣе живымъ огнемъ; это значить, что зрительный нервъ ея воспріимчивѣе, чувствительнѣе; если такъ измѣнился зрительный нервъ, то произошла нѣкоторая перемѣна и во всей нервной системѣ. Это вовсе не гипотеза, это положительный фактъ, извѣстный, напримѣръ, изъ того, что жеребенокъ отъ домашней лошади, отъ благовоспитанной лошади, если можно такъ выразиться, гораздо скорѣе и легче приучается ходить въ упряжи, чѣмъ жеребенокъ отъ табунной лошади, отъ дикой, невоспитанной лошади; это значить, что умственныя способности у одного болѣе развиты въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ у другаго. Но тутъ дѣло идетъ для цѣлей человѣка, а не для потребности самого животнаго; это развитіе касается только низшихъ сторонъ умственной жизни, какъ всякое развитіе налагаемое цѣлями посторонними самому развивающемуся. Гораздо яснѣе обнаруживается въ животныхъ способность къ прогрессу, когда они развиваются по собственной надобности, по собственному побужденію. Наши домашнія животныя, привыкшія къ своему рабству, развившись въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя нужны для ихъ господина, вообще поглупѣли отъ рабства. Они стали трусливы, ненаходчивы въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Но, выходя на свободу, они возвращаются къ

находчивости и смѣлости вольнаго состоянія. Одичавшія лошади приучаются защищаться отъ вольвовъ, приучаются выбивать траву изъ-подъ снѣга зимой. Дикія животныя вообще умѣютъ приспосабливаться къ новымъ обстоятельствамъ: книги о правахъ животныхъ наполнены разказами о томъ, какъ умѣютъ принаровлять свою жизнь къ новой обстановкѣ осы, пауки и другія насѣкомыя, посаженныя подъ стеклянный колпакъ. Сначала насѣкомое пробуетъ поступать по прежнему; постепенныя неудачи показываютъ ему неудовлетворительность прежняго метода, оно пробуетъ новые методы, и если обстоятельства не губятъ его, оно наконецъ устраиваетъ свою жизнь по новому способу. Медвѣдь, нашедши боченокъ съ виномъ, умѣетъ наконецъ догадаться, какъ выбить дно. Мы не станемъ приводить безчисленныхъ отдѣльныхъ анекдотовъ о находчивости животныхъ и замѣтимъ только одинъ общій фактъ, относящійся къ дѣльнымъ породамъ: при появленіи человѣка въ пустынной странѣ, птицы еще не умѣютъ остерегаться его; но постепенно опытъ научаетъ ихъ быть осторожными, предусмотрительными относительно этого новаго врага, и всѣ породы дичи научаются обходиться съ охотникомъ умѣе прежняго, избѣгать его, обманывать его.

Мы употребляли выраженіе „умственные способности“, говоря о животныхъ. Въ самомъ дѣдѣ нельзя отрицать въ нихъ ни памяти, ни воображенія, ни мышленія. О памяти нечего и говорить: каждому извѣстно, что нѣтъ ни одного млекопитающаго, ни одной птицы безъ этой способности, и у нѣкоторыхъ породъ она развита очень сильно; память собаки чрезвычайно велика: она узнаетъ человѣка, видѣннаго ею очень давно, умѣетъ находить дорогу въ хозяйскій домъ изъ очень отдаленнаго мѣста. Воображеніе непременно должно существовать, если есть память, потому что оно только соединяетъ въ новыя группы разныя представленія, хранимыя памятью. Если существуетъ нервная дѣятельность, т. е. если происходитъ непрерывная смѣна ощущеній и впечатлѣній, то прежнія представленія непременно должны безпрестанно попадать въ сочетанія съ новыми, а этотъ феноменъ уже и есть то самое, что называется воображеніемъ. Положительнымъ образомъ существованіе фантазіи въ животномъ доказывается тѣмъ, что концы видятъ сны: она во снѣ часто бываетъ похожа на лунатика: то сердится, то радуется. Впрочемъ, нѣтъ надобности слишкомъ дорожить этимъ частнымъ фактомъ, способностью кошки имѣть сновидѣнія: существованіе фантазіи у животныхъ обнаруживается другимъ гораздо болѣе общимъ фактомъ, расположеніемъ всѣхъ молодыхъ животныхъ забавляться посредствомъ игры надъ внѣшними предметами, которые не могли бы служить предметомъ такой игры, если бы не представлялись играющему животному чѣмъ-то въ родѣ вуколь. Молодая кошка забавляется какою нибудь щепочкою или кусочкомъ шерсти, какъ будто мышью: она бросаетъ клочекъ шерсти, чтобы онъ какъ будто бѣжалъ, сама принимаетъ подстерегающее положеніе, потомъ прыгаетъ и ловитъ воображаемую мышь,—это прямо игра въ куклы, только кукла тутъ имѣетъ роль не жениха и невѣсты, не барышни и служанки, а роль мышки: что дѣлать, каждое существо даетъ предметамъ такую роль, какая для него интересна.

Мышленіе состоитъ въ томъ, чтобы изъ разныхъ комбинацій ощущеній и представленій, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, выбирать такія, которыя соотвѣтствуютъ потребности мыслящаго организма въ данную минуту, въ выборѣ средствъ для дѣйствія, въ выборѣ представленій, посредствомъ которыхъ

можно было бы дойти до известнаго результата. Въ этомъ состоитъ не только мышленіе о житейскихъ предметахъ, но и такъ называемое отвлеченное мышленіе. Возьмемъ въ примѣръ самое отвлеченное дѣло: рѣшеніе математической задачи. У Ньютона, заинтересованнаго вопросомъ о законѣ качества или силы, проявляющейся въ обращеніи небесныхъ тѣлъ, накопилось въ памяти очень много математическихъ формулъ и астрономическихъ данныхъ. Чувства его (главнымъ образомъ одно чувство—зрѣніе) безпрестанно приобрѣтали новыя формулы и астрономическія данныя изъ чтенія и собственныхъ наблюденій; отъ сочетанія этихъ новыхъ впечатлѣній съ прежними возникали въ его головѣ разныя комбинаціи, формулы цифръ; его вниманіе останавливалось на тѣхъ, которыя казались подходящими къ его дѣлу, соответствующими его потребности найти формулу даннаго явленія; отъ обращенія вниманія на эти комбинаціи, т. е. отъ усиленія энергія въ нервномъ процессѣ при ихъ появленіи, онѣ развивались и разрастались, пока, наконецъ, разными смѣнами и превращеніями ихъ произведенъ былъ результатъ, къ которому стремился нервный процессъ, т. е. найдена была искомая формула. Это явленіе, т. е. сосредоточеніе нервного процесса на удовлетворяющихъ его желанію въ данную минуту комбинаціяхъ ощущеній и представленій, непремѣнно должно происходить, какъ скоро существуютъ комбинаціи ощущеній и представленій, иначе сказать, какъ скоро существуетъ нервный процессъ, который самъ и состоитъ именно въ рядѣ разныхъ комбинацій ощущенія и представленія. Каждое существо, каждое явленіе разрастается, усиливается при появленіи данныхъ, удовлетворяющихъ его потребности, прилѣпляется къ нимъ, питается ими,—а собственно въ этомъ и состоитъ то, что мы назвали выборомъ представленій и ощущеній въ мышленіи, а въ этомъ выборѣ ихъ, въ прилѣпленіи въ нимъ и состоитъ сущность мышленія.

Само собою разумѣется, что когда мы находимъ одинаковость теоретической формулы, посредствомъ которой выражается процессъ, происходившій въ нервной системѣ Ньютона при открытіи закона тяготѣнія, и процессъ того, что происходитъ въ нервной системѣ курицы, отыскивающей овсяныя зерна въ кучѣ сора и пыли, то не надобно забывать, что формула выражаетъ собою только одинаковую сущность процесса, а вовсе не то, чтобы размѣръ процесса былъ одинаковъ, чтобы одинаково было впечатлѣніе, производимое на людей явленіями этого процесса, или чтобы обѣ формы его могли производить одинаковый внѣшній результатъ. Мы говорили, напримѣръ, въ прошлой статьѣ, что хотя трава и дубъ растутъ по одному закону, изъ однихъ элементовъ, но все-таки трава никакъ не можетъ производить такихъ дѣйствій, давать такихъ результатовъ, какъ дубъ: изъ дуба человѣкъ можетъ строить себѣ огромные дома и корабли, а изъ травы можно только маленькой птичкѣ свить свое гнѣздо; или, напримѣръ, въ кучѣ гнилушки происходитъ тотъ же самый процессъ, какъ въ печи громадной паровой машины; но куча гнилушки никого не перевезетъ изъ Москвы въ Петербургъ, а паровикъ со своею печью перевозитъ тысячи людей и десятки тысячъ пудовъ товаровъ. Муха летаетъ тою же самою силою, по тому же самому закону, какъ орелъ; но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она взлетала такъ высоко, какъ орелъ.

Говорятъ, будто бы животныя не разсуждаютъ,—это чистый вздоръ. Вы поднимаете палку на собаку; собака поджимаетъ хвостъ и бѣжитъ отъ васъ; отчего это? Оттого, что у ней въ головѣ построился слѣдующій силлогизмъ: когда меня

бьют палкою, мнѣ бываетъ непріятно; этотъ человѣкъ хочетъ побить меня палкою; итакъ, удалюсь отъ него, чтобы не получить болѣзненнаго ощущенія отъ его палки. Смѣшно и слышать, когда говорятъ, будто собака въ этомъ случаѣ убѣжала только по инстинкту, машинально, а не по разсужденію, не сознательно: нѣтъ, инстинктъ, машинальность есть тутъ, но не все дѣло произошло инстинктивно, машинально: по инстинкту, по машинальной привычкѣ собака поджала хвостъ, когда побѣжала отъ васъ, а побѣжала она по сознательной мысли. Въ дѣйствіяхъ каждаго живаго существа есть сторона безсознательной привычки или безсознательнаго движенія органовъ; но это не мѣшаетъ участію сознательной мысли въ томъ дѣйствіи, которое сопровождается и нѣкоторыми движеніями, происходящими безсознательно. Когда человѣкъ испугается, мускулы его лица безсознательно, инстинктивно принимаютъ выраженіе испуга; но тѣмъ не менѣе происходитъ въ головѣ этого человѣка другая часть явленія, принадлежащая области сознанія: онъ сознаетъ, что онъ испуганъ, онъ сознаетъ, что сдѣлалъ движеніе, выражающее испугъ; отъ этой сознательной стороны факта происходятъ новыя послѣдствія: человѣкъ можетъ быть постыдиться себя за то, что испугался, можетъ быть приметъ мѣры къ оборонѣ отъ испугавшаго предмета, а можетъ быть поспѣшить удалиться отъ него.

Но мы забыли: вѣдь говорятъ, что у животныхъ нѣтъ сознанія, что они не сознаютъ своихъ ощущеній, своихъ мыслей, умозаключеній, а только имѣютъ ихъ. Какимъ образомъ понять это, какимъ образомъ могутъ понимать эти слова сами тѣ люди, которые говорятъ ихъ, всегда было для насъ загадкою. Не сознавать своего ощущенія—скажите, есть ли смыслъ въ этой фразѣ? скажите, какимъ образомъ можно составить себѣ отчетливое представленіе о комбинаціи понятій, которую хочетъ она возбудить? Ощущеніемъ вѣдь именно и называется такое явленіе, которое чувствуется; имѣть безсознательное ощущеніе значило бы имѣть нечувствуемое чувство, значило бы то же самое, что видѣть невидимый предметъ или, по знаменитому выраженію, „слышать молчаніе.“ Есть очень много выраженій совершенно бессмысленныхъ, составленныхъ изъ сочетанія словъ, соответствующихъ неклеящимся между собою понятіямъ; произносить ихъ каждый можетъ, но каждый, кто произноситъ ихъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что или самъ не понимаетъ, что говорить, или хочетъ шарлатанить. Говорятъ, на примѣръ, „невѣсомая жидкость“; но что такое жидкость, какаѣ бы то ни была? Она все-таки тѣло, все-таки нѣчто матеріальное; всякое вещество имѣетъ свойство называемое притяженіемъ или тяготѣніемъ, состоящее въ томъ, что каждая частичка матеріи притягивается къ себѣ другія частицы и сама притягивается ими; на землѣ это свойство обнаруживается вѣсомъ, т. е. тяготѣніемъ къ центру земли; итакъ, всякая жидкость непременно имѣетъ вѣсъ, а „невѣсомая жидкость“ бессмысленное сочетаніе звуковъ, въ родѣ выраженій: синій звукъ, сахарная селитра и т. п. Если въ физикѣ такъ долго употреблялось бессмысленное выраженіе „невѣсомая жидкость“, то не удивительно изобиліе подобныхъ выраженій въ психологіи, которая разработана меньше физики; научный анализъ показываетъ вздорность ихъ, и одна изъ сторонъ развитія науки состоитъ въ томъ, чтобы отбрасывать ихъ.

Еще забавлѣе становится пустая гипотеза объ отсутствіи сознанія въ животныхъ, когда принимаетъ какой-то нелѣпо-возвышенный тонъ, подраздѣляя феноменъ сознанія на два разряда: простое сознаніе и самосознаніе, говоря, что ж -

вотныя имѣют простое сознаніе, а самосознанія не имѣютъ. Тутъ дѣло доходитъ до такой мудрости, съ которою можетъ сравниться лишь слѣдующая дистинція: скрипка издаетъ только синій звукъ, а самосаяго звука издавать не можетъ, его издаетъ віолончель. Кто пойметъ этотъ тонкій выводъ о качествахъ звука скрипки и віолончели, для того будетъ совершенно ясно, что ощущеніе въ животныхъ сопровождается сознаніемъ, но не сопровождается самосознаніемъ, иначе сказать, что животныя имѣютъ ощущеніе о внѣшнихъ предметахъ, но не чувствуютъ, что имѣютъ ощущеніе, иначе сказать, имѣютъ чувства, которыхъ ве чувствуютъ. Послѣ этого слѣдуетъ заключить: вѣроятно животныя ѣдятъ зубами, которыми не ѣдятъ, ходятъ ногами, которыми не ходятъ. Теперь для насъ очевидно существованіе птичьяго молока: птицы имѣютъ молоко, котораго не имѣютъ; такъ какъ онѣ его имѣютъ, то оно существуетъ, а такъ какъ онѣ его не имѣютъ, то простонародная поговорка справедливо полагаетъ, что достать его нигдѣ нельзя. Кто убѣжденъ въ справедливости всѣхъ этихъ столь основательныхъ мнѣній, тому остается только просидѣть Иванову ночь надъ папоротникомъ, и онъ получитъ цвѣтокъ невидимку.

Прикоснемся точнымъ анализомъ къ факту ощущенія, и вся фантазмагорія исчезаетъ отъ перваго прикосновенія. Ощущеніе по самой натурѣ своей непремѣнно предполагаетъ существованіе двухъ элементовъ мысли, свлзанныхъ въ одну мысль: во-первыхъ, тутъ есть внѣшній предметъ, производящій ощущеніе, во-вторыхъ существо, чувствующее, что въ немъ происходитъ ощущеніе; чувствуя свое ощущеніе, оно чувствуетъ извѣстное свое состояніе; а когда чувствуется состояніе какого-нибудь предмета, то, разумѣется, чувствуется и самый предметъ. Напримѣръ, я чувствую боль въ лѣвой рукѣ; вмѣстѣ съ этимъ я чувствую и то, что у меня есть правая рука; вмѣстѣ съ этимъ я чувствую, что существую я, часть котораго составляетъ эта лѣвая рука, и по всей вѣроятности чувствую такъ же, что эта рука болитъ у меня; или я не чувствую, что она болитъ у меня? или, когда я чувствую боль въ рукѣ, то я чувствую, что рука болитъ не у меня, а у какого-нибудь китайца въ Кантонѣ? Не смѣшно ли разсуждать о подобныхъ вещахъ, разсуждать о томъ, солнце ли есть солнце, рука ли есть рука, и о тому подобныхъ мудреныхъ задачахъ?

Чѣмъ отличается Ротшильдъ отъ бѣдняка? тѣмъ ли, что двугривенный въ карманѣ бѣдняка есть простое серебро, а груды серебряной монеты, лежащія въ подвалахъ Ротшильда, вычеканены изъ самосеребра, которое гораздо лучше серебра? Если бы Ротшильдъ былъ человѣкъ не богатый, а только тщеславный, онъ могъ бы придумывать подобные вздоры въ доказательство своего превосходства надъ бѣднякомъ. Но, какъ человѣкъ дѣйствительно богатый, онъ не имѣетъ надобности въ такихъ вздорныхъ фантазіяхъ и прямо говоритъ бѣдняку: мое серебро точно такое же, какъ ваше; но у васъ его одинъ золотникъ, а у меня много тысячъ пудовъ, потому-то, измѣряя богатствомъ право на уваженіе, я нахожу себя заслуживающимъ гораздо большаго уваженія, чѣмъ вы.

Говорятъ также, будто бы у животныхъ нѣтъ тѣхъ чувствъ, которыя называются возвышенными, безнорыстными, идеальными. Надобно ли замѣчать совершенную несообразность такого мнѣнія съ общеизвѣстными фактами? Привязанность собаки вошла въ пословицу; лошадь проникнута честолюбіемъ до того, что когда разгорячится, обгоняя другую лошадь, то уже не нуждается въ хлыстѣ и шпорахъ, а только въ удилахъ: она готова надорвать себя, бѣжать до того, чтобы упасть

замертво, лишь бы обогнать соперницу. Намъ говорятъ, будто бы животныя знаютъ только кровное родство, а не знаютъ родства, основаннаго на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія. Но насѣдка высидѣвшая цыплятъ изъ яицъ, снесенныхъ другою курицею, не имѣетъ съ этими цыплятами никакого кровнаго родства: ни одна частичка изъ ея организма не находится въ составѣ организма этихъ цыплятъ. Однако же мы видимъ, что въ заботливости курицы о цыплятахъ не бываетъ никакого различія отъ того обстоятельства, свои или чужія яйца высидѣла насѣдка. На чемъ же основана ея заботливость о цыплятахъ, высиженныхъ ею изъ яицъ другой курицы? На томъ фактѣ, что она высидѣла ихъ, на томъ фактѣ, что она помогаетъ имъ дѣлаться курами и пѣтухами, хорошими, здоровыми пѣтухами и курами. Она любитъ ихъ, какъ нянька, какъ гувернантка, воспитательница, благодѣтельница ихъ. Она любитъ ихъ потому, что положила въ нихъ часть своего нравственнаго существа—не матеріальнаго существа, нѣтъ, въ нихъ нѣтъ ни частички ея крови,—нѣтъ, въ нихъ она любитъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразумія, своей опытности въ куриныхъ дѣлахъ: это отношеніе чисто нравственное.

Вообще замѣчаютъ, что дѣти, достигшія совершеннолѣтія, гораздо менѣе привязаны къ родителямъ, чѣмъ родители къ дѣтямъ. Главное основаніе этого факта открытъ очень легко: человекъ любитъ прежде всего самъ себя. Родители видятъ въ дѣтяхъ результатъ своихъ заботъ о нихъ, а дѣти ничѣмъ не участвовали въ воспитаніи родителей, не могутъ видѣть въ нихъ результатъ своей дѣятельности. При нынѣшнемъ устройствѣ общества нравственныя отношенія совершеннолѣтнихъ дѣтей къ родителямъ состоятъ почти только въ томъ, чтобы содержать ихъ на старости, да и эту обязанность исполняли бы очень не многія дѣти по собственному влеченію, если бы не принуждались къ ея исполненію тѣмъ чувствомъ повиновенія общественному мнѣнію, которое принуждаетъ ихъ вообще не держать себя неприличнымъ образомъ, не возбуждать своими дѣйствіями общаго негодованія. Въ тѣхъ породахъ животныхъ, которыя не составляютъ обществъ, конечно, нѣтъ и общественныхъ отношеній, вынуждающихъ исполненіе подобнаго дѣла. Мы не знаемъ, какъ проводитъ свое дряхлое время жаворонки, ласточки, кроты и лисицы. Ихъ жизнь такъ необеспечена, что по всей вѣроятности очень не многія изъ этихъ животныхъ доживаютъ до дряхлости: вѣроятно они скоро дѣлаются добычею другихъ животныхъ, когда ослабѣваетъ въ нихъ сила улетать, убѣгать или защищаться. Говорить, что едва ли хотя одна рыба умираетъ естественной смертію, не бываетъ пожрана другими рыбами. То же надобно думать о большей части дикихъ птицъ и млекопитающихъ. Тѣ немногіе индивидуумы, которые доживаютъ до дряхлости, вѣроятно умираютъ отъ голода нѣсколькими часами или днями раньше, чѣмъ могли бы умереть, имѣя подлѣ себя пищу. Но изъ этого забвенія ихъ дѣтей о дряхлыхъ отцахъ и матеряхъ не будемъ выводять слишкомъ рѣзкаго сужденія объ отсутствіи дѣтской привязанности между животными: мы тутъ обязаны быть снисходительными, потому что наше сужденіе объ этомъ предметѣ почти вполнѣ примѣнилось бы и къ людямъ.

Когда говоришь безъ всякаго плана, самъ не отгадаешь, куда приведетъ тебя рѣчь. Вотъ мы видимъ теперь, что договорились до нравственныхъ или возвышенныхъ чувствъ. По вопросу объ этихъ чувствахъ практическіе выводы изъ обыкновеннаго житейскаго опыта совершенно противорѣчили стариннымъ гипотезамъ

приписывавшимъ человѣку множество разныхъ безкорыстныхъ стремленій. Люди видѣли по опыту, что каждый человѣкъ думаетъ все только о себѣ самомъ, заботится о своихъ выгодахъ больше, нежели о чужихъ, почти всегда приноситъ выгоды, честь и жизнь другихъ въ жертву своему разсчету, словомъ сказать, каждый изъ людей видѣлъ, что всѣ люди эгоисты. Въ практическихъ дѣлахъ всѣ разсудительные люди всегда руководились убѣжденіемъ, что эгоизмъ — единственное побужденіе, управляющее дѣйствіями каждаго, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Если бы это мнѣніе, ежедневно подтверждаемое опытомъ каждаго изъ насъ, не имѣло противъ себя довольно большаго числа другихъ житейскихъ фактовъ, оно, конечно, скоро одержало бы верхъ и въ теоріи надъ гипотезами, утверждавшими, что эгоизмъ есть только испорченность сердца, а неиспорченный человѣкъ руководится побужденіями противоположными эгоизму: думаетъ о благѣ другихъ, а не о своемъ, готовъ жертвовать собою для другихъ и т. д. Но вотъ именно въ томъ и состояло затрудненіе, что гипотеза о безкорыстномъ стремленіи человѣка служить чужому благу, опровергаемая сотнями ожедневныхъ опытовъ каждаго, невидимому подтверждалась довольно многочисленными фактами безкорытія, самопожертванія и т. д.: тамъ Курцій бросается въ пропасть, чтобы спасти родной городъ, тутъ Эшпедокль бросается въ кратеръ, чтобы сдѣлать ученое открытіе, тутъ Дамонъ спѣшитъ на казнь, чтобы спасти Писеаса, тутъ поражаетъ себя кинжаломъ Лукреція, чтобы возетановить свою честь. До недавняго времени не было научныхъ средствъ точнымъ образомъ вывести оба эти разряда явленій изъ одного принципа, подвести подъ одинъ законъ факты, противоположные между собою. Камень падаетъ на землю, паръ летитъ вверхъ, и въ старину думали, что законъ тяжести, дѣйствующій въ камнѣ, не дѣйствуетъ надъ паромъ. Теперь извѣстно, что оба эти движенія, происходящія по противоположнымъ направленіямъ, паденіе камня на землю и поднятіе пара вверхъ отъ земли, происходятъ отъ одной причины, по одному закону. Теперь извѣстно, что сила притяженія, вообще стремящая тѣла внизъ, обнаруживается при извѣстныхъ обстоятельствахъ тѣмъ, что заставляетъ нѣкоторыя тѣла подниматься вверхъ. Много разъ мы говорили, что нравственныя науки еще не разработаны съ такой полнотою, какъ естественныя; но и при нынѣшнемъ, вовсе не блистательномъ ихъ состояніи уже разрѣшенъ вопросъ о подведеніи всѣхъ часто разнорѣчащихъ между собою человѣческихъ поступковъ и чувствъ подъ одинъ принципъ, какъ разрѣшены вообще почти всѣ тѣ нравственные и метафизическіе вопросы, въ которыхъ путались люди до начала разработки нравственныхъ наукъ и метафизики по строгому научному методу. Въ побужденіяхъ человѣка, какъ и во всѣхъ сторонахъ его жизни, нѣтъ двухъ различныхъ натуръ, двухъ основныхъ законовъ, различныхъ или противоположныхъ между собою, а все разнообразіе явленій въ сферѣ человѣческихъ побужденій къ дѣйствованію, какъ и во всей человѣческой жизни, происходитъ изъ одной и той же природы, по одному и тому же закону.

Мы не станемъ говорить о тѣхъ дѣйствіяхъ и чувствахъ, которыя всѣми признаются за эгонстическія, своекорыстныя, происходящія изъ личнаго разсчета; обратимъ вниманіе только на тѣ чувства и поступки, которые представляются имѣющими противоположный характеръ: вообще надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіеся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все-таки лежитъ та же мысль о собственной

личной пользы, личною удовольствіи, личною блатъ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ. Очень мало найдется случаевъ, когда эта основа сама не напрашивалась бы на замѣчаніе даже человѣку, не очень привычному въ психологическому анализу. Если мужъ и жена жили между собою хорошо, жена совершенно искренно и очень глубоко печалится о смерти мужа, но только вслушайтесь въ слова, которыми выражается ея печаль: „на кого ты меня покинулъ? что я буду безъ тебя дѣлать? безъ тебя мнѣ тошно жить на свѣтѣ!“ Подчеркните эти слова „меня, я, мнѣ“: въ нихъ смыслъ жалобы, въ нихъ основа печали. Возьмемъ чувство еще гораздо высшее, чистѣйшее, чѣмъ самая высокая супружеская любовь: чувство матери къ ребенку. Ея плачь о его смерти точно таковъ же: „ангелъ мой! Какъ я тебя любила! Какъ я любовалась на тебя, ухаживала за тобою! Сколькихъ страданій, сколькихъ бессонныхъ ночей ты стоилъ мнѣ! Погибла въ тебѣ моя надежда, отнята у меня всякая радость!“ И тутъ опять все то же „я, мое, у меня“. Столь же легко открывается эгоистическая основа въ самой искренней и нѣжной дружбѣ. Не многия затруднительнѣе тѣ случаи, въ которыхъ человѣкъ приноситъ жертву для любимаго предмета: хотя бы онъ жертвовалъ для него самую жизнь, все-таки основаніемъ пожертвованія служитъ личный расчетъ, или страстный порывъ эгоизма. О большей части случаевъ такъ называемаго самопожертвованія не стоитъ говорить, какъ о самопожертвованіи: имъ неприлично это имя. Жители Сагунта перерѣзались, чтобы не отдаться живыми въ руки Анвибала,—геройство, достойное удивленія, но совершенно одобряемое эгоистическимъ расчетомъ: они привыкли жить свободными гражданами, не терпѣтъ никакихъ обидъ, уважать себя и видѣтъ уваженіе отъ другихъ; Кароагенскій полководецъ продалъ бы ихъ въ рабство, ихъ жизнь была бы рядомъ несноснѣйшихъ мученій; они поступили въ томъ же родѣ, какъ дѣлаетъ человѣкъ, вырывающій у себя больной зубъ: они предпочли одну минуту страшной смертельной муки нескончаемымъ годамъ мученій; въ средіе вѣка еретики, сожигаемые медленнымъ огнемъ на кострахъ изъ сыраго лѣса, старались разорвать свои цѣпи, чтобы броситься въ пламя: легче задохнуться въ одну минуту, чѣмъ терпѣтъ задушеніе нѣсколько часовъ. Дѣйствительно, таково было положеніе жителей Сагунта. Мы напрасно предположили, что Аннибалъ удовольствовался бы обращеніемъ ихъ въ рабство: они все равно были бы истреблены если не своими, то Кароагенскими руками, но Кароагеняне стали бы долго мучить ихъ варварскими пытками, и здравый расчетъ ихъ справедливо предпочелъ легкую и быструю смерть медленной и тяжелой. Лукреція закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она также поступила очень расчетливо; что ожидало ее впереди? Мужъ могъ бы наговорить ей много успокоительныхъ и ласковыхъ словъ, но въдъ все подобныя слова чистый вздоръ, свидѣтельствующій о благородствѣ говорящаго ихъ, но нисколько не измѣняющій непремѣнныхъ послѣдствій дѣла. Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя попрежнему; но въ тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращеніи съ нею; но такого рода нѣжность обиднѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ. Лукреція справедливо нашла, что лишиться жизни составляетъ гораздо меньшую непріятность, чѣмъ жить въ положеніи униженномъ по срав-

ненію съ тѣмъ, къ какому она привыкла. Чистоплотный человѣкъ охотнѣе будетъ терпѣть голодъ, чѣмъ прикоснется къ пищѣ, оскверненной какою-нибудь гадостью; для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія.

Читатель понимаетъ, что мы говоримъ все это вовсе не къ уменьшенію великой похвалы, какой достойны жители Сагунта и Лукреція: доказывать, что геройскій поступокъ былъ вмѣстѣ умнымъ поступкомъ, что благородное дѣло не было безразсуднымъ дѣломъ, вовсе еще не значить, по нашему мнѣнію, отнимать цѣну у героизма и благородства. Отъ этихъ геройскихъ дѣлъ перейдемъ къ образу дѣйствій болѣе обыкновенному, хотя все еще слишкомъ рѣдкому, разберемъ такіе случаи, какъ преданность человѣка, отказывающагося отъ всякихъ удовольствій, отъ всякой свободы въ распоряженіи своимъ временемъ для того, чтобы ухаживать за другимъ человѣкомъ, нуждающимся въ его заботливости. Другъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больного друга, дѣлаетъ пожертвованіе гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ если бы отдавалъ ему всѣ свои деньги. Но почему онъ приноситъ такую великую жертву и въ пользу какого чувства онъ приноситъ ее? Онъ приноситъ свое время, свою свободу въ жертву своему чувству дружбы, — замѣтнѣе же, *своему* чувству; оно развилось въ немъ такъ сильно, что, удовлетворяя его, онъ получаетъ большую пріятность, чѣмъ получилъ бы отъ всякихъ другихъ удовольствій и отъ самой свободы; а нарушая его, оставляя безъ удовлетворенія, чувствовалъ бы больше непріятности, чѣмъ сколько получаетъ отъ стѣсненія себя во всѣхъ другихъ потребностяхъ. Точно таквы же случаи, когда человѣкъ отказывается отъ всякихъ наслажденій и выгодъ для служенія наукѣ или какому-нибудь убѣжденію. Ньютонъ и Лейбницъ, отказавшіе себѣ во всякой любви къ женщинѣ, чтобы нераздѣльно отдать все свое время, всѣ свои мысли ученымъ изслѣдованіямъ, конечно совершали всю свою жизнь очень высокій подвигъ. Точно то же надобно сказать о политическихъ дѣятеляхъ, называемыхъ обыкновенно фанатиками. Тутъ опять мы видимъ, что извѣстная потребность развилась въ человѣкѣ такъ сильно, что удовлетворять ей пріятно для него даже съ пожертвованіемъ другими очень сильными потребностями. По своему предмету эти случаи очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ фактовъ разчета, въ которыхъ человѣкъ жертвуетъ очень большою суммою денегъ для удовлетворенія какой-нибудь низкой страсти, но по теоретической формулѣ всѣ они подходятъ подъ одинъ законъ: сильнѣйшая страсть беретъ верхъ надъ влеченіями менѣе сильными и приноситъ ихъ въ жертву себѣ.

При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится разчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія болѣе большой выгоды, болѣе большого удовольствія. Ковечно, этою одинаковостью причины, изъ которой происходитъ дурныя и хорошія дѣла, вовсе не уменьшается разница между ними: мы знаемъ, что алмазь и уголь — все одинъ и тотъ же чистый углеродъ, но тѣмъ не менѣе алмазь есть алмазь, вещь чрезвычайно драгоценная, а уголь все-таки уголь, вещь очень малоцѣнная. Великая разница между добрымъ и злымъ заслуживаетъ иолнаго нашего вниманія. Мы начнемъ съ анализа этихъ понятій, чтобы увидѣть, какими обстоятельствами развивается или ослабляется добро въ человѣческой жизни.

Очень давно было замѣчено, что различные люди въ одномъ обществѣ называютъ добрымъ, хорошимъ, вещи совершенно различныя, даже противоположныя. Если, напримѣръ, кто-нибудь отказываетъ свое наслѣдство постороннимъ людямъ, эти люди находятъ его поступокъ добрымъ, а родственники, потерявшіе наслѣдство, очень дурнымъ. Такал же разница между понятіями о добрѣ въ разныхъ обществахъ и въ разныя эпохи въ одномъ обществѣ. Изъ этого очень долго выводилось заключеніе, что понятіе добра не имѣетъ въ себѣ ничего постоянного, самостоятельнаго, подлежащаго общему опредѣленію, а есть понятіе чисто условное, зависящее отъ мнѣній, отъ произвола людей. Но точнѣе всматриваясь въ отношенія поступковъ, называемыхъ добрыми, къ тѣмъ людямъ, которые даютъ имъ такое названіе, мы находимъ, что всегда есть въ этомъ отношеніи одна общая, непремѣнная черта, отъ которой и происходитъ причисленіе поступка къ разряду добрыхъ. Почему посторонніе люди, получившіе наслѣдство, называютъ добрымъ дѣломъ актъ, давшій имъ это имущество? Потому, что этотъ актъ былъ для нихъ полезенъ. Напротивъ, онъ былъ вреденъ родственникамъ завѣщателя, лишениымъ наслѣдства, потому они называютъ его дурнымъ дѣломъ. Война противъ невѣрныхъ для распространенія мусульманства казалась добрымъ дѣломъ для магометанъ, потому что приносила имъ пользу, давала имъ добычу; въ особенности поддерживали между ними это мнѣшіе духовные сановники, власть которыхъ расширялась отъ завоеваній. Отдѣльный человекъ называетъ добрыми поступками тѣ дѣла другихъ людей, которыя полезны для него; въ мнѣніи общества добромъ признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членовъ; наконецъ, люди вообще безъ различія націй и сословій называютъ добромъ то, что полезно для человека вообще. Очень часты случаи, въ которыхъ интересы разныхъ націй и сословій противоположны между собою или съ общими человѣческими интересами; столь же часты случаи, въ которыхъ выгоды какого-нибудь отдѣльнаго сословія противоположны національному интересу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возникаетъ споръ о характерѣ поступка, учрежденія или отношенія, выгоднаго для однихъ, вреднаго для другихъ интересовъ: приверженцы той стороны, для которой онъ вреденъ, называютъ его дурнымъ, злымъ; защитники интересовъ, получающихъ отъ него пользу, называютъ его хорошимъ, добрымъ. На чьей сторонѣ бываетъ въ такихъ случаяхъ теоретическая справедливость, рѣшить очень не трудно: общечеловѣческой интересъ стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи, общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія, интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго. Въ теоріи эта градація не подлежитъ никакому сомнѣнію, она составляетъ только примѣненіе геометрическихъ аксіомъ, „цѣлое больше своей части“, „большее количество больше меньшаго количества“, къ общественнымъ вопросамъ. Теоретическая ложь непремѣнно ведетъ къ практическому вреду; тѣ случаи, въ которыхъ отдѣльная нація попираетъ для своей выгоды общечеловѣческіе интересы, или отдѣльное сословіе интересы цѣлоу націи, всегда оказываются въ результатѣ вредными не только для стороны, интересъ которой были нарушены, но и для той стороны, которая думала доставитъ себѣ выгоду ихъ нарушеніемъ: всегда оказывается, что нація губитъ сама себя порабошяя человѣчество, что отдѣльное сословіе приводитъ себя къ дурному концу принося въ жертву себѣ цѣлый народъ. Изъ этого мы видимъ, что при столкновеніяхъ національнаго интереса съ сословнымъ, сословіе, думающее извлечь поль-

себѣ изъ народнаго вреда, съ самаго начала ошибается, ослѣпляется фальшивымъ разсчетомъ. Иллюзія, которою оно увлекается, имѣетъ иногда видъ очень основательнаго разсчета: но мы приведемъ два или три случая этого рода, чтобы показать, какъ ошибоченъ бываетъ такой разсчетъ. Мануфактуристы думаютъ, что запретительный тарифъ выгоденъ для нихъ; но въ результатѣ оказывается, что при запретительномъ тарифѣ нація остается бѣдна и по своей бѣдности не можетъ содержать мануфактурную промышленность обширнаго размѣра; такимъ образомъ самое сословіе мануфактуристовъ остается далеко не столь богато, какъ бываетъ при свободной торговлѣ: всѣ фабриканты всѣхъ государствъ съ запретительнымъ тарифомъ, вмѣстѣ взятые, конечно, не имѣютъ и половины того богатства, какое приобрѣли фабриканты Манчестера. Землевладѣльцы вообще думаютъ имѣть выгоду отъ невольничества и другихъ видовъ обязательнаго труда; но въ результатѣ оказывается, что землевладѣльческое сословіе всѣхъ государствъ, имѣющихъ несвободный трудъ, находится въ раззоренномъ положеніи. Мы привели такіе случаи, въ которыхъ разсчетъ отдѣльнаго сословія вредитъ для своей выгоды общему національному интересу имѣетъ невидимому чрезвычайно твердое основаніе; но и тутъ результатъ показываетъ, что основаніе только казалось твердымъ, а въ сущности было невѣрно; что сословіе, вредившее народу, само обманывалось относительно своихъ выгодъ. Это не можетъ и быть иначе: французскій или австрійскій мануфактуристъ все-таки французъ или житель Австріи, и все то, что вредно для государства, къ которому онъ принадлежитъ, сила котораго служить опорой его силы, богатство котораго служить опорой его богатства, — все это послужитъ во вредъ и ему самому, изсушая источники его силы и богатства. Точно то же надобно сказать о случаяхъ противоположности между интересами отдѣльной націи и общимъ человѣческимъ благомъ: и тутъ всегда оказывается, что совершенно ошибоченъ былъ разсчетъ націи, думавшей извлечь себѣ пользу изъ нанесенія вреда человѣчеству. Завоевательные народы всегда кончали тѣмъ, что истреблялись и поработалие сами. Монголы Чингисхана жили въ своихъ степяхъ такими бѣдными дикарями, что повидимому трудно было имъ прійти въ положеніе худшее прежняго; но какъ ни дурно было состояніе дикихъ ордъ, пошедшихъ на завоеваніе земледѣльческихъ государствъ южной и западной Азіи и восточной Европы, а все-таки вскорѣ по совершеніи завоеванія эти несчастные люди, надѣлавшіе столько вреда другимъ для своего обогащенія, подверглись судьбѣ болѣе плачевной, чѣмъ даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести ихъ соотечественники, оставшіеся въ своихъ родныхъ степяхъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончили татары Золотой орды: конечно, пѣлая половина ихъ погибла при завоеваніи Россіи и при неудачныхъ нашествіяхъ на Литву и Моравію; остальная половина, сначала награбившая себѣ много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими. Ученые доказываютъ, что изъ нынѣшнихъ крымскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ татаръ едва-ли есгь хоть одинъ человѣкъ, происходящій отъ воиновъ Батя, что нынѣшніе татары, потомки прежнихъ племенъ, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ до Батя и покоренныхъ Батемъ, какъ были покорены руссіе; и что пришельцы-завоеватели всѣ исчезли, всѣ были истреблены ожесточеніемъ поработенныхъ. Германцы при Тацитѣ жили немногимъ лучше монголовъ до Чингисхана; но и они мало выиграли отъ завоеванія римской имперіи. Остъ-готы, лангобарды, герулы, вавдалы — всѣ погибли до послѣдняго человѣка. Отъ вестъ-готовъ осталось имя, но только имя; франковъ не успѣли

перерѣзать порабощенныя ими пленена только потому, что франки перерѣзались сами при Меровингахъ. Испанцы, опустошивъ Европу при Карлѣ V и Филиппѣ II, сами раззорились, впади въ рабство и наполовину вымерли отъ голода. Французы, опустошивъ Европу при Наполеонѣ I, сами подверглись завоеванію и раззоренію въ 1814 и 1815 годахъ.

Все это мы говорили къ тому, чтобы *показать*, что понятіе добра вовсе не расшатывается, а напротивъ укрѣпляется, опредѣляется самымъ рѣзкимъ и точнымъ образомъ, когда мы открываемъ его истинную натуру, когда мы находимъ, что добро есть польза. Только при этомъ понятіи о немъ мы въ состояніи разрѣшить всѣ затрудненія, возникающія изъ разнорѣчія разныхъ эпохъ и цивилизацій, разныхъ сословій и народовъ о томъ, что добро, что зло. Наука говоритъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, о человѣкѣ, а не о французѣ или англичанинѣ, не купцѣ или бюрократѣ. Только то, что составляетъ натуру человѣка, признается въ наукѣ за истину; только то, что полезно для человѣка вообще, признается за истинное добро; всякое уклоненіе понятій извѣстнаго народа или сословія отъ этой нормы составляетъ ошибку, галлюцинацію, которая можетъ надѣлать много вреда другимъ людямъ, но больше всѣхъ надѣлаетъ вреда тому народу, тому сословію, которое подверглось ей, занявъ по своей или чужой винѣ такое положеніе среди другихъ народовъ, среди другихъ сословій, что стало казаться выгоднымъ ему то, что вредно для человѣка вообще. „Погибоша аки Обре — эти слова повторяетъ исторія надъ каждымъ народомъ, надъ каждымъ сословіемъ, впадшимъ въ гибельную для такихъ людей галлюцинацію о противоположности своихъ выгодъ съ общечеловѣческимъ интересомъ.

Если есть какая нибудь разница между добромъ и пользою, она заключается развѣ лишь въ томъ, что понятіе добра очень сильнымъ образомъ выставляетъ черту постоянства, прочности, плодотворности, изобилія хорошими, долговременными и многочисленными результатами, которая, впрочемъ, находится и въ понятіи пользы, именно этою чертою отличающемся отъ понятій удовольствія, наслажденія. Цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій состоитъ въ полученіи наслажденій. Но источники, изъ которыхъ получаютъ нами наслажденія, бываютъ двухъ родовъ: къ одному роду принадлежать мимолетныя обстоятельства, не зависящія отъ насъ, или, если и зависящія, то проходящія безъ всякаго прочнаго результата; къ другому роду относятся факты и состоянія, находящіяся въ насъ самихъ прочнымъ образомъ или внѣ насъ, но постоянно при насъ долгое время. День хорошей погоды въ Петербургѣ — источникъ безчисленныхъ облегченій въ жизни, безчисленныхъ пріятныхъ ощущеній для жителей Петербурга; но этотъ день хорошей погоды — явленіе мимолетное, лишнее всякаго основанія и не оставляющее никакого прочнаго результата въ жизни петербургскаго населенія. Нельзя сказать, чтобы этотъ день составлялъ пользу, онъ составляетъ только удовольствіе. Полезнымъ явленіемъ бываетъ хорошая погода въ Петербургѣ только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ и только для тѣхъ немногихъ людей, когда она довольно продолжительна и когда, благодаря этой продолжительности, успѣетъ прочнымъ образомъ поправиться здоровье нѣсколькихъ больныхъ. Но тотъ, кто переселяется изъ Петербурга въ хорошей климатъ, получаетъ себѣ пользу въ отношеніи здоровья, въ отношеніи наслажденія природой, потому что этимъ переселеніемъ онъ приобретаетъ себѣ прочный источникъ долговременныхъ наслажденій. Если человѣкъ по-

лучилъ приглашеніе на хорошій обѣдъ, онъ получаетъ только удовольствіе, а не пользу въ этомъ приглашеніи (разумѣется, и удовольствіе только въ томъ случаѣ, когда онъ находитъ наслажденіе въ гастрономіи). Но если этотъ человѣкъ, имѣющій гастрономическія наклонности, получаетъ большую сумму денегъ, онъ получаетъ пользу, то есть долговременную возможность пользоваться наслажденіемъ хорошихъ обѣдовъ. Итакъ, полезными вещами называются, такъ сказать, прочные принципы наслажденій. Если бы при употребленіи слова „польза“ всегда твердо помѣталась эта коренная черта понятія, не было бы рѣшительно никакой разницы между пользою и добромъ; но, во-первыхъ, слово „польза“ употребляется иногда легкомысленнымъ, такъ сказать, образомъ о принципахъ удовольствія, правда не совершенно мимолетныхъ, но и не очень прочныхъ, а во-вторыхъ, можно эти прочные принципы наслажденій раздѣлить по степени ихъ прочности опять на два разряда: не очень прочные и очень прочные. Этотъ послѣдній разрядъ собственно и обозначается названіемъ добра. Добро, это какъ будто превосходная степень пользы, это какъ будто очень полезная польза. Докторъ возстановилъ здоровье человѣка, страдавшаго хроническою болѣзью, — что онъ принесъ ему, добро или пользу? Одинаково удобно тутъ употребить оба слова, потому что онъ далъ ему самый прочный принципъ наслажденій. Наша мысль находится въ настроеніи безпрестанно вспоминать о внѣшней природѣ, которая будто бы одна подлежитъ вѣдомству естественныхъ наукъ, составляющихъ будто бы только одну часть нашихъ знаній, а не обнимающихъ собою всей ихъ совокупности. Кромѣ того, мы замѣтили, что эти статьи свидѣтельствуютъ о чрезвычайной сухости нашего сердца, о пошлости и низости нашей души, во всемъ ищущей только пользы, все оскверняющей отысканіемъ матеріальныхъ основаній, непонимающей ничего высокаго, лишенной всякаго поэтическаго чувства. Намъ хочется замаскировать этотъ постыдный недостатокъ поэтичности въ вашей душѣ. Мы ищемъ чего-нибудь поэтическаго для украшенія нашей статьи; подъ влияніемъ мысли о важности естественныхъ наукъ, отправляемся искать поэзіи въ область матеріальной природы и находимъ въ ней цвѣты. Украсимъ же одну изъ нашихъ сухихъ страницъ поэтическимъ сравненіемъ. Цвѣты, эти прекрасные источники благоуханія, эти столь быстро увядающія очарованія нашего глаза — это удовольствія, наслажденія; растеніе, производящее ихъ — это польза; на одномъ растеніи много цвѣтовъ, увядаютъ одни, распускаются на мѣсто ихъ другіе; такъ полезною вещью называется то, изъ чего вырастаетъ много цвѣтовъ. Но есть одволѣтнія цвѣтушія растенія; и есть также розовыя деревья, алеандры, живущія очень много лѣтъ и каждый годъ снова дающія много цвѣтовъ — вотъ такъ добро превосходитъ своею долговѣчностью другіе источники наслажденій, которые называются просто полезными вещами, но не удостоиваются имени добра, какъ фіалки не удостоиваются имени деревьевъ: онѣ предметы того же разряда вещей, во все еще не такъ велики и долговѣчны.

Изъ того, что добромъ называются очень прочные источники долговременныхъ, постоянныхъ, очень многочисленныхъ наслажденій, сама собою объясняется важность, приписываемая добру всеми разсудительными людьми, говорившими о человѣческихъ дѣлахъ. Если мы думаемъ, что „добро выше пользы“, мы скажемъ только: „очень большая польза выше не очень большой пользы“, — мы скажемъ только математическую истину, въ родѣ того, что 100 больше 2, что на алеандрѣ бываетъ больше цвѣтовъ, чѣмъ на фіалкѣ. Читатель видитъ, что методъ анализа

нравственныхъ понятій въ духѣ естественныхъ наукъ, отнимая у предмета всякую напыщенность, переводя его въ область явленій очень простыхъ, натуральныхъ, даетъ нравственнымъ понятіямъ основаніе самое непоколебимое. Если полезнымъ называется то, что служитъ источникомъ множества наслажденій, а добрымъ просто то, что очень полезно, тутъ уже не остается ровно никакихъ сомнѣній относительно цѣли, которая предписывается человѣку, — не какими нибудь посторонними соображеніями или внушеніями, не какими нибудь проблематическими предположеніями, таинственными отношеніями къ чему-нибудь еще очень невѣрному, — нѣтъ, предписывается просто разсудкомъ, здравымъ смысломъ, потребностью наслажденія: эта цѣль — добро. Разсудливы только добрые поступки; разсудителенъ только тотъ, кто добръ и ровно настолько, насколько добръ. Когда человѣкъ не добръ, онъ просто нерасчетливый мотъ, тратящій тысячу рублей на покупку грошовой вещи, тратящій на полученіе малаго наслажденія нравственныя и матеріальныя силы, которыхъ достало бы ему на пріобрѣтеніе несравненно большаго наслажденія.

Но въ томъ же понятіи о добрѣ, какъ объ очень прочной пользѣ, мы находимъ еще другую важную черту, помогающую намъ открыть, въ какихъ именно явленіяхъ и поступкахъ главнѣйшимъ образомъ состоитъ добро. Внѣшніе предметы, какъ бы тѣсно ни были привязаны къ человѣку, все-таки слишкомъ часто разлучаются съ нимъ: то человѣкъ разстается съ ними, то они измѣняютъ человѣку. Родина, родство, богатство, все можетъ быть покинуто человѣкомъ или покинуть его; отъ одного никакъ не можетъ онъ отдѣлаться, пока остается живъ. одно существо неразлучно съ нимъ, — это онъ самъ. Если человѣкъ полезенъ другимъ людямъ по своему богатству, онъ можетъ перестать быть полезенъ, лишившись богатства; но если онъ полезенъ людямъ по качествамъ своего собственаго организма, по своимъ душевнымъ качествамъ, какъ обыкновенно говорится, то онъ можетъ развѣ только зарѣзать себя, но пока не зарѣжетъ, не можетъ перестать дѣлать пользу людямъ, — не дѣлать ея выше его силъ, не въ его власти. Онъ можетъ сказать себѣ: буду золь, буду вредить людямъ; но исполнить этого онъ уже не можетъ, какъ умный не можетъ не быть умнымъ, еелибъ и не желалъ. Не только по постоянству и долговѣчности, но и по обширности результатовъ добро, привносимое качествами самого человѣка, гораздо значительнѣе добра, дѣлаемаго человѣкомъ только по обладанію внѣшними предметами. Доброе или дурное употребленіе внѣшнихъ предметовъ случайно; всякія матеріальныя средства также легко и часто бываютъ обращаемы на вредъ людямъ, какъ и на пользу имъ. Богатый человѣкъ, принося своимъ богатствомъ выгоду нѣкоторымъ людямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредитъ другимъ или даже и тѣмъ же самымъ людямъ въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, богатый человѣкъ можетъ дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ, развить въ нихъ здоровье, умъ, дать имъ множество знаній; это вещи полезныя для нихъ; но будутъ ли онѣ сдѣланы или нѣтъ, это еще неизвѣстно, и часто этого не бываетъ, а напротивъ, дѣти богача получаютъ такое воспитаніе, что дѣлаются отъ него людьми хилыми, болѣзненными, слабоумными, пустыми, жалкими. Дѣти богача вообще пріобрѣтаютъ привычки и понятія невыгодныя для нихъ самихъ. Если таково вліяніе богатства на людей, счастіемъ которыхъ наиболѣе дорожитъ богачъ, то, конечно, оно еще замѣтнѣе приноситъ вредъ другимъ людямъ, не столь близкимъ сердцу богача... Но если возможно пѣкоторо сомнѣніе относительно того, равняется ли вредное вліяніе богатства на этихъ

отдѣльныхъ людей пользѣ, получаемой ими отъ него, то можно спорить о томъ фантѣ, что въ дѣйстви богатства отдѣльныхъ людей на цѣлое общество вредныя стороны гораздо сильнѣе полезныхъ. Это съ математическою достовѣрностью обнаруживается тою частью нравственныхъ знаній, которая раньше другихъ стала разрабатываться по точной научной системѣ и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своихъ разработана уже довольно хорошо наукою о законахъ общественнаго матеріальнаго благосостоянія или обыкновенно такъ называемою политическою экономіею. Итакъ, дѣйствительныиъ источникомъ совершенно прочной пользы для людей отъ дѣствий другихъ людей остаются только тѣ полезныя качества, которыя лежатъ въ самомъ человѣческомъ организмѣ; потому собственно этимъ качествамъ и усвоено названіе добрыхъ, потому и слово „добрый“ настоящимъ образомъ прилагается только къ человѣку. Въ его дѣствіяхъ осяваніемъ бываетъ чувство или сердце, а непосредственнымъ источникомъ ихъ служитъ та сторона органической дѣятельности, которая называется волею; потому, говоря о добрѣ, надобно спеціальноиъ образомъ разобрать законы, по которымъ дѣствуютъ сердце и воля. Но способности къ исполненію чувствъ сердца даются волѣ представленіями ума и потому надобно такъ же обратить вниманіе на ту сторону мышленія, которая относится къ способамъ имѣть вліаніе на судьбу другихъ людей. Не объщая ничего навѣрное, мы скажемъ только, что намъ хотѣлось бы изложить точныя понятія нынѣшней науки объ этихъ предметахъ. Очень можетъ быть, что намъ и удастся сдѣлать это.

Но мы едва не забыли, что до сихъ поръ остается не объяснено слово антропологическій въ заглавіи нашихъ статей; что это за вещь, „антропологическій принципъ въ нравственныхъ наукахъ?“ Что за вещь этотъ принципъ, читатель видѣлъ изъ характера самыхъ статей: принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что на человѣка надобно смотрѣть какъ на одно существо, имѣющее только одну натуру, чтобы не разрѣзывать человѣческую жизнь на разныя половины, принадлежащія разнымъ натурамъ, чтобы разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка, какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или если она оказывается спеціальнымъ отправленіемъ какого нибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ. Кажется, это требованіе очень простое, а между тѣмъ только въ послѣднее время стали понимать всю его важность и исполнять его мыслители, занимающіеся нравственными науками, да и то далеко не всѣ, а только нѣкоторые, очень не многіе изъ нихъ, между тѣмъ какъ большинство сословія ученыхъ, всегда держащееся рутинны, какъ большинство всякаго сословія, продолжаетъ работать по прежнему фантастическому способу ненатуральнаго дробленія человѣка на разныя половины, происходящія изъ разныхъ натуръ. За то и всѣ труды этого рутиннаго большинства оказываются теперь такимъ же хламомъ, какимъ оказались труды Эмина и Елагина по русской исторіи, Чуллова по собиранію народныхъ пѣсенъ, или въ наше время труды гг. Погодина и Шевырева: кое-что похожее на правду попадаетъ и въ нихъ,—вѣдь г. Погодинъ совершенно справедливо говоритъ, что Ярославъ былъ князь Кіевскій, а не Краковскій, что Ольга приняла въ Константинополѣ православіе, а не лютеранство, что Алексѣй Петровичъ былъ сынъ Петра Великаго; вѣдь г. Шевыревъ справедливо замѣтилъ, что русскій народъ употребляетъ скудную и неудобоваримую пищу, что между ямщиками попадаютъ красивые парни, и отыскалъ въ паисіевскомъ сборникѣ довольно любопытное свидѣтель-

ство о русскомъ язычествѣ. Но всё эти прекрасныя и совершенно вѣрныя вещи засыпаны въ книгахъ ученой четы покойнаго Москвитянина такимъ множественъ вздорныхъ мѣтнѣй, что отдѣлать въ нихъ правду отъ пустяковъ — трудъ столь же тяжелый, какъ отыскивать годныя на выдѣлку бумаги тряпки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изслѣдуются зоркими глазами и ловкимъ крючкомъ ветошниковъ; потому люди обыкновенные поступить лучше всего, если совершенно откажутся отъ столь неприятнаго дѣла, предоставляя его привычнымъ къ нему труженникамъ; но труженики эти, специалисты идущіе въ уровень съ понятіями нынѣшней науки, находятъ, что въ книгахъ подобныхъ сочинешіямъ гг. нами названныхъ и ихъ предшественниковъ даже и ученаго тряпья отыскивается слишкомъ мало, такъ что чтение ихъ составляетъ совершенную трату времени, ведущую только къ засоренію головы. Вотъ то же самое надобно сказать почти о всѣхъ прежнихъ теоріяхъ нравственнаго науки. Пренебреженіе къ антропологическому принципу отнимаетъ у нихъ всякое достоинство; исключеніемъ служатъ творенія очень немногихъ прежнихъ мыслителей, слѣдовавшихъ антропологическому принципу, хотя еще и не употреблявшихъ этого термина для характеристики своихъ воззрѣній на человѣка: таковы, напримѣръ, Аристотель и Спиноза.

Что касается до самаго состава слова „антропология“, оно взято отъ слова *anthropos*, человѣкъ, — читатель, конечно, и безъ насъ это знаетъ. Антропология, это такая наука, которая о какой бы части жизненнаго человѣческаго процесса ни говорила, всегда помнитъ, что весь этотъ процессъ и каждая часть его происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, что этотъ организмъ служитъ матеріаломъ, производящимъ разсматриваемыя ею феномены, что качества феноменовъ обуславливаются свойствами матеріала, а законы, по которымъ возникаютъ феномены, есть только особенные частные случаи дѣйствія законовъ природы. Естественныя науки еще не дошли до того, чтобы подвести всѣ эти законы подъ одинъ общій законъ, соединить всѣ частныя формулы въ одну всеобъемлющую формулу; что дѣлать, намъ говорятъ, что и сама математика еще не успѣла довести нѣкоторыхъ своихъ частей до такого совершенства: мы слышали, что еще не отыскана общая формула интегрированья, какъ найдена общая формула умноженія или возвышенія въ степень. Отъ этого, конечно, затрудняются ученые изслѣдованія: мы слышали, будто бы математикъ очень быстро совершаетъ всѣ части своего дѣла, но какъ дойдетъ до интегрированья, ему приходится сидѣть цѣлыя недѣли и мѣсяцы надъ дѣломъ, которое можно было бы исполнить въ два часа, если бы уже найдена была общая формула интегрированья. Такъ еще больше въ нравственныхъ наукахъ. До сихъ поръ найдены только частныя законы для отдѣльныхъ разрядовъ явленій: законъ тяготѣнія, законъ химическаго сродства, законъ разложенія и смѣшенія цвѣтовъ, законъ дѣйствій теплоты, электричества; подъ одинъ законъ мы еще не умѣемъ ихъ подвести точнымъ образомъ, хотя существуютъ очень сильныя основанія думать, что всѣ другіе законы составляютъ нѣсколько особенныя видоизмѣненія закона тяготѣнія. Отъ этого нашего неумѣнья подвести всѣ частныя законы подъ одинъ общій законъ чрезвычайно затрудняется и затягивается всякое изслѣдованіе въ естественныхъ наукахъ: изслѣдователь идетъ ощупью, наугадъ, у него нѣтъ компаса, онъ принужденъ руководиться не столь вѣрными способами къ отысканію настоящаго пути, теряетъ много времени въ напрасныхъ уклонешіяхъ по окольнымъ дорогамъ на то, чтобы вернуться съ нихъ къ своей исходной точкѣ, когда видитъ, что онѣ

не ведутъ ни къ чему, и чтобы снова отыскивать новый путь; еще больше теряется времени въ томъ, чтобы убѣдить другихъ въ дѣйствительной непригодности путей оказавшихся непригодными, въ вѣрности и удобствѣ пути, оказавшагося вѣрнымъ. Такъ въ естественныхъ наукахъ, точно такъ же и въ нравственныхъ. Но какъ въ естественныхъ, такъ и въ нравственныхъ этими затрудненіями только затягивается отыскиваніе истины и распространеніе убѣжденности въ ней когда она найдена; а когда найдена она, то все-таки очевидна ея достовѣрность, только приобрѣтеніе этой достовѣрности стоило гораздо большаго труда, чѣмъ будутъ стоять такіе же открытія нашимъ потомкамъ при лучшемъ развитіи наукъ, и какъ бы медленно ни распространялась между людьми убѣжденность въ истинахъ отъ нынѣшней малой приготовленности людей любить истину, т. е. цѣнить пользу ея и сознавать непремѣнную вредность всякой лжи, истина все-таки распространяется между людьми, потому что, какъ ни думай они о ней, какъ ни бойся они ея, какъ ни любя они ложь, все-таки истина соотвѣтствуетъ ихъ надобностямъ, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, то будетъ принято людьми, какъ бы ни ошибались они отъ принятія того, что налагается на нихъ необходимостью вещей. Станутъ ли когда нибудь хорошими хозяевами русскіе сельскіе хозяева, до сихъ поръ бывшіе плохими хозяевами? Разумѣется, станутъ; эта увѣренность основана не на какихъ нибудь трансцендентальныхъ гипотезахъ о качествахъ русскаго чело-вѣка, не на высокомъ понятіи о его національныхъ качествахъ, о его превосходствѣ надъ другими по уму или трудолюбію или ловкости, а просто на томъ, что настаетъ надобность русскимъ сельскимъ хозяевамъ вести свои дѣла умнѣе и расчетливѣе прежняго. Отъ надобности не уйдешь, не отвертись. Такъ не уйдетъ чело-вѣкъ и отъ истины, потому что по нынѣшнему положенію чело-вѣческихъ дѣлъ оказы-вается съ каждымъ годомъ все сильнѣйшая и неотступнѣйшая надобность въ ней.

ЗАМѢЧАНІЕ НА „ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО Г. ПОГОДИНУ“ Г. КОСТОМАРОВА.

Г. Погодинъ, заговоривъ о разныхъ предшествовавшихъ диспуту его съ г. Костомаровымъ переговорахъ и объясненіяхъ, даетъ и другимъ лицамъ полное право разсказать публикѣ, что они тогда говорили. Я хочу принести свою лепту въ сокровищницу воспоминаній объ этомъ достопамятномъ своею странностью явленіи.

Г. Костомаровъ долженъ теперь видѣть справедливость того мнѣнія объ ученыхъ трудахъ и приемахъ г. Погодина, которое я ему выражалъ на словахъ во время совѣщаній о предполагаемомъ диспутѣ и еще раньше того при разныхъ случаяхъ, которое отчасти выразилось печатно въ статьѣ „Современника“ о VІІ томѣ „Лекцій“ и т. д. г. Погодина, — статьѣ, написанной, впрочемъ, не мною, — и съ которымъ г. Костомаровъ имѣлъ ошибку не соглашаться. Надѣмся, теперь онъ не имѣетъ возможности оспаривать это мнѣніе. Вотъ оно:

Ученые труды г. Погодина не имѣютъ ровно никакого ученаго значенія, а между тѣмъ г. Погодинъ очень долго пользовался репутаціею человѣка, оказавшаго важныя услуги русской исторіи, — такъ долго пользовался этою репутаціею, что самъ сталъ, наконецъ, вѣрить, будто она по справедливости заслужена имъ. Когда человѣкъ, не имѣющій заслугъ, считаетъ себя имѣющимъ заслуги, онъ становится несносенъ тщеславіемъ и наглостью. Человѣкъ тщеславный и наглый бываетъ неразборчивъ на средства. Г. Погодинъ обнаружилъ это свойство въ своихъ будто ученыхъ возраженіяхъ гг. Соловьеву и Кавелину, возраженіяхъ, наполненныхъ бранными выраженіями и высокоумѣнными назиданіями людямъ, уже и тогда далеко превосходившимъ его ученостью и учеными заслугами. Кромѣ высокоумѣрныхъ и бранныхъ назиданій, его статьи противъ гг. Кавелина и Соловьева имѣли нѣкоторыя черты, встрѣчаемыя въ особенномъ родѣ литературы, въ которомъ столь усердно упражнялся встарину Булгаринъ, а въ недавнее время г. Ксенофонъ Полевой, и къ которому вообще былъ наклоненъ „Москвитянинъ“ подъ редакціею господина Погодина въ союзѣ съ господиномъ Шевыревымъ: тутъ были намеки на либерализмъ, на недостатокъ патріотизма, на неуваженіе къ тому, что должно уважать хорошій гражданинъ, и т. д. Кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ г. Погодинъ занимался публицистикомъ. Онъ описывалъ разныя московскія торжества, изображалъ добродѣтели разныхъ важныхъ московскихъ и другихъ російскихъ сановниковъ и г. Кокорева. Этою публицистикомъ пріобрѣлъ онъ извѣстность совершенно особеннаго рода, вовсе незавидную. Приемы, составлявшіе увеселеніе читателей въ его публицистическихъ статьяхъ, онъ переносилъ также въ свои учены

труды, такъ что и они многими своими страницами пробуждали веселое чувство въ немногихъ читавшихъ ученныя сочиненія г. Погодина. Словомъ сказать, г. Погодинъ давно былъ извѣстенъ, какъ — положимъ хоть, какъ забавникъ.

Когда онъ сдѣлалъ вызовъ ва диспутъ, нѣкоторые изъ людей, знакомыхъ г. Костомарову, и въ томъ числѣ я, убѣждали г. Костомарова не принимать вызова. Я могу говорить только за себя и только о томъ, на что имѣю свидѣтелей, кромѣ Костомарова и самого себя; потому упомяну лишь о собраніи у одного изъ профессоровъ здѣшняго университета, дня за два до собранія, бывшаго у г. Калачева: лица, находившіяся тутъ, могутъ припомнить, что я тогда говорилъ г. Костомарову. Я говорилъ вотъ что: „Г. Погодинъ вызываетъ васъ на шутовство. Онъ самъ имѣетъ такую репутацію, что уже не можетъ ничемъ испортить ее; но человѣку, пользующемуся уваженіемъ публики, какимъ пользуетесь вы, неудобно связываться съ г. Погодинымъ: вы компрометируете себя черезъ это и увидите, что г. Погодинъ принудитъ васъ къ объясненіямъ, очень непріятнымъ для васъ, человѣка не любящаго полемики даже и приличной, а не только такой, какую имѣетъ обычай вести г. Погодинъ“. Я смягчаю для печати выраженія, которыя употреблялъ тогда. Читатель можетъ дополнить ихъ воображеніемъ.

Г. Костомарову не угодно было тогда согласиться съ людьми, старавшимися удержать его отъ появленія передъ публикою въ обществѣ г. Погодина. Изъ основаній, мѣшавшихъ ему, по его словамъ, отвергнуть вызовъ г. Погодина, только одно могло быть признано до нѣкоторой степени справедливымъ; всѣ остальные создавались только излишнимъ желаніемъ г. Костомарова цѣнить ученое достоинство даже и тамъ, гдѣ его нѣтъ, а есть только бездарное труженичество. Онъ говорилъ, что нельзя пренебрегать г. Погодинымъ, какъ ученымъ, до такой степени, до какой довожу я мнѣніе о немъ. Это и нѣкоторыя другія возраженія подобнаго рода не имѣли никакой дѣйствительной силы въ моихъ глазахъ. Но нельзя было назвать неосновательнымъ одного изъ соображеній, приводившихся г. Костомаровымъ въ оправданіе рѣшимости принять вызовъ г. Погодина. Г. Костомаровъ говорилъ: „если я откажусь, онъ станетъ разглашать, что я почувствовалъ свое безсиліе спорить съ нимъ“. Это правда; поступки г. Погодина послѣ диспута, на которомъ онъ былъ рѣшительно пристыженъ, — не г. Костомаровымъ, пѣтъ, собственнымъ своимъ невѣжествомъ, — доказываютъ, что онъ сдѣлалъ бы именно такъ. Мнѣ казалось однако, что и это соображеніе не имѣетъ достаточной силы, чтобы перевѣсить неудобство вступать въ дѣло съ г. Погодинымъ для такого человѣка, какъ г. Костомаровъ. Мнѣ казалось, что лучше было бы для г. Костомарова снести самохвальство г. Погодина, нежели рисковать уваженіемъ публики, связываясь съ такимъ компаньономъ. Результатъ показалъ, что я ошибался. Уваженіе публики къ г. Костомарову такъ велико и онъ держалъ себя на диспутѣ съ такимъ достоинствомъ, что даже появленіе въ товариществѣ съ г. Погодинымъ не заставило публику смѣяться надъ г. Костомаровымъ, какъ я того опасался. Но г. Костомаровъ вѣроятно самъ чувствуетъ теперь, что рискъ былъ очень великъ.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о самомъ диспутѣ. Я не такой знатокъ русской исторіи, чтобы брать на себя оцѣнку тѣхъ относящихся къ ней мнѣній, которыя требуютъ специальныхъ занятій для выраженія согласія или несогласія съ ними. Но убѣжденіе, которое защищалъ г. Погодинъ, не принадлежитъ къ числу такихъ мнѣній. Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о сравнительной филологіи и о законахъ исторической критики, видитъ совершенную нелѣпость доказательствъ, которыми старые ученые

подтверждали норманство Руси. Во времена Шлёцера еще не было ни Гримма, ни Боппа съ ихъ сподвижниками, и Шлёцеру натурально было дѣлать филологическіе промахи, какіе находимъ у него. Но теперь повторять подобныя вещи можетъ только невѣжда. Я не былъ высокаго мнѣнія объ учености г. Погодина, но, признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ него такихъ поразительныхъ наивностей, какими угощаль онъ насъ на диспутѣ: „вѣдь онъ съ г. Шевыревымъ перевелъ грамматику Добровскаго, думалъ я, стало быть долженъ имѣть хотя какое нибудь понятіе о филологическыхъ приѣмахъ“. Онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія: послѣ того, что я слышалъ на диспутѣ, для меня становится непостижимо, какимъ же образомъ могъ г. Погодинъ быть переводчикомъ грамматики Добровскаго? Я рѣшительно не умѣю отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Быть можетъ кто нибудь изъ людей, бывшихъ студентами московскаго университета во время изданія этого перевода, разъяснить намъ загадку. Я имѣлъ случай видѣть турецко-татарскую грамматику, переведенную съ французскаго студентомъ одного изъ нашихъ университетовъ и носящую на заглавномъ листѣ на русскомъ языкѣ имя профессора того же русскаго университета. Но этотъ профессоръ имѣлъ по крайней мѣрѣ добросовѣстность объяснить настоящій ходъ дѣла въ предисловіи книги, которую издалъ подъ своимъ именемъ.

Не менѣе филологическихъ подвиговъ были замѣчательны историческія понятія, обнаруженныя г. Погодинымъ. Ольга гордо держала себя при константинопольскомъ дворѣ, потому она была норманка; Олегъ плавалъ по морю на лодкахъ, потому былъ норманнъ. Я не понимаю одного: какимъ образомъ г. Костомаровъ могъ продолжать спорить съ человѣкомъ, удивившимъ насъ такими диковинными заключеніями? Я на его мѣстѣ сказалъ бы послѣ этихъ словъ г. Погодина: „Милостивый государь! спорить мнѣ съ вами объ историческихъ вопросахъ такъ же неумѣстно и неприлично, какъ неприлично и неумѣстно было бы какому нибудь ориенталисту спорить со мною о синтаксическихъ правилахъ сіамскаго языка. Поэтому я принужденъ кончить диспутъ“. Г. Костомаровъ не сказалъ этого и теперь подвергся совершенно заслуженной непріятности печатать полемическія объясненія.

Очень можетъ быть, что г. Костомаровъ найдетъ это мое мнѣіе о г. Погодинѣ слишкомъ жесткимъ; очень можетъ быть, что онъ будетъ недоволенъ такимъ сужденіемъ объ авторѣ неполнаго и невѣрнаго алфавитнаго указателя къ Русскимъ Лѣтописямъ, изданнаго подъ именемъ „Лекцій и т. д. о Русской исторіи“, — вѣдь выражалъ же овъ мнѣ свое неудовольствіе за статью Современника о седьмомъ томѣ лекцій г. Погодина, говоря, что г. Погодинъ заслуживалъ нѣкотораго уваженія (впрочемъ, я и самъ недоволенъ этою статьею, только съ другой стороны: она еще слишкомъ мягка). Но если я навлеку на себя неудовольствіе г. Костомарова, то не огорчусь этимъ, потому что неправъ будетъ онъ.

Изъ дѣла г. Погодина съ г. Костомаровымъ выводится одно заключеніе, полезностью своей искупающее всю странность диспута, на который согласился г. Костомаровъ по ошибочному уваженію къ г. Погодину: пора намъ дѣятельнѣе и рѣшнѣе приняться за перетряску хлама многихъ ученыхъ и другихъ нашихъ знаменитостей, чтобы всѣмъ стало видво, что это именно хламъ, ничего не стоящій, ни къ чему не годный, и чтобы не мѣшалъ этотъ хламъ дѣятельности тѣхъ и многихъ хорошихъ ученыхъ, которыхъ, къ счастью, мы уже имѣемъ. Пора намъ наконецъ раздѣлаться съ пустыми репутаціями, мѣшающими намъ сосредоточивать наше вниманіе исключительно на мнѣніяхъ дѣльныхъ людей.

ИСТОРИЯ ИЗЪ-ЗА Г-ЖИ СВѢЧИНОЙ.

Никто болѣе насъ не радовался блестящему успѣху „Русскаго Вѣстника“ и никто болѣе насъ не желаетъ, чтобы успѣхъ этотъ продолжался и возрасталъ. Еще не такъ далеко время, когда подобныхъ чувствъ не питалъ у насъ одинъ журналъ къ другому; замѣна прежней завистливости доброжелательствомъ составляетъ въ нашей литературѣ фактъ довольно новый, и, сколько мы помнимъ, передъ публикою еще не излагались причины, которымъ надобно его приписывать, — по крайней мѣрѣ не излагались во всей полнотѣ. Дѣло произошло отъ того, что расширился кругъ предметовъ литературнаго обсужденія. Журналамъ и писателямъ, занятымъ серьезными вопросами, не остается времени предаваться потѣхамъ самолюбія, которыя почти однѣ оставались для нихъ прежде. Съ расширеніемъ содержанія журналовъ измѣнилось и ихъ отношеніе къ публикѣ, даже съ матеріальной стороны. Прежде, когда въ нашей журналистикѣ не было ровно ничего интереснаго для общества, кругъ читателей оставался одинъ и тотъ же: литература была счастлива уже и тѣмъ, что сохраняли къ ней вниманіе люди привлеченные къ чтенію въ предшествовавшее время, въ эпоху Гоголя и Вѣлинскаго; расширить кругъ интересующихся ею она не могла по ничтожности, какой подверглась въ годы, слѣдовавшіе за кончиной Вѣлинскаго. Говоря коммерческимъ языкомъ, общій рынокъ не расширялся и успѣхъ одного журнала могъ увеличиваться только на счетъ другаго. Въ послѣдніе годы стало не то: число людей интересующихся журналами постоянно возрастаетъ, — конечно не въ такой быстрой пропорціи, какъ можетъ быть полагать панегиристы настоящаго, но все-таки возрастаетъ на столько, что кругъ читателей того или другаго журнала увеличивается не на счетъ другихъ журналовъ. Итакъ, у журналовъ теперь въ матеріальныхъ интересахъ нѣтъ причинъ къ враждебности, — напротивъ, даже съ коммерческой стороны каждый сколько нибудь поддерживаемый публикою журналъ имѣетъ причину радоваться успѣхамъ другаго журнала: успѣхи одного журнала расширяютъ общее число читателей, то есть готовятъ новыхъ читателей и для другихъ. Еще важнѣе другое обстоятельство: главнѣйшія изъ затрудненій, съ которыми должна бороться наша литература, одинаковы для всѣхъ журналовъ; возрастаютъ или уменьшаются для всѣхъ, возрастаютъ или уменьшаясь для одного какого бы то ни было; такъ что каждый журналъ, борясь противъ нихъ, оказываетъ прямую услугу всѣмъ другимъ. Прежде этого не было. Не то, чтобы прежде не существовали затрудненія, существующія теперь, — напротивъ, они были несравненно больше, чѣмъ теперь; но самая чрезвычайность ихъ изолировала журналы по отношенію къ нимъ. Препятствія простирались

до того, что получали уже характеръ личныхъ отношеній, такъ что у каждаго журнала были свои частныя затрудненія, еще чувствительнѣйшія препятствій общихъ всей литературѣ; успѣхи или неудачи одного журнала въ этихъ иелочныхъ дѣлахъ не имѣли никакого вліянія на судьбу другихъ журналовъ. Теперь и въ этомъ отношеніи стало иначе. Мелкія затрудненія потеряли свою силу, остались только трудности одинаковыя для всѣхъ; успѣхъ или неприятность каждаго бываетъ слѣдствіемъ отношеній общихъ для всѣхъ, одинаково относится ко всѣмъ. Каждое увеличеніе силы „Русскаго Вѣстника“ увеличиваетъ силу и „Отечественныхъ Записокъ“, и Библіотеки для Чтенія“, и „Московскихъ Вѣдомостей“, и всякой другой газеты, и всякаго другаго журнала. Словомъ сказать, положеніе дѣлъ стало таково, что и матеріальныя, и нравственныя интересы всѣхъ литературныхъ органовъ находятся въ самой тѣсной связи.

При такихъ обстоятельствахъ потеряло всякій смыслъ прежнее мелочное соперничество, уничтожились причины прежней пошлой враждебности одного журнала къ другому. Всѣ органы литературы чувствуютъ себя помогающими одинъ другому. Журнальныя ссоры, какія бывали прежде, совершенно прекратились; теперь если бываетъ полемика, она ведется уже изъ-за идей, а не изъ пошлыхъ расчетовъ, и обыкновенно представляетъ даже для ведущихъ ее журналовъ и ихъ читателей меньше интереса, чѣмъ продолжающееся вмѣстѣ съ нею дружное дѣйствованіе по вопросамъ одинаково понимаемымъ всею публикою и всѣми литературными органами; потому и самая полемика бываетъ кратковременна. Мало того, что она скоро прекращается, — даже въ то время, какъ идетъ она, она не мѣшаетъ двумъ полемизирующимъ журналамъ дружно трудиться для достиженія результатовъ гораздо важнѣйшихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, чѣмъ полемическій вопросъ, о которомъ они заспорили между собою. Укажемъ въ примѣръ на полемику о происхожденіи русской сельской общины, занимавшую года три съ половиною тому назадъ „Русскій Вѣстникъ“ и „Русскую Бесѣду“. Ведя споръ по этому вопросу, „Русскій Вѣстникъ“ и „Русская Бесѣда“ одинаково стремились къ разъясненію идеи самоуправленія, къ реформамъ судопроизводства, къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, — къ вещамъ въ миллионъ разъ важнѣйшимъ для нихъ самихъ, чѣмъ какой бы то ни было взглядъ на происхожденіе русской общины. Позволимъ себѣ указать также на полемику объ общинѣ, только рассматриваемой въ другомъ отношеніи, происходившую между „Экономическимъ Указателемъ“ и нашимъ журналомъ. Мы защищали общинное землевладѣніе, „Экономическій Указатель“ находилъ пользу замѣнить его обращеніемъ общинныхъ земель въ частную собственность. Мы считали очень полезнымъ дѣломъ рѣшеніе вопроса въ нашемъ смыслѣ, во еще несравненно больше дорожили тѣмъ, чтобы русскій поселянинъ сталъ изъ человѣка, подлежащаго обязательному труду, работникомъ дѣйствительно свободнымъ; навѣрное и „Экономическій Указатель“ считалъ освобожденіе поселянина вещью во сто разъ важнѣйшею той подробности освобожденія, о которой спорилъ съ нами. Не говоримъ уже о томъ, что помимо всего, имѣющаго какую нибудь связь съ предпочтеніемъ общиннаго землевладѣнія частной поземельной собственности или наоборотъ, существуютъ десятки очень важныхъ вопросовъ, въ которыхъ мы совершенно сочувствовали „Экономическому Указателю“ и о которыхъ нашъ журналъ постоянно говорилъ точно въ такомъ же смыслѣ, какъ и „Экономическій Указатель“. Подобно ему мы говорили о вредѣ стѣсненій, о необходимости!

строгой экономіи, о необходимости полнѣйшаго обезпеченія имущественныхъ и лич-ныхъ правъ, о необходимости гарантій хорошаго судопроизводства, хорошей адми-нистраціи для экономического развитія и одинаково съ нимъ понимали, въ чемъ должны состоять эти гарантіи.

Если же случайные споры по какимъ нибудь двумъ или тремъ частнымъ во-просамъ не имѣютъ въ глазахъ самихъ спорящихъ и тысячной доли того громад-наго значенія, какое принадлежитъ безчисленнымъ вопросамъ, о которыхъ всѣ ли-тературные органы говорятъ одно и то же; если всѣ литературные органы соеди-нены одинаковостью матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ, то естественно, что всѣ мелочныя несогласія между ними никакъ не могутъ нарушать кореннаго, сильнѣйшаго отношенія между ними, состоящаго во взаимномъ доброжелательствѣ. Пусть не обманывается никто: русскіе писатели, русскіе журналы и газеты могутъ по временамъ спорить между собою, ихъ мнѣнія могутъ расходиться во многомъ, но все это не мѣшаетъ имъ въ сущности стремиться къ однѣмъ и тѣмъ же важнѣйшимъ цѣлямъ и каждому изъ нихъ находить свою собственную выгоду въ выгодѣ всѣхъ другихъ.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія о господствѣ доброжелательныхъ отношеній между всѣми литературными органами, мы должны прибавить: что касается въ частности нашихъ чувствъ къ „Русскому Вѣстнику“, то есть у насъ еще особенныя причины желать ему всевозможнаго успѣха. „Русскій Вѣстникъ“ и нашъ журналъ служатъ представителями двухъ различныхъ принциповъ, и надобно сказать теперь, какъ мы сами понимаемъ отношеніе между ними. Мы думаемъ, что воззрѣнія, излагае-мыя „Русскимъ Вѣстникомъ“, готовятъ людей къ принятію воззрѣній, изла-гаемыхъ нами. Ошибаемся или нѣтъ въ этой мысли мы, дѣло иного рода, во имѣ-емъ эту мысль и намъ кажется, что она подтверждается ходомъ общественнаго сознанія во всѣхъ историческихъ эпохахъ, имѣвшихъ сходство съ тою, какую пе-реживаетъ теперь русское общество; намъ кажется, что справедливость этой мысли основывается и на логическомъ законѣ развитія общественныхъ стремленій. Когда человѣкъ долженъ идти отъ отсутствія всякой дѣльной мысли къ ясному сознанію своихъ дѣлъ и средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, онъ не можетъ сразу едѣлать окончательнаго вывода: полная истина была бы слишкомъ сурова для него, ея требованія показали бы ему превышающими его силы. Онъ идетъ къ ней постепенно, отдыхая на перепутьи. Намъ кажется, что такимъ перепутьемъ для мысли служатъ воззрѣнія, которыхъ держится „Русскій Вѣстникъ“, что они хороши для пробужденія людей изъ совершенной летаргіи, для вовлеченія ихъ въ унственный процессъ. Степень сознанія, на которую ведетъ „Русскій Вѣстникъ“, не такъ высока надъ уровнемъ нашей рутинны, чтобы очень трудно было восходить на нее. А когда человѣкъ взойдетъ на нее, ему уже не очень далеко остается под-няться и на слѣдующую ступень, на которую прямо стать было бы ему трудновато. Пусть проститъ насъ „Русскій Вѣстникъ“, но мы считаемъ его очень полезнымъ для насъ подготовителемъ серьезныхъ людей къ принятію нашихъ понятій: мы считаемъ его педагогическимъ учрежденіемъ, въ которомъ читается приготовитель-ный курсъ.

При такомъ понятіи объ отношеніи воззрѣній „Русскаго Вѣстника“ къ на-шимъ, мы естественно должны дорожить его успѣхомъ въ публикѣ. Пусть приго-товительный курсъ читается какъ можно лучше, пусть онъ привлекаетъ къ себѣ

какъ можно больше слушателей: тѣмъ лучше для насъ, тѣмъ большее количество людей почувствуетъ надобность къ дальнѣйшему изслѣдовавію предметовъ, которое, какъ мы думаемъ, ведетъ мысль къ понятіямъ излагаемымъ нами. Понятно теперь, какое чувство возбуждается въ насъ обстоятельствами, отъ которыхъ предвидится вредъ для „Русскаго Вѣстника“: всякое ослабленіе столь полезнаго помощника было бы для насъ такою же потерей, какъ для него сомого. Система невмѣшательства въ чужія дѣла, проповѣдуемая „Русскимъ Вѣстникомъ“, служить основаніемъ и нашей системы; но есть случаи крайней необходимости, когда невмѣшательство было бы уже дурною беззаботностью, когда не извинительно было бы не подать помощи. Нѣсколько разъ „Русскій Вѣстникъ“ наноситъ себѣ вредъ и мы молчали, полагая, что онъ самъ замѣтитъ неразсчетливость поступковъ, вредившихъ ему. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе мѣсяцы онъ повторилъ прежнюю ошибку, и мы полагаемъ, что надобно, наконецъ, сказать ему: остерегитесь, вы сильно вредите себѣ. Быть можетъ, онъ найдетъ нашъ совѣтъ неумѣстнымъ, обидится тѣмъ, что мы просимъ его подумать о послѣдствіяхъ его системы дѣйствій. Если бы случилось такъ, если бы вмѣсто признательности мы возбудили въ немъ лишь неудовольствіе, это послужило бы только сильнѣйшимъ доказательствомъ основательности нашего мнѣнія, что онъ нуждается въ доброжелательномъ совѣтѣ. Онъ можетъ сердиться на насъ, если ему угодно; но мы увѣрены, что, съ досадою или съ признательностью, онъ извлечетъ себѣ пользу изъ представляемыхъ нами соображеній, а его польза—наша польза.

Изложимъ дѣло, принудившее насъ напомнить „Русскому Вѣстнику“ объ источникахъ его силы и надобности не изсушать ихъ.

Поводъ, изъ котораго возникло это дѣло, самъ по себѣ очень не важенъ, — такъ не важенъ, что нѣтъ особеннаго интереса даже и разбирать, чье мнѣніе объ спорномъ вопросѣ, о достоинствѣ характера и сочиненій покойной Свѣчиной, — справедливѣе: мнѣніе г-жи Туръ, или редакціи „Русскаго Вѣстника“. Пусть себѣ Свѣчина была превосходнѣйшая женщина, величайшая мыслительница, — изъ насъ никому отъ этого ни тепло, ни холодно: жила она не среди насъ, дѣйствовала не на насъ, читать ея произведеній русская публика не станетъ, пользы изъ нихъ не извлечетъ, хотя бы они и были полезны обществу и какому нибудь иному, которое можетъ ими заинтересоваться. Пусть, наоборотъ, она была очень дурная женщина и плохая писательница, — намъ-то какая оттого печаль или радость? Спорить объ этомъ все равно, что о томъ, храбрый ли воинъ былъ Мортагонъ, князь Болгарскій. Если случится охота, почему и не поспорить? — дѣло невинное; но принимать тутъ къ сердцу ровно нечего, браниться изъ-за такого спора не зачѣмъ, а у постороннихъ людей и желанія не будетъ разбирать, чье мнѣніе о качествахъ Мортагона основательнѣе. Но если покойная Свѣчина столь же близка сердцу русской публики, какъ Мортагонъ, князь Болгарскій, то тѣмъ непріятнѣе, что поднятъ гвалтъ, возникли взаимныя обиды между полезными и почтенными людьми изъ-за такого неважнаго предмета. Мы не хотимъ разбирать, редакція ли „Русскаго Вѣстника“ или г-жа Туръ основательнѣе судить о Свѣчиной; но елибъ захотѣли разобратъ, то не могли бы, по самой простой причинѣ: мы не видимъ большой разницы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ спорящими. На основные вопросы, отъ которыхъ зависитъ взглядъ на дѣло, смотрять они одинаково. Г-жа Туръ говоритъ: „Свѣчина достойна порицанія за то, что измѣнила родительской це-

кии“, — редакция „Русскаго Вѣстника“ говорить то же самое. Редакция „Русскаго Вѣстника“ прибавляетъ: „но существовали въ воспитаніи Свѣчиной обстоятельности, служанія ей извиненіемъ“, — г-жа Туръ уже и прежде говорила то же самое. Г-жа Туръ высоко цѣнитъ благотворность христіанской религіозности, — редакция „Русскаго Вѣстника“ цѣнитъ столь же высоко. Прискорбно, что люди, столь сходящіеся въ образѣ мыслей, разошлись по несоблюденію вѣншихъ формъ. Воздавая должную похвалу религіозности образа мыслей одной изъ поднявшихъ споръ сторонъ, нельзя не воздать точно такой же похвалы и другой сторонѣ, столь же справедливой въ своей религіозности. Итакъ, если мы хотимъ разобрать дѣло, то не по его содержанію, а единственно по его формѣ и по тѣмъ послѣдствіямъ, какія порождены были формою дѣйствій, которой слѣдовала одна изъ вовлекшихся въ непріязнь сторонъ.

Въ № 7 „Русскаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ была напечатана статья г-жи Евгеніи Туръ „Госпожа Свѣчина“. Сколько мы можемъ судить, эта статья ничѣмъ не отличалась отъ многочисленныхъ другихъ статей г-жи Евгеніи Туръ, помѣщавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и соответствовала направленію, господствовавшему въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Но редакция „Русскаго Вѣстника“ почла нужнымъ сдѣлать въ концѣ этой статьи слѣдующую оговорку:

„Печатая эту интересную статью, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что не раздѣляемъ всѣхъ сужденій ея даровитаго автора. Намъ кажутся они нѣсколько односторонними и не совсѣмъ справедливыми. Можетъ быть они вызваны, какъ реакція, чрезвычайными восторгами поклонниковъ г-жи Свѣчиной; но если несправедлива одна крайность, то также несправедлива и другая. Статья г-жи Туръ очень интересна, во едва ли даетъ совершенно вѣрное понятіе о предметѣ, ее вызвавшемъ. Жаль, что вмѣсто мелкихъ афоризмовъ, взятыхъ изъ *Airelles*, и писанныхъ Свѣчиною еще въ 1811 году, на первой порѣ ея жизни, критикъ не выбралъ многихъ мѣстъ, на примѣръ, изъ ея разсужденія: *Le progrès, la civilisation et le christianisme*. Вообще жаль, что критикъ выбиралъ изъ сочиненій автора только то, что казалось ему слабымъ и могло бросить тѣнь на автора, не касаясь другихъ сторонъ, которыя могли представлять его въ лучшемъ свѣтѣ или по крайней мѣрѣ подать поводъ къ серьезному обсужденію. Религіозный интересъ, если онъ искрененъ и не соединяется съ фанатизмомъ, заслуживаетъ уваженія не только во мнѣніи людей религіозныхъ, хотя бы и другихъ вѣроисповѣданій, но и во мнѣніи тѣхъ, кто къ этому интересу равнодушенъ“.

Надобно отдать справедливость тону этого замѣчанія: онъ не имѣетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Но тѣмъ не менѣе замѣчаніе должно было удивить г-жу Евгенію Туръ, которая, какъ видно изъ слѣдующаго хода дѣла, вовсе не была предупреждена редакціею „Русскаго Вѣстника“ о надобности сдѣлать къ ея статьѣ такую оговорку. Въ Сводѣ Законовъ нѣтъ никакихъ постановленій о правилахъ соблюдаемыхъ между редакціею журнала и постоянными его сотрудниками, но правила эти извѣстны каждому и постоянно соблюдаются. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ постоянными своими сотрудниками, редакторы имѣютъ много случаевъ переговорить съ ними обо всемъ, что нужно; отношенія между людьми, столь близкими какъ редакторы и постоянные сотрудники, не допускаютъ никакихъ непріятныхъ сюрпризовъ ни съ той, ни съ другой стороны: обо всемъ говорится заблаговременно, говорится откровенно. Редакция „Русскаго Вѣстника“ сдѣлала ошибку, не предупредивъ г-жу Евгенію Туръ, что не совсѣмъ согласна съ нѣкоторыми мѣстами ея статьи и думаетъ сдѣлать печатную оговорку о томъ. Отступленіе отъ обычнаго и совершенно удобнаго способа дѣйствій въ этомъ случаѣ конечно должно

было оскорбить г-жу Турь, показаться ей неделикатностью или даже пренебрежениемъ. Какая же польза обижать людей безъ всякой надобности, особенно если эти люди имѣютъ нѣкоторые права на нашу признательность? Поступокъ, которымъ была оскорблена г-жа Евгенія Турь, былъ сдѣланъ публично, и естественнымъ образомъ она должна была такъ же публично потребовать объясненія ему. Она прислала къ редактору „Русскаго Вѣстника“ для напечатанія письмо по поводу оговорки, сдѣланной къ ея статьѣ. Письмо написано умѣреннымъ тономъ, въ деликатныхъ выраженіяхъ. Г-жа Евгенія Турь не позволяла себѣ въ немъ никакихъ колкостей, и если старалась показать, что оговорка, послужившая такимъ неловкимъ сюрпризомъ для нея, была непоследовательностью со стороны самой редакціи или происходила отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ статьи, то что же было дѣлать г-жѣ Евгеніи Турь? Она была поставлена въ необходимость сказать это.

„М. Г. Вамъ угодно было, — писала г-жа Турь, — сдѣлать примѣчаніе къ статьѣ моей о г-жѣ Свѣчиной, помѣщенной въ 7 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Въ примѣчаніи этомъ вы сперва выражаете мысль, что не согласны со мной во взглядѣ на г-жу Свѣчину (и т. д., г-жа Турь перечисляетъ упреки, сдѣланныя редакціею ея статьѣ). Всѣ обвиненія эти, клонящіяся къ тому, чтобы читатели заподозрили меня въ недобросовѣстности, какъ критика, имѣняютъ мнѣ въ неизбѣжную обязанность опять говорить о г-жѣ Свѣчиной, о которой, казалось, я уже достаточно подробно высказала свое мнѣніе. Приговоръ свой о г-жѣ Свѣчиной я продолжаю считать и справедливымъ, и безпристрастнымъ; отъ замѣчанія редактора не можетъ внезапно измѣниться мнѣніе, составившееся благодаря внимательному чтенію біографіи и сочиненій женщины, о которой идетъ рѣчь. Мало того, я иду дальше, и утверждаю, что если бы вы, м. г., дали себѣ трудъ *внимательно прочесть* біографію г-жи Свѣчиной и серьезно познакомиться съ ея сочиненіями, вы не разошлись бы со мной во взглядѣ. Это предположеніе я основываю на данныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появился *Русскій Вѣстникъ*, я исключительно, до сего года, въ немъ одномъ имѣла честь помѣщать статьи мои, потому именно, что взглядъ и убѣжденія редакціи сложились какъ нельзя больше съ моими собственными. Какимъ же образомъ могли мы вдругъ разойтись въ воззрѣніи на лицо характера не сложнаго, на сочиненія, насквозь пропитанныя такими убѣжденіями, на которыя всѣ образованные люди, кромѣ католическихъ фанатиковъ, не могутъ не смотрѣть одинаково? Это какое-то чудо. Чтонибудь одно: или мои мнѣнія, безъ моего вѣдома, круто повернулись въ другую сторону, либо вы сами, что еще страннѣе при званіи редактора, вступили на и вую, совершенно противоположную дорогу. Посмотримъ, кто изъ насъ измѣнилъ себѣ въ своихъ убѣжденіяхъ, достаточно извѣстнымъ публикѣ по нашей долготѣнней дѣятельности на литературномъ полѣ“.

Вы порицаете то, что я не сдѣлала выписокъ изъ трактата Свѣчиной *le Christianisme etc.*, говорить г-жа Турь: — посмотримъ, что это за трактатъ.

„Мы должны, во-первыхъ, поставить на видъ читателямъ, что... разсужденіе *le Christianisme, le progrès et la civilisation* состоитъ всего только изъ 13½ страницъ весьма крупной печати“.

Но, говорить г-жа Евгенія Турь, быть можетъ, качествомъ вознаграждается количество, — и она очень подробно разбираетъ трактатецъ въ 13½ страницъ, за невниманіе къ которому заслужила порицаніе редакціи „Русскаго Вѣстника“: оказывается, что всѣ эти странички слѣдены изъ обыкновенныхъ общихъ мѣстъ, повторяемыхъ каждымъ французскимъ ультрамонтанцемъ. По словамъ г-жи Евгеніи Турь, обнаруживается, что эти 13½ страничекъ — просто „упраженіе французской пансіонерки на тему, заданную католическимъ попомъ, и заслужившее его одобреніе“.

„Но, — продолжаетъ г-жа Евгенія Турь, — заслуживаетъ ли оно одобреніе редактора *Русскаго Вѣстника* — это другой вопросъ, и мы представляемъ его на судъ читате-

лей. Что касается до васъ, намъ невозможно думать, чтобы мы расходились съ вами такъ рѣзко въ своихъ убѣжденіяхъ: возникшее несогласіе мы готовы объяснить болѣе простымъ образомъ. Вѣроятно, м. г., вы не потрудились прочесть сами этотъ пресловутый трактатъ: *le Christianisme, le progrès et la civilisation*...

„Что касается до обвиненія въ томъ, что мы не умѣли оцѣнить религіознаго чувства г-жи Свѣчиной (такъ заключаетъ свое письмо г-жа Туръ), то обвиненіе это еще болѣе голословно. Искреннее религіозное чувство достойно несомнѣнно всякаго уваженія—это истина, которую излишне было бы доказывать въ наше время.. Но вы сами говорите, что религіозное чувство, если оно предъявляетъ права на уваженіе, не должно быть соединено съ фанатизмомъ; а въ томъ-то и дѣло, что въ г-жѣ Свѣчиной фанатизмъ умѣлъ какъ-то хитро уживаться съ тщеславіемъ. Г-жа Свѣчина не была только религіозная женщина; она была однимъ изъ корифеевъ клерикальной партіи: свобода, отечество, наука, прогрессъ для нея не существовали; интересы папской власти и той части французскаго духовенства, которая стоятъ во главѣ такъ-называемой ультрамонтанской партіи, были ея исключительными интересами. Отъ партіи этой давно уже отшатнулись во Франціи, какъ вамъ извѣстно, всѣ люди, которые, будучи искренними католиками, дорожатъ въ то же время и плодами современной цивилизаціи. Если, м. г., такіе люди, какъ Ламенне, искренніе католики, отступались съ ужасомъ отъ темнаго ученія, которымъ провинута г-жа Свѣчина, то вы можете съ спокойною совѣстью не принимать на себя защиты ея памяти отъ совершенно сараведливыхъ нареканій“.

Редакція „Русскаго Вѣстника“ по всей вѣроятности не предвидѣла такого результата, когда дѣлала свое примѣчаніе къ статьѣ г-жи Туръ. Редакція конечно полагала, что не возникнетъ печатной полемики изъ-за этого примѣчанія, иначе она конечно справилась бы съ содержаніемъ трактата г-жи Свѣчиной, за невниманіе къ которому порицала г-жу Туръ; а письмо г-жи Туръ наводитъ на мысль, что редакція похвалила этотъ трактатъ по простой догадкѣ, не потрудившись заглянуть въ него. Послѣдующій документъ о томъ же дѣлѣ, напечатанный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, совершенно подтверждаетъ, какъ мы увидимъ, такую мысль: изъ него видимъ, что редакція порицала г-жу Туръ, не справившись хорошенько ни съ книгою, о которой писала, ни съ другими источниками, по которымъ писала г-жа Туръ. Эта вторая неосмотрительность, прибавившись къ первой неосмотрительности, по которой была сдѣлана оговорка безъ предувѣдомленія г-жи Туръ, поставила редакцію „Русскаго Вѣстника“ въ положеніе невыгодное. Но, какъ бы то ни было, вредъ, нанесенный редакціи двумя этими ошибками, не былъ еще неисправимымъ. Г-жа Туръ только считала нужнымъ защитити себя передъ публикой, и редакція „Русскаго Вѣстника“, обманувшейся въ своемъ предположеніи о томъ, что оговорка въ статьѣ г-жи Туръ останется безъ послѣдствій, и о томъ, что у г-жи Свѣчиной есть сочиненія дѣйствительно замѣчательныя, — редакція „Русскаго Вѣстника“ легко было бы заглазить свою несправедливость относительно г-жи Туръ какимъ нибудь прямодушнымъ объясненіемъ, удовлетворительнымъ для сотрудника, понапрасну и неосновательно оскорбленнаго; тонъ письма г-жи Туръ показываетъ, что она готова была бы удовлетвориться самымъ безобиднымъ для редакціи прекращеніемъ непріятностей. Редакціи довольно было бы написать: мы не думали оскорблять г-жу Туръ; о предметахъ, которыхъ касалось наше замѣчаніе, каждый можетъ думать по своему; мы остаемся при своемъ мнѣніи, г-жа Туръ можетъ оставаться при своемъ, ссориться намъ съ нею изъ-за г-жи Свѣчиной рѣшительно не стоитъ. Если бы редакція „Русскаго Вѣстника“ отвѣчала на письмо г-жи Туръ въ этомъ смыслѣ и деликатнымъ тономъ, тѣмъ дѣло и прекратилось бы, непріятность была бы забыта, хорошія отношенія восстановлены. Ре-

дакція „Русскаго Вѣстника“ предпочла поступить иначе: она отвѣчала на письмо г-жи Туръ очень длиннымъ оскорбительнымъ разсужденіемъ, наполненнымъ колкостями, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень грубыми личными обидами уже не писательницы, а женщины. Какими побужденіями руководилась редакція „Русскаго Вѣстника“ при такомъ поступкѣ, мы не хотимъ говорить теперь: соображенія объ этомъ представлены статьею „Московскихъ Вѣдомостей“, отрывки изъ которой читатель найдетъ ниже. Теперь познакоимся пока съ вѣншимъ фантомъ, съ отвѣтомъ „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ. Письмо г-жи Туръ было напечатано въ 8 № „Русскаго Вѣстника“ и въ томъ же номерѣ помѣщенъ длинный отвѣтъ на него, занимающій цѣлыхъ двадцать страницъ. Перепечатывать его весь мы не имѣемъ возможности; ограничимся нѣсколькими мѣстами.

„Г-жа Евгенія Туръ (говоритъ редакція „Русскаго Вѣстника“) доставила намъ статью по поводу книги г. де-Фаллу: *Madame Swetchine*. Несмотря на безпокойство своего тона, несмотря на нѣкоторыя очевидныя излишества, статья эта, весьма интересно и живо написанная, не представляла, со стороны общаго образа мыслей, препятствій къ помѣщенію ея въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Мы дали слово напечатать ее въ ближайшей книжкѣ; но прежде чѣмъ рѣшились окончательно подписать эту статью къ печати, нашли ее лишнимъ справиться съ недавно-полученною въ Москвѣ книгою, по поводу которой статья написана и которой мы еще не имѣли въ рукахъ. Справка эта убѣдила насъ въ крайней невѣрности тона и многихъ сужденій статьи. Къ сожалѣнію, время не позволяло отложить ея печатаніе и замѣнить ее другою. Намъ осталось лишь заявить наше разногласіе съ авторомъ, что мы и сдѣлали въ выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ, совершенно неоскорбительныхъ, и даже, быть можетъ, слишкомъ уклончивыхъ“.

Какъ портится дѣло редакція „Русскаго Вѣстника“ самою редакціею. Развѣ нужна ей, пріятна ей была ссора съ сотрудникомъ, такъ долго и такъ много помогавшимъ ей? Къ чему же эти обидныя слова о „безпокойствѣ тона“, къ чему объяснять дѣло такъ, что объясненіемъ напрасно увеличивается непріятность, нанесенная г-жѣ Туръ? „Время не позволяло замѣнить этой статьи другою...“ Къ чему такія слова? Зачѣмъ дѣлала редакція „Русскаго Вѣстника“ намекъ, что „Русскій Вѣстникъ“ печаталъ статьи г-жи Туръ только по недостатку другихъ статей, по невозможности замѣнить ихъ чѣмъ нибудь лучшимъ, что онѣ составляли журнальный баластъ, печатались лишь для наполненія извѣстнаго числа листовъ въ книжкѣ?

„Но г-жа Евгенія Туръ,—продолжаетъ редакція „Русскаго Вѣстника“,—прислала намъ для печатанія письмо, которое и напечатано нами въ этой книжкѣ. Она протестуетъ, она взываетъ къ нашимъ убѣжденіямъ, грозитъ намъ отлученіемъ отъ общества образованныхъ людей, упрекаетъ насъ въ ультрамонтанствѣ и чуть не въ іезуитизмѣ. Она зоветъ насъ на судъ общественнаго мнѣнія. Мы являемся, но предупреждаемъ, что передъ судомъ всякая уклончивость была бы неумѣстна, что передъ судомъ надобно выводить дѣло на чистоту“.

Опять спрашиваемъ, зачѣмъ все это? Зачѣмъ было говорить: „г-жа Евгенія Туръ упрекаетъ насъ въ ультрамонтанствѣ и чуть не въ іезуитизмѣ“, когда она просто говорила: напрасно вы порицали меня, не справившись; „если бы вы справились, вы согласились бы со мной, что сочиненія г-жи Свѣчиной плохи“? Къ чему придавать размѣръ важныхъ взаимныхъ обвиненій несогласію, которое до сихъ поръ имѣло видъ невиннаго литературнаго, или, лучше сказать, библиографическаго спора? И къ чему эта громкая фраза: „она зоветъ насъ на судъ; мы являемся, я предупреждаемъ, что передъ судомъ надобно выводить дѣло на чистоту?“ Развѣ дѣло шло о преступленіяхъ, или о гнусностяхъ, низостяхъ? Дѣло пока шло толь

объ ошибкахъ неловкихъ, но вовсе не безчестящихъ никого. Зачѣмъ же повертывать его такъ, какъ будто подвергается безславію тотъ, кто окажется неправымъ? Горячность тѣмъ болѣе опрометчивая, что всѣ шансы успѣха въ спорѣ не на сторонѣ редакціи, такъ раздувающей его разбѣры, бывшіе въ началѣ ничтожными.

„Редактору „Русскаго Вѣстника“ (продолжаетъ редакція) очень пріятно узнать, что его убѣжденія сходились со взглядами и убѣжденіями г-жи Евгеніи Туръ, хотя онъ съ своей стороны и не беретъ съ точностію опредѣлять, въ какой мѣрѣ сходилась. Но къ чему тутъ убѣжденія, когда дѣло вовсе не въ убѣжденіяхъ, а въ простой справедливости? Никакія убѣжденія не оправдываютъ несправедливости. Мы имѣемъ наивность не отличать статей отъ поступковъ. Публичное слово, да и всякое слово, есть, по нашему мнѣнію, или, если угодно, по нашему убѣжденію, то же, что и поступокъ, и мы искренно желаемъ, чтобъ убѣжденія г-жи Евгеніи Туръ сходились съ нашими и въ этомъ отношеніи“.

Опять какое ошибочное желаніе язвить противника безъ всякой нужды. Г-жа Туръ просто говорила: мы съ вами всегда сходились въ убѣжденіяхъ, посудите же, какая вѣроятность, чтобы я вдругъ написала статью, рѣзко противорѣчившую вашимъ убѣжденіямъ,—ей на это отвѣчаютъ: „очень пріятно узнать, что ваши убѣжденія сходились съ нашими, хотя мы, съ своей стороны, не беремся съ точностію опредѣлить, насколько сходились“,—что это такое значитъ? Что это такое, если не колкій, превратительный намекъ на то, что убѣжденія г-жи Туръ всегда казались дурными редактору „Русскаго Вѣстника?“ Къ чему это объявленіе, что вы вапршиваетесь на сотоварищество со мной, но я отвергаю подобныхъ людей? Дальше еще лучше: „мы имѣемъ наивность не отличать статей отъ поступковъ“. Къ чему это провозглашеніе, что статья г-жи Туръ была дурнымъ дѣломъ въ нравственномъ отношеніи? Что же это такое: воровство, разбой, поджогъ? За обвиненіями въ преступленіяхъ слѣдуютъ насмѣшки.

„Г-жа Евгеніи Туръ поставила себѣ цѣлью неутомимо ратоборствовать противъ врака и зла—прекрасная цѣль. Она хочетъ всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство, изобличать лжеученія папизма—въ добрый часъ“ (стр. 470).

Гдѣ въ статьѣ г-жи Туръ или въ письмѣ ея мѣста, дающія право на такія насмѣшки? Этими тономъ проникнуть весь отвѣтъ редакціи. Чего тутъ нѣтъ! Главнымъ источникомъ насмѣшекъ служить тонкое противоположеніе похвальныхъ качествъ Свѣчиной съ качествами, которыя, какъ слѣдуетъ изъ намековъ, надобно читателю предполагать въ г-жѣ Туръ,—уловка очень легкая, но могущая только быть выраженіемъ склонности оскорбить г-жу Туръ, а на самомъ дѣлѣ неразсчетливая даже и въ этомъ отношеніи: сравненіе съ Свѣчиной не можетъ не быть выгоднымъ не только для г-жи Туръ, но и ни для какой женщины. Ханжество и фанатизмъ—это такія качества, что быть уличеннымъ въ недостатокъ ихъ значитъ уже очень много выиграть во мнѣніи порядочныхъ людей. Вотъ изъ отвѣта редакціи „Русскаго Вѣстника“ отрывки, могущіе дать понятіе о предметѣ, на который падала статья г-жи Туръ и защиту котораго приняла на себя редакція „Русскаго Вѣстника“.

„Свѣчина никогда не отличалась фанатизмомъ; умъ ея былъ открытъ и знакомъ съ литературами всѣхъ образованныхъ народовъ, даже съ произведеніями древнихъ; она обладала высокимъ образованіемъ... Напрасно также стали бы мы искать этой черты (фанатизма) въ ея сочиненіяхъ... въ этихъ писаніяхъ нѣтъ и признака религіозной нетерпимости, нѣтъ никакого мрачнаго ученія. Въ нихъ нѣтъ апологіи папизма какъ папизма, нѣтъ или почти нѣтъ сближеній съ другими вѣроисповѣданіями... Писанія ея

имѣютъ общій религіозный характеръ, и большая часть сказаннаго ею могла быть сказана всякимъ религіознымъ человѣкомъ, православнымъ или протестантомъ.

„Упрекая Свѣчину въ фанатизмъ, критикъ въ то же время укоряетъ ее за какую-то холодность сердца, хотя все, что извѣстно о жизни этой женщины, и все, что ею написано, свидѣтельствуетъ объ удивительной горячности, съ какою она посвящала себя главному интересу своей жизни, религіи и дѣламъ милосердія. Правда, Свѣчина не занималась любовными дѣлами. Но неужели только въ одномъ этомъ можетъ проявляться горячность? Неужели для человѣка, и даже для женщины, ни въ чемъ помногу нельзя проявить горячность сердца?“

„Молодая Софья Сойнонова не звала никакой религіи... Впервые заговорило въ ней религіозное чувство, когда она встрѣтилась съ де-Местромъ. Но не свидѣтельствуетъ ли въ пользу ея природы то, что среди пустоты и мелочей свѣтской жизни, она могла съ такою силой сосредоточиться въ интересѣ глубокомъ и внутреннемъ, къ какой бы сферѣ ни принадлежалъ этотъ интересъ? Не замѣчательное ли явленіе—эта молодая свѣтская женщина, принятая ко двору, съ напряженіемъ изучающая богословскіе фоліанты? Можетъ быть, она могла бы лучше употребить свои силы, чѣмъ на чтеніе книгъ, которыя ей сообщалъ де-Местръ; но все-таки несравненно лучше употребляла она ихъ, чѣмъ многія натуры, *широкія и узкія*, которыя вращались въ той средѣ, гдѣ она родилась и откуда ушла“.

Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями отвѣта, напечатаннаго редакціею „Русскаго Вѣстника“, да намъ и не нужно этого, потому что мы обращаемъ вниманіе не на содержаніе, а только на форму спора. Замѣтимъ только, что редакція очень подробно говоритъ о томъ, что г-жа Туръ „подбирала“ только „маленькія черточки“, которыя могли „выставить г-жу Свѣчину въ смѣшномъ видѣ, тщательно избѣгая всего, что могло бы быть истолковано въ ея пользу“. Одна изъ главныхъ рекомендацій уму и гуманности Свѣчиной представляется, по словамъ редакціи, тѣмъ, что Токвиль высоко цѣнилъ ея дружбу:

„Токвиль въ своихъ письмахъ относится къ Свѣчиной не просто какъ въ почтенной и доброй старушкѣ, онъ видитъ въ ней зрѣлое сильное разумнѣе, представляетъ на судъ ея свою мысль, подвергаетъ ея критикѣ свои идеи, тѣ самыя идеи, которыя такъ высоко отличали его между современными писателями Франціи, можно сказать Европы. Между прочимъ, онъ доказываетъ ей въ этихъ письмахъ необходимость, чтобы духовенство принимало болѣе живое и дѣятельное участіе въ интересахъ своей страны и въ вопросахъ политическихъ, соглашаясь съ ней, что вліяніе духовенства, равно какъ и вліяніе женщины, должно простирается преимущественно на общіе и внутренніе источники дѣйствій, не вмѣшиваясь въ ихъ внѣшнія и частныя проявленія...“

„Итакъ, мы не только имѣли полное право, но были обязаны сказать подъ статьею г-жи Евгеніи Туръ, что она судила односторонне и несправедливо. Мы выразились уклончиво и мягко, мы сказали: *нѣсколько односторонне и не совсѣмъ справедливо*; читатели имѣютъ полное право упрекнуть насъ теперь, зачѣмъ не сказали мы: *крайне односторонне и слишкомъ несправедливо*“.

Послѣ приводятся выписки изъ сочиненій Свѣчиной, въ доказательство тому, что г-жа Туръ не вѣрно переводила или пересказывала ихъ, а потомъ другія, очень длинныя выписки, доказывающія, по мнѣнію редакціи „Русскаго Вѣстника“, что въ сочиненіяхъ Свѣчиной есть глубокомысліе и религіозное чувство, заслуживающее большаго уваженія, и что вообще г-жа Туръ была несправедлива къ дамѣ, превозносимой французскими ультрамонтанцами. Длинное возраженіе заканчивается словами:

„Все это г-жа Евгенія Туръ называетъ упражненіемъ пансіонерки на темѣ, заданную католическимъ попомъ. Ударъ энергическій,—яо на кого онъ падаетъ? Что доказывается этимъ сильнымъ словомъ?“

Да, хорошо было бы впередъ знать редакціи „Русскаго Вѣстника“, на кого упадетъ ударъ, — тогда она остереглась бы поднимать дѣло, которое вело къ удару, потому что онъ былъ долженъ упасть не на г-жу Туръ, какъ думала редакція, а на самую редакцію. Ударомъ этимъ была статья, напечатанная въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей“. Тономъ своимъ она совершенно гармонируетъ съ тономъ отвѣта редакціи „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ. Самое заглавіе статьи, подписанной псевдонимомъ „Май“ (очевидно для напоминанія о знаменитомъ нѣкогда псевдонимѣ „Бай-Борода“), говоритъ о ея жолчности: она называется „Краткое сказаніе о послѣднихъ дѣяніяхъ „Русскаго Вѣстника““. Она также длинна, какъ отвѣтъ редакціи „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ, писана съ большими, вообще неудачными претензіями на остроуміе и по литературному достоинству гораздо слабѣе отвѣта редакціи „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ, а тѣмъ болѣе самого письма г-жи Туръ. Вотъ начало, по которому читатель можетъ видѣть, что неизвѣстный авторъ статьи не слишкомъ большой мастеръ острить, шутить и колоть.

„4-го мая нынѣшняго года на поляхъ „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ произошла кровавая битва. Кичливый подданный дерзнулъ поднять противъ своего властителя знамя возстанія. Могучій властитель запыхалъ гнѣвомъ и вывелъ противъ мятежника свои военныя силы, закаленные въ многихъ сраженіяхъ подобнаго рода. Официальныя извѣстія говорятъ о блистательной побѣдѣ. Гонимы счастливаго властелина разносятъ на всѣ стороны молву о новомъ громосномъ его подвигѣ. Полуофициальныя сателиты его увѣряютъ, что строптивый мятежникъ совершенно *уничтоженъ*. Толпа, любящая всегда сильныя удары, рукоплещетъ и ликуетъ о побѣдѣ. Посреди этихъ всеобщихъ ликованій, посреди поздравительныхъ адресовъ отъ разныхъ классовъ, побѣдитель покоится на лаврахъ и вкушаетъ сладкій нектаръ торжества. Онъ смотритъ съ гордостью на свое дѣло, увѣренный, что такое жестокое наказаніе упрочитъ навсегда его власть, послужитъ спасительнымъ примѣромъ для другихъ непокорныхъ подданныхъ, и что съ этихъ поръ въ государствѣ „Русскаго Вѣстника“ царствовать будетъ тишина въ порядокъ. Мы были далеко, когда дошли до насъ первые глухіе слухи объ этихъ важныхъ событіяхъ. Опытъ послѣднихъ годовъ, частое появленіе политическихъ и военныхъ *умовъ* приучило насъ къ нѣкоторой недовѣрчивости насчетъ извѣстій о современныхъ событіяхъ, особенно насчетъ извѣстій о разныхъ побѣдахъ“.

Неизвѣстный авторъ статьи тяжеловатъ въ своихъ шуткахъ и полемизируетъ вообще неудачно. Но посмотрите, въ какое неловкое положеніе поставила себя редакція „Русскаго Вѣстника“: даже отъ неискусной руки этого слабаго противника „падаютъ“ на нее тяжелые „удары“.

„Съ нѣкотораго времени странныя дѣла совершаются въ этомъ почтенномъ журналѣ (говоритъ „Май“). Столкновеніе г-жи Евгеніи Туръ съ редакціею „Русскаго Вѣстника“ есть только послѣднее явленіе въ длинномъ рядѣ фактовъ, изъ которыхъ многіе похоронены во мракѣ неизвѣтности, и только три доведены до общаго свѣдѣнія посредствомъ печати. Редакція „Русскаго Вѣстника“... обнаруживаетъ... оригинальный образъ дѣйствій.. Безъ вѣдома и согласія авторовъ, она дѣлаетъ въ нихъ (въ статьяхъ) пропуски, руководясь въ этомъ совершенно загадочными соображеніями, или же снабжаетъ статьи своими собственными „эзубраціями“ и навязываетъ сотрудицамъ разныя порожденія своей фантазіи. Почтенные авторы, получая книжки „Русскаго Вѣстника“, не узнаютъ своихъ собственныхъ произведеній: одни изъ нихъ удивляются ихъ чрезвычайно худощавому состоянію, другіе съ изумленіемъ находятъ въ нихъ такія вещи, о которыхъ в во снѣ не мечтали. Другой оригинальный приемъ редакціи состоитъ въ томъ, что она помѣщаетъ въ своемъ журналѣ статьи, и тутъ же сама пишетъ критики на эти статьи, протестуетъ противъ нихъ, доказываетъ автору, какъ сильно онъ ошибается и причисляетъ его къ той или другой категоріи отверженныхъ ею людей. Третій, еще болѣе

оригинальный приём заключается въ томъ, что редакція печатаетъ въ концѣ статей замѣтки, въ которыхъ говорить автору разныя правоученія и дѣлаетъ злобные намеки. Словомъ, редакція становится какимъ-то особеннаго и еще небывалаго рода исправительнымъ домогъ и заведеніемъ для улучшенія нравственности своихъ сотрудниковъ.“

Примѣромъ перваго приёма выставляется исторія урѣзанной, безъ согласія автора, редакціею „Русскаго Вѣстника“ статьи г. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ; примѣромъ втораго приёма—примѣчанія, которыми исправляла редакція „Русскаго Вѣстника“ статью г. Утина „Очеркъ историческаго образованія суда присяжныхъ въ Англія“, и выговоръ ему отъ редакціи, напечатанный подъ заглавіемъ Nil admirari; примѣромъ третьяго приёма — замѣчаніе, придѣланное къ статьѣ г-жи Туръ. Въ чемъ же причина столь оригинальнаго обращенія съ сотрудниками и статьями? — продолжаетъ „Май“:

„Причина всего этого довольно сложна и преимущественно психологическаго свойства. Описанныя нами явленія происходятъ большею частью отъ особеннаго мнѣнія редакторовъ „Русскаго Вѣстника“ о самихъ себѣ и отъ особеннаго тоже мнѣнія ихъ о значеніи редакціи вообще. Большой успѣхъ „Русскаго Вѣстника“... произвелъ дурное вліяніе на редакторовъ этого журнала. Говоря простовароднымъ языкомъ—они очень зазнались... Мало по малу поселилось въ нихъ убѣжденіе, что они умѣе, ученѣе, глубокомысленнѣе не только всѣхъ своихъ сотрудниковъ, но и всѣхъ . . . вообще. Они воображали себя единственными настоящими двигателями развитія въ Россіи, могучими умственными силачами, съ которыми некому у насъ разнятся, непогрѣшительными мудрецами, которыхъ никто не уличитъ въ незнаніи; они глубоко убѣждены въ томъ, что, кромѣ нихъ, никто ничего не понимаетъ надлежащимъ образомъ.

„Но для пріобрѣтенія этого универсальнаго знанія, имъ вовсе не нужны книги. Они имѣютъ то, чего не имѣетъ никто въ нашей землѣ, — философское образованіе. Они долго купались въ морѣ философіи, просвѣтила свой умъ философіею и насквозь проникнулись философскою. А философія — такое знаніе, которое замѣняетъ собою и дѣлаетъ излишними всѣ другія...“

„Согласно съ этимъ сложилось и особенное понятіе редакторовъ „Русскаго Вѣстника“ о значеніи редакціи вообще. Изъ всего, что они дѣлаютъ, видно, что съ ихъ точки зрѣнія редакція есть не что иное, какъ начальство, умственное начальство, а сотрудники — подчиненные. Редакторъ, какъ начальникъ, по необходимости умѣе своихъ сотрудниковъ. Начальство всегда бываетъ умѣе подчиненныхъ. Иначе быть не можетъ. Иначе былъ бы извращенъ естественный порядокъ вещей. Сотрудники обязаны уважать высоко авторитетъ редактора и съ почтеніемъ принимать его замѣчанія.“

Каковы же результаты философскаго всевѣдѣнія, вторымъ обладаютъ редакторы „Русскаго Вѣстника“? Вотъ что отвѣчаетъ Май на этотъ вопросъ:

Она (редакція „Русскаго Вѣстника“) защищаетъ англійскія учрежденія, это ея спеціальность. Она имѣетъ претензію на самое глубокое и основательное знакомство съ ними... Мы скажемъ однакожь... что это глубокое знакомство со всѣмъ, что касается до Англіи, есть не что иное, какъ чистый догматизмъ, высококѣрный, самодовольный и нетерпимый догматизмъ, лишенный научнаго содержанія. Всему міру извѣстно, навязъ образомъ сложились идеи и убѣжденія „Русскаго Вѣстника“ насчетъ самоуправленія, децентрализаціи и т. д. Объ этомъ скажетъ всякій и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Казани, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ. Объ этомъ говорятъ даже за границею. Редакція „Русскаго Вѣстника“ уяснила себѣ всѣ эти вопросы, вслѣдствіе спора съ г. Чичеринымъ и другими своими сотрудниками. До половины 1857 года незамѣтно было въ журналѣ никакого предпочтенія къ англійскимъ учрежденіямъ; напротивъ, въ немъ писались разныя милыя шутки надъ Англіею и ея государственными людьми. Обращеніе было внешне-запное. Разрывъ съ частью сотрудниковъ утвердилъ мнѣнія и убѣжденія редакціи и далъ имъ опредѣленную, окончательную форму. Съ тѣхъ поръ, въ очень скоромъ времени она пріобрѣла себѣ такое необыкновенное знаніе всего англійскаго быта, что стала авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ и не дастъ никому сказать о немъ своего слова. Она

довела предпочтенеіе къ англійскому устройству до какого-то бееусловнаго, нетерпимаго поклоненія, и не позволяеть никому коснуться ни одного англійскаго учрежденія. Она сдѣлалась англійскою болѣе, тѣмъ сами англичане, такъ что готова упрекать англичанъ въ непониманія ими своихъ собственныхъ учреждений, и сердится, если они сами находятъ въ нихъ недостатки. Между тѣмъ всякій, кто прилежно читаетъ „Русскій Вѣстникъ“, видятъ, что единственными источниками политической премудрости редакция служить — газета Times и извѣстное сочиненіе Гнейста объ англійскомъ устройствѣ.

Май доказываетъ это споромъ редакціи „Русскаго Вѣстника“ съ г. Утинимъ за англійскихъ мировыхъ судей. Наконецъ, онъ берется за разборъ случая, бывшаго прямымъ поводомъ къ его статьѣ, за разборъ дѣла между г-жею Туръ и редакціею „Русскаго Вѣстника“. Онъ начинаетъ объясненіемъ, что замѣтки позволительно дѣлать въ началѣ или въ срединѣ статьи, но непозволительно дѣлать ихъ въ концѣ статьи, придавая чрезвычайную важность этой дистинкціи, напоминая знаменитое преніе въ Пассажѣ о томъ, что если бы г. Перрозіо напечаталъ какую-то фразу простымъ шрифтомъ, онъ былъ бы правъ, а когда напечаталъ ее курсивомъ, то уже неправъ. Потомъ замѣчается, что замѣчали и мы, что приличіе требовало предувѣдомить г-жу Туръ о намѣреніи сдѣлать примѣчаніе къ ея статьѣ.

Редакция оправдывается, аргѣе сопр, тѣмъ, что уже было поздно, что время не позволяло отложить печатаніе статьи. Странно! Статья о г-жѣ Свѣчиной стоитъ послѣдняя въ первомъ отдѣлѣ; она занимаетъ меньше двухъ листовъ печати; очень легко можно было выпустить ее совсѣмъ, книжка и безъ того была бы толста. Можно было даже замѣнить ее другою. Сколько намъ помнится, книжка опоздала тогда не болѣе какъ тремя или четырьмя днями. Извѣстно, что прежде книжки „Русскаго Вѣстника“ являлись двадцатью днями позже срока. Публика охотно подождала бы и на этотъ разъ. Но зачѣмъ предаваться всѣмъ этимъ соображеніямъ. Мы узнаемъ теперь отъ редакціи, что статья г-жи Туръ совершенно плоха, негодна и противна ей, и она сожалѣетъ, что не отдѣлала автора получше, что не усилила приѣма; упрекаетъ себя въ томъ, что выразилась слишкомъ мягко. Если такъ, то тѣмъ болѣе станется непонятнымъ, зачѣмъ редакция помѣстила такую плохую, негодную и противную ей статью! Редакция просто хотѣлось сдѣлать г-шѣ Евгеніи Туръ неприятность и наказать ее за какую нибудь ея прежнюю, вамъ неизвѣстную непокорность.“

Г-жа Туръ послала письмо въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, продолжаетъ И. Май, — это требовало большаго мужества, потому что редакция „Русскаго Вѣстника“ считается непобѣдимую въ полемикѣ. Отвѣтъ г-жѣ Туръ написанъ съ увѣренностью, что онъ уничтожитъ г-жу Туръ, но къ несчастію, онъ вышелъ неудаченъ.

„Мы не станемъ разбирать, была ли она пристрастна къ г-жѣ Свѣчиной или безпристрастна. Пусть она сама защищаетъ свое мнѣніе, если хочетъ. Мы вообще ничего не будемъ говорить о г-жѣ Свѣчиной. Съ вашей стороны, мы предоставляемъ редакціи полное право находить въ ней „умъ сильный, замѣчательный и владѣющей собою, нравственное чувство и зрѣлость мысли и грубое развитіе душевной жизни.“ Пусть она любитъ всѣми этими высокими свойствами, сколько ей угодно.

„А мы между тѣмъ займемся отвѣтомъ редакціи съ другой точки зрѣнія. Въ началѣ этого отвѣта редакция дѣлаетъ великолѣпную profession de foi. Она извѣщаетъ насъ, что имѣетъ „наивность“ не отличать статей отъ поступковъ. Публичное слово, да и всякое слово, по ея мнѣнію и убѣжденію, есть то же, что и поступокъ“.

„Мы и будемъ разбирать отвѣтъ редакціи съ точки зрѣнія *наивности*, и съ точки зрѣнія *гармоніи между поступкомъ и словомъ*

„Не дальше какъ на слѣдующей страницѣ мы читаемъ, что г-жа Евгенія Туръ „поставила себѣ цѣлью неутомимо ратоборствовать противъ мрака и зла... она хочетъ

всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство, избочивать лжеученія папизма.“ Мы до сихъ поръ ничего этого не знали. Это что-то новое. Мы опять прочли внимательно статью г-жи Туръ и „Письмо“ ея къ редактору, но нигдѣ не находимъ никакого указанія на подобныя намѣренія почтенной писательницы. Откуда цитуетъ редакція? Если въ самомъ дѣлѣ редакція приводитъ мѣста изъ другихъ какихъ нибудь писемъ г-жа Туръ, то полезно было бы знать, дѣлается ли это съ согласія, по полномочію или требованію своей корреспондентки, или просто по *наивности*? Слово ли это или поступокъ?.

„Но дальше мы встрѣчаемъ въ отвѣтѣ вѣчто такое, чего ужъ никакъ нельзя назвать наивностью. Въ краткой замѣткѣ подъ статью г-жи Туръ, редакція упревала писательницу въ религиозномъ индиферентизмѣ. Теперь она перемѣняетъ тактику и упрекаетъ ее въ совершенно противоположномъ — именно въ религиозной нетерпимости, исключительности, фанатизмѣ. Редакція нашла, что эта новая тактика гораздо для нея выгоднѣе... Аргументъ весьма силенъ, но тутъ между словомъ и поступкомъ редакціи такое разстояніе, какъ между небомъ и землею.“

Мы не имѣемъ ни надобности, ни охоты, приводить всѣхъ вападеній Мая; ограничимся однимъ случаемъ: мы видѣли, что редакція ставитъ высокою рекомендаціею для ума Свѣчиной письма къ ней Токвиля. Что жъ такое эти письма, по объясненію Мая?

„Кто читалъ отвѣтъ редакціи, и не читалъ книги г. де-Фаллу, подумаетъ, что эта книга переполнена письмами Токвиля къ г-жѣ Свѣчиной, что онъ былъ неотступнымъ другомъ ея жизни, отводилъ съ ней свою душу, передавалъ ей содержаніе знаменитаго своего сочиненія: *l'Ancien Regime et la Révolution*, совѣтовался съ нею, какъ писать это сочиненіе, подвергалъ ея оцѣнкѣ всѣ свои идеи. Мы находимъ, что редакція пускаетъ въ глаза публики слишкомъ много пыли. Она говоритъ, что переписка Токвиля съ г-жею Свѣчиной занимаетъ *значительное* мѣсто въ книгѣ г. де-Фаллу и служитъ лучшимъ украшеніемъ ея, и что въ ней все идетъ рѣчь только о политическихъ въ общественныхъ предметахъ. Писемъ Токвиля всего семь, и они занимаютъ 12 страницекъ. Письма эти не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и украшаютъ книгу развѣ только ради одного имени Токвиля. Изъ всего видно, что онъ былъ знакомъ съ г-жею Свѣчиной только въ послѣдніе три года ея жизни, не состоялъ съ нею въ очень близкихъ сношеніяхъ и не видался съ нею часто. Мы не находимъ, чтобы онъ излагалъ г-жѣ Свѣчиной идеи своего знаменитаго труда и совѣтовался съ нею насчетъ его. Онъ говоритъ о немъ только въ одномъ письмѣ, менѣе страницы, и еще извиняется, что распространился слишкомъ много. Мы не видимъ въ перепискѣ особеннаго богатства политическихъ и общественныхъ предметовъ. Редакція принимаетъ, что, *между прочимъ*, Токвиль толкуетъ съ г-жею Свѣчиной о необходимости живаго участія духовенства въ дѣлахъ страны. Дѣйствительно, этимъ вопросомъ заняты два письма его; да *прочаго*-то мы какъ-то не видимъ. Редакція выписываетъ изъ одного письма Токвиля комплименты его г-жѣ Свѣчиной; но для точности слѣдовало начать выписку не со средины письма, а перевести и первыя пять строчекъ его, изъ которыхъ публика увидала бы, что это поздравительное письмо, писанное, по старому обычаю, передъ Новымъ годомъ“.

Теперь спросимъ: расчетливо ли было со стороны редакціи „Русскаго Вѣстника“ раздувать дѣло, чтобы оно пришло къ такимъ результатамъ? Каждая опрометчивость со стороны редакціи подвергала ее непріятности гораздо сильнѣйшей, чѣмъ непріятность, какую надѣялась она нанести г-жѣ Туръ. Помѣщеніе оговорки безъ предувѣдомленія г-жи Туръ заставило г-жу Туръ доказать, что редакція дѣлала свое примѣчаніе наудачу, не будучи знакома съ предметомъ статьи. Мало того, г-жа Туръ принуждена была сказать, что редакція обнаружила этою оговоркою склонность слѣдовать взгляду на вещи, различному отъ тѣхъ убѣжденій, какими прежде характеризовался „Русскій Вѣстникъ“ и какимъ былъ онъ обязанъ своими успѣхами въ публикѣ. Вмѣсто того чтобы пожалѣть о сдѣланной ошибкѣ, поставившей редакцію въ непріятность выслушать такіа замѣчанія, редакція „Рус-

скаго Вѣстника“ вздумала отвѣчать на письмо насмѣшками и оскорбленіями г-жѣ Турь, полагая, что уничтожить ее. Эта новая неловкость вызвала статью „Московскихъ Вѣдомостей“, написанную уже не въ томъ умѣренномъ духѣ, какъ письмо г-жи Турь, а съ рѣзкою безпощадностью; статья безжалостно обнаружила слабыя стороны редакціи, которыхъ не хотѣла касаться г-жа Турь. Чего тутъ не оказалось? Оказалась даже слабость знакомства редакціи съ Англією, знаніе которой до сихъ поръ составляло гордость „Русскаго Вѣстника“. Но прошедшаго не вернешь. Мы желали бы только одного: чтобы редакція „Русскаго Вѣстника“ увидѣла безвыходность своего положенія въ полемикѣ, которую опрометчиво возбуждала, чтобы она прекратила споръ, продолженіе котораго непремѣнно должно еще больше поколебать ея авторитетъ въ публикѣ. Редакція предполагаетъ въ себѣ чрезвычайныя полемическія силы, и дѣйствительно, отвѣтъ на письмо г-жи Турь написанъ съ большою ловкостью. Но никакая ловкость не можетъ измѣнить сущности дѣла, которая вовсе не въ пользу редакціи: чѣмъ скорѣе прекратится оно, тѣмъ лучше для нея.

Но если мы желаемъ, чтобы прекратился споръ, невыгодный для редакціи „Русскаго Вѣстника“, мы желаемъ не по заботливости о личной славѣ редакторовъ, — какое намъ дѣло до ^{агглютированнаго} _{ею} Пусть бы они держали себя такъ, какъ имъ угодно, лишь бы не вредить ^{ее} _{своему} журналу. Есть другая сторона въ изложенномъ нами дѣлѣ: система дѣйствій редакціи „Русскаго Вѣстника“ вредитъ самому журналу, — вотъ это горько для насъ; вотъ именно только это и заставило насъ обратить вниманіе на исторію, которой мы ни мало не заинтересовались бы, еслибъ она касалась только личнаго спокойствія редакторовъ, а не вредила самому журналу. Въ чемъ состояла главная сила „Русскаго Вѣстника“ въ первое блистательное время его существованія? Въ томъ, что онъ располагалъ силами гораздо большаго числа постоянныхъ хорошихъ сотрудниковъ, чѣмъ какой бы то ни было другой журналъ въ то время. Въ другихъ журналахъ было всего по три, по четыре человека постоянно помогавшихъ редактору; въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ было такихъ людей человекъ пятнадцать или двадцать. При этомъ обиліи силъ журналъ шель прекрасно. Къ несчастію редакція, не умѣла цѣнить своего положенія и повела дѣло такъ, что скоро отдѣлились отъ „Русскаго Вѣстника“ довольно многіе изъ людей, на содѣйствіи которыхъ основывалось могущество „Русскаго Вѣстника“: вмѣстѣ съ г. Е. Коршемъ удалились отъ „Русскаго Вѣстника“ г. О. Дмитріевъ, г. Чичеринъ и нѣкоторые другіе люди, бывшіе столь же полезными для журнала. Что хорошаго вышло для „Русскаго Вѣстника“ или вообще для литературы изъ этого распаденія? Отдѣлившіеся люди основали новый журналъ; но оказалось, что у нихъ не достало средствъ вести его удовлетворительно, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ силы этихъ людей не приносятъ литературѣ той пользы, какую приносили до отдѣленія отъ „Русскаго Вѣстника“; а самъ „Русскій Вѣстникъ“ замѣтно ослабѣлъ съ той поры: въ немъ уже не было столькихъ дѣльныхъ людей, чтобы каждая книжка по прежнему наполнялась живыми статьями. Пропорція журнальнаго баласта значительно возросла въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Довольно часто редакція бывала принуждена выпускать книжки, не имѣвшія уже ни одной живой статьи, подобныя книжкамъ тѣхъ второстепенныхъ журналовъ, которые существуютъ, не обнаруживая никакого вліянія на публику. До отдѣленія г. Е. Корша и его друзей, каждый номеръ „Русскаго Вѣстника“ производилъ впечат-

тлѣніе на публику, возбуждалъ горячіе толки; бывало, куда ни прійдешь, повсюду васъ спрашиваютъ: читали вы послѣдній номеръ „Русскаго Вѣстника“? что вы думаете о такой-то статьѣ? неправда ли, что она хороша?—бывало, тотчасъ же начинаютъ читать вамъ разные отрывки изъ этого послѣдняго номера, если вы еще не видали его. Въ послѣдніе два года этого уже почти не было: „Русскій Вѣстникъ“ не сохранилъ и половины прежняго интереса для публики; но все-таки онъ оставался однимъ изъ наиболѣе любимыхъ публикою журналовъ. Мы боимся, чтобы теперь онъ не утратилъ значительной части вліянія, уцѣлѣвшаго за нимъ послѣ этой первой потери. Г-жа Туръ удаляется отъ „Русскаго Вѣстника“. Въстѣ съ нею удаляются ея литературные друзья. Что хорошаго будетъ отъ этого для литературы и для самаго „Русскаго Вѣстника“? Говорить, что отдѣляющіеся сотрудники думаютъ основать новый журналъ или новую газету. Хорошо, если у нихъ достанетъ средствъ придать своему изданію сильный интересъ; но примѣръ „Атenea“ служитъ невыгоднымъ предзнаменованіемъ. Всего скорѣе надобно полагать, что у новаго изданія не достанетъ силъ занять такое мѣсто, какое принадлежало „Русскому Вѣстнику“. А самъ „Русскій Вѣстникъ“ еще снова ослабѣлъ бы, если бы уже дѣйствительно нельзя было возратить ему содѣйствія отдѣляющихся сотрудниковъ. Но мы думаемъ, что дѣло сего можетъ быть поправлено, если редакція „Русскаго Вѣстника“ пойметъ надобность въ томъ. Тамъ, гдѣ ссора возникаетъ изъ личныхъ мелочныхъ несприятностей, прекратить ее всегда возможно, если люди, по несчастію вовлечшіеся въ нее, люди порядочные, люди преданные дѣлу, умѣющіе ставить его выше пустыхъ личныхъ несприятностей. Мы не имѣемъ права полагать, чтобы кто нибудь изъ лицъ, о которыхъ теперь говоримъ, не обладалъ благородными чувствами, не былъ готовъ бросить самолюбивое раздраженіе для пользы своихъ убѣждений. Притомъ же и самое положеніе спора благоприятствуетъ примиренію: каждая сторона вѣроятно уже находитъ, что выказала въ немъ довольно полемическихъ талантовъ, вѣроятно очень довольна своимъ остроуміемъ,—чего же больше: когда каждый доволенъ самимъ собой, взаимная снисходительность не бываетъ тяжела. Всѣ считаютъ себя побѣдителями, а побѣдители бывають великодушны. Но, разумѣется, первый шагъ къ примиренію лежитъ на обязанности той стороны, которая подала первая поводъ къ несприятностямъ. Если редакція „Русскаго Вѣстника“ понимаетъ свои выгоды, она дастъ отдѣляющимся отъ нея сотрудникамъ возможность снова сойтись съ нею. Желать этого заставляютъ насъ выгоды литературы вообще и собственные наши интересы: мы уже говорили, что считаемъ „Русскій Вѣстникъ“ очень полезнымъ подготовителемъ публики къ принятію идей, которыя мы защищаемъ. Нѣтъ нужды, что „Русскій Вѣстникъ“ очень усердствуетъ доказывать нелѣпость и гибельность мнѣній, которыхъ держимся мы: онъ все-таки выводитъ людей изъ умственной летаргіи на дорогу, по которой каждый серьезный человѣкъ изъ пробуждаемыхъ имъ непременно долженъ раньше или позже прійти къ образу мыслей, нами излагаемому; всякая потеря столь полезнаго для насъ помощника — наша собственная потеря, и вотъ почему редакція „Русскаго Вѣстника“ не ошиблась бы, послушавшись нашего совѣта: одинаковость нашихъ собственныхъ интересовъ съ ея выгодами должна служить ей достаточнымъ ручательствомъ за искренность совѣта, даваемого нами ей.

Получивъ теперь 10-ю книжку „Русскаго Вѣстника“, мы видимъ, въ сожалѣнью, что исторія, нами разсказанная на предыдущихъ страницахъ, обогатилась новымъ документомъ. Редакція „Русскаго Вѣстника“ напечатала въ этомъ номерѣ своего журнала „Объясненіе“, служащее отвѣтомъ на статью Мая въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. „Объясненіе“ столько же выше статьи Мая по литературному таланту, съ которымъ написаны если не всё, то многія его страницы, сколько уступаетъ ему убѣдительною содержанія. Прекраснымъ примѣромъ полемической ловкости служить самое начало „Объясненія“.

„Въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщена статья подъ заглавіемъ *Краткое сказаніе о послѣднихъ дѣяніяхъ* „Русскаго Вѣстника“, и помѣщена, какъ замѣчено редакціей газеты, въ интересъ гласности. Побужденія весьма естественное и весьма похвальное въ редакторѣ газеты, хотя бы и казенной. Гласность есть, безъ сомнѣнія, дѣло полезное. Она выводитъ на свѣтъ клеветы и сплетни, которыя плодятся во всякой общественной средѣ, и даетъ такимъ образомъ возможность изобличить и опровергать ихъ. „Московскія Вѣдомости“ могли бы сказать въ своемъ примѣчаніи, что помѣщеніемъ этой статьи онѣ шѣли въ виду оказать услугу „Русскому Вѣстнику“, и мы бы очень охотно повѣрили имъ, по крайней мѣрѣ вполне согласились бы съ ними.

„Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего на свѣтѣ сколько нибудь обращающаго на себя вниманіе, что не возбуждало бы неблагопріятныхъ слуховъ, выдумокъ и клеветъ. Пока слухи остаются слухами и переходить изъ дома въ домъ, изъ устъ въ уста, нѣтъ предѣла ихъ развитію. Печать, напротивъ, все отрезвляетъ, все приводитъ въ должные размѣры, и нелѣпая клевета, вздорная выдумка, иногда не требуетъ никакихъ опроверженій и изобличается сама собою, появляясь въ печати, если только публика привыкла къ гласности, не пугается печатныхъ объясненій какъ скандаловъ, и не предпочитаетъ имъ тихихъ разговоровъ, какъ бы ни были они дѣйствительно скандальны. Вотъ почему мы думаемъ, что редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ оказалъ намъ услугу, напечатавъ сказаніе о *нашихъ дѣяніяхъ*: всё обвиненія, высказанныя въ печатной статьѣ, непременно ходили бы въ обществѣ, въ видѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ слуховъ, съ разными дополненіями и украшеніями,—говоримъ: непременно, потому что, какъ оказалось, есть люди очень заинтересованные нами и нашими дѣяніями. Теперь эти обвиненія собраны, тщательно сгруппированы, весьма шриво изложены, и сами подлежатъ суду какъ публики, такъ и обвиняемыхъ лицъ. То, что было бы для редакціи „Русскаго Вѣстника“ таинственнымъ искомъ, становится теперь величиной определенной, которую можно а взвѣсить, и разложить на составные элементы“.

Оборотъ очень искусный. Можно замѣтить только, что у редакціи „Русскаго Вѣстника“ не достало сдержанности, чтобы сохранить во всей статьѣ вѣрность этому вступленію. Дальше попадаютъ выходы противъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, грубостью своею вовсе не соответствующій такому началу, очень сильному своею ироническою любезностью. Эти дальнѣйшія выходы ослабляютъ хорошее впечатлѣніе, имъ производимое.

Гласность очень хороша, между прочимъ, и для уничтоженія сплетенъ, сказала редакція „Русскаго Вѣстника“, и затѣмъ продолжаетъ: впрочемъ, главный, общій фактъ, выставляемый на видъ статьею Мая, такъ неправдоподобенъ, что и безъ помощи гласности никто бы ему не повѣрилъ. По словамъ Мая, редакторъ „Русскаго Вѣстника“ обращается съ своими сотрудниками, какъ начальникъ съ подчиненными. Но, замѣчаетъ редакція, —

„Русскій Вѣстникъ“ издается уже не первый годъ. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ участвовали я участвуютъ своими трудами лица, принадлежащія къ числу лучшихъ дѣятелей нашей литературы, и не одни литераторы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, но и лица, принадлежащія къ различнымъ общественнымъ сферамъ, отличающіяся и дарованіями,

и самостоятельнымъ образомъ мыслен, и нравственнымъ достоинствомъ. Спрашивается, вѣроятно ли, чтобъ эти лица не только согласились выносить подобныя отношенія къ какой бы то ни было редакціи въ продолженіе многихъ лѣтъ, или даже одного года, или одного мѣсяца, но даже допустили хоть на минуту самую возможность подобныхъ отношеній? Чтобы дать этой фантазіи какой нибудь смыслъ, надобно ограничить ея размѣры, надобно допустить, что не всѣ, а лишь нѣкоторые сотрудники „Русскаго Вѣстника“ находятся въ томъ жалкомъ положеніи, какое изображаетъ широкая часть автора статьи. Если бы нашлись такіе люди, то они дѣйствительно заслуживали бы сожалѣніе, или лучше сказать, они заслуживали бы такое жалкое положеніе. Всѣ выходки, всѣ обвиненія противъ редакціи, собранныя авторомъ статьи, падали бы собственно на этихъ несчастныхъ. Чѣмъ хуже деспотъ, тѣмъ презрѣннѣе подданные, которые несутъ его иго. Мы не судьи собственной нашей личности. Но допустимъ, что мы, дѣйствительно, одержимы бѣсомъ властолюбія и исполнены самыхъ дурныхъ наклонностей: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто, сознавая это, негодуя и ропща противъ насъ въ дунѣ своей, поддерживалъ съ нами сношенія и оставался нашимъ сотрудникомъ. Чѣмъ могли мы прифр-плять къ себѣ свободныхъ людей, чѣмъ могли дѣйствовать на нихъ и поработать ихъ нашему властолюбію и самоуправству? Какъ могли бы мы проявить наши деспотическія наклонности на людяхъ, которые намъ не подвластны? Редакція журнала не есть васселенное имѣніе, не есть даже канцелярія. Здѣсь отношенія совершенно свободны, никто ни отъ кого не зависитъ, и люди, которые не могутъ сойтись между собою, могутъ разойтись безъ всякаго препятствія и затрудненія. Если свободный ведетъ и держитъ себя по обычаю невольника, то въ этомъ виновата его собственная добрая воля или его природа“.

Опять очень искусный оборотъ. Но положеше бываетъ иногда такъ невыгодно, что и величайшая полемическая ловкость остается напрасна. Такъ и тутъ. Май пустился въ неловкую утрировку, редакція „Русскаго Вѣстника“ мастерски схватила эту слабую сторону своего порицателя, и повернула его мысли такъ, что выходитъ изъ нихъ ѣдкій намекъ противъ всего самого и защищаемой имъ стороны. Но кто не видитъ, что выставить слабость неловкаго адвоката не значить еще опровергнуть сущность дѣла, неудачно имъ излагаемаго? Каждому понятно, что отношенія, за любовь къ которымъ упрекаетъ Май редакцію, только названы имъ начальническими, по неумѣнью его сообразить, что этимъ словомъ онъ даетъ оружіе противъ себя; каждый чувствуетъ, что дѣло идетъ не о „деспотизмѣ“, по ироническому выраженію редакціи „Русскаго Вѣстника“, а просто о нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ деликатности, можетъ быть, и незначительныхъ въ сущности, но все-таки непріятныхъ для людей, подвергающихся имъ. Опять, кто не знаетъ, что при нашихъ привычкахъ люди очень почтенные, благородные, глубоко сознающіе свое достоинство, умѣющіе даже защитить его въ крайнихъ случаяхъ, часто бываютъ расположены считать неумѣстнымъ громко высказывать неудовольствіе, когда бываютъ оскорбляемые слишкомъ уже тяжело? Вѣдь самъ „Русскій Вѣстникъ“ прекрасно говоритъ объ этомъ общемъ нашемъ недостаткѣ: обижаться и однакоже молчать, чувствовать непріятность и переносить ее. Вѣдь у насъ желающій можетъ быть менѣе деликатнымъ, чѣмъ слѣдовало бы; вотъ объ этомъ слѣдовало бы подумать редакціи „Русскаго Вѣстника“. О томъ, что она деспотствуетъ, нелѣпо и говорить. Но быть можетъ бесполезно было бы не забывать, что не слѣдуетъ пользоваться переносливостью, составляющею слабость почти каждаго воспитаннаго въ нашихъ обычаяхъ: во-первыхъ, нехорошо пользоваться слабостями; во-вторыхъ, это наконецъ приводитъ къ ссорамъ, нимало не нужнымъ ни для кого и очень вреднымъ для тѣхъ самыхъ, которые (тоже безъ всякой нужды) пользуются слабостями до того, что люди теряютъ охоту имѣть съ ними дѣло

Послѣ этого, въ „Объясненія“ прекрасно излагаются понятія редакціи „Русскаго Вѣстника“ объ обязанностяхъ редакціи всякаго, а въ особенности Русскаго журнала, и о томъ, какія условія должно соблюдать, какими основаніями руководиться въ случаяхъ надобности передѣлывать статью. Эти понятія вообще справедливы, но значить, иногда они не соблюдались, если возникали неудовольствія. Кто не дѣлаетъ ошибокъ, опрометчивостей? Но вѣдь есть же средство поправлять ихъ; оно очень просто: не должно уходить въ нимбъ непогрѣшительности и самоувѣренности отъ дружелюбныхъ объясненій съ человѣкомъ, который думаетъ, что вы сдѣлали ошибку противъ него.

Затѣмъ объясняется очень подробно, что редакція „Русскаго Вѣстника“ имѣла полное право поступать съ статьями гг. Благовѣщенскаго и Утина такъ, какъ поступала. Имѣла или не имѣла формальное право, вовсе не въ томъ дѣло; оно въ томъ, что гг. Благовѣщенскій и Утинъ остались недовольны поступками редакціи „Русскаго Вѣстника“ относительно ихъ, а редакція остается довольна своими дѣйствіями въ этихъ случаяхъ. То и бѣда, что неумѣренность или неосторожность въ пользованіи правомъ, которое бесспорно имѣете вы, ведетъ иногда къ возбужденію неудовольствія въ людяхъ, съ которыми вовсе не нужно было бы имѣть непріятностей. Этого-то и нужно избѣгать, а не удовлетворяться повтореніемъ гордыхъ словъ: „я имѣлъ право“; не въ томъ сила, имѣли ли мы права, — сила въ томъ, благоразумны ли мы были. Вотъ и теперь напримѣръ: бесспорно, редакція „Русскаго Вѣстника“ имѣла полное право излагать исторію того, на какомъ основаніи передѣлывала она статью г. Благовѣщенскаго; но благоразумно ли она дѣлаетъ, излагая ее? Вѣдь она этимъ наноситъ новое оскорбленіе г. Благовѣщенскому — къ чему же? Полезно ли это для нея самой? И чѣмъ заслужилъ г. Благовѣщенскій, чтобы ему наносили непріятности изъ-за того, что поссорились съ какимъ-то г. Маеиъ, до чего г. Благовѣщенскому конечно не было и нѣтъ никакого дѣла? Если вы хотѣли ссориться съ нимъ (чего вы совершенно не хотѣли, это по всему видно; мы вѣримъ вамъ, ваши слова объ этомъ согласны съ фактами), то и ссорились бы прямо съ нимъ, прямо по его дѣлу, — это не было бы обидно ему; а то, что вы дѣлаете? Ввязываете человѣка въ чужую непріятную исторію — это уже очень обидно. Неблагоразумно, неблагоразумно.

Идемъ далѣе, — вотъ добрались и до настоящаго предмета „Объясненія“, до статьи г. Мая. Съ такимъ плохимъ бойцомъ сражаться нетрудно: редакція очень ловко и ѣдко ловить его на собственныхъ его словахъ и доказываетъ, что напрасно онъ не хочетъ казаться партизаномъ г-жи Туръ, когда самъ проговаривается объ этомъ, что непохвальнымъ дѣломъ онъ занимался, собирая слухи и читая чужія письма, что очень смѣшно разеуждаетъ онъ о дозвоительности примѣчаній отъ редакціи въ началѣ или срединѣ и недозвоительности ихъ въ концѣ статей, что утрировкой выраженій примѣчанія, сдѣланнаго къ статьѣ г-жи Туръ, онъ самъ бьетъ себя, и т. д., и т. д. — все очень хорошо, а все-таки за побіеишемъ Мая остается не разбитымъ основаніе дѣла. Редакція очень искусно обходитъ его, но вѣдь замѣтно, что она обходитъ его, и думается: значить, въ дѣлѣ этомъ есть что-то неловкое, неудобное для оправданія, — какъ будто какія-то пустыя мелочи, изъ-за которыхъ не приходилось бы порядочнымъ людямъ начинать ссору съ сотрудиномъ, приносящимъ пользу ихъ журналу. Какъ тутъ все что-то ве клеится съ оправданіями, замѣтимъ на двухъ, трехъ примѣрахъ. Май спрашивалъ,

хорошо ли было бы, если бы редакция вводила въ печатную поленику нѣкоторыя выраженія изъ писемъ г-жи Туръ, не предназначавшихся для печати? Редакция отвѣчаетъ:

„Писала ли намъ что вѣдучь подобное г-жа Евгенія Туръ, или не писала, какое ему до этого дѣло, и откуда можетъ онъ знать это, и какъ можетъ онъ дѣлать это заключеніе изъ нашихъ словъ, которыми мы ничего не цитуемъ, а только передаемъ наше собственное впечатлѣніе?“

Такъ, что за странная придирчивость! Но сама редакция черезъ двѣ страницы впадаетъ въ такую же излишнюю придирчивость:

„Она (г-жа Туръ) говоритъ, что мы можемъ съ спокойною совѣстью не защищать памяти Свѣчной отъ заслуженныхъ нарекашій. Если бы мы также были счастливы, какъ г-жа Евгенія Туръ, и нашли бы себѣ такого же защитника, какъ она, то защитникъ нашъ могъ бы спросить, откуда она взяла, что мы хотимъ защищать память Свѣчной отъ нарекашій? Въ краткой замѣткѣ редакціи, вызвавшей протестацію, ничего не говорится о защитѣ памяти Свѣчной отъ нарекашій. Ужъ нѣтъ ли тутъ чего вѣдучь третьяго, воскликнулъ бы можетъ быть нашъ защитникъ, тономъ торжественно-мрачнымъ, не отголосокъ ли это какого вѣдучь письма или какой вѣдучь частной бесѣды? А дѣйствительно, нѣчто подобное намъ случилось сказать частнымъ образомъ; но г-жа Евгенія Туръ, которая не цитовала нашихъ словъ, а говорила отъ себя, имѣла бы полное право посвятиться надъ нашимъ бѣднымъ защитникомъ, а за нею и публика“.

Надобно даже сказать, что редакция въ этомъ отношеніи еще страннѣе самого Мал. Тотъ привязывался къ выраженіямъ, довольно многосложнымъ, сходство которыхъ съ какими вѣдучь выраженіями изъ непредназначенныхъ для печати писемъ г-жи Туръ не могло быть случайно; а редакция обижается употребленіемъ словъ „защищать память“ — фразы самой простой, обыкновенной, которую каждому часто случается употреблять. Что за мелочное подражаніе мелочности, которую сами осудили! Но страннѣе всего то, что предполагаемыя непозволительныя цитаты не заключаютъ въ себѣ ровно ничего такого, чтобы можно или Маю претендовать на редакцію за одну, или редакция на г-жу Туръ за другую.

Спѣшимъ къ концу „Объясненія“. Многимъ показалось, будто редакция „Русскаго Вѣстника“, въ отвѣтъ своемъ на письмо г-жи Туръ, не остереглась употребить выраженія, въ которыхъ заключались личности очень дурнаго тона. Намъ самимъ такъ показалось. Теперь редакция съ негодованіемъ отвергаетъ такое подозрѣніе:

„Наконецъ, защитникъ заноситъ на насъ самый тяжкій ударъ. По счастью, онъ не довершаетъ этого удара, и самъ готовъ оправдать насъ. Онъ говоритъ о какомъ-то мѣстѣ въ нашемъ отвѣтѣ, которое будто бы привело въ недоумѣніе самыхъ жарквѣ поклонниковъ „Русскаго Вѣстника“. Онъ говоритъ о какомъ-то неосторожномъ словѣ, которое могло быть принято за наекъ, „годный только для составителей грязныхъ памфлетовъ“. Мы благодаримъ его за то, что онъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, не приписалъ намъ никакого дурнаго умысла. Благодаримъ его также за совѣтъ быть осторожными, несмотря на то, что этотъ совѣтъ слишкомъ неспредѣленъ и также не совсемъ остороженъ. Никакая осторожность не поможетъ, если вы расположены къ подозрѣнію и склонны видѣть во всемъ намекъ. Впечатлѣніе, производимое словомъ, зависитъ не отъ одного говорящаго, а также и оттого, что на умѣ у слушающаго. Въ объясненіяхъ нашихъ съ г-жею Евгеніею Туръ мы ни о чемъ не говорили. кромѣ только того, что заключалось въ спорномъ предметѣ, и могли имѣть въ виду лишь возвращенія этой писательницы, которая она сама высказываетъ, которая отчасти проглядываютъ даже въ статьяхъ напечатанныхъ у насъ, и съ которыми однако мы не можемъ согласиться. Вотъ почему мы и поспѣшили отказаться отъ солидарности убѣжденій, на вторю Ѳ

наставляла г-жа Евгенія Туръ. Говорить о мнѣніяхъ и взглядахъ писателей, оспаривать или даже осмѣивать ихъ можно и даже должно, если мы считаемъ ихъ ошибочными. Но мы считаемъ неповадительною и безчестною всякій намекъ, годный для грязнаго пасквиля. Мы еще понимаемъ полваго и точнаго заявленія факта, который можетъ быть опровергаемъ, во намекъ въ этомъ случаѣ есть дѣло недостойное, болѣе позорящее того, кто употребляетъ его, нежели тѣхъ, противъ кого направлеиъ. Каковы бы ни были наши недостатки и слабости, мы можемъ однако оказать, безъ опасенія, чтобы кто нибудь могъ уличить насъ въ противномъ, что мы не способны къ чему нибудь подобному, и объ этомъ свидѣтельствуемъ все наше прошедшее. Мы считали бы такой поступокъ недозволительною и недостойною даже относительно такихъ лицъ, которыя тѣмъ нибудь дѣйствительно подавали бы поводъ къ намекамъ, годнымъ для пасквилей, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда не было и не могло быть никакого повода къ чему либо подобному“.

Прекрасно. Отъ души вѣримъ. Но зачѣмъ же, дѣйствительно успокоивъ насъ благороднымъ оправданіемъ, редакция тотчасъ же впадаетъ въ самыя жалкія личныя намеки, — не такого дурнаго смысла, отъ какихъ торжественно отреклась, но все-таки очень, очень дрянныя, — посмотрите, какой жалкій конецъ имѣетъ статья, вообще написанная съ талантомъ:

„На этомъ остановимся. О разныхъ мелкихъ выходкахъ противъ насъ, которыми презобидуетъ статья, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, мы распространяться не будемъ. Говорить о себѣ очень трудно, даже въ интересѣ гласности. Мы не можемъ не считать всего этого мелочами, не заслуживающими вниманія публики. Но если редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, движимый столь дорогимъ для него интересомъ гласности, захочетъ ближе ознакомиться съ бытомъ редакціи „Русскаго Вѣстника“, то мы покорнѣе просимъ его пожаловать къ намъ, осмотрѣть нашъ кабинетъ, наши книги, навести справки о нашихъ занятіяхъ редакціонныхъ и частныхъ, изслѣдовать ваши познанія въ наукахъ. Такимъ образомъ онъ удовлетворитъ своей любознательности гораздо вѣрнѣе и проще, и извлечетъ для себя что нужно въ интересѣ гласности, не прибѣгая къ разнаго рода таинственнымъ сыщикамъ. Втораго тома книги Гнейста онъ не найдетъ теперь въ нашемъ кабинетѣ. Кто-то выпросилъ его у насъ... Кстати о книгахъ. Не можетъ ли редакция „Московскихъ Вѣдомостей“, черезъ этого господина, любителя освѣдомленій и розысковъ, отыскать, гдѣ теперь находится кѣмъ-то у насъ взятая книга венгерца Этвеша, о которой говорили мы выше въ статьѣ объ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ? Она крайне нужна намъ въ настоящую минуту для нѣкоторыхъ справокъ, а другаго экземпляра достать въ Москвѣ нѣтъ возможности“.

Что это такое? Помилюйте? Неужели объявленіе публикѣ, что нѣкто, написавшій подъ именемъ Мал статью противъ редакціи „Русскаго Вѣстника“, бралъ прежде на просмотръ книги у одного изъ редакторовъ „Русскаго Вѣстника“, и двухъ изъ этихъ книгъ не успѣлъ еще возвратить ему? На какой отвѣтъ напрашиваются эти слова? Какъ не вздумалось писавшему эти странныя слова, что вѣдь противники легко могутъ сочинить изъ нихъ объявленіе о подпискѣ для вознагражденія редакціи „Русскаго Вѣстника“ за убытокъ, понесенный ею отъ неаккуратности неизвѣстнаго въ возвращеніи двухъ изъ числа книгъ, которыя бралъ онъ изъ редакціи? Что за радость спрашивать на осмѣяніе?

Странное дѣло, жалкое дѣло! И вотъ такими-то дѣлами занимаютъ литераторы публику, и вотъ такія ссоры и вотъ такъ могутъ еще вестись между нами! Удивительно.

Ссорятся люди почтенныя изъ-за вздора, разгорячаются до того, что Богъ-знаетъ какими вещами колятъ глаза, — по ихъ предположенію противникамъ, а по нашему мнѣнію симимъ себѣ, забывая изъ-за этого жалкаго вздора и свои вы-

годы и пользу литературы. Неужели еще кажется не пора редакціи „Русскаго Вѣстника“ прекратить эту странную исторію? Неужели ей уже невозможно примириться съ сотрудниками, содѣйствіе которыхъ было полезно для ея журнала? Кажется, еще можно загладить всѣ эти дразги благороднымъ сознаниемъ своей опрометчивости. А если уже нѣтъ, то убѣждаемъ редакцію „Русскаго Вѣстника“ хотя впередъ быть осторожнѣе. Вѣдь если она будетъ продолжать такъ, то будетъ имѣть сотрудникомъ одного г. Ржевскаго.

Но публика и литераторы по прежней привычкѣ еще сохраняютъ столько уваженія къ редакціи „Русскаго Вѣстника“, и въ столь многихъ еще такъ сильна прежняя горячая привязанность въ этому журналу, что для редакціи „Русскаго Вѣстника“ еще очень не трудно сохранить своему журналу средства быть однимъ изъ лучшихъ у насъ: ей стоитъ лишь нѣсколько повнимательнѣе нынѣшняго остерегаться той единственной слабости, на которую мы обратили ея вниманіе и которая во всякомъ случаѣ нимало не мѣшаетъ намъ цѣнить ея достоинства.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. *Ор. Новицкаго.* Часть I. Религія и философія древняго востока. Кіевъ. Въ университетской типографіи. 1860 г.

При военныхъ походахъ одни изъ неизбѣжныхъ явленій бываютъ толпы отсталыхъ, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ армія съ генеральнымъ штабомъ подвигается все дальше и дальше впередъ. При быстромъ наступленіи дѣло доходитъ до того, что большинство солдатъ остается далеко назадъ. По ечету эти толпы далеко превосходятъ ту часть войска, которая идетъ подъ знаменами; но онѣ не принимаютъ уже никакого участія въ битвахъ и служатъ только обремененіемъ для своихъ бывшихъ товарищей, на плечахъ которыхъ остается вся тяжесть борьбы, которые за то одни и получаютъ славу. То же самое бываетъ и въ умственномъ движеніи человѣчества въ завоеваніи истины. Сначала всѣ народы идутъ наравнѣ: предки Аристотеля жили нѣкогда въ такомъ же состояніи, какъ готтентоты, имѣли такія же понятія; но вотъ умственное движеніе ускоряется въ нѣкоторыхъ племенахъ и огромное большинство человѣческаго рода отстаетъ отъ нихъ. Греки, изображенные Гомеромъ, уже далеко опередили троглодитовъ, лестригоновъ и другія племена, о которыхъ Иліада и Одиссея говорятъ, какъ о жалкихъ дикаряхъ, свирѣпыхъ, вслѣдствіе самой своей нищеты, умственной и матеріальной. Еще нѣсколько переходовъ — и большинство самихъ грековъ отстаетъ отъ передовыхъ племенъ. Во времена Солона аѳиняне уже много ушли впередъ противъ положенія, въ какомъ были при Гомерѣ, а спартацы не подвинулись почти ни на шагъ, другія племена не подвинулись вовсе. Еще нѣсколько переходовъ — и въ самомъ аѳинскомъ племени повторяется то же явленіе: мудрость Солона была понятна и доступна каждому аѳинскому гражданину, а Сократъ кажется уже вольнодумцемъ большинству своихъ соотечественниковъ: только немногіе понимаютъ его, остальные спокойно осуждаютъ на смерть, какъ безбожника. То же самое и въ новой исторіи. Дѣло начинается тѣмъ, что вся масса людей, населяющая провинціи бывшей западной Римской имперіи и составившаяся изъ смѣшенія германскихъ завоевателей съ прежними римскими подданными, имѣетъ одинаковый взглядъ на вещи: всѣ одинаково католики и всѣ отъ высшихъ до низшихъ одинаково понимаютъ католичество: папа въ VII или VIII вѣкѣ отличается отъ самаго необразованнаго французскаго или ирландскаго поселяннина только тѣмъ, что больше его помянуть текстовъ и молитвъ, а не тѣмъ, чтобы иначе разумѣлъ смыслъ ихъ. Наука существуетъ въ видѣ поговорокъ и простонародныхъ сказаній, которыя одинаково извѣстны всѣмъ людямъ всѣхъ сословій; поэзія состоитъ въ народныхъ пѣсняхъ, которыя равно извѣстны и близки каждому. Черезъ

нѣсколько времени различіе сословій по матеріальному положенію производитъ разницу и въ ихъ умственной жизни. Церковныя богатства даютъ возможность образоваться теологамъ, изъ которыхъ большинство считается вѣрнымъ католическому преданію, но все-таки даетъ ему истолкованіе различное отъ понятій, сохраняющихся между простолюдинами. Немногіе особенно даровитые теологи доводятъ эту передѣлку до того, что ихъ понятія отвергаются большинствомъ другихъ спеціалистовъ, за то принимаются мірянами средняго и низшаго сословій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обстоятельства особенно благоприятствуютъ развитію массы. Такъ изъ католическаго общества выдѣляются альбигойцы и другіе еретики. Наука такъ же постепенно принимаетъ форму незнакомую массѣ, развиваетъ въ себѣ содержаніе непонятное для неспеціалистовъ. Изъ общихъ всѣмъ понятій о созвѣздіяхъ развивается нѣчто похожее на астрономію, и сама астрологія становится знаніемъ гораздо обширнѣйшимъ простонародныхъ повѣрій, изъ которыхъ вышла. Эти успѣхи основаны на матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ духовенство и среднее сословіе; горожане участвуютъ и въ произведеніи новой поэзіи, уже недоступной всему народу, остающемуся при прежнихъ сказкахъ и пѣсняхъ: въ городскихъ цехахъ составляются компаніи мастеровъ поэзіи, мастерзингеровъ; но еще больше содѣйствуютъ этой перемѣнѣ богатства феодальныхъ бароновъ, у которыхъ являются придворные поэты — трубадуры. Еще нѣсколько времени, и разстояніе между массою и передовыми людьми еще увеличивается: то, что было ересью, представляется выгоднымъ для нѣкоторыхъ свѣтскихъ государей, и ученія различныя отъ католическихъ преданій объявляются въ нѣкоторыхъ странахъ господствующими. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всѣ государи помогали католическому духовенству преслѣдовать еретиковъ, въ началѣ второй половины среднихъ вѣковъ графы Тулузскіе уже покровительствуютъ альбигойцамъ, но еще не смѣютъ сами объявить себя альбигойцами и оказываются безсильными защитить еретиковъ и самихъ себя отъ гоненія, поднимаемаго людьми прежнихъ понятій. Гусситы, въ концѣ среднихъ вѣковъ, уже могутъ удержаться противъ католическаго гоненія; а черезъ сто лѣтъ новыя понятія уже официально становятся на мѣсто католичества: многіе государи предпочитаютъ Лютера папѣ. Но черезъ это только увеличивается разстояніе между передовыми людьми и массою не только въ странахъ, удержанныхъ въ католическомъ порабоженіи, но даже и въ протестантской части Европы: за энтузіазмомъ простонародья, давшимъ свѣтской власти силу отложиться отъ папы, слѣдуетъ прежняя умственная летаргія, и почти весь народъ протестантскихъ земель снова впадаетъ въ умственную рутину, очень похожую на католичество. За то очень далеко уходятъ впередъ небольшія части народа: изъ лютеранства быстро развивается анабаптизмъ и другія ереси протестантства. Большинство протестантскихъ теологовъ также сохраняетъ духъ неподвижности, по которому уподобляется своимъ католическимъ соперникамъ; но немногіе особенно даровитые люди, какъ напримѣръ Социнъ, даютъ ученое развитіе понятіямъ, соотвѣтствующимъ потребности прогрессивнаго меньшинства простолюдиновъ. Свѣтская наука также развивается между спеціалистами съ замѣчательною быстротою, а громадное большинство населенія остается до сихъ поръ повсюду въ невѣжествѣ, очень близкомъ къ тому, что было въ какомъ нибудь IX или X вѣкѣ. Поэзія образованныхъ сословій развивается столь же быстро, а масса повсюду остается при искаженныхъ клочкахъ прежней общенародной поэзіи среднихъ вѣковъ.

Подобное отношеніе существуетъ также между массою специалистовъ и образованныхъ сословій съ одной стороны, и небольшимъ числомъ передовыхъ ученыхъ и незначительнымъ числомъ людей, приготовленныхъ въ принятію ихъ воззрѣній, съ другой стороны. Мы видимъ, что очень немногіе англійскіе поэты прошлаго вѣка понимали Шекспира и очень немногіе люди въ образованной публикѣ умѣли цѣнить этихъ поэтовъ и самого Шекспира, а большинство англійской публики и англійскихъ поэтовъ очень долго продолжали держаться надутой реторики или холодной прилизанности, которая принадлежала степени поэтическаго развитія несравненно низшей, чѣмъ шекспировская натуральность. То же самое происходило и продолжаетъ происходить повсюду во всѣхъ направленіяхъ умственной жизни. У насъ, напримѣръ, огромное большинство поэтовъ и публики продолжаетъ считать Пушкина лучшимъ представителемъ русской поэзіи, между тѣмъ какъ время Пушкина уже давно прошло. Въ Германіи во время Канта продолжала господствовать вольфианская схоластика, и кантовская философія стала господствовать, когда наука въ школѣ трансцендентальной философіи уже далеко ушла впередъ отъ кантовской фазы своего развитія; большинство ученыхъ и образованной публики въ Германіи держатся теперь воззрѣній трансцендентальной философіи, между тѣмъ какъ наука уже давно покинула эту прежнюю форму своего развитія. Отсталость всегдашняя участь большинства.

Такъ было до сихъ поръ; такъ продолжаетъ быть и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ выводить, чтобы такое отношеніе осталось и навсегда. Возвратимся къ нашему прежнему сравненію. Только небольшая часть первоначальнаго состава арміи имѣетъ силы не отстать отъ знаменъ въ быстромъ походѣ, только она участвуетъ въ битвахъ и совершаетъ завоеванія; остальные бывшіе товарищи этихъ воиновъ лежатъ по госпиталямъ или плетутся извуренные далеко позади. Но вѣдь кончается когда нибудь эта разрозненность. Силою небольшой части первоначальнаго огромнаго войска рѣшена борьба, сдѣлано завоеваніе, враги приведены къ покорности, побѣдители отдыхаютъ; тутъ, чтобы раздѣлить съ ними плоды побѣды, ежедневно прибываютъ къ нимъ толпы, оставшіяся назади. Въ концѣ похода вся армія опять сплотилась подъ знаменами, какъ была передъ началомъ похода. Тѣмъ же должно кончиться и умственное движеніе: завоеванная истина оказывается такъ проста, понятна каждому, такъ сообразна съ потребностями массы, что принять ее гораздо легче, чѣмъ хлопотать надъ ея открытіемъ. Переходныя ступени очень тяжелы, одностороннія проявленія истины очень мудрены, но полная истина вовсе не такова: самые слабые имѣютъ довольно силъ, чтобы обнять ее, когда она, наконецъ, открыта. Мы видимъ, какъ упрощается теорія каждой науки по мѣрѣ ея совершенствованія. Тутъ происходитъ нѣчто подобное происходящему при достиженіи очень высокаго развитія поэзіею образованныхъ сословій: эта поэзія принимаетъ наконецъ формы доступныя простымъ людямъ. Корнель и Расинъ были понятны и извѣстны только малочисленному классу людей, получившихъ очень хлопотливое воспитаніе. Самъ Руссо, доступный кругу въ десять разъ большому, былъ еще совершенно недоступенъ большинству грамотной массы: когда образованные люди читали „Новую Элоизу“ и „Общественный Контрактъ“, французскіе грамотные простолюдины еще читали лубочнымъ изданіемъ искаженныхъ остатковъ средневѣковой литературы. Но пѣсни Веранже и Пьера Дюпона поются уже всѣмъ простонародьемъ французскихъ городовъ и все оно уже читаетъ Жоржа Занда. Правда,

еще остаются во Франціи цѣлыхъ двѣ трети грамотныхъ людей, состояющія изъ поселянъ, не вовлекшіяся въ этотъ быстро расширяющійся кругъ единства понятій самыхъ передовыхъ людей и совершенно простыхъ людей; правда и то, что еще цѣлая половина французскаго населенія не выучилась грамотѣ. Но мы уже видимъ, къ чему идетъ дѣло. Можно уже по пальцамъ сосчитать, сколько лѣтъ остается до той поры, когда каждый французъ, каждая француженка будутъ людьми читающими и когда каждый читающій станетъ образовываться не по тѣмъ дряннымъ книгамъ, какими довольствуется большинство французскихъ поселянъ теперь, а по произведеніямъ первоклассныхъ людей науки и поэзій. Перспектива еще довольно длинна, но уже виденъ конецъ ея. Даже у насъ, какъ ни малы наши успѣхи по сравненію съ передовыми странами, есть признаки того, что начинается провѣнчиваніе вышнихъ результатовъ нашего умственнаго развитія въ массу, которой были недоступны менѣе высокіе фазисы этого развитія. Ломоносовъ былъ понятенъ только людямъ высокаго школьнаго образованія. Стиховъ Державина народъ не могъ ни узнать, ни оцѣнить; да они и были таковы, что, по правдѣ говоря, ровно нечего было цѣнить въ нихъ. Но молодые люди средняго сословія уже могли восхищаться балладами Жуковскаго. Для простолюдиновъ баллады эти были слишкомъ хитры и приторны; но „Черная шаль“ Пушкина пѣлась уже дѣвчушками изъ уѣзднаго простонародья. На дняхъ, проходя мимо столиковъ, на которыхъ продаются лубочныя картинки, мы видѣли листъ съ главными сценами изъ пѣсни Лермонтова о Калашниковѣ; подъ картинками были написаны отрывки пѣсни, соотвѣтствующіе имъ.

Дѣло начинается постепеннымъ выдѣленіемъ людей высшаго умственнаго развитія изъ толпы, которая все дальше и дальше отстаетъ отъ ихъ быстро движенія. Но по достиженіи очень высокихъ степеней развитія, умственная жизнь передовыхъ людей получаетъ характеръ все болѣе и болѣе доступный простымъ людямъ, все больше и больше соотвѣтствующій простымъ потребностямъ массы, и вторая высшая половина исторической умственной жизни состоитъ по своему отношенію къ умственной жизни простолюдиновъ въ постепенномъ возвращеніи того единства народной жизни, которое было при самомъ началѣ и которое разрушалось въ первой половинѣ движенія.

Тѣ передовые люди, дѣятельностью которыхъ развивается наука, ведутъ ее и къ тому, чтобы прониклась результатами ея жизнь всего народа. Люди отсталые, служащіе только обремененіемъ для развитія науки, не приносятъ никакой пользы и ея распространенію въ массѣ; они бесполезны во всѣхъ отношеніяхъ и во многихъ прямо вредны. Кто думаетъ такъ, тотъ не имѣетъ никакого основанія быть снисходительнымъ къ нимъ. Онъ не имѣлъ бы никакихъ извиненій, если бы сталъ скрывать свое мнѣніе о нихъ, если бы сталъ говорить, что ихъ труды имѣютъ какую нибудь цѣну, когда самъ видитъ, что они не имѣютъ никакой, ни для науки, ни для ознакомленія хотя бы съ тѣмъ неудовлетворительнымъ фазисомъ ея развитія, къ которому принадлежатъ. Напримѣръ, елибъ мы стали думать, что все же лучше человѣку познакомиться хотя съ отсталыми философскими воззрѣніями, чѣмъ совершенно не имѣть никакого понятія о философіи, мы все-таки не могли бы сказать, что книга г. Ор. Новицкаго будетъ сколько нибудь полезна русской литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто прочтетъ ее? Навѣрное можно предвидѣть, что даже книгопродавческаго успѣха имѣть она не будетъ; никто не купитъ ея, кромѣ развѣ тѣхъ студентовъ, которые должны будутъ готовиться по ней къ экзамену, и

самая покупка ея этими молодыми людьми была бы вовсе не признакомъ распространенія знакомства съ философіею въ молодомъ университетскомъ поколѣніи, а напротивъ только признакомъ того, что молодые люди, уже захотѣвшіе познакомиться съ философіею, принуждены отсталостью своихъ руководителей знакомиться съ нею въ той формѣ, которая не удовлетворитъ ихъ, возбудитъ въ нихъ скуку, отвращеніе и во многихъ изъ нихъ убьетъ философскую любознательность, которая была уже пробуждена независимо отъ этой книги, и безъ нея не получила бы такого печальнаго конца. Но да не подумаетъ ктонибудь, что мы этимъ отвергаемъ всякое историческое достоинство системы, отраженіе которой находимъ въ книгѣ г. О. Новицкаго, — сама по себѣ она была нѣкогда очень хороша; намъ кажется только, что она выразилась въ его книгѣ неудовлетворительнымъ образомъ; намъ кажется также, что и въ подлинномъ своемъ видѣ она уже непригодна для нашего времени, бывши плодомъ обстоятельствъ нынѣ измѣнившихся.

Характеръ книги г. Ор. Новицкаго вотъ каковъ: когда въ Германіи распространилось знакомство съ философіею Канта, большинство специалистовъ, всегда державшееся рутинны, осталось при своей рутинной схоластикѣ, при средневѣковыхъ понятіяхъ: но ради приличія стало прикрывать ихъ словами, заимствованными изъ кантовской терминологіи. Когда распространилась трансцендентальная философія, къ этой смѣси старыхъ схоластическихъ понятій съ новыми кантовскими терминами прибавилась въ рутинныхъ книгахъ еще новѣйшая примѣсь выраженій, взятыхъ изъ шеллинговской и гегелевской системъ. Новаго духа нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ этихъ рутинныхъ книгахъ, какъ нѣтъ никакого слѣда новыхъ общественныхъ идей въ реакціонныхъ газетахъ, щеголяющихъ выраженіями вошедшими въ моду послѣ Руссо. Г. Ор. Новицкій заимствовалъ основныя идеи своей книги изъ этихъ отсталыхъ нѣмецкихъ философовъ, излагающихъ языкомъ Канта, Шеллинга и Гегеля средневѣковыя идеи. На сколько онъ самъ потрудился надъ перекраскою средневѣковыхъ идей въ кантовскій или гегелевскій цвѣтъ, мы не знаемъ, да и никому нѣтъ большой надобности знать, потому что если бы ктонибудь напечаталъ нынѣ оду въ державинскомъ вкусѣ, то отзывъ критики и мягшіе публики объ этомъ произведеніи остались бы совершенно одинаковы, хотя бы ода была оригинальнымъ произведешемъ, или только передѣлкою какойнибудь чужой оды, или наконецъ простымъ переводомъ съ нѣмецкаго. Наводить справки объ этомъ рѣшительно не стоило бы.

Въ похвалу г. Ор. Новицкому надобно сказать, что онъ пишетъ съ соблюденіемъ правилъ грамматики, умѣетъ ставить союзы и предлоги въ надлежащихъ мѣстахъ и основательно знаетъ ученіе о знакахъ препинанія. Но эта сторона еще не главное достоинство его книги. Онъ имѣетъ привычку къ употребленію множества философскихъ терминовъ, изъ которыхъ иные даже очень не дурны, когда употребляются не г. Ор. Новицкимъ, а Гегелемъ. Кромѣ того, однимъ изъ источниковъ для изложенія китайской философіи служила ему книга покойнаго Іоакинана „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе“, изданная въ Санктпетербургѣ въ 1840 году. Читателю извѣстно, что эта книга написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, и вопросы въ вей имѣютъ такой видъ: „Какъ называется у китайцевъ губернское правленіе? Сколько ассесоровъ бываетъ въ китайскомъ губернскомъ правленіи? На какія должности опредѣляются въ Китаѣ коллежскіе регистраторы?“ Въ отвѣтахъ очень точно объясняется все это.

Но пора намъ представить хотя одинъ примѣръ философствованій г. Ор. Новицкаго. Для примѣра мы выбираемъ ту часть введенія, которая излагаетъ отношеніе философіи къ религіи. Существенное содержаніе религіи и философіи одинаково, говоритъ Ор. Новицкій, но онѣ „различаются между собою способомъ усвоенія себѣ этого содержанія, формою, подѣ которою сознають одну и ту же истину.

„Въ религіи безусловное открывається, какъ непосредственное присуіе Его въ чело-вѣческомъ сознаніи, а въ философіи—какъ мысль о безусловномъ; религія преимущественно живеть въ убѣжденіяхъ сердца, а философія въ понятіяхъ разума. Въ немногихъ словахъ (продолжаетъ Ор. Новицкій въ примѣчаніи), но глубоко вѣрно высказано это различіе философіи и религіи въ нашемъ православномъ Катихизисѣ (стр. 2): „Знаніе принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце; вѣра принадлежитъ собственно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ“... Сходясь въ одномъ содержаніи (продолжаетъ онъ опять въ текстѣ), философія и религія различаются между собою не только своей формою, но своимъ *значеніемъ и достоинствомъ*. Каково бы ни было значеніе философскаго знанія и достоинство самой философіи, вѣра всегда выше этого знанія... Если философія (дальше говоритъ Ор. Новицкій) хвалится отчетливостью своихъ понятій въ свойственной ей области, за то эти понятія не имѣютъ той глубины и жизненности, которая принадлежитъ лишь религіи; изъ ввтреннѣйшаго, глубочайшаго основанія жизни человѣчества исходитъ она, и потому есть выраженіе внутреннѣйшихъ ея тайнъ; и съ другой стороны, чело-вѣчскій духъ раскрывається различными проявленіями,—науками, искусствомъ, интересами политической жизни, но всѣ эти проявленія и дальнѣйшія сплетенія чело-вѣческихъ отношеній, все, что имѣетъ значеніе и достоинство для чело-вѣка, находятъ свое послѣднее средоточіе въ религіи, въ мысляхъ, сознаніи, чувствованіи Бога; всѣ отношенія чело-вѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами въ религіи, какъ въ своемъ фокусѣ, всѣ утверждаются въ ней и животворятся ею; такъ философія и искусство, можно сказать, суть цвѣты народнаго сознанія; но живой ихъ корень, какъ и всякаго народнаго образованія, есть только религія; отторгнутое отъ этого корня, заключенное въ чисто-отвлеченныхъ понятіяхъ философское мышленіе мертвѣетъ и приноситъ плоды незрѣлые и горькіе; только въ религіозномъ чувствѣ философія всегда находила непзсякаемый источникъ высшихъ, животворныхъ помысловъ; правда, и философія можетъ оказывать религіи своего рода услугу.—можетъ очищать религіозное чувство, хотя не въ немъ самомъ, а отъ чуждой ему примѣси ложнаго пониманія, суевѣрія, фанатизма и т. п.; но и это дѣлаетъ философія лишь тогда, когда внимааетъ голосу того же самаго чувства; она только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ это чувствованіе. Наконецъ, философія развивается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій; и потому, если она болѣе или менѣе удовлетворяетъ любознательности разума, то не можетъ даровать мира и успокоенія,—не можетъ удовлетворить сердца; она мыслить о безусловномъ, но только мыслить, а не ведетъ къ единенію съ этимъ безусловнымъ,—чего непрестанно алчетъ духъ чело-вѣка; между тѣмъ религія есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаются всѣ загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, успокоиваются всѣ печали и тревоги сердца,—есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира; только религія, а не мышленіе о ней, даруетъ чело-вѣку блаженство; и потому то,—повторяемъ снова,—вѣра выше знанія, религія выше философіи“ (стр. 12, 13, 14 и 15).

По различію формъ (продолжаетъ г. Ор. Новицкій) философія и религія бывають въ разныхъ отношеніяхъ между собою. Въ религіи онъ видитъ два существенныя видоизмѣненія: религію естественнаго откровенія, или религію естественную, и религію высшаго, сверхъ-естественнаго откровенія.

„Религіозное и нравственное чувствованіе (говоритъ г. Ор. Новицкій), несмотря на первоначальное величіе и святость его, можетъ, какъ и все чело-вѣческое, потемнѣться и извращаться страстями; и оно дѣйствительно помрачено и искажено грѣхомъ.—какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый не только исторіей естественныхъ религіи я исторіей языческихъ дѣяній, но и безпристрастнымъ внутреннимъ опытомъ,—чего не

отрицали даже языческие мыслители. Поэтому *высшее, сверхъестественное* откровение, возможность которого понамагает разумъ, сдѣлалось необходимою для человѣческаго рода и по божественному милосердію дѣйствительно дано людямъ. Многократно благоволяя Господь возвѣщать людямъ свою волю черезъ избранныхъ имъ мужей, пока, наконецъ, воплощенный Сынъ Божій не принесъ на землю откровеніе божіе въ полнотѣ и совершенствѣ, и тѣмъ даровалъ человѣчеству *христіанскую, сверхъестественную откровенную религію*“ (стр. 16 и 17).

Естественная религія (продолжаетъ г. Ор. Новицкій) не могла дать человѣку истиннаго и спасительнаго богопознанія, а божественная религія „мало по малу очистила и возвысила понятія народовъ, укротила страсти, укрѣпила волю въ добръ, преобразовала домашнюю и общественную жизнь людей, произвела новое, самое благотворное вліяніе на искусство и науку, а потому самому и на философію. Она открыла человѣку такіа тайны о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, до которыхъ не только не доходилъ человѣческой разумъ въ мірѣ языческомъ, ни въ религіи, ни въ философіи, но до которыхъ никогда и не можетъ дойти своими собственными силами. При такомъ значеніи богооткровенной религіи, философія уже не можетъ противопоставляться ей безъ вреда для самой себя, а тѣмъ больше не можетъ пересилить ее и возбудить къ дальнѣйшему развитію, какъ въ мірѣ языческомъ: человѣческое не можетъ стать выше божественнаго; за то, наоборотъ, эта божественная религія самымъ величіемъ своихъ истинъ, ихъ высотой и глубиною, можетъ несравненно больше, чѣмъ естественная религія, возбуждать философскую мысль къ дальнѣйшему развитію, чтобы своимъ собственнымъ путемъ, путемъ чистаго мышленія, она могла мало по малу приближаться къ неисчерпаемому богатству содержанія, даннаго божественнымъ откровеніемъ, проникнуться имъ, возвыситься къ нему“...

Еще болѣе перемѣнъ въ отношеніяхъ между религіею и философіею произошло развитіемъ самой философіи. Сначала философія 1) заключается въ предѣлахъ религіи, потомъ,—по словамъ г. Ор. Новицкаго,— 2) отдѣляется отъ религіи, становится независимою отъ нея въ своемъ развитіи, получаетъ совершенно другую форму, форму отчетливыхъ и самостоятельныхъ соображеній разсудка и нерѣдко поставяетъ себя во враждебное отношеніе къ религіи, не хочетъ признавать своего знанія въ ея вѣрѣ; наконецъ, 3) философія снова обращается въ религію, старается примириться съ нею, признать разумомъ то, что религія признаетъ сердцемъ, соединить ея вѣру съ довѣріемъ къ самому разуму и опять является въ формѣ общности, но отчетливой и ясной“.

До появленія сверхъестественной религіи философія имѣла,—по словамъ г. Ор. Новицкаго,—первый свой періодъ на востокѣ, второй періодъ въ Греціи, гдѣ „противопоставляла себя религіи общественной“. Третьимъ періодомъ была Александрійская философія, которая „собрала религіозныя преданія и переплавила ихъ въ одно умозрительное созерцаніе“. Послѣ появленія сверхъестественной религіи должны были, по словамъ г. Ор. Новицкаго, повториться тѣ же три періода.

„Тѣ же измѣненія философіи находимъ и въ мірѣ христіанскомъ. И здѣсь философская мысль сначала заключается въ предѣлахъ христіанской религіи, развивается подъ ея вліяніемъ и выражаетъ свое содержаніе въ общемъ видѣ: такова *философія Отцевъ Церкви и схоластическая*; такова же философія и *аравитянъ* въ ея отношеніи къ исламу. Потомъ философія отрѣшается отъ религіи, вступаетъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія вещей и въ своей ревности къ своеобразному развитію иногда явно

противопоставляетъ себя религиознымъ идеямъ: такова *философія новая*, — англичанъ, французь, нѣмцевъ. Наконецъ надобно ожидать еще третьяго періода, — возвращенія философіи къ христіанской религіи. Такое ожиданіе не есть предсказаніе будущаго недоступнаго для насъ; какъ скоро въ мірѣ христіанскомъ даны два періода, соответствующіе двумъ первымъ изъ трехъ періодовъ міра языческаго, то по здоровой аналогіи слѣдуетъ ожидать и третьяго, — какъ изъ двухъ посылокъ — заключенія. И теперь уже чувствуется потребность сближенія Философіи и Религіи, и приближается время, когда убѣжденія религиозныя и созерцанія философскія сольются въ гармоническое единство по высшимъ требованіямъ разума и вѣры; но пока — это есть еще предметъ желаній и надеждъ“.

Не будучи богословами, мы не станемъ разсматривать того, бывало ли для религіи полезно то смѣшеніе философіи съ религіею, котораго желаетъ г. Орестъ Новицкій. Намъ кажется, что каждый человѣкъ долженъ дѣлать собственно то дѣло, которое дѣлаетъ (разумѣется, если это дѣло недурное само по себѣ); а если, дѣлая одно, станетъ думать, что дѣлаетъ другое, то онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ заблужденія, и вся его дѣятельность будетъ ошибочна. По словамъ г. Ореста Новицкаго, религія отличается отъ философіи и всякой другой науки по своему источнику и по способности, которая служитъ органомъ ея: она происходитъ изъ откровенія и состоитъ въ чувствѣ; философія, подобно другимъ наукамъ, основывается на наблюденіи, создается умомъ; религія состоитъ въ вѣрѣ, наука въ знаніи. Но будто бы въ этомъ состоитъ главная разница между ними? Нѣтъ, если мы обратимся за разъясненіемъ вопроса къ учителямъ, которые понимали откровенную религію наисправедливѣйшимъ образомъ, къ великимъ отцамъ церкви, мы услышимъ отъ нихъ, что откровенная религія различается отъ свѣтской науки и по самому предмету истинъ, которымъ научаетъ: откровенная религія отверзаетъ человѣку міръ духовный, недоступный внѣшнимъ чувствамъ, она говоритъ намъ о таинствахъ св. Троицы, о предвѣчномъ Божескомъ совѣтѣ искупленія людей смертію Бога-Сына, о чиновачаліяхъ ангеловъ, о паденіи злыхъ духовъ, о воскресеніи мертвыхъ, о Страшномъ Судѣ, о тайнахъ будущей жизни. Земное знаніе не касается этихъ великихъ истинъ, принадлежащихъ сферѣ, недоступной для него, по своей возвышенности, — оно можетъ сообщать намъ только свѣдѣнія о внѣшней и матеріальной природѣ и о человѣкѣ, какъ о существѣ земномъ, матеріальномъ. Божественное откровеніе вводитъ людей въ знаніе „премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной“, сообщаетъ человѣку истины, которыхъ „глазъ не видѣлъ, и ухо не слышало“, и которыя даже „на мысль человѣку не входили“ до полученія откровеннаго свыше знанія о нихъ. Такъ учатъ отцы церкви, понимавшіе религію откровенія съ совершенною ясностью. По ихъ ученію, — ученію вѣрному и подтверждаемому нынѣшними философами, отрѣшившимися и отъ схоластическихъ заблужденій и отъ самообольщеній трансцендентальной априоричности Шеллинга и Гегеля, разница между религіею откровенія и земною наукою состоитъ не въ томъ, что религія даетъ только вѣру, а не даетъ знанія, между тѣмъ какъ наука даетъ знаніе, — нѣтъ, по ученію великихъ отцовъ церкви, откровенная религія даетъ человѣку и знаніе, также какъ наука, но знаніе не о тѣхъ предметахъ, которые доступны земной наукѣ, а о совершенно иныхъ, несравненно высочайшихъ. Г. Орестъ Новицкій, слѣдуя заблужденію схоластиковъ, смѣшивавшихъ философію Аристотеля съ истинами христіанской религіи, слѣдуя примѣру трансцендентальныхъ философовъ, сливавшихъ откровенную религію съ наукою, затмилъ въ себѣ, подобно имъ, истинныя понятія и о томъ и

о другомъ: онъ не понимаетъ ни ученія отцевъ церкви, ни духа земной науки. Это затеняніе произведено гѣмъ, что онъ захотѣлъ быть специалистомъ по двумъ предметамъ; изъ которыхъ каждый довольно великъ, чтобы остаться не вполне объятымъ и тогда, когда человекъ на изученіе его одного употребить всѣ свои силы, всю свою жизнь: у г. Ореста Новицкаго не достало ни времени, ни силъ основательно изучить ни религію, ни земную науку.

Г. Ор. Новицкій воображаетъ, что онъ философъ; если такъ, онъ долженъ быть филологомъ, а не богословомъ. То, что доступно одному, недоступно другому. Но изъ всего видно, что наука кажется ему неудовлетворительной, что онъ ставитъ религію выше философіи и по достовѣрности, и по достоинству идей. Если такъ, ему слѣдовало бы бросить науку, перестать воображать себя философомъ и сдѣлаться преподавателемъ религіознаго ученія. Онъ самъ говоритъ, что оно приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ философія; зачѣмъ же онъ тратитъ свое время на дѣло очень мало полезное, не занимаясь дѣломъ несравненно полезнѣйшимъ? Онъ не правъ самъ передъ собою.

Предоставляя его собственному его порицанію, мы обратимся къ его книгѣ. Еслибъ онъ написалъ ее съ той точки зрѣнія, которая ему самому представляется справедливѣйшею, его книга могла бы удовлетворить собою людей, раздѣляющихъ его образъ мыслей. Съ богословской точки зрѣнія языческія ученія были грѣховными порожденіями отца лжи, во власть котораго впали люди, отпавшіе отъ истиннаго Бога; отцы церкви находили частицы истины и въ ученіяхъ древнихъ философовъ, но это мерпаніе откровенной истины относили къ откровенію Бога-Слова. По своему образу разумѣнія отношеній между религіею и философіею, не совершенно согласному съ истинною, какую находимъ въ чистѣйшемъ источникѣ, г. Ор. Новицкому слѣдовало бы говорить о языческихъ религіяхъ и системахъ философіи въ этомъ тонѣ, избличать ихъ несогласія съ христіанскимъ вѣроученіемъ, показывать, что всѣ онѣ безъ исключенія учили человека разврату и преступленіямъ, или, точнѣе выражаясь, грѣховнымъ бѣеовскимъ дѣламъ. Съ этой точки зрѣнія онъ выставлялъ бы дурную сторону и въ буддизмѣ, обольщающей человека своею кротостью и видимою нравственною чистотою, и въ ученіи Сократа, и даже въ философіи самого Платона. Онъ видѣлъ бы тогда, что всѣ эти системы были злоухищреніями сатаны, облекающаго дѣтей своихъ въ одежды овчія, чтобы тѣмъ легче растерзать ему волчьими зубами обольщенные души язычниковъ. Г. Ор. Новицкій могъ бы очень послѣдовательно провести этотъ взглядъ, и въ его книгѣ была бы логика; но онъ вздумалъ поступить иначе, вздумалъ говорить о языческихъ ученіяхъ въ такомъ тонѣ, который отвергается его собственною точкою зрѣнія, и книга его вышла ни для кого непригодною смѣсю грѣховныхъ философскихъ мыслей съ мыслями одобряемыми богословіемъ. Одна половина стронъ въ ней разогласить съ другою половиною.

Скажемъ болѣе: если бы г. Ор. Новицкій поступать сообразно съ своими убѣжденіями, онъ вовсе и не выбралъ бы древнихъ языческихъ религіозныхъ и философскихъ ученій предметомъ своего сочиненія. Человекъ, находящій безусловную истину въ религіи сверхъестественнаго откровенія, не можетъ заниматься языческими ученіями съ холодною ученою цѣлью. Всѣ они для него плоды лжи и грѣха. Отношенія въ лжи и грѣху возможны только двоякаго рода: или предаваться имъ, служить имъ, или бороться съ ними, опровергать ихъ. Но г. Орестъ Новицкій уже

позналъ суету лжи, душепагубность грѣха, стало быть не можетъ служить имъ; и такъ ему оставалось бы только изобличать ихъ, полемизировать противъ нихъ, искоренять ихъ. Но онъ не можетъ видѣть, что это дѣло совершенно не нужно въ наше время въ цивилизованной Европѣ, къ которой принадлежитъ публика, читающая русскія книги. Русскіе люди могутъ имѣть свои умственные и сердечные недостатки, но никто не скажетъ, чтобы для русскихъ были опасны язычекія вѣроченія древняго востока, Греціи, Рима; никто изъ нашихъ собратій по племени не поклоняется ни Зевесу, ни Шивѣ, ни Ариману, ни Озирису; предостерегать насъ отъ такихъ заблужденій дѣло совершенно излишнее. Это все равно, что предостерегать русскую публику отъ людоедства, отъ вденія мухомора или жирной глины, отъ дурныхъ привычекъ, существующихъ между дикарями острова Явы, чукчами и бушменами: мы, къ счастью, стоимъ уже гораздо выше такихъ привычекъ и никакъ не могли бы впасть въ нихъ даже безъ всякихъ предостереженій. Говорить о язычествѣ съ богословской точки зрѣнія надобно не съ русскими, а съ чувашами, бурятами, самоѣдами: вотъ они дѣйствительно нуждаются въ изобличеніяхъ лживости и грѣховности язычества. Но для нихъ нельзя писать книгъ на русскомъ языкѣ, потому что эти несчастные люди не умѣютъ читать книгъ ни на русскомъ, ни даже на своемъ собственномъ языкѣ. Разоблачать передъ ними язычество можно только однимъ способомъ: научиться ихъ языку, сдѣлаться миссіонеромъ и, странствуя по ихъ юртамъ, бесѣдовать съ ними. Если бы г. Ор. Новицкій завялся этимъ, если бы онъ сдѣлался миссіонеромъ между бурятами или тунгузами, онъ сталъ бы заниматься дѣломъ по истинѣ полезнымъ и похвальнымъ, разумѣется при соблюденіи того условія, чтобы проповѣдь его совершалась въ духѣ кротости. Но съ понятіями, при которыхъ можно разсуждать о язычествѣ только съ самоѣдами, языкомъ кроткаго миссіонера, г. Ор. Новицкій вздумалъ писать о язычествѣ для русской публики тономъ ученаго. Мы боимся, что весь трудъ его пропадетъ понапрасну.

Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ мифологіи. Сочиненіи американскаго писателя *Натаніэля Готорна*. Санктпетербургъ. 1860 г.

Готорнъ писатель великаго таланта, и надобно было надѣяться, что онъ превосходно перескажетъ мифологическія преданія; въ его талантѣ есть особенность дѣлавшая его необыкновенно способнымъ къ отличному исполненію взятой имъ на себя задачи. Послѣ Гофмана не было разсказчика съ такой наклонностью къ фантастическому, какъ Готорнъ. Съ фантастичностью счастливо соединяется въ немъ обыкновенная принадлежность таланта, главная сила котораго состоитъ въ богатствѣ фантазіи: онъ простодушенъ. Невидимому нельзя было бы найти лучшаго сказочника для дѣтей. Но вышло не то: книжка, переведенная теперь на русскій языкъ, написана очень талантливо, а все-таки оказывается плохой. Бѣда произошла оттого, что Готорнъ почелъ нужнымъ передѣлывать передаваемые имъ греческіе мифы. Впрочемъ, передѣлка передѣлкѣ рознь. Гёте передѣлалъ индійскій мифъ „Магадевѣ и Бядеркѣ“, греческое сказаніе о посѣщеніи, сдѣланномъ умершей невѣстою жениху, и разсказы не стали хуже отъ передѣлки: „Магадева и Бядерка“, „Коринѣскал невѣста“, — вещи превосходныя. Гёте передѣлалъ такъ же легенду о Фаустѣ и первая часть Фауста также вышла удивительно прекрасно

созданіе. Хорошо вышло въ этихъ случаяхъ потому, что передѣлка совершалась по разумному основанію: поэтъ находилъ въ старинныхъ разсказахъ намекъ на идею, которой самъ былъ проникнутъ, развивалъ этотъ намекъ, ярко выставлялъ тотъ смыслъ, какой могли видѣть въ старомъ преданіи люди ему современныя. Бываютъ хорошія передѣлки и другаго рода: авторъ, имѣя въ виду, что читатели, которымъ онъ пересказываетъ преданія иной страны, иной эпохи, — люди не ученые, не успѣвшіе пріобрѣсти археологическихъ, историческихъ, этнографическихъ свѣдѣній, какія нужны для легкаго пониманія передаваемыхъ разсказовъ, для вѣрной оцѣнки ихъ, для полнаго наслажденія, чувствуетъ надобность незамѣтно вплести въ разсказъ свѣдѣнія, какія нужны его читателямъ; если онъ человекъ съ талантомъ и самъ получилъ достаточное образованіе, онъ исполнитъ эту надобность удачно, безъ педантства, безъ неловкихъ натяжекъ, такъ что читать его разсказъ будетъ очень легко, и для людей неученыхъ гораздо легче, чѣмъ читать преданія въ оригинальной формѣ. Такъ Нябуръ передавалъ дѣтямъ мионъ классической древности въ разсказахъ, которые поеватилъ своему маленькому сыну. (Ну Готорнъ передѣлывалъ ихъ не по этимъ надобностямъ, не для того, чтобы сдѣлать понятнѣе, и не для того, чтобы развить ихъ смыслъ сообразно съ идеями своего вѣка: онъ ударился въ то, что обыкновенно называютъ художественностью люди, не имѣющіе понятія о художественности; въ добавокъ вообразилъ, что въ подливыхъ разсказахъ много неприличнаго, могущаго развратить дѣтское воображеніе, что надобно уродовать ихъ для сглаженія въ нихъ того, что люди съ развращеннымъ воображеніемъ считаютъ безнравственностью. Онъ писалъ подъ вліяніемъ двухъ этихъ мыслей и результатомъ вышло — дрянъ).

Число дрянныхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія такъ велико, что, разумѣется, не стоило бы много заниматься появленіемъ еще одной такого же достоинства; а эти многочисленныя дрянныя книжки такъ плохи, что разсказы Готорна могутъ даже назваться очень сносными по сравненію съ другими (тѣмъ болѣе, что изданы не дурно и языкъ перевода довольно не дуренъ); стало быть не для чего было бы много заниматься доказываніемъ, что Готорнъ написалъ для дѣтей плоховатую книжку. Но намъ вздумалось произвести вивисекцію этой книжки на пользу и назиданіе нашимъ собственнымъ авторамъ такъ называемыхъ художественныхъ произведеній: авось кто нибудь изъ нихъ увидитъ, что урокъ можетъ относиться и къ нему съ его собратіями. Мы станемъ говорить о Готорнѣ, человекѣ пбстороннемъ, значить рѣчь наша будетъ безобидна для своихъ; а свои сдѣлаютъ не дурно, если поразмыслятъ надъ ней: вѣдь и за ними, между нами будь сказано, водятся тѣ самыя грѣшки, благодаря которымъ такъ шлепнулся въ мифологическихъ разсказахъ Готорнъ, не смотря на свой огромный талантъ, — такой огромный, что изъ нашихъ художниковъ не найдется ни одного равнаго ему по таланту. А если человекъ, болѣе сильный, чѣмъ они, написалъ плохо оттого, что писалъ неблаго-разумно, то, значить, имъ еще больше надобности въ благоразумныхъ мысляхъ.

Соблазнъ считать перерабатываемый матеріалъ нуждающимся въ моральной подчисткѣ былъ у Готорна извинительнѣе, чѣмъ у нашихъ художниковъ: вѣдь Готорнъ писалъ для дѣтей, а они хотятъ имѣть читателями взрослыхъ людей. Да и греческіе мионы составились подъ вліяніемъ обычаевъ, изъ которыхъ ивые были рѣшительно противны нынѣшнему развитію цивилизаціи, — напримѣръ отношенія, апотеозомъ которыхъ служатъ мионы о Ледѣ или о Ганимедѣ. Важность не въ томъ,

что разсказываются тутъ извѣстные факты, а въ томъ, что разсказываемые факты выставляются явленіями законными, хорошими. Трудно рѣшить, какъ поступать съ подобными матеріалами писателю, публикою котораго должны быть люди того возраста или умственнаго развитія, которому совершенно чужда самая мысль о существованіи такихъ фактовъ, какъ отношенія Юпитера къ Ганимеду. Обыкновенно говорятъ, что благоразуміе всего оставлять ихъ въ незнаніи объ этихъ дурныхъ вещахъ, къ счастью неизвѣстныхъ имъ. Отвѣтъ совершенно справедливый въ примѣненіи къ тѣмъ случаямъ, когда дѣйствительно существуетъ въ нашихъ слушателяхъ или читателяхъ предполагаемое ими условіе незнанія фактовъ того рода, какіе мы сочтемъ полезнымъ скрывать отъ нихъ. Но въ томъ и бѣда, что это условіе встрѣчается на самомъ дѣлѣ несравненно рѣже, чѣмъ предполагаютъ утаивающіе воспитатели и учителя, слишкомъ наивно забывающіе о собственномъ дѣтствѣ и о характерѣ житейскихъ событій и разговоровъ, среди которыхъ растетъ ребенокъ. Изъ тысячи дѣтей развѣ одно воспитывается такъ заботливо, что не видитъ и не слышитъ безпрестанно тѣхъ вещей, о которыхъ не говоритъ съ нимъ воспитатель или учитель, будто съ незнающимъ о нихъ. Предположимъ случай почти невозможный, — предположимъ, что вся семья и вся прислуга въ жилищѣ ребенка люди совершенно нравственные и въ поступкахъ и въ словахъ; во вѣдъ ребенка прогуливается же иногда по улицѣ, а на улицѣ нельзя пробыть пяти минутъ, не услышавъ сквернословія. Положимъ, что онъ не видитъ грязныхъ сценъ между людьми (чего трудно ожидать, если онъ не содержится въ заперти); но вѣдъ по двору и по улицѣ подъ его окнами бѣгаютъ куры, собаки, а въ его комнатѣ летаютъ мухи: на нихъ онъ довольно насмотрится того, чего по нашему предположенію не видалъ отъ людей. Разумѣется, мы дѣлаемъ предположеніе совершенно фантастическое, когда беремъ такую обстановку ребенка, чтобы разговоры и дѣйствія домашнихъ не разоблачали передъ нимъ очень часто тѣхъ вещей, которыхъ по нашему миѣнію не слѣдовало бы знать ему. Мы всѣ такъ неосторожны, привычка говорить о скандалахъ и несоблюдать деликатности въ собственной жизни такъ сильна въ насъ, что отъ насъ самихъ ребенокъ наглядится и наслушается всего того, что привлекаетъ къ Фоблазу извѣстныхъ читателей и читательницъ. Если бы самое знаніе фактовъ, самый звукъ словъ были такъ губельны для нравственной чистоты, какъ обыкновенно полагаютъ, всѣ семилѣтніи дѣвочки и мальчики въ нашемъ обществѣ и во веявомъ другомъ нынѣшнемъ обществѣ были бы до крайности развратны. Но этого нѣтъ. Кромѣ особенно несчастныхъ случаевъ, очень искусственной обстановки, дѣти сохраняютъ чистоту. Кто наблюдаетъ жизнь, безпрестанно встрѣчаетъ примѣры этой чистоты, разсказъ о которыхъ былъ бы изумителенъ, невѣроятенъ для людей, судящихъ по предубѣжденію, а не по изслѣдованію дѣйствительной жизни. Часто вы встрѣчаете взрослую дѣвушку, выросшую среди самаго грязнаго домашняго быта и сохранившую столь полную чистоту не только въ своихъ поступкахъ и чувствахъ, но и въ самой фантазіи, что хочется повторить о ней слова Гамлета объ Офеліи:

Съ этой чветою душой, среди этихъ людей,
Бѣлый голубъ она въ черной стаѣ грачей.

Часто вертепами цинизма бывають не то, что жилища несчастныхъ женщинъ, презираемыхъ порядочнымъ обществомъ, а жилища семействъ пользующихся по-

четомъ въ томъ же самомъ обществѣ; но и въ этихъ семействахъ дочери до очень поздней поры бываютъ обыкновенно невинны, чему не повѣрили бы мы сами, если бы несчастія слѣдующей жизни этихъ дѣвушекъ не показывали, что даже и онѣ въ 16, въ 18 лѣтъ не были готовы къ той роли, какая достается имъ. О мальчикахъ и юношахъ нельзя сказать того же только по одному чисто физическому отношенію: большая часть изъ нихъ очень рано испытываютъ физическую любовь; но,—фактъ опять невѣроятный для людей, судящихъ по готовымъ предразсудкамъ и внѣшнимъ признакамъ, а не по наблюденію сущности дѣла,—эти мальчики, испытывавшіе наслажденіе, которое по пошлости обыкновенныхъ отношеній слишкомъ часто сопровождается чѣмъ то похожимъ на развратъ,—даже и они до очень поздней поры обыкновенно сохраняютъ невинность души, и очень часто остается чисто даже ихъ воображеніе. Это доказывается чистотою чувства, какое испытываютъ почти всѣ они въ юношествѣ, встрѣчаясь съ порядочными женщинами: очень мало такихъ испорченныхъ юношей, которые, не смотря на свои прежнія физическія отношенія въ женщинамъ, не испытывали бы того, что называется первой любовью или платонической любовью,—названіе ошибочное, потому что дѣло не въ томъ, которая по счету женщина внушаетъ мужчинѣ благородное чувство, а платонизмъ говоритъ объ идеальной сентиментальности, которая очень приторна и скользка,—но мы указываемъ не на имена чувства, а на его характеръ. Съ 13—14 лѣтъ мальчикъ испытываетъ пріятныя любовныя шалости, но все-таки въ 18 или въ 20 лѣтъ проникается самымъ чистымъ чувствомъ въ женщинѣ: онъ робокъ съ нею, застѣнчивъ, краснѣетъ, блѣднѣетъ, готовъ пожертвовать жизнью для ея счастья,—не только для ея счастья,—для ея каприза или для того чтобы получить отъ нея пожатіе руки, ласковое слово... Какъ выдумаете, неужели красавицы не заманивали много разъ въ свои комнаты того пажа, о которомъ рассказываетъ Шиллеръ въ балладѣ, названной у Жуковскаго „Кубкомъ“? Навѣрное онъ зналъ ласки многихъ женщинъ; а посмотрите, что сдѣлалось съ нимъ, когда пришла пора ему испытать настоящую любовь. Зачѣмъ онъ бросился въ пучину первый разъ? Онъ самъ не смѣетъ подумать о наградѣ, которой ждетъ за свою смѣлость: онъ хочетъ того, чтобы царевна подумала: „онъ лучше всѣхъ этихъ рыцарей“. Онъ самъ боится отдать себѣ отчетъ въ этой надеждѣ, которую отваживается выразить лишь однимъ, самымъ неопредѣленнымъ намекомъ въ своемъ разсказѣ:

И былъ я одинъ съ неизбежной судьбой
Отъ взора людей далеко,
Одинъ нежъ чудовищъ, съ любящей душой....

Слышите ли, онъ позволяетъ себѣ сказать лишь то, что любить, — кого любить, на это нѣтъ никакого намека; хотъ бы взглянулъ онъ при этихъ словахъ на царевну,—нѣтъ, и того онъ не смѣетъ.—Онъ слишкомъ хорошо испыталъ ужасъ пучины: онъ не имѣлъ никакого понятія о немъ, пока не былъ въ ней самъ, и никто изъ обружающихъ не можетъ вообразить, какъ ужасна была судьба, на которую онъ обрекалъ себя. Тогда онъ содрогнулся, конечно въ первый разъ въ жизни, и самъ онъ говорить, что страшно ему и подумать о томъ, что испыталъ. А между тѣмъ онъ опять бросается на эту страшную смерть, лишь только увидѣлъ, что царевнѣ жаль его, что она не совсемъ холодна въ нему. Она проситъ отца не тосылать отважнаго юношу за кубкомъ во второй разъ,—этого довольно:

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена,
 Отважность сверкнула въ очахъ.
 Онъ видитъ, краснѣеть, блѣднѣетъ она,
 Онъ видитъ, въ ней жалость и страхъ,—
 Тогда, неописанной радости полный,
 На жизнь и погибель онъ бросился въ волны...

Что-же, отважился ли онъ попросить поцѣлуя у невѣсты, обѣщанной ему за подвигъ, или хотъ поцѣловать ей руку на прощаньи, или хотъ сказать ей слово?... Нѣтъ, ему это было труднѣе, чѣмъ умереть для нея. Кто наблюдаетъ жизнь, тотъ безпрестанно видитъ правду Шиллерова разказа, видитъ ее почти на каждомъ или молодыхъ людей, на которыхъ смотритъ. Всякая утрировка переходитъ въ обратную утрировку: педанты, претендующіе на идеальное понятіе о высокихъ добродѣтеляхъ, къ какимъ способенъ человѣкъ, имѣютъ слишкомъ грязное понятіе о людяхъ, которыхъ видятъ въ дѣйствительной жизни. Они требуютъ, чтобы дѣвушка или молодой человѣкъ не слышали ни одного слова о вещахъ, съ которыми, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ знакомиться человѣку въ этомъ возрастѣ; за то чрезвычайно легко сдѣлаться нравственно погибшимъ существомъ въ ихъ мнѣніи. Въ обихдѣ отношеній они одинаково фантазеры: они хотятъ держать человѣка въ чистотѣ лишь потому, что онъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ падохъ на грязь; они воображаютъ его зловоннымъ животнымъ и оттого льютъ на него цѣлыми ушатами зебукетъ своихъ нравственныхъ рѣчей. Человѣкъ не нуждается въ такомъ избыткѣ косметическихъ средствъ, потому что онъ человѣкъ: грязь мерзка для него, и потому разнѣ отъ слишкомъ сильнаго и долгаго втаптыванія въ грязь получаетъ онъ привычку къ ней. Можете вовсе не беречь его нравственность, и онъ будетъ нравствененъ, если вы, поклонники нравственности, сами не припудите его къ разврату нависшимъ безумнымъ обращеніемъ съ нимъ.

Дѣло въ томъ, что пока не пробудилась въ человѣкѣ органическая потребность нравственнаго удовольствія, ово вовсе не составляетъ для него удовольствія, не тягнетъ его къ себѣ, не привлекаетъ къ себѣ не только его чувства, даже его вниманія. Дѣти, видя, что старшіе каждый вечеръ по нѣскольکو часовъ сидятъ за преферансомъ, все-таки любятъ не сидѣнье за ломбернымъ столомъ съ картами въ рукахъ, а любятъ бѣгать, шалить, рѣзвиться. Потребность, сажаящая людей за картонный преферансъ—скука головы, требующей умственного труда и не находящей его; дѣти не чувствуютъ этой умственной пустоты, для нихъ шалости сдѣлать достаточнымъ занятіемъ, и оттого они не садутъ за картонный столъ, пока не станутъ взрослыми людьми и притомъ взрослыми людьми въ пустомъ обществѣ. Преферансъ не привлекателенъ для нихъ. Конечно, если старшіе позаботятся, то могутъ и въ десятилѣтнихъ мальчикахъ развить страсть къ преферансу: пусть развѣрчатъ воображеніе дѣтей разказами, что пріятнѣе всего выигрывать деньги у другихъ, пусть внушаютъ имъ презрѣніе къ дѣтскимъ играмъ, не дающимъ дешовнаго выигрыша, и можетъ быть мальчики и дѣвочки начнутъ мечтать не объ играшкахъ и бѣготнѣ, а объ десяти въ червахъ. Впрочемъ этихъ моральныхъ раздраженій едва ли будетъ достаточно: вѣроятно понадобится прибѣгнуть къ физическимъ средствамъ. Заприте дѣтей въ тѣсныхъ комнатахъ, отнимите у нихъ игрушки, не велите имъ шумѣть, велите сидѣть неподвижно, — тогда они возьмутся за карты. Подобной пыткѣ подвергаются тѣ бѣдныя дѣти, которыя раньше

чѣнъ слѣдуетъ, принимаются за физическую любовь или искусственные способы замѣнять ее. Имъ безпрестанно толкуютъ, чтобы они подражали старшимъ—вотъ они и подражаютъ. Имъ внушаютъ презрѣніе къ дѣтству, — хотягь преждевременно сдѣлать ихъ взрослыми, — вотъ они и дѣлаются. Кто хочеть, чтобы дѣти сохраняли нравственную чистоту, вовсе не нуждается въ обмываніи ихъ, въ утайкѣ отъ нихъ; онъ только не долженъ убивать въ нихъ самостоятельности, подавлять въ нихъ наклонностей, принадлежащихъ дѣтству: дѣтскія игры такъ будутъ наполнять ихъ воображеніе, что не останется имъ времени, не будетъ у нихъ охоты думать объ удовольствіяхъ, которыхъ еще не требуетъ ихъ организмъ. Если вы не испортили дѣтей принужденіемъ, то пусть они читають какія хотять книги: они во всѣхъ внитахъ будутъ замѣчать лишь шумныя сцены сраженій, разныхъ геройскихъ подвиговъ, а любовныя интриги будутъ пропускать они безъ всякаго вниманія. Пусть каждый, чье дѣтство не было убито слишкомъ тяжелой стѣснительностью педантическаго надзора, слишкомъ натянутой формалистикой, припомнить, какое впечатлѣніе оставляли въ его дѣтской головѣ романы, читанные въ 10, 12 или 14 лѣтъ: всѣ эротическія страницы онъ перевортывалъ съ пренебреженіемъ, отыскивая дуэлей, дракъ съ звѣрьми или съ разбойниками, страшныхъ приключеній; для него существовалъ только сказочный интересъ драматическихъ внѣшнихъ происшествій, и чѣмъ шумнѣе были они, тѣмъ лучше казалась книга. Мы пониниъ про себя, какъ въ дѣтствѣ съ восторгомъ перечитывали разъ двадцать въ Римской исторіи Роллена періодъ Самнитскихъ войнъ, по которому тянется непрерывный рядъ сраженій: никакой романъ не занималъ насъ такъ, какъ эти страницы, которыхъ не въ состояніи прочесть взрослый человѣкъ по ихъ невыносимой монотонности. Около того же времени попался намъ въ руки какой-то скандальнѣйшій романъ покойнаго Степанова, кажется „Тайна“, а можетъ быть „Постояльщій дворъ“: мы не прочли и половины первой части, такъ скучна показалась намъ эта книга. Черезъ нѣсколько времени было прочтено нами нѣсколько романовъ Поль-де-Кока. Насъ очень забавляли въ нихъ уморительныя приключенія въ родѣ того, какъ одинъ господинъ сталкивается другаго съ лѣстницы, или вышедши прогуливаться вдругъ замѣчаетъ среди многолюдной улицы, что на немъ нѣтъ галетуха и что мальчишки бѣгутъ за нимъ, выдѣлывая разныя гримасы. Въ циническихъ сценахъ мы замѣчали только смѣшную сторону. Напримѣръ, входитъ дама въ комнату, гдѣ живутъ три студента, у которыхъ только одинъ костюмъ, поочередно надѣваемый дежурнымъ счастливецемъ, между тѣмъ какъ двое другихъ сидятъ завернувшись въ простыни. Увидѣвъ такую нелѣпую картину, дама въ ужасѣ кричитъ, студенты тоже кричатъ, и двое, которые въ простыняхъ, лѣзутъ подъ кровати, а дама бѣжитъ, падаетъ, разбиваетъ носъ, опять бѣжитъ, опять спотыкается—это ужасно смѣшно! Циническая сторона сцены совершенно не была замѣчена нами. Каждый можетъ провѣрить справедливость этихъ воспоминаній, если потрудится наблюдать впечатлѣнія и мысли ребенка, лишь бы ребенокъ былъ обыкновенный, не слишкомъ обезображенный постороннею заботливостью обратить его въ миниатюрную карриатуру взрослога человѣка.

Гсторнъ не понимаетъ этого; онъ воображаетъ, что ребенокъ сосредоточить все свое вниманіе на эротической сторонѣ разсказа, будетъ даже доискиваться, нѣтъ ли какихъ нибудь любовныхъ отношеній тамъ, гдѣ прямо не говорится о нихъ; онъ воображаетъ дѣтей похожими на злоязычныхъ старухъ или пожилыхъ

развратниковъ, которые не могутъ слышать женское имя безъ того, чтобы не приплести къ нему скандальныхъ сплетенъ или циническихъ грѣзъ. Потому онъ съ забавною щепетильностью, доходящею до совершенной нелѣпости, выпускаетъ изъ греческихъ мифовъ все похожее на любовь или передѣлываетъ ихъ самымъ пошлымъ образомъ, чтобы предохранить дѣтей отъ мысли, которая и безъ того не вошла бы въ ихъ маленькія головы. Очень потѣшна въ этомъ отношеніи его исторія о ящикѣ Пандоры. Миевъ говоритъ, что ящикъ былъ свадебнымъ подаркомъ Пандорѣ, которая выходила замужъ, — больше этого ничего и не говорится, и кажется скандальнаго тутъ мало. Вѣроятно дѣти и безъ миева знаютъ, что ихъ маменька жена ихъ папеньки (хорошо, если они знаютъ это, а не то, что ихъ маменька не жена ихъ папеньки, а жена у папеньки другая женщина, или, что у ихъ папеньки есть дѣти кромя ихъ, маменькиныхъ дѣтей — случай довольно частый и всегда извѣстный дѣтямъ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ бывають подобные случаи). Вѣроятно дѣти знаютъ, что взрослыя дѣвушки выходятъ замужъ и ихъ старшая сестрица — невѣста или скоро будетъ невѣста (хорошо, если они знаютъ только это, а не то, что вотъ такая-то вотъ взрослая дѣвушка, можетъ быть ихъ сестрица, дала надъ собою какому-то молодому человѣку сдѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать только послѣ свадьбы, и оттого всѣ бранять ее). Короче сказать, въ словахъ миева, что когда Пандора выходила замужъ за Эпиметелъ, Меркурій принесть ей вмѣсто свадебнаго подарка очень красивый ящикъ, — въ этихъ словахъ нѣтъ повидимому ровно ничего циническаго, скандальнаго или такого, знающіе о чемъ можно было бы утаить отъ дѣтей. Но Готорнъ сообразилъ очень пронырливо: „свадьба, невѣста, женихъ... Какія скандальныя слова! Къ какимъ еоблазнительнымъ мыслямъ поведутъ они дѣтей!“ Сообразно такому мудрому размышленію, онъ взялъ да и передѣлалъ начало миева слѣдующимъ образомъ:

„Въ древнее время, о! да вѣдь въ такое древнее, когда старыи свѣтъ только-что еще раждался, жилъ мальчикъ, по имени Эпиметей, у котораго никогда не было ни отца, ни матери; а чтобы ему не было скучно, то ему прислали изъ очень дальней стороны другого ребенка, тоже безъ отца и матери, чтобы имъ вмѣстѣ играть. Это была маленькая дѣвочка, которую звали Пандора.

„Первое, что бросилось ей въ глаза въ ту минуту, какъ она поставила ногу на порогъ жижины, гдѣ жилъ Эпиметей, — былъ большой ящикъ“.

Прелестно. Цѣль забавна; но посмотримъ, достигъ ли Готорнъ хотя своей жалкой цѣли. Мальчику скучно; чтобы развлечь его, нужна дѣвочка. Почему же дѣвочка? Зачѣмъ мальчику дѣвочка? Мальчику съ мальчигомъ веселѣй играть, чѣмъ съ дѣвочкой. Для чего же Эпиметею нужна дѣвочка? Вѣрно тутъ есть какая нибудь особенная забава, и вѣрно эта забава пріятнѣе тѣхъ игоръ, въ которыя играютъ мальчики съ мальчиками? Если фантазія дѣтей такъ загрязнена, что слова свадьба, женихъ, невѣста наводятъ ихъ на грезы о физической любви, то Готорнова передѣлка еще скорѣе привлечетъ ихъ къ этимъ грезамъ. Ужъ если быть послѣдовательнымъ, такъ надобно было ему изгнать изъ своихъ рассказовъ либо слово мальчикъ, либо слово дѣвочка: онъ находить нужнымъ взрослыхъ людей обращать въ дѣтей, чтобы охранить отъ скандала, такъ ужъ надобно было всѣхъ дѣтей одѣть въ одинъ костюмъ, чтобы всѣ были мальчики. Для чтенія мальчиговъ это было бы хорошо. Но вотъ бѣда, если книгу стануть читать дѣвочки: съ ними не годится говорить о мальчижахъ, это наведетъ ихъ на дурную мысль. И такъ

будемъ писать для мальчиковъ особня сказки, для дѣвочекъ особня: изъ однихъ изгонимъ слова женщина, дѣвушка, дѣвочка; надобно уже для полного достиженія пѣли изгнать слова сестра и мать; не мѣшаетъ изгнать мѣстоименіе женскаго рода она, а то вѣдь и оно наведетъ на дурныя мысли; а чтобъ изгнать его, надобно будетъ избѣгать всякихъ существительныхъ женскаго рода: вмѣсто дверь будемъ писать ставень, вмѣсто рука будемъ писать глазъ, вмѣсто стѣна будемъ писать потолокъ. Изъ книгъ для дѣвочекъ, напротивъ, изгонимъ слова мальчикъ, мужъ, отецъ, братъ, онъ; носъ замѣнимъ ногой, языкъ головой и т. д. Но слово мужчина можно оставить: оно съ виду походитъ на женщину; только ужъ будемъ употреблять его въ женевомъ родѣ: „сія добрая мужчина“.

Намъ съ Готорномъ хорошо; мы шутки шутимъ по своимъ глупостямъ. Но вообразите себѣ, какія вещи должны происходить на свѣтѣ, если бы нашлись люди, держащіеся подобныхъ правилъ, ослѣпленные подобными фантазіями въ серьезныхъ вещахъ. „Этого не говорите, это наведетъ на дурныя мысли; и вотъ этого не говорите, это тоже поведетъ къ дурнымъ мыслямъ; а говорите вотъ что, это не возбудитъ дурныхъ мыслей, и говорите еще вотъ что—это возбудитъ хорошія мысли“. Ахъ вы чудаки, чудаки! Да развѣ вы въ самомъ дѣлѣ успѣете скрыть что нибудь такое, что захотятъ знать люди? Да развѣ то, что скрываете вы отъ нихъ, не видятъ и не слышатъ они на каждомъ шагѣ? Если они не дѣлаютъ того, что васъ пугаетъ, отъ мысли о чемъ думаете вы удержать ихъ вашими стараніями утайтъ шило въ мѣшкѣ, такъ это просто значить, что не пришло еще имъ время приняться за это дѣло; что они еще не хотятъ думать о немъ, что у нихъ еще не пробудилась потребность въ немъ; а когда придетъ пора, вамѣтять они шило въ мѣши, старайтесь или не старайтесь вы скрыть его,—да и какъ не замѣтить?—вѣдь оно колеть ихъ; а если они еще не замѣчаютъ его, значить они еще такъ не привыкли думать, что не сообразить связи между своею болью и шиломъ. А пока еще такъ слабо въ нихъ соображеніе, вы безопасно могли бы допустить ихъ слушать, что угодно: вѣдь все равно, они ничего бы не поняли. Кромѣ шутокъ, если люди сами не умѣютъ знать того, что могли бы узнать отъ другихъ, это значить, что они еще не чувствуютъ надобности, не хотятъ знать; а когда захотятъ, никакими способами ничего не скроете отъ нихъ; потому всякая утайка совершенно напрасна.

Но оставимъ мысли объ историческихъ дѣлахъ, чтобы заняться литературными вопросами, которые, какъ извѣстно читателю, гораздо важнѣе и милѣе для насъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Иные люди могутъ имѣть свой расчетъ, когда утаиваютъ и искажаютъ факты, какъ Готорнъ искажаетъ греческія мифы; но какая надобность можетъ заставлять художника искажать психологическую истину въ своихъ произведешяхъ? Вѣдь ему отъ этого нѣтъ никакой выгоды, онъ тутъ поступаетъ чисто по слѣпому предубѣжденію. Мы припомнимъ одинъ примѣръ, не называя именъ. Есть одна прекрасная повѣсть, герой которой, какъ по всему видно, слѣдовало быть человѣку, мало пясавшему по-русски, но имѣвшему самое сильное и благотворное вліяніе на развитіе нашихъ литературныхъ понятій, затмѣвавшему величайшихъ ораторовъ блескомъ краснорѣчія, — человѣку, не безславными чертами вписавшему свое имя въ исторію, сдѣлавшемуся предметомъ эпическихъ народныхъ сказаній. Кажется, такой человѣкъ могъ быть изображенъ какъ человѣкъ серьезный. Авторъ повѣсти, кажется, и хотѣлъ такъ сдѣлать; но вдругъ

ему надумалось: „а что же скажутъ мои литературные совѣтники, люди такіе разсудительные, умѣющіе такъ хорошо упрочивать свое состояніе, если получили его въ наслѣдство, или по крайней мѣрѣ съ такимъ достоинствомъ держать себя въ кругу людей съ состояніемъ, если сами не получили большаго наслѣдства? Человѣкъ, который такъ разстроилъ свои семейныя отношенія, что остался безо всего при существованіи значительнаго родоваго имѣнія, который занималъ деньги у богатыхъ пріятелей, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ пріятелямъ,—нѣтъ, такой человѣкъ не можетъ считаться серьезнымъ по суду моихъ благоразумныхъ совѣтниковъ“. И вотъ авторъ сталъ передѣлывать избранный имъ типъ, вмѣсто портрета живаго человѣка рисовать карриатуру,—какъ будто левъ годится для карриатуры. Разумѣется, такое странное искаженіе не удалось, да и самому автору по временамъ, кажется, было совѣстно представлять пустымъ человѣкомъ историческаго дѣятеля. Повѣсть должна была бы имѣть высошій трагичесшій характеръ, посерьёбше Шиллерова Донъ-Карлоса, а вмѣсто того вышель винигреть сладкихъ и кислыхъ, насмѣшливыхъ и восторженныхъ страниць, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей.

Можно бы припомнить и еще нѣсколько повѣстей въ томъ же родѣ,—повѣстей прекрасныхъ, лучшихъ въ нынѣшней нашей литературѣ, но имѣющихъ только одинъ маленькій недостатокъ: авторъ боялся компрометировать себя или своихъ героев и героинь; онъ боялся, что скажутъ: „это безнравственно“. Быть можетъ у него была и та боязнь, какъ у Готорна: читатели столь невинны и вмѣстѣ столь склонны къ порчѣ, что грѣшно разсказывать имъ вещи такъ, какъ самъ ихъ видятъ: ну, неравно соблазнишь ихъ на что нибудь дурное, о чемъ они и не будутъ имѣть понятія, если я не скажу имъ этого? Нѣтъ-съ, пишите то, что знаете; никого изъ насъ не удивите, мы всё знаемъ не меньше вашего. И если мы еще не совсѣмъ испорчены, такъ это не потому, чтобы мы не знали какова жизнь, а потому, что не чужими словами портится человѣкъ, и не сценами, которыя видить, а только собственнымъ положеніемъ. Ради собственной вашей репутаціи не подражайте Готорну: вѣдь и для дѣтей смѣшно, когда онъ боится вымолвить слова женскихъ и невѣста.

Но Готорнъ не удовлетворяется тѣмъ, что передѣлываетъ греческіе мифы изъ безнравственныхъ въ нравственные. Онъ находитъ, что надобно придавать имъ привлекательность художественною отдѣлкою: безъ нея они были бы слишкомъ сухи, мифы бы слишкомъ мало картинности, лица не выходили бы рельефны. Вотъ онъ и придаетъ имъ художественность. Въ чемъ же состоитъ она? А вотъ въ чемъ. Въ подлинникѣ мифъ разсказанъ на двухъ страничкахъ, онъ растягиваетъ его на пятьдесятъ страниць. Если въ мифѣ сказано „поле“, онъ размалѣвываетъ, что на этомъ полѣ растеть трава, и какаѣ трава, и какъ пріятно смотрѣть на траву; тутъ для красоты подвернется ему и корова,—вотъ она ходитъ по полю, щиплетъ траву; все описано, какаѣ корова и какъ щиплетъ: къ коровѣ кстати приписать пастуха и пастухъ описанъ. Если въ мифѣ сказано „Пандорѣ хотѣлось раскрыть ящикъ“, а Пандорѣ говорилъ, что это запрещено“, — Готорнъ размалѣвываетъ изъ этихъ словъ длиннѣйшій разговоръ, очень мило, съ глубокимъ психологическимъ авали мифическѣ ловко подмѣченными переходами рѣчей и переливами чувствъ, какія бы вышло при подобныхъ спорахъ. Это размалыванье и растягиванье чрезвычайно украситъ разсказываемую исторію,—по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Готорнъ.

Намъ было бы мало убытка, если бы такъ думалъ и дѣлалъ только Готорнъ. Но на бѣду припоминается намъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній отечественной литературы. Недавно мы читали на цѣлыхъ тридцати или пятидесяти страницахъ очень милое развитіе слѣдующаго положенія: бесѣдуетъ молодой человекъ съ молодой дамой; онъ говоритъ: „вамъ скучно“, она говоритъ „нѣтъ“; онъ возражаетъ: „нѣтъ, вамъ скучно, потому что вы не живете, вы не наслаждаетесь жизнью“, — положеніе очень хорошее и предметъ разговора прекрасный, но вѣроятно у Шекспира, — или куда ужъ намъ до Шекспира! — вѣроятно и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Гоголя такая сцена никакъ не заняла бы болѣе двухъ страницъ, и все было бы высказано на этихъ двухъ страницахъ: и характеры разговаривающихъ обрисованы очень рельефно, и съ полностью высказаны всѣ мысли, которыми обмѣнивались разговаривающіе. Такъ, но Лермонтовъ и Пушкинъ намъ не указъ: они не художники, а мы художники. У нихъ былъ талантъ — отрицать нельзя, но пользоваться имъ они не умѣли. Разверните „Герой нашего времени“: просто жалость какъ скомканы, сбиты всѣ сцены; ничего развитаго, ничего художественнаго, — скажете нѣсколькими словами въ чемъ сущность дѣла, и идетъ дальше. Нѣтъ, мы сдѣлали бы не такъ. Растягивай, размазывай, повторяй, тверди одно и то же по двадцати разъ, все съ новыми (очень граціозными) вариациями, переливами красокъ, модуляциями мыслей, оттѣнками чувства. У насъ, на примѣръ, если герой надѣваетъ туфли, надѣваніе занимаетъ по крайней мѣрѣ иолторы страницы, а надѣваетъ онъ ихъ разъ десять, и каждый разъ у насъ достанетъ искусства написать объ этомъ по полуторы страницы: вотъ ужъ подлинно художественность, — на то у меня и талантъ. Попробуйте-ко вы тянуть эту руладу, у васъ голоса не достанетъ, а я тяну. Прекрасно, только искусство ваше нѣсколько напоминаетъ процессъ, совершаемый за обѣдомъ беззубыми стариками: у кого зубы хорошіе, сразу раскусываетъ кусокъ, а беззубый бѣдняжка жуетъ, жуетъ его, мямлетъ, мямлетъ, такъ что дивишься только: какъ это, Господи, достаетъ у человѣка терпѣнья. По нашему ужъ и не берись за такой кусокъ, котораго сразу не раскусишь. — За то художественно, за то талантъ виденъ. Оно такъ, автору пріятно, и въ произведеніи сладость сахарная, только читать тяжеловато. Все равно, какъ слушаешь человѣка, который и очень умно говоритъ, только косноязыченъ: тянетъ, тянетъ, такъ душу изъ тебя и вытягиваетъ. О, мы умѣемъ пользоваться своими лицами и положеніями! Если, на примѣръ, дѣвушка попадется намъ въ руки, мы ее всю по ниточкѣ размочалимъ: „она была очень граціозна“, — и напишемъ страницу, какъ она была граціозна; „она улыбнулась ему въ отвѣтъ“, — и опишемъ, какъ улыбнулась. Тютрюмовъ не умѣетъ такъ бровные воротники писать, какъ мы умѣемъ все описывать. Вы можете восхищаться Рафаэлемъ и Шекспиромъ, а по нашему мнѣнію мы съ Тютрюмовымъ выше Рафаэля и Шекспира. Хотите ли образчикъ нашей художественности? — вотъ онъ. Положимъ, молодой человекъ идетъ въ садъ, чтобы встрѣтить тамъ любимую дѣвушку и сказать ей, что любитъ ее. По вашему нехудожественному разсужденію дѣло и состоятъ въ томъ, чтобы разказать встрѣчу ихъ. Нѣтъ, позвольте... По нашему мнѣнію очень интересна была минута, когда герой причесывалъ голову.

„Вотъ и галстухъ повязать. Иванъ Андреевичъ сѣлъ передъ маленькимъ столикомъ орѣховаго дерева, слегка растреснувшимся посрединѣ. „Вотъ она, неопрятность

холостой жизни, подумалъ онъ. Федоръ не догадается, что надобно бы столикъ отодвинуть отъ овна въ простѣвѣвъ: вонъ какъ его переверобило солнцемъ“. Иванъ Андреевичъ взялъ въ руки гребень и осмотрѣлъ его: одинъ зубъ расщепился: „тоже никому нѣтъ дѣла присмотрѣть, что гребень уже не годится; то ли дѣло, когда домъ озаренъ и оживленъ присутствіемъ милой женщины; при ней не будешь держать себя неряхой; при ней и Федоръ былъ бы расторопнѣй“. Онъ взглянулъ въ зеркало, стоявшее на столикѣ. Оно было въ овальной рамкѣ краснаго дерева стариннаго фасона съ бронзовыми украшеніями и инкрустаціею: „что за безвкусица—на орѣховомъ столикѣ зеркало краснаго дерева. Неряха, лѣнтяя, сонливецъ...“ Онъ съ упрекомъ взглянулъ на лицо, отражавшееся передъ нимъ въ зеркалѣ. Живая мысль уже свѣтлѣлась на этомъ лицѣ, которое недѣлю тому назадъ помнилось ему такимъ вялымъ, такимъ соннымъ. Въ отверстное окно влетѣла бабочка; радужная пыль ея бархатныхъ крылышекъ искрилась на солнцѣ будто миллионы маленькихъ брильянтиковъ, изумрудиновъ, рубиновъ. Иванъ Андреевичъ съ минуту любовался на бабочку. Онъ сравнивать ее съ кѣмъ-то, съ другимъ существомъ, столь же легкимъ, столь же вѣжнымъ,—и сладко было ему мечтать... „Однако же пора, подумалъ онъ:—или еще нѣтъ?“ Онъ зналъ, что давно пора, но онъ робѣлъ, ему было тяжело и сладко, онъ медлилъ, потому что ему было хорошо; „да, пора, пора“, подумалъ онъ и коснулся гребнемъ волосъ. (Описание волосъ было уже сдѣлано семнадцать разъ, потому здѣсь они не описываются: они уже довольно рельефно рисуются передъ читателемъ). Онъ медленно, съ какою-то нѣгою два раза провелъ гребнемъ по своимъ шелковистымъ волосамъ и задумался: онъ самъ любовался своими бѣлокурыми кудрямъ, кольца которыхъ вились такъ мягко; онъ въ первый разъ замѣтилъ, что на вискахъ у него показалось нѣсколько сѣдыхъ волосновъ. (О томъ, что на вискахъ у него было нѣсколько сѣдыхъ волосковъ, читателю уже было сообщено четыре раза и впослѣдствіи будетъ сообщено еще двадцать девять разъ). Гребень выпалъ изъ его руки, онъ задумчиво склонилъ лобъ на другую руку, которая прежде лѣниво лежала на столикѣ. Ему припомнилось время, когда еще не было сѣдинъ въ его кудряхъ. Вотъ передъ нимъ широкая поляна съ пыльной дорогой, ведущей къ покачившемуся помѣщичьему дому...“ (Начинается описание деревни, въ которой выросъ Иванъ Андреевичъ, разсказывается его дѣтство).

Какъ это вамъ нравится, читатель? Мило, очень мило, только скучновато и длинновато немного. Дѣвушка, начавшая читать, какъ собирался нашъ герой на свиданіе, можетъ выйти замужъ, можетъ сдѣлаться матерью и сынокъ ея (очень милый шалунъ, мы его вамъ опишемъ при случаѣ) можетъ, рѣзвясь, изорвать книжку, прежде чѣмъ бывшая барышня успѣетъ дочитать повѣсть до той главы, гдѣ герой уже берется за ручку двери, чтобы идти въ садъ на свиданіе.

А вѣдь покайтесь, читатель, вы восхищались такими разсказами? Или не восхищались, а только увѣряли, что восхищаетесь, потому что одни люди безъ художественной жилки въ душѣ (это техническое выраженіе „художественная жила“ очень нравится людямъ ею одареннымъ) могли не восхищаться такою художественностью?

Это разведеніе водою — художественность? Какая тутъ художественность! — Художественность состоитъ въ томъ, чтобы каждое слово было не только у мѣста, — чтобы оно было необходимо, неизбѣжно и чтобы какъ можно было меньше словъ. Безъ сжатости нѣтъ художественности. Поэзія тѣмъ и отличается отъ прозы, что беретъ лишь самыя существенныя черты и беретъ ихъ такъ удачно, что онѣ въ всей полнотѣ рисуются передъ воображеніемъ читателя съ двухъ, съ трехъ словъ гениальнаго писателя. На пяти или десяти страницахъ описать лицо такъ, чтобы можно было знать всѣ его примѣты, — это съумѣетъ сдѣлать самый бездарный прозаикъ. Нѣтъ, вы художникъ только тогда, когда вамъ нужно всего пять строкъ

чтобы возбудить въ воображеніи читателя такое же полное представленіе о предметѣ. Пустословіе можетъ быть очень милымъ, издѣльнымъ пустословіемъ, но съ художественностью не имѣетъ оно ничего общаго. Поэзія и болтовня—вещи противоположныя. Сущность поэзіи въ томъ, чтобы концентрировать содержаніе: разведеніе водой убиваетъ ее.

Наши художники обращаются съ нами, какъ Готорнъ съ дѣтьми: одни утаиваютъ отъ насъ жизненную правду, чтобы не соблазнить, не испортить насъ; другіе занимаютъ насъ пустословіемъ, будто намъ, какъ дѣтямъ, пріятно слушать болтовню: лишь бы звучалъ воздухъ какими-нибудь словами, лишь бы не было молчанія, а то намъ все равно, съ удовольствіемъ слушаемъ всякіе пустяки. Хорошо было бы, еслибъ только художники обращались такъ съ нами, еслибъ только въ вымышленныхъ разсказахъ давали намъ ложь вмѣсто правды, пустословіе вмѣсто дѣла. Нѣтъ, съ нами точно такъ же поступаютъ и въ вещахъ, отъ которыхъ прямо зависитъ вся наша жизнь. Насъ считаютъ дѣтьми. Хорошо, будемъ же брать примѣръ хоть съ дѣтей, если ужъ въ самомъ дѣлѣ мы такъ неразвиты, такъ неопытны, такъ легковѣрны, такъ слабы. Развѣ дѣти бываютъ довольны такими пустяками, какими угощаетъ ихъ Готорнъ? Посмотрите, любить-ли ребенокъ растянутость, водянистость разсказа? Нѣтъ, онъ безпрестанно понукаетъ васъ: „ну, что же дальше? ну, что же дальше? Говорите скорѣй; скорѣй ведите къ концу сказку; говорите только самое существенное“. Развѣ ребенокъ любитъ хитрыя умолчанія, двоедушную замѣну настоящихъ словъ другими несоотвѣтствующими дѣлу? Нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы съ нимъ говорили прямо, каждую вещь называли ея настоящимъ именемъ; онъ не потерпитъ смятшей и прикрасы; если вы скажете ему: Медуза была добрая дѣвушка. Минотавръ не пожиралъ людей, а ласкалъ ихъ, ребенокъ прямо скажетъ вамъ: вы лжете, вѣдь чудовища злы и вредны людямъ; или вы хотите обольстить меня къ мягкому мнѣнію о нихъ? Если такъ, пойдите прочь отъ меня, мнѣ противно и скучно ваше лживое пустословіе.

Но рѣчь наша идетъ собственно о литературѣ, о повѣстяхъ, о поэзіи. Мы за тѣмъ только и взялись за книжку Готорна, чтобы побесѣдовать съ нашими художниками, съ нашими лучшими беллетристами. Неужели мы такъ просты, что думаемъ своими замѣчаніями исправить высоко стоящихъ въ литературѣ людей, недостатки которыхъ указываемъ? Нѣтъ, имъ поздно исправляться: въ нихъ уже слишкомъ вѣлась привычка фальшивости и пустословія. Хорошо было бы, еслибъ не поддались ей хотя тѣ люди, которые только еще формируются теперь, только еще готовятся къ дѣятельности. На этихъ людей мы съ вами, читатель, еще могли бы имѣть вліяніе: пусть они по нашему недовольству ихъ предшественниками видятъ, что ничего хорошаго не дождутся отъ насъ, если не будутъ поступать лучше ихъ. Пусть они знаютъ, что будутъ отвергнуты нами, если вздумаютъ лгать и пустословить.

Историческая бібліотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы, *Ф. К. Шлоссера*, профессора исторіи при гейдельбергскомъ универ-

ситетѣ. Восемь томовъ. Переводъ съ четвертаго, исправленнаго, изданія. Санкт-петербургъ. 1858—60 года.

Редакція „Исторической Библіотеки“ сообщила намъ слѣдующее объясненіе о ходѣ своего изданія.

„Кончвъ выдачу томовъ „Исторической Библіотеки“ за первые два года, мы считаемъ не лишнимъ представить публикѣ отчетъ о началѣ предпріятія, которое было новостью въ нашей литературѣ.

„Мы хотѣли знакомить публику съ классическими твореніями новой западно-европейской литературы по всеобщей исторіи, главнымъ образомъ по исторіи западной Европы и Америки въ проишлое и нынѣшнее вѣкъ, думая, что эта часть исторіи наиболѣе важна, и находя, что именно съ нею до сихъ поръ труднѣе всего было знакомиться намъ, по совершенному отсутствію на русскомъ языкѣ книгъ, относящихся къ ней. Мы уже имѣли переводы нѣсколькихъ недурныхъ сочиненій объ исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ; но чѣмъ ближе къ нашему времени событія, тѣмъ скуднѣе были источники, изъ которыхъ русскій читатель могъ получать правильное понятіе о нихъ. Сообразно этому плану мы избрали для начала своего изданія „Исторію восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій“ Шлоссера, которая, обнимая собою почти все время, составлявшее предметъ предполагаемаго изданія, служила бы общимъ фундаментомъ для разныхъ монографій, избранныхъ нами для перевода въ слѣдующихъ тонахъ „Исторической Библіотеки“. Намъ казалось удобнѣе всего дать сначала связный рассказъ о всѣхъ частяхъ предмета, чтобы къ этой общей картинѣ могли примыкать подробнѣйшіе рассказы о разныхъ отдѣлахъ ея, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

„Мы не скрывали отъ себя, что такое начало, требуемое по нашему мнѣнію пользою самаго дѣла, представляетъ и особенныя затрудненія. Твореніе, переводъ котораго занялъ по нашему плану первые томы „Исторической Библіотеки“, вовсе не таково, чтобы привлекать къ себѣ людей, цѣнящихъ книгу по внѣшнимъ достоинствамъ. Писатель суровый, враждебный всякимъ прикрасамъ, Шлоссеръ не похожъ на историковъ-беллетристовъ, на Маколея или Тьера. У него нѣтъ ни анекдотовъ, ни поэтическихъ описаній, ни драматическихъ сценъ: онъ называетъ „древью“ (diese Lappalien) всѣ эти красоты или, по его выраженію „реторическіе цвѣтки“ (Floskeln) и честить именемъ „балугуровъ“ (Tändeleikrämer) знаменитыхъ историковъ, ставившихъ задачей себѣ нравиться даже тѣмъ людямъ, которые не читаютъ ничего кромѣ романовъ (Romanenleser). Довода до крайности свое отвращеніе отъ прикрасъ, свое пренебреженіе къ внѣшней заманчивости изложенія, Шлоссеръ наконецъ создалъ въ себѣ привычку нарочно писать языкомъ сухимъ и даже страннымъ. У него часто бываетъ точка на срединѣ фразы, — пусть самъ читатель знаетъ, чѣмъ надобно окончить фразу. У него есть періоды, которыхъ не разберешь легко даже по нѣмецкой грамматикѣ, столь привычной къ перепутанности. Наконецъ, онъ ни мало не стѣсняется, не договоривъ объ одномъ предметѣ, заговорить о другомъ, потомъ опять возвратиться къ первому и опять не докончить его; десять разъ повторять одно и то же; оставлять разныя части своего рассказа совершенно безсвязными по внѣшней формѣ. Такую книгу не очень пріятно читать людямъ, привыкшимъ къ изящному изложенію. Мы полагали, что Шлоссеръ не будетъ имѣть и половины того числа читателей, какое имѣли „Рассказы изъ исторіи Англіи“, взятые нами у Маколея. Но мы считали полезнымъ дать прежде всего общее обзорнѣе почти всего пространства времени, къ разнымъ частямъ котораго относились монографіи, назначенныя нами для слѣдующихъ томовъ. Еще драгоцѣннѣе для насъ былъ внутренній характеръ книги Шлоссера: мы не находили историка, который смотрѣлъ бы на вещи такъ разсудительно, какъ Шлоссеръ, который бы такъ заботился только объ одной правдѣ, отвергая всякое обольщеніе. Мы полагали, что серьезная часть публики оцѣнитъ это достоинство, привязывавшее къ Шлоссеру всѣхъ мыслящихъ людей, отъ которыхъ случилось намъ слышать отзывы о немъ: всѣ они въ одинъ голосъ говорили, что ни отъ

кого не научились так много, какъ отъ суроваго, тяжелаго автора „Исторіи восемнадцатаго вѣка“. Это мнѣніе подтверждалось и нашимъ собственнымъ опытомъ. Мы думали: вѣроятно въ той части публики, которая читаетъ преимущественно русскія книги, найдется довольно много людей, расположенныхъ полюбить грубаго старика, *den groben alten Mann*, какъ онъ самъ себя называетъ.

„Въ этомъ мы не ошиблись. Такихъ людей оказалось даже гораздо больше, тѣмъ мы ожидали. Это хорошій признакъ. Въ немъ видно новое подтвержденіе тому, что люди серьезные составляютъ уже очень значительную часть въ нашей публикѣ.

„Шлоссеръ имѣлъ больше успѣха, чѣмъ на сколько мы рассчитывали. Публика поддерживала насъ лучше, чѣмъ мы ждали; но мы сами поступили съ ней не совсѣмъ хорошо: мы были неисправны передъ ней. Въ 1858 году вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ томовъ мы успѣли издать только два, такъ что публика совершенно основательно поколебалась въ довѣрїи къ нашимъ обѣщаніямъ. Теперь, когда мы наконецъ исполнили ихъ, надобно объяснить, отчего произошла наша прежняя неисправность. Дѣло вотъ въ чемъ: предпрїятіе нами задуманное, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы рассчитывали, приступая къ нему, или, правдивѣе говоря, мы нашли, что распоряженія, сдѣланныя нами для исполненія труда, были неудовлетворительны. Намъ пришлось работать надъ изданіемъ въ десять разъ больше, чѣмъ мы думали. Мы рассчитывали, что намъ придется почти только читать корректуру; на это достало бы у насъ времени, чтобы аккуратно издавать по четыре тона въ годъ; но исполнять дѣло съ такою быстротою мы не могли при томъ размѣрѣ работы надъ издашемъ, какой достался на нашу долю по неосновательности собственныхъ нашихъ распоряженій и ожиданій въ началѣ дѣла. Изъ лицъ, на содѣйствіе которыхъ мы рассчитывали, разныя обстоятельства помѣшали нѣкоторымъ работать вмѣстѣ съ нами: одинъ уѣхалъ, другой былъ заваленъ иною работою. Мы могли бы предусмотрѣть эти обстоятельства и виноваты передъ публикой за то, что не приняли ихъ въ соображеніе.

„Сказавъ о затрудненіяхъ, замедлявшихъ дѣло, надобно сказать и о томъ, въ какомъ видѣ оно исполнялось и какое довѣрїе могутъ имѣть къ нашему переводу тѣ читатели, которымъ нѣтъ времени и случая сличить его съ подлинникомъ. Переводъ вѣренъ, за это можно ручаться. По всей вѣроятности встрѣчаются въ каждомъ томѣ по нѣсколькимъ ошибкамъ—дѣло неизбежное, но ошибокъ этихъ не слишкомъ много. Слогъ мы старались сохранять такой же, какой находится въ подлинникѣ. По всей вѣроятности, это было нерасчетливостью. Русская публика, болѣе привычная къ французской стилистикѣ, чѣмъ къ нѣмецкой, гораздо щекотливѣе нѣмецкой публики въ дѣлѣ слога: то, что кажется лишь нѣсколько шероховато нѣмцу, кажется очень шероховато русскому. Безъ нарушенія вѣрности въ передачѣ мыслей можно было бы сгладить неровности подлинника въ языкѣ перевода. Но изъ этого легко могло возникнуть недоувѣрїе къ переводу: кому охота внимательно сличать по нѣсколькимъ десяткамъ страницъ, чтобы видѣть, измѣняются ли мысли отъ перемѣны въ оборотахъ?—а каждый на слово вѣрить, если слышитъ, что переводъ не совсѣмъ точенъ. Мы хотѣли скорѣе быть осуждаемыми за тяжеловатость языка, тѣмъ за невѣрность подлиннику. Итакъ, сколько зависѣло отъ насъ, мы переводили съ совершенной точностью. Но у Шлоссера встрѣчаются мѣста не допускаемая русскою печатью. Гдѣ можно было сохранить смыслъ замѣняемъ однихъ словъ другими, въ сущности равносильными, мы слѣдовали такому обыкновенію; но были мѣста не поддававшіяся этой виѣшней передѣлкѣ, требовашія или перемѣны смысла, или совершеннаго выпуска,—въ такихъ случаяхъ мы предпочитали выпускать. Надобно сказать, много ли было въ подлинникѣ страницъ, подвергнувшихся виѣшней передѣлкѣ или выпуску.

„Изъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Передѣлки сколько нибудь значительныя ограничились почти только нѣкоторыми параграфами литературнаго отдѣла въ I, II и IV томахъ, а выпустить понадобилось еще меньшее число страницъ. Всего выброшено нами около двухъ съ половиною печатныхъ листовъ и произведена виѣшняя

передѣлка въ другихъ пяти или шести печатныхъ листахъ,—пропорція очень небольшая на восемь томовъ, заключающихъ въ себѣ до 225 печатныхъ листовъ, особенно когда мы подумаемъ о содержаніи книги, многіе отдѣлы которой сообщаютъ публикѣ первый подробный разсказъ объ историческихъ событіяхъ, остававшихся до той поры почти совершенно чуждыми русскому изложенію.

„Поддержка, найденная нашимъ предпріятіемъ въ публикѣ, достаточна, чтобы мы могли продолжать изданіе „Исторической Библіотеки“: теперь первые два года ея уже окупилась или почти окупилась, этого для насъ уже довольно. Мы намѣрены продолжать издаеіе, но не хотѣли бы снова быть несправны въ срокахъ выпуска слѣдующихъ томовъ; потому въ концѣ прошлаго года мы повременили и теперь еще видимъ надобность нѣсколько повременить принятіемъ подписки на третій годъ „Исторической Библіотеки“, отлагая объявленіе о ней до той поры, когда лучше прежняго обезпечимъ своевременный выходъ томовъ нашего изданія“.

ПРАДЪДОВСКІЕ ПРАВЫ.

(Записки Гавріила Романовича Державина. 1743—1812. Изданіе „Русской Бесѣды“. Москва. 1860).

I.

Понятіе, какое уже издавна составилось о личныхъ качествахъ Державина, совершенно подтверждается его „Записками“. Онъ былъ человѣкъ прямодушный (по тогдашнему времени), даже отважный (по тогдашнему времени) въ защитѣ справедливости; по образованію, онъ былъ и для тогдашняго времени человѣкомъ отсталыхъ идей; ума онъ былъ не гениальнаго, — быть можетъ, даже и очень недалекаго (а быть можетъ, странныя разсужденія, кажущіяся слѣдствіемъ ограниченности ума, происходили у него и просто только отъ совершенной неразвитости, разобрать трудно); горячность характера безпрестанно вовлекала его въ ошибки, которыя однакоже не мѣшали его карьерѣ устроиться очень завиднымъ образомъ; самодовольно считалъ онъ себя великимъ дѣльцомъ, чуть-чуть не ежегодно спасавшимъ государство отъ гибели; тонкіе и практичныя сослуживцы справедливо могли считать его человѣкомъ пустымъ; а ему самому казались очень вредными людьми государственные люди съ просвѣщеннымъ образомъ мыслей, напримѣръ Сперанскій; но всетаки, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ самъ по себѣ человѣкъ почтенный, честный, любившій правду, желавшій родинѣ добра, хотя не имѣвшій рѣшительно никакого понятія о томъ, въ чемъ состоитъ оно. Все это извѣстно было о Державинѣ задолго до изданія его „Записокъ“ и доказывается каждою страницей ихъ. Когда онъ писалъ ихъ, ему хотѣлось выставить себя мудрымъ правителемъ, человѣкомъ, оказавшимъ великія услуги отечеству—это ему не удалось. За то прекрасно обрисовалъ онъ ими себя, каковъ былъ на самомъ дѣлѣ, въ противность своему намѣренію изобразить себя не такимъ, каковъ былъ, а такимъ, каковъ казался себѣ въ самодовольныхъ мечтахъ.

Но главнѣйшій интересъ „Записокъ“ Державина, разумѣется, не въ томъ, что черезъ нихъ подробнѣе прежняго можно познакомиться съ нимъ самимъ. Вліянія на тогдашнія дѣла онъ не имѣлъ; вѣроятно, читатель не почтетъ насъ хулителями отечественной поэзіи, если мы откровенно скажемъ, что и поэтическія его произведенія не имѣютъ ровно никакой цѣны, кромѣ развѣ нѣкотораго историческаго интереса. Былъ ли у него талантъ, или нѣтъ, этого мы сами уже не могли бы различить, видя въ его стихахъ одно только безвкусіе, слишкомъ часто напоминающее Тредьяковскаго; мы скорѣе готовы были бы думать, что замѣчательнаго

таланта онъ не имѣлъ. Но современникамъ казалось не такъ: они считали его великимъ поэтомъ; а если они находили, что онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ тогдашнихъ поэтовъ, значить, оно такъ и было; кто пользовался громкою славой въ свое время, тотъ, надобно полагать, имѣлъ больше таланта, чѣмъ другіе, подвизавшіеся на одномъ съ нимъ поприщѣ. Этимъ силлогизмомъ приходимъ къ заключенію, что у Державина было поэтическое дарованіе, хотя мы и не можемъ сами замѣтить его...

Не только по своей государственной службѣ, но и по стихотворной дѣятельности Державинъ не такой человѣкъ, чтобы очень важно было разузнавать его какъ можно короче. Къ счастью, есть въ его „Запискахъ“ другой интересъ, какой всегда найдется въ мемуарахъ самаго незначительнаго человѣка, самаго плохаго писателя (надобно сказать правду: Державинъ писалъ прозою изъ-рукъ-вонъ плохо, или, выражаясь прямѣе, писалъ довольно безграмотно), — если только рассказывается въ нихъ довольно много какихъ бы то ни было „происшествій“: по этимъ происшествіямъ, какъ бы неудовлетворительно ни были рассказы, какъ бы не искусно они ни были подобраны авторомъ мемуаровъ, все-таки знакомимся съ нравами того вѣка, съ тѣмъ, что и какъ дѣлалось тогда на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ именно съ этой только стороны мы и будемъ пересматривать здѣсь „Записки“ Державина.

Съ этой точки зрѣнія для насъ не будетъ слишкомъ важно даже и то, совершенно ли вѣрны его рассказы о тѣхъ или другихъ происшествіяхъ. Очень можетъ быть, что иные факты онъ понималъ невѣрно, другіе представлялъ въ несправедливомъ видѣ по вліянію самолюбія. То и другое очень вѣроятно: человѣкъ необразованный, человѣкъ самыхъ отсталыхъ, часто дикихъ (даже для тогдашней эпохи) понятій, онъ былъ плохой цѣнитель всѣхъ тѣхъ дѣлъ, для сужденія о которыхъ требуется просвѣщенный умъ. Непонятый, неопцѣненный (по его мнѣнію) Екатериною II и Александромъ I, великій государственный мужъ, онъ висалъ съ цѣлью внушить потомству, что собственно ему слѣдовало вручить управленіе судьбами отечества, если бы хотѣли оказать истинное благодѣяніе отечеству, а при такомъ намѣреніи, или лучше сказать, при мнѣніи о своихъ дѣлахъ и достоинствахъ, внушавшемъ ему такое намѣреніе, онъ не могъ отличатся безпристрастіемъ. Очень можетъ быть, что многіе отдѣльные случаи, рассказываемые имъ, происходили не совсѣмъ такъ, какъ онъ говоритъ; но для насъ это почти все равно: если въ данномъ случаѣ было не совсѣмъ такъ, какъ онъ рассказываетъ, то вообще должно было постоянно бывать такъ, какъ онъ рассказываетъ: вѣдь ему нужно было, чтобы ему вѣрили, а для этого должно было ему заботиться о правдоподобіи, о сообразности его словъ съ мнѣніями о порядкѣ, по которому дѣлаются дѣла на свѣтѣ. Впрочемъ, оно и само собою видно, таковы ли были тѣ времена, какими оказываются по его запискамъ: каждый изъ насъ довольно знаетъ и по преданіямъ прошлаго и по наблюденію настоящаго, чтобы самому быть компетентнымъ судьей въ томъ, вѣрное ли впечатлѣніе о нравахъ тогдашней эпохи производится рассказами Державина. Итакъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, начинаемъ перебирать содержаніе его записокъ, не замедля нашего извлеченія историческою критикою подробностей, не нужною для нашей цѣли, и не останавливаясь много надъ подробностями, имѣющими важность только для біографіи самаго Державина, а замѣчая только тѣ страницы, которыя годятся для характеристики эпохи.

Державинъ, родившійся, какъ извѣстно читателю, въ Казани въ 1743 году, въ семействѣ очень небогатыхъ дворянъ, замѣчаетъ о себѣ, что „во младенчествѣ былъ весьма малъ, слабъ и сухъ и по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности“ — не знаемъ, какъ теперь, а лѣтъ 20 тому назадъ попадались въ томъ же кругу примѣры такого способа укрѣплять силы слабыхъ малютокъ. Прогрессъ въ этомъ отношеніи не слишкомъ великъ, не то, что въ другихъ, въ которыхъ мы сдѣлали гигантскіе шаги, по увѣренію нашихъ публицистовъ. О томъ, какъ плохи были средства учиться, представлявшіяся Державину въ дѣтствѣ, читатель давно знаетъ. Но вотъ любопытная черта. Привезенный по седьмому году въ Оренбургъ, Державинъ былъ „отданъ для наученія нѣмецкаго языка сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ... наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, даже и непристойными штрафами, о коихъ рассказывать здѣсь было бы отвратительно“. Но каковъ ни былъ Роза, онъ все-таки выучилъ Державина тому, чему училъ, нѣмецкому языку. Съ тѣмъ и остался Державинъ на всю жизнь, что могъ читать въ подлинникъ Геллерта и Гагедорна. У другихъ учителей не научился онъ ничему, хотя поступилъ въ гимназію, открывшуюся въ Казани, и считался въ ней отличнымъ ученикомъ. Его успѣхи въ черченіи были причиною, что директоръ гимназіи Веревкинъ, бывшій также и членомъ губернской канцеляріи (нѣчто подобное совѣтнику губернскаго правленія) взялъ его съ собою „вмѣсто инженера, подчиня ему нѣсколькихъ другихъ учениковъ“, когда былъ посланъ въ городъ Чебоксары освидѣтельствовать, какіе дома тамъ построены не по Высочайше утвержденному плану города. Для этого слѣдовало снять планъ съ дѣйствительно существующаго города. Тутъ вышла исторія слѣдующаго рода:

„Поелику они всѣ, какъ выше сказано, учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ, и притомъ никогда на практикѣ не бывали, то пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астрелабинъ не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе весьма странное, или паче весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что была мѣра по сенатскому указу широты улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оныя связями желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама, не проходя, задѣвала за какой либо домъ, изъ коихъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, который домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать *ломать*“.

Впрочемъ, замѣчаетъ Державинъ, быть можетъ Веревкинъ дѣлалъ это „не по неискусству, а изъ хитрости“, чтобы запугать домохозяевъ, которые дѣйствительно откупались у него взятками отъ разоренія домовъ. Рамы приносили и другую выгоду: Веревкинъ останавливалъ суда, шедшія мимо Чебоксаръ, и сгонялъ съ нихъ бурлаковъ таекавъ рамы: судохозяева также откупались, чтобы онъ пустилъ ихъ плыть. Были въ Чебоксарахъ кожевенные заводы; Веревкинъ сказалъ, что отъ нихъ портится вода въ рѣкѣ, велѣлъ остановить ихъ дѣйствіе и приставилъ къ нимъ караулы; разумѣется, и тутъ ему дали взятку. Эти заботы о чистотѣ рѣвки не оста-

навлпвали работъ по главному предмету поѣздки: Державинъ принялся чертить планъ Чебоксаръ такой величины, что въ комнатѣ онъ не умѣщался, а „черченъ былъ на подолокѣ однихъ купеческихъ палатъ“; но не успѣлъ онъ покончить этого циклопическаго плана, какъ Веревкинъ, уже удовольствовавшись полученными успѣхами, велѣлъ ему везти планъ въ Казань: планомъ нагружилась телѣга, и улегся онъ на ней не иначе, какъ „подъ гнетомъ“.

Будучи вытребованъ изъ гимназіи на службу въ гвардію, по тогдашнему правилу, Державинъ, какъ извѣстно, долго оставался солдатомъ, потому что не имѣлъ протекцій, и его обходили производствомъ. Когда гвардія ходила въ Москву присутствовать при коронаціи Екатерины II, молодой человекъ вашель-было себѣ протекцію: послѣ чебоксарскихъ подвиговъ, онъ, бывши въ гимназіи, ѣздилъ также съ Веревкинымъ описывать развалины Болгаръ; планы и бумаги эти были въ свое время представлены Шувалову, куратору московскаго университета; теперь Державинъ вздумалъ просить его покровительства. Шуваловъ, прочитавъ поданное Державиннымъ письмо, велѣлъ прійти ему въ другой разъ.

„Но какъ дошло сіе до тетки его во матери двоюродной, Феклы Саввишны Блудовой, жившей тогда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, бывшемъ на Арбатской улицѣ, женщины но природѣ умной и благочестивой, во по тогдашнему вѣку непросвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ Масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ, и тому подобныя бредни, а Шувалова признавали за ихъ главнаго начальника, то она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запрета накупѣло ходить къ Шувалову, подъ угрозою написать къ матери, буде ея не послушаетъ. А какъ воспитанъ онъ былъ въ страхѣ Божиемъ и родительскомъ, то и было сіе для него жестокимъ поражениемъ, и онъ уже болѣе не являлся къ своему покровителю“.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Державинъ остался рядовымъ солдатомъ. Но въ 1763 году наконецъ произвели его въ капралы, — съ такимъ повышениемъ ему захотѣлось показаться матери, онъ отпросился въ отпускъ. На дорогѣ случилась исторія такого рада. Онъ поѣхалъ вдвоемъ съ другимъ гвардіи капраломъ, Аристовымъ. „Прекрасная, молодая, благородная дѣвица, имѣвшая любовную связь съ бывшимъ его гимназіи директоромъ, господиномъ Веревкинымъ“, и ѣхавшая изъ Москвы, гдѣ была по дѣламъ, назадъ въ Казань къ Веревкину, уговорила ѣхать съ ними. Съ Державиннымъ она была любезнѣе, чѣмъ съ Аристовымъ. Аристовъ началъ ревновать, „но не могъ воспретить соединенію ихъ пламени“. Вотъ, пріѣхали они къ перевозу черезъ Клязьму; перевозчики на паромѣ запросили дорого; Державинъ „не хотѣлъ имъ требуемаго количества денегъ дать, а они разбѣжались и скрылись въ кусты“ — отъ чего разбѣжались и скрылись въ кусты, Державинъ не упоминаетъ; какъ бы то ни было, прошло полчаса, а перевозчики не являлись. „Натурально, красавицѣ скучилось; она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимаго предмета не тронуть? Страстный капралъ, обважа тесакъ, бросился въ кусты искать перевозчиковъ“. Они нашлись, но стали просить впередъ плату, больше прежней. „Тутъ молодой герой, будучи пылгаго нрава, не вытерпѣлъ обману (какого же?), вышелъ изъ себя и, схвативъ палку, ударилъ нѣсколько разъ кормщика“. Онъ схватилъ багоръ, крикнулъ товарищамъ: „ребята, не выдавай!“ и всѣ перевозчики бросились на Державина.

Онъ схватилъ ружье, хотѣлъ выстрѣлить, но къ счастью, замѣчаетъ онъ, не могъ скоро спустить слишкомъ тугаго курка, а перевозчики, увидѣвъ ружье, разбѣжались (куда дѣвался Аристовъ, Державинъ не говоритъ; вѣроятно, онъ отсталъ самъ отъ счастливой четы). Державинъ сѣлъ въ челнокъ, стоявшій у берега, переправился на другой берегъ, гдѣ стояло село, и тамъ бѣгалъ по улицѣ и по дворахъ съ обнаженнымъ тесакомъ; жители попрятались отъ него. Наконецъ вышелъ осанистый мужикъ съ большою бородою, опираясь на посохъ, и пристыдилъ его. Державинъ и прекрасная молодая дѣвица пріѣхали въ Казань; тутъ кончилось его счастье: благородная дѣвица „жила въ одномъ домѣ съ господиномъ директоромъ, съ супругою его вмѣстѣ“ —какая милая простота нравовъ,—и Державинъ уже не могъ „имѣть свободнаго входа къ ней въ повою“,—впрочемъ, только потому, что былъ „не большаго чина и не богатъ“,—а если бы чинъ и деньги, то, судя по этимъ словамъ, Веревкинъ не воспретилъ бы „входа въ покой“ не только къ дѣвицѣ, но и къ своей супругѣ.

Возвратившись изъ деревни, Державинъ 4 года оставался капраломъ, но произведенъ въ фурьеры и командированъ съ подпоручикомъ Лутовиновымъ на яжелбицкую станцію осенью 1766 года для надзора за лошадьми, собранными на московской дорогѣ по случаю путешествія императрицы въ Москву. На зимогорской станціи былъ другой Лутовиновъ, братъ яжелбицкаго. Оба брата были „умные и весьма расторопные въ своей должности люди“, но „упражнялись въ неблагопристойной жизни“,—

„то есть въ пьянствѣ, карточной игрѣ и въ обхожденіи съ непотребными ямскими дѣвками, въ известномъ по распутству селѣ, что нынѣ городъ, Валдаяхъ; ибо младшаго брата станція была въ Яжелобцахъ, а старшаго въ Зимогорѣ, въ сосѣдствѣ съ Валдаями. Тамъ проводили иногда цѣлыя ночи въ кабацѣ, никого однако постороннихъ кромя дѣвокъ не впуская“.

Съ такими людьми Державинъ провелъ цѣлую зиму, но не сдѣлался пьяницею, — онъ вовсе не пилъ не только вина, даже пива и меду. Казенныя деньги, выданныя на расходы разгульному подпоручику, онъ взялъ въ свои руки, берегъ ихъ, расходовалъ правильно и тѣмъ спасъ его отъ суда, которому подвергся старшій, зимогорскій Лутовиновъ, разжалованный за растрату суммъ, а еще больше за слѣдующій случай: когда сторожевыя команды были сняты со станцій, Лутовиновы поспѣшили въ Москву;—

„пріѣхавъ въ село Подсолнечное, гдѣ стоялъ капитанъ Николай Алексѣевичъ Булгаковъ, котораго почитали не за весьма разумнаго человѣка, требовали отъ него, будучи въ шумствѣ, на скоро лошадей, но какъ лошади были въ разгонѣ, то они ему не вѣря, приказали ихъ сыскивать по дворахъ; а какъ и тамъ оныхъ не находили, то многіе буяны изъ солдатъ, желая угодить командиравъ, перебили въ избахъ окошки, и разломали ворота, то и вышла отъ сего озорничества жалоба и шумъ. Булгаковъ вступился за свою команду. Онъ и Лутовиновы, наговоря другъ другу обидныхъ и бранныхъ словъ, называя Булгакова дуракомъ, разгорячились, или лучше сказать, вышли хмѣльные пзъ разсудка, закричали своимъ командамъ: къ ружью! Булгаковъ также своей. У каждаго было по 25 человѣкъ, которые построились во фронтъ; имъ приказано было заряжать ружья; во Державинъ, бѣгая между ими, будто для исполненія офицерскихъ приказаній, запрещалъ тихонько, чтобъ они только видъ показывали, а въ самомъ дѣлѣ ружей не заряжали; и какъ было тогда ночное время, то офицеры того не примѣтили, а между тѣмъ подоспѣли лошади и наѣхали другія команды, а именно изъ Крестецъ капитанъ Голохвастовъ, то и успокоилось сіе вздорное междуособіе“.

Скоро Державинъ былъ произведенъ въ сержанты и опять отправился въ деревню показаться матери въ новомъ чинѣ. Возвращаясь оттуда, молодой человекъ остановился въ Москвѣ у знакомыхъ офицеровъ, проигрался и не могъ уже выѣхать. Около полгоода прожилъ онъ, ведя игру въ надеждѣ отыграться; попалъ въ компанію шуллеровъ „или, лучше, прикрытыхъ благопристойными поступками и одеждою разбойниковъ“, научился у нихъ „заговорами, какъ новичковъ заводить въ игру, подборами картъ, поддѣлками и всякимъ истребкимъ мошенничествами“. Но игралъ только изъ нужды, самъ слишкомъ большихъ низостей не дѣлалъ, и когда вырвался изъ дурной компаніи, скоро исправился: дѣйствительно, у него была честная натура. Онъ жилъ въ Москвѣ съ офицеромъ Максимовымъ, въ домѣ своего родственника Блудова. Въ эти мѣсяца кутежа „случилось съ нимъ нѣсколько замѣчательныхъ происшествій“.

„*Первое.* Хаживала къ нимъ въ домъ въ сосѣдствѣ живущаго приходскаго дьякона дочь, и въ одинъ вечеръ, когда она вышла изъ своего дома, отецъ или мать, подозрѣвая ее быть въ гостяхъ у сосѣдей, упростили бутешниковъ, чтобъ ее подстерегли, когда отъ нихъ выдетъ. Люди ихъ и Блудова увидѣли, что бутешники позауольво кого-то дожидаются; свросили ихъ; они отвѣчали грубо, то вышла бравъ, а потомъ драка; а какъ съ двора сбѣжалось людей болѣе нежели подзорщиковъ было, то первые послѣднихъ и поколотили. Съ досады за такую же неудачу и чтобъ отместить, залѣзли они въ крапиву на оградѣ церковной, чрезъ которую должна была проходить несчастная грація. Ее подхватили отецъ и мать, мучили плетью и, по наученію полицейскихъ, велѣли ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючковъ, чтобы прицѣпиться“.

На слѣдующій день, когда онъ въ каретѣ четвернею возвращался домой, подлѣ воротъ будочники схватили лошадей подѣ уздцы, „повезли чрезъ всю Москву въ полицію“ и посадили въ арестантскую, гдѣ провелъ онъ около сутокъ.

„На другой день поутру ввели въ судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтобъ онъ признался въ зазорной съ дѣвкой обхожденіи и на ней женлся; но какъ никакихъ доказательствъ, ни письменныхъ, ни свидѣтельскихъ, не могли представить въ вводимое на него преступленіе, то, ороловичивъ однако съ недѣлю, должны были съ стыдомъ выпустить, сообщая однако за извѣстіе въ полковую канцелярію, гдѣ такому безумству и наглости алгвазяловъ дивились и смѣялись. Вотъ каковы въ то время были полиціи и судьи!“

„*Второе.* Познакомился съ нимъ въ трактирахъ по игрѣ нѣкто, хотя по роду благородный, знатной фамиліи, но по поступкамъ самый подлый человекъ, который содержался въ полиціи за поддѣлку векселей и закладныхъ на весьма большую сумму и подставлеше по себѣ въ поручительство подложной матери, который имѣлъ за собою въ замужествѣ прекрасную иностранку, которая торговала своими прелестями. Въ нее влюбился нѣкто пріѣзжій Пензенской молодой дворянинъ, слабый по уму, но довольно достаточный по имуществу. Она, съ вѣдома, какъ послѣ открылось, мужа, съ нимъ коротко обращалась и его безъ милости обирала, такъ что онъ заложилъ свое и материнское имѣніе и лишился самыхъ необходимо нужныхъ ему вещей. А какъ сей дворянинъ былъ съ Державинымъ хорошій пріятель, то и сжалился онъ на его несчастіе. Въ слѣдствіе чего, будучи въ одинъ день въ компаніи съ мужемъ, слегка далъ ему почувствовать поведение жены. Мужъ старался прикрыть ее и оправдать себя свонимъ невѣдѣніемъ; и хотя тогда прекратилъ разговоръ шутками, но запечатлѣло на сердцѣ своемъ на него злобу за такое чистосердечное остереженіе. Онъ, спустя нѣкоторое время позвалъ его въ гости къ себѣ на квартиру жены и подѣ вечеръ намѣренъ былъ поколотить, а можетъ быть и убить; ибо, когда Державинъ вошелъ въ покоп, то увидѣлъ

за ширмами двухъ сидящихъ незнакомыхъ, а тротьяго лежащаго на постелѣ офицера, котораго разъ видѣлъ въ трактирѣ игравшаго несчастно на бильярдѣ; ибо его на поддѣльные шары обыгрывали, что онъ шуткой и замѣтилъ офицеру. Хозяинъ, принявъ гостя сначала ласково, зачалъ его помалу въ разговорахъ горячить противорѣчіями, потомъ привязываться къ словамъ, напоминая прежде слышанныя имъ, относя ихъ къ обидѣ его и жены; но какъ гость опровергалъ сильными возраженіями свое невинное чистосердечіе; то умысленникъ и началъ кивать головой сидящимъ за ширмами и лежащему на постелѣ, давая имъ знать, чтобы они начинали съговѣряться. Противъ всякаго чаянія лежащій сказалъ: „Нѣтъ, братъ, онъ правъ, а ты виноватъ, и ежели кто пзъ вась тронетъ его волосомъ, то я вступлюсь за него и переломаю вамъ руки и ноги“; ибо былъ онъ молодець, приземистый борець, всѣхъ проворѣе и сильнѣе и имѣлъ подлѣ себя арасиу, то хозяинъ и всѣ прочіе соумысленники удивились и опѣшали. Это былъ господинъ землемѣръ, недавно прѣхавшій изъ Саратова, поручикъ Петръ Алексѣевичъ Гасвицкой, который съ того времени сдѣлался Державину другомъ“.

Третье „замѣчательное происшествіе“ было таково. Въ Москвѣ содержался тяжелый преступникъ Черный; вздумавъ высвободиться, онъ подослалъ своего пріятеля сказать разнымъ чиновникамъ и офицерамъ, находившимся въ компаніи Державина, что знаетъ мѣста, гдѣ зарыты богатые клады. Державинъ въ это дѣло не вмѣшался, но другіе повѣрили и привлекли къ участию въ своихъ планахъ нѣкоторыхъ „довольно значущихъ“ людей. Имъ надобно было освободить Чернаго.

„Они это сдѣлали такимъ образомъ: составили подложный вексель на Чернаго, по которому произвели взыскаііе, и какъ находился такой законъ, по коему должно было изъ всѣхъ правительствъ по требованіямъ посылать въ Магистратъ колодниковъ для уплаты ихъ долговъ ихъ заимодавцамъ, а изъ Магистрата дозволялось отпускать ихъ въ баню, въ церковь и къ родственникамъ подъ присмотромъ;—сего довольно крюкотворцамъ. Черный отпущенъ въ баню подъ надзирашемъ одного гарнизоннаго солдата; на Царициной площади отбить незнаемыми людьми“.

Разумѣется, Черный скрылся отъ обманутыхъ своихъ покровителей.—Кое-какъ выбравшись изъ Москвы, Державинъ въ Петербургѣ продолжалъ жить игрою въ карты, но игралъ только „по необходимости для прожитку“ и „благопристойно“. Исправленіе свое онъ приписываетъ вліянію женщины:

„Жилъ онъ тогда въ маленькихъ деревянныхъ покойникахъ, на Литейной, въ домѣ господина Удолова, хотя бѣдно, однако же порядочно, устраниаясь отъ всякаго развратнаго сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ по налу свое поведеііе“.

Онъ былъ около этого времени наконецъ произведенъ въ офицеры (1 января 1772 г.),—черезъ нѣсколько времени пришлось ему быть свидѣтелемъ слѣдующаго „замѣчательнаго“ (по его выраженію) происшествія:

„Помнится, въ іюль мѣсяцѣ, отданъ приказъ, чтобы выводить роты на большое парадное мѣсто въ три часа по утру. Прапорщикъ Державинъ прѣхалъ на ротный плацъ въ назначенное время. Къ удивленію не нашелъ тамъ не токмо капитана, но никого изъ офицеровъ, кромѣ рядовыхъ и увтеръ-офицеровъ; фельдфебель отрепортовалъ ему, что всѣ больны. Итакъ, когда пришла пора, онъ долженъ вести одинъ людей на полковое парадное мѣсто. Тамъ нашелъ майора Маслова, и прочія роты начали собираться. Когда построились, сказано было: „къ ногѣ положи“, и ученья никакого не было. Такимъ образомъ прождали съ 3-хъ часовъ до 9-ти часовъ въ великомъ безмолвіи, недоумѣвая,

что это значило. Наконецъ отъ стороны слободъ, что на Пескахъ, услышали звукъ дѣшекъ. Потомъ показались взводы солдатъ въ синихъ мундирахъ. Это была Семеновская рота. Приказано было полку сдѣлать карре, въ которой, къ ужасу всѣхъ, введенъ въ изнуренномъ видѣ и блѣдный унтеръ-офицеръ Оловянишниковъ, и съ нимъ 12 человекъ лучшихъ трендеръ. Прочтенъ указъ Императрицы и приговоръ преступниковъ. Они умышляли ѣ. Ея жизнь. Имъ учинена торговая казнь; одѣли въ рогожное рубище и тутъ же, посадивъ въ подвезенныя кибитки, отвезли въ ссылку въ Сибирь. Жалко было и ужасно видѣть ~~тогдашнѣ~~ ~~хлѣ~~ ~~мятомъ~~, но ужаснѣе того мысль, какъ могъ благородный человекъ навлечь на себя такое ~~обиднѣ~~ ~~обиднѣ~~. Однако же таковыхъ умышлей на Императрицу было не одно сіе (окромѣ возмущенія ~~дѣла~~ Пугачева, которое будетъ ниже нѣсколько обстоятельнѣе описано, потому что въ усмиреніи онаго участвовалъ и Державинъ), и именно гласныя, не говоря о невышедшихъ наружу: скоро по коронаціи въ Москвѣ Хрущевы и Жилинскій; по возвращеніи въ Петербургъ Озеровскій и Жилинскій: первые ошельмованы на эшафотѣ переломленіемъ шпагъ и разсланы на житье по ихъ деревнямъ, вторые въ каторжную работу въ Сибирь, а Пугачевской успокоенъ съ большимъ кровопролитіемъ въ междоусобной брани“.

Вскорѣ послѣ этого Державинъ, по собственной просьбѣ, взятъ былъ Библиковымъ, отправлявшимся для усмиренія Пугачевского бунта. Онъ очень подробно рассказываетъ о своихъ подвигахъ противъ мятежниковъ: онъ чуть ли не считалъ себя спасителемъ всей страны; по крайней мѣрѣ только его распорядительность, по его словамъ, не допустила мятежу распространиться въ то время, какъ Пугачевъ, преслѣдуемый войсками императрицы, бѣжалъ черезъ Саратовъ. Но все мы видимъ, что это только пріятныя фантазіи человека очень усерднаго, быть можетъ и очень мужественнаго, а все-таки не бывшаго въ такомъ положеніи, чтобы сдѣлать что-нибудь значительное. Изъ дѣйствій Державина во время Пугачевского бунта важнѣе всего остальнаго ссора его съ саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ, въ которой всѣ находили неправымъ Державина, а самъ Державинъ считаетъ себя совершенно правымъ. Но это дѣло давно извѣстно публикѣ по разсказу Пушкина въ „Исторіи Пугачевского бунта“ и вновь касаться его здѣсь нѣтъ надобности. За исключеніемъ эпизода ссоры съ Бошнякомъ, весь длинный разсказъ Державина о дѣйствіяхъ противъ Пугачева очень скученъ, мелоченъ и вообще таковъ, что трудно по немъ составить себѣ ясное понятіе о происшествіяхъ. Если Державинъ и былъ, какъ самъ полагалъ, отличнѣмъ военнымъ правителемъ и командиромъ, то военнымъ историкомъ онъ не былъ. Потому, пропуская всю эту часть его записокъ, переходимъ прямо къ возвращенію его въ Москву съ Поволжья. Первый дебютъ его по возобновленія службы въ гвардіи былъ неудаченъ. Пока онъ воевалъ съ мятежниками, порядокъ команды при отводѣ караула нѣсколько измѣнился: прежде, останавливалъ взводъ, приведенный на карауль, говорили: „лѣвый, стой! правый, заходи!“ а теперь велѣно было командовать просто: „вправо заходи!“ Не зная объ этой переизмѣнѣ, Державинъ командовалъ по старому „и встала бѣда“: онъ наряженъ былъ на „палочный карауль“.

„Сіе наипаче поразило честолюбивую его душу, когда представлялъ онъ себѣ, что давно ли ввѣрено ему было толь важное порученіе, въ которомъ могъ онъ двигать чрезъ свои сообщенія корпусами генераловъ, брать деньги въ городахъ, сколько хотѣлъ, посылать лазутчиковъ, казнить смертію, воспрепятствовать злодѣямъ пробраться по Иргизу во внутреннія, неогражденныя никѣмъ провинціи, и защитилъ, такъ сказать, своимъ однимъ лицомъ отъ расхищенія Киргизцами всѣ иностранныя колоніи, на луговой сторонѣ Волги лежація, чѣмъ совокупно спасъ паки и Имперію и славу Госуда-

рыни Императрицы, которая, выписавъ ихъ изъ чужихъ земель, приняла подъ свое покровительство и общала устроить ихъ блаженство прочаѣ, нежели въ ихъ отечествѣ. Но за все сіе вмѣсто награды получилъ уничиженіе предъ-своими, обративши гвардіи офицерами, которые награждены были деревнями, а тѣхъ не только оставленъ безъ всякаго уваженія, но, какъ негодяй, наряженъ былъ на палочной караулъ“.

„Таковыми чувствами возмятенный“, Державинъ вздумалъ-было искать защиты у извѣстнаго историка Щербатова, который выражалъ передъ тѣмъ желаніе познакомиться съ нимъ. Но князь Щербатовъ сказалъ, что пособить ему не въ силахъ. Вернувшись на квартиру „и размысливъ непріязнь къ себѣ сильныхъ людей и не имѣя ни единой подпоры“, Державинъ „пролилъ горькія слезы“, тѣмъ больше, что денежные дѣла его находились въ разстройствѣ: онъ поручился за пріятеля, оказавшагося несостоятельнымъ, и его собственное помѣстье собирались продать съ аукціона. Однако же, „возвергнувъ печаль свою на Бога“, рѣшился онъ дѣйствовать отважнѣе и повхалъ къ Потемкину просить себѣ награды за дѣйствія противъ Пугачева. Потемкинъ ничего не сдѣлалъ для него; но, принявшись снова играть въ карты, Державинъ выпутался изъ затрудненія: на 50 рублей онъ выигралъ до 40.000 рублей, заплатилъ долгъ и могъ жить порядочно. Еще нѣсколько разъ обращался онъ съ просьбами къ Потемкину, въ другимъ сильнымъ людямъ, къ самой императрицѣ, доказывая свои права на награду. Много разъ ему отказывали; наконецъ въ ноябрѣ 1776 г. пошлъ онъ съ своею просьбою къ Потемкину въ счастливую минуту. — „Чего же вы желаете за свою службу?“ спросилъ князь. — „Я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоутодно ея величеству показала“, отвѣчала Державинъ. — „Вы должны непременно сказать“, продолжалъ Потемкинъ.

— „Когда такъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ отозвался проситель: за производство дѣлъ по секретной комиссіи желаю быть награжденнымъ деревнями равно съ сверстниками моими, гвардіи офицерами; а за спасеніе колодій по собственному моему подвигу, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника“. — „Хорошо“, князь отозвался, „вы получите“.

Но опять прошло нѣсколько мѣсяцевъ, награды не было и Державинъ, по собственному выраженію, „принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней“. Наконецъ, проходя однажды черезъ пріемную залу, гдѣ былъ Державинъ, Потемкинъ „сквозь зубы“ сказалъ своему правителю канцеляріи: „напиши о немъ докладную записку“. Правитель канцеляріи не зналъ, что писать въ докладной запискѣ и попросилъ самого Державина написать ее. „Сей изготовилъ по самой справедливости“, въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ему дать чинъ полковника. Потемкину показалось (по наговорамъ недоброжелателей, какъ полагаетъ Державинъ), что чинъ полковника давать ему не за что и Державинъ былъ вмѣсто того перечисленъ въ статскую службу, съ пожалованіемъ въ коллежскіе совѣтники и съ награжденіемъ тремя стами душъ. Надобно было искать должности; должность нашлась такимъ путемъ: Державинъ успѣлъ войти въ домъ къ тогдашнему генералъ-прокурору, князю Вяземскому, „и проводя съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ... платилъ всегда проигранныя деньги исправно и съ веселымъ духомъ“: веселость духа сохранять было тѣмъ легче, что Вяземскій съ небогатыми людьми игралъ по маленькой. „Таковымъ по-

ступкомъ, всегда благороднымъ и смѣлымъ, понравился ему, приобрѣлъ его благоволеніе“. Открылось мѣсто экзекутора въ 1-мъ департаментѣ сената, Державинъ попросилъ и получилъ эту должность, довольно видную. Сенаторы уважали его, потому что онъ ежедневно бывалъ у Вяземскаго, „съ княземъ по вечерамъ. для забавы, иногда игралъ въ карты, а иногда читалъ книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтець и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не всегда справедливы, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу“.

Что дѣлать, такіе тогда были нравы. Но любопытно, что Державинъ, очень длинно рассказывая о своихъ просьбахъ, искательствахъ и похвальныхъ стихотвореніяхъ, очень часто твердитъ, что никогда никого ни о чемъ не просилъ, что имѣлъ характеръ очень независимый, чуждый всякаго ласкательства. При всей своей простотѣ онъ вѣроятно сообразилъ бы, что противорѣчить этими увѣреніями своимъ собственнымъ рассказамъ, если бы полагалъ, что его рассказы о томъ, какъ онъ терся въ передней у Потемкина и втирался въ милость къ Вяземскому, должны производить такое впечатлѣніе, какое производить на насъ. Но по всему видно, что онъ и не предполагать возможности такого впечатлѣнія; видно онъ самъ и всѣ его окружающіе находили, что онъ кланяется и напрашивается, льститъ и втирается гораздо меньше, чѣмъ было тогда въ обыкновеніи.

Дѣла Державина стали поправляться. Тяжба о поручительствѣ его за несостоятельнаго товарища по его „просьбѣ и старанію въ сенатѣ, а паче по покровительству генераль-прокурора“, рѣшена такъ, что Державинъ приобрѣлъ помѣстье, въ залогъ котораго ручался. Въ этомъ помѣстьи было триста душъ: еще триста душъ были пожалованы Державину въ награду; всего съ родовымъ помѣстьемъ было у него теперь (около 1778 года) до тысячи душъ и онъ „взялъ намѣреніе порядочнымъ жить домомъ, а потому и рѣшился твердо въ мысляхъ своихъ жениться“. Рѣшившись жениться, онъ тотчасъ же влюбился и скоро сыгралъ свадьбу съ своею Пльнирою, какъ называлъ ее въ стихахъ. Въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ, пока онъ занималъ должность экзекутора, случились, по его словамъ, два замѣчательныя происшествія: первое состояло въ томъ, что онъ отлично убралъ залу общаго собранія сената; второе пусть расскажетъ онъ самъ.

„Въ 1780 году, будучи въ Петербургѣ, Австрійскій императоръ Іосифъ подъ чужимъ именемъ посѣщалъ сенатъ и вступя въ залу общаго собранія, распрося о производимыхъ въ ней государственныхъ дѣлахъ, сказалъ сопровождавшему его экзекутору: „Подлинно въ пространной толь имперіи можетъ совѣтъ сей служить великимъ пособіемъ Императрицѣ“.

Но вотъ фактъ, который уже дѣйствительно замѣчательнъ. Въ концѣ 1780 г учреждена была „экспедиція о государственныхъ доходахъ“, дѣлившаяся на четыре части: приходную, расходную, счетную и недоимочную. Въ каждой части было по особенному предсѣдателю съ тремя совѣтниками. Державина назначилъ совѣтникомъ во второй отдѣлъ экспедиціи, и какъ бы вы думали?.. Оказалось, что онъ, имѣвшій о финансахъ ровно такое же понятіе, какъ о французскомъ языкѣ (о которомъ еще будетъ анекдотъ)—самый знающій человекъ не только въ своей части, но и въ цѣлой экспедиціи, то есть въ цѣломъ управленіи финансамъ

Русской имперіи. Какимъ образомъ успѣли набрать пятнадцать человѣкъ еще меньше Державина знакомыхъ съ финансами, это непостижимо; но не нашлось въ экспедиціи никого, кромѣ Державина, кому было бы поручить „написать должность экспедиціи о государственныхъ доходахъ“, то есть, уставъ финансоваго управленія цѣлой имперіи. Способнымъ къ этому сочли его потому, что еще когда онъ былъ вкзекуторомъ, то „уже поручилъ ему генераль-прокуроръ слѣдствіе надъ сенатскими секретарями, что они лѣнились ходить на дежурство свое“. Итакъ, Вяземскій приказалъ написать, и Державинъ написалъ уставъ. Объ этой процедурѣ онъ очень любопытно рассказываетъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ. Генераль-прокуроръ Вяземскій, управлявшій всѣми отраслями внутреннихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и финансами,

„не надѣялся, чтобъ несвѣдущій законовъ могъ написать правила казеннаго управленія, требующія великаго предусмотрѣнія, осторожности и точности, но однако приказалъ. Что дѣлать? должно исполнить волю начальника; а какъ не хотѣлъ предъ ними (передъ своими соперниками, Васильевымъ и Храповицкимъ) уклоняться и испрашивать у нихъ мыслей и наставленія, то собравъ всѣ указы, на коихъ основаны были камеръ- и ревизіонъ-коллегии, статсъ-конторы и самыя вновь учрежденныя экспедиціи, приступилъ къ работѣ, а чтобъ не разбивали его плана и мыслей, заперся и не велѣлъ себя сказывать никому дома. Поелику ему была дика и непонятна почта матерія, то маршалъ, пережѣнялъ и наконецъ чрезъ двѣ недѣли составилъ кое-какъ цѣлую книгу безъ всякой посторонней помощи, представилъ начальнику, а сей, собравъ всѣ экспедиціи, велѣлъ предъ ними прочесть; но какъ никто не говорилъ ни хорошаго, ни худаго, то князь, желая слышать справедливое сужденіе, морщился, сердился, привязывался, и наконецъ принялся поправлять самъ единственно вступленіе или изложеніе причинъ названнаго въ начертаніи должности экспедиціи о государственныхъ доходахъ, полагая, что безъ онаго никакимъ образомъ не можно будетъ управлять казною государственною, давая разумѣть, что наказъ пли полную инструкцію сама Императрица издать изволить. Товарищи думали, что безъ нихъ не обойдется, что не удостоится конfirmaціи сіе начертаніе и что ихъ будутъ передѣлать оное испрашивать; однако, къ великому ихъ удивленію, чрезъ графа Безбородку получилъ князь Высочайшую конfirmaцію, что по оному велѣно было поступать. Хотя должно было по листамъ скрѣпить и исправить или контрастигировать сію книгу Державину, яко писавшему оную, но присвоилъ сію честь Храповицкій, въ какомъ видѣ должна она и понынѣ существовать въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ и есть оной правиломъ, ибо не слышно, чтобъ дана ей была какая новая инструкція“.

Скоро Державинъ сталъ ссориться съ генераль-прокуроромъ Вяземскимъ, своимъ бывшимъ покровителемъ. Намъ нѣтъ нужды разсматривать, отъ чего возникло неудовольствіе Вяземскаго: отъ неумѣстной ли горячности, которой надобѣдалъ Державинъ каждому, или дѣйствительно отъ интригъ завистниковъ и наушниковъ, чѣмъ объяснялъ дѣло самъ Державинъ; по всей вѣроятности было и то и другое. Но для характеристики нравовъ, намъ нѣтъ надобности разбирать, какъ именно происходилъ тотъ или другой отдѣльный случай: довольно того, что Державинъ рассказываетъ его извѣстнымъ образомъ, находя, что рассказъ покажется правдоподобенъ и что всѣ читатели назовутъ рассказчика правымъ. У Державина произошло разнорѣчіе съ другимъ совѣтникомъ, Бутурлинымъ, о томъ, какъ лучше ревизовать отчетность казенныхъ палатъ; Бутурлинъ, по выраженію Державина, „забѣжалъ къ Вяземскому и оклеветалъ чѣмъ-то своего противоборца“. Когда Державинъ явился съ докладомъ, князь „зачалъ придирается“, а Бутур-

линь, „тутъ же стоя, началъ потакать начальнику и подъяривать его на товарища, хотя самъ ничего не писалъ и не умѣлъ писать“. Державинъ, разсердившись, „сунулъ Бутурлину въ руки бумаги, сказавъ: пишите же вы сами, коли умѣете лучше“. Вяземскій принялъ это за неуваженіе къ себѣ и на другой день сказалъ ему черезъ Васильева, чтобы онъ подалъ въ отставку. Державинъ исполнилъ это съ большимъ достоинствомъ. Онъ явился къ Вяземскому, когда тотъ сидѣлъ, „окруженный многими прихлебателями, —

„и съ благородною твердостью духа сказать: „ваше сіятельство чрезъ г. Васильева изволили мнѣ приказать подать челобитную въ отставку; вотъ она; а что изъявили свое неудовольствіе на мою службу, то какъ вы сами недавно одобрили меня предъ Ея Величествомъ и исходатайствовали мнѣ чинъ статскаго совѣтника за мои труды и способности, то предоставляю вамъ въ нынѣшней обидѣ моей дать отчетъ Тому, предъ Кѣмъ открыты будутъ нѣкогда совѣсти наши“. — Сказавъ сіе, не дождавшись отвѣта, вышелъ вонъ. Глубокая тишина сдѣлалась въ комнатѣ, между множества людей“.

Дѣло было на дачѣ Вяземскаго. Державинъ пошелъ пѣшкомъ на другую дачу, бывшую въ двухъ верстахъ, гдѣ ждала его жена. Скопфуженный Вяземскій приказать подать ему карету, но Державинъ поблагодарилъ, не принялъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Васильевъ пріѣхалъ къ нему, сказалъ, что князь раскаивается, желаетъ, чтобы онъ остался служить, —

„но только съ тѣмъ, чтобы онъ Державинъ сдѣлалъ на другой день видъ, якобы у него хочеть просить прощенія въ своей горячности, и позвать бы его при случившихся посѣтителяхъ въ кабинетъ будто для объясненія. Обиженный, подумавъ и вспомянувъ словицу, чтобы съ сильнымъ не бороться, а съ богатымъ не тягаться, согласился исполнить волю пославшаго г. Васильева“.

На другой день онъ опять явился къ Вяземскому, „принаровивъ такъ послѣ обѣда, что много еще было у генераль-прокурора гостей“, и просилъ позволенія объясниться съ нимъ въ кабинетѣ. Вяземскій, улыбувшись, сказалъ: „пожалуй, мой другъ, изволь“: и этою формальностью дѣло было улажено. Державинъ полагаетъ, что до конца выдержалъ независимость характера. Но, несмотря на примиреніе, Вяземскій остался сердить, отчасти за это дѣло, отчасти за оду Фелицѣ, повравившуюся Екатеринѣ.

„Съ того времени закралась въ его сердцѣ ненависть и злоба, такъ что равнодушно съ новопрославившимся стихотворцемъ говорить не могъ, привязывался во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдая, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу“.

Но, говорить Державинъ, все это „снесено было съ терпѣшемъ близъ двухъ годовъ“. Новая непріятность постигла его по дѣлу такого рода. При новой ревизіи число душъ оказалось увеличившимся, должны были увеличиться и суммы, доставляемыя подушной податью. Но Вяземскій велѣлъ оставить въ подносимыхъ государынѣ табеляхъ государственнаго дохода прежнюю цифру подушнаго сбора. Державинъ доказывалъ, что не слѣдуетъ утаивать новыхъ увеличившихся цифръ — его не послушались. Не говоря своимъ товарищамъ и Вяземскому, онъ высчиталъ увеличеніе дохода по документамъ, доставленнымъ изъ казенныхъ палатъ, и представилъ Вяземскому новую табель доходовъ, сказавъ: вы приказали не составлять

новыхъ табелей, а поднести государынѣ прежнія. Это исполнено; но чтобы не подвергнуться намъ и вамъ бѣдѣ, я составилъ и новыя табели, по которымъ можно показать настоящее состояніе государственной казны. „Съ симъ словомъ, вмѣсто благодарности за предостереженія и труды, воспыкала никѣмъ не ожидаемая страшная буря“. Вяземскій сталъ браниться. „Съ чувствительнымъ огорченіемъ, такъ что пролились изъ глазъ слезы, пріявъ сей выговоръ, совѣтвикъ сказалъ: „разсмотрите мои табели и тогда уже браните“. Табели были отданы на разсмотрѣніе общему собранію экспедиціи о доходахъ; она принуждена была сознаться, —

„что новую табель составить и поднести Ея Величеству можно, по которой нашлось болѣе противъ прошлаго году доходовъ 8,000,000. Нельзя изобразить, какая фурія представилась на лицѣ начальника, какъ онъ прочелъ сей актъ... не хотѣлъ (Вяземскій) открыть точнаго доходу, чтобы держать себя болѣе во уваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неимѣшемъ оныхъ, но послѣ будто особымъ своимъ изобрѣтешемъ и радѣніемъ найдетъ оныя кое-какъ и удовлетворить требованіе двора“.

Державинъ увидѣлъ, что служить ему у Вяземскаго уже невозможно, вышелъ въ отставку (въ февралѣ 1784) и собирался съѣздить въ деревню погостить у матери, когда императрица (въ маѣ того же года) назначила его губернаторомъ въ Олонецъ.

Олонецкимъ намѣстникомъ, т. е. прямымъ начальникомъ губернатора, лицомъ, имѣвшимъ генераль-губернаторскія обязанности, только безъ титула генераль-губернатора, былъ тогда генераль-поручикъ Тутолминъ. Сначала онъ былъ хорошъ съ Державинимъ, но скоро началась ссора, причину которой Державинъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Тутолминъ —

„прислалъ въ губернское правленіе при своемъ предложеніи цѣлую книгу законовъ, имъ написанныхъ п императорскою властію ве утвержденныхъ, требуя, чтобы они въ томъ правленіи, въ палатахъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ непремѣнно исполняемы были; но какъ они во многихъ мѣстахъ съ существующими коренными законами в самую естественную связію дѣлъ не токмо не сообразны, но даже и неудобноисполнители были; удивясь таковой дичи и грубому дерзновенію, усумнился Державинъ принять тѣ законы къ исполненію, а для того пошелъ къ нему въ домъ, взявъ съ собою печатной указъ, состоявшійся въ 1780 году, въ которомъ воспрещалось намѣстникамъ ни на одну черту не прибавлять своихъ законовъ и исполнять въ точности императорскою только властію изданныхъ; ежели жъ въ новыхъ каковыхъ установленіяхъ необходимая нужда окажется, то представлять севагу, а онъ уже всходатайствуетъ ея священную волю. Прочетши сей законъ, намѣстникъ затрясся и поблѣднѣлъ“.

Законы, сочиненные намѣстникомъ, разумѣется остались безъ исполненія, но Тутолминъ сказалъ, что будетъ ревизовать губернскія мѣста. Ревизию началъ онъ съ губернскаго правленія, председателемъ котораго былъ губернаторъ. Онъ хотѣлъ, „до глупому честолюбію и чрезвычайному тщеславію, чтобы была ему встрѣча сдѣлана, такъ сказать, императорская, т. е. губернаторомъ и всѣми присутствующими чинами на крыльцѣ“. Но Державинъ пріявъ его по регламенту въ залѣ присутствія; намѣстникъ раздражился больше прежняго, пробовалъ привязываться къ дѣламъ и даже къ мебели губернскаго правленія, но „ничего не смысли въ законахъ“, не съумѣлъ поддержать своихъ замѣчаній. Когда онъ изъ губернскаго правленія отправился въ другія присутственныя мѣста, Державинъ не поѣхалъ провожать его; намѣстникъ разобидѣлся еще больше, и по окончаніи ревизіи, похваливъ въ досаду губернатору казенную и уголовную палаты, имѣвшія особен-

ныхъ предсѣдателей, объявилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ жаловаться на губернатора. Когда Тутолминъ уѣхалъ въ Петербургъ, Державинъ принялъ свои мѣры: онъ самъ обревизовалъ тогда присутственныя мѣста, чтобы выказать неисправность палатъ, которыя были расхвалены намѣстникомъ, и нелѣпость распоряженій самого намѣстника.

„Само по себѣ открылось великое неурстройство и несогласица съ существовавшими законами и регламентами, по коимъ мѣста должны были отправлять ихъ должности, ибо они поступали не по законамъ, а по новымъ постановлешямъ намѣстника. Словомъ, обнаружилось не токмо наглое своевольство и отступленіе намѣстника отъ законовъ, но сумасбродство и нелѣпца. чего исполнить было не можно, или по крайности бесполезно. Напримѣръ: предписалъ онъ въ должность экономіи директора, чтобы сажать и сѣять всякой годъ поселявамъ лѣса; но какъ въ Олонецкой губерніи почти по всѣмъ уѣздамъ были непроходимыя лѣса, то сіе учрежденіе, годное на Екатеринбургскую губернію, для которой въ бытность его тамъ губернаторомъ было оно написано, совсѣмъ не годилось для Олонецкой. Также и по другимъ палатамъ и судамъ такія были таблицы и предписанія, что болѣе смѣха, нежели какого либо уваженія достойны. Установлены такіе между прочимъ сборы и подати, о конхъ въ правилахъ казеннаго управленія ниже однимъ словомъ не упоминалось“.

Формальнымъ образомъ обнаруживъ таковыя сумасбродства, Державинъ послалъ о нихъ донесеніе къ императрицѣ въ оправданіе свое.

„Формальнаго отвѣту не было; но извѣстно послѣ стало, что намѣстникъ былъ лично призванъ предъ Императрицу, гдѣ ему прочтено было донесеніе губернаторское, и онъ долженъ былъ на колѣняхъ просить милости“.

Благодаря этому, Державинъ удержался въ Олонцѣ еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Но случилось происшествіе, доставившее торжество Тутолмину. Генераль-прокуроръ Вяземскій, главный правитель всѣхъ внутреннихъ дѣлъ, держалъ сторону Тутолмина. Въ угодность ему и Тутолмину, прокуроры и стряпчие безпрестанно подавали протесты въ губернское правленіе.

„Между прочими, коихъ всѣхъ описывать было бѣ пространно и ненужно, подавъ былъ протестъ отъ прокурора въ медленномъ яко бы теченіи дѣль. Сіе было одно пресмѣшное о медвѣдѣ. Надобно его описать основательнѣе, дабы представить живѣе всю его глупость и мерзость пристрастія. По отъѣздѣ намѣстника, скоро и братъ его двоюродный полковникъ Николай Тутолминъ, бывшій предсѣдателемъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, отпущенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца. На Оминой недѣлѣ того суда засѣдатель Молчинъ шель въ свое мѣсто мимо губернаторскаго дона по утру; въ нему пристать, пли онъ изъ шутки заманилъ съ собою, жившаго въ домѣ губернатора у ассесора Аверина, медвѣженка, которой былъ весьма ручень и за всякимъ ходилъ, кто только его приласкивалъ. Приведши его въ судъ, отворилъ двери и сказалъ прочимъ своимъ сочленамъ шута: „вотъ вамъ, братцы, новый засѣдатель, Михаилъ Ивановичъ Медвѣдевъ“. Посмѣялись и тотчасъ выгнали вонъ безъ всякаго послѣдствія“.

Державинъ сказалъ Молчину, что дастъ ему „сильный напругай“, если дѣлъ дойдетъ до него формально. Но формально дѣло о медвѣженкѣ пошло не къ Державину, а къ Тутолмину.

„Шишковъ, засѣдатель того же суда, въ угрожденіе намѣстника, довелъ ему исторію сію съ разными нелѣпыми прикрасами, а именно, будто медвѣженокъ, по приказанію губернатора, въ насмѣшку предсѣдателя Тутолмина (худо грамотѣ знающаго) приведенъ“.

былъ нарочно Молчннынъ въ судъ, гдѣ и посаженъ на предсѣдательскія кресла, а секретарь подносилъ ему для скрѣпы листъ бѣлой бумаги, къ которому, намаравъ лапу медвѣженка чернилами, прикладывали, и будто какъ прочіе члены стали на сіе негодовать, приказывая сторожу медвѣженка выгнать, то Молчннъ кричалъ: „Не трогайте, медвѣженокъ губернаторской“.

Предсѣдатель Верхняго Земскаго Суда, Тутолминъ, возвратившись къ должности, подалъ жалобу на обиду, ему нанесенную; губернское правленіе рѣшило дѣло тѣмъ, чтобы сдѣлать выговоръ Молчнну. Но намѣстникъ Тутолминъ объявить, что этого наказанія мало, а надобно отдать Молчина подъ уголовный судъ. Державинъ отвѣчалъ, что по закону не можетъ перемѣнять постановленій губернскаго правленія, а предоставляетъ намѣстнику рапортовать на него въ сенатъ. Тутолминъ такъ и сдѣлалъ. Вяземскій радъ былъ жалобѣ и говорилъ сенаторамъ: „вотъ, милостивцы, смотрите, что нашъ умница стихотворецъ дѣлаетъ: медвѣдей предсѣдателями“. Державина перевели въ Тамбовскую губернію. Чтобы Тутолминъ не могъ вывести новыхъ жалобъ на какія нибудь неисправности бывшаго губернатора, по его отъѣздѣ, Державинъ, сдавая должность, подробно осмотрѣлъ подвѣдомственныя ему мѣста и привелъ въ порядокъ ихъ дѣла. При ревизіи Приказа Общественнаго Призрѣнія нашлось, что казначей Грибовскій (бывшій впоследствии статсъ-секретаремъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ) выдалъ по опредѣленію за подписью одного губернатора безъ совѣтниковъ купцамъ заимообразно, безъ росписки ихъ въ шнуровыхъ книгахъ, 7,000 рублей и что недостаетъ въ наличности болѣе 1,000 рублей. Призвавъ къ себѣ Грибовскаго, Державинъ убѣдилъ его сдѣлать письменное признаніе въ томъ, что недостающія деньги проигралъ онъ въ карты любимцамъ намѣстника, вице-губернатору, губернскому прокурору и предсѣдателю уголовной палаты. Тогда Державинъ поодиначкѣ призвалъ къ себѣ вице-губернатора, прокурора и предсѣдателя уголовной палаты, показалъ каждому изъ нихъ признаніе Грибовскаго и они перетрусили. Поелѣ того заставилъ онъ и купцовъ росписаться въ деньгахъ, ими взятыхъ, а недостающія деньги внесъ свои. На другой день прокуроръ явился въ губернское правленіе съ протестомъ, въ которомъ говорилъ, что губернаторъ призывалъ его къ себѣ ночью и показывалъ ему бумагу, несправедливо замѣшавшую его, прокурора, въ карточныя дѣла.

„Губернаторъ принялъ его со смѣхомъ, сказавъ, что онъ все затѣваетъ пустое, что онъ его никогда къ себѣ не призывалъ и деньги никакія въ приказахъ не пропадали, въ удостовѣреніе чего поручаетъ ому самому освидѣтельствовать денежную казну и книги по документамъ. Прокуроръ удивился, сходилъ въ приказъ и, нашедъ все въ цѣлости и въ порядкѣ, возвратился. Губернаторъ, извѣдавъ его протестъ, возвратилъ ему какъ сонную грезу, и приказавъ подать шампанскаго, всѣмъ тутъ бывшимъ и прокурору поднесъ по рюмкѣ, выпивать самъ, и отправился въ Петербургъ, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернію и не сдѣлавъ никого несчастливимъ и не заведя никакого дѣла“.

По пріѣздѣ въ Тамбовъ (весною 1786), Державинъ сначала жилъ очень согласно съ генераль-губернаторомъ рязанскимъ и тамбовскимъ, графомъ Гудовичемъ, который былъ особенно доволенъ заботами губернатора „по приласканію общества“. Державинъ давалъ праздники, которые —

„не токмо служили къ одному увеселенію, но и къ образованію общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, такъ было грубо и необходимо, что ни

одѣться, ни войти, ни обращенія, какъ должно благородному человѣку, не умѣли. или рѣдкіе изъ нихъ, которые жили только въ столицахъ. Для того у губернатора въ домѣ были всякое воскресеніе собранія, небольшіе балы, а по четвергамъ концерты, въ торжественные же, а особливо въ государственные праздники—театральныя представленія, изъ охотниковъ благородныхъ молодыхъ людей обоого пола составленныя. Но не токмо одно увеселеніе, но и самыя классы для молодаго юношества были учреждены поденно въ домѣ губернатора, такимъ образомъ, чтобъ преподаваніе ученія дешевле стоило и способнѣе и заманчивѣе было для молодыхъ людей“.

Для танцевальныхъ уроковъ выписалъ онъ танцмейстера съ дочерью, для преподаванія молодымъ дворянамъ и дворянкамъ грамматики, ариеметики и геометріи пригласилъ учителей изъ народныхъ училищъ. Дворяне были довольны заботливостью о ихъ дѣтяхъ, а дѣти, или, лучше сказать, молодые люди учились съ удовольствіемъ, потому что жена Державина, на попеченіи которой лежали эти праздники и уроки, принимала своихъ гостей очень любезно. При Державинѣ произошло въ Тамбовѣ открытіе народнаго училища и объ этомъ торжествѣ онъ рассказываетъ одну занимательную подробность. При открытіи училища надобно было сказать рѣчь. Губернаторъ просилъ объ этомъ тамбовскаго преосвященнаго Феодосія, но онъ

„былъ человѣкъ и неученой, и больной, то онъ отказался. Губернаторъ убождалъ, чтобъ онъ приказалъ своему хотя проповѣднику то исполнить; но и въ томъ не успѣлъ, ибо тотъ проповѣдникъ былъ дьякономъ, не взирая на то, хоть безъ всякихъ талантовъ, но человѣкъ притомъ невоздержный и на тотъ разъ пилъ запоемъ. Губернаторъ послалъ въ городъ Ломовъ къ архимандриту, человѣку ученому, который, хотя по духовному правительству принадлежалъ Тамбовской епархіи, но по губеринскому правленію Пензенской губерніи. Сей обѣщалъ прѣхать, но дня за три до назначеннаго дня прислалъ курьера съ отказомъ, сказавъ тому причину, что пензенскій губернаторъ требуетъ его въ Пензу для сей же надобности. Получа сіе, Державинъ не зналъ, что дѣлать.“

Но вдругъ вспомнилъ онъ о человѣкѣ, который могъ замѣнить отказывавшихся проповѣдниковъ.

„Хаживалъ къ губернатору изъ города Козлова однодворецъ Захарьинъ, которой привашивалъ ему сочиненія своего стихи, большею частію заимствованныя изъ священнаго писанія. Въ нихъ былъ виденъ нарочитый природный даръ, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познанія не имѣлъ“.

Вотъ этому Захарьину Державинъ поручилъ написать рѣчь. Тотъ написалъ, но рѣчь оказалась „сушимъ вздоромъ, ни складу, ни ладу не имѣющимъ“. Державинъ растолковалъ ему, какъ надобно поправить рѣчь. Захарьинъ поправилъ, переписалъ; рѣчь оказалась по прежнему нелѣпницей. Тогда Державинъ самъ продиктовалъ ему рѣчь по собственнымъ мыслямъ, „которыя онъ въ теченіе дня въ головѣ своей собралъ и расположилъ въ надлежащій порядокъ“. Но тутъ явилась новая задача: отыскать приличное мѣсто, „гдѣ бы ему ту рѣчь по составленію его сказать можно было“,—въ церкви говорить однодворцу нельзя, потому что онъ не церковнослужитель, въ школѣ „также не вмѣстно“, потому что онъ не учитель: какъ тутъ быть? Наконецъ Державинъ придумалъ:

„Приказалъ ему, чтобъ, когда процессія духовная будетъ возвращаться послѣ освященія училища въ соборъ, то чтобъ онъ, оставови ее, начиналъ свою рѣчь, которая

начиналась такимъ образомъ: „Дерзая остановить тебя, почтенное собраніе, среди шестія твоего“ и проч. Сіе въ точности такъ было исполнено. Когда преосвященный со всѣмъ своимъ духовнымъ причетомъ, отслужив молебенъ и окропив святою водою классы, хстѣлъ съ собраніемъ всѣхъ чивовъ выдти изъ училища, то одновдорецъ остановилъ его вышенисаянымъ началомъ рѣчи; и губернаторъ тотчасъ подвинулъ ихъ въ училище, гдѣ уже и говорена была рѣчь передъ портретомъ императрицы порядочно; но при томъ мѣстѣ, гдѣ онъ предавалъ въ покровительство государынѣ сына своего, жена его, стоявшая за нимъ съ малолѣтнимъ его младенцемъ, отдала ему онаго, а онъ положилъ его предъ портретомъ, говоря со слезами тѣ слова, которыя тамъ написаны. Сіе трогательное дѣйствіе такъ поразило всѣхъ зрителей, что никто не могъ удержаться отъ сладостныхъ слезъ, въ благодарность просвѣтительницѣ народа пролианныхъ, и надавали столько оратору денегъ, что онъ нѣсколько недѣль съ пріятелями своими не сходилъ съ кабака, ибо также любилъ куликать“.

Державинъ очень гордился этой рѣчью. Но за такимъ успѣхомъ послѣдовали огорченія. Генераль-губернаторъ сталъ сердиться на Державина (по словамъ самого Державина) за то, что онъ возсталъ противъ неправильной отдачи виннаго откупа ненадежнымъ лицамъ и за слишкомъ малую цѣну. Скоро представился случай удалить въ отставку строптиваго губернатора. Поставщикъ арміи Потемкина, купецъ Гарденинъ, зацодрядивъ большія количества хлѣба для войска, явился въ Тамбовъ съ требованіемъ изъ казенной палаты денегъ на уплату за купленный провіантъ. Овъ предъявилъ сенатскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ казеннымъ палатамъ отпускать ему суммы, какія потребуются. Но тамбовская казенная палата объявила, что денегъ у нея нѣтъ. Задатки Гарденина должны были пропасть, а войско остаться безъ провіанта. Державинъ, по жалобѣ Гарденина, велѣлъ вице-губернатору (тогда вице-губернаторы были предсѣдателями казенныхъ палатъ) не задерживать выдачи денегъ. Вице-губернаторъ повторить, что денегъ нѣтъ, и уѣхалъ изъ города осматривать какой-то винокуренный заводъ. Тогда Державинъ самъ освидѣтельствовать книги и суммы казенной палаты и по освидѣтельствovanіи оказалось вотъ что:

„Ассигнаціоннаго банка суммы болѣе 150,000 рублей валялись вовсе безъ записки, изъ коихъ, носился слухъ, раздаваны вице-губернаторомъ въ займы казенныя деньги безъ процентовъ и безъ залоговъ, кому хотѣлъ; также неокладные доходы, какъ-то: за гербовую бумагу, за паспорта, собирались безъ записки въ приходъ; провіантскихъ и комиссаріатскихъ суммъ было на лицо, неизвѣстно почему удержанныхъ и не высланныхъ въ мѣста, куда ассигнованы, около 200,000, то есть несравненно болѣе, чѣмъ Гарденинъ требовалъ; словомъ, почти вся записная книга была бѣлая, документы разбросаны или и совсѣмъ растеряны, и неизвѣстныя какія-то деньги нашлись у присяжныхъ по коробкамъ, такъ что оказывалось въ растерѣ или похищеніи казенныхъ денегъ болѣе 500,000 рублей“.

Вице-губернаторъ и его партія подняли жалобы; генераль-губернаторъ принялъ ихъ сторону, донесъ, что Державинъ производилъ свидѣтельствованіе суммъ съ притѣсненіями чиновникамъ казенной палаты, пріѣзжалъ самъ въ Тамбовъ и имѣлъ съ Державинимъ „довольно горячій разговоръ“, при которомъ одновоже, по словамъ Державина, „никакой непристойности не было“. Черезъ нѣсколько времени былъ

„полученъ указъ изъ сената, послѣдовавшій по жалобѣ намѣстника, въ коемъ многія глупыя небылицы и скаредныя клеветы ва Державина написаны были. Между прочимъ, что будто онъ его за ворота тащилъ въ правленіе“.

Державинъ говорить, что нетрудно было бы ему опровергнуть всѣ эти „нелѣпицы“, но—

„какъ зналъ онъ канцелярскій обрядъ, что не на справкахъ основанные отвѣты подлежатъ сумнѣвию и что начальничьи донесенія болѣе возымѣютъ вѣсу, нежели его отвѣты, то отлучивъ его отъ должности предадутъ дѣло въ сенатъ къ законному сужденію, а сенатъ нѣсколько лѣтъ будетъ собирать справки, которыя въ угодность генераль-губернатора будутъ такія, какія ему только будутъ угодны; словомъ, ежели не обвинять, то вѣчно просудятъ, чего имъ только и хотѣлось. дабы не допускать Державина въ столицу, или лучше до лицедрвія императрицы; ибо таковъ есть законъ: кто подъ судомъ, то не допускается къ двору. Державинъ, все сіе предвидѣвъ, взялъ мѣры, дабы отвратить отъ себя толь злобою ухищренную напасть“.

Не объявляя сенатскаго указа, онъ призвалъ къ себѣ секретарей, велѣлъ имъ навести справки, каждому по своей экспедиціи, о тѣхъ дѣлахъ, которыхъ касается севатекій указъ, и представить ему эти справки формальнымъ порядкомъ. Секретари и совѣтники подписали справки, не зная зачѣмъ онѣ требуются, губернский прокуроръ пропустилъ ихъ; тогда Державинъ, имѣя въ рукахъ документа, объявилъ въ губернскомъ правленіи сенатскій указъ и тотчасъ отправилъ въ Петербургъ свой отвѣтъ со справками, показывавшими неосновательность обвиненій, принятыхъ сенатомъ. Гудовичъ страшно разсердился; его петербургскіе друзья положили отвѣтъ Державина подъ сукно, составили по новой жалобѣ Гудовича докладъ, удалявшій Державина отъ должности и предававшій его суду. Такъ въ концѣ 1788 года прекратилось тамбовское губернаторство Державина, который въ заключеніи этого отдѣла своихъ записокъ показываетъ въ десяти пунктахъ пользу, принесенную Тамбову его управленіемъ. Онъ старался сократить дѣлопроизводство, улучшить порядокъ сбора податей и свидѣтельства суммъ, исправилъ тюремный домъ и ввелъ въ немъ чистоту и порядокъ, „чего прежде не было“.

„а содержали въ одвой, такъ сказать, ямѣ, огороженной полисадникомъ, по нѣскольку сотъ колодниковъ, которые съ голоду, съ стужи и духоты помирали, безъ всякаго о нихъ попеченія“.

Кромѣ того, онъ старался улучшить судоходство по рѣкѣ Цнѣ, завелъ въ Тамбовѣ типографію для печатанія циркулярныхъ объявленій и т. д. Вообще видно, что усердіе къ общей пользѣ у Державина было и что въ денежныхъ дѣлахъ онъ былъ человѣкъ очеь честный. Вело-ли его усердіе къ какой нибудь дѣйствительной пользѣ, или только производило путаницу, этого мы не хотимъ рѣшать, но кажется, что среди странныхъ выдумокъ приходили ему въ голову иногда и дѣльныя мысли.

Слѣдствіе надъ Державинимъ долженъ былъ производить въ Москвѣ шестой департаментъ сената. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ упрашивалъ Державинъ, чтобы сдѣлали докладъ, но оберъ-прокуроръ шестаго департамента, князь Гагаринъ, и сенаторы видѣли невозможность обвинить Державина, а съ тѣмъ вмѣстѣ звали, что генераль-прокуроръ князь Вяземскій врагъ ему, потому и не хотѣли рѣшать дѣла. Предлогомъ безконечныхъ отсрочекъ было то, что одинъ изъ сенаторовъ, князь Волконскій, не ѣздитъ въ присутствіе по болѣзни: слушаніе дѣла отлагали до его выздоровленія. А Волконскій былъ совершенно здоровъ и не ѣздилъ въ сенатъ только затѣмъ, чтобы другіе могли отговариваться его болѣзнию. Державинъ наконецъ не выдержалъ, потребовалъ свиданія съ нимъ и сказалъ:

„Вы, слава Богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но въ сенатъ выѣзжать не позволте, хотя тамъ мое дѣло уже съ полгода единственно за отсутствіемъ вашимъ не докладывается. Я увѣренъ въ вашемъ добромъ сердцѣ и въ благорасположеніи ко мнѣ; но вы дѣлаете сіе мнѣ притѣсненіе пзъ угожденія только князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому), то я увѣряю ваше сіятельство, что ежели будете длить и не рѣшите мое дѣло такъ или сякъ, я истребую моего оправданія, ибо увѣренъ въ моей невинности; то принужденнымъ найдусь принести жалобу императрицѣ, въ которой изображу всѣ причины притѣсненія моего генераль-прокуроромъ, какъ равно и состояніе управляемаго имъ государственнаго казначейства самовластно и въ противность законовъ, какъ онъ раздастъ жалованье и пенсіоны, кону хочеть, безъ указовъ ея величества, какъ утаиваетъ доходы, дабы въ случаѣ требованія на нужныя издержки показать выслугу предъ государынею, нашедши якобы своимъ усердіемъ и особымъ распоряженіемъ деньги, которыхъ въ виду не было, или совсѣмъ оныя небреженіемъ другихъ чиновниковъ пропадали, и тому подобное; словомъ, всѣ опишу подробности, ибо, бывъ совѣтникомъ государственныхъ доходовъ, всѣ крючки и норы знаю, гдѣ скрываются, и по переводамъ суммъ въ чужіе края умышленно государственные ресурсы къ пользѣ частныхъ людей, прислуживавшихъ его сіятельству; коротко, хотя буду десять лѣтъ подъ слѣдствіемъ и въ бѣдствіи, но представляю нелживую картину худого его казною управления и злоупотребленія сдѣланной ему высочайшей довѣренности. То вы введите меня въ грѣхъ и не застаньте быть доносчикомъ противу моей воли, рѣшите мое дѣло, какъ хотите, а тамъ Богъ съ вами, будьте благополучны“.

Услышавъ такія угрозы, Волконскій немедленно поѣхалъ въ сенатъ и дѣло Державина было окончено въ одно засѣданіе. Противники Державина были признаны несправедливыми, но прежній указъ объ удаленіи его отъ должности положили оставить въ силѣ. Чтобы имѣть возможность совершенно очиститься, Державину было нужно имѣть въ рукахъ копію сенатскаго рѣшенія; а тогда не было еще закона дозволять подсудимымъ разсматривать дѣлопроизводство о нихъ. Державинъ купилъ копію рѣшенія у сенатскаго оберъ-секретаря за 2,000 рублей, пріѣхалъ съ нею въ Петербургъ и послалъ по почтѣ къ императрицѣ письмо, въ которомъ только подъ фромью собственной догадки высказывалъ, что если его могутъ винить за такія-то обстоятельства и поступки, то въ нихъ онъ можетъ оправдаться такими-то фактами. Екатерина черезъ статсъ-секретаря Храповицкаго объявила ему свое благоволеніе и сказала, „что не можетъ обвинить автора Фелицы“. Онъ даже былъ приглашенъ къ ея столу, потомъ получилъ позволеніе объясниться съ нею по своему дѣлу. Державинъ рассказываетъ эту аудіенцію такъ, какъ будто успѣлъ убѣдить государыню въ своей правотѣ; но въ запискахъ Храповицкаго сохранился словесный отзывъ императрицы, показывающій, что она считала причиною постыгавшихъ его неприяностей горячность и неуживчивость его собственнаго характера. Какъ бы то ни было, но императрица повелѣла выдать Державину жалованье за все время его подсудности, а Безбородко, врагъ Вяземскаго, прибавилъ въ указѣ, чтобы продолжать выдачу ему жалованья и впредь до опредѣленія къ мѣсту.

„Сіе Вяземскаго какъ громомъ поразило, и онъ занемогъ параличемъ. Державинъ однако по старому знакомству, какъ бы ничего не примѣчая, ѣздилъ изрѣдка въ домъ его и былъ довольно принять ласково“.

Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Вяземскій злѣйшій врагъ его, самъ въячеки старался вредить Вяземскому, а между тѣмъ, какъ видимъ, показывалъ ему расположеніе. Видно слишкомъ большая двуличность была тогда въ обычаѣ,

если Державинъ въ перемежку съ такими фактами безпрестанно говорить о прѣмотѣ своего характера.

Ему было обѣщано мѣсто, но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а мѣста не давали. Онъ разсудилъ, что единственный путь для него поправить дѣла — войти въ милость къ Платону Александровичу Зубову.

„Но что дѣлать? надобно было сыскивать случая съ нимъ познакомиться; какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почи- вааетъ, или ушелъ прогуливаться, или у императрицы. Такимъ образомъ ходя нѣсколько, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Вслѣдствіе чего написалъ онъ оду Изображеніе Фелицы, и къ 22 числу сентября, то есть ко дню коронаванія императрицы, передалъ чрезъ Эмина, который въ Олопецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему яа другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ; но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не вдалъ. Однако однѣ входъ къ фавориту дѣлать уже въ публикѣ ему много уваженія; в сверхъ того и императрица приказала приглашать его въ Эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ-то на святки, когда они наступали, и прочія собранія“.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Петербургъ изъ арміи Потемкинъ; ему очень хотѣлось, чтобы Державинъ прославилъ его побѣды своими одами. и потому Державинъ былъ принятъ у него ласково. Въ этой пріязни былъ одинъ случай, самъ по себѣ очень ничтожный, но хорошо опредѣляющій пріемы, къ ка- кимъ пріучались тогдашними нравами сильные люди.

„Однажды призвавъ его въ свой кабинетъ, отдалъ (Потемкинъ) письмо принца Делина, писанное къ нему на французскомъ языкѣ, прося оное перевести на русскій. Державинъ отговаривался незнаніемъ перваго; но князь сказалъ: „нѣтъ братецъ, я знаю, что ты переведешь“. — Принялъ и съ пособіемъ жены своей перевелъ, чѣмъ казался быть довольнымъ и благодарилъ“.

Около того же времени представился Державину случай предостеречь Платона Зубова отъ неприятой исторіи. Отецъ Зубова, человекъ корыстолюбивый, поль- зуясь сыновнею силою, захватилъ чужое помѣстье; помѣщикъ пріѣхалъ въ Петер- бургъ искать управы. Державинъ узналъ объ этомъ, объяснилъ молодому Зубову дурной поступокъ отца и Платонъ Зубовъ, человекъ, какъ надобно думать, бла- городнаго характера, заставилъ отца возвратить похищенное, чего могъ бы* и не дѣлать при своемъ могуществѣ. Онъ ласкалъ Державина; ласкалъ и Потемкинъ, такъ что Державинъ рѣшительно недоумѣвалъ, за кого ему держаться. Милостива была къ нему и государыня, но, какъ видно, не считала его человекомъ серъьз- нымъ. По крайней мѣрѣ вотъ что рассказываетъ самъ Державинъ, ни мало не по- дозрѣвая, что рассказъ свидѣтельствуетъ противъ его мнѣнія о себѣ, какъ о чело- вѣкѣ уважаемомъ за дѣльность. На пасху въ 1790 году, когда придворные выхо- дили изъ церкви послѣ вечерни, государыня пригласила всѣхъ въ Эрмитажъ.

„Лишь только вошли въ залу и сдѣлали по обыкновенію кругъ, то императрица съ свойственнымъ ей величественнымъ видомъ прямо подошла къ Державину и велѣла ему за собою идти. Онъ и всѣ удивились, недоумѣвая, что сіе значить. Пришедъ въ отдаленныя Эрмитажа комнаты, начала приказывать тихо, какъ бы какую тайпу, чтобъ

онъ сочинилъ Чичагову (то есть къ бюсту Чичагова) надпись на случай мужественнаго его отраженія въ прошедшемъ году въ Ревелѣ, сплывшаго въ три раза противъ російскаго, флота Шведскаго, которая была объ сколько возможно кратка. Державинъ, принявъ повелѣніе, не могъ однако отгадать, къ чему было такое ничего незначащее порученіе и что при толь великомъ собраніи отведенъ былъ таинственно съ важною въ толь отдаленные чертоги, тѣмъ паче, что на другой день, истоца всѣ силы свои и въ поэзіи искусство, принесъ онъ сорокъ надписей и представилъ чрезъ любимца государынѣ, но ни одна изъ нихъ ею не апробована; а написала она сама прозу, которую и нынѣ можно видѣть на бюстѣ Чичагова. Опослѣ сіе объяснилось и было ничто иное, какъ подражаніе или толчекъ Потемкину, что императрица, противъ его воли, хотѣла сдѣлать своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ Державина и для того его толь отличительно показала публикѣ. Князь, узнавъ сіе, не вышелъ въ собраніе и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постелю“.

Если Потемкинъ сказался больнымъ, если хотѣлъ показать, что рассерженъ, то ужъ навѣрное напрасно Державинъ приписывалъ огорченіе князя „отличительному“ своему разговору; да навѣрное и государыня не имѣла мысли сдѣлать его своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ. Она просто хотѣла пошутить надъ придворными, заставить ихъ попусту ломать голову надъ содержаніемъ таинственнаго разговора ея съ Державиннымъ. Бѣдняжка Державинъ не понимаетъ, какъ смѣшно его ребяческое тщеславіе, воображавшее, что Потемкинъ можетъ позавидовать ему и что императрица въ самомъ дѣлѣ чуть не отдала Потемкина подъ его команду, когда она просто шутила, заказывая ему надпись, о которой едва ли впередъ не знала, что онъ не съумѣетъ написать ее. Итакъ, изволите видѣть, Державинъ чуть-чуть не попалъ при дворѣ въ такую силу, что Потемкинъ сказался больнымъ отъ огорченія его успѣхами. Но черезъ нѣсколько дней послѣ того происходилъ знаменитый балъ, данный Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ; на балѣ были пѣты хоры, сочиненные Державиннымъ, и Потемкинъ даже пригласилъ къ своему столу стихотворца. Въ ожиданіи обѣда Державинъ отправился къ директору канцеляріи Потемкина Попову и тамъ—

„свободный имѣлъ случай и довольно время объяснить (Попову), что мало въ томъ описаніи (бала, даннаго Потемкинымъ,— Державинъ затѣмъ и являлся къ Потемкину, чтобы поднести это описаніе) на лицо князя похвалъ; но скрылъ прямую тому причину, боязнь неудовольствія отъ двора, а сказалъ, что какъ отъ князя онъ никакихъ еще благодарій личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ, то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ п низкихъ ласкателей, каковымъ никто не даетъ истиннаго вѣроятія; а потому и разеудплъ отнестъ всѣ похвалы только къ императрицѣ п всему русскому народу, яко при его общественномъ торжествѣ, такъ какъ и въ одѣ: „На взятіе Измаила“; но ежели князь приметъ сіе благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщалъ превознести его, сколько его дарованія достанетъ. Но такое извиненіе мало въ пользу автора послужило“.

Потемкинъ, прочитавъ описаніе, рассердился, сказалъ, что обѣдать дома не будетъ, и Державинъ ушелъ домой не кормленный. О, простота, простота! и она тоже поднялась было на хитрости; Державинъ, какъ видно, хотѣлъ кольнуть Потемкина скупостью на похвалы ему, хотѣлъ поощрить его этимъ къ ближайшему ознакомленію поэта съ великодушными его качествами, но достигъ только того, что остался безъ обѣда. Впрочемъ, онъ вздумалъ извлечь пользу и изъ этой неприятности: по-

бѣжалъ къ сопернику Потемкина Платону Зубову, — но нѣтъ, пусть лучше онъ самъ рассказываетъ:

„Державинъ сказалъ о семъ Зубову и не оставилъ однако въ первое воскресенье, при переѣздѣ князя въ Таврической его домъ, засвидѣтельствовать ему своего почтенія“.

Продолжалъ овъ и потомъ до самаго отъѣзда Потемкина дипломатизировать, кланаясь и ему, и Зубову, но пользы не получилъ ни отъ того, ни отъ другаго. Особенно вмѣняетъ онъ это въ вину Платону Зубову:

„Графъ Зубовъ хотя безпрестанно ласкалъ автора, и со дня на день манилъ и питалъ въ вѣкъ надежду получить какое либо мѣсто, но чрезъ все лѣто ничего не вышло, хотя перѣдко открывалъ онъ ему тѣсныя свои обстоятельства, что почти жить было нечѣмъ“.

Надобно при этомъ вспомнить, что у Державина было тогда 1,200 душъ. Не только важной должности не давалъ ему Зубовъ, — не хотѣлъ даже сложить съ него казеннаго взыскація за какую-то неисправность, по какой-то, впрочемъ не очень большой, поставкѣ хлѣба: Зубовъ и другіе просто въ глаза смѣялись надъ нимъ. Но прибѣгнувъ къ сенатскому оберъ-секретарю, Державинъ успѣлъ повернуть дѣло въ свою пользу. Чего не приходило ему въ голову по поводу скупости „любимца“, которому напрасно объяснялъ онъ свои заслуги: бѣднякъ воображалъ между прочимъ, что Зубову „непріятна и самая піэтическая его слава“, какъ будто Зубовъ былъ соперникомъ ему по римоплетству. Основашемъ такого дикаго предположенія служили факты, о которыхъ Державинъ съ своимъ обычнымъ простодушіемъ рассказываетъ слѣдующее:

„Казалось Державину, что непріятна ему (Платону Зубову) и самая піэтическая его слава; ибо часто желалъ онъ стравливать или ссорить съ нимъ помянутаго г.Емина, который, какъ извѣстно, также писалъ стихи. Онъ былъ до того дерзокъ, что въ глазахъ фаворита не токмо смѣялся, но даже порицалъ его стихи, а особливо оду „На взятіе Измаила“, говоря, что она груба, безъ смысла и безъ вкуса. Вельможа, съ удовольствіемъ улыбаясь, то слушалъ, а Державинъ равнодушно отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не спорить; но чтобъ узнать, кто изъ нихъ искуснѣе въ стихотворствѣ, то просить позволенія напечатать особо, на свой коштъ, на одной сторонѣ листа его критику, а на другой сною оду, и предать на разсужденіе публики—кому отдадутъ преимущество, говорилъ онъ, тотъ и выиграетъ тяжбу. Но Еминъ не согласился“.

Во всемъ мы готовы вѣрить Державину; въ одномъ только (да простать нимъ почитатели великаго поэта) никакъ не вѣримъ: не вѣримъ, чтобы онъ равнодушно отвѣчалъ Эмину; навѣрное онъ горячился до упаду. Зубовъ явно потѣшался надъ нимъ, а онъ чуть ли не воображалъ, что Зубовъ заидуеетъ его поэтической славою.

Наконецъ, однакоже, повернулись въ пользу Державина неотступныя просьбы у Зубова. Однажды Зубовъ спросилъ его, можно ли нерѣшенные дѣла переносить изъ одной губерніи въ другую по подозрѣнію въ пристрастіи дѣлопроизводителей первой губерніи. Державинъ объяснилъ ему, что нельзя, указалъ и законы, которыми это воспрещено.

„Въ первое послѣ того воскресенье слышно стало по городу, что когда обер-прокуроръ Федоръ Михайловичъ Колокольцовъ, за болѣзнію Вяземскаго права по старшинству генераль-прокурорскую должность, былъ по обыкновенію въ уборной дѣя несенія ея величеству прошедшей недѣли сенатскихъ меморій, то она, вышедъ в

спальни, прямо съ гнѣвомъ устремилаcь ва него и, схвати его за Владимірскій крестъ, спрашивала, какъ онъ смѣлъ коверкать ея учрежденіе. Онъ отъ ужаса помертвѣлъ и не зналъ, что отвѣтствовать; наконецъ, сколько нибудь собравшись съ духомъ, промолвилъ: „Что такое, государыня? и не знаю“. — „Какъ не знаешь? Я усмотрѣла изъ меморіи, что переводятся у васъ въ сенатъ во 2 департаментъ, гдѣ ты оберъ-прокуроръ, нерѣшенные дѣла изъ одной губерніи въ другую“.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Зубовъ, „призвавъ Державина, объявилъ ему, что императрица опредѣляетъ его къ себѣ для принятія прошеній и дѣлаетъ своимъ статсъ-секретаремъ, поручаетъ ему наблюденіе за сенатскими меморіями, чтобы онъ по нимъ докладывалъ ей, когда усмотрятъ какое незаконное сената рѣшеніе“. Это было въ декабрѣ 1791 года, и съ той поры Державинъ опять пошелъ по службѣ вверхъ, впрочемъ съ частыми перерывами, происходившими теперь уже просто оттого, что онъ никакъ не умѣлъ понять, бываетъ ли у Екатерины II, потомъ у императоровъ Павла I и Александра I время много заниматься тѣми второстепенными дѣлами, длинными докладами, о которыхъ онъ неотступно надоѣдалъ имъ, какъ только получалъ должность, дававшую ему право личнаго доклада. Такъ, онъ съ перваго же раза очень скоро наскучилъ императрицѣ Екатеринѣ II своими неотвязными толками о сенатскихъ меморіяхъ. Но самъ онъ иначе объясняетъ причину, по которой императрица, сначала слушавшая его благосклонно и внимательно, черезъ нѣсколько времени отстранила его доклады.

„Сначала императрица часто допущала Державина къ себѣ съ докладомъ и разговаривала о политическихъ произшествіяхъ, каковымъ хотѣлъ было онъ вести подневную записку; но поелику дѣла у него были всѣ роду неприятнаго, то есть прошенія на неправосудіе, награды за заслуги, и милости по бѣдности; а блистательныя политическія, то есть о военныхъ приобрѣтеніяхъ, о постройкѣ новыхъ городовъ, о выгодахъ торговли и проченъ, что ее увеселяли болѣе дѣла прочихъ статсъ-секретарей, то и стала его рѣдко призывать, такъ что иногда онъ недѣли предъ нею не былъ, и потому журналъ свой писать оставилъ; словомъ: примѣтно было, что душа ея болѣе занята была военною славою и замыслами политическими, такъ что иногда не понимала она, что читано было ей въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ; но какъ имѣла необыкновенную остроту разума и великій навыкъ, то тотчасъ спохватывалась и давала резолюціи по крайней мѣрѣ иногда нѣсколько основательныя, однако же своиныя, какъ-то: съ кѣмъ либо снестиcь, переписать и тому подобныя. Вырывались также иногда у нея внезапно рѣчи, глубину души ея обнаруживавшія. Напримѣръ: ежелибъ я правила 200 лѣтъ, то бы конечно вся Европа подвержена бѣ была российскому скипетру. Или: я не умру безъ того, пока не выгоню турвовъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая, и съ Индіей не осную торговлю. Или: кто далъ, какъ не я, почувствовать французамъ право челоуѣка. Я теперь вяжу узелки *), пусть ихъ развяжутъ. Случалось, что заводила рѣчь и о стихахъ докладчика, и неоднократно, такъ сказать, спрашивала его, чтобы онъ писалъ въ родѣ оды Фелицѣ. Онъ ей обѣщалъ и нѣсколько разъ принимался, запираясь по недѣлѣ дома; но ничего написать не могъ, не будучи возбужденъ какимъ либо патріотическимъ славнымъ подвигомъ“.

Пусть это и правда, пусть въ самомъ дѣлѣ глушаніе тяжёбныхъ дѣлъ меньше занимало императрицу, чѣмъ планы приобрѣтенія новыхъ областей и расширенія перевѣса своего надъ сосѣдями, — но какъ же Державинъ, если понималъ это, не дѣйствовалъ сообразно съ такими данными? Ему слѣдовало бы ве доводить до нея

*) Она обыкновенно, когда слушала дѣла, то вязала чулки или какіе-то шнурки съ узелками.
Примѣчаніе Державина.

мелких дѣлъ, излагать и крупныя въ самомъ сжатомъ видѣ. Но въ его глазахъ пріобрѣтали громадную важность всякія мелочи, лишь бы онъ коснулся до нихъ: онъ ничего не замѣчалъ и ему казались выраженіемъ особеннаго благоволенія тѣ самыя вещи, по которымъ человекъ болѣе сообразительный замѣтилъ бы, что надъ нимъ подшучиваютъ. Въ самомъ дѣлѣ, императрица повторяла иногда шутку, которую въ первый разъ сдѣлала по случаю надписи къ бюсту Чичагова: „въ публичныхъ собраніяхъ, въ саду иногда, сажала его подлѣ себя на канале, шептала на ухо ничего не значущія слова, показывая, будто говоритъ о какихъ-то важныхъ дѣлахъ. Чтѣ это значило, Державинъ самъ не зналъ“, но заключалъ, что его хотятъ посвятить въ важныя государственныя тайны, вручить ему великую власть. По своему простодушному тщеславію онъ думалъ, что пользуется „такимъ императрицы уваженіемъ, которое обращало на него глаза завистливыхъ придворныхъ“. Прекращеніе мнимаго особеннаго уваженія онъ приписываетъ случайному обстоятельству, именно тому, что однажды, устроивъ, для развлеченія императрицы, игру въ горѣлки, онъ упалъ, вывихнуть руку и долженъ былъ просидѣть дома шесть недѣль. „Въ сіе-то время, говоритъ онъ, недоброжелатели умѣли такъ расположить противъ него императрицу, что онъ по выздоровленіи нашелъ ее уже совершенно перемѣнившеюся“. Мѣсяца черезъ полтора или два по выздоровленіи онъ пріѣхалъ съ докладомъ во время дурной и холодной погоды; когда онъ велѣлъ доложить императрицѣ о своемъ пріѣздѣ, она чрезъ камердинера сказала ему: „удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватитъ“, и приказала ѣхать домой. На самомъ дѣлѣ, рѣдкій правитель могъ бы долго вынести такого пространнаго докладчика: довольно сказать, что докладъ его императрицѣ по знаменитому дѣлу Якоби „продолжался всякій день по два часа четыре мѣсяца, съ мая по августъ“, но и тѣмъ еще не кончился, а поелѣ нѣкотораго перерыва продолжался до ноября. Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ это могло хватить материала на такой докладъ, хотя бы даже о дѣлѣ Якоби, привезенномъ „въ трехъ кибиткахъ, нагруженныхъ сверху до низу“.

Читатель видѣлъ много такихъ свидѣтельствъ Державина о самомъ себѣ, по которымъ, пожалуй, усомнится раздѣлять наше мнѣніе, что въ сущности онъ былъ человекъ честный, прямодушный, старавшійся отстаивать правду, насколько дозволяли его очень отсталыя понятія. Но вотъ, напримѣръ, это самое дѣло Якоби, длина доклада о которомъ поражаетъ своею нелѣпостью, служить доказательствомъ правдивости Державина: когда дѣло попало въ руки Державина, всѣ считали Якоби уличеннымъ преступникомъ и сама императрица не сомнѣвалась въ его преступленіяхъ. Державинъ, увидѣвъ, что Якоби обвиненъ напрасно, защищалъ его съ большою твердостью. Сущность этого знаменитаго государственнаго процесса онъ излагаетъ такъ:

Въ 1783 году Якоби былъ назначенъ Сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Онъ въ то время пользовался благосклонностью генераль-прокурора Вяземскаго. Передъ отправленіемъ своимъ на генераль-губернаторство онъ ежедневно посѣщала Вяземскаго.

„Обласканъ былъ княгиней и прочими живущими у князя, между коими понравилась ему дочь вышеупомянутаго оберъ-прокурора, что былъ послѣ сенаторомъ, Ивана Гавриловича Рязанова, которая, какъ говорили злоязычники, была въ любовной связи съ княземъ и вѣроятно съ согласія княгини. Она, примѣтивъ сіе, сказала супругу.

Рады были такому жениху и стали принимать его еще дружественнѣе, довели до настоящаго сватовства: уже женихъ невѣсту дарилъ брильянтами. Искреннею ли любовію плѣненъ былъ генераль-губернаторъ къ сей дѣвицѣ, пли только, чтобъ чрезъ нее получить всѣ требованія и прихоти свои отъ генераль-прокурора, какъ-то опредѣлять въ мѣста кого куда хотѣлъ, давать чины своимъ приверженцамъ и прочее; но сіе очень много значило, а особливо въ такомъ отдаленіи, каковъ пространный Сибирскій край. Воѣ думали, что онъ женившись уже отправится къ своей должности. Ожидали только доклада императрицы; но наканунѣ онаго любимецъ ея бывшій тогда, Александръ Дмитріевичъ Ланской, призываетъ его къ себѣ, спрашиваетъ о справедливости разнесшагося слуха и запрещаетъ именемъ императрицы совершать сіе супружество, а напротивъ того, объявляетъ ея волю, чтобъ онъ поскорѣе ѣхалъ въ назначенное ему мѣсто и открывалъ въ Иркутскѣ губернію по образу ея учрежденія. Къ сему враждующая противъ князя Вяземскаго партія графовъ Безбородка, Воронцова и прочіе прибавили, будто императрица проговорила: „Я не хочу, чтобъ князь Вяземскій выдавалъ свою Рязанову за Якобія и за ней жаловалъ ему въ приданое Сибирь“. Можетъ быть, подъ симъ она разумѣла, что если будутъ въ тѣсномъ и столь короткомъ между собою союзѣ генераль-прокуроръ съ генераль-губернаторомъ, то цѣлый край, столь обширный и отдаленный, будетъ въ совершенномъ ихъ порабощеніи, и правды уже тамъ не учинять. Ова, зная ихъ характеры, можетъ быть, была и права“.

Якоби уѣхалъ, общавшись вернуться черезъ годъ, чтобы жениться. Но черезъ годъ онъ прислалъ рапортъ, что важныя дѣла удерживаютъ его въ Сибири, и отказался отъ невѣсты.

„Получа сіе извѣстіе, князь, сказываютъ, проговорился, что онъ живъ не будетъ, ежели не отомститъ такую наглую обиду. Кто у нихъ по справедливости виноватъ, Богъ знаетъ. Самъ ли собою это сдѣлалъ Якобій, или во угожденіе двора; но имѣя великую душу, кажется бы нашелъ средство иначе поступить. Съ другой стороны, столь низку быть генераль-прокурору, какъ ниже увидимъ, непростительно“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣкто Парфентьевъ прислалъ на Якоби доносъ, въ которомъ важнѣйшимъ обвиненіемъ было, что Якоби хочетъ поднять войну съ Китаемъ, чтобы получить черезъ нее больше важности. Якоби вызвали въ Петербургъ и дѣло тянулось цѣлыхъ семь лѣтъ. Наконецъ открылось, что тѣ дѣйствія Якоби, на которыхъ основывалось главное обвиненіе, были прямымъ исполненіемъ тайной инструкціи, данной ему самою императрицею; нашелся даже указъ объ этомъ въ архивѣ Иностранной Коллегіи. Государыня, будучи недовольна неприязненными дѣйствіями китайцевъ, приказывала Якоби отвѣчать на нихъ также неприязненными мѣрами, и вотъ эти-то мѣры семь лѣтъ выставлялись доказательствомъ, что Якоби самовольно хотѣлъ начать войну съ Китаемъ. Когда императрица припомнилась инструкція, она увидѣла невинность Якоби и подписала указъ о его оправданіи. Но сначала ей не была объяснена сущность дѣла и Державину нужно было много гражданскаго мужества, чтобы не отступиться отъ изложенія процесса въ томъ духѣ, какъ онъ самъ понималъ его: „при продолженіи Якобіева дѣла, говорить онъ, она вспыхивала“, и рассказываетъ такой случай:

„Въ одинъ разъ съ гнѣвомъ (императрица) спросила, кто ему приказалъ и какъ онъ смѣлъ съ соображеніемъ прочихъ подобныхъ рѣшенныхъ дѣлъ сенатомъ выводить невинность Якобія. Онъ твердо ей отвѣтствовалъ: „Справедливость и ваша слава, Государыня, чтобъ не погрѣшила чѣмъ въ правосудіи“. Она покраснѣлась и выслала его вовъ, какъ и нерѣдко то въ продолженіе сего дѣла случалось“.

Прежде Державина дѣло Якоби производилъ извѣстный Шишковскій и Державину надобно было выдержать борьбу съ этимъ человѣкомъ, находившимся въ отличной довѣренности у императрицы и у Вяземскаго по дѣламъ тайной канцеляріи“. Увидѣвъ, что Державинъ даетъ дѣлу другой оборотъ, Шишковскій взялъ было на себя „важный и присвоенный имъ, какъ всеѣмъ извѣстно, таинственный грозный тонъ съ новымъ слѣдователемъ“. Но Державинъ заговорилъ съ нимъ такъ, что онъ „затрясся, поблѣднѣлъ и замолчалъ“. Если тутъ Державинъ замѣчаетъ о себѣ, что выказалъ „неустрасимость“, то, надобно признаться, онъ справедливо присвоиваетъ такое достоинство своему поступку: не всякій рѣшился бы раздражать Шишковскаго противъ себя. Часто бывая смѣшнымъ по тщеславію, слишкомъ часто выказывая чрезвычайную ограниченность, иногда совершенную дикость понятій (доказательства тому мы еще увидимъ), не считая предосудительнымъ дѣломъ низкопоклонничества, обычнаго тогда, Державинъ однако же являлся иногда человѣкомъ, защищавшимъ свои убѣждения не безъ мужества.

Кто хочетъ довѣрять объясненіямъ самого Державина больше, чѣмъ обыкновеннымъ рассказамъ о его служебной неспособности, тотъ можетъ найти у него такую причину придворнаго охлажденія къ нему, которая приноситъ честь его сердцу: рассказавъ о разныхъ мелкихъ наговорахъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, „поселилась остуда“ къ нему въ сердцѣ императрицы, онъ продолжаетъ:

„Можетъ быть и за то, что онъ по желанію ея, видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки, не собрался съ духомъ и не могъ такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицъ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность его еще при дворѣ: ибо изъ далека тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламенѣніе, явились ему, при приближеніи къ двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горичнымъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея“.

„По желанію Императрицы (говорить онъ въ другомъ мѣстѣ), чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей съ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокой ирежій идеалъ, когда въ близи увидѣлъ подлинный человѣческой съ великимъ слабостями: сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства.—И такъ не зная, что дѣлать; но какъ покойная (т. е. первая) жена его любила его сочиненія, съ жаромъ и мастерски не рѣдко читывала ихъ при своихъ пріятеляхъ, то изъ разныхъ лоскутовъ собрала она ихъ въ одну тетрадь (которая хранилась шибѣ въ бібліотекѣ графа Алексѣя Ивановича Пушкина въ Москвѣ) и, переписавъ начисто своею рукою, хранила у себя; когда же мужъ безпокоился, что не можетъ ничего по общашию своему сдѣлать для Императрицы, то она совѣтывала поднести ей то, что ужъ написано, въ числѣ коихъ были и такія шессы, кои еще до свѣдѣнія ея не доходили сказавъ сіе, подала къ удивленію его переписанную ею тетрадь. Не имѣя другаго средствъ исполнить волю Государыни, обрадовался онъ сему собранію чрезвычайно. Просилъ пріятеля своего Алексѣя Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмкѣ приличныя картинки (виньеты), и, переплетя въ одну книгу, съ посвятительнымъ письмомъ, поднесъ лично въ ноябрѣ 1795 года. Государыня, принявъ оную, какъ казалось съ благоволеніемъ, занималась чтеніемъ оной сама, какъ камердинеръ ея г. Тюльпинъ сказывалъ двое сутокъ.“

Но, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, она умѣла обращаться съ людьми, „выигрывать сердца и ими управлять, какъ хотѣла“, —

„Часто случалось, что разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, и онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ, зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается по прежнему чпсто-сердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула, и въ изступленіи сказалъ: „Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите“. Она засмѣялась и сказала: „неужто это правда?“ Умѣла также притвориться и обладать собою въ совершенствѣ.“

Но, отъ чего бы то ни было, отъ неспособности ли своей къ дѣльному управленію, или отъ недостатка льстивости, Державинъ не получалъ награды, которыхъ считалъ себя достойнымъ. Такъ, по отставкѣ Вяземскаго, генераль-прокуроромъ сдѣланъ былъ графъ Самойловъ, а Державинъ, считавшій себя имѣющимъ всѣ права на эту должность, назначенъ былъ только сенаторомъ. Чаше всего поручали ему разборъ тяжбныхъ дѣлъ и опеку надъ помѣстьями богатыхъ малолѣтнихъ вельможъ, будучи увѣренъ, что онъ не польстится на взятки и не расхититъ управляемаго имѣнія. Въ началѣ 1794 назначили его президентомъ коммерцъ-коллегіи, но чрезвычайно ограничили его вліяніе на дѣйствительный ходъ дѣлъ, оставленіемъ полной независимости отъ него начальникамъ важнѣйшихъ таможенъ, такъ что, явнымъ образомъ, ему хотѣли предоставить только почетный титулъ безъ всякой власти. Онъ не рассудилъ понять этого, вмѣшивался въ дѣла, до которыхъ его не допускали, потому въ послѣдніе мѣсяцы императрица черезъ Троцинскаго сказала ему, „чтобъ онъ не беспокоился по дѣламъ коммерцъ-коллегіи“. Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины II, его служба уже ограничивалась однимъ присутствіемъ въ Сенатѣ, и доведя свой рассказъ до кончины императрицы, онъ пользуется тутъ удобнымъ случаемъ для повторенія своей постоянной жалобы, что не былъ награждаемъ ею по достоинству, — впрочемъ это не мѣшаетъ ему считать ея правленіе „благоденственнымъ“.

„Что касается до него, то, начавъ ей служить, какъ выше видно, отъ солдатства, слишкомъ чрезъ 35 лѣтъ, дошелъ до знаменитыхъ чиновъ, отправлялъ безпорочно и безкорыстно всѣ возложенныя на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повелѣнія съ довольною довѣренностію; но никогда не носилъ отличной милости и не получилъ за вѣрную свою службу какого либо особливаго награжденія, какъ прочіе его собратія, Троцинскій, Поповъ, Грибовскій и иные многіе. Онъ даже просилъ, по крайнему своему недостатку, обратить жалованье его въ пенсію; но и того не сдѣлано до выпуска его изъ статсъ-секретарей. Деревянми, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кромя, какъ выше сказано, пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлоруссіи, за спасеніе колоній, съ которыхъ онъ со всѣхъ получалъ доходу серебромъ не болѣе трехъ съ души, то есть 1000 рублей, а ассигнаціями въ послѣднее время до 2000 рублей, да въ разныя времена за стихотворенія свои подарковъ, то есть: за оду Фелицѣ золотую табакерку съ брилліантами и 500 червонцевъ, за оду на взятіе Измаила золотую же табакерку, за тарифъ — съ брилліантами же табакерку, по назначенію на билетъ ея рукою написанному: *Державину*, получилъ послѣ уже ея кончины отъ Императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за безцѣннѣйшее всѣхъ награжденій, что она, при всѣхъ гоненіяхъ силь-

ныхъ а многихъ непріятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, такъ сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать и явно надъ ними, огласкою его справедливости и вѣрной службы или особливою какою либо довѣренностію, которую она къ прочимъ оказала. Коротко сказать, сія мудрая и сильная Государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться, и вознестись до надлежащаго величія; но если разеуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непорочень, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ быть и опасалась; ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе года, съ княземъ Потемкинымъ, упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи египту своему новыхъ царствъ. Поелику же духъ Державина склоненъ былъ всегда къ морали, то, если онъ и писалъ въ похвалу торжествъ ея стихи, всегда однако обращался аллегоріями, пли какимъ другимъ тонкимъ образомъ къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ. Но какъ бы то ни было, да благословенна будетъ память такой Государыни, при которой Россія благоденствовала и которую долго не забудеть“.

Читатель замѣтитъ, что въ этомъ разсужденіи Державина нѣтъ вивакихъ признаковъ логики, что посылки не вяжутся съ заключеніемъ. Но у Державина напрасно было бы и вообще искать какой нибудь послѣдовательности въ образѣ мыслей; его понятія представляютъ самую пеструю смѣсь мыслей, ввущаемыхъ сердцемъ по природѣ благороднымъ, съ господствовавшими тогда идеями совершенно иного характера: также, какъ его поступки, свидѣтельствуя—то, какъ будто бы, о довольно значительномъ запасѣ природнаго здраваго смысла, то о самомъ мелочномъ тщеславіи и о совершенной безтолковости. Если хотите, всѣ эти противорѣчія очень легко объясняются тѣмъ несомнѣннымъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ нисколько подготовленъ къ важнымъ дѣламъ, которыми пришлось ему заниматься. Онъ былъ дикарь съ добрымъ отъ природы сердцемъ, по капризу судьбы поставленный довольно важнымъ человѣкомъ въ государствѣ, болѣе всего нуждавшемся въ избавленіи отъ дикарства. Онъ видѣлъ, что все не клеится, все дурно, повсюду находилъ несоответственность между національными нуждами и обстоятельствами, въ которыхъ содержалась нація. Ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь полезное для общества, но онъ рѣшительно не понималъ, въ чемъ заключается причина разстройства и бѣдствій; ему не приходило въ голову, что причины эти заключаются въ дикихъ понятіяхъ, которыми самъ онъ былъ пропитанъ и наивностью которыхъ ловко пользовались нѣкоторые хитрыя личности, принявшія изъ европейской цивилизаціи одинъ только макіавелизмъ. Онъ вѣрилъ искренности пышныхъ фразъ и самъ былъ преданнѣйшимъ помощникомъ лицъ, въ чувствахъ которыхъ обманывался.

Читатель скажетъ, что мы слишкомъ мало подготовляли такое заключеніе предыдущую статью; что она почти вся состоитъ только изъ голыхъ выписокъ, не связанныхъ никакою общемою мыслью, даже не приведенныхъ ни въ какую систему. расположенныхъ въ томъ случайномъ порядкѣ, въ какомъ попадались онѣ намъ при перелистываніи записокъ Державина; онъ скажетъ, что многія изъ этихъ выписокъ рѣшительно ни къ чему не ведутъ, а другія ееликъ и могли имѣть какой нибудь смыслъ, то теряютъ его отъ бессмысленной обстановки другими выписками,

совершенно излишними. Все это такъ, положимъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что авторъ статьи плохо воспользовался матеріалами, какіе имѣлъ въ запискахъ Державина; но это ни мало не мѣшаетъ матеріаламъ оставаться не дурными и никто не препятствуетъ читателю придать имъ собственную мысль ту обработку, какой не умѣла сообщить имъ наша статья. Пусть читатели довольствуются тѣмъ, что мы знакомимъ ихъ съ любопытными мѣстами книги, которая иначе была бы извѣстна развѣ одному изъ десятерыхъ между ними. Что за странная претензія получать готовые выводы—гораздо лучше думать самому.

Въ слѣдующій разъ мы переберемъ содержаніе остальной части „Записокъ“ Державина, относящейся къ царствованію императора Павла и къ первой половинѣ царствованія императора Александра. Эта часть по объему вдвое меньше той, извлеченіе изъ которой мы дали теперь, но она гораздо любопытнѣе. Воспитанный въ понятіяхъ, господствовавшихъ надъ необразованною массою русскаго населенія въ началѣ царствованія Екатерины II, Державинъ судить по нимъ о новыхъ порядкахъ: при Екатеринѣ онъ былъ недоволенъ только частностями, и главнымъ образомъ только тѣми частностями, которыя неприятно отражались на его личныхъ дѣлахъ. При императорѣ Павлѣ, а еще больше въ первые годы императора Александра имъ овладѣваютъ другія чувства: общій характеръ управленія не таковъ, къ какому онъ привыкъ, онъ становится недоволенъ всѣмъ порядкомъ дѣлъ. Но вотъ именно тутъ я обнаруживается совершенная несостоятельность идей, которыми онъ привыкъ руководиться. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи его сужденія о лучшихъ сподвижникахъ императора Александра. Они, по его мнѣнію, губили Россію всѣмъ тѣмъ, что успѣвали сдѣлать дѣйствительно полезнаго для нея. До сихъ поръ Державинъ въ качествѣ государственнаго мужа былъ только смѣшонъ, но въ сужденіяхъ о первой половинѣ царствованія Александра выставляется онъ, при всей благонамѣренности, съ такой стороны, что невольно думаешь: каково бы ни было время, слѣдовавшее за кончиною Екатерины, но во всякомъ случаѣ оно едва-ли могло быть проигрышемъ, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, которое Державинъ выставлялъ образцовымъ.

II.

Вскорѣ по своемъ восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ пригласилъ Державина къ себѣ, далъ ему поцѣловать руку и въ очень милостивыхъ выраженіяхъ объявилъ, что хочетъ сдѣлать его правителемъ канцеляріи верховнаго Совѣта, зная его за человѣка честнаго. Говоря о назначаемой ему должности, императоръ употреблялъ слова „правитель Совѣта“ вмѣсто полнаго названія „правитель канцеляріи Совѣта“. Кажется, смыслъ былъ ясенъ, несмотря на выпускъ слова „канцелярія“; но Державинъ, чрезвычайно наивный и тщеславный, тотчасъ вообразилъ, что императоръ говоритъ не о существующей, очень хорошо извѣстной всѣмъ должности, а учреждаетъ для него какую-то новую должность, несравненно высшую, такъ чтобы онъ былъ не дѣлопроизводителемъ Совѣта, а безграничнымъ начальникомъ его, полновластнымъ лицомъ, чѣмъ-то въ родѣ Ришельё. Когда на другой день вышелъ указъ, въ которомъ краткое разговорное выраженіе „правитель Совѣта“ было замѣнено полнымъ формальнымъ выраженіемъ „правитель кан-

целярии Совѣта“, Державинъ, разумѣется, приписалъ разрушеніе своей фантазиі вовсе не тому, что она была создана только его тщеславіемъ, а интригамъ евоихъ враговъ. Возникли разныя объясненія, въ которыхъ Державинъ велъ себя съ обыкновенною своею навязчивостью, такъ что государь разсердился, пересталъ принимать къ себѣ Державина и приказалъ не пускать его въ кавалерскую залу. Державинъ началъ забѣгать къ разнымъ приближеннымъ императора, чтобы они смягчили его, но никому не было охоты впутываться въ это дѣло, и Державинъ обратился къ средству, которое и прежде удавалось ему нѣсколько разъ.

„По ропоту домашнихъ, былъ въ крайнеи огорченіи и наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякой посторонней помощи, возвратить къ себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта. Онъ написалъ оду на восшествіе его на престолъ, напечатанную во второй части его сочиненій, подъ надписью: Ода на новый 1797 годъ, и послалъ ее къ императору чрезъ Сергѣя Ивановича Плещеева. Она полюбилась и имѣла свой успѣхъ. Императоръ позволилъ ему чрезъ адъютанта своего князя Шаховскаго пріѣхать во дворецъ и представиться, и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалерскую залу по прежнему“.

До сихъ поръ мы не приводили выписокъ изъ поэтическихъ произведеній Державина; попробуемъ обратиться къ ихъ свидѣтельству на этотъ разъ. Ода на новый 1797 годъ дѣйствительно заслуживала того, чтобы произвести улучшение въ дѣлахъ Державина: она проникнута самымъ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія къ императору. Державинъ прославляетъ милостивый манифестъ новаго государя, потомъ говорить, что съ его царствованіемъ водворилась въ государственномъ управленіи самая полезная дѣятельность: „пронесся духъ животворящій“, „всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ и долгъ свой тщательно творить; передъ зеркаломъ судъ не дремлетъ, скрываетъ злость главу свою“. Всѣ заслуги награждены по достоинству, „сѣдина почестями покрылась, заслуги получаютъ мзду“.

„Такъ Богъ въ величїи, во славъ,
Во благовремену чреду,
Льетъ благодать своей державѣ
Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
Всѣ руки къ небу воздѣвають
И отъ него всѣ ожидаютъ
Себѣ возможныхъ твари благъ.“

Вся вселенная повторяетъ молву, что Павелъ превосходитъ Екатерину II и Петра I и желаетъ „сидитъ въ сердцахъ блаженства крини“. Далѣе онъ сравнивается съ Атлантомъ, „на рамена поднявшимъ свѣтъ“, называется избраннымъ сосудомъ Христовой церкви, льющимъ „всѣ добродѣтели во нравы“, „мудрымъ ума по просвѣщенью“, „гѣннымъ, милостивымъ душой, отирающимъ слезы несчастнымъ“, такъ что—

„По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ немъ и Тптъ“.

И Державинъ обѣщаетъ Россїи, что она подъ Павловымъ владѣніемъ „будетъ счастливѣй всѣхъ земныхъ народовъ“.

Конечно, во всѣхъ этихъ похвалахъ мы должны находить очень значительную часть справедливости; но дѣло въ томъ, что если Державинъ и предугадалъ въ

своей одѣ сужденіе безпристрастной исторіи, то самъ онъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда писалъ эту оду, вовсе не думалъ того, что писалъ: при своемъ раздраженіи, онъ позволялъ себѣ въ домашнемъ кругу горькія насмѣшки или, по его собственному выраженію, „не могъ удерживаться отъ горестнаго смѣха“, когда говорилъ съ своими близкими. Тутъ же, всего за 39 строкъ передъ выписаннымъ нами отрывкомъ, онъ выражаетъ такое мнѣніе:

„Всѣ прежнія учрежденія Петра Великаго и Екатерины зачали сумазбродно, безъ всякой причины, коверкать“ (Записки Держ. стр. 392).

Вотъ еще черта такого же рода. Мы говорили, что прежде чѣмъ принялся за сочиненіе оды на новый 1797 годъ, Державинъ пытался помочь своему дѣлу черезъ ходатайство сильныхъ людей, которые однако же не захотѣли впутываться въ дѣло. Между прочимъ обращался онъ съ просьбою и къ князю Николаю Васильевичу Репнину, который тоже сказалъ: „не мое дѣло мирить васъ съ государемъ“. Тогда Державинъ „почувствовалъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзене къ человѣку, который носилъ въ сердцѣ адскую гордость и лицемеріе“. По его увѣренію, „скоро послѣ того низость души сего князя узнали и многіе“ — вѣроятно мы ошиблись бы, предположивъ по этимъ словамъ, что и самъ Державинъ помогалъ этимъ многимъ узнать низость души сего князя, т. е. ѣздилъ по городу и старался вселять въ другихъ убѣжденіе, къ которому пришелъ о качествахъ души Репнина. Издатель записокъ Державина справедливо замѣчаетъ, что Репнинъ былъ, напротивъ, однимъ изъ самыхъ благородныхъ людей своего вѣка. Но для насъ важно не то, каковъ былъ на самомъ дѣлѣ Репнинъ, а то, что Державинъ, имѣя о немъ мнѣніе, которое мы прочли, не почелъ нужнымъ выбросить изъ своихъ сочиненій оду „Памятникъ герою“, на которую указываетъ издатель. Въ этой одѣ прославляется несравненная добродѣтель героя Репнина и доказывается, что сколь ни славенъ онъ своими побѣдами, но еще гораздо высшей славы заслуживаетъ дивными душевными достоинствами: достоинства эти такъ велики, что Державинъ для удовлетворительнаго ихъ изображенія проситъ даже помощи музы какого-то Кунгдзея.

„Всегда разборчива, правдива,
Нягдѣ и никому нельстива,
О! строгаго Кунгдзея Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нѣжномъ эвонкой кинѣ,
И трогать поученьемъ сердце!
Приди...

говоритъ Державинъ — „возсядь при памятникѣ дивномъ и вѣщай, что

Друзья, герои человѣковъ“

должны считаться „солью земли“, „звѣздами во' мракѣ“, „великими зеркалами богоподобныхъ“ и т. д., и что изображаемый теперь герой имѣетъ такіа качества: овъ

„Прямой герой страстями недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, тѣсламъ, власти, славѣ

Внутри онъ сердца не вверженъ;
 Сокровище его любезно—
 Спокойный духъ и чиста совѣсть“,

и т. д. Муза Кунгдзея разыгрывается наконецъ до того, что заключаетъ перечисленіе добродѣтелей своего героя стихомъ—

„Благословенъ Репнинъ потомствомъ“.

Изъ этого сличенія отзывовъ, дѣланныхъ Державинимъ при жизни, съ его словами въ „Запискахъ“, предназначавшихся къ изданію уже по его смерти, когда ни Репнинъ, ни кто другой не могъ доставить ему повышенія по службѣ, мы вовсе не думаемъ выводить какихъ нибудь невыгодныхъ заключеній о личномъ характерѣ самого Державина: мы хотимъ только сказать, что нравы, въ которыхъ онъ воспитался, были проще, откровеннѣе нынѣшнихъ. И теперь мы иногда составляемъ свои сужденія о людяхъ по нашимъ отношеніямъ съ ними, а вслухъ говоримъ о людяхъ то, что нужно для нашей выгоды. Но мы совѣстимся, когда обнаруживается это разнорѣчіе явныхъ словъ съ тайнымъ мнѣніемъ, а въ тѣ времена, когда сложились понятія Державина, этой конфузливости люди какъ будто не чувствовали: они думали, что въ этомъ разнорѣчии нѣтъ ничего предосудительнаго. Они даже вовсе не старались скрывать, что человѣкъ украшается въ ихъ глазахъ всѣми возможными добродѣтелями и совершенствами, когда дѣлается ихъ милостивцемъ, что если они порицаютъ кого, то не иначе, какъ по своимъ личнымъ отношеніямъ къ нему. Репнинъ отказался хлопотать за Державина, и вотъ мы видѣли, какую низость души тотчасъ же нашелъ Державинъ въ героѣ, воспѣтомъ музою Кунгдзея. Точно также надобно полагать, что онъ и правительственные распоряженія находилъ иногда неосновательными единственно лишь потому, что много разъ обманывался въ надеждѣ забрать въ свои руки всѣ государственныя дѣла. Успѣвъ онъ получить силу, онъ сталъ бы говорить совершенно иначе, — и не только сталъ бы говорить иначе, самъ отъ всей искренности сердца находилъ бы, что ходъ дѣлъ совершенно соотвѣтствовалъ въ это время картинѣ, представленной имъ въ одѣ на новый 1797 годъ.

Черезъ нѣсколько времени Державина опять назначили президентомъ коммерцъ-коллегіи, но опять такъ, что у него не было въ рукахъ никакой власти: онъ только долженъ былъ исполнять распоряженія министра коммерціи князя Гагарина. Державинъ опять полагаетъ, что императоръ хотѣлъ сначала вручить ему обширную власть, во пріятеля князя Гагарина устроили иначе.

Мѣсяца черезъ два Державина назначили финансъ-министромъ; но существенная власть осталась въ рукахъ государственнаго казначея графа Васильева. Державинъ, замѣтивъ это, попросилъ объясненія, чтожь ему дѣлать на своей должности? Между тѣмъ Кутайсовъ, бывший тогда въ большой силѣ, разгнѣвался за что-то на Васильева, удалилъ его въ отставку, и Державинъ былъ переименованъ изъ финансъ-министровъ въ государственные казначеи. Вступая въ эту должность, Державинъ долженъ былъ провѣрить по вѣдомостямъ и отчетамъ состояніе государственныхъ доходовъ и расходовъ; но отчеты о нихъ—

„никто, какъ должно, не разсматривалъ, откладывая дѣвъ за дѣвъ, то и была со дня учрежденія экспедиціи о государственныхъ (доходахъ) болѣе двадцати лѣтъ вся имперія неслышанною“;

потому Державинъ, долго занимавшій повѣркою счетовъ своего предшественника, наконецъ—

„рапортъ Государю подавъ, въ которомъ именно изображено, что книгъ валисвыхъ и бухгалтерскихъ за время князя Вяземскаго совѣтъ не нашлось, что за Васильева время хотя и есть книги, но такъ многочисленны, пространны и сумнительны, что ихъ въ скоромъ времени ни проревизовать, ни утвердить безъ справокъ до полученія отвѣтовъ отъ губернаторовъ никакъ не возможно, и что, наконецъ, многихъ нияныхъ указовъ на отпущенныя въ расходъ суммы не отыскано. Вотъ въ какомъ порядкѣ найдено Державиннымъ государственной казны управление, что можно видѣть изъ помянутого его рапорта, поданнаго Императору, который и теперь, чаятельно, въ цѣлости находится въ канцелярія государственнаго совѣта“.

Кутайсовъ и Обольяниновъ разсердились на него за то, что онъ старался защищать Васильева, котораго они хотѣли погубить. Если Державинъ говорить правду, объясняя, что защищалъ Васильева только по челоуѣколюбію, если не было тутъ никакихъ другихъ расчетовъ, эта защита дѣлаетъ честь сердцу Державина, потому что Васильевъ нѣкогда вредилъ ему самому. Въ заключеніе своихъ воспоминаній о временахъ императора Павла Петровича, Державинъ рассказываетъ нѣсколько частныхъ тяжбъ и дѣлъ, введившихъ его въ разныя служебныя толковенія. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

„Виленскій или минскій губернаторъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ увѣдомилъ дворъ въ 1798 году, что тамошніе обыватели дѣлаютъ потаенныя стачки, неблагопріятныя для Россіи, а полезныя для французовъ, и что нѣкто Дембровскій, набравъ нѣсколько полковъ поляковъ, ушелъ и присоединился къ ихъ арміямъ. Императоръ тотчасъ велѣлъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ Петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцелліи допрашивали, а по допросѣ присланы на судъ сенату. Таковыя были почти всѣ изъ нижняго разбора людей, то есть попы, стряпчіе и дробная шляхта, которые никакого уваженія не заслуживали, потому что ежели они и были въ чемъ виноваты, то не иначе какъ по внушеніямъ или подкупамъ сильныхъ или богатыхъ магнатовъ, которыхъ они, не имѣя на нихъ явныхъ доказательствъ, принуждены были не выводить наружу. Ихъ обвиняли измѣною, потому что они присягали на русское подданство, и по російскимъ законамъ приговаривали, вмѣсто смерти, на вѣчную каторгу въ Сибирь. По очереди пришло и до Державина давать свое о нихъ мнѣніе. (Онъ сказалъ:) „Почему жъ такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры, и можно ли ихъ винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ же самымъ законамъ, по каковымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные подданные; по нашимъ, кто вступалъ въ заговоръ или слышалъ о томъ, да не донесъ, подлежитъ смерти. Мнѣ нечего другаго о нихъ сказать, какъ то же самое; но если и были они когда вѣрныя подданные, спросите по совѣсти у всѣхъ вельможъ, которые о нихъ подписали смертный приговоръ, то есть графа Ильинскаго, графа Потockаго и прочихъ, которые тогда были сенаторами и присутствовали по сему дѣлу въ общемъ собраніи, не то же ли и они думаютъ, что сіи осужденные. Придетъ время, что оное узнаете: чтобъ сдѣлать истинно вѣроподданнымъ завоеванный народъ, надобно его прежде привлечь сердце правосудіемъ и благодареніями, а тогда уже и наказывать его за преступленія, какъ и коренныхъ подданныхъ по патріотическимъ законамъ. Итакъ, по моему мнѣнію, пусть они думаютъ и говорятъ, какъ хотятъ, но только къ самому дѣйствію не приступаютъ, за тѣмъ нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того ихъ не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не наказывать и не посылать всѣхъ въ ссылку. Иное дѣло главныхъ заводчиковъ; посмотрите лучше на Дембровскаго, который выпросилъ у Государя привилегію на сформированіе полковъ, то набравъ ихъ, онъ легко можетъ то сдѣлать, что и братья его, то есть уйдти во Францію или когда подойдутъ французы, то измѣною присоединиться къ нимъ. Вотъ за тѣмъ

надобно неусыпно наблюдать, а не за тѣмъ, что попы и подъячіе между собою въ домахъ своихъ разговариваютъ, и за то ихъ ссылатъ въ ссылку.“ Г. Макаровъ тутъ же въ собраніи при Державинѣ пересказалъ слышанное отъ него генераль-прокурору князю Куракину. На другой, то есть въ воскресный день, когда Державинъ прѣхалъ по обыкновенію во дворецъ, Куракинъ, встрѣтя его, улыбувшись, сказалъ, что Государь приказалъ ему не умничать, а между тѣмъ, сколько слышно было, что судьба преступниковъ облегчена и болѣе не приказано забирать и привозить въ Петербургъ поляковъ въ тайную канцелярію, а тамъ ихъ за болтовню унимать по законамъ“.

Державинъ тутъ показывается человѣкомъ, смотрѣвшимъ на дѣла правильнѣе многихъ своихъ сослуживцевъ; но къ сожалѣнію, онъ самъ разочаровываетъ насъ въ послѣдствіи разказами о томъ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ началѣ царствованія ратовалъ противъ Потоцкаго и Чарторыжскаго, вина ихъ Богъ-знаетъ въ какихъ злоумышленіяхъ противъ государства, ни больше, ни меньше, какъ за то, что они совѣтовали императору Александру Павловичу, который и самъ увидѣлъ справедливость ихъ соображеній, освободить русскихъ дворянъ отъ обязательныхъ сроковъ военной службы. Сравнивъ дѣйствія Державина въ этомъ случаѣ съ разсудительными мыслями, которыя здѣсь выписаны нами, мы должны заключить или то, что въ обоихъ случаяхъ онъ руководился только личными отношеніями, или то, что его образъ мыслей былъ совершенно безсвязенъ,— послѣднее предположеніе еще правдоподобнѣе перваго.

Пропуская нѣсколько дѣлъ, не имѣющихъ интереса, мы переходимъ къ восьмой изъ разсказываемыхъ Державинимъ исторій. Державина посылали въ Бѣлоруссію для изслѣдованія разныхъ злоупотребленій; онъ, между прочимъ, нашель, что евреи, содержатели шинковъ, сильно вредятъ благосостоянію бѣлорусскихъ поселянъ, и представилъ, что было бы полезно запретить евреямъ шинкарство. Изъ этого возникло дѣло, тянувшееся довольно долго и оставшееся тогда безъ послѣдствій. Но за свою ревизію Державинъ получилъ одобреніе и награду. Черезъ нѣсколько времени явилась въ Петербургъ жена еврея, служившаго при виновуренномъ заводѣ, посѣщенномъ Державинимъ во время ревизіи, и подала жалобу о томъ, будто бы Державинъ билъ ее и она, бывши въ то время беременною, выкинула мертваго младенца.

„Но какъ Державинъ, бывъ на томъ заводѣ съ четверть часа, не токмо никакой жидовки не билъ, но ниже въ глаза не видалъ, то и не зналъ о сей клеветѣ до самой той минуты, когда, при прѣздѣ его изъ коммерцъ-коллегіи въ сенатъ, оберъ-прокуроръ Оленинъ показалъ сну объявленный генераль-прокуроромъ имянной указъ, чтобъ по той просьбѣ учинить раземотрѣніе сенату. Крайне онъ удивился такой странной незапности и не вѣрилъ ей, потому что онъ поутру былъ у генераль-прокурора, и ни слова отъ него о томъ не слышалъ. Но прочетши указъ и просьбу, вспыхнулъ и сбѣсилъ, такъ сказать, до сумашествія. „На меня въ то время внимать клеветамъ жидовки, когда всѣ мои поступки въ Бѣлоруссіи апробованы уже рескриптомъ Государя, и предавать меня съ ней суду? (вскричалъ онъ). Нѣтъ, я ѣду къ Императору, прежде нежели буду отвѣчать на жидовкину бездѣльничью просьбу.“ Оленинъ и прочіе его пріятели, схвата его за полу, дергали и унимали, чтобъ онъ пересталъ горячиться. Онъ, опомнившись, хотѣлъ ѣхать къ генераль-прокурору, но не могли вдругъ преодолѣть своей запальчивости. просилъ г. сенатора Захарова, попавшагося ему въ глаза на подѣздѣ сенатскомъ, чтобъ онъ сѣлъ съ нимъ въ карету и проѣхался нѣсколько по городу. Сей исполнагъ его желаніе и, въ продолженіе ѣзды болѣе двухъ часовъ, разговорами своими нѣсколько его успокоилъ. По прѣздѣ пошелъ прямо въ кабинетъ къ генераль-прокурору, но с ѣ, какъ видно, свѣдалъ о его чрезвычайномъ огорченіи, тотчасъ вскочилъ съ мѣста и п и-

бжалъ къ нему, цаловаль даже его руки, прося успокоиться, доказывая, что указъ, объявленный имъ, никакой важности въ себѣ не составляетъ, что жидовкина клевета ничего не значить. „Нѣтъ, ваше превосходительство, я писалъ указы и знаю, какъ ихъ писать; то когда велѣно разсмотрѣть жидовкану просьбу, то само по себѣ разумѣется, что съ меня противъ оной взять объясненіе и рѣшить по законамъ, стало судить.“ — „Но какъ же этому помочь?“ сказалъ генераль-прокуроръ. — „Поѣдите со мною къ Императору, пусть онъ самъ разсудитъ“, сказалъ Державинъ. — „На что такъ далеко ходить въ разборъ, говорилъ Оболяниновъ, нѣтъ ли средства самимъ намъ поправить?“ — „Но записаны ли въ сенатѣ, спросилъ Державинъ, всѣ вами объявленныя высочайшія повелѣнія и собственноручный рескриптъ Государя Императора, которымъ апробованы дѣла мои и поступки, бывшіе въ Бѣлорусской губерніи, по порученнымъ мнѣ комиссиямъ, а въ томъ числѣ и по Лезинскому винокуренному заводу, на которые болѣе трехъ мѣсяцевъ жалобы ни отъ кого не было? Ежели записаны, то какъ вы могли противъ государскихъ благоволеній повѣрить такой сумасбродной и неистойвой жалобѣ, и по ней докладывать?“ — „Нѣтъ, онъ сказалъ, благоволенія мною вамъ объявлены, а рескриптъ въ сенатѣ не заисанъ.“ — „То объявите, говорилъ Державинъ, или я самъ ихъ объявлю прежде, нежели по жалобѣ жидовки докладываво будетъ, а когда они запишутся, тогда, наведя о нихъ справку, можете отвергнуть клевету еврейки, не требуя отъ меня объясненія на оную, и не подвергая, такъ сказать, меня суду съ нею“. Такъ в сдѣлали, и еврея, писавшаго ей жалобу, приговорили за дерзость ва годъ въ сми- рительный домъ“.

Очень любопытное основаніе, по которому Державинъ полагалъ, что Сенатъ не долженъ принимать никакихъ жалобъ на его поступки во время ревизіи: ревизія была одобрена, потому нельзя уже заводить никакихъ дѣлъ, относящихся къ тому времени. Одобреніе и награда, конечно, были даны только на основаніи свѣдѣній о дѣйствіяхъ Державина, бывшихъ извѣстными правительству въ то время, когда разсматривался его докладъ о ревизіи; но, разумѣется, одобреніе этихъ дѣйствій не могло ни мало мѣшать разсмотрѣнію жалобъ на другія дѣйствія, не бывшія въ то время извѣстными правительству. Державинъ думалъ не такъ. Любопытно то, что Оболяниновъ и другіе сослуживцы Державина совершенно сходились съ нимъ во мнѣніи, что просьбу жидовки нельзя уже и разсматривать. Дѣло не въ томъ, справедлива или несправедлива была жалоба, — очень можетъ быть, что справедливы слова Державина, называющаго ее неосновательной: важны убѣжденія Державина и его сослуживцевъ, что жалобъ на его дѣйствія во время бѣлорусской ревизіи нельзя уже и принимать. Державинъ дѣйствовалъ тутъ на основаніи принципа, а не потому, чтобы боялся слѣдствія; ему даже, какъ видно, жаль было, что для соблюденія законности онъ принужденъ былъ требовать наказанія человѣку, который, по его мнѣнію, сдѣлалъ преступленіе сочиненіемъ просьбы для жидовки: при первой возможности онъ исходатайствовалъ освобожденіе наказанному за него еврею.

Заключеніемъ воспоминаній Державина о царствованіи Павла Петровича служить перечень наградъ, полученныхъ имъ въ это время. Такъ же, какъ и при перечнѣ наградъ, полученныхъ въ царствованіе Екатерины, Державинъ съ полнымъ простодушіемъ выставляетъ, что считать награды недостаточными. Вотъ зтотъ отрывокъ:

„Онъ получилъ отъ Императора Павла слѣдующія награжденія: 1) за оду на рожденіе великаго князя Михаила Павловича табакеркою съ брильянтами, 2) такую же за оду на Мальтійскій орденъ и 3) крестъ брильянтовой Мальтійскій, за сочиненіе банкротскаго устава.“

„Наконецъ получилъ Державинъ еще награжденіе за поднесеніе росписанія доходовъ на 1801 годъ, за что прежде государственнымъ казначеймъ, предшественникамъ его, жаловалось по 100,000 р., которые и тогда Императоръ приказалъ было выдать; но окружающіе увѣрили Государя, что по недавнему вступленію Державина въ сію должность много такого награжденія, и дано ему только 10,000 рублей, а остальные 90,000 рублей раздѣлили по себѣ, какъ-то: Оболянинову 30,000 руб., адмиралу Кущелеву 30,000, князю Гагарину 30,000; но Державинъ никогда ни отъ кого никакого не получалъ награжденія и тѣмъ былъ доволенъ, хотя и чувствовалъ обиду; но скрылъ въ своемъ сердцѣ“.

Намъ нравится откровенность тогдашнихъ обычаевъ: Державину и въ голову не приходило, что кто нибудь изъ его читателей найдетъ неприличными его простодушные слова, что слишкомъ мало его награждаютъ.

Но вотъ начинается царствованіе Александра I. Читателю извѣстно, что первые годы новаго правленія были ознаменованы преобразованіемъ высшаго государственнаго управленія; но до сихъ поръ никто не предполагалъ, что Россія должна благодарить за эти преобразованія не кого нибудь другаго, а именно Державина: онъ съ обыкновенною своею наивною объясняетъ, что дѣло было произведено только благодаря ему. Беклешовъ, назначенный генераль-прокуроромъ на мѣсто Оболянинова, Троцинскій, бывший первымъ статсъ-секретаремъ, и графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, пользовавшіеся большою силою въ началѣ царствованія императора Александра I, не внесли имя Державина въ списокъ членовъ государственнаго совѣта, когда это учрежденіе преобразовывалось, — вѣроятно они сдѣлали такъ потому, что имѣли о дѣловыхъ способностяхъ Державина такое же мнѣніе, какого держимся и мы. Но самолюбивый Державинъ, не колеблясь, выставляетъ другую причину: Беклешовъ, Троцинскій и Воронцовъ, „чтобъ Державинъ имъ ни въ чемъ не препятствовалъ, выключили его изъ государственнаго совѣта, подъ видомъ новаго его преобразованія“. Видите ли, Державинъ былъ такой опасный для нихъ человекъ, что даже преобразование государственнаго совѣта было предпринято собственно ея цѣлью избавиться отъ Державина. Послушайте, что дальше:

„Нѣкоторый подлый стиходѣй, въ угодность ихъ, не оставилъ насчетъ его пустить по свѣту эпиграму слѣдующаго содержанія:

Тебя въ совѣтъ намъ не надо:
Паршивая овца
Все перепортитъ стадо.

„Державину злобная глупость сіл хотя сперва показалась досадною, но снесъ равнодушно и послѣ утѣшился тѣмъ, когда избранными въ совѣтъ членами, послѣ отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году гибели. Началось неуваженіе законовъ и самые безпорядки въ сенатѣ; охудая правленіе Императора Павла, зачали безъ разбора, такъ сказать, все коверкать, что имъ ни сдѣлано“.

Хорошо утѣшеніе для патріота, что отечество доведено до гибели! И конечно, читатель никакъ не предполагать, что опасность, какой подвергалась Россія въ 1812 году, произошла собственно отъ того, что Державинъ не засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ. Нечего сказать, спасъ бы онъ отечество отъ всякихъ бѣдствій, — это видно по размѣру ума, обнаруживающемуся въ его запискахъ. Н читатель все еще не видитъ, какимъ же образомъ Державинъ положилъ основаніе важной государственной реформѣ. Дѣло было очень просто. Въ Сенатѣ разсиатъ

велась тяжба г-жи Колтовской съ ея мужемъ о какомъ-то наслѣдствѣ. Большинство сенаторовъ съ генераль-прокуроромъ постановили рѣшеніе въ пользу одной изъ тяжущихся сторонъ, а Державинъ говорилъ въ пользу другой. Рѣшеніе большинства было утверждено государемъ; но Державинъ увидѣлъ, что въ докладѣ, представленномъ государю, не было упомянуто, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ большинства. Смотрите же, что изъ этого вышло.

„Натурально презрѣніе такое, учиненное ему генераль-прокуроромъ, его безмѣрно огорчало; и для того онъ тотчасъ написалъ письмо къ бывшему тогда ствѣтъ-секретаремъ Михайлѣ Никитичу Муравьеву, человѣку самому честнѣйшему и его пріятелю, въ которомъ просилъ его доложить Государю Императору, чтобъ пожалована была ему аудіенція для объясненія по должности сенатора. Сіе ему на другой день позволено, и когда онъ вступилъ былъ въ кабинетъ его, то вопрошенъ былъ: „Что надобно?“ — „Государь, Державинъ сказалъ, Ваше Императорское Величество манифестомъ своимъ о восшествіи на престолъ *объявили царствовать по законамъ и по сердцу Екатерины*; законы же Петра Великаго, на конхъ основанъ сенатъ, и сей Государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голосъ каждаго имѣлъ право доставлять спорное дѣло на разсмотрѣніе самого монарха, несмотря на мнѣніе прочихъ, которые бы были съ нимъ согласны; а нынѣ г. генераль-прокуроръ Беклешовъ, по дѣлу г-жи Колтовской, подвѣсь докладъ Вашему Величеству, не упомянувъ о моемъ противномъ прочимъ мнѣніи, тѣмъ и учиналъ мнѣ по должности арестрѣніе, то и осмѣлюсь испривавать соизволенія вашего, на какомъ основаніи угодно вамъ оставить сенатъ? Ежели генераль-прокуроръ будетъ такъ самовластно поступать, то нечего сенаторамъ дѣлать, и всеподданнѣйше прошу меня изъ службы уволить“. Государь сказалъ: „Хорошо, я разсмотрю“. Въ слѣдъ за симъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовалъ именной указъ, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть права сената и какимъ образомъ оныя сочинены, подать Его Величеству мнѣніе сената. Вотъ первоначальный источникъ, откуда произошли министерства“.

Вотъ оно какъ повернулось дѣло: изъ аудіенціи Державина произошли министерства. Бѣдняжка не понимаетъ, какъ смѣшны его легкомысленныя претензіи на имя государственнаго преобразователя. Онъ не воображалъ, что каждому извѣстно, что надъ реформами работали тогда люди въ тысячу разъ умнѣе и въ миллионъ разъ образованнѣе его. Какъ только указъ былъ полученъ въ Сенатѣ. Державинъ принялся хлопотать и сочинилъ цѣлый проэктъ организаціи высшаго государственнаго управленія. Онъ довольно подробно рассказываетъ свой планъ, но мы не станемъ утомлять читателя соображеніями такого законодателя, какъ Державинъ. Разумѣется, проэктъ былъ брошенъ, какъ ни на что не пригодный, но Державинъ имѣетъ тщеславную наивность предполагать, будто за этотъ проэктъ былъ данъ ему орденъ Александра Невскаго, хотя самъ же упоминаетъ обстоятельство, объясняющее награду совершенно иначе: орденъ былъ данъ ему при коронаціи, когда раздавались награды въ знакъ милости, а не за какія нибудь особенныя заслуги.

Черезъ нѣсколько времени императоръ Александръ призвалъ честнаго, хотя не слишкомъ даровитаго слугу, сказалъ, что хочетъ послать его въ Калугу для изслѣдованія злоупотребленій калужскаго губернатора Лопухина и отдалъ ему бумаги, въ которыхъ описывались эти злоупотребленія.

„Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ наисильнѣйшихъ вельможъ замѣняемыхъ, на которыхъ губернаторъ надѣясь чинилъ разныя злоупотребленія власти своей, а они его покровительствовали, просилъ у Императора, чтобъ онъ

избавилъ его отъ сей комиссіи, объясняя, что изъ слѣдствія его ничего не выдетъ, что труды его напрасны будутъ, и онъ только ввошь прибавить враговъ и возбудить на себя ненависть людей сильныхъ, отъ которыхъ клеветъ и такъ онъ страждетъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: „Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?“—„Нѣтъ, Ваше Величество, я готовъ исполнить волю вашу, хотя бы мнѣ жизни стоило, и правда предъ вами на столѣ севъ будетъ. Только благоволите ее защищать“.—„Нѣтъ! съ увѣрительнымъ видомъ возразилъ Императоръ,—я тебѣ клянусь поступать какъ должно“.

Увѣрившись въ защитѣ императора, Державинъ поѣхалъ въ Калугу и тамъ дѣйствительно вещи удивительныя: Лопухинъ оказался виновевъ во множествѣ уголовныхъ преступленій; но еще изумительнѣе были разные странные поступки его, о которыхъ Державинъ говорить вотъ что:

„Важныхъ уголовныхъ и прѣдъснителей дѣлъ открыто, слѣдующихъ до рѣшенія сената и высочайшей власти, 34, не говоря о безпутныхъ, изъявляющихъ развращенныя нравы, буйство и неблагопристойныя поступки губернатора, какъ-то: что напивался пьянъ и выбивалъ по улицамъ окна, ѣздилъ въ губервскомъ правленіи на раздьяковѣ верхомъ, ороводилъ въ публичное дворянское собраніе въ торжественный день зазорнаго поведенія дѣвку, и тому подобное,—каковыхъ распутныхъ дѣлъ открылось 12“.

Возвращаясь къ тому же предмету черезъ нѣсколько страницъ, Державинъ подробнѣе перечисляетъ эти двѣнадцать дѣлъ, которыя, по его выраженію, означали болѣе шалость и непристойность въ поступкахъ, нежели зловредное намѣреніе“.

„Итакъ найдено было 34 дѣла достойныхъ уваженія, какъ то въ смертоубійствѣ, въ отнятіи собственности, въ тиранствѣ и взяткахъ; а 12 такихъ, которыя, за первыми, уже не считались достойными уваженія, потому что означали болѣе шалость и непристойность въ поступкахъ, нежели зловредное намѣреніе, какъ то, на примѣръ: ѣздилъ губернаторъ въ губервскомъ правленіи при всѣхъ служителяхъ ва раздьяковѣ, присланномъ отъ архіерея, для отсылки въ военную службу за вины его, верхомъ, приговаривая разныя прибаутки, вводилъ въ государственную праздннкъ, во время торжественнаго благороднаго собранія, публичную распутную дѣвку, французженку, давая ей мѣсто между почтенными дамами и приглашая съ собою и прочими кавалерами танцевать; пьивствовалъ, ходя по улицамъ, выбивая въ домахъ окна, какъ то: у господина Демидова, отъ чего все и дѣло началось, и прочее, чего описывать здѣсь было бы подробно“.

Въ концѣ 1802 года былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи восьми министерствъ, и министромъ юстиціи назначенъ былъ Державинъ. Скоро перессорился онъ со всѣми своими товарищами, вѣроятно потому, что вшутывался не въ своя дѣла, горячился изъ-за мелочей и не имѣлъ просвѣщеннаго взгляда на вещи, какимъ отличались тогда люди, пользовавшіеся милостью императора, и каковы были изъ числа министровъ, на примѣръ, Воронцовъ, Чарторыйскій, Кочубей, Мордвиновъ, Чичаговъ. Государь конечно скоро замѣтилъ, что человекъ отсталыхъ понятій и недалеваго ума негодится на мѣстѣ министра юстиціи, и „сталъ онъ скоро приходить часъ отъ часу у императора въ остуду“; но самъ Державинъ, разумѣется, объясняетъ эту „остуду“ не своею неспособностью, а интригами своихъ товарищей. „Первое покушеніе ихъ противъ него обнаружилось“, какъ онъ говорить, по слѣдующему случаю, который самъ же рассказываетъ такъ, что выставляетъ себя попусту горячащимся, ничего не понимающимъ чудакомъ, вообража,

что является передъ читателями спасителемъ престола и отечества. Въ Сенатѣ возникъ вопросъ о прежнемъ постановленіи, по которому дворяне, поступавшіе въ военную службу юнкерами, не имѣли права выходить въ отставку раньше двѣнадцати лѣтъ. Вопросъ возникъ изъ того, что дворяне тяготились этимъ стѣсненіемъ. Сенатъ, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, положилъ было оставить въ силѣ прежнее правило. Но графъ Потоцкій подалъ мнѣніе, что теперь нѣтъ надобности удерживать дворянъ въ утерѣ-офицерахъ противъ ихъ воли, потому что, слава Богу, государство теперь не имѣетъ недостатка и въ такихъ дворянахъ, которые служатъ по доброй волѣ. Державинъ разсердился, и Богъ-знаетъ какая дичь полѣзла ему въ голову: ему показалось, что Потоцкій составилъ свое мнѣніе съ цѣлью подорвать могущество Россіи. Онъ зналъ, что мнѣніе Потоцкаго было предварительно одобрено самимъ государемъ, но не образумился и этимъ фактомъ, который, кажется, могъ бы показать, что мнѣніе Потоцкаго не имѣетъ въ себѣ ничего преступнаго. Дѣлая докладъ государю, Державинъ выставилъ злонамѣренность Потоцкаго и вѣроятно наговорилъ уже слишкомъ много вздорныхъ клеветъ, потому что императоръ, несмотря на мягкость характера и на всегдашнюю свою любезность въ обращеніи, не выдержалъ и—

„отвѣчалъ на докладъ Державина весьма рѣзко, сими точно словами: „Что же, мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ! пусть его подаетъ, и сенатъ пусть разсуждаетъ“. Державинъ докладывалъ, что таковыя мнѣнія приводятъ особу его и правительство въ неуваженіе, что можно подавать мнѣніе, но въ свое время и согласно законамъ. Государь отвѣтствовалъ: „Сенатъ это и разсудить, а я не мѣшаюсь“.

Сенаторы, разсмотрѣвъ дѣло, которое прежде пропустили было безъ особеннаго вниманія, увидѣли, что нѣтъ никакой государственной надобности обязывать службою дворянъ не желающихъ служить, когда есть уже достаточное число служащихъ по доброй волѣ. Но державинъ и тутъ не унялся: ему грезились вольнодумныя мысли и революціонныя замыслы въ его сослуживцахъ, сенаторахъ. Когда подавали голоса въ сенатѣ, онъ „шепнулъ“ одному товарищу, на котораго надѣялся, сенатору Шепелеву, „чтобы овъ не соглашался съ революціонными мыслями“. Онъ хотѣлъ написать протестъ, но простудился и—

„болѣзнь, сколько сама собою, или отъ чрезвычайной чувствительности и потрясенія всѣхъ нервъ, что російскій сенатъ не токмо позволилъ унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идетъ противъ своего Государя и тѣмъ самымъ кладетъ начальное основаніе несчастію государства, допуская засѣвать сѣмя мятежей или революціи, подобной французской,—такъ умножилась, что Державинъ не могъ написать мнѣнія“.

Наконецъ нѣсколько оправился отъ простуды, и написалъ протестъ; но болѣзнь, происходившая отъ душевной скорби, усилилась, такъ что „разлилась жолчь отъ чрезвычайнаго огорченія“ на рѣшеніе сената, и Державинъ „чуть было не умеръ“. Выздоровѣвъ, онъ отправился въ сенатъ, падѣлалъ тамъ безразсудныхъ сценъ, доказывая, что „попущеніемъ молодаго дворянства въ праздность, нѣгу и своевольство безъ службы подкапывались враги отечества подъ главную защиту государства“, доводилъ дѣло до новыхъ объясненій передъ императоромъ, но достигъ всѣмъ этимъ шумомъ только того, что государь совершенно ясно увидѣлъ его безтолковость и неспособность, и „съ того времени примѣтнымъ образомъ холоднѣе обращался Государь съ Державинимъ“.

Приписывал это охлажденіе не собственной неспособности, а интригамъ своихъ враговъ, особенно Новосильцова, Кочубея и Сперанскаго, Державинъ, въ доказательство ихъ злонамѣренности, рассказываетъ два свои проэкта, осуществленію которыхъ они помѣшали. Эти два проэкта уже и сами по себѣ, безъ всякихъ другихъ доказательствъ, могли бы свидѣтельствовать о совершенной нелѣпости Державина, который чрезвычайно гордится ими. Мы упоминали, что онъ ѣздилъ въ Бѣлоруссію для ревизіи разныхъ беспорядковъ и убѣдился тамъ, что евреи вредны для народа. Столь же вреднымъ ему показалось для общественнаго спокойствія сословіе шляхты. Не думая долго, онъ сочинилъ два проэкта одинаковаго содержания. Въ одномъ проэктѣ онъ предлагалъ переселить изъ Бѣлоруссіи и польскихъ провинцій всѣхъ евреевъ въ Херсонскую, Астраханскую, Саратовскую и Уфимскую губерніи и въ Сибирь, вовсе не сообразивъ того, что у государства не достало бы денежныхъ средствъ перевести цѣлый миллионъ народа за три, за четыре тысячи верстъ. Всю шляхту, простиравшуюся числомъ до 500,000 человекъ, онъ также предполагалъ переселить въ тѣ же губерніи. Разумѣется, каждый умный человекъ видѣлъ дикость такихъ крутыхъ фантазій, и оба проэкта были брошены безъ вниманія. Но онъ, съ обыкновенной своей проникательностью, увѣряетъ, будто его проэкта были отвергнуты врагами Россіи, Сперанскимъ и другими, взявшими за то по 30,000 червонцевъ. Вздорность этихъ словъ не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ.

Императоръ увидѣлъ наконецъ, что нѣтъ никакой возможности имѣть дѣло съ такимъ дикимъ человекомъ; но прежде чѣмъ приказалъ онъ Державину выдти въ отставку, нашъ поэтъ нашелъ случай еще разъ отличиться. Онъ съ большимъ самодовольствомъ рассказываетъ, какъ хлопоталъ объ отмѣненіи указа, установившаго сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Предоставимъ ему самому рассказать объ этихъ достославныхъ подвигахъ, только сокращая его разсужденія, слишкомъ длинные.

„Касательно вольныхъ хлѣбопашцевъ, то сіе такимъ образомъ случилось: Румянцовъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ подлой трусости Государю угодить, средства, какими образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любима была мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцевъ, чтобъ подольститься къ Государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ яacobинскою шайкою Черторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочими, подалъ проэктъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ отъ господъ своихъ откупаться. Государь проэктъ сей, одобренный его молодыми тайными совѣтниками, принялъ весьма милостиво, или лучше сказать съ радостію, что нашлося средство привести его любимѣйшую мысль къ исполненію, передалъ оный государственному совѣту на разсмотрѣніе, или лучше сказать на исполненіе. Всѣ господа члены совѣта сей проэктъ согласно одобрили, какъ и указъ заготовленный о томъ апробовали. Державинъ только одинъ далъ свой голосъ, что всѣмъ владѣльцамъ по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьянъ своихъ позволено, а по указу царствующаго Государя 1801 года и снабжать отпущенныхъ людей землями можно, слѣдовательно никакой нужды нѣтъ въ новомъ законѣ. Румянцовъ можетъ отпустить хотя всѣхъ своихъ людей и крестьянъ по тѣмъ указамъ, и новымъ особымъ указомъ растверживать о мнимой вольности и свободѣ простому, еще довольно не просвѣщенному народу опасно, и только такое учрежденіе надѣлаетъ много шуму, а пользы никакой ни крестьянамъ, ни дворянамъ. Это мнѣніе его записано въ журналѣ совѣта; но несмотря на то, Государь далъ указъ извѣстный о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Когда къ генералъ-прокурору (то есть Державину, исполнявшемъ у должность генералъ-прокурора по званію министра юстиціи) онъ прислалъ былъ, то, не посылая онаго въ

сенатъ, поѣхать во дворецъ и представить Государю со всею откровенностію и чисто-сердечіемъ о неудобности указа Онъ спросилъ, почему же онъ бесполезенъ? Не говоря о политическихъ видахъ, что нашей непросвѣщенной черни опасно много твердить о вольности, которой она въ прямомъ ея смыслѣ не понимаетъ и понять не можетъ, отвѣтствовалъ Державинъ, но и по самому своему содержанію онъ неудобисполнителевъ. Почему? Потому что условливаться рабу съ господиномъ въ цѣнѣ о свободѣ почти невозможно,—это такая вещь, которая цѣны не имѣетъ, требуя со стороны господина только всего великодушія, а со стороны раба благодарности, а иначе всякія условія будутъ тщетны. Сверхъ того, и государственное хозяйство неминуемо отъ сего учрежденія потерпитъ какъ въ сборѣ рекрутъ, такъ и денежныхъ повинностей, ибо крестьяне, продавъ взятую ими у помѣщиковъ землю, могутъ переселиться на другія въ отдаленнѣйшія страны имперіи, гдѣ ихъ съискать скоро не можно, или по своевольству своему и лѣности разбредутся куда глаза глядятъ, чтобъ только не ставить рекрутъ и не платить никакой повинности, въ чемъ они единственно свободу свою полагаютъ. Нижніе земскіе суды или сельская полиція, во пространствѣ въ имперіи мѣстъ нежилыхъ и пустыхъ, удержать ихъ отъ разброду не могутъ безъ помѣщиковъ, которые суть наилучшіе блюстители или полиціймейстеры за благочівіемъ и устройствомъ поселянъ въ ихъ селеніяхъ. Державинъ едва отъ Государя возвратился домой, располагая на другой день представить указъ въ государственный совѣтъ, какъ является къ нему г. Новосильцовъ съ повелѣніемъ отъ Государя, чтобъ указъ отослать въ сенатъ для непремѣннаго исполненія. Державинъ крайне сѣмъ огорчился и не зналъ, какъ тому помочь, то пришло ему въ голову, что въ правахъ сената, напечатанныхъ при министерскомъ манифестѣ, и по кореннымъ Петра Великаго и Екатерины II-й законамъ позволено сему правительству входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству, когда какой ново-изданный законъ покажется теменъ, неудобисполнителевъ и вреденъ государству. то и желать пріятельски о томъ сдѣлать внушеніе кому либо изъ господъ сенаторовъ, чтобъ онъ, при запискѣ того указа сената въ общемъ собраніи, подалъ мысли прочимъ сенаторамъ взойти въ докладъ къ Государю, представя ему неполезность указа. Обращаясь мыслями на того и на другаго сенаторовъ, показался ему всѣхъ способнѣе, по престарѣлымъ лѣтамъ своимъ и по знанію законовъ и пользѣ государственныхъ, Федоръ Михайловичъ Колокольниковъ, котораго онъ тотъ же день пригласилъ къ себѣ на вечеръ, сообщилъ наединѣ свои мысли. Онъ, понявъ всю важность предложенія, охотно согласился оное исполнить. Державинъ остался спокоенъ, уповавъ, что въ понедѣльникъ, при объявленіи указа въ общемъ собраніи, положить войдти съ докладомъ о неудобности сего новаго закона. Въ сихъ мысляхъ во вторникъ, яко въ докладной день, бывъ у Государя, поѣхалъ въ сенатъ, въ полномъ удостовѣреніи, что г. Колокольниковъ поступилъ, какъ обѣщалъ. Въместо того, на вопросъ отвѣтствуютъ ему, что указъ въ общемъ собраніи принятъ, записанъ и отосланъ въ первый департаментъ для исполненія. Весьма онъ сему удивился. Подходить къ Колокольцову, спрашиваетъ его потихоньку: „Какъ, указъ принять?“— „Такъ, отвѣчаетъ онъ пересѣменная, къ несчастію я сдѣлался боленъ вчерась и не могъ въ сенатѣ быть“. Поговори, положили, что будто по разнорѣчію въ исполненіи, внести паки въ общее собраніе. Какъ разсужденіе было о томъ при оберъ-прокурорѣ, князѣ Голицынѣ, посаженномъ въ сіе мѣсто, можно сказать, болѣе не для соблюденія законовъ и настоящаго дѣла, а для тайнаго уведомленія Государя, что въ сенатѣ дѣлается, и какъ онъ вѣрно отправлялъ возложенную на него должность, обѣдалъ всякой день во дворцѣ, то разсужденія Державина о семъ указѣ,—которыя онъ говорилъ о бесполезности и неудобности сего указа, сожалѣя о Государѣ, что онъ приведенъ на такое дѣло, которое не принесетъ ему ни пользы, ни славы, натурально, что Голицынымъ слушанья,—поѣхавъ обѣдать во дворецъ, пересказалъ Императору; а какъ по вторникамъ всякую недѣлю, послѣ обѣда часу въ 7-мъ, былъ во дворцѣ въ присутствіи Императора министерскій комитетъ, то Государь, посидѣвъ въ немъ не болѣе часа, не очень весело кончилъ присутствіе, и лишь только начали министры разѣзжаться, то одинъ изъ камердинеровъ Государя, подошедъ къ Державину, сказалъ тихо, что Императоръ зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ. Вошедъ въ оный, нашель его одного. Онъ тотчасъ началъ говорить: „Какъ вы, Гаврила Романовичъ, противъ моихъ

указовъ идете въ сенатъ и критикуете ихъ; вмѣсто того ваша должность подкрѣпить ихъ и наблюдать о непремѣнномъ исполненіи“. Державинъ отвѣчалъ, что ве критиковалъ указовъ, а признается, что, при разсужденіи объ исполненіи, какъ и Его Величеству докладывалъ, сунивался о удобствахъ и пользѣ, что и теперь по присягѣ своей подтверждаетъ, удостовѣряя, что Его Величество снѣтъ способно не достигнуть своего намѣренія, чтобъ сдѣлать свободными владѣльческихъ крестьянъ, да ежели бы и достигъ, то въ нынѣшнемъ состояніи народнаго просвѣщенія не выдетъ изъ того никакого блага государственнаго, а напротивъ того вредъ, что чернь обратитъ свободу въ своевольство и надѣлаетъ много бѣдъ. Но какъ Государь учителемъ своимъ французомъ Лагарпомъ упоенъ былъ, и прочии его окружавшими ласкателями, сею мыслию, по ихъ мѣнью великодушно и благородно, чтобъ освободить отъ рабства народъ, то остался веколебимъ въ своемъ предразсудкѣ, и приказалъ объявить имяное свое повелѣніе, чтобъ по разногласію въ первомъ департаментѣ не обращать того указа въ общее собраніе, а исполнить бы его непремѣнно, что онъ безпрекословно уже и исполнилъ, негодуя въ размышленіи на трусость г-на Колокольцова, каковы почти и всѣ были господа сенаторы его времени“.

Этою выпискою, послѣ которой всякія разсужденія напрасны, мы и закончимъ наши извлеченія изъ „Записокъ“ знаменитаго поэта. Недолго пробылъ онъ министромъ, всего тринадцать мѣсяцевъ, но въ это короткое время успѣлъ надѣлать, какъ видимъ, довольно попытокъ произвести путаницу въ дѣлахъ. Онъ противится всякимъ реформамъ, придумываетъ нелѣпыя и свирѣпыя планы, называетъ подкупленными людьми благонамѣренныхъ и умныхъ сановниковъ, бросающихъ эти планы, называетъ якобинцами всѣхъ министровъ, производящихъ какое нибудь улучшение.

Быть можетъ найдутся читатели, которыхъ оскорбитъ наше откровенное мнѣніе. Но что же дѣлать, не мы выставяемъ Державина въ такомъ видѣ, — онъ самъ потрудился изобразить себя такимъ въ своихъ запискахъ. Впрочемъ это самое и должно примирять насъ съ нимъ: видно онъ самъ не понималъ, что писалъ о себѣ, въ какомъ видѣ выставялъ себя: не понималъ ни размѣра своихъ способностей, ни государственныхъ надобностей; людей онъ цѣнилъ только по своимъ отношеніямъ съ ними и каждый, кто не покровительствовалъ ему, кто мѣшалъ его задорнымъ замысламъ, казался ему якобинцемъ, врагомъ престола и отечества. Но его тщеславіе было такъ простодушно, его ограниченность такъ недогадлива, что можно ему простить всѣ его нелѣпости, тѣмъ больше, что онъ оставался безвредными для государства по его безсилію.

ВИБЛІОГРАФІЯ.

Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки Александра Смирнова. Части 1 и 2. Москва. 1860 г.

Странный человекъ г. Александръ Смирновъ! Напечаталъ такія вещи, что, кажется, самъ долженъ былъ бы знать, можно ли его похвалить за представленіе публикѣ столь милого подарка, а между тѣмъ еще запрашивается на „справедливый отзывъ о немъ“. Помня его статьи по крестьянскому вопросу, написанныя въ доброжелательномъ къ народу духѣ, мы хотѣли пройти молчаніемъ его „мысли, труды“ и проч.: зачѣмъ, думали мы, доводить до свѣдѣнія публики, что человекъ, до всей вѣроятности почтенный и неглупый и безъ всякаго сомнѣнія благонамѣренный, вздумалъ надѣлать себѣ убытка, испортивъ нѣсколько десятковъ или сотенъ стопа бумаги на печатное воспроизведеніе разныхъ своихъ рукописныхъ тетрадокъ, листовъ и клочковъ, которыхъ никакъ не напечаталъ бы въ такомъ видѣ, если бы, при всѣхъ своихъ почтенныхъ качествахъ, не подвергся какому-то удивительному припадку типографской маіи. Но нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы критика непременно подвергла оцѣнкѣ два удивительные тома, имъ изданные. По его мнѣнію, это даже очень важно. Онъ говоритъ, что занимается разработкою психологіи и разныхъ другихъ наукъ и дошелъ до „основныхъ мыслей, на которыхъ должны быть построены“ эти науки. Вотъ эти-то основныя мысли онъ почелъ нужнымъ предварительно отдать на всеобщее обсужденіе“, чтобы онѣ были проверены критикой. Что критика признаетъ неосновательнымъ, отъ того готовъ онъ отказаться, если убѣдится въ справедливости возраженій; тогда, исправивъ частныя недостатки въ своихъ понятіяхъ, онъ примется за систематическую работу, а теперь представляетъ лишь отрывочныя замѣчанія, потому что легче измѣнить планъ, чѣмъ передѣлывать готовое зданіе. Сообразно тому, онъ цѣлую половину двухъ своихъ томовъ наполнилъ „замѣтками“, которыя самъ раздѣляетъ на тринадцать разрядовъ въ первомъ томѣ и на четырнадцать разрядовъ во второмъ. Вотъ перечень этихъ разрядовъ въ первомъ томѣ:

1) Общія и философскія замѣтки; 2) философскія; 3) гігіеническія; 4) медицинскія; 5) психологическія; 6) логическія; 7) грамматическія; 8) эстетическія; 9) теоретиво-литературныя; 10) историко-литературныя; 11) для педагогіи и воспитанія; 12) политико-экономическія и юридическія; 13) историческія. Во второмъ томѣ есть еще разрядъ замѣтокъ по предметамъ естествовѣденія.

Въ какомъ винегретѣ подаются читателю эти четырнадцать блюдъ, можно судить, напримѣръ, по первому десятку замѣтокъ. По классификаціи самого автора эти десять замѣтокъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Первая замѣтка—физіологическая; вторая—общая и философская; третья—грамматическая; четвертая—также; пятая—также; шестая—психологическая и вмѣстѣ съ тѣмъ грамматическая; седьмая уже просто психологическая; восьмая—логическая; девятой мы не отыскали ни въ одномъ разрядѣ, вѣрно ужъ она совершенно особеннаго свойства, а десятая замѣтка—теоретико-литературная.

Порядокъ не дуренъ. Положимъ, авторъ еще не построилъ системы, но вѣдь все-таки не мѣшало бы привести ему свои мысли въ нѣкоторый порядокъ. Впрочемъ, что толковать о такихъ пустякахъ, какъ порядокъ или беспорядокъ въ мысляхъ. Посмотримъ, каковы эти мысли. Выпишемъ цѣликомъ, отъ перваго слова до послѣдняго, нѣсколько замѣтокъ, которыя предлагаются авторомъ на обсужденіе основательной критики и заключаютъ въ себѣ, по его мнѣнію, основныя идеи для построения психологіи и еще нѣсколькихъ наукъ въ прибавовъ. Сначала выберемъ нѣсколько такихъ замѣтокъ, которыя покороче. Вотъ, напримѣръ, четвертая:

4.

„Выраженія, замѣняющія собою части рѣчи: н. п. *ваша милость, ваше здоровье, ваше превосходительство* и т. д., замѣняющія мѣстоименія личныя 2-го лица, въ *отношеніи, вслѣдствіе, по причинѣ* и т. д., употребляемыя въ смыслѣ предлоговъ, п пр., должны быть разсматриваемы въ синтаксисѣ—въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя они представляютъ, то есть въ опредѣлительныхъ, или дополнительныхъ“.

Чтожъ? вто очень хорошо. Слова „ваша милость“ въ синтаксисѣ должны считаться личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица, —нѣтъ не то, они должны разсматриваться въ синтаксисѣ „въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя они представляютъ, т. е. въ опредѣлительныхъ или дополнительныхъ“. Правда, основательная критика ничего не можетъ возразить. Теперь мы знаемъ, что такое „ваша милость“; но что такое сама критика?

10.

„Критика, по участію намѣренности, воли, противоположна *исторіи и теоріи* *), въ которыхъ умъ дѣйствуетъ невольно, безъ предварительнаго намѣренія приложить свое историческое и теоретическое знаніе къ объекту даннаго предмета“.

Не дурно. Въ теорія умъ дѣйствуетъ невольно, а въ критикѣ еъ волею. Правда. Но не всегда. Вотъ, напримѣръ, хоть бы теперь: нашъ умъ дѣйствуетъ въ критикѣ совершенно невольно: г. Александръ Смирновъ принудилъ его заниматься разборомъ книги, которой добровольно мы ни разбирать, ни читать не стали бы. Читаемъ далѣе.

23.

„Сознаніе и воля. Въ сознаніи: чувство и умъ. Въ волѣ: желаніе, доходящее до страсти, и хотѣніе, спокойно стремящееся къ выполненію идеи“.

Жаль, не достаетъ въ этой замѣткѣ глаголовъ; съ ними была бы она яснѣе, чѣмъ теперь. Впрочемъ, недостатокъ ясности вознаграждается сжатостью. Анализъ воли и сознанія, хотѣнія и желанія очень не дуренъ, но въ слѣдующей замѣткѣ еще удачнѣе анализируется безусловное:

*) Курсивъ вездѣ принадлежитъ самому автору.

63.

„*Безусловное.*„*Въ умѣ—разумное убѣжденіе.*„*Въ чувствѣ—религіозное чувство.*„*Въ волѣ—чистая нравственность“.*

Теперь мы знаемъ, что такое критика и теорія, страсть и хотѣніе, сознание и безусловное... Любопытно было бы узнать, что такое жизнь? Вотъ что:

77.

„*Первая половина развивающейся жизни есть развитіе центростремительной силы и страдательной воли, которая стремится къ ея удовлетворенію; вторая половина есть развитіе дѣятельной воли, въ которой уже установившаяся личность центробѣжно проявляетъ себя“.*

Прекрасно... Какъ же теперь дѣйствовать на человѣка въ началѣ первой половины жизни, когда развивается центростремительная сила, какъ воспитывать человѣка, въ чемъ главнѣйшая задача воспитанія?

88.

„*Важнѣйшее въ воспитаніи—вложить въ ребенка первоначальные добрыя слѣды, или расположенія (Spuren, oder Angelegtheiten у Венеке), которые уже постоянно и будутъ притекающими элементами (hinzufliessende Elemente), усиливающими доброе и ослабляющими злое“.*

Великая истина! Но едва ли менѣ важна слѣдующая мысль.

122.

„*Какъ художника изъ элементовъ дѣйствительности по своей идеѣ образуетъ одно художественное цѣлое: такъ душа изъ элементовъ, воспринимаемыхъ ею изъ вѣшняго міра, по врожденной ей идеѣ развивается въ одно органическое цѣлое“.*

Возвратимся однакоже къ центростремительной половинѣ жизни. Въ самомъ началѣ ея—младенчество.

140.

„*Наблюденія надъ младенцемъ.—У младенца грыжа. Воля заставляетъ его кричать и метаться. У младенца цвѣтъ. Одинъ глазъ его видитъ, другому цвѣтъ мѣшаетъ глядѣть. Младенецъ рвется и плачетъ, силясь открыть закрывшійся глазъ. Онъ уже начинаетъ чувствовать удовольствіе въ свѣтѣ, и мракъ въ то время, когда онъ ве спитъ, становится для него нестерпимымъ“.*

(17 декабря).

Теперь будемъ ужъ выписывать безъ всякихъ замѣчаній.

150.

„*Наслажденіе заключается въ сознаніи: нервами въ тѣлѣ, сердцемъ и умомъ въ душѣ.*

154.

„*Самый строгій положительный разеудокъ не исключаетъ самаго глубокаго, самаго теплаго чувства; исключаетъ только порывы, увлеченія, страсть.*

238.

„*Что пищевареніе есть тѣлесный органъ эгоизма, видно изъ того, что собака,*

въ отсутствіе своего господина, тоскуя о немъ и съ самоотверженіемъ забывая себя отвергаетъ пищу.

272.

„Судьба—индивидуальная организація; судьба—назначеніе рода: вообще судьба—идея, которой служителемъ. исполнителемъ является всякое органическое существо. Все прочее—случай, стеченіе обстоятельствъ,—вѣшняя судьба.

273.

„Совокупность органическихъ силъ, получившихъ высшее, духовное развитіе и опредѣлившихся въ извѣстномъ содержаніи, переработанномъ изъ матеріала окружающаго міра, составляетъ *душу* человѣка; идея, лежащая въ основѣ человѣческаго организма, есть *духъ* его.

282.

„Умъ есть желудокъ души: онъ перевариваетъ впечатлѣнія вѣшняго міра. *Чувство*—актъ уподобленія: оно уподобляетъ пищу, принятую умомъ, организму души человѣческой. *Воля*—актъ дѣторожденія: она поражаетъ новыя нравственныя существа—поступки, дѣйствія и другія произведенія душевной дѣятельности, возвращая въ новомъ видѣ вѣшному міру то, что умъ изъ него принялъ.

283.

„Въ экономическомъ быту *переходъ предметовъ роскоши въ предметы всеобщаго употребленія* совершается по тому же закону, по которому *въ языкъ фигурныя выраженія переходятъ въ простыя*. Идея одна и та-же — красота и потребность.

389.

„*Моменты времени:*

„1) Настоящее—точка.

„2) Прошедшее и будущее—линія.

„а) Прошедшее—линія конечная, имѣющая неизвѣстное начало и извѣстный конецъ (точку настоящаго).

„b) Будущее—линія безконечная, имѣющая извѣстное начало (точку настоящаго), но неизвѣстный конецъ, который простирается въ безпредѣльность“.

Г. Александръ Смирновъ бережно сохранилъ и человѣколюбиво напечаталъ всѣ эти и множество другихъ подобныхъ истинъ. Жаль одного: зачѣмъ онъ не сохранилъ и не напечаталъ за нумерами тѣ изреченія, которыя конечно писалъ иногда на клочкахъ бумаги. Вышло бы очень не дурно:

415. „Проба пера.

„Милостивый государь.

617. „Проба пера. Хорошее перо.

„Милостивѣйшій государь.

824. „Александръ.

„Александръ Смирновъ, Смирновъ.

„А. Смирновъ. Милостивѣйшій. Проба пера“.

Совѣтуемъ ему заняться собраніемъ этихъ лоскутковъ,—у него тогда составится третій томъ „замѣтокъ“.

Но не всѣ „Замѣтки“ такъ коротки. Есть и подлиннѣе, стровъ въ десять, въ полстраницы, даже въ цѣлую страницу, иногда и длиннѣе. Изъ десятистрочныхъ намъ очень понравилась слѣдующая:

406.

„Кровь есть жизненная жидкость, принимающая участие во всякой органической деятельности. Во время пищеварения она приливает къ желудку, при уединенных занятіях къ мозгу. Геморроидальный напоръ крови къ низу облегчается иногда принятиемъ пищи, или углубленіемъ въ книгу въ спокойномъ положеніи внизъ лицомъ: кровь отливаетъ къ желудку и къ мозгу. Свѣхъ облегчаетъ трудное испусканіе мочи: кровь отливаетъ отъ мочевого пузыря къ периферіи тѣла. Отсюда известная поговорка о немѣренномъ свѣхѣ. Такъ *врачъ можетъ иногда дѣйствовать на тѣлесный организмъ не одними вещественными средствами*“.

(15 августа).

Или не хотите ли полюбопытствоваться, каковы тѣ замѣтки, которыя подлинныя? Вотъ вамъ:

. 373.

„Едва ли можно допустить ту чисто матеріальную точку зрѣнія, съ которой мысли представляются такимъ же произведеніемъ мозга, какъ желчь есть произведеніе печени, моча произведеніе почекъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что растительныя отправления безпрестанно возбуждаютъ въ насъ чувства и мысли: н. п. известное состояніе печени можетъ возбудить известнаго рода мысли. Но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы мысли были произведеніемъ печени. Печень воздѣйствуетъ на нервы, а сообразно настроенію вервовъ рождаются и мысли. Головной мозгъ служитъ такимъ же внѣшнимъ возбудителемъ мыслящей силы, какииъ для него служатъ растительныя отправления. Да и самыя нервы имѣютъ не одинаково близкое отношеніе къ мышленію: узловая система, спинной мозгъ не то же, что головной, малый мозгъ не то же, что большія полушарія. Мозгъ, конечно, производитъ какой нибудь матеріальный продуктъ, подобный желчи, мочѣ и т. д., именно нервную матерію, столь же необходимую для тѣлесной жизни, сколько и для душевной. Какъ половой члѣвъ выполняетъ два назначенія—испускаетъ мочу и совершаетъ половыя отправления, такъ и мозгъ отправляетъ свою должность въ системѣ тѣлесныхъ отравленій и служитъ органомъ-возбудителемъ мыслящей силы. Что же это за мыслящая сила, непосредственно рождающая мысли? Она не врождена человѣку, какъ не врождена человѣку печень, а предопредѣлена въ идеѣ и развивается органически изъ принимаемаго оплодотвореннымъ сѣменемъ извнѣ для органической переработки матеріала: тѣлесныя органы *развиваются* по предопредѣленной идеѣ въ сѣмени изъ пищи: *душевные силы по предопредѣленной идеѣ души въ условіяхъ тѣлесной организаци* (не въ нихъ самихъ, а въ условіяхъ ихъ) *изъ внѣшнихъ впечатлѣній*. Отсюда въ вопросѣ о происхожденіи душевныхъ силъ едва ли мы не придемъ къ положенію Бенке, или по крайней мѣрѣ къ положенію, близкому къ его мнѣнію. Дѣйствительно, что обыкновенно называютъ душевной силой—умомъ, чувствомъ, волей, то не есть дѣйствительная душевная сила, а только идея ея, только известное направленіе душевной дѣятельности. Идеи душевныхъ силъ, или направленія душевной дѣятельности, врождены человѣку, или, что одно и то же, предопредѣлены ему; но дѣйствительныя душевныя силы образуются и развиваются въ теченіе жизни на основаніи этихъ идей изъ внѣшнихъ впечатлѣній въ условіяхъ тѣлесной организаци. Сѣмя растительное и животное служитъ такимъ же органомъ-возбудителемъ, по которому окружающая матерія слагается въ организмъ, какъ условія тѣлесной организаци, и преимущественно нервы, и преимущественно головной мозгъ служатъ органомъ-возбудителемъ для переработки внѣшнихъ впечатлѣній въ систему душевныхъ силъ и ихъ произведенія—чувства, мысли, желанія. Какимъ образомъ внѣшнія впечатлѣнія обрабатываются въ душевныя силы—это требуетъ особаго, подробнаго, основательнаго наслѣдованія.

(4 іюля).

Мало вамъ этого? Вотъ вамъ еще замѣтка, уже изъ самыхъ длинныхъ:

„*Физиологическія полярныя противоположности.*—Половыя отправленія принадлежатъ къ растительной жизни организма. Такимъ образомъ двѣ главныя противоположности въ тѣлесномъ организмѣ: жизнь растительная и жизнь животворная. Растительная жизнь есть 1) жизнь организма самого по себѣ и 2) жизнь организма для поддержанія рода. Процессы той и другой растительной жизни: 1) питаніе—образование тканей, соковъ, сѣмени, 2) выдѣленіе—кала, мочи, пота, сѣмени при половомъ сообщеніи. Питаніе въ жизни организма самого по себѣ и питаніе въ жизни организма по отношенію къ роду, или образованію сѣмени—суть полярныя противоположности питаши въ растительной жизни вообще. Люди жирные вовсе не отличаются особенною плодовитостію, напротивъ часто бываютъ бесплодны; всѣ же плодовитые и страстные люди бываютъ худощавы. Также и выдѣленіе кадомъ, мочою, потомъ и выдѣленіе сѣмени—органическия противоположности въ выдѣленіи въ растительной жизни вообще. Оттого слабінье, испусканіе мочи и потъ умѣряютъ похотливость, уменьшая количество сѣмени, которое при этомъ обращается уже на питаніе организма самого по себѣ. (Отсюда практическія гигиеническія и медицинскія примѣненія: 1) гигиеническое—умѣренность въ половомъ сообщеніи и своевременное непремѣнное сообщеніе, поддержка правильнаго отдѣленія кала и мочи, движеніе для испарины: неудовлетворенная похоть безъ всякихъ медицинскіхъ средствъ смѣняется уелненнымъ отдѣленіемъ кала, мочи в пота; 2) медицинское—если похотливость сильна до вреда и истощенія организму, употребляютъ слабительныя, мочегонныя и потогонныя средства). И наоборотъ: истеченіе сѣмени умѣряетъ отдѣлеше кала, мочи и пота. (Гигиеническое правило: то и другое отдѣленіе должны быть въ согласіи и содѣйствовать къ здоровью организма, не преобладалъ слишкомъ другъ надъ другомъ). Жизнь животную образуютъ нервы и мышцы—двѣ полярныя противоположности: нервы—органъ внутренней, мышцы—органъ внѣшней дѣятельности. Наконецъ кости, кажется, составляютъ полярную противоположность, какъ растительной такъ и животной жизни вмѣстѣ; и именно это минералогическая, или такъ называемая неорганическая (хотя названіе это неправильно: въ мірѣ нѣтъ ничего неорганическаго) часть организма. Кости въ растительной жизни служатъ для прикрѣпленія растительныхъ тканей и охраненія нервной (мозговой) мвтерш, въ животной—для движенія и дѣйствованія, управляемыхъ мышцами.

„Такимъ образомъ физиологія наслѣдуетъ:

„I) Организацию тѣла въ полномъ и совершенномъ его развитіи, или лучше сказать, на какой бы степени, въ какомъ бы періодѣ развитія онъ ни находился. (Отъ зачатія до смерти организациа одна и та же, только въ различныхъ періодахъ жизни съ большимъ или меньшимъ развитіемъ, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ однихъ сторонъ организма надъ другими).

„А. Живнь растительно-животная.

„А. Жизнь растительная.

„1) Жизнь организма самого по себѣ.

„1) Питаніе.

„2) Отдѣленія: валомъ, мочою, потомъ, выдыханіемъ.

„2) Жизнь организма для поддержанія рода.

„1) Образованіе сѣмени.

„2) Половое отправленіе.

„В. Живнь животная.

„1) Нервы.

„2) Мышцы.

„В. Остовъ (остеологія).

„II) Разватіе организма отъ зачатія до смерти.

„NB. Изъ сдѣланныхъ нами для образца гигиеническихъ и медицинскіхъ примѣненій видно, какъ плодотворно для практической науки открытіе закона полярныхъ противоположностей“.

Но милѣ всего въ дѣлѣхъ двухъ томахъ еочиненій г. Александра Смирнова слѣдующая замѣтка:

245.

„Извѣстно, что животныя не страдаютъ геморроемъ. Это потому, что они ходитъ на четверенькахъ. Геморрой—привилегія гордаго человѣка, возносящаго голову къ небу. Но я видѣлъ одну собачку, сильно страдавшую геморроидальными припадками. Собачка эта принадлежала комедіанту, у котораго она безпрестанно ходила и плясала на заднихъ лапахъ. Ясно слѣдовательно, что положеніе на четверенькахъ есть средство, противодѣйствующее геморрою. Отсюда *легкое движеніе на четверенькахъ* должно быть введено въ число *гигиеническихъ упражненій для противодѣйствія* и предупрежденія *геморроя*“.

(19 февраля).

Г. Смирновъ хочетъ слышать сужденіе о своихъ „Замѣткахъ, трудахъ“ и проч.,—мы рады были бы сдѣлать отзывъ благопріятный, но читатель видитъ, что мы можемъ сказать одно: г. Смирновъ сдѣлалъ себя смѣшнымъ; ему теперь не остается другаго средства поправить дѣло, какъ скупить все изданіе своей книги и сжечь его.

Изъ Украины. Сказки и повѣсти. *Г. П. Данилевскаго.* Три части. Спб. 1860.

Не понимаемъ, что за радость была г. Данилевскому печатать собраніе своихъ произведеній. Похвалы имъ ожидать онъ не долженъ ни отъ кого—это слѣдовало знать ему. Насмѣшки—вотъ единственные плоды, которые будутъ принесены ему тремя частями его „Сказокъ и повѣстей“! Неужели и на этотъ разъ опытъ останется напраснымъ для него? Неужели онъ не перестанетъ писать, печатать, собирать напечатанное и перепечатывать особыми книжками? Должно быть не перестанетъ,—если бы могъ онъ стать благоразумнѣе, давно сталъ бы: вѣдь у рововъ онъ получилъ уже не мало. Жаль намъ г. Г. Данилевскаго, а пособить ему никто не въ силахъ.

Новѣйшая исторія, сочиненіе ординарнаго профессора *Д-ра Ф. Лоренца.* Санктпетербургъ. 1860.

Книга почтеннаго профессора Лоренца можетъ служить убѣдительнонѣйшимъ доказательствомъ несправедливости мнѣнія, будто бы знакомство съ событіями новѣйшей западной исторіи вредно дѣйствуетъ на образъ мыслей. Г. Лоренцъ основательно познакомился съ новѣйшею европейскою исторіею: онъ, какъ видно, читалъ многія изъ лучшихъ сочиненій, относящихся къ ней, и вообще нельзя его упрекнуть въ недостатокъ фактическихъ знаній по предмету его книги. А между тѣмъ образъ мыслей его остался совершенно испорченъ, до того чистъ, что не всегда можно встрѣтить такіа здравыя сужденія даже у людей, не слыжавшихъ ни о чемъ, что дѣлалось въ Европѣ послѣ взятія Парижа союзниками. Профессоръ Лоренцъ разсуждаетъ обо всемъ такъ, что, мы увѣрены, ни одинъ изъ читателей его книги не будетъ испорченъ ею въ образѣ своихъ мыслей.

Напримѣръ, онъ начинаетъ свой разсказъ съ того, что устройство, полученное Германіею по низверженіи Наполеона, не удовлетворило ожиданій нѣмцевъ,

мечтавших о возстановленіи Германской имперіи. „Такимъ образомъ (слова профессора Лоренца) въ умахъ юношества политическія идеи среднихъ вѣковъ смѣшались съ революціонными идеями новѣйшаго времени и въ соединеніи съ религіозною мечтательностью произвели то смутное состояніе общества, отъ котораго, кромѣ зла и несчастія, ничего нельзя было ожидать“. Прочитавъ такія слова, не убѣждаетесь ли вы, что система Меттерниха была спасительна для общества, которое, какъ вы сейчасъ видѣли, не могло, кромѣ зла и несчастія, ничего ожидать отъ людей наказанныхъ Меттернихомъ? Далѣе г. Лоренцъ сообщаетъ намъ подробности, подтверждающія общій его отзывъ о стремленіяхъ нѣмецкой молодежи послѣ 1815 года. Идеи этой молодежи „діаметрально противорѣчили существующему порядку общества“ и „угрожали ему опасностями“. Потомъ профессоръ Лоренцъ перечисляетъ „преступленія“, совершенныя нѣмецкой молодежью. Вы видите, что необходимо было усмирить эту злонамѣренную молодежь. Переходя отъ Германіи къ Франціи, профессоръ Лоренцъ сообщаетъ намъ, что, возвратившись во Францію послѣ Ватерлооскаго сраженія, Людовикъ XVIII занялъ престолъ съ твердымъ намѣреніемъ „простить своимъ врагамъ и не мстить никому“. Профессоръ Лоренцъ свидѣтельствуетъ, что Людовикъ XVIII отличался „великодушіемъ“. Противники реставраціи достойны, поэтому, самаго сильнаго осужденія, и авторъ выражается о нихъ такимъ образомъ: „въ лицѣ Лафайета, избраннаго въ члены палаты депутатовъ, появилось снова на сцену старое пугало революціи“. При министерствѣ Деказа были сдѣланы нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію, и профессоръ Лоренцъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „роялисты не безъ основанія жаловались, что Деказъ своими мѣрами погубить монархію“. Когда оппозиція выбрала депутатомъ Грегуара, бывшаго нѣкогда членомъ конвента, то „палата, чувствуя всю непристойность такого выбора, удалила изъ среды своей Грегуара“. Этого довольно, чтобы показать, какъ сильно говоритъ профессоръ Лоренцъ о гибельности либерализма въ Германіи и во Франціи. Столь же сильно выражается онъ о немъ, излагая событія испанской исторіи. Вотъ его подлинныя слова:

„Но въ то время, какъ въ Германіи и во Франціи реакція остановила движеніе революціоннаго духа, онъ появился въ Испаніи, и въ самомъ страшномъ и отвратительномъ видѣ, въ формѣ солдатской революціи. Испанія, доказавшая свою вѣрность природному государю героическимъ сопротивленіемъ иноземному властителю, не могла выйти изъ борьбы съ французской революціею, не заразившись ея правилами“.

Неаполитанскій переворотъ 1820 года подвергается не менѣе справедливому осужденію:

„Вообще вся неаполитанская революціи, какъ по своему началу, такъ и по дальнѣйшему ходу, является предпріятіемъ легковисленнымъ и безумнымъ: это скорѣе что-то въ родѣ святочной шутки, чѣмъ серьезный политическій актъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого приговора, стоятъ только вспомнить тогдашнія продѣлки въ Неаполѣ“.

Февральскую революцію онъ называетъ „постыднымъ низверженіемъ престола толпою черни“; мартовскій переворотъ 1848 года въ Берлинѣ былъ произведенъ, по справедливому выраженію профессора Лоренца, „крамольниками“. Крамольники всѣхъ странъ и временъ описываются у него производящими злодѣяства или по крайней мѣрѣ „величайшіе беспорядки“. Въ пользу крамольниковъ, по его выра-

женію, расположена бывала только „сволочь“ — вотъ, напримѣръ, его слова о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1848 года:

„Берлинъ сдѣлался главнымъ притономъ демократовъ, которые нашли безопасность подъ защитою вооруженной черни. Демократическій конгрессъ осадилъ полками черни учредительное собраніе. Эта постыдная сцена возмутила всѣхъ, которые еще не совсѣмъ утратили чувство чести и достоинства. Король приказалъ генералу Врангелю вступить въ Берлинъ съ многочисленнымъ войскомъ. Сволочь, которая до сихъ поръ господствовала въ столицѣ, спряталась въ своихъ закоулкахъ, тогда какъ вожди ея спаслись бѣгствомъ отъ заслуженнаго наказанія“.

Г. Лоренцъ обнаруживаетъ, что въ 1848 году и въ Италіи, и въ Венгріи беспорядки произведены были также чернью и сволочью. Эти крамольники неистовствовали тамъ, гдѣ не было войскъ, и вездѣ разбѣгались при первомъ появленіи войскъ. Такъ было и въ „старомъ революціонномъ вулканѣ“, т. е. во Франціи, гдѣ мятежники были укрощены принцемъ Луи-Наполеономъ, котораго въ благодарность за то Франція провозгласила императоромъ.

„Онъ дѣйствовалъ съ большимъ благоразуміемъ, и французы ранѣе, чѣмъ ожидать можно было, отвыкли отъ волненія, производимаго свободою журналистики, и отъ пріятнаго препровожденія времени, доставляемаго превіями трибуны“.

„Франція могла утѣшиться въ потерѣ своего конституціоннаго правленія при взглядѣ на Пяринейскій полуостровъ, гдѣ конституція была источникомъ безконечныхъ беспорядковъ и борьбы партій. Извнѣ—то влияніе Франціи, то Англіи, внутри же—борьба между умѣренной и изступленною партіями не давали покоя ни Испаніи, ни Португаліи и мѣшали въ нихъ развитію народной и государственной дѣятельности“.

Кажется, этихъ выписокъ довольно, чтобы убѣдить въ совершенной безвредности занятій новѣйшею исторіею людей самыхъ предубѣжденныхъ противъ предмета, излагаемаго профессоромъ Лоренцомъ.

Молинару. Курсъ политической энономіи. Часть I. Редакція перевода *Я. А. Ростовцева*. Изданіе Николая Тиблена. С.-Петербургъ. 1860.

Молинару знаменитъ въ западной Европѣ, но еще знаменитѣе въ Россіи. Какими-то неисповѣдимыми судьбами онъ явился просвѣщать насъ. Центромъ, изъ котораго должно было излиться экономическое просвѣщеніе на Россію, воля рока избрала Москву; но путь въ Москву лежалъ белгійскому генію чрезъ Петербургъ, и въ Сѣверной Пальмирѣ ожидала знаменитаго гостя первая овація. Наши петербургскіе экономисты (читатель, можетъ быть, не знаетъ, что и у насъ есть знаменитые экономисты; но мы увѣряемъ его, что они есть) пришли въ радостное волненіе и устроили торжественный обѣдъ, на которомъ гость сіялъ какъ свѣча, а наши доморощенные знаменитости экономической науки увивались около этой свѣчи, какъ мотыльки, несмотря на свои почтенныя лѣта и фигуры. Молинару держалъ себя передъ своими петербургскими поклонниками съ привѣтливостію и удостоивалъ выражать свое удивленіе великимъ успѣхамъ русскаго просвѣщенія; благосклонно обѣщался онъ сообщить всей Европѣ, что у насъ есть люди, не лишеныя нѣкоторой образованности; а люди, которыхъ находилъ онъ не лишеными нѣкоторой образованности, передавали намъ по секрету, что онъ произвелъ на нихъ впечатлѣніе фата и отчасти шарлатана. Вѣроятно отзывъ этотъ несправедливъ; вѣроятно Молинару великій ученый, звѣзда первой величины въ наукѣ, — иначе, какъ было бы объяснить поклоненіе со стороны нашихъ знаменитыхъ эконо-

номистовъ, которые, какъ мы навѣрно знаемъ, собираются даже издавать свои труды на французскомъ языкѣ, по примѣру извѣстнаго во Франціи ученаго, г. Наркиса Атрѣшкова. Успѣхъ публичныхъ лекцій Молинару въ Москвѣ не совсѣмъ соответствовалъ блистательному началу его путешествія по Россіи. Возвращаясь изъ Москвы, онъ прочелъ и петербургскому обществу нѣсколько лекцій въ той залѣ Пассажа, которая потрясалась изступленными аплодисментами стихотвореніямъ гг. Майкова и Бенедиктова. Но несмотря на такую расположенность залы къ восторгамъ, Молинару не произвелъ и тутъ эффекта, — мы слышали, будто онъ обвинялъ за то какихъ-то злонамѣренныхъ людей, устроившихъ противъ него заговоръ.

Впрочемъ, путешествіе г. Молинару по Россіи, обѣдъ въ честь его, его лекціи въ Москвѣ и петербургской Пассажѣ, — все это вещи, не имѣющія никакого отношенія къ его книгѣ. О книгѣ надобно сказать, что переведена она хорошо и внѣшность изданія опрятна. Кому угодно знать, каково достоинство самой книги, удостоившейся такого перевода и изданія, тотъ можетъ узнать объ этомъ изъ предисловія, въ которомъ авторъ объясняется съ полною откровенностью. Онъ говоритъ, что могутъ спросить, зачѣмъ издается новый курсъ политической экономіи послѣ внигы, написанныхъ великими людьми политической экономіи, и въ особенности послѣ „великолѣпнаго политико-экономическаго словаря Гильомена“? — „Мнѣ казалось, отвѣчаетъ Молинару, что всѣ изданныя донинѣ политико-экономическія сочиненія заключаютъ въ себѣ одинъ весьма важный пробѣлъ“. Любопытно узнать, какой же это „одинъ пробѣлъ“? Весьма важныхъ пробѣловъ въ сочиненіяхъ, исчисляемыхъ Молинару, столько, что и сосчитать ихъ трудно. „Я говорю, продолжаетъ Молинару, объ отсутствіи достаточно яснаго изслѣдованія того общаго закона, который водворяетъ порядокъ въ экономическомъ мірѣ, устанавливая справедливое и необходимое равновѣсіе, какъ между различными отраслями производства, такъ и въ вознагражденіи производительныхъ дѣятелей“. Ну, это ужъ чуть ли не напрасно. Если память насъ не обманываетъ, Бастіа уже написалъ свои *Harmonies économiques* для восполненія этого „весьма важнаго пробѣла“, который, впрочемъ, былъ восполненъ разными французскими экономистами задолго и до книги Бастіа. Если только въ этомъ дѣлѣ, не стоило Молинару писать свой курсъ: у Бастіа уже доказано, что бѣднымъ не на что жаловаться, что каждый работникъ получаетъ надлежащее вознагражденіе, что если и есть на свѣтѣ люди, получающіе меньше, чѣмъ имъ слѣдовало бы, то эти люди не какіе нибудь ткачи, швеи, земледѣльческіе батраки, — нѣтъ, а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и другіе обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающіе зависть въ неразумныхъ чернорабочихъ. Бастіа доказалъ уже, что если сосчитать, сколько жертвъ приносится для общаго блага и сколько благодѣяній обществу оказывается Ротшильдомъ, Миресомъ и сподвижниками ихъ, то надобно бѣднякамъ благословлять судьбу свою и воздвигать памятники заживо этимъ своимъ благодѣтелямъ. Усердіе Молинару нѣсколько запоздало. Но впрочемъ все равно, цѣль его все-таки прекрасна. Послушаемъ его сладкія слова. Милостиво говорить онъ, что не ставитъ этого пробѣла въ вину своимъ учителямъ. У нихъ была иная задача; они боролись противъ привилегій, корпорацій, кастъ, монополій и исполняли свое дѣло съ удивительнымъ успѣхомъ; но, къ сожалѣнію, по словамъ Молинару, ихъ система „встрѣтила въ наше время противниковъ среди тѣхъ самыхъ классовъ,

во имя интересовъ которыхъ“ они дѣйствовали. Любопытно узнать, въ пользу какихъ же классовъ дѣйствовали Сэ, Мавъ-Коллохъ, Росси, Мишель Шевалье, Фридерикъ Бастіа и Жозефъ Гарнье? Мы полагали, что они усердіе всего проповѣдывали въ пользу банкировъ и негоціантовъ, а въ особенности негоціантовъ, ведущихъ заграничную торговлю; сколько намъ извѣстно, они не встрѣчали противниковъ между людьми этихъ классовъ. Но, видите-ли, наше недоразумѣніе произошло отъ незнанія. „Между рабочими массами, объясняетъ намъ Молилари, возникла анти-либеральная и нео-регламентарная реакція, извѣстная подъ общимъ именемъ социализма“. Ну, вотъ дѣло и объяснилось. Сколько неправильныхъ понятій исправлено въ насъ этими немногими словами! Мы видимъ теперь, что Росси и Шевалье съ братіею трудились въ пользу рабочихъ классовъ, — какую прекрасную вещь они дѣлали! — жаль только одного, что этой вещи никакъ нельзя замѣтить по ихъ сочиненіямъ, въ которыхъ интересы рабочихъ сословіи постоянно забываются, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сталкиваются съ интересами капиталистовъ, а въ этихъ случаяхъ постоянно приносятся въ жертву интересамъ капиталистовъ. Мы видимъ также, что социализмъ анти-либераленъ; если такъ, мы не понимаемъ, почему же онъ не въ милости у консерваторовъ. Судя по словамъ приверженцевъ привилегій и монополій, социализмъ до крайности либераленъ; такъ либераленъ, что передъ социалистами Мишель Шевалье съ братіею кажутся вовсе не либеральными людьми. Мы слышали, будто социалисты провозглашаютъ полнѣйшую децентрализацію, — можетъ быть это мечты безумныя, но ужъ никакъ нельзя сказать, что это тенденція анти-либеральныя. Мало того, что социализмъ оказывается анти-либеральнымъ, онъ оказывается системою „нео-регламентарною“, т. е., въ переводѣ съ греко-латинскаго, онъ хочетъ возетановить регламентацію промышленности, противъ которой боролся Адамъ Смитъ. Хорошо, что мы узнали это отъ Молилари, а то мы слышали совершенно противное. Надобно благодарить Молилари, что онъ разсѣялъ эти наши заблужденія. Но мы теперь не можемъ сообразить, какъ же онъ станетъ писать пятую часть своего курса, которая „будетъ содержать разборъ ложныхъ экономическихъ и социальныхъ теорій“. Развѣ самъ онъ выдумаетъ эти ложныя теоріи; а иначе, какъ же будетъ онъ разбирать мысли писателей, которыхъ не умѣетъ понимать? Впрочемъ незнаніе, неспособность понять, предубѣжденность, пристрастіе, — все это слишкомъ слабый задержки усердію; а Молилари горитъ усердіемъ восполнить „одинъ весьма важный пробѣлъ“, — проще сказать, онъ собирается „поразить социализмъ на смерть“. Послушаемъ его самого. „Появленіе социализма, говоритъ Молилари, возложило новую обязанность на экономистовъ, —

„основателямъ науки предстояла борьба только съ тѣмъ, которые пользовались злоупотребленіями старой системы и, въ эгоистическихъ видахъ, требовали сохраненія своихъ привилегій; намъ же предстоитъ теперь бороться не только съ многочисленными наслѣдниками этихъ привилегій, но и съ социалистами, проклинающими свободу промышленности, взывая къ интересамъ массъ и требуя „организація труда“.

„Первымъ экономистамъ достаточно было доказать весь вредъ, причиняемый общему интересу ограниченіями и монополиями старой системы, всю нелѣпость предразсудковъ и софизмовъ, которыми старались оправдывать ихъ сохраненіе. Однимъ словомъ — имъ достаточно было „разрушить“ старую регламентарную систему. Теперь же, когда утверждаютъ, что опытъ промышленной свободы рѣшительно не удался, что общество, едва освобожденное отъ рабства, впало въ анархію, — этого недостаточно. Нужно оправдать

свободу отъ нарекаій, которымъ она подвергается. Соціалисты считаютъ ее анархическою; они отвергаютъ существованіе всякаго регулирующаго начала въ производствѣ, предоставленномъ самому себѣ. Слѣдуетъ доказать, что это регулирующее начало существуетъ, и что анархія, которую соціалисты описываютъ такими мрачными красками, происходитъ отъ несоблюденія естественныхъ условій порядка.

„Вотъ новая задача, возложенная обстоятельствами на экономистовъ,—задача, которую я, по мѣрѣ силъ, пытался рѣшить. Я старался доказать, что экономическій міръ, въ которомъ соціалисты не замѣчаютъ никакого регулирующаго начала, управляется закономъ равновѣсія, дѣйствующимъ непрерывно и съ неодолимою силою для сохраненія необходимой соразмѣрности между различными отраслями и различными дѣятелями производства. Я пытался доказать, что подъ вліяніемъ этого закона, порядокъ въ экономическомъ мірѣ водворяется самъ собой, точно также, какъ, вслѣдствіе закона тяготѣнія, онъ устанавливается въ мірѣ физическомъ.

„Вотъ главная цѣль издаваемого мною нынѣ труда. Не знаю, на сколько я достигъ ея, но я буду, во всякомъ случаѣ, считать свою задачу рѣшенною, если мнѣ удалось указать путь друзьямъ науки.

„И дѣйствительно, какъ не желать, чтобы доказано было очевиднымъ для всѣхъ образомъ, что производство, предоставленное самому себѣ, не обречено неизбежной анархіи; что въ самомъ себѣ оно заключаетъ въ высшей степени могущественное регулирующее начало? Если бы это было вполне доказано и стало осязательною для всѣхъ истиной, кто бы осмѣлился тогда предлагать искусственную организацію общества? Соціализмъ не былъ ли бы пораженъ на смерть?“

Вотъ это мы называемъ говорить откровенно. Вы думаете, что Молинали писалъ съ цѣлью изслѣдовать истину, — нѣтъ, его желаніе было гораздо выше. Въ началѣ нынѣшняго года, излагая по поводу книги г. Горлова общій свой взглядъ на политическую экономію, мы говорили, что во Франціи послѣ Сэ она получила совершенно новое направленіе, котораго была чужда, когда излагалась Адамомъ Смитомъ; что это новое направленіе, при которомъ писатели имѣютъ въ виду не изслѣдованіе истины, а только отстаиваніе во что бы то ни стало извѣстныхъ обществъ и экономическихъ учреждений, придано ей боязнью передъ соціализмомъ. Если кому тогдашній отзывъ нашъ о современныхъ французскихъ экономистахъ показался слишкомъ суровъ, то вотъ г. Молинали откровенно сообщаетъ намъ, что его цѣль именно такова, какъ мы говорили. Очень можетъ быть, что Молинали съ братією совершенно правы въ своемъ желаніи поразить на-смерть ненавистное имъ ученіе; но жаль, что они не понимаютъ одного обстоятельства: если извѣстная система, въ какой бы то ни было наукѣ, вызвала противъ себя какую нибудь новую теорію, которой не имѣли въ виду основатели системы, то хотя бы новая теорія и была неосновательною, все-таки прежнюю систему никакъ уже нельзя опровергнуть ее, и для успѣха въ воевой борьбѣ надобно бросить старую точку зрѣнія, несостоятельность которой доказывается самымъ появленіемъ новой теоріи. Положимъ, наприимѣръ, что Нибуръ былъ не правъ, когда возсоздавалъ латинскій эпосъ изъ разсказовъ Тита Ливія; но опровергнуть Нибура Ролленомъ нѣтъ никакой возможности: вѣдь Нибуръ именно изъ того и возникъ, что Ролленъ неудовлетворителенъ. Такъ и соціалисты рѣшительно не могутъ быть опровергнуты на основаніи Сэ или Адама Смита. Если вы хотите побѣдить новыхъ противниковъ, то запаситесь новымъ орудіемъ; мечъ, которымъ Адамъ Смитъ рубилъ меркантильную систему, негодится противъ вашихъ враговъ.

Но французскіе экономисты не понимаютъ этого, — елибъ они понимали. Они тогда и не были бы тѣми, что разумѣется во Франціи подъ словомъ „эко“

мнеть“, — не были бы людьми отсталыми, повторяющими теперь то, что умѣстно было говорить Адаму Смиту въ прошломъ вѣкѣ, да и это повторяющими очень плохо. Возьмемъ въ примѣръ хотя Молилари, стремящагося „на-смерть поразить социализмъ“. Не споримъ, что Сень-Симонъ, Фурье, Прудонъ — люди заблуждающиеся или злонамѣренные; но всѣ согласны въ томъ, что они люди очень замѣчательнаго ума; кромѣ природнаго гения у нихъ есть боевыя средства, очень сильныя: Сень-Симонъ пережилъ и перечувствовалъ самъ все, что можетъ испытывать человѣкъ; Фурье чрезвычайно глубоко изучилъ человѣческое сердце; Прудонъ знакомъ съ нѣмецкою философiею и обладаетъ страшною начитанностью. Посмотримъ же, съ какимъ запасомъ знанiй и умственныхъ силъ идетъ, напримѣръ, Молилари поражать такихъ людей.

Начинаетъ онъ по обыкновенной рутинѣ выпискою греческихъ словъ *oicos* и *potos*, изъ которыхъ составилось слово „экономiя“, и объясненiемъ, что политика тоже происходитъ отъ греческаго слова *polis*, и въ подтвержденiе тому ссылается на Жозефа Гарнье, въ родѣ того, какъ одинъ русскiй ученый подтверждалъ цитатою изъ Карамзина свое мнѣнiе, что Федоръ Ивановичъ былъ сынъ Ивана Васильевича Грознаго. Бѣдняжка воображаетъ, что отлично щегольнулъ ученостью. Этимъ однимъ уже дается мѣра его учености. А хотите знать его сообразительность? Для этого достаточно прочесть сдѣланное имъ опредѣленiе политической экономiи. По обыкновенной рутинѣ приводитъ онъ нѣсколько разныхъ опредѣленiй, данныхъ прежними учеными, и скромно заключаетъ этотъ перечень новымъ опредѣленiемъ своего домашняго издѣлiя. Вотъ оно:

„Политическая экономiя есть наука, описывающая организацію общества“, — „она есть описанiе общественнаго механизма, короче, — анатомiя и физиологiя общества“.

Поискали мы, нѣтъ ли какогонибудь ограниченiя этому опредѣленiю. — Нѣтъ; Молилари твердитъ себѣ: „Анатомiя и физиологiя общества; — описываетъ организацію общества“ — и совершенно доволенъ. Ахъ, бѣдняжка, бѣдняжка, а хочеть поражать социализмъ! Не сообразилъ онъ, бѣдняжка, что въ его опредѣленiе цѣликомъ влѣзають, кромѣ политической экономiи, всѣ общественныя науки отъ статистики до уголовного права, отъ исторiи до дипломатики. Не догадался онъ, что прихватилъ своимъ опредѣленiемъ всю юриспруденцію и администрацію, этнографiю, исторiю цивилизаци и всѣ знанiя, относящiяся къ общественной жизни. Не сообразилъ, что непременно нужно было бы вставить въ опредѣленiе слова или „материальное благосостоянiе“, или „богатство“, или чтонибудь подобное. Съ такою-то сообразительностью отправляется человѣкъ ратовать противъ ложныхъ учений!

Такъ превосходно опредѣливъ область политической экономiи, Молилари, разумеется, доказываетъ, что она очень полезна. Откуда онъ такъ хорошо могъ узнать правила для составленiя ученыхъ книгъ, преподаваемыхъ покойнымъ Кошанскимъ? Или, ужъ не написалъ ли онъ свой курсъ по возвращенiи изъ Москвы? — Но едва ли... времени съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ мало. По риторикѣ Кошанскаго, за опредѣленiемъ науки должно слѣдовать объясненiе пользы ея; такъ и дѣлаетъ Молилари. Доказавъ полезность политической экономiи не хуже, чѣмъ покойный Кайдановъ доказывалъ полезность всеобщей исторiи, Молилари продолжаетъ: „Изъ всего сказаннаго нами казалось бы, что легко видѣть всю пользу изученiя политической экономiи; однако же, къ стыду нашего времени, эта польза была не разъ оспариваема“. Скажите, пожалуйста, кѣмъ же это? — Ей „были нанесены страшные удары.“

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитый ораторъ Донозо Кортееъ, съ вы- соты испанской трибуны, сдѣлать яростное нападеніе на политическую эконо- мію“. Ну, отлегло у насъ отъ души; а то мы совсѣмъ было перепугались. Удары- наносимые Донозо Кортесомъ, едва-ли слѣдуетъ называть очень страшными; вѣдь онъ жалѣетъ объ уничтоженіи инквизиціи, называетъ герцога Альбу благодѣ- телемъ рода человѣческаго, отвергаетъ Коперникову систему, хочетъ отдать всю Европу, даже протестантскую, подъ безусловную власть папы и въ духовныхъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ,—мало ли на что онъ нападаетъ: и на прививаніе оспы, и на громоотводы, и на пароходство... Охота же обращать вниманіе на такого чело- вѣка. Если ужъ и говорить о немъ, то можно только выставять его или въ смѣш- номъ, или въ отвратительномъ видѣ; но Молинару начинаетъ почтительно разсуждать съ нимъ и робко доказывать, что политическая экономія можетъ быть соглашена съ мнѣніями, которыхъ держится Донозо Кортееъ. Донозо Кортеса мы оставимъ въ сторонѣ, и послушаемъ, что говоритъ Молинару о политической экономіи въ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи. Эти страницы состав- ляютъ очень замѣчательное исключеніе въ книгѣ Молинару которая вся состоитъ изъ набора общихъ мѣствъ, между тѣмъ какъ тутъ онъ возвышается далеко надъ уровнемъ обыкновенныхъ ученыхъ и превосходить даже своихъ учителей. Нѣко- торые говорили,—по словамъ Молинару,—что политическая экономія ведетъ къ невѣрію и къ стремленію пересоздавать существующія учрежденія. Молинару пре- восходно доказываетъ, что это несправедливо.

„Политическая экономія является, напротивъ, наукою существенно религіозною, по- тому что она, можетъ быть болѣе чѣмъ всякая другая, даетъ самое высокое понятіе о Великомъ Творцѣ вселенной“.

„Что сдѣлали экономисты, ученія которыхъ во имя религіи отвергаются нѣкоторыми предубѣжденными умами? Они старались доказать, что Провидѣніе не бросило человѣ- чество на волю слѣпаго случая. Они старались доказать, что общество имѣетъ свои. Богомъ установленные законы, законы гармоническіе, водворяющіе въ немъ справедли- вость, точно также, какъ законы тяготѣнія водворяютъ порядокъ въ мірѣ физическомъ“.

„Теперь, спрашиваю я, не болѣе ли въ этомъ законѣ нравствевваго, религіознаго и истинно христіанскаго? Не лучшее ли даетъ онъ намъ понятіе о Провидѣніи? Не заставляетъ ли онъ насъ еще болѣе полюбить его? Вели изученіе творешій Кеплера, Ньютона возвышаетъ въ глазахъ нашихъ божественное могущество, то изученіе гармо- ническихъ законовъ общественной экономіи въ книгахъ Смитовъ, Мальтусовъ, Рикардо, Сеевъ или, что еще лучше, въ жизни самаго общества, не должно ли намъ дать болѣе высокое понятіе о правосудіи и благиости Творца вселенной?“

„Вотъ каковы, съ религіозной точки зрѣнія, результаты изученія политической эко- номіи! Вотъ какъ приводитъ она къ невѣрію!“

„Политическую экономію можно еще разсматривать, какъ сильное орудіе для со- храненія общественнаго устройства“.

Преобразовывать общественныя учрежденія!—продолжаетъ Молинару:—эко- номисты никакъ не отважатся мечтать объ этомъ, потому что въ мірѣ и такъ все устроено гармоническимъ образомъ, все имѣетъ превосходную организацію. Замѣ- нять существующую организацію какойнибудь другой,—объ этомъ могутъ думать только люди въ родѣ Фурье и Прудона, считающіе себя необыкновенными гениями. Прудонъ, напимѣръ,

„по изобрѣтеніи своего новаго рецепта общественной организаціи, кричалъ во все- услышаніе, что если земля до сихъ поръ и вращалась съ запада на востокъ, то опъ сьумѣетъ заставить ее вращаться съ востока на западъ“.

„Вот до какой степени доходить наступление преобразователей общества. Чудо-вициная гордость до того овладѣла этими, иногда столь замѣчательными умами, что сдѣлала ихъ безобразными и отвратительными. Скажутъ: да это сумасшедшіе! Согласенъ“

Самъ Молилари, какъ видно, не считаетъ себя человѣкомъ необыкновеннаго ума. Онъ не умѣетъ даже отличать метафорическихъ выраженій отъ словъ, употребляемыхъ въ прямомъ смыслѣ и кажется воображаетъ, что Прудонъ намѣренъ измѣнить направленіе суточного движенія земли. Отчего же, однако, продолжаетъ Молилари, это безуміе заразительно? Заразительно оно потому, что „совпадаетъ съ заблужденіемъ толпы“. Вотъ это новость! Толпу часто и справедливо упрекаютъ въ рутинности, но никому не было до сихъ поръ извѣстно, что она подвержена безумію,—напротивъ, всѣ полагали, что если кругъ ея понятій узокъ, то все-таки она отличается большимъ здравымъ смысломъ. Безуміе, открытое въ ней Молилари, „представляетъ серьезную опасность“, отъ которой лекарствомъ и служить политическая экономія.

„Предположимъ, что массы, увлеченныя утошей, успѣютъ когда нибудь захватить въ свои руки управленіе народами; предположимъ, что онѣ воспользуются своимъ могуществомъ, для того, чтобы привести въ исполненіе тѣ системы, которыя несовмѣстны съ самыми необходимыми условіями существованія обществъ. Что же изъ этого выйдетъ? Благополучіе общества очевидно будетъ сильно потрясено, и оно подвергнется той же опасности, тѣмъ же страданіямъ, какимъ подвергается больной, ввѣрившій заботу о своемъ здоровьи какому нибудь шарлатану. Я очень хорошо знаю, что жизнечность общества достаточно велика, чтобы противиться самымъ вреднымъ снадобьямъ, я очень хорошо знаю, что общество не можетъ погибнуть; но оно можетъ жестоко пострадать в остатъ надолго въ состояніи смертельнаго безенія.

„Укажемъ еще на то, что происходитъ среди общества, которому угрожаютъ бѣдственныя опыты утопіи, поддерживаемой невѣжествомъ. Происходитъ то, что источники общественнаго благосостоянія всыкаютъ уже заранѣе, что опасеніе ала дѣйствуетъ почти также разрушительно, какъ самое зло. Тогда интересы, которымъ угрожаетъ опасность, постоянной тревогой раздражаются наконецъ до такой степени, что рѣшаются на самыя тяжелыя пожертванія, для того только, чтобы избавиться отъ призрака преслѣдующаго ихъ. Для своего спасенія отъ социализма, они готовы свосить существующій порядокъ!

„Вотъ почему полезно преподаваніе политической экономіи. Когда массы лучше узнаютъ условія существованія общества, тогда нечего будетъ опасаться,—онѣ сдѣлаются лучшими хранителями общественнаго порядка. Имъ можно будетъ ввѣрить священную заботу объ интересахъ того общества, самое существованіе котораго теперь подвергается опасности, благодаря ихъ невѣжеству и легковѣрью. Тогда можно будетъ дать имъ тѣ права, предоставленіе которыхъ теперь было бы не совсѣмъ благоразумно. Общество станетъ тогда дѣйствительно неодолимымъ, потому что для своей защиты оно будетъ располагать всѣми силами, кроющимися въ немъ.

„Итакъ, политическая экономія—наука существенно религіозная, потому что она болѣе, тѣмъ всякая другая, раскрываетъ предъ нами всю мудрость и благодѣть Провидѣнія въ высшемъ управленіи дѣлами людей. Политическая экономія—наука существенно нравственная, потому что она доказываетъ, что полезное всегда согласуется въ окончательномъ результатѣ съ тѣмъ, что справедливо. Политическая экономія—наука существенно консервативная“.

Прекрасныя, совершенно основательныя слова, составляющія, какъ мы сказали, единственное замѣчательное мѣсто въ пустой болтовнѣ нашего знаменитаго гостя. Жаль только, что въ своемъ усердіи превознести политическую экономію обидѣлъ онъ весь человѣчскій родъ, объявивъ его безумнымъ.

Мы просмотрѣли первую лекцію Молилари; надѣемся скоро представить читателямъ подробный разборъ его книги, а на нынѣшній разъ довольно будетъ и этого. Характеръ книги виденъ, видны превосходныя намѣренія автора „спасти общество отъ серьезной опасности и на-смерть поразить социализмъ“; но видно также, что недостаетъ у него сообразительности, нужной для такого прекраснаго дѣла. Печатно бранить Прудона и пускать пыль въ глаза своимъ петербургскимъ собесѣдникамъ фразами въ родѣ: „я говорилъ объ этомъ съ Прудонѣмъ, близкимъ своимъ пріятелемъ“, — это какъ-то нейдетъ дѣльному ученому, а прилично только фату. Человѣкъ сколько нибудь ученый не сталъ бы щеголять цитатами изъ Жозефа Гарнье, или кого бы то ни было, о словопроизводствѣ слова „экономія“. Еще одна черта: слышали-ли вы, читатель, о замѣчательной книгѣ Шарля де Брукера? Никто никогда объ ней не слыхивалъ. Известно, что Брукеръ былъ довольно важнымъ человѣкомъ въ Бельгійскомъ правительствѣ, былъ хорошей администраторъ, заботился о чистотѣ брусельскихъ улицъ и т. д.; но какъ писатель онъ ничтоженъ. Въ предисловіи Молилари на страницѣ VI вы можете однакоже видѣть, что книга Брукера *Principes généraux d'économie politique* „должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между руководствами къ политической экономіи“. Отчего же это? На V стр. того же предисловія вы можете увидѣть, что Брукеръ доставитъ нашему просвѣтителю должность профессора въ Брюсселѣ. Вотъ это плохо. Можно посвятить свою книгу человѣку, котораго считаешь своимъ благодѣтелемъ, но превозносить его сочиненія, не заслуживающія вниманія, это уже нехорошо; и сомнительно, чтобы поступающіе такимъ образомъ могли понимать общественныя опасности или спасать общество; обыкновенно они проникаются усердіемъ къ одному, ненавистью къ другому, по желанію своихъ благодѣтелей. — Ну что, если бы профессорскія мѣста въ Бельгіи раздавалъ не Брукеръ, а Прудонъ; — тогда, вѣроятно, почтенный Молилари иначе говорилъ бы о Прудонѣ, — чего добраго, даже посвятилъ бы ему, пожалуй, свою книгу; а написалъ бы ее уже не для пораженія, а въ защиту социализма.

Мы совѣтовали бы издателю первой части курса Молилари не выполнять своего обѣщанія, „издавать въ русскомъ переводѣ остальные части книги немедленно по мѣрѣ ихъ выхода“: ве стоитъ. Другое дѣло, напримѣръ, „Руководство къ сравнительной статистикѣ, Кольба“, которое издатель готовитъ къ печати, какъ сказано на оберткѣ книги. Это сочиненіе хорошее и за него будетъ можно поблагодарить г. Тиблена. Можно поблагодарить его и за изданіе перевода „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ, Гизо“, — сочиненія, къ которому мы теперь переходимъ.

Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія Римской имперіи до французской революціи. Соч. Гизо. Редакція перевода К. К. Арсеньева. Изданіе Николая Тиблена. С.-Петербургъ. 1860.

Намъ пѣтъ возможности прослѣдить все содержаніе книги Гизо, указать всѣ тѣ случаи, въ которыхъ онъ, по нашему мнѣнію, ошибался, — для этого потребовалось бы написать цѣлую книгу. Есть писатели, у которыхъ на безчисленномъ множествѣ страницъ разведена водою одна какая нибудь бѣдная мысль, — примѣръ тому представлялъ намъ Молилари. Выписали мы изъ него нѣсколько строкъ, обнаруживающихъ его намѣренія, показали двумя-тремя выписками, что онъ не имѣетъ знаній, нужныхъ для исполненія такой задачи, — и довольно. Гизо не таковъ. Его историческія сочиненія не шиты изъ клочковъ, нахватавшихся по не

многимъ, большею частью довольно плохимъ, источникамъ. Это не дюжинныя компиляціи съ высокими претензіями; Гизо серьезный ученый; онъ самъ глубоко изучалъ предметы, о которыхъ говорить, и если у него много мыслей, несправедливыхъ по вашему мнѣнію, то каждая изъ нихъ заслуживаетъ серьезнаго опроверженія, потому что взята не съ вѣтра. Писать такую подробную оцѣнку всѣхъ подробностей мы здѣсь не можемъ, и по-неволѣ должны обратить вниманіе лишь на общій принципъ его воззрѣнія.

Къ переводу, изданному г. Тиленомъ, приложена довольно недурная статья о дѣятельности Гизо, написанная г. Барсовымъ. Авторъ этого предисловія старается опредѣлить убѣжденія политической и ученой партіи, замѣчательнѣйшимъ представителемъ которой былъ Гизо, и показать русскому читателю, какъ надобно смотрѣть на лекціи, предисловіе къ которымъ составляетъ эта статья. Едва ли справедливо находить г. Барсовъ коренною причиною недостатковъ общаго взгляда Гизо на науку ту важность, которую Гизо придаетъ понятію цивилизаціи и которая будто бы помѣшала ему дать въ исторіи надлежащее мѣсто народнымъ особенностямъ. Правильно или неправильно разсматриваетъ Гизо исторію разныхъ народовъ, но нельзя сказать, чтобы онъ не замѣчалъ разницы между ними. Напрасно также порицать Гизо за то, что онъ устранить изъ своего плана рассказъ отдѣльныхъ событій, сосредоточивъ все вниманіе на характеристикѣ общаго духа событій, учрежденій и понятій въ каждую данную эпоху. Напротивъ, эта особенность и составляетъ главную цѣну его историческихъ трудовъ. Историковъ-рассказчиковъ всегда были десятки и сотни, но никто изъ тогдашнихъ французскихъ историковъ не сдѣлалъ такъ много, какъ онъ, для разъясненія смысла европейской исторіи. Если бы онъ вдавался въ рассказъ фактовъ, онъ только отвлекли бы его вниманіе отъ существеннаго предмета его лекцій. Посвятить нѣсколько часовъ описанію личностей и битвъ періода крестовыхъ походовъ, онъ увидѣлъ бы, что у него едва остается нѣсколько минутъ на общую характеристику этого явленія. Но справедливъ г. Барсовъ, когда упрекаетъ Гизо за „излишній оптимизмъ въ сужденіяхъ объ историческихъ событіяхъ“. Дѣйствительно въ этомъ и заключается слабая сторона ученыхъ произведеній Гизо. Онъ находить, что въ сущности все было очень полезно для человѣчества. Страшное тяготѣніе Римской имперіи истощило всю энергію подвластныхъ ея странъ, убило духъ народовъ Пиринейскаго полуострова, Галліи, Британіи, Италіи до того, что эти десятки милліоновъ не могли отбиться отъ малочисленныхъ варваровъ, — Гизо находить, что централизація имперіи была лучшимъ противодѣйствіемъ прежней муниципальной разрозненности. Водворяется варварство — хорошо и это: варвары внесли въ европейскую исторію принципъ личной независимости. Послѣ страшнаго хаоса водворяется столь же страшный феодализмъ — хорошо и это: въ феодальныхъ замкахъ явилась поэзія. На развалинахъ феодализма возвышается Людовикъ XI, — онъ тоже былъ очень полезенъ, — въ какомъ отношеніи, мы уже и не знаемъ, но все-таки полезенъ.

Ученымъ основаніемъ такого оптимизма служило одностороннее понятіе о прогрессѣ. Мы видимъ, что какова бы ни была западная Европа въ XIII вѣкѣ, во все-таки она достигла положенія лучшаго, чѣмъ какое было въ X вѣкѣ, а XVII вѣкѣ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, былъ все-таки лучше XIII, и нынѣшнее время, каково бы оно ни было, далеко лучше XVII столѣтія. Въ чемъ же заключаются причины этихъ улучшеній судьбы европейскаго человѣчества? Проще всего

было бы искать этой благотворной причины въ натурѣ самихъ европейскихъ народовъ, которые, подобно всѣмъ другимъ народамъ, не лишены стремленій въ просвѣщенію, къ правдѣ и ко всему другому хорошему. Точно такъ же въ людяхъ есть врожденная способность и охота трудиться. Благодаря этимъ качествамъ человеческой природы, постепенно устраивается лучшій общественный порядокъ и благосостояніе. Масса трудится и понемногу совершенствуются производительныя искусства. Она одарена любознательностью или по крайней мѣрѣ любопытствомъ и—постепенно развивается просвѣщеніе; благодаря развитію земледѣлія, промышленности и отвлеченныхъ знаній, смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потомъ и учрежденія; всему этому причина одна—внутреннее стремленіе массы къ улучшенію своего матеріальнаго и нравственнаго быта, а формы, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ выработываться этотъ прогрессъ, не всегда благоприятны ему, потому что происходятъ совершенно изъ другихъ началъ и поддерживаются совершенно иными средствами. Возьмемъ, наприимѣръ, феодализмъ. Что общаго имѣлъ онъ съ трудолюбіемъ или любознательностью? Произшелъ онъ изъ завоеванія, цѣлью его было присвоеніе плодовъ чужаго труда, поддерживался онъ насиліемъ, ученыхъ стремленій феодалы не имѣли; они хотѣли проводить въ лѣности все время, остававшееся у нихъ отъ войнъ, турнировъ и тому подобныхъ занятій. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ могла быть благоприятна прогрессу эта форма? Французскіе земледѣльцы работали и должны были отдавать все, что только можно было взять у нихъ. Этимъ ослаблялась энергія ихъ труда, да и самый трудъ безпрестанно прерывался насиліями всякаго рода. Потому сельское населеніе осталось во Франціи почти чуждо прогрессу. Горожане часто успѣвали защищаться за своими стѣнами, но все-таки очень часто подвергались грабежу, да и въ случаяхъ удачной защиты постоянная надобность обороняться отвлекала ихъ силы отъ труда. Можно ли послѣ этого говорить о томъ, что тогдашнія формы помогали труду? Если онъ достигалъ какихъ нибудь результатовъ, то лишь наперекоръ этимъ формамъ. Точно то же надобно сказать и объ успѣхахъ другаго элемента цивилизаціи, о прогрессѣ знаній. Если они развивались, то лишь наперекоръ тогдашнимъ формамъ. Только вотъ этимъ и объясняется медленность прогресса, неудовлетворительность цивилизаціи послѣ столькихъ вѣковъ исторической жизни. Ни въ чемъ, кромѣ природы человѣка, не находила себѣ цивилизація поддержки, а люди, трудомъ и любознательностью которыхъ выработывалась она, находились въ положеніи чрезвычайно стѣсненномъ, такъ что дѣятельность ихъ была очень слаба и безпрестанно подвергалась помѣхамъ, уничтожавшимъ большую часть даже того немногаго, что успѣвала она произвести. Едва пріобрѣтаетъ она нѣкоторые успѣхи въ городахъ верхней Италіи, какъ идутъ на нее полчища нѣмцевъ, и результатомъ борьбы императоровъ съ папами оказывается подчиненіе ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ игу кондотьеровъ; едва начинается расцвѣтатъ трудолюбіе и наука въ южной Франціи, какъ Иннокентій III указываетъ полчищамъ сѣверной Франціи эти цвѣтуція области, провозглашая истребленіе альбигойцевъ. Такъ или иначе, та же самая исторія постоянно повторялась повсюду въ западной Европѣ.

Но результатъ, произведенный человеческою натурою, наперекоръ формѣ тяготѣвшей надъ нимъ, очень многими приписывается дѣйствию формы: при ней, слѣдовательно благодаря ей, таковъ силлогизмъ, обманывающій большинство исто-

риковъ. По такому силлогизму народъ считаетъ зиму причиной лѣтнаго плодородія и могъ бы считать причиной теплоты, сохраняющейся въ жилищахъ, наперекоръ вліянію вѣшняго холода.

Гизо не заслуживалъ бы особеннаго порицанія, елибѣ онъ не превосходилъ въ этомъ отношеніи другихъ историковъ. Но то, что у нихъ было только слѣдствіемъ невнимательности, оставалось простою ошибкою, у него возведено въ теорію, развитую совершенно послѣдовательно. У другихъ историковъ мы найдемъ, что множество вредныхъ явленій выставляются полезными, но все-таки остается въ ихъ изложеніи нѣкоторое количество вредныхъ явленій выставленными какъ дѣйствительно вредныя. У Гизо не то: у него каждый значительный фактъ непременно оказывается содѣйствовавшимъ прогрессу. Мавры завоевали Испанію—это полезно было для прогресса, потому что привело въ Европу арабскую цивилизацію; мавры, успѣвшіе цивилизоваться въ Испаніи, изгоняются изъ нея людьми гораздо менѣе просвѣщенными,—это опять полезно для цивилизаціи, потому что европейцы тутъ получаютъ еще больше случаевъ цивилизоваться. Слѣдствія побѣды — введеніе инквизиціи, отнятіе всѣхъ правъ у испанскаго народа, разореніе всей Европы честолюбіемъ Карла V и Филиппа II: нужды нѣтъ; Гизо все-таки называетъ благотворными явленіями факты, которые привели къ такимъ результатамъ.

Этотъ крайній оптимизмъ происходитъ у него отъ характера его политическихъ убѣжденій: онъ всегда былъ приверженцемъ старины. Новымъ идеямъ онъ всегда дѣлалъ лишь ничтожнѣйшія уступки, идеаль его всегда былъ очень близокъ къ средневѣковому устройству. Напрасно говорить, что онъ сталъ реакціонеромъ только въ послѣднюю половину жизни,—онъ съ самаго начала былъ реакціонеромъ. Онъ въ 1814 году встрѣтилъ Бурбоновъ съ радостью, потому что они были представителями старинныхъ учреждений. Во время реставраціи онъ разошелся съ крайними роялистами, но это оттого, что они были ослѣпленные фанатики, а онъ человѣкъ холоднаго образа мыслей, желавшій не переходить границъ благоразумія въ реакціонномъ стремленіи. Знаменемъ его всегда была легитимность. До послѣдней минуты онъ противился низложенію Бурбоновъ въ 1830 году, выказалъ усердіе къ нимъ не меньше самыхъ запясныхъ легитимистовъ. Онъ разошелся съ ними опять только потому, что они хотѣли дѣйствовать неблагоразумными, непрактичными средствами: по ихъ мнѣнію, для пользы старинныхъ учреждений надобно было возвратитъ во Францію Бурбоновъ посредствомъ силы. Гизо видѣлъ невозможность достигъ успѣха этимъ путемъ и, понимая непрактичность желанія возетановитъ Бурбоновъ, хотѣлъ, чтобы Орлеанскій домъ сталъ полнымъ представителемъ всѣхъ принциповъ, которымъ прежде служили Бурбоны. Онъ совершенно достигъ этой цѣли. Новое правительство постоянно дѣйствовало такъ, что ничего лучшаго не могли бы дѣлать и сами Бурбоны. Несмотря на свой калвинизмъ, Гизо покровительствовалъ іезуитамъ и помогалъ швейцарскому Зондербунду, начавшему войну противъ остальныхъ кантоновъ въ защиту іезуитовъ. Когда Гизо былъ министромъ, французская политика держалась совершенно тѣхъ же началъ, какимъ слѣдовалъ Меттернихъ. Будучи приверженцемъ старины по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Гизо чувствовалъ надобность выставлять съ хорошей стороны средневѣковые элементы и въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ. Нѣтъ, мы выразились невѣрно: не то, что онъ чувствовалъ надобность выставлять ихъ

съ хорошей стороны, а въ самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ въ нихъ хорошаго несравненно больше, чѣмъ дурнаго.

Странно можетъ казаться послѣ этого, что у насъ, да и въ остальной Европѣ, большинство писателей считаетъ Гизо однимъ изъ представителей либерализма. Но причина тутъ очень простая и обыкновенная; она заключается въ неразборчивости общественнаго мнѣнія, одинаково легко порицающаго или превозносящаго за нѣсколько пустыхъ фразъ, лишенныхъ всякаго опредѣленнаго значенія. Помните ли, какая исторія поднялась у насъ изъ-за какой-то статейки въ „Иллюстраціи“ объ евреяхъ, статейки, не имѣвшей въ себѣ ничего особеннаго. Сонмъ уважаемыхъ литераторовъ провозгласилъ за то „Иллюстрацію“ органомъ фанатизма, желающаго возжечь инквизиціонныя костры. Начался такой гвалтъ, отъ котораго глухіе могли бы вновь оглохнуть. Точно такъ бываетъ и наоборотъ. Скажете, напримѣръ, человѣкъ: „я не одобряю насилія“; кажется, что тутъ особеннаго: вѣдь насилія никто не одобряетъ. А вотъ, смотрите, ужъ эта фраза приобрѣла ему имя либерала. Притомъ же и положеніе Гизо или Тьера было совершенно особенное: французскіе министры были единственными конституціонными министрами на континентѣ Европы. Правда, существовала конституція въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Баденѣ; но кто когда слыхивалъ что нябудъ объ этихъ неважныхъ государствахъ? Вниманіе вонтинентальныхъ либераловъ было занято исключительно преніями парижской палаты; и когда они читали рѣчи Тьера или Гизо, такъ краснорѣчиво говорившихъ о конституціи, они думали: какъ, однако же, отличаются эти министры отъ Меттерниха, преслѣдующаго слово „конституція“. Такъ и упрочилась за Тьеромъ и Гизо репутація либеральныхъ министровъ. Что они дѣлали, — кому было время разбирать? Слушать слова гораздо легче, чѣмъ изслѣдовать поступки.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. Москва. 1860 г.

Знатоки домашней нашей литературы по новой русской исторіи, вѣроятно, найдутъ, что „Записки“ Л. Н. Энгельгардта составляютъ въ ней приобретеніе не совершенно ничтожное. Дѣйствительно, отыскиваются въ этой книгѣ матеріалы для пополненія послужныхъ списковъ довольно многихъ второстепенныхъ лицъ екатерининской эпохи; но большинство публики найдетъ въ воспоминаніяхъ Энгельгардта мало любопытнаго; исключеніемъ служатъ развѣ два-три анекдота, по нуждѣ могущіе назваться характеризующими тогдашнее время. Мы извлечемъ ихъ здѣсь.

Энгельгардтъ говоритъ, что былъ избалованъ домашнимъ воспитаніемъ и исправился только благодаря какому-то Эллерту, содержавшему въ Смоленскѣ пансіонъ, въ который отдали испорченнаго мальчика. „Касательно наукъ“ Эллертъ былъ „малосвѣдущъ“, но за то умѣлъ внушать своимъ воспитанникамъ хорошую нравственность, „строгостію“ содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ, билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ. Даже ученикамъ принадлежало право наказывать ферулою своихъ товарищей; право это давалось навязкою краснаго или голубаго банта въ петлицу ученика.

избираемого въ помощники содержателю пансіона. Имѣвшіе красный бантъ получали право давать своимъ товарищамъ одинъ ударъ ферулою по рукѣ; имѣвшіе голубой бантъ—два удара. „Чтобы заслужить такой знакъ отличія“, продолжаетъ Энгельгардтъ, „надобно было вести себя хорошо и прилежно учиться; я почитаю“, разсуждаетъ онъ, „что поощреніе это много способствовало къ нравственности“. Надобно полагать, что въ самомъ дѣлѣ „способствовало“. Впрочемъ, замѣчаетъ самъ Энгельгардтъ, „все было основано на побояхъ“, и „изъ учениковъ отъ такового воспитанія много было изуродовано; однако же пансіонъ былъ всегда полонъ“, Чтожъ такое, въ самомъ дѣлѣ, если и изуродуетъ Эллертъ ученика, то по крайней мѣрѣ основательно внушить ему хорошую нравственность. Такъ дѣлалось около 1780 г. Составляя свои „Записки“ лѣтъ черезъ 50 послѣ того времени, Энгельгардтъ какъ будто не совсѣмъ порицаетъ смягчившіеся школьные обычаи 1820—1830 годовъ; но все-таки замѣчаетъ, что „касательно мальчиковъ умѣренная строгость не лучше ли неупотребленія тѣлеснаго наказанія?“ Надобно отдать ему честь, онъ выставляетъ для своего мнѣнія прочное основаніе, которое почему-то забываютъ указывать нынѣшніе приверженцы розогъ. „Нужно, чтобы они (мальчики) съ юности попривыкли даже и къ несправедливости“. Противъ этого нельзя спорить: въ лѣтахъ взрослыхъ человѣкъ будетъ же подвергаться несправедливости, такъ не лучше ли въ самомъ дѣлѣ подготовить его къ тому съ дѣтства? Но для этого, конечно, мало было бы только сѣчь его; непремѣнно нужно еще сѣчь его безъ вины, несправедливо. Мы видимъ, что оно и хорошо, если такъ дѣлаются.

По какому-то странному обстоятельству, многіе изъ любезныхъ нашихъ соотечественниковъ почти только одно то человѣческое и могутъ припомнить изъ чувствъ всей своей жизни, что они чувствовали боль, когда ихъ сѣкли; всѣ остальные ихъ воспоминанія уже состоятъ исключительно въ разныхъ служебныхъ отношеніяхъ, въ полученіи наградъ или выговоровъ, повышеній или неудачъ по чинамъ и должностямъ. Энгельгардтъ не совсѣмъ избѣжалъ этой участи. Видно, что ему въ дѣтствѣ не нравилась теорія и практика Эллера, „способствовавшая нравственности“; но видно также, что, достаточно „попривыкнувъ“ къ ней, онъ сдѣлался человѣкомъ какъ слѣдуетъ, и дальше вы уже не найдете въ его „Запискахъ“ никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ разсуждалъ о качествахъ порядковъ, въ которыхъ стала проходить его жизнь по окончаніи курса нравственности въ пансіонѣ Эллера. Издатель „Записокъ Энгельгардта“, г. Н. Путята, говоритъ въ коротенькомъ предисловіи, что „Записки“ эти отличаются „простотою и чистосердечіемъ разсказа и характеромъ правдивости“. Это такъ; видно, что авторъ былъ человѣкъ честный и почтенный. Но какое впечатлѣніе производили на него вещи, видѣнныя имъ въ теченіе долгой жизни и вскользь упоминаемыя у него, этого не спрашивайте. Былъ такой-то сильный человѣкъ, сдѣлалъ то-то, находился ко мнѣ въ такихъ-то отношеніяхъ,—этимъ обыкновенно и кончаются его замѣтки о людяхъ; развѣ-развѣ изрѣдка онъ прибавитъ: „обращался съ своими подчиненными ласково“. Понятіе государственной пользы и человѣческой справедливости какъ будто не существуетъ для автора „Записокъ“. Если не ошибаемся, объ одномъ только лицѣ выразился онъ не совсѣмъ официально, объ Аракчеевѣ. Послѣ аустерлицкой битвы императоръ Александръ отставилъ отъ службы Вязмитинова, бывшаго военнымъ министромъ и петербургскимъ главнокомандующимъ; продолжаемъ словами

самого автора: „мѣсто его заступилъ графъ Аракчеевъ, который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, былъ личнымъ его неприятелемъ. Но къ чести графа Аракчеева, и, можно сказать, въ одномъ только семъ случаѣ онъ показалъ себя незлобивымъ; черезъ двѣ недѣли по приѣмѣ сей должности онъ подалъ государю просьбу объ увольненіи его отъ службы“, сказавъ, что, по вступленіи въ должность, разсмотрѣлъ дѣла и нашель Вязмитинова ни въ чемъ неповиннымъ, а потому не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, если не будетъ оказано справедливости Вязмитинову, отставленному по неосновательнымъ подозрѣніямъ. Государь возвратилъ свою милость Вязмитинову. Вотъ только въ разсказѣ этого случая и выразилась у Энгельгардта какая-то тѣнь человѣческаго сужденія: онъ не удержался и замѣтилъ, что Аракчеевъ вообще не былъ „незлобивъ“. Это слово представляетъ едва ли не единственное исключеніе въ сплошномъ ряду разсказовъ совершенно безцвѣтнаго характера. Да, мы забыли еще два отступленія отъ тона реляцій или должностныхъ меморій: Энгельгардтъ приводитъ нѣсколько анекдотовъ о причудахъ Петемкина и странныхъ выходкахъ Суворова. Только эти немногія строки и не могли бы быть цѣлкомъ перенесены изъ воспоминаній Энгельгардта о значительныхъ лицахъ въ формулярные списки каждаго лица по принадлежности. Но вѣдь и то сказать: кто же могъ тогда упомянуть о Петемкинѣ или Суворовѣ, не упоминая о ихъ странностяхъ? Неофициальныя, такъ сказать, черты эти были обращены почти въ официальную принадлежность могущественнаго правителя и знаменитаго полководца. Энгельгардтъ выказалъ бы самостоятельность, еслибы удержался отъ этихъ отступленій; они не уменьшаютъ, а напротивъ еще усиливаютъ впечатлѣніе совершенной официальности, производимое его „Записками“.

Мы также ошиблись, сказавъ, что выраженіе объ Аракчеевѣ, какъ о человѣкѣ не отличавшемся незлобіемъ, представляется въ цѣлой книгѣ единственнымъ примѣромъ человѣческаго сужденія: есть еще другой случай; онъ относится къ Суворову. Однажды Энгельгардтъ долженъ былъ явиться къ Суворову съ рапортомъ и обѣдать за его столомъ. „Чтобы сдѣлать ему угодное“, говоритъ авторъ, „по-наслышкѣ изготовился я отвѣчать на всѣ его странныя требованія“, но все-таки „получилъ чувствительный афронтъ“. Предъ обѣдомъ у Суворова гостямъ разносили водку по чинамъ, и если случалось нѣсколько гостей одного чина, сержантъ, подававшій водку, спрашивалъ у нихъ, кто имѣетъ какое старшинство въ своемъ чинѣ. Пришлось сержанту спросить объ этомъ и Энгельгардта,—

„я сказалъ, что уже 6 лѣтъ 3 мѣсяца и 12 дней въ семь чинѣ, и усмѣхнулся. Казалось, что графъ сего не могъ примѣтить; но другой причины къ его неудовольствию не было. Сѣли за столъ: мнѣ пришлось сѣсть навскось противъ графа. Вдругъ онъ вскочился и закричалъ: „вопяеть!“ и ушелъ въ другую комнату. Адьютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что „дурной запахъ прошелъ“. „Нѣтъ“, кричалъ онъ, „за столомъ вонючка“. Они стали обходить всѣхъ сидящихъ и начали обнюхивать; одинъ ко мнѣ подошелъ, сказалъ: „вѣрно у васъ сапоги не чисты, взвольте выйти; графъ не войдетъ, пока вы не встанете и не прикажете себѣ сапоги вычистить; тогда опять можете сѣсть за столъ“. Представьте мое смущеніе; однакожъ дѣлать было нечего. Я всталъ, сказалъ тому адъютанту: „положите графу: я вижу, что моя фізіономія ему не понравилась; какъ бы мнѣ пріятно ни было обратить на себя благосклонное его вниманіе, но я къ нему болѣе не явлюсь“—и вышелъ“.

Мы съ удовольствіемъ приводимъ этотъ случай, окончаніе котораго показываетъ въ авторѣ „Записокъ“ челоѣка съ благородной душой. Но очень вѣроятно,

что безъ обиднаго личнаго для него столкновенія онъ не написалъ бы слѣдующихъ строкъ, идущахъ прямо вслѣдъ за приведеннымъ нами анекдотомъ:

„Посудите, приятно ли было служить при немъ человѣку съ благороднымъ чувствомъ; признаюсь, что, несмотря на его великій гений, и служа подъ нимъ въ его славныхъ побѣдахъ, приобретаая чины и ордена, трудно перенести подобныя оскорбленія, которыя не съ однимъ со мною случались, но и съ нѣкоторыми генералами“.

Мы видимъ въ Энгельгардтѣ новый образецъ того же самаго характера нашихъ дѣдовъ, какой видѣли въ Державинѣ. Люди, воспитывавшіеся лѣтъ 80 или 100 тому назадъ, часто оказывались въ жизни людьми честными, — въ какомъ народѣ не встрѣчается очень много личностей, по натурѣ расположенныхъ къ благородству? Но, за очень рѣдкими исключеніями, они оставались людьми веимѣющими ровно никакого образа мыслей, людьми, у которыхъ всѣ понятія о добрѣ и злѣ замѣнялись вѣковыми правилами почти безразличнаго одобренія всему, что жило и дѣйствовало выше ихъ. По внушеніямъ старшихъ родственниковъ, воспитавшихся такъ же, какъ они, они привыкали думать: „такъ дѣлается, стало быть такъ тому и слѣдуетъ быть; не нами заведено, не нами и кончится; стѣну лбомъ не прошибешь; благоразумному человѣку не слѣдуетъ разсуждать о вещахъ, которыя приходится ему исполнять; отъ кого зависишь, того и слушайся; хорошо будешь служить, будетъ и тебѣ хорошо, а отъ кого ты получаешь хорошее, тотъ и хорошій человѣкъ“. Если начальникъ награждалъ и отстаивалъ своихъ подчиненныхъ, онъ былъ хорошій начальникъ; а хорошій начальникъ, само собою разумѣется, былъ полезнымъ слугою отечеству; а если человѣкъ былъ полезнымъ слугою отечеству, то какъ же не думать о немъ съ почтеніемъ? Эти правила житейской мудрости нарушались тогдашними людьми лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ самимъ приходилось отъ кого нибудь получить обиду, — тогда обиженный начиналъ разсуждать о качествахъ обидѣвшаго и доходилъ до открытія въ немъ дурныхъ сторонъ, которыхъ иначе никакъ не замѣтилъ бы. Новиковъ, Радищевъ, еще, быть можетъ, нѣсколько человѣкъ, одни только имѣли тогда то, что называется нынѣ убѣжденіемъ или образомъ мыслей. Остальные жили, служили честно или нечестно, смотря по своей натурѣ, и не думали ни о чемъ, кромѣ того, что лично касалось ихъ. Конечно, тѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ честность въ личныхъ дѣлахъ, которая встрѣчалась нрѣдко и въ тѣ времена. Ничего особеннаго нѣтъ, если не бываетъ грабителемъ и низкимъ пройдохой человѣкъ въ нынѣшнее время, встрѣчающій вокругъ себя многихъ людей съ благороднымъ образомъ мыслей, находящій въ нихъ поддержку своимъ хорошимъ стремленіямъ; но въ прежнія времена, когда было такъ мало возможности развить въ себѣ сознательныя убѣжденія, честность даже въ личныхъ дѣлахъ была бы явленіемъ удивительнымъ, если бы мы не знали, что люди отъ природы имѣютъ влеченіе къ честности, и только слишкомъ неблагоприятныя обстоятельства подавляютъ это влеченіе, естественно сохраняющееся во всѣхъ, чья жизнь не развивалась уже подъ слишкомъ дурными вліяніями. Правда и то, что честность только въ личныхъ дѣлахъ, не сопровождаемая никакими опредѣленными понятіями объ общихъ вопросахъ народнаго блага, приноситъ слишкомъ мало пользы обществу.

Вотъ, напримѣръ, попробуйте отыскать въ „Запискахъ“ Энгельгардта что нибудь свидѣтельствующее о какой нибудь пользѣ, принесенной имъ хотя какому нибудь,

самому маленькому клочку общества, хотя какойнибудь ротъ солдатъ—ничего подобнаго не найдете. Да и какъ было бы найти, когда очевидно онъ и не думалъ, что могутъ быть у офицера къ солдату какіянибудь обязанности, кромѣ обязанности быть исправнымъ командиромъ и держать въ исправности свою часть.

Но вѣдь мы все-таки почти еще и не начинали знакомить читателя съ содержаниемъ „Записокъ“ Энгельгардта. Впрочемъ дѣло это можно кончить скоро. Три четверти книги заняты воспоминаніями о военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ участвовалъ авторъ, и мы не полагаемъ, чтобы отыскалось въ этихъ подробностяхъ новое, скольконибудь важное. Остальная четверть тоже почти вся посвящена дѣламъ, лично относившимся до автора, главнымъ образомъ до его службы, такъ же не представляющимъ ничего особеннаго. Затѣмъ остается нѣсколько эпизодовъ, составляющихъ вмѣстѣ страницъ 10 или 12, не совсѣмъ лишенныхъ интереса. Вотъ, наприимѣръ, анекдоты о сновидѣніяхъ, являвшихся могилевскому губернатору Пассеку. Во время своего путешествія по Бѣлоруссіи, въ 1780 г., императрица Екатерина II остановилась на недѣлю въ Могилевѣ, гдѣ была приготовлена ей великолѣпная встрѣча намѣстникомъ, графомъ Захаромъ Чернышевымъ; за цѣлый мѣсяць до прибытія государыни съѣхалось въ Могилевъ множество знатнаго и богатаго народа, занимавшагося, въ числѣ другихъ развлеченій, очень сильною карточною игрою. Послушайте же, какая удивительная вещь приключилась тутъ.

„Случилось въ то время странное видѣніе бывшему тогда губернатору Петру Богдановичу Пассеку; онъ былъ страстный игрокъ: въ одну ночь проигравъ тысячу съ десятью сидѣлъ около трехъ часовъ у карточного стола и вздремнулъ, какъ вдругъ очнувшись, сказалъ: attendez; приснился мнѣ сѣдой старикъ съ бородою, который говоритъ: „Пассекъ, пользуйся, ставь на тройку 3,000, она тебѣ выиграетъ соника; загни пароли, она опять тебѣ выиграетъ соника; загни сетелева, и еще она выиграетъ соника“. Ба да вотъ и тройка лежитъ на полу; идетъ 3,000. И точно она сряду выиграла три раза“.

Обращаясь отъ таинственной сферы, въ которую возносить насъ этотъ рассказъ, къ житейскимъ дѣламъ, мы подъ 1782 годомъ встрѣчаемъ у Энгельгардта анекдотъ, который самъ по себѣ не важенъ, но показываетъ, какими авантюристами наполнялось тогда наше общество, вслѣдъ за западно-европейскимъ.

Сербу Зоричу, бывшему нѣкоторое время, по тогдашнему выраженію, въ случаѣ, было пожаловано мѣстечко Шкловъ (Могилевской губерніи), въ числѣ другихъ наградъ при увольненіи отъ его обязанностей. Онъ жилъ тамъ великолѣпно. и вокругъ него постоянно толпилась цѣлая масса всякаго сброда, знатнаго или ловкаго. Проѣзжая въ 1782 году по Могилевской губерніи, Потемкинъ остановился на сутки въ Шкловѣ. Тутъ явился къ свѣтлѣйшему князю еврей и объявилъ, что камердпнеръ графовъ Зановичей, живущихъ у Зорича, выпускаетъ сторублевныя фальшивыя ассигнаціи. Уѣзжая изъ Шилова, Потемкинъ велѣлъ проинформировать объ этомъ слѣдствіе, „не щадя ни самого Зорича, если будетъ въ подозрѣніи“.

„Теперь я дѣлаю отступление, и скажу о жизни Зорича и о Шкловѣ. Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шиловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націи; многие были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣ-

ице пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы, французы, итальянцы, вѣнцы, сербы, греки, молдаване, турки,—словомъ, всякій сбродъ и побродяги; всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина и прочія соотвѣтствующія смѣ двумъ особымъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими; польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на подѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приглашавалъ гостей, и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но такового рода жизнь ввела его въ неоплатные долги.

„Въ числѣ живущихъ у него былъ турецкій князь Иславъ-Вей, второй сынъ сестры царствовавшаго султана; когда Зоричъ былъ въ плѣну, онъ съ нимъ былъ знакомъ и пользовался его благодѣяніями. Сей князь былъ воспитанъ тайно подъ чужимъ именемъ, ибо, по турецкимъ законамъ, сестра султана одного только можетъ имѣть въ живыхъ сына, а послѣдующихъ должна при рожденіи задушить. По материнской природной нѣжвости мать сберегла его; когда же начали догадываться, что онъ близкій человекъ султану, тогда мать его отправила въ чужіе края, и онъ, бывъ во Франціи, даннаго ему деньги всѣ прожилъ, а болѣе ему не присылали. Вспомнивъ свое знакомство съ Зоричемъ, пріѣхалъ въ Шкловъ просить взаимной помощи, въ чемъ ему и не было отказать. Онъ былъ прекрасный и любезный человекъ, говорилъ хорошо по-французски и скоро выучился изрядно говорить по-русски; внослѣдствіи старшій братъ его умеръ, и султанъ, узнавъ о немъ, позволилъ ему возвратиться въ Константинополь. Многие русскіе потомъ его тамъ видѣли и сказывали, что давъ ему чинъ подавать султану умываться. Я для того сказалъ о немъ, что можно ли было подозрѣвать кого либо, съ какимъ намѣреніемъ кто тамъ жилъ? Тѣмъ болѣе Зановичи могли быть безъ малѣйшаго замѣчанія, ибо они пріѣхали, какъ путешественники, познакомявшись въ Парижѣ съ Неранничемъ, роднымъ братомъ Зорича, котораго и ссудили не малымъ числомъ денегъ; пріѣхали же имѣя паспорта, жили роскошно и вели большую банковую игру.

„По слѣдствію открылось, что какъ Зоричъ былъ много долженъ, то Зановичи хотѣли заплатить за него долги, а Шкловъ съ принадлежавшимъ имѣніемъ взять въ свое управленіе на столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же давать въ годъ по сту тысячъ рублей, по тогдашнему времени большую сумму; для сего просиживали они съ нимъ, запершись, ночи, уговаривая его по сему предмету, и употребленъ въ посредство учитель, бывшій въ корпусѣ, Сальморанъ. Зоричъ говаривалъ, что скоро заплатить свои долги и будетъ опять богатъ, что и подало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Тоже послужило къ такому невыгодному для него имѣнію, что два карла мѣняли фальшивыя ассигнаціи; это случилось оттого, что они держали карты; а на большихъ играхъ, особливо когда Зановичи метали банкъ, за карты давали по сту рублей и болѣе.

„Графы Зановичи родомъ изъ Далмаціи; меньшей изъ нихъ былъ іезуитомъ: по уничтоженіи сего ордена монаховъ, возвратился къ брату, который, проживъ имѣніе, сталъ жить на счетъ ближнихъ разными оборотами; оба получили хорошее воспитаніе, при большомъ умѣ обогащены были познаніями; во многихъ были государствахъ и вездѣ находили простяковъ, пользовались то игрою, то другими хитрыми выдумками; сказывали даже, что ихъ портреты въ Венеціи были повѣшены, а они, сдѣлавъ какое-то криминальное дѣло, успѣли ускользнуть; такимъ образомъ встрѣтились съ Неранничемъ въ Парижѣ, какъ сказано прежде, и видно, что планъ ихъ тогда же имѣлъ осуществленіе.

„Когда уговорили Зорича на ихъ предложеніе, то старшій остался въ Шиловѣ, а

меньшой уѣхалъ за-границу, подъ видомъ тамъ продать свое имѣніе и прѣхать съ деньгами для заплата долговъ Зорича; но истинный предметъ былъ, чтобы тамъ надѣлать фальшивыхъ ассигнацій и уже прѣхать съ готовыми въ Россію, и для дѣланія оныхъ привести инструменты; онъ былъ за-границею нѣсколько мѣсяцевъ, а по возвращеніи проживалъ съ полгода въ Шиловѣ до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя. Съ отъѣздомъ его свѣтлости въ Дубровну, меньшой Зановичъ съ Сальмораномъ отправились въ Москву.

„Отецъ мой послалъ одного кулера обогнать его и извѣстить главнокомандующаго въ Москвѣ, а другаго вслѣдъ для надзираіи за Зановичемъ.

„Предсѣдатель Малѣевъ, получивъ наставленія, съ земскою полиціею и губерскими драгунами отправился въ Шкловъ, вочью засталъ старшаго графа Зановича въ постели, отправилъ его за карауломъ въ Могилевъ, прямо въ губерское правленіе; квартиру его окружили карауломъ; также взяты Зоричевы карлы, а съ самого Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не сдѣлаеть отвѣта на запросные пункты. На квартирѣ Зановича, по осмотрѣ, ничего подозрительнаго не оказалось; найдено тысячи дѣтъ рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и нѣсколько вещей изъ дорогихъ каменьевъ. Камердинеръ его оказался его любовницею итальянкою, во она ничего не знала, ибо она только ночевала на квартирѣ, а въ прочее все время была въ домѣ у Зорича. Князь Иславъ-Бей былъ великій непріятель сихъ побродягъ, безпреставно съ ними ссорился и неоднократно уговаривалъ Зорича, чтобы ихъ прогналъ.

„Въ допросѣ губернскаго правленія Зановичъ показалъ, что братъ его поѣхалъ чрезъ Москву въ С.-Петербургъ явить правительству вышвенныя ассигнаціи за-границею отъ жидовъ за дешевую цѣну; но послѣ напли въ его квартирѣ подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій; по открытіи чего онъ и отправленъ былъ въ С.-Петербургъ. Зорича же совершенно оправилъ въ везнавіи фальшивыхъ ассигнацій.

„Меньшой Зановичъ схвачевъ былъ въ Москвѣ у самой заставы; найдено съ нимъ слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ. Стакнувшись съ братомъ, онъ показывалъ то же; потомъ, по призваніи ихъ вины, заключены они были въ крѣпость Балтійскій портъ. Во время нападенія на оный портъ шведовъ въ 1789 году, по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты онаго; Зановичи оказали особливую ревность и разумными совѣтами нѣкоторымъ услуги, за что по освобожденіи порта посланы за-границу.

„Въ Шиловѣ было множество бродягъ, такъ что ежели случалась нужда отыскивать какого ввудь сорвавца, то государыня приказывала посмотрѣть, нѣтъ ли его въ Шкловѣ, и иногда точно его тамъ находили“

Вотъ еще разсказъ о томъ, какъ тогдашніе вельможи изъ хвастовства своимъ богатствомъ кормили и поили, сами не знали кого:

„Образъ жизни вельможъ былъ гостепріимный, по мѣрѣ богатства и званія занимасмаго; почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ; люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ. Въ семь случаевъ фельдмаршалъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій отличался отъ прочихъ. У него ежедневно былъ открытый столъ для пятидесяти человекъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не знавалъ. Разсказывали, что графъ любилъ играть послѣ обѣда въ шашки, безъ денегъ; а какъ оная игра мало приносила удовольствія, то мало было и охотниковъ. Случилось, что какой-то штабъ-офицеръ въ одинъ девъ у него обѣдалъ; по предложенію, кому угодно играть въ шашки съ его сінтельствомъ, сей штабъ-офицеръ радъ былъ таковой чести, и уже всякій день, недѣль съ шесть, продолжать сію игру. Вдругъ сего майора не стало; по привычкѣ графъ его спрашивалъ, но никто въ домѣ не зналъ кто этотъ былъ господинъ майоръ, откуда онъ пріѣхалъ и куда дѣвался.“

Чрезъ нѣсколько страницъ мы находимъ анекдотъ о Фонѣ-Визинѣ, который удавалось читать намъ гдѣ-то и прежде. Энгельгардтъ разсказываетъ, что Фонъ-Визинъ, „облагодѣтельствоваанный“ И. И. Шуваловымъ, „перекинулся“ къ Пе

темкину, бывшему неприятеlemъ Шувалову, „и въ удовольствіе его много острога и смѣшнаго говаривалъ насчетъ бывшаго своего благодѣтеля“. Однажды Потемкинъ, — продолжаемъ словами Энгельгардта, —

„былъ въ досадѣ и сказалъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ: „какъ мнѣ надоѣли эти подлые люди“. — „Да на что же вы ихъ къ себѣ пускаете, отвѣчалъ Фонъ-Визинъ, велите имъ отказывать“. „Правда, сказалъ князь, завтра же я это сдѣлаю“. — На другой день Фонъ-Визинъ пріѣзжаетъ къ князю; швейцаръ ему докладываетъ, что князь не приказалъ его принимать. „Ты вѣрно ошибся, сказалъ Фонъ-Визинъ, ты меня принялъ за другаго“ — „Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я васъ знаю и, именно, его свѣтлость приказалъ одного васъ только не пускать, по вашему же вчера совѣту“.

Мы очень были бы рады, если бы историки нашей литературы успѣли доказать неосновательность этого разсказа, какъ князю Вяземскому удалось доказать неосновательность слуха, будто бы Фонъ-Визинъ отплатилъ неблагодарноетію Н. И. Панину. — По поводу смерти Потемкина, Энгельгардтъ разсказываетъ, какъ мы уже упоминали, нѣсколько анекдотовъ о капризахъ свѣтлѣйшаго князя. Между прочимъ, онъ сообщаетъ намъ фамилію знавшаго наизусть календарь чудака, котораго Потемкинъ вызвалъ къ себѣ за нѣсколько сотъ верстъ, чтобы удостовѣриться въ твердости его знанія; имя этого человѣка было — Спечинскій. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ, извѣстный менѣе другихъ.

„Однажды княгиня (Долгорукая) сказала, что любить цыганскую пляску. Князь Григорій Александровичъ узналъ, что бывшіе въ конногвардіи вахмистры два брата Кузьмины, вылученные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать по-цыгански, приказалъ за ними послать, и когда ихъ привезли, одѣли одного изъ нихъ цыганкою, а другаго цыганомъ. На одномъ балѣ сдѣлавъ былъ для княгини сюрпризъ, и должно отдать справедливость мастерству гг. Кузьминныхъ. Я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ. Такъ поплясали они недѣли съ двѣ и отпущены были въ свои полки на Кавказъ, съ тою только для нихъ пользою, что проѣздъ имъ ничего не стоилъ“.

Кромѣ этихъ немногихъ анекдотовъ, которые, какъ видитъ читатель, не имѣютъ ровно никакой исторической важности, можно замѣтить еще развѣ слѣдующій случай, бывший съ графомъ Ланжерономъ. Производя смотръ войскамъ въ Казани, императоръ Павелъ остался недоволенъ генераломъ Игельстромомъ, который былъ инспекторомъ ихъ, и сказалъ Ланжерону, что назначить его на мѣсто Игельстрома. Ланжеронъ отвѣчалъ, что не можетъ принять этого мѣста по многимъ „резонамъ“. Государь, находившійся въ той же комнатѣ, приказалъ Нелидову подойти къ Ланжерону и спросить, какіе резоны заставляютъ его отказываться отъ повышенія.

„Графъ Ланжеронъ отвѣчалъ:—первый и послѣдній: Игельстромъ мнѣ благодѣтельствовалъ, и я не хочу, чтобы моимъ лицомъ человѣку, состарившемуся въ службѣ его императорскому величеству, было сдѣлано такое чувствительное огорченіе. Не успѣлъ онъ вымолвить, какъ государь подбѣжалъ къ нему, топнулъ ногой, и скорыми большими шагами ушелъ въ спальню.

„Бывшіе тутъ не смѣли тронуться съ мѣста; Лассій сказалъ: „Ланжеронъ, что ты сдѣлалъ? Ты пропалъ.“ — „Что дѣлать! Слова воротить не можно; ожидаю всякаго несчастія, но не раскаиваюсь; я Игельстрома чрезвычайно почитаю, онъ не разъ мнѣ дѣлалъ добро“.

„Черезъ полчаса времени, государь, вышедъ изъ спальни, подошелъ къ графу и, ударя его по плечу, сказалъ: „Langeron, vous êtes un bon enfant, toujours je me

souviendrai de votre généreux procédé“ (Ланжеронъ, вы добрый малый; всегда а буду помнить вашъ благородный поступокъ).

Вотъ мы извлекли изъ „Записокъ“ Энгельгардта едва ли не рѣшительно все, сколько нибудь заслуживавшее извлеченія, и количество извлеченнаго оказалось очень невелико, а историческое достоинство еще меньше. Какъ объяснить такую скудость воспоминаній, записанныхъ человѣкомъ, жившимъ очень долго, близко видѣвшимъ почти всѣхъ замѣчательныхъ людей своего времени? Конечно, многое тутъ зависить отъ самаго отсутствія въ немъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ понятій: онъ какъ будто бы не зналъ, что важно, что не важно; не знать, что ему нужно наблюдать; не замѣчалъ и того, что могло бытъ замѣчено даже безъ внимательнаго наблюденія. Но этимъ еще нельзя объяснить всего факта. Неужели же, на самомъ дѣлѣ, не было замѣчено и слышано Энгельгардтомъ и не сохранилось въ его памяти ничего, кромѣ служебныхъ подробностей, свойственныхъ формулярнымъ спискамъ, и пяти-шести анекдотовъ, очень неважныхъ? Будьте, какъ хотите, невнимательны къ тому, что дѣлается около васъ, все-таки невольнo вы увидите и услышите довольно много несовсѣмъ маловажнаго для исторіи, если много лѣтъ находитесь подлѣ историческихъ людей. Нѣтъ, отсутствіе мысли, которая руководила бы наблюдательностію, не единственная причина сухости и бѣдности записанныхъ Энгельгардтомъ воспоминаній: видно, что, при всей своей правдивости, онъ считалъ излишнимъ вспоминать многое изъ того, что видѣлъ. Официальность понятій о вещахъ и людяхъ, происходившая отъ недостатка опредѣленнаго образа мыслей, доходила въ немъ до того, что онъ считалъ пустымъ легкомысліемъ, вольнодумствомъ—говорить о вещахъ, не принадлежавшихъ къ сферѣ официальности. Только то, что дѣбалось на сценѣ, казалось ему достойнымъ вниманія; закулисныя приготовленія событій и самыя отношенія ихъ къ общественной жизни находилъ онъ пустяками, недостойными воспоминанія. Мы вовсе не думаемъ видѣть въ этомъ какую нибудь особенность Энгельгардта, за которую можно было бы хвалить или порицать лично его. Нѣтъ, именно потому и выставляемъ мы эту черту его, что она была господствующею чертою людей того времени. Если бы она казалась намъ личною принадлежностію Энгельгардта, мы не почли бы ее вещью, достойною вниманія: какое намъ дѣло до личныхъ особенностей человѣка, не пользовавшагося никакимъ вліяніемъ, не игравшаго никакой исторической роли? Но, будучи общимъ характеромъ цѣлыхъ поколѣній, характеръ, находимый нами въ Энгельгардтѣ, оказывается дѣломъ очень важнымъ: онъ служитъ кореннымъ объясненіемъ возможности такой исторіи, какую имѣемъ. Масса общества, однимъ изъ обыкновенныхъ людей котораго является Энгельгардтъ, была такъ же, какъ онъ, апатична и безразлична ко всему, отъ чего зависить судьба общества: она не разсуждала, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло о національныхъ предубѣжденіяхъ. Мы воевали съ прусаками; зачѣмъ и для чего воевали, объ этомъ никто не заботился, и знали только, что если мы воевали съ прусаками, то значить, что они наши враги. Обнаруженіе дружбы къ прусакамъ представилось нашимъ предкамъ измѣною, бѣдою, хотя ни измѣны, ни бѣды никакой тутъ не было; нарушалось только предубѣжденіе, не основанное ни на чемъ дѣльнымъ. Но отъ этого нарушенія произошла перемѣна. А когда не нарушались предразсудки, могло дѣлаться все, что дѣбалось въ прошломъ вѣкѣ, и общество смотрѣло равнодушно, какъ будто не понимая, что дѣла эти касаются до него.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ Г. ЗАКРЕВСКАГО ОТНОСИТЕЛЬНО ВИННАГО АКЦИЗА.

Уничтоженіе откуповъ, рѣшенное правительствомъ, могло бы возбуждать разные вопросы, столь несомнѣнно разрѣшающіеся въ теоріи, что едва-ли можно и назвать ихъ вопросами. Напримѣръ, не представляется ли эпоха измѣненія гражданскихъ отношеній почти половины народа удобнѣйшею эпохою и для реформъ въ системѣ налоговъ? Выгодно ли для государства, или даже въ частности для бюджета государственныхъ доходовъ, чтобы главнѣйшимъ источникомъ доходовъ былъ налогъ на вино? Какіе напитки представляются болѣе полезными для народнаго здоровья? Каковы способы, могущіе содѣйствовать замѣненію ими не столь полезныхъ или прямо вредныхъ напитковъ въ народномъ употребленіи?—Теоретическое разрѣшеніе такихъ вопросовъ не представляетъ, какъ мы замѣтили, никакого затрудненія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы знаемъ, что имъ не придается никакого практическаго значенія, и разсуждать о нихъ теперь — значило бы разсуждать только для собственнаго удовольствія. Мы знаемъ, что если хотимъ говорить что нибудь могущее представиться сколько нибудь практическимъ, то по поводу рѣшеннаго въ принципѣ уничтоженія откуповъ надобно заниматься вопросами совершенно иного рода, изъ которыхъ главный состоитъ въ томъ, какъ установить такой акцизъ на вино и такой способъ взиманія этого акциза, чтобы сумма, равная нынѣшнему доходу съ откуповъ, могла доставляться хлѣбнымъ виномъ съ наименьшимъ возможнымъ обремененіемъ народа.

Я получилъ отъ г. Закревскаго для напечатанія въ „Современникѣ“ слѣдующую, весьма заслуживающую вниманія, записку объ этомъ предметѣ.

ЗАПИСКА Г. ЗАКРЕВСКАГО.

„Изъ официальныхъ свѣдѣній видно, что населенія губерній Великороссійскихъ, Ставропольской, Сибирскихъ и привилегированныхъ, вмѣстѣ съ населеніемъ казачьихъ земель, составляющія въ совокупности 57,000,000 душъ или 11,400,000 семействъ, считая 5 душъ на каждое, въ теченіе года потребляютъ вина до 54,000,000 ведръ, а съ перегарными градусами, отпускаемыми откупщикамъ изъ казенныхъ магазиновъ, и водками, выдѣлываемыми внутри государства, изъ винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, потребленіе спиртовой жидкости возрастаетъ до 60,000,000 ведръ въ полугарѣ; если же присчитать сюда то вино, которое скрывается отъ казны акцизными откупщиками, и то, которое вывозится съ заводовъ акцизно-откупными коммисіонерствами тайно, ограничивъ количество этого вина размѣромъ двадцати только

процентовъ на все вышелоказанное число ведръ, въ такомъ случаѣ годовою расходъ вина доходить уже до 72,000,000 ведръ въ полугарѣ.

„Всѣмъ извѣстно, что въ кабакахъ продается слабое вино, не полными мѣрами, по цѣнамъ отъ 5 до 10 р. включительно за ведро; что такого рода продажа вторглась уже и въ предѣлы такъ называемыхъ вольныхъ шинвовъ, посредствомъ свята ихъ въ арендное содержаніе акцизными и чарочными откупщиками; и что хорошо очищенное вино, высшіе сорта водокъ, наливки и настойки продаются въ откупныхъ заведеніяхъ и въ ренсковыхъ погребахъ отъ 15 до 30 и болѣе рублей за ведро, а въ трактирахъ отъ 30 до 150 р. за ведро.

„Ослабленіе крѣпости вина примѣсью воды до 20—30 и даже болѣе градусовъ недогара по спиртометру Гесса; неполнота разлива, доходящая въ мелкой посудѣ до $\frac{2}{10}$ у ведра; продажа: двухъ четвертей штофа за цѣну полуштофа, четырехъ четвертей штофа за цѣну штофа, и половины одной четверти штофа за половину своей цѣны, вмѣсто осмьюшки штофа *), а также двухъ штофовъ за цѣну четверти ведра, четырехъ штофовъ за цѣну полуведра и восьми штофовъ за цѣну ведра **); далѣе рядъ продѣлокъ со стороны целовальниковъ и повѣренныхъ, а именно: новый подливъ воды, обмѣры до половины, переборъ денегъ, отчеты и даже самое обкрадываніе покупателей при всякомъ удобномъ случаѣ,—суть факты, подлинность которыхъ легко можетъ быть проверена.

„Поэтому учетъ денегъ, расходуемыхъ населеніями за 72,000,000 ведръ полугара, надлежало бы основать на всѣхъ вышеприведенныхъ фактахъ, безъ уступки, для того, чтобы суммою обращенныхъ въ деньги—произвола откупщиковъ и продѣлокъ ихъ слугителей—опредѣлить степень значенія откупной системы и мѣру вліянія, оказываемаго ею на народную жизнь; но къ сожалѣнію, такой учетъ, уже по самому положенію откупныхъ дѣлъ, невозможенъ.

„А потому, и чтобы не возбудить недоумѣнія къ предлагаемому здѣсь дѣлу, допускаемъ, что ни сокрытія вина со стороны акцизныхъ откупщиковъ, ни тайнаго вывоза оного съ заводовъ со стороны акцизно-откупныхъ коммисіонерствъ не было, и что, слѣдовательно, годовою сбытъ этого вина не превышаетъ 60,000,000 ведръ; что всѣ суммы, слагающіяся отъ продажи питій какъ въ заведеніяхъ откупщиковъ, такъ равно въ погребахъ и трактирахъ—сверхъ 10 р. за ведро, идутъ на уравненіе въ цѣнѣ того вина, которое отпускается на порціи нижнихъ чиновъ по 3 р., съ тѣмъ, которое продается въ откупахъ отъ 5 до 10 р. за ведро; и что всѣ дѣйствія откупщиковъ и ихъ слугителей ограничиваются 20-ю только градусами пониженія крѣпости вина, неполнотію разлива на $\frac{1}{10}$ у ведра в продажею: двухъ четвертей штофа за цѣну полуштофа, четырехъ четвертей штофа за цѣну штофа и одной половины четверти штофа за половину своей цѣны, вмѣсто осмьюшки штофа, а также: двухъ штофовъ за цѣну четверти ведра, четырехъ штофовъ за цѣну полуведра и восьми штофовъ за цѣну ведра ***). Но при этомъ многоступчивомъ ограниченіи, откупщики изъ 60,000,000 ведръ полугара дѣлаютъ специальной водки 75,000,000 ведръ, заливаютъ ею посуды 83,333,333 ведра, а продаютъ за 104,166,667 ведръ, считая ведро по 7 р. 50 к. ****), на сумму 781,250,000 р.

„Четверть ржаной муки 9-ти пудоваго вѣса, дающая двойнаго спирта до 4 $\frac{1}{2}$ ведръ, принимая въ расчетъ десятикратную сложность рыночныхъ цѣнъ при всевозможныхъ урожаяхъ, стоитъ не дороже 2 р. 50 к.; но будемъ считать четверть хлѣба въ 3 р., а выходы спирта изъ четверти хлѣба въ 4 ведра или въ 8 ведръ полугара; слѣдовательно заводчики, продавая вино по 50 к. за ведро въ полугарѣ, имѣютъ отъ каждой четверти хлѣба по 1 р. сер., что составляетъ 33 $\frac{1}{3}$ %, на стоимость продукта,

*) Называемая закономъ четверть штофа, въ существѣ не четверть штофа, а пятая доля оного.

***) Ведро содержитъ въ себѣ 10 штофовъ, между тѣмъ какъ посуду эту простой народъ считаетъ осмьюшками, осмьюшками на томъ основаніи, что прежде ведро дѣлилось на 8-мь штофовъ.

****) Всѣ дѣйствія откупщиковъ по продажѣ вина приведены ими въ такую систему, которая ограждаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности по откупнымъ законамъ и въ случаяхъ даже разлада ихъ съ полицейскими властями, что впрочемъ бываетъ весьма рѣдко.

*****) 7 р. 50 к. средняя цѣна между цѣнами отъ 5 до 10 р. за ведро включительно.

крои барды. Этого, конечно, весьма достаточно для покрытия заводских расходов и для вознаграждения самого заводчика.

„Для выкурки 60,000,000 ведръ полугара потребно хлѣба 7,500,000 четвертей.

„Поэтому изъ суммы годового расхода населеній 781,250,000 р. с. поступаетъ:

„Въ доходъ казны, какъ это видно изъ печатныхъ свѣдѣнїя . 108,000,000 р.

„Въ пользу винокуренія съ 7,500,000 четвертей хлѣба, по 1 р.

съ каждой четверти 7,500,000 —

„Въ пользу земледѣлія за 7,500,000 четвертей хлѣба по 3 р. 22,500,000 —

А всего . . . 138,000,000 р.

„Остальные затѣмъ 643,250,000 руб. поглощаются бесполезными откупными расходами, бесполезною арендною платою за шинки и бесполезными прибылями откупщиковъ.

„Каждая четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходится населеніямъ въ 104 р. 16 к., что составляетъ 3,470⁰/₁₀₀ на стоимость продукта; на каждое семейство приходится въ годъ спиртовой жидкости въ полугарѣ 5²⁶²/₁₀₀₀ ведра на 68 р. 53 к., а въ сутки 1⁴/₁₀₀₀ ведра на 19 к. — Тутъ и одному пить нечего. Слѣдовательно, довольствоваться виномъ недостаточному семейству (а ихъ огромное большинство) нѣтъ возможности; остается одно изъ двухъ: или вовсе не пить, или пьянствовать.

„Предположимъ теперь, что, вмѣсто настоящихъ откупныхъ системъ, на всѣ вышеозначенныя населенія была бы распространена система свободной торговли трехпробнымъ виномъ въ 30 градусовъ перегара по спиртометру Гесса. и что, на основаніи этой системы, акцизная пошлина, въ размѣрѣ 2 р. съ ведра въ полугарѣ, взымалась бы при выпускѣ вина съ заводовъ; вино это развозилось бы свободно, безъ ярлыковъ; правительство было бы совершенно обезпечено, какъ въ правильномъ сборѣ акцизной пошлины, такъ и въ полномѣрной продажѣ вина безъ пониженія установленной крепости, такимъ строемъ порядка, который нисколько не противорѣчилъ бы принципу свободнаго винокуренія в свободной торговли виномъ *).

„Въ такомъ положеніи дѣла, покупка трехпробнаго вина изъ первыхъ рукъ съ акцизомъ, на основаніи вышеупомянутаго расчета, обходилась бы потребителямъ и промышленникамъ въ 3 р. 25 к., за ведро, а изъ рукъ промышленниковъ, прибавляя въ этой цѣнѣ 30⁰/₁₀₀ на расходы по перевозкѣ товара и найму торговыхъ помѣщеній, 4 руб. 22¹/₂ к. за ведро.—Поэтому нѣтъ сомнѣнїя, что потребители и фабрикатеры разныхъ издѣлій изъ вина и спирта обращались бы за покупкою вина преимущественно на заводы, и стало бытъ большая часть онаго приобретаема была ими въ 3 р. 25 к. за ведро, а потому средняя продажная цѣна вину никакъ не превышала бы 3 р. 75 к. за ведро. Слѣдовательно, на сумму теперешняго расхода населеній 781,250,000 р. продавалось бы трехпробнаго вина 208.333.333 ведра, а въ полугарѣ 270,833,333 ведра, для котораго требовалось бы хлѣба 33,854,166 четвертей. Изъ выручаемой же за это вино суммы 781,250,000 р. поступало бы:

„Въ доходъ казны акциза съ 270,833,333 ведръ полугара, по 2 р. съ ведра 541,666,666 р. **).

„Въ доходъ земледѣлія за 33,854,166 четвертей хлѣба, считая каждую въ 3 р. 101,562,498 „ ***).

„Въ прибыль заводчиковъ и на расходы ихъ по винокурению, считая по 1 р. съ четверти. 33,854,166 „ ****)

*) Подъ вліяніемъ втекающей изъ свободной торговли конкуренціи, заводчики и винопромышленники монополизировать продажныхъ цѣвъ на вино не могутъ; но отъ пониженія установленной крепости вина и продажи онаго не полными мѣрами, никакая конкуренція спасти не въ силахъ, потому что недостатокъ жидкости въ мелкомъ разливѣ на десять процентовъ в ва столько же ослабленіе крепости вина, для какого бы то ни было опытнаго глаза и тонкаго вкуса, незамѣтны, между тѣмъ какъ подобная разница (не говоря уже о большей) составляетъ громадныя суммы.

**) Вмѣсто 108,000,000 р.

***) „ 22,500,000 „

****) „ 7,500,000 „

„Въ прибыль промышленниковъ и на расходы ихъ . . . 104.166,670 „ *)).

А всего . . 781,250,000 р.

„Четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходилась бы населеніямъ въ 23 р. 8 к. вмѣсто 104 р. 16 к.; ва каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина въ годъ $18^{276}/_{1000}$ ведра, вмѣсто $5^{282}/_{1000}$ ведра полугара, а въ сутки одна обыкновенная бутылка въ двадцатую долю ведра, вмѣсто $1^{14}/_{1000}$ долей ведра, за тѣ же деньги.

„Но, можетъ быть, несмотря на значительность уступокъ, сдѣланныхъ нами въ пользу откупщиковъ и ихъ служителей, ставятъ отрицать правильность нашего учета, на томъ основаніи, что въ уцѣлѣвшихъ отъ откупной аренды вольныхъ шинкахъ привилегированныхъ губерній продается хорошее вино не дороже 1 р. 80 к. за ведро.

„Хотя число такихъ шинковъ, которые почему либо не вошли еще въ составъ общей откупной монополіи, до того ничтожно, что всѣ они, вмѣстѣ взятыя, едва ля составляютъ двадцатую долю вошедшихъ; и поэтому, производимая въ нихъ продажа вина доступными цѣнами не можетъ уменьшить итога вышеозначеннаго учета на столько, на сколько увеличился бы оный отъ обращенія въ деньги тѣхъ статей, которыя уступлены нами въ пользу откупныхъ дѣйствій; но чтобъ не дать повода и къ подобнымъ возраженіямъ, мы рѣшаемся еще на одну огромную уступку, а именно на уступку 481,250,000 р., изъ суммы учтеннаго нами расхода 781,250,000 р. и, слѣдовательно, допускаемъ, что ни откупщики, ни ихъ служители, воды въ вино нисколько не подливаютъ, разливаютъ производить самый правильный, двухъ четвертей штофа по цѣнѣ полуштофа и двухъ штофовъ по цѣнѣ четверти ведра не отпускаютъ; словомъ, продаютъ вино въ законной крѣпости, законными мѣрами и не дороже 5 р. за ведро, стало быть и законными цѣнами, потому что установленная на улучшенный полугаръ цѣна, въ 4 р. 50 к. за ведро, съ укупоркою достигаетъ 5 р. **); но и въ такомъ случаѣ изъ выручаемыхъ за 60,000,000 ведръ 300,000.000 р. денегъ, только 138,000,000 р., а именно: доходъ казны, покупка хлѣба для винокурения и заводское производство, составляютъ предметъ необходимаго расхода, а остальные затѣмъ 162,000,000 р. теряются бесполезно.

„На этотъ разъ четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходится населеніямъ въ 40 р.; на каждое семейство приходится въ годъ вина $5^{263}/_{1000}$ ведра, на 26 р. $31^{1/3}$ к., а въ сутки $1^{14}/_{1000}$ ведра, ва $7^{1/4}$ к.

„Но если бы, при годовомъ расходѣ населеній въ 300,000,000 р. у насъ, вмѣсто откуповъ, существовала такая же система свободной торговли виномъ, какую привели мы прежде, при расходѣ этихъ населеній въ 781,250,000 р., съ тою только разницею, что размѣръ акциза не превышалъ бы 50 к. съ ведра въ полугарѣ, то трехпробное вино, судя по цѣнамъ на хлѣбъ, продавалось бы изъ первыхъ рукъ не дороже 1 р. 30 к. за ведро, а изъ рукъ промышленниковъ, съ прибавленіемъ 30%, не дороже 1 р. 70 к., такъ что средняя продажная цѣна на это вино ни въ какомъ случаѣ не превышала бы 1 р. 50 к. за ведро; слѣдовательно, трехпробнаго вина продавалось бы 200,000,000 ведръ, для котораго требовалось бы хлѣба 32,500,000 четвертей, а изъ выручаемыхъ за вино въ теченіе года денегъ 300,000,000 р. поступало бы: въ доходъ казны 130,000,000 р., вмѣсто 108,000,000 р.; въ пользу земледѣлія за хлѣбъ 97,600,000 р., вмѣсто 22,500,000 р.; въ пользу заводчиковъ и на расходы ихъ по винокурению 32,500.000 р., вмѣсто 7,500,000 р.; въ пользу промышленниковъ и на расходы ихъ 40,000,000 р., вмѣсто 162,000,000 р., поглощаемыхъ откупными расходами, арендною платою за шинки и прибылями откупщиковъ; четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходилась бы населеніямъ въ 9 р. 23 к., вмѣсто 40 р.: на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина $17^{43}/_{1000}$ ведра, вмѣсто $5^{282}/_{1000}$ ведръ полугара, а въ сутки почти полная бутылка, вмѣсто $1^{14}/_{1000}$ долей ведра, за одну и тѣ же сумму расхода.

*) Вмѣсто 643,250,000 р., поглощаемыхъ откупными расходами, арендною платою за шинки и прибылями откупщиковъ.

***) Всякое ведро вина, принятое откупщиками Великорусскихъ губерній изъ казны въ порцію, обходится имъ съ платежемъ акцизной суммы 5 р. 45 в. безъ откупныхъ расходовъ

„Здѣсь довольство народа очевидно, а поводовъ къ пьянству вовсе нѣтъ: и полная бутылка хорошаго вина въ 7¹/₂ к. за столомъ семейства труженника, въ теченіе дня, конечно, израсходовалась бы, частью въ обыкновенномъ видѣ, частью же въ видѣ домашней наливки или настойки, не съ вредомъ для нравственности, а съ пользою для жизни и здоровья всѣхъ членовъ этого семейства. Кромѣ того, вино необходимо для порціи войскъ, для дѣланія лака, политуры, уксуса, освѣтительнаго газа, гофманскихъ капель, одеколона, духовъ и проч.; оно нужно: аптекамъ, больницамъ, химическимъ лабораторіямъ, фотографическимъ заведеніямъ, сахарнымъ заводчикамъ и на разное домашнее употребленіе; въ немъ неизбѣжны: усышка, уточка, дорожная трата; оно теряется при очисткѣ чрезъ песокъ и уголь и угораеть при перегонкѣ на спиртъ, нужный для дѣланія высшихъ сортовъ водокъ и другихъ издѣлій.

„Если бы система свободной торговли виномъ, при акцизѣ въ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, была распространена, кромѣ вышеозначенныхъ населеній, на Закавказскій край, Остзейскія губерніи и на округа сибирскихъ киргизовъ, въ такомъ случаѣ, на 60,000,000 всѣхъ жителей, составляющихъ 12,000,000 семействъ, полагая въ сутки по одной бутылкѣ, потребовалось бы вина 219,000,000 ведръ въ годъ, да на порцію войскамъ, лакъ, политуру, уксусъ и на всѣ другія издѣлія, съ неизбѣжными тратами, хотъ 21.000,000 ведръ, а всего 240,000,000 ведръ трехпробнаго вина; въ полугарѣ же 812,000,000 ведръ, для котораго расходовалось бы хлѣба 39,000,000 четвертей, а изъ выручаемой за вино въ теченіе года суммы 360,000,000 р. обращалось бы:

„Въ доходъ казны: акцизной пошлины съ 312,000,000 ведръ полугара по 50 к.	156,000,000 р.
„Въ доходъ земледѣлія за 39 мил. четвертей, хлѣба, считая каждую въ 3 р.	117,000,000 „
„Въ пользу винокуренія, съ 39,000,000 четвертей, считая по 1 р. съ каждой четверти хлѣба.	39,000,000 „
„Въ пользу промышленниковъ и на расходы ихъ	48,000,000 „
А всего	360,000,000 р.

„Но допустимъ, что годовой сбытъ трехпробнаго вина по всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Фляндскаго, будетъ ограничиваться количествомъ 200,000,000 ведръ *), а денежный расходъ на покуку этого вина суммою въ 300,000,000 р.; въ такомъ случаѣ доходъ казны отъ одного вина, не касаясь пива и меда, будетъ составлять 130,000,000 р.; *сбытъ хлѣба внутри страны, собственно для винокуренія, разовьется до 32,500,000 четвертей; оборотъ денежныхъ суммъ сосредоточится на винокуренныхъ заводахъ, съ акцизомъ до 260,000,000 р. а польза промышленниковъ, съ ихъ расходами, дойдетъ до 40,000,000 р. Вина будетъ приходиться на каждое семейство собственно для питья, 15 ведръ, а денежнаго расхода 22 р. 50 к. въ годъ или 6¹/₂ к. въ сутки.

„Установленіе акцизной пошлины въ размѣрѣ, превышающемъ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, при настоящемъ быту населеній нашихъ, вошло бы въ несогласіе съ законами экономіи; постепенное же возвышеніе этой пошлины, по мѣрѣ улучшенія народной жизни въ степени, не уменьшающей сбыта вина, было бы дѣломъ глубокаго и плодотворнаго разсчета.

„Никто не сомнѣвается, что допущеніе свободной торговли виномъ при условіяхъ, недопускающихъ злоупотребленій по сбору акцизной пошлины и устраняющихъ возможность пониженія крѣпости вина и неполномѣрности при продажѣ онаго, необъяснимо полезно; но безъ этихъ условій, реформа въ дѣлѣ питейныхъ откуповъ будетъ, въ отношеніи казны, не лучше настоящей откупной системы.

„Единственно-возможное средство къ положительному устраненію злоупотребленій по сбору акцизной пошлины и огражденію вина отъ пониженія установленной крѣ-

*) Изъ 200,000,000 ведръ, 180,000,000 ведръ предполагается на расходъ для питья, а остальные 20,000,000 ведръ для порціи войскъ, на дѣланіе лака, политуры, освѣтительнаго газа и на всѣ другіе расходы.

пости и обмѣровъ при продажѣ онаго, заключается лишь въ такомъ виномѣрномъ снарядѣ, который, въ примѣненіи своемъ къ винокуренному заводу, показывалъ бы во всякое время: сколько выкурено вива или спирта и въ какой крѣпости; а въ примѣненіи къ продажѣ вина не допускалъ бы ни обмѣровъ, ни отпусковъ онаго, ниже установленной крѣпости.

„Изобрѣтенный купцомъ Закревскимъ снарядъ вполне удовлетворяетъ всѣмъ вышеобъясненнымъ условіямъ. Основанная на этомъ снарядѣ система свободной торговли виномъ, съ неограниченнымъ числомъ мѣстъ продажи онаго и возможно-дешевымъ правомъ на вивопрмышленность. будетъ до того правильна и по послѣдствіямъ своимъ благотворна, что примѣру ея станутъ охотно слѣдовать и другія просвѣщенные правительства.

„Опытъ надъ снарядомъ Закревскаго можетъ быть произведенъ здѣсь въ С.-Петербургѣ: въ отношеніи контроля винокуренія, на одномъ изъ водочныхъ заводовъ; а въ отношеніи продажи вина, въ одномъ изъ питейныхъ домовъ.

„Благонамѣренныя изъ капиталистовъ, сочувствуя дѣлу свободной торговли трехпробнымъ виномъ, изъявляютъ готовность свою застраховать акцизный доходъ казны, въ мѣрѣ нынѣшняго дохода ея отъ откуповъ, за весьма умѣренную премію, если вмѣстѣ съ распространеніемъ этой торговли по всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, установлена будетъ норма акцизной пошлины не менѣе 50 к. съ ведра въ полугарѣ; а для контроля винокуренныхъ заводовъ и огражденія самой продажи вива отъ обмѣровъ в понижешія установленной крѣпости, приняты будутъ настолько дѣйствительныя мѣры, на сколько представляетъ въ этомъ ручательства снарядъ Закревскаго, хотя бы въ такомъ случаѣ правительству угодно было производить сборъ акциза посредствомъ своихъ чиновниковъ.

„Примѣчаніе. Такого рода способъ застрахованія акцизнаго дохода предполагается въ томъ только предположеніи, что, можетъ быть, правительство не пожелаетъ на первый разъ принять на себя всѣ послѣдствія этого новаго дѣла, не сдѣлавши предварительно основательнаго опыта, а не потому, что застрахованіе необходимо: оно, кромѣ этого случая, при учетѣ заводовъ и продажѣ вина посредствомъ означенныхъ снарядовъ, безнужно.

„Назначенія акцизной пошлины съ вива и меда, вывариваемыхъ на заводахъ—въ размѣрѣ 20 к. съ ведра; съ вывариваемыхъ же домашнимъ образомъ—въ размѣрѣ 10 к. съ ведра, и отдача права сбора этой пошлины, на первый разъ, съ торговъ по городамъ, принесетъ казнѣ новый, весьма значительный доходъ; а свободное пиво и медовареніе и свободная торговля этими напитками будутъ въ свою очередь способствовать развитію сельскаго хозяйства и промышленности.

„P. S. Въ доказательство несостоятельности нынѣ дѣйствующихъ откупныхъ системъ, допустимъ еще то предположеніе, что вышеозначенное количество вина 60,000,000 ведръ въ полугарѣ, расходуемое между населеніями губерній Великороссійскихъ, Ставропольской, Сибирскихъ и привилегированныхъ и въ землѣ казачьихъ войскъ, продается уже не по 5, а только по 4 р. за ведро; что поэтому денегъ въ теченіе года для покупки вина издерживается всего только 240,000,000 р., что, независимо отъ этого, Закавказскій край, Остзейскія губерніи и округа Сибирскихъ киргизовъ расходуютъ денегъ на тотъ же предметъ не болѣе 10,000,000 р. въ годъ; и что, слѣдовательно, весь расходъ населеній цѣлой имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, ограничивается суммою въ 250,000,000 р.

„Но и въ такомъ случаѣ на эту сумму 250,000,000 р., при свободной торговлѣ трехпробнымъ виномъ, съ пошлиною въ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, расходовалось бы трехпробнаго вина 166,666.667 ведръ, а въ полугарѣ 216,666,667 ведръ, для выкурки котораго требовалось бы хлѣба 27,083,333 четверти.

„Слѣдовательно, изъ вырученной за это вино въ теченіе года суммы 250,000,000 р. поступало бы: въ доходъ казны акцизной пошлины, не касаясь ни пива, ни портера, ни меда, ни браги, ни сусла, ни медоваго кваса, ни лака съ политурой, ни патентнаго сбора, ни погребщиковъ съ трактирщиками, 108,333,333 р. 50 к. стало быть, не менѣе того ея дохода, который ноступаетъ нынѣ съ откуповъ; въ пользу земледѣ-

лѣл за хлѣбъ 81,250,000 р., вмѣсто теперешнихъ 22,500,000 р.; въ пользу заводчиковъ 27,083,333 р., вмѣсто теперешнихъ 7,500,000 р.; въ пользу винопромышленниковъ 33,333,333 р. 50 к., вмѣсто теперешняго миллиарда (если все считать по фактамъ), поглощаемого бесполезными откупными расходами, бесполезною арендною платою за шинки и бесполезными прибылями откупщиковъ.

„Предполагая, что изъ означенныхъ 166,666,667 ведръ, собственно для питья расходовалось бы 150,000,000 ведръ, а остальные 16,666.667 ведръ употребились бы на лакъ, политуру, уксусъ и на всѣ другія потребности,—на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина для питья въ годъ 12¹/₂ ведръ на 18 р. 75 к., а въ сутки ²/₃ бутылки на 5 копѣекъ.

„И при всемъ этомъ, пагубнаго по своимъ послѣдствіямъ корчемства, конечно, не было бы; а погребщики и хозяева тракторныхъ заведешій, свободные отъ откупнаго гнета, не продавали бы такъ дорого предметовъ своего промысла“.

Передавая мнѣ свою записку, г. Закревскій выразилъ согласіе на то, чтобы я, если найду нужнымъ, тутъ же выразилъ и свое мнѣніе о ней. Пользуюсь этимъ правомъ. Читатель видитъ, что въ запискѣ г. Закревскаго находятся двѣ главныя мысли. Во-первыхъ, доказательство, что доходы, получаемые нынѣ казною отъ винной продажи, могутъ быть при уничтоженіи откуповъ доставлены акцизомъ несравненно меньшаго размѣра, чѣмъ какой предполагается нужнымъ для этой цѣли большую часть людей, занимавшихся вопросомъ о сохраненіи нынѣшняго дохода отъ вина казнѣ съ уничтоженіемъ откуповъ. Во-вторыхъ, г. Закревскій предлагаетъ техническое средство, предотвращающее, по его убѣжденію, всякую возможность отнять у казны часть акцизнаго сбора утайкою въ количествѣ продаваемаго вина или обманомъ въ крѣпости вина.

Въ первой мысли надобно согласиться съ авторомъ напечатанной нами записки, и дѣлая свои замѣчанія на нее, мы имѣемъ цѣлью только разъясненіе выводовъ, представляемыхъ г. Закревскимъ.

Онъ начинается гѣмъ, что, основываясь на официальныхъ данныхъ о количествѣ потребляемаго вина и на извѣстныхъ оборотахъ, употребляемыхъ агентами откуповъ при его продажѣ, вычисляетъ, какую массу денегъ стремится откупъ взять съ народа за продаваемое вино. Цифра выходитъ изумительная, — болѣе 780,000.000 рублей серебромъ. Конечно, не слѣдуетъ понимать слова г. Закревскаго такъ, что продавцы вина при откупной системѣ получаютъ въ дѣйствительности такую сумму за вино, — она по всей вѣроятности далеко превышаетъ собою то количество денегъ, какое въ состояніи заплатить народъ. Она только опредѣляетъ собою размѣръ стремленій откупа; а въ какой степени достигаются эти стремленія, зависитъ уже просто отъ матеріальной возможности народа удовлетворить имъ. Если народъ въ силахъ заплатить за вино только 400 милліоновъ, откупъ получить 400 милл.; если народъ не въ силахъ заплатить и этого, а имѣетъ въ своихъ рукахъ лишь 350 милліоновъ, — откупъ возьметъ 350 милл.; но если народъ имѣетъ силу выплатить не 350, не 400, а 500 или 550 милл., откупъ получить 500 или 550 милліоновъ; получить и больше, если народъ можетъ заплатить больше; словомъ сказать: полученіе денегъ до суммы 780 милліоновъ за продажу вина ограничивается только средствами уплаты со стороны народа, а не недостаткомъ права откупа брать ихъ. При существующихъ откупныхъ пріемахъ народъ подлежитъ требованію со стороны откупа въ 780 милліоновъ; если откупъ

береть меньше, это лишь значить, что должникъ его за продаваемое вино, народъ, не имѣть въ данное время средствъ заплатить болѣе, и каждое увеличеніе народныхъ средствъ ведетъ только къ увеличенію суммы, получаемой съ него откуномъ.

Но сколько же денегъ берется съ народа откупомъ при нынѣшней невозможности народа уплатить всю сумму, до какой можетъ простираться требованіе откупа въ полномъ своемъ развитіи? Откупъ не получаетъ всего, чего требуетъ по своей натурѣ; но сколько же получаетъ онъ? Точной цифры нельзя тутъ опредѣлить, потому что она могла бы оказаться лишь изъ вѣрныхъ показаній всѣхъ откупщиковъ о количествѣ получаемыхъ ими за вино денегъ, а давать такія показанія было бы противно ихъ интересу. Они никакъ не захотятъ открыть свои счета. Но еслибъ они и захотѣли, мы все таки узнали бы не всю сумму, какую платитъ народъ за вино, а лишь ту часть этой суммы, которая доходить въ руки откупщиковъ; между тѣмъ сверхъ этой части есть другая часть, не доходящая до ихъ рукъ. Агенты откупщиковъ утаиваютъ отъ нихъ часть денегъ, выручаемыхъ продажей вина; каждый кабакъ есть нѣчто въ родѣ аренды, и откупщикъ знаетъ только, сколько платится ему за аренду, во не знаетъ въ точности, сколько получаетъ арендаторъ, — сидѣлецъ кабака. Опредѣлить все количество денегъ, дѣйствительно выплачиваемыхъ народомъ за вино, никто не въ состояніи. За то, по крайней мѣрѣ, можно найдти цифру, о которой каждый скажетъ, что она необходимо должна быть гораздо меньше всей суммы, платимой народомъ за вино. Г. За-вревскій находить, что по самымъ откупнымъ условіямъ откупъ продаетъ 60 миліоновъ ведръ вина (по переложенію разныхъ сортовъ вина въ полугаръ); по самымъ откупнымъ условіямъ ведро полугара до истощенія пропорціи 60 милл. ведръ не можетъ продаваться дешевле 5 р. сер.; это составляетъ 300 милл. руб. серебромъ. Такова была бы сумма, платимая народомъ за вино, еслибы откупъ продавалъ его не болѣе 60 милл. ведръ, елибъ онъ продавалъ ведро полугара не выше 5 руб. сер. и елибъ не употреблялись при продажѣ никакіе способы получить за проданное количество вина больше денегъ, чѣмъ приходилось бы получить по объявленной цѣнѣ. Но каждому извѣстно, что откупъ продаетъ вина больше пропорціи, оказывающейся по откупнымъ условіямъ, что продажная цѣна ведра полугара бываетъ объявляема выше 5 рублей и что наконецъ разными средствами, изъ которыхъ главныя — недомѣръ и пониженіе крѣпости, агенты откупа успѣваютъ получить за ведро вина сумму больше той, какая объявлена продажною цѣною его. Такимъ образомъ необходимо должно быть, что за вино берется у народа больше той суммы, какая выходила бы изъ продажи только 60 милл. ведръ полугара, только по 5 р. за ведро и безъ всякой фальши при продажѣ. 300 милліоновъ р. сер. — такая цифра, которая несомнѣнно меньше суммы, дѣйствительно платимой народомъ за вино.

При невозможности открыть истинную величину суммы, употребляемой народомъ на покупку вина, г. Закревскій основываетъ свои дальнѣйшіе разчеты на этомъ количествѣ 300 милл. руб. сер., которое, какъ для всякаго очевидно, меньше истинной цифры. Онъ находить, что даже и эта сумма, меньшая дѣйствительной суммы, уже даетъ полную возможность казнѣ получить отъ продажи вина доходъ не меньшей или, вѣрвѣе сказать, болшій нынѣшняго, при обложеніи вина акцизомъ, несравненно меньшимъ не только акциза, платимаго нынѣ откупщиками съ ведра, но и тѣхъ нормъ акциза, какія предполагались или предполагаются почти

вѣми другими лицами, занимавшимися вопросомъ о винной акцизѣ. Читателю извѣстно, что многія изъ этихъ лицъ считаютъ для сохраненія нынѣшняго дохода казны необходимымъ установить акцизъ не меньше 2 р. сер. съ ведра полушара; многіе находятъ, что и эта цифра еще слишкомъ мала для гарантированія нынѣшняго дохода, что онъ будетъ обезпеченъ только акцизомъ въ 2 р. 50 к. Сколько мы знаемъ, никто изъ писавшихъ о винномъ акцизѣ не считалъ возможнымъ предложить цифру, меньшую одного рубля сер.—одинъ рубль, ниже этого не отваживались спускать акцизъ даже писатели, наиболѣе желавшіе установленія цѣны вина, какъ можно менѣе высокой. Г. Закревскій находитъ, что для обезпеченія казны нынѣшняго дохода отъ винной продажи или, вѣрнѣе говоря, дохода, довольно много превышающаго нынѣшній, достаточенъ акцизъ въ 50 к. сер. съ ведра полушара.

Мы не будемъ слѣдовать за нимъ въ расчетахъ, на которыхъ основана у него цифра акциза именно въ 50 к. сер. Тутъ можно сказать многое и за и противъ. Первый возраженіемъ въ мысли каждаго должно представиться, что г. Закревскій выводитъ свою цифру акциза въ соответствии съ среднею цѣною хлѣба по сложности послѣднихъ десяти лѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предполагаетъ (какъ и на самомъ дѣлѣ должно быть), что съ громаднымъ пониженіемъ цѣны вина при акцизѣ, имъ предлагаемомъ, потребленіе вина очень значительно увеличится, т. е. очень значительно увеличится и количество хлѣба, требуемаго заводами на выдѣлку вина; естественно рождается мысль, что при громадномъ увеличеніи запроса на хлѣбъ для винокуренія (до 20 или 30 мил. четвертей сверхъ нынѣшняго запроса) значительно поднимется цѣна хлѣба. А если поднимется цѣна хлѣба, то и заводчики не будутъ въ состояніи поставлять вино по цѣнѣ, нынѣ для нихъ выгодной; слѣдовательно, при данномъ акцизѣ цѣна вина будетъ выше предполагаемой г. Закревскимъ; а если такъ, то на сумму, какую по его расчету платитъ народъ за вино, будетъ куплено меньше ведръ, чѣмъ предполагаетъ г. Закревскій; стало быть, для сохраненія данной цифры казеннаго дохода окажется необходимымъ акцизъ выше предполагаемаго г. Закревскимъ. Такое заключеніе съ перваго же взгляда будетъ сдѣлано каждымъ: но нельзя сказать, чтобы оно имѣло безспорную несомнѣнность. Во-первыхъ, можно спорить даже противъ того, что цѣна хлѣба значительно поднимется отъ увеличенія запроса его на винокуреніе. Есть у насъ очень много мѣстностей, которыя безъ увеличенія нынѣ существующей въ нихъ цѣны легко стануть производить количество хлѣба, несравненно большее нынѣшняго, лишь бы нашлся сбытъ ему,—мѣстностей, которыя задерживаются въ увеличеніи своего хлѣбаго производства не невозможностію производить больше хлѣба по нынѣшнимъ цѣнамъ, а просто лишь невозможностію сбыть увеличенное количество хлѣба по какимъ бы то ни было цѣнамъ. На этомъ основаніи можно думать, что цѣна хлѣба въ сложности для всей Россіи возрасла бы далеко не въ такой значительной степени, какъ увеличился бы запросъ на него для винокуренія. Г. Закревскій можетъ указать, что уже сдѣлалъ слишкомъ достаточное удовлетвореніе этому предполагаемому возвышенію цѣны хлѣба, принявъ за основаніе своихъ расчетовъ цѣну четверти ржи—3 р. с., вмѣсто получаемой по десятилѣтней сложности дѣйствительной цѣны—2 р. 50 к. Представляются и другія соображенія. Г. Закревскій основываетъ расчетъ на выдѣлкѣ вина изъ ржи; но рожь самый дорогой изъ матеріаловъ винокуренія; при выдѣлкѣ вина изъ карто-

феля оно обходится дешевле. Увеличить воздѣлываніе картофеля очень легко безъ повышенія цѣны этого матеріала.

Но главное дѣло въ томъ, что если и принять въ полной силѣ возраженіе, основанное на вѣроятномъ повышеніи цѣны хлѣба при увеличившемся запросѣ на него для выдѣлки вина, выводы г. Закревскаго ни мало не поколеблются. Въ самомъ дѣлѣ, онъ опредѣляетъ продажную цѣну вина такой высоты, которая допускаетъ очень большое возвышеніе цѣны хлѣба, и точно такъ же достаточна для покрытія излишка расходовъ заводчика на тотъ случай, если бы сказали мы, что у г. Закревскаго принять чрезмѣрно большой выходъ по 8 ведръ полушара изъ одной четверти ржи. Сущность вопроса для выводовъ г. Закревекаго о количествѣ ведръ вина, съ какого будетъ собираться акцизъ, зависитъ непосредственнымъ образомъ отъ продажной цѣны вина, а онъ считаетъ ее на заводѣ въ 1 р. 30 в. сер. за ведро полушара съ акцизомъ въ 50 к. сер., то есть въ 80 к. сер. за ведро полушара при вычетѣ акциза. Нѣтъ сомнѣній, что въ большей части Европейской Россіи ведро полушара будетъ обходиться заводчикамъ дешевле 80 к., даже при значительномъ повышеніи цѣны хлѣба противъ среднихъ нынѣшнихъ. А при свободной продажѣ вина и свободѣ винокуренія, конечно винокуреніе сосредоточилось бы главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна хлѣба низка. Такимъ образомъ, хотя бы мы и положили выходъ вина, значительно меньшій противъ полагаемаго г. Закревскимъ, а цѣну хлѣба значительно выше противъ принимаемой имъ, мы все-таки должны сказать, что при акцизѣ 50 к. заводчики будутъ продавать вино не выше 1 р. 30 к., а для выводовъ г. Закревскаго только и нужно согласіе на эту цифру.

Наконецъ, елибъ мы и нашли стоимость ведра полушара менѣе 80 к. безъ акциза для заводчика слишкомъ малою, — чего мы не имѣемъ основаній думать, — все-таки какую бы другую цифру этой стоимости ни захотѣли мы предположить, никакое правдоподобное возвышеніе ея не будетъ имѣть чувствительнаго вліянія на количество продаваемаго вина. Никто не захочетъ сказать, что можно ожидать стоимости ведра полушара безъ акциза заводчику въ 1 р., — такая стоимость невѣроятна по чрезмѣрной высотѣ. Но и при этой цѣнѣ вино, по оплатѣ акциза, предлагаемаго г. Закревскимъ, стало бы продаваться изъ первыхъ рукъ только по 1 р. 50 к. с. А при такой цѣнѣ продаваемое количество не было бы чувствительнымъ образомъ меньше количества, какое продавалось бы при цѣнѣ 1 р. 30 к., предполагаемой г. Закревскимъ. Высшая цѣна, 1 р. 50 к., все-таки была бы еще такъ легка, что не отозвалась бы сколько нибудь замѣтнымъ сокращеніемъ потребленія, соразмѣрнаго дѣйствительной потребности.

Но совершенно иной вопросъ, могла ли бы дѣйствительная потребность въ винѣ, при какой бы то ни было низкой цѣнѣ его, достигать размѣра, нужнаго для того, чтобы сохранился нынѣшній доходъ казны при величинѣ акциза только въ 50 в. Винный доходъ казны составляетъ нынѣ около 1 р. 75 к. съ cadaго человѣка всего населенія (при 60 милл. населенія больше 100 милл. рублей). Итакъ, при акцизѣ въ 50 к. нужно было бы потребленіе въ $3\frac{1}{2}$ ведра на cadaго жителя, — цифра, вѣроятно, въ два раза большая нынѣшняго дѣйствительнаго потребленія (по официальнымъ даннымъ, составленнымъ на основаніи количества, продаваемаго откупщиками извѣстнымъ казнѣ образомъ, потребленіе вина овазывается даже только около 1 ведра на человѣка; но и правительству и каждому изъ насъ

известно, что въ действительности откупъ продаетъ гораздо большее число ведръ, чѣмъ показываетъ). При пониженіи цѣны, столь громадномъ, какъ предполагаетъ г. Закревскій, конечно должно въ огромной пропорціи увеличиться количество продаваемого вина; но увеличится ли оно вдвое, какъ нужно по расчету г. Закревскаго, это сказать трудно. Если надо уже произносить рѣшеніе на основаніи однихъ только соображеній, при отсутствіи положительныхъ основаній, то скорѣе можно сказать „нѣтъ“, чѣмъ „да“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что увеличеніе будетъ значительное, но едва ли дойдетъ оно до $3\frac{1}{2}$ ведръ на человѣка.

Впрочемъ, опять-таки мало важности въ томъ, вѣроятна или не вѣроятна именно та цифра потребленія вина, какую предполагаетъ г. Закревскій. Уменьшайте ее до какихъ угодно предѣловъ, все-таки вы получите выводъ, что для сохраненія казнѣ нынѣшняго дохода достаточенъ акцизъ, не многими превышающій величину акциза, предлагаемую авторомъ записки. Вина теперь продается безъ всякаго сомнѣнія до 100 милліоновъ ведръ, а по всей вѣроятности больше. Стало быть, если бы отъ пониженія цѣны вовсе не увеличилось потребленіе вина, былъ бы достаточенъ для сохраненія дохода казны акцизъ въ 1 руб. сер. Но даже при цѣнѣ около 2 р. за ведро, какая была бы при акцизѣ въ 1 р., потребленіе стало бы гораздо больше нынѣшняго, значить такой акцизъ не необходимъ, и можно удовольствоваться акцизомъ меньшаго размѣра. Быть можетъ 50 коп. съ ведра мало для сохраненія казеннаго дохода, быть можетъ нуженъ для этого акцизъ въ 70 или 75 коп., но во всякомъ случаѣ достаточенъ акцизъ, гораздо меньшій 1 р. сер., который понадобился бы лишь въ предположеніи, что продажа вина не увеличится при огромномъ пониженіи его цѣны, то есть при предположеніи явно неосновательномъ.

Намъ кажется, что нельзя съ точностію опредѣлить, на сколько ниже 80 или 75 коп. можетъ стать акцизъ при сохраненіи нынѣшняго дохода казны; но вѣроятно онъ можетъ спуститься ниже этихъ цифръ. Если казна не должна рисковать ничѣмъ въ этомъ случаѣ и если съ тѣмъ вмѣстѣ она не хочетъ увеличивать нынѣшняго своего дохода отъ налога на предметъ первой необходимости, то, не рискуя ничѣмъ, можно было бы опредѣлить акцизъ на первый разъ около 75 к. сер. съ ведра полушара, а потомъ постепенно понижать его, по мѣрѣ того, какъ опытомъ будетъ обнаруживаться достаточность низшихъ цифръ *).

*) Прочитавъ эту статью въ корректурѣ, г. Закревскій сдѣлалъ, въ подтвержденіе вѣрности своихъ расчетовъ, слѣдующія замѣчанія на выраженныя мною сомнѣнія:

„Въ числѣ 60 милл. ведръ полушара заключается до 25 мил. ведръ трехпробнаго, а въ полушарѣ до $32\frac{1}{2}$ мил. ведръ продающагося собственно въ привилегированныхъ губерніяхъ на 17 мил. жителей этихъ губерній; остальное же затѣмъ вино и водки, въ количествѣ $27\frac{1}{2}$ мил. ведръ въ полушарѣ, продается на 40 милліоновъ жителей великороссійскихъ, Старопольской и сибирскихъ губерній, въ совокупности съ жителями земель калачныхъ. Слѣдовательно на cadaго жителя привилегированныхъ губерній приходится въ годъ вина въ полушарѣ 1,91 ведра, а на жителя великороссійскихъ, Старопольской и сибирскихъ губерній и земель князечихъ всего только 0 61 ведра.

„Столь рѣзкая разница въ сбытѣ вина происходитъ отъ того единственно, что уцѣлѣвшая въ привилегированныхъ губерніяхъ нѣкоторая часть вольныхъ шинковъ отъ аренды акцизныхъ и чарочныхъ откупщиковъ—не позволяетъ имъ поднять во всемъ томъ краѣ такихъ высокыхъ цѣнъ на вино, какія подняты ими въ великороссійскихъ губерніяхъ и вообще тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ соперничества: въ привилегированныхъ губерніяхъ продается вино такъ же дорого, какъ и во всѣхъ другихъ откупахъ, лишь въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ вольныхъ шинковъ, не подпавашихъ арендному содержанію. Или тамъ, гдѣ всѣ шинки сняты на аренду цѣлыми уѣздами; но въ тѣхъ арендныхъ шинкахъ, которые находятся въ близкомъ соседствѣ съ неарендованными, откупщики поневолѣ держатся сколько нибудь умѣренныхъ цѣнъ; однакожъ

Акцизъ въ 75 к. сер. ны находимъ не представляющій никакого риска для дохода казны, потому что онъ требуетъ увеличенія продажи всего лишь на $\frac{1}{3}$ противъ нынѣшняго дѣйствительнаго потребленія. Г. Закревскій выводитъ, что дѣйствительная продажа вина откупомъ превышаетъ нынѣ 100 мил. ведръ. Возможно ли предполагать, что съ пониженіемъ цѣны отъ 5 или 7 или даже отъ 10 р. сер. за ведро до 1 р. 55 коп. за ведро потребленіе его не увеличилось бы на одну третью часть? Трудно думать, что оно не увеличится въ пропорціи, болѣе значительной. А чѣмъ больше окажется оно, тѣмъ ниже можетъ стать акцизъ.

Стремленіе открыть возможность къ установленію малаго акциза составляетъ одну изъ двухъ главныхъ цѣлей записки г. Закревскаго, и въ этой первой цѣли мы совершенно ему сочувствуемъ. Никто изъ просвѣщенныхъ людей не сомнѣвается, что, чѣмъ ниже будетъ акцизъ на вино, тѣмъ больше выигрыша во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ земледѣльческомъ и вообще хозяйственномъ, но и въ нравственномъ. Совершенно лишнимъ дѣломъ было бы доказывать, что дешевизна вина, необходимаго въ нашемъ климатѣ, при характерѣ жилищъ, пищи и одежды нашихъ простолюдиновъ, не имѣетъ ничего общаго съ пьянствомъ, а напротивъ, имѣла бы результатомъ своимъ уменьшеніе этого зла, происходящаго отъ совершенно иныхъ причинъ и, въ томъ числѣ, именно отъ дороговизны вина. Это вещь извѣстная каждому, сколько нибудь занимавшемуся вопросами о народной жизни. Чѣмъ дешевле будетъ вино, тѣмъ меньше будетъ пьянства. Потому нельзя вмѣстѣ съ г. Закревскимъ не желать, чтобы установился какъ можно меньшій акцизъ. Очень можетъ быть, что съ теченіемъ времени откроется возможность понизить его до 50 к. сер., какъ предполагаетъ г. Закревскій; а теперь едва ли подлежитъ сомнѣнію практическая достаточность величины акциза, мало превышающей предлагаемую г. Закревскимъ.

Но условіемъ низкаго акциза служить то, чтобы казна не была обманываема въ количествѣ и качествѣ продаваемаго вина. Для полученія нынѣшняго дохода при акцизѣ отъ 50 к. до 1 руб. сер. съ ведра необходимо, чтобы каждое продаваемое ведро было оплачено авцизомъ, чтобы не продавалось народу одно ведро

эти ужѣренные цѣны отнюдь не ниже 3 и 4 рублей за ведро вина, ослабленнаго прирѣзомъ воды до недогара.

„Если въ привилегированныхъ губерніяхъ на 17 мил. жителей теперь, когда въ чарочныхъ откупахъ и въ большей части вольныхъ шинковъ, находящихся въ арендномъ содержаніи откупщиковъ, продается вино по такимъ же высокимъ цѣнамъ, по какія оно продается здѣсь и въ другихъ откупахъ, сбытъ онаго достигаетъ 32 милліоновъ ведръ въ полугодіе, то естественно, при цѣнѣ на трехпробное вино въ 1 р. 50 к. за ведро (выше которой съ акцизомъ въ 50 к. съ ведра продажи быть не можетъ), потребность онаго увеличится на 18 мил. и слѣдовательно вмѣсто 32 будетъ расходоваться 50 милліоновъ за несравненно меньшую сумму расходовъ населенія. А если неоспорима потребность въ 50 милліонахъ ведръ трехпробнаго вина на число населенія въ 17 милліоновъ, то на чемъ же можетъ быть основано сомнѣніе, что для населенія въ 60 милліоновъ одного в того же государства не разойдется 175 милліоновъ трехпробнаго вина?

„При цѣнѣ за четверть ржанаго хлѣба въ 3 р. всегда выгодно предавать вино съ заводомъ по 50 к. за ведро въ полугодіе. Доказательствомъ этого служить то, что въ вольныхъ шинкахъ, не подпавающихъ еще владѣчеству откупщиковъ, трехпробное вино и при теверевскомъ акцизѣ на оное въ 75 к. съ ведра продается по 1 р. 80 к. за ведро, слѣдовательно въ изъ первыхъ рукъ; изъ первыхъ же рукъ, т. е. съ заводовъ, оно покупается съ акцизомъ не дороже 1 р. 40 к. за ведро.

„Цѣны на поставку вина въ казну съ заводовъ великороссійскихъ губерній приносить служить не могутъ. Такого рода запчдрядъ вина сопряженъ съ большими расходами въ казенныхъ палатахъ и требуетъ совершенно бесполезной развозки вина по казеннымъ подваламъ, которые болѣею частью отстоятъ отъ заводовъ на огромномъ пространствѣ“.

полугара въ объемѣ полутора ведра разведенной водою жидкости подъ названіемъ полугара, и чтобъ не имѣлъ заводчикъ возможности отпустить покупщику 150 ведръ, показавъ казнѣ и оплативъ акцизомъ только 100 ведръ. Сомнѣніе въ возможности такого казеннаго контроля, которымъ предотвращались бы утайки и подлоги въ продажѣ вина, служило прежде главнымъ препятствіемъ къ уничтоженію откуповъ, а теперь служить главною причиною того, что считается необходимымъ высокій акцизъ. Предполагается, что казна можетъ разсчитывать на получение акциза только съ части вина, какое будетъ продаваться, а не со всего его количества, потому что нѣкоторая и притомъ значительная часть его будетъ утаена отъ оплаты акцизомъ.

Предлагались нѣкоторые способы къ устраненію обмана казны при введеніи свободной торговли виномъ, и намъ кажется, что были между этими способами такіе, которые ограждали бы казну удовлетворительнымъ образомъ. Сколько мы знаемъ, эти планы остались безъ вліянія на составленіе прозвтовъ дѣйствительной организациі новаго порядка винной торговли. Быть можетъ, предложеніе г. Закревскаго получить больше счастья въ этомъ отношеніи, быть можетъ оно привлечетъ къ себѣ вниманіе лицъ, устраивающихъ замѣну нынѣшняго порядка новымъ. Это предложеніе требуетъ чисто технического испытанія; надобно желать, чтобы оно было подвергнуто ему самымъ заботливымъ образомъ, потому что, если справедливо убѣжденіе г. Закревскаго въ качествѣ изобрѣтеннаго имъ снаряда, этотъ снарядъ разрѣшилъ бы всѣ затрудненія къ доставленію дешеваго и хорошаго вина безъ всякихъ обмановъ казны или народа при продажѣ.

Если снарядъ, изобрѣтенный г. Закревскимъ, дѣйствительно окажется имѣющимъ качества, приписываемыя ему изобрѣтателемъ, то правительство въ состояніи будетъ само легко усчитать количество вина, производимаго и продаваемаго каждымъ заводомъ. При невозможности утайки устраняется въ такомъ случаѣ всякая мысль о надобности въ откупахъ или въ чемъ нибудь подобномъ откупамъ. Тѣмъ страннѣе показалось намъ, что г. Закревскій упоминаетъ въ своей запискѣ о возможности составить компанію, которая, принявъ на себя наблюденіе за продажей вина съ заводовъ при помощи снаряда г. Закревскаго, гарантировала бы казнѣ нынѣшній доходъ отъ винной продажи. При прочтеніи записки намъ пришло подозрѣніе, что тутъ скрывается планъ возетановить откупъ подъ новою формою. Но г. Закревскій отвѣчать намъ (какъ упоминаетъ и въ примѣчаніи къ своей запискѣ), что онъ очень далекъ отъ такого желанія, и что если онъ разсчитываетъ на коммерческія выгоды отъ принятія его снаряда, то эти выгоды совершенно иного рода, чѣмъ какіе нибудь откупные доходы. „Я завелъ бы фабрику для выдѣлки снарядовъ моего изобрѣтенія, сказалъ онъ намъ; эти снаряды потребовались бы въ большомъ количествѣ, потому что они были бы нужны не на однихъ заводахъ, а также въ лавкахъ торгующихъ виномъ; мой снарядъ (продолжалъ г. Закревскій) необходимъ для обезпеченія не одной казны при продажѣ вина съ заводовъ, а также и для обезпеченія покупщика отъ обмана въ количествѣ или въ качествѣ вина при розничной продажѣ; для удовлетворенія покупщиковъ, продавцы нашли бы необходимымъ производить розничную продажу помощью этого снаряда. Огромное требованіе на мой снарядъ со стороны продавцовъ вина дало бы мнѣ большія выгоды“. Если дѣйствительно такъ, г. Закревскій имѣетъ въ виду выгоды совершенно законныя и непротиворѣчащія ни пользамъ казны, ни пользамъ

народа. Онъ просто хочетъ, какъ изобрѣтатель, воспользоваться въ теченіе извѣстнаго времени привилегіею на продажу своего изобрѣтенія. Если изобрѣтеніе дѣйствительно даетъ возможность достичь такого хорошаго для казны и для народа результата, какъ уничтоженіе всякой надобности въ откупахъ и установленіе низкаго акциза, то нельзя не сказать, что привилегія принесетъ г. Закревскому выгоды не съ вредомъ, а съ пользою для государства. Словомъ сказать, г. Закревскій хочетъ быть не чѣмъ нибудь похожимъ на откупщика, а фабрикантомъ.

Но если такъ, снова спросили мы его, — если вы дѣйствительно далеки отъ мысли объ откупныхъ выгодахъ, то зачѣмъ вы все-таки вставили въ вашу записку слова о какой-то компаніи, могущей гарантировать казнѣ нынѣшній доходъ съ винной продажи? Онъ отвѣчалъ и на этотъ вопросъ удовлетворительно. „О возможности учредить такую компанію я говорилъ (отвѣчать онъ намъ, и упоминаетъ объ этомъ въ примѣчаніи къ своей запискѣ) единственно для того, чтобы предотвратить всякое сомнѣніе въ вѣрности моихъ расчетовъ о безубыточности для казны установить предлагаемый мною акцизъ при помощи моего снаряда. Если кто нибудь скажетъ, что установленіе такого низкаго акциза представляло бы рискъ для казны, у меня готовъ теперь отвѣтъ очень сильный: когда вы боитесь риска для казны, частные капиталисты готовы принять на себя такой рискъ, и это показываетъ вамъ, что въ дѣйствительности нѣтъ никакого риска, что расчетъ мой вѣренъ“. Надобно признаться, что такой оборотъ мыслей очень натураленъ и основателенъ.

„Но, продолжалъ г. Закревскій, я вовсе не желаю, чтобы сочтено было нужнымъ казнѣ принять гарантію компаніи, о которой говорю я; я вовсе не желаю, чтобы устроена была такая компанія; я убѣжденъ, что она совершенно не нужна, что казнѣ будетъ легко самой собирать акцизъ при помощи моего снаряда. Моя цѣль — установленіе совершенно свободной торговли виномъ, безъ всякой тѣни чего нибудь похожаго на откупъ или монополію“. Предоставляемъ читателю судить, имѣютъ ли эти слова г. Закревскаго характеръ искренности. Что же касается до насъ, мы полагаемъ, что расчетъ на справедливую прибыль отъ фабрикаціи большого размѣра достаточенъ для отклоненія умнаго коммерческаго человѣка отъ желанія извлекать выгоды изъ откупныхъ оборотовъ; и если снарядъ г. Закревскаго дѣйствительно таковъ, какимъ считаетъ его изобрѣтатель, онъ дѣлаетъ откупъ не нужнымъ для денежныхъ выгодъ изобрѣтателя. Потому мы не находимъ причины сомнѣваться въ искренности объясненій г. Закревскаго, изложенныхъ нами здѣсь.

А во всякомъ случаѣ, самое свойство снаряда, предотвращающаго всякую утайку въ продажѣ вина, было бы смертельно для откуповъ; поэтому мы вполне желали бы, чтобы снарядъ г. Закревскаго по строгому испытанію оказался такимъ, какимъ представляетъ его изобрѣтатель. Въ этомъ случаѣ, снарядъ г. Закревскаго имѣлъ бы очень важное значеніе для нынѣшняго нашего государственнаго хозяйства, и вопросъ, имъ возбуждаемый, такъ серьезенъ, что конечно онъ будетъ подвергнутъ самому внимательному испытанію на практикѣ.

НЫНѢШНІЕ АНГЛІЙСКІЕ ВИГИ.

(**Маколей.** Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Критическіе и историческіе опыты. Изданіе *Николая Тиблена*. Спб. 1860).

Нечего я говорить о томъ, заслуживаетъ ли одобренія г. Тибленъ за намѣреніе издать переводъ сочиненій Маколея. Должно полагать, что для успѣха этого прекраснаго предпріятія излишни всякія рекомендаціи. Если надобно публикѣ услышать отъ рецензентовъ что нибудь о русскомъ переводѣ Маколея, то конечно лишь отзывъ о степени достоинства перевода. Но и въ этомъ отношеніи самъ издатель предупредилъ насъ, скромно объяснивъ въ предисловіи, что издаваемый имъ сборникъ переводовъ не имѣетъ претензіи передавать прелесть слога, которою блеститъ подлинникъ, а довольствуется возможною точностію въ передачѣ мыслей. Это правда, какъ мы убѣдились сличеніемъ довольно многихъ страницъ; переводъ сдѣланъ добросовѣстно. Ничего лучшаго не въ состояніи мы требовать, не потребуемъ и публика. Маколей не искаженъ въ изданіи г. Тиблена, — это уже очень много значить. Издатель, какъ видно, старался сдѣлать все, что могъ. Добросовѣстный переводъ онъ издалъ изящно, и присоединилъ къ нему, въ видѣ вступленія, большую статью о Маколеѣ, написанную человѣкомъ, довольно извѣстнымъ нашей литературѣ, г. Вызинскимъ. Статья недурно знакомитъ русскаго читателя съ характеромъ литературной дѣятельности Маколея и съ его жизнію.

Коротко говоря, о русскомъ изданіи Маколея нечего высказать намъ, кромѣ желанія, чтобы оно продолжалось такъ же счастливо, какъ началось.

Но другое дѣло — самъ Маколей. О немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, несовсѣмъ согласныхъ съ обыкновенными панегирическими отзывами. Не то, чтобы мы не любили Маколея, — напротивъ, невозможно не любить писателя, доставляющаго столько наслажденія. Но дѣло въ томъ, что нельзя восхищаться имъ почти безусловно, какъ дѣлаютъ очень многіе, въ томъ числѣ и г. Вызинскій. Самая статья г. Вызинскаго доставитъ намъ главные матеріалы для разъясненія основаній, по которымъ наше восхищеніе Маколеемъ имѣетъ свои границы.

Напрасно замѣчать, что Маколей обладалъ искусствомъ писать чрезвычайно изящно, — въ этомъ отдають ему справедливость и тори, нелюбящіе его за либерализмъ (въ которомъ обвиняють его напрасно), и прусскіе патріоты, страшно разобиженные непочтительною статьею его о Фридрихѣ Великомъ. Сверхъ великаго таланта изложенія, мы признаемъ за нимъ достоинства человѣка очень ученаго, изслѣдователя очень основательнаго, въ которыхъ совершенно несправедливо называютъ его англійскіе тори. Наконецъ, каждая страница, имъ написанная,

свидѣтельствуесть, что онъ былъ человѣкъ съ очень замѣчательной силой ума. Но посмотримъ, какія заключенія объ этихъ его достоинствахъ надобно сдѣлать по отзывамъ самихъ его поклонниковъ.

Г. Вызинскій справедливо удивляется „огромной массѣ знанія, которою обладалъ“ Маколей. Но по свидѣтельствамъ, приводимымъ у самого г. Вызинскаго, вникнемъ въ характеръ этого знанія. „Онъ могъ бы удивить Кузена, цитую Сугус г-жи Скюдери“ (предисл. стр. IV). Мы не наводили справокъ, на чьемъ показаніи основывается это увѣреніе, что Маколей хранилъ въ своей памяти пу-стѣйшій изъ французскихъ романовъ прошлаго столѣтія, читать который утоми-тельнѣе алгебры и бесполезнѣе сочиненій маркиза Фудраса; но нельзя не вѣрить этому факту, когда на страницѣ LXXII-й читаешь слова одного изъ людей, „близко знавшихъ“ Маколей. „Имена всѣхъ папъ, съ апостола Петра до Пія IX, имена всѣхъ архіепископовъ кентербѣрійскихъ, со времени основанія этого архіе-пископства, равнымъ образомъ фамиліи и титулы всѣхъ канцлеровъ и министровъ Англіи — онъ умѣлъ пересказать по пальцамъ“. Г. Вызинскій сообщаетъ, что „г-жа Бичеръ Стоу подтверждаетъ это свидѣтельство“. Трудно рѣшить, что по-хвальнѣе и полезнѣе: терять время на изученіе романовъ г-жи Скюдери, или по-мнить имена всѣхъ папъ. Обыкновенно, такіе факты объясняютъ одвою естрапною силою памяти. Такъ, человѣкъ безъ особенной силы памяти не въ состояніи бли-стать подобными знаніями. Но одной силы памяти тутъ еще мало: надобно под-держивать ее частымъ занятіемъ. Скалигеръ зналъ наизусть *Иліаду* — но вѣдь онъ вѣроятно каждый годъ по нѣскольку разъ перечитывалъ ее, иначе черезъ три года послѣ послѣдняго чтенія не могъ бы припомнить половину стиховъ, какъ бы твердо ни зналъ ихъ прежде. Мы знали юношу, который, много занимавшись латинскимъ языкомъ, помнилъ почти всего *Горація*; черезъ нѣсколько времени онъ бросалъ латинскій языкъ, и черезъ пять лѣтъ не могъ уже прочесть на память ни одной оды поэта, бывшаго нѣкогда его любимцемъ. Даже родной языкъ забываютъ люди, когда теряютъ случай говорить и читать на немъ. Надобно полагать, что имена всѣхъ папъ можетъ помнить лишь человѣкъ или специально занимающійся исто-рією папства, да и то лишь въ то время пока пишетъ сочиненія о папствѣ, или человѣкъ, не умѣющій различать важныя знанія отъ неважныхъ, нужныя отъ не-нужныхъ и безпрестанно читающій много такого, что бесполезно читать. Специаль-ныхъ сочиненій о римской каѳедрѣ Маколей не писалъ и никогда не былъ намѣ-ренъ писать; стало быть, мы должны причислить его къ людямъ, любознательности у которыхъ больше, чѣмъ умѣнья опредѣлять предметы, заслуживающіе вниманія. Впрочемъ мы вѣроятно ошибаемся: надобно думать, что Маколей очень хорошо понималъ, зачѣмъ твердить списокъ папъ, зачѣмъ изучаетъ сочиненія г-жи Скю-дери. Рассказываютъ объ одномъ беллетристѣ, будто бы онъ всегда имѣлъ при себѣ карандашъ и тетрадку, въ которую записывалъ, не теряя ни минуты, каждое эффектное выраженіе, каждое бойкое слово, какое попадалось ему на мысль или въ ухо. Этотъ беллетристъ — *Марлинскій*, писатель съ талантомъ, съ умомъ, со всѣми какими угодно достоинствами и лишь съ однимъ недостаткомъ, состоявшимъ въ пристрастіи къ эффектному слогу. Судя по всѣмъ сочиненіямъ Маколей, надобно сказать, что онъ читалъ и изучалъ всякій вздоръ съ цѣлью, походившею на цѣль тетрадки, повсюду сопровождавшей *Марлинскаго*: онъ все хотѣлъ украшать свой умъ знаніями, нужными для украшенія рѣчи, для антитезъ, метафоръ, уиодоблегій,

намековъ, острогъ и всякаго блеска. Кому недостаточно припомнить характеръ его изложенія, чтобы убѣдиться въ этомъ, того убѣдитъ слѣдующее мѣсто изъ статьи г. Вызинскаго. Сказавъ, что Маколей говорилъ въ парламентѣ удивительно-прекрасныя рѣчи, г. Вызинскій замѣчаетъ, что онъ не игралъ однакоже важной роли въ ходѣ парламентскихъ преній, и въ объясненіе тому прибавляетъ: „При всемъ богатствѣ своего знанія и свободѣ рѣчи, онъ никогда не рѣшался говорить безъ тщательнаго приготовленія. Рѣчи его были не что иное, какъ гѣ же essays, но оказанные изустно. Онѣ еще болѣе нравились въ чтеніи. Главную прелесть ихъ составляло множество историческихъ примѣровъ и иллюстрацій, ловко и искусно подобранныхъ и прилаженныхъ къ современнымъ вопросамъ. Это были не просто парламентскія рѣчи, а сворѣе блестящія публичныя чтенія о разныхъ политическихъ предметахъ. Палата всегда слушала Маколея съ наслажденіемъ, но слѣдовала за Робертомъ Пилемъ и подобными ему вождями преній“. Скажите пожалуйста, что это значитъ? Есть писатели, которые не могутъ стать замѣчательными парламентскими людьми по застѣнчивости, или по неспособности говорить бойко, или по брюзгливости характера; таковы были Гиббонъ и Байронъ. Но Маколей говорилъ свободно, легко, и не былъ брюзгою. Что же мѣшало ему сдѣлаться предводителемъ виговъ, если онъ умѣлъ говорить лучше Пальмерстона и Росселя? Мѣшало одно свойство характера или ума: Пальмерстонъ или Россель рѣшаются говорить, что нужно, всегда когда нужно; для нихъ главное дѣло—самое дѣло; изящна или не изящна покажется ихъ рѣчь, для нихъ все равно,—имъ хочется только, чтобы она оказалась пригодна для дѣла. Они конечно умные люди, но не хотятъ казаться людьми, не похожими на обыкновенныхъ смертныхъ. У Маколея были другія мысли: ему казалось мало, если скажутъ, что онъ говорилъ дѣльно, что онъ способствовалъ успѣху дѣла; ему нужно было, чтобы сказали: „его рѣчь отличалась удивительнымъ художественнымъ изяществомъ“; мало было ему, чтобы сказали: „онъ хорошо понимаетъ дѣло, онъ говорилъ умно“,—ему было нужно, чтобы сказали: „онъ обнаружилъ чрезвычайную ученость и начитанность, чрезвычайное искусство пользоваться богатствами своей учености“.—Есть женщины, которыя являются въ общество, не набѣлвившись и не нарумянившись; есть другія женщины, и даже очень красивыя, которыя не покажутся вамъ на глаза, не украсивъ себя косметическою разрисовкою. Намъ кажется, что при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ Маколей имѣлъ слабость, свойственную балетнымъ танцовщицамъ.

Были люди великаго ума, страдавшіе тою же слабостію и лишившіе черезъ нее свои сочиненія большей части цѣны въ глазахъ потомства. Говорятъ, напри-мѣръ, будто бы Корнель и Расинъ имѣли великіе поэтическіе таланты; изъ умныхъ людей нынѣшняго поколѣнія никто не въ состояніи рѣшить—правда ли это, потому-что никто не можетъ читать ихъ произведеній безъ тяжелаго усилія, отнимающаго всякую возможность эстетической оцѣнки. Но ихъ ошибочное направленіе извинялось фальшивымъ вкусомъ той эпохи. Маколей не имѣетъ подобнаго оправданія: онъ дѣйствовалъ въ эпоху, полную живыхъ стремленій, предпочитавшую дѣло фразѣ, простоту всякимъ украшеніямъ. Вліяніе эпохи отразилось на немъ не во вредъ ему, а въ пользу: оно удержало его отъ чрезмѣрной цвѣтистости, отъ слишкомъ приторныхъ риторическихъ прикрасъ. Говоря о немъ, можно въ подражаніе знаменитому афоризму сказать: „saeculi, pop hominis virtus“. Вы

постоянно видите, что лично онъ всячески хлопочетъ объ эффектѣ, но строгая и дѣльная простота вкуса эпохи сдерживаетъ его риторическіе порывы, и онъ остается въ предѣлахъ здраваго смысла, не нарушаетъ логическихъ требованій. Вы постоянно чувствуете, что ему пріятно было бы сбросить эти стѣснительныя для него узы, но онъ слишкомъ тяжелъ и крѣпки. Нѣтъ народа, который писалъ бы такимъ простымъ и безыскусственнымъ языкомъ, какъ англичане. Маколей спасся отъ ламартиновскихъ и шатобриановскихъ словоухищреній только тѣмъ, что писалъ для англійской публики, въ которой Карлейль не популяренъ за ухищренность слога. Маколей хотѣлъ быть популяренъ, потому принужденъ былъ соблюдать умѣренность въ своей риторикѣ.

Но въ эпоху дѣльную, живую, не любящую пустыхъ прикракъ, пристрастіе къ риторикѣ бываетъ признакомъ или нѣкоторой нездоровости ума, какъ наприимѣръ у Карлейля, или того, что умъ писателя ниже собственно балетристической стороны его способностей. Маколей нельзя назвать человѣкомъ съ болѣзненнымъ направленіемъ ума, каковъ Карлейль: никогда не найдете вы у Маколея дивныхъ выходовъ, нелѣпостей, никакихъ признаковъ мономаніи, чѣмъ всѣмъ изобилуетъ Карлейль; напротивъ, о чемъ бы ни говорилъ Маколей и въ какомъ бы духѣ ни говорилъ, въ справедливомъ или въ ошибочномъ, онъ всегда говоритъ чрезвычайно разсудительно, предусматриваетъ всякое возраженіе, старается предотвратить его сдержанностію и обдуманностію формы, въ какой выражаетъ свою мысль, дѣлаетъ всевозможныя уступки и оговорки, — словомъ сказать: онъ всегда вполне владѣетъ собою. Если такой писатель считаетъ слишкомъ важнымъ дѣломъ блескъ изложенія, то надобно заключить, что способность къ блестящему изложенію дѣйствительно составляетъ главную его силу, что онъ родился не столько мыслителемъ, какъ художникомъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ такъ. Нѣтъ никакой возможности спорить противъ того, что Маколей заслужилъ свою чрезвычайную знаменитость. Но если вы читаете его съ наслажденіемъ; если все, что онъ хочетъ сказать вамъ, умѣетъ онъ сказать превосходно; если онъ очень живо передаетъ вамъ тѣ черты эпохъ, съ которыми хочетъ знакомить васъ, очень ярко обрисовываетъ событія и лица; если вы узнаете отъ него чрезвычайно много интереснаго и даже серьёзно-важнаго — то можно ли сказать, однако, чтобы его возрѣніе имѣло какую нибудь оригинальность, чтобы выносили вы изъ всѣхъ его сочаненій какую нибудь общую мысль, или хотя начинали понимать яснѣе прежняго какую нибудь сторону человѣческой жизни? Въ частности онъ можетъ сообщить вамъ много полезнаго. Быть можетъ вы считали Кромвеля отвратительнымъ лицемѣромъ и злодѣемъ. — Маколей объяснитъ вамъ, что Кромвель — великій человѣкъ; быть можетъ вы не знали, какъ согласить благородный патріотизмъ Маниавелли съ провозглашеніемъ вѣроломства за лучшій принципъ политической дѣятельности, — Маколей покажетъ вамъ, какъ произошло такое странное сочетаніе высокихъ стремленій съ отвратительными правилами; быть можетъ вы сомнѣвались, слѣдовало ли англичанамъ допускать евреевъ въ парламентъ, — Маколей докажетъ вамъ, что это дѣло хорошее, и т. д., и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что изъ него съ удовольствіемъ узнаете вы фактическія подробности событій, съ которыми до него были знакомы лишь немногіе специалисты. Все это такъ; но скажите, чѣмъ отличается взглядъ Маколея на англійскую исторію отъ взгляда, вотъ уже полтора ста лѣтъ господствующаго у всѣхъ англійскихъ писателей партіи витовъ? Кое въ чемъ Ма-

колей не соглашается съ Галламомъ, кое въ чемъ съ Макинтошемъ, — нельзя же безъ этого; не могутъ же два человѣка думать совершенно одинаково о каждомъ фактѣ. Но изъ мыслей Маколея, сколько нибудь важныхъ, нѣтъ ни одной, которая не была бы въ головѣ каждаго вигъ, которую нельзя было бы смѣло приписать кому угодно изъ нихъ, писавшему объ англійской исторіи. Еще менѣе можно найти у Маколея какое нибудь опредѣленное и лично ему принадлежащее воззрѣніе на исторію вообще. Вотъ напримѣръ, чтобы не ходить далеко за сравненіями, укажемъ на его соотечественника Бѣкля, о которомъ теперь начинаютъ очень много говорить. Вся книга Бѣкля проникнута самобытною мыслью, что ходъ исторіи опредѣляется ходомъ научныхъ изслѣдованій, что „сумма событій опредѣляется суммою знаній“. Справедливо или несправедливо такое воззрѣніе, справедливо оно безъ всякихъ ограниченій, какъ думаетъ Бѣкль, или только съ большими ограниченіями, объ этомъ каждый можетъ судить по своему; но безспорно то, что, проведеніенъ такого взгляда черезъ изложеніе фактовъ, Бѣкль или приближаетъ историческую теорію въ истинѣ, или по крайней мѣрѣ возбуждаетъ другихъ ученыхъ къ изслѣдованіямъ, которыя должны приблизить ее къ истинѣ. У Маколея напрасно будете искать чего нибудь подобнаго. Справедливы или несправедливы мысли Маколея объ исторіи Англии, онъ не высказалъ ни одной сколько нибудь важной мысли, которая не принималась бы всѣми изслѣдователями въ соображенію и до него. Можно быть послѣдователемъ понятій Бѣкля, можно быть ученикомъ Гисо, Тьерри, Нибура. Но въ чемъ можно быть ученикомъ Маколея? Въ манерѣ изложенія, — это такъ; но въ способѣ пониманія вещей, — это невозможно, потому что въ способѣ пониманія нѣтъ у него ничего, — справедливаго или ошибочнаго, — что составляло бы его особенность. Пишите картинно, изучайте подробности, ройтесь въ архивахъ, чтобы собирать черты для яркихъ картинъ, для живыхъ портретовъ, — вотъ вещи, въ которыхъ вы можете стать ученикомъ Маколея. Что еще можетъ внушить онъ намъ? развѣ охоту хвалить виговъ; но въѣду этому учить не онъ, учить каждый писатель партіи виговъ. Нельзя сказать, чтобы мысли Маколея были безцвѣтны, — нѣтъ, онъ очень опредѣленнаго цвѣта. Но этотъ цвѣтъ — цвѣтъ мундира или кокарды; онъ принадлежитъ не индивидуальному человѣку, а цѣлому огромному разряду людей. Вы видите представителя извѣстной партіи; но что за человѣкъ самъ по себѣ этотъ представитель, вы не видите. Мы ошиблись: вы видите, что онъ человѣкъ ученый, очень умный и, главное, умѣющій превосходно писать.

Эта безхарактерность мысли, при высокой оригинальности изложенія, лишаетъ насъ возможности говорить собственно объ убѣжденіяхъ Маколея, — можно говорить только объ убѣжденіяхъ вигистской партіи, мастерски излагаемыхъ имъ въ примѣненіи къ историческимъ событіямъ и лицамъ.

Читателю извѣстна общая исторія партіи виговъ. Въ концѣ XVII вѣна вигами назывались всѣ безъ исключенія люди, хотѣвшіе утвердить господство парламента въ управленіи Англіею. Тогда всякій былъ вигъ, кто не хотѣлъ пожертвовать двору Стюартовъ парламентскою властію; одинъ былъ аристократъ, другой демократъ, одинъ конституціонистъ, другой республиканецъ, — это было все равно, всѣ сходились въ одномъ желаніи — низвергнуть Іакова II. Послѣ передачи власти Вильгельму III и потомъ, по провозглашеніи ганноверской династіи, долго связывала всѣхъ этихъ разномыслящихъ людей общая мысль, чтобы не возвратились Стюарты. Потомъ, когда ганноверская династія совершенно укрѣпилась, перестала

бояться Стюартовъ, она обнаружила стремленіе расширить свою власть, вдалась въ попытки подчинить парламентъ двору. Общая опасность продолжалась для виговъ, и продолжала соединять всѣ отѣнки либерализма подъ знаменемъ виговъ. Потомъ начались войны съ Франціею, надолго отвратившія массу народа отъ либеральныхъ идей. По превращеніи войнъ, нѣсколько лѣтъ шла борьба за то, чтобы отнять господство надъ государствомъ у тори, приврывавшихъ тогда парламентскими формами принципы, очень близкіе къ тому, что на континентѣ называется легитимизмомъ. Такимъ образомъ до недавняго времени вигизмъ означалъ просто либерализмъ. Но къ тому времени, съ котораго началась дѣятельность Маккоlea, положеніе дѣлъ измѣнилось. Власть парламента была окончательно утверждена. Сами тори, со времени Кеннинга, рѣшительно стали парламентаристами. Англія въ послѣднія тридцать или тридцать-пять лѣтъ, называясь конституціонною монархіею, была на самомъ дѣлѣ уже республикою, въ которой законодательная власть вся принадлежитъ двумъ палатамъ или, точнѣе сказать, почти исключительно палатѣ общинъ: палата лордовъ не имѣетъ силы останавливать ни одного важнаго рѣшенія палаты общинъ и можетъ лишь затягивать неважныя дѣла, окончательною развязкою которыхъ не интересуется палата общинъ. Утвержденіе парламентскихъ актовъ королевскою властью сдѣлалось чистою формою: на фактѣ королевское утвержденіе значитъ согласіе министерства, а министерство назначается палатою общинъ и смѣняется ею по произволу, — то есть опять-таки на фактѣ, потому что по формѣ дѣло происходитъ иначе: министры избираются лицомъ, которому король или королева поручить составленіе министерства; но поручается это непременно предводителю большинства палаты общинъ; никто другой и не берется за это порученіе или черезъ нѣсколько часовъ отказывается отъ него, когда, переговоривъ съ членами палаты общинъ, увидитъ, что большинство не согласно поддерживать кабинетъ, какой могъ бы онъ составить. Образованіе новаго министерства бываетъ всегда слѣдствіемъ совѣщаній партіи, имѣющей большинство въ палатѣ общинъ: она распредѣляетъ всѣ должности въ кабинетѣ, а лицо, называющееся составителемъ новаго кабинета, служитъ только исполнителемъ рѣшеній, принимаемыхъ въ этомъ дѣлѣ партіею. При первомъ желаніи большинства измѣнить кабинетъ, онъ измѣняется. Такимъ образомъ министерство, управляющее государствомъ, составляютъ повѣренные большинства палаты общинъ, поставленные въ необходимость передавать власть, по первому желанію большинства, лицамъ, которыхъ оно захочетъ назначить на ихъ мѣста. Во всѣхъ важнѣхъ административныхъ дѣлахъ министры даже формально спрашиваютъ утвержденія палаты общинъ. Они пользуются громадною властью, — но пользуются ею лишь по порученію палаты общинъ, лишь какъ ея агенты или уполномоченные. Въ этомъ рѣшительномъ переходѣ министровъ изъ-подъ власти двора подъ исключительную власть палаты общинъ и состоитъ сущность того, что мы называемъ окончательнымъ утвержденіемъ конституціоннаго управленія въ Англіи. Когда совершенно установился такой порядокъ дѣлъ, когда торійская партія отказалась отъ всякой мысли о возвращеніи временъ Карла II и Иакова II, положеніе либеральной партіи въ Англіи измѣнилось. Прежде вся она соединялась надобностью бороться противъ тори для устраненія изъ англійскаго устройства элементовъ, не согласныхъ съ конституціоннымъ правленіемъ. Теперь тори стали такими же усердными приверженцами его, какъ и либеральная партія, и ей пред-

ставлялось два выбора: или успокоиться на упроченіи порядка, утвержденія котораго было прежде главною цѣлью ея усилій, или обратить свои заботы на достиженіе другихъ цѣлей, заботиться о которыхъ не было ей досуга прежде. Разумѣется, разные отгѣпки либеральной партіи сдѣлали различный выборъ. Одна половина ея удовольствовалась торжествомъ прежнихъ стремленій, которое было упрочено парламентскою реформою 1832 года, — эти люди сохранили прежнее названіе виговъ. Другая половина либеральной партіи стала говорить, что всѣ прежніе успѣхи должны считаться только средствомъ къ совершенію новыхъ реформъ, — эти люди извѣстны теперь въ Англіи подъ именемъ радикаловъ. По недавнимъ преданіямъ о дружномъ дѣйствованіи нынѣшніе виги и радикалы еще сохраняютъ между собою многія связи, но по существующимъ отношеніямъ они расходятся другъ съ другомъ гораздо больше, чѣмъ нынѣшніе виги съ нынѣшними тори. Вигамъ и тори одинаково кажется, что надобно сохранить основныя черты существующаго устройства, и если должны быть производимы постепенно какія нибудь преобразованія, то реформы эти должны касаться лишь второстепенныхъ подробностей, а коренное измѣненіе существующаго устройства было бы вредно. Радикалы, до сихъ поръ еще слабы въ палатѣ общинъ, но имѣющіе на своей сторонѣ всю вебогатую часть средняго сословія и всю ту часть простаго народа, которая интересуется общественными дѣлами, хотя бы такихъ преобразованій, которыми должны измѣниться самыя основанія существующаго порядка. Коснемся лишь одной черты разнорѣчія, самой важной. По парламентской реформѣ 1832 года, большинство членовъ палаты общинъ избирается, какъ прежде, подъ вліяніемъ аристократіи. По мнѣнію виговъ и тори, такъ и слѣдуетъ остаться этому дѣлу. Но большинство публики расположено въ пользу новой парламентской реформы. Тори открыто говорятъ, что никакая реформа не нужна, и если въ прошедшемъ году они представляли проектъ реформы, то прямо заявляли, что уступаютъ въ этомъ случаѣ прискорбному для нихъ заблужденію общественнаго мнѣнія. Виги предпочитали другой языкъ: они увѣряли себя и публику, что они желаютъ реформы. Но сравнивъ ихъ проектъ съ торійскимъ проектомъ, мы не найдемъ между ними большой разницы въ существенныхъ пунктахъ. По обоимъ проектамъ сохранялась нынѣшняя чрезвычайная несоразмѣрность между числомъ населенія избирательныхъ округовъ и числомъ посылаемыхъ ими депутатовъ. По проекту виговъ предполагалось сохранить ту нынѣшнюю черту, что какія нибудь десять ничтожныхъ мѣстечекъ, не имѣющихъ въ совокупности и 100 тысячъ жителей, посылаютъ въ палату общинъ больше представителей, чѣмъ Лондонъ съ его тремя милліонами населенія. Мѣстечки эти сохранялись потому, что находятся въ зависимости отъ мѣстныхъ аристократовъ. Точно также въ проектѣ виговъ удерживался нынѣшній способъ выборовъ посредствомъ открытой подачи голосовъ, при которой фермеры и другіе зависимые люди необходимо должны выбирать кандидата, котораго рекомендуетъ имъ землевладѣлецъ. Въ этихъ основныхъ чертахъ проектъ виговъ былъ сходенъ съ торійскимъ. Мало того, ходъ парламентскихъ преній обнаружилъ, что виги обманывали сами себя, думая, будто расположены хотя къ какой нибудь парламентской реформѣ: свой собственный проектъ они защищали очень холодно, охотно поддавались торійской тактикѣ, замедлявшей ходъ преній о немъ, и бывали принуждаемы формально сознаваться, что предлагаютъ реформу лишь по внѣшнему настоянію, а не по собственному стремленію. Точно такъ же, какъ и

тори, они вынуждены были къ этой непріятной уступкѣ лишь тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, возбужденнаго радикалами въ концѣ 1858 года, и, подобно торн, съ радостію бросили непріятное дѣло, когда общественное мнѣніе, развлеченное заботами о вѣдшихъ отношеніяхъ, перестало вынуждать реформу. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ внутренней политики, какъ въ вопросѣ о парламентской реформѣ, нывѣшіе виги—такіе же консерваторы, какъ и торн; обѣ партіи, прежде враждовавшія, сходятся теперь во всемъ существенномъ.

Но эти нывѣшіе консервативные виги наслѣдовали имя, которое прежде было равнозначительно имени прогрессивистовъ; вмѣстѣ съ именемъ они наслѣдовали и преданія старинныхъ виговъ; они говорятъ, что они преемники Росселя, казеннаго при Стюартахъ, и Фокса. Эти воспоминанія ни мало не мѣшаютъ имъ въ парламентской дѣятельности: прежніе виги временъ Фокса и его предшественниковъ или вовсе еще не занимались вопросами, въ которыхъ нывѣшіе виги разошлись съ прогрессивною партіею, или не имѣли возможности придавать этимъ вопросамъ первостепенную важность, потому что на первомъ планѣ стояли тогда другіе вопросы, нывѣ уже рѣшенные. Повторяя до этимъ рѣшеннымъ вопросамъ мнѣнія прежнихъ виговъ, нывѣшіе виги имѣютъ полную свободу разсуждать какъ хотятъ о новыхъ вопросахъ, выдвинувшихся на первый планъ только въ послѣднія десятилѣтія.

Но если въ государственной практикѣ нывѣшіе виги ничего не теряютъ отъ мысли о себѣ, будто бы о дѣятельныхъ наслѣдникахъ стремленій прежнихъ виговъ, то фальшивость ихъ положенія обнаруживается, когда они отъ практики обращаются къ теоретическимъ трудамъ. Въ парламентѣ ведется рѣчь о надобности или ненадобности, о возможности или невозможности, — тутъ очень удобно говорить, что и для нывѣшняго вѣка границы надобнаго и возможнаго совпадаютъ съ границами, существовавшими сто лѣтъ тому назадъ; тутъ очень удобно говорить: мы держимся программы Фокса, защищаемъ все, чтд защищалъ онъ, и не измѣняемъ ему, когда не дѣлаемъ того, чего не дѣлалъ онъ. Но въ наукѣ надъ всѣми мыслями должна господствовать логика; въ наукѣ факты обобщаются; изъ частныхъ требованій и отношеній извѣстнаго дѣятеля или извѣстной партіи выводится общій характеръ возрѣній и стремленій этого человѣка, этой партіи, и требуется, чтобы вы или разрѣшали текущіе вопросы въ томъ же духѣ, или порицали гѣхъ историческихъ дѣятелей, въ духѣ которыхъ не хотите вы разрѣшать современные намъ вопросы. Тутъ несообразность претензій нывѣшнихъ виговъ на вѣрность либеральнымъ преданіямъ съ нывѣшнимъ образомъ ихъ дѣйствій выказывается очень ярко. Она отразилась на произведеніяхъ Маколея.

Каковы были его мнѣнія о политическихъ вопросахъ, занимающихъ нывѣ умы въ Англіи, вполне обнаруживается знаменитымъ, напечатаннымъ постѣ его смерти, письмомъ его къ одному сѣверо-американскому гражданину объ американскихъ учрежденіяхъ. Приводимъ письмо по переводу, помѣщенному въ статьѣ г. Визинекаго.

„Вы удивились, узнавши, что я не имѣю слишкомъ высокаго мнѣнія о Джефферсонѣ, а я удивляюсь вашему удивленію. Я увѣренъ, что я никогда не написалъ ни одной строки, и никогда ни въ парламентѣ, ни въ частномъ разговорѣ, ни даже на гостингсахъ, на которыхъ господствуетъ обыкновеніе лстить массѣ, не сказать ни одного слова въ пользу того мнѣнія, что высшая власть въ государствѣ должна быть ввѣрена большинству гражданъ, считаеваемыхъ поголовно, то есть—иными словами—самой бѣдной и невѣдомой части общества. Я всегда былъ убѣжденъ, что учрежденія чисто-

демократическія, раньше или позже, должны уничтожить свободу, или цивилизацію, или и то и другое вмѣстѣ.

„Въ Европѣ, гдѣ народонаселеніе густо, слѣдствія такихъ учреждений обнаружилъ бы почти игловенно. То, что произошло во Франціи, можетъ послужить примѣромъ....

„Вы полагаете, что ваша страна (Соединенные Штаты) пользуется изытніемъ отъ подобныхъ золъ. Я признаюсь откровенно, что мое мнѣніе совершенно другое. Судьба вашей страны неизбѣжна, хотя она и отсрочена вслѣдствіе физической причины. Пока вы будете имѣть огромныя пространства плодородной и незанятой почвы, ваше рабочее народонаселеніе будетъ пользоваться гораздо большимъ благосостояніемъ и довольствомъ, чѣмъ рабочее народонаселеніе Стараго Свѣта; и пока будутъ продолжаться эти отношенія, политическое устройство Джефферсона можетъ существовать, не производя никакихъ бѣдствій; но придетъ время, когда новая Англія будетъ такъ же густо заселена, какъ и старая Англія. Заработная плата будетъ такъ же низка и будетъ такъ же колебаться у васъ, какъ и у насъ. Вы будете имѣть ваши Манчестеры и ваши Бирмингамы, и въ этихъ Манчестерахъ и Бирминганахъ сотни тысячъ работниковъ вѣроятно найдутся иногда безъ работы. Тогда-то наступитъ часъ испытанія для вашихъ учреждений. Бѣдствіе вездѣ дѣлаетъ работника недовольнымъ и наклоннымъ къ мятежу; онъ съ жадностію слушаетъ агитаторовъ.... У насъ, въ другой годъ, бываетъ много ропота, а ивогда и вѣсколко мятежа; но это не такъ важно, потому что у насъ тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ. Высшая власть находится въ рукахъ класса, правда, многочисленного, но избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности собственности и поддержаніи общественнаго порядка. Поэтому недовольные бываютъ усмиримы не слишкомъ строгими, но рѣшительными мѣрами. Дурное время проходитъ безъ ограбленія богатыхъ въ пользу неимущихъ. Источники народнаго благосостоянія скоро опять открываются, работа является въ изобиліи, заработная плата повышается, и опять водворяется спокойствіе и всеобщее довольство. Я вадѣлъ, какъ Англія три или четыре раза проходила такіа критическія времена. Черезъ подобные кризисы Соединенные Штаты должны будутъ проходить въ слѣдующемъ столѣтіи, или, можетъ быть, еще въ нынѣшнемъ. Какъ вы вывернетесь изъ нихъ? Я отъ души желаю вамъ успѣшнаго исхода. По мой разумъ и мои желанія противорѣчатъ другъ другу, и я не виноватъ, что предвижу самое худшее. Ясно какъ солнце, что ваше правительство никогда не будетъ въ состояніи усмирить бѣдствующее в недовольное большинство, потому что у васъ правительство есть именно это большинство, и оно держитъ совершенно въ своей власти богатыхъ, которые всегда составляютъ меньшинство. Придетъ время, когда въ Нью-Йоркскомъ штатѣ станетъ избирать законодательное собраніе толпа людей, взъ которыхъ ни одинъ не будетъ имѣть болѣе, чѣмъ половину завтрака, и не будетъ ожидать болѣе, чѣмъ половину обѣда. Возможно-ли сомнѣваться, какого рода законодательное собраніе выберутъ эти люди? Вотъ, съ одной стороны, государственный челоувѣкъ, который проповѣдуетъ терпѣніе, уваженіе пріобрѣтённыхъ нравъ, строгое соблюденіе публичной честности. Вотъ, съ другой, демагогъ, который декламируетъ о тиранніи капиталистовъ и лихоимцевъ, и спрашиваетъ, можно-ли допустить, чтобы кто-либо пилъ шампанское и ѣздилъ въ каретѣ въ то время, когда тысячи честныхъ людей лишены самаго необходимаго? Кого же изъ этихъ двухъ кандидатовъ, предполагать нужно, предпочтеть работникъ, который слышать, какъ его дѣти кричатъ: „хлѣба?“ Я серьезно опасуюсь, что въ такіа времена злополучія у васъ могутъ произойти дѣла, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ возвращеніе прежняго благосостоянія. Или какой нибудь Цезарь или Наполеонъ захватитъ кормило правленія въ свою крѣпкую руку; пли же ваша республика будетъ такъ страшно разграблена и опустошена варварами въ XX столѣтіи, какъ Римская имперія разграблена и опустошена была въ V столѣтіи; но съ тою разницею, что гунны и вандалы, которые разоряли Римскую имперію, пришли извнѣ, а ваши гунны и вандалы будутъ порождены въ вашей собственной странѣ ваники собственными учреждениями.

„Будучи такого мнѣнія, я, разумѣется, не могу причислить Джефферсона къ благодѣтелямъ челоувѣчества“.

Мы выписали это письмо цѣликомъ, для того, чтобы каждый могъ сличить наши заключенія и слова Маколея, на которыхъ они основываются. Есть разные способы доказывать невозможность демократическихъ учрежденій для той или другой страны въ известное время, — Маколей говорить не о томъ: онъ доказываетъ, что демократическія учрежденія вообще вредны, вредны по своей сущности. Бываютъ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ вредная вещь оказывается безсильною вредить. Такъ, напримѣръ, мышьякъ не убьетъ человѣка, если человѣкъ запьетъ его огромнымъ количествомъ молока; укушеніе бѣшеной собаки не испортитъ человѣка, если тотчасъ же прижечь рану раскаленнымъ желѣзомъ. Точно такъ Сѣверо-Американскіе Штаты еще не погублены своими демократическими учрежденіями лишь потому, что имѣютъ отъ этого яда слишкомъ сильное противоядіе въ громадномъ пространствѣ незавятыхъ земель. Сѣверная Америка — еще пустыня, лишь слегка заселенная по побережью. Мало ли какія безразсудства проходятъ людямъ безнаказанно въ пустынь? Житель пустыни можетъ не имѣть замковъ на дверяхъ, можетъ не имѣть плана на свой участокъ, можетъ закрывъ глаза — стрѣлять изъ ружья во всѣ стороны, — и его пули никому не повредятъ, объ его участкѣ никто не заведетъ съ нимъ тяжбы, его имущество не будетъ украдено, потому что нѣтъ вокругъ него людей, которымъ онъ могъ бы повредить своимъ безразсудствомъ или которые могли бы воспользоваться его безразсудствомъ. Сѣверо-Американскіе Штаты еще полудикая страна, — мало ли дѣлается въ полудикахъ странахъ такихъ вещей, которыя гибельны были бы въ благоустроенномъ обществѣ? Въ Сѣверной Америкѣ выжигаютъ траву, чтобы удобрить поле, выжигаютъ тѣсь, чтобы приобрести поле; но скажите, развѣ можно назвать такіе способы хозяйства пригодными для страны, порядочно цивилизованной? Пустынностью, дикостью Сѣверной Америки объясняется возможность людямъ жить въ ней съ демократическими учрежденіями, не погибая отъ нихъ. Но эта возможность не будетъ длиться много времени. Сѣверная Америка быстро населяется и скоро войдетъ въ нормальное положеніе. Каково же нормальное положеніе цивилизованныхъ странъ?

Маколей рисуетъ его чертами очень опредѣлительными. Масса народа лишена всякаго недвижимаго имущества; она вся состоитъ изъ наемныхъ работниковъ, живетъ со дня на день рабочею платою; плата эта мала; масса терпитъ нужду и не знаетъ, будетъ ли имѣть завтра работу и пищу. Опасенія остаются безъ хлѣба часто сбываются, и сотни-тысячи отцовъ семействъ слышатъ тогда крикъ голодныхъ дѣтей. Есть люди, думающіе, что демократическія учрежденія не могутъ дѣйствовать правильнымъ образомъ при такомъ положеніи массъ. Маколей говорить не то: онъ говорить, что эти учрежденія никогда не могутъ дѣйствовать правильнымъ образомъ ни въ какой странѣ, не похожей на пустыню; онъ говорить, что очерченное имъ положеніе дѣль неизбѣжно. Примемъ замѣтить эту разницу: она такова же, какъ разница между словами: „въ которыхъ случаяхъ“ и „всегда“. Если работники пьянствуютъ, они не могутъ быть зажиточны — это одна мысль; но совершенно другая будетъ мысль, если сказать: работники не могутъ быть зажиточны, потому что всегда пьянствуютъ. Въ странѣ, гдѣ положеніе массы бѣдственно, никакія учрежденія не могутъ дѣйствовать хорошо, да и ничего, серьезно хорошаго, не можетъ быть, — кто этого не знаетъ? Объ этомъ не стоило писать письмо; мысль письма другая: кромѣ пустынныхъ странъ, во всѣхъ странахъ масса неизбѣжно должна бѣдствовать.

А если во всѣхъ населенныхъ странахъ масса должна бѣдствовать по закону необходимости, не отвратимому человѣческими силами, то выводъ конечно ясенъ. Человѣкъ бѣдствующій склоненъ обольщаться словами обманщиковъ, обѣщающихъ ему деньги или хлѣбъ, если онъ доставитъ имъ власть. Потому масса должна быть лишена вліянія на общественныя дѣла.

Все это совершенно такъ по системѣ, нынѣ называющейся вигизмомъ и не отличающейся ничѣмъ существеннымъ отъ торизма. Но торизмъ откровенно остается вѣренъ правиламъ здраваго разсудка: вѣрны или не вѣрны, хороши или дурны его принципы, не о томъ мы говоримъ здѣсь, — мы говоримъ, что онъ откровенно принимаетъ правила, вытекающія изъ его принциповъ. По своему бѣдственному положенію масса, готовая за кусокъ хлѣба или даже за обѣщаніе куска хлѣба продать себя каждому честолюбцу, должна быть устранена отъ вліянія на общественныя дѣла. Но достигается ли эта цѣль только тѣмъ, что общество будетъ ограждено отъ зловредныхъ демократическихъ учреждений? этого мало. Пусть „тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ“: пусть „высшая власть находится въ рукахъ класса избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности собственности и въ поддержаніи общественнаго порядка“. Всего этого еще мало. „Избранный классъ“, какъ бы ни былъ „многочисленъ“, всегда бываетъ очень малочисленъ сравнительно съ массою, — иначе онъ и не былъ бы „избраннымъ“. Какими же средствами это меньшинство будетъ удерживать въ покорности себѣ массу? Тутъ возможно вообразить два случая. Масса можетъ повиноваться нравственному вліянію меньшинства, добровольно слушаться его наставленій, — въ такомъ случаѣ все равно, исключена ли она отъ формальнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, или имѣетъ его; хотя „законодательное собраніе избирается толпою“, избираются люди, соотвѣтствующіе идеямъ меньшинства, потому что масса руководится его совѣтами. Въ этомъ случаѣ „власть“ одинаково „находится въ рукахъ класса избраннаго“ и при аристократическихъ и демократическихъ учрежденіяхъ. Но не объ этомъ случаѣ говоритъ Маколей: мы видѣли, что такой случай онъ считаетъ невозможнымъ въ странахъ, вышедшихъ изъ состоянія пустынности. Онъ говоритъ о „ропотѣ“, мятежѣ, „объ усмиреніи недовольныхъ“, объ охраненіи страны отъ „разграбленія и опустошенія гуннами и вандалами, порожденными“ въ самой странѣ. А если такъ, рѣшеніе дѣла зависитъ уже не отъ существующихъ законовъ, а прямо отъ матеріальной силы. Если меньшинство, „заинтересованное въ безопасности собственности и поддержаніи общественнаго порядка“, при желаніи большинства „разграбить и опустошить“ страну, имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріальную силу „усмирить бѣдствующее и недовольное меньшинство“, порядокъ будетъ поддержанъ при какомъ угодно составѣ „законодательнаго собранія“: вѣдь дѣло приняло такой оборотъ, что остановить его можно только вооруженною силою; оно рѣшается не „законодательнымъ собраніемъ“, а войскомъ, не декретами, а штыками и картечью. Такъ оно и рѣшено было, напримѣръ, во Франціи, на которую ссылается Маколей. Въ іюнь 1848 года побѣда осталась за законодательнымъ собраніемъ, потому что оно имѣло на своей сторонѣ вооруженную силу; въ декабрь 1851 года законодательное собраніе было уничтожено, потому что вооруженная сила находилась въ рукахъ его противниковъ. Характеръ учреждений въ обѣ эпохи былъ одинаковъ, но исходъ дѣла для законодательнаго собранія совершенно различенъ. Раздѣляя

мнѣніе Маколей о необходимости, чтобы „власть принадлежала избранному классу“, по „наклонности работника къ мятежу“, тори справедливо выводятъ изъ этого принципа заключеніе, что избранное меньшинство не должно довольствоваться однимъ законодательнымъ существованіемъ учрежденій, дающихъ ему власть. потому что этой одной гарантіи слишкомъ недостаточно,—оно должно также имѣть всегда на-готовѣ вооруженную силу для усмиренія безпорядковъ, а для предотвращенія безпорядковъ должно постоянно держать „страдающую“ грубую массу подъ властью вооруженной силы. Маколей твердитъ о „свободѣ и цивилизаціи“, для сохраненія которыхъ необходимо теперь англичанамъ, и скоро будетъ необходимо сѣверо-американцамъ, „усмирять большинство“; соображая условія и средства, нужныя для достиженія цѣли, указываемой Маколеемъ, тори находятъ и прямо высказываютъ, что „свобода и цивилизація“ должны основываться на вооруженномъ господствѣ „избраннаго меньшинства“.

Тори никогда не противорѣчатъ сами себѣ; ни въ какихъ случаяхъ не измѣняютъ своему образу мыслей. Но у виговъ совершенно не то: вопросы, совершенно одинаковые, рѣшаютъ они въ смыслахъ противоположныхъ. Въ примѣръ возьмемъ хотя статью Маколей о предоставленіи государственныхъ правъ англійскимъ евреямъ. Положеніе дѣла было совершенно сходно съ дѣломъ о предоставленіи избирательнаго права классамъ, противъ которыхъ направлено приведенное нами письмо. Словія, не имѣющія въ Англии права голоса на выборахъ, лишены только такъ-называемыхъ политическихъ правъ, а гражданскими правами пользуются они вполне. Точно также вполне пользовались гражданскими правами англійскіе евреи, когда не допускались въ палату общинъ и въ государственную службу. Тори, не хотѣвшіе давать имъ политическихъ правъ, утверждали, что предоставить имъ участіе въ политической власти было бы вредно. Посмотрите же, какъ усердно доказываетъ Маколей, что подобное ограниченіе вовсе не достигаетъ своей цѣли.

„Въ дѣйствительности, еврей и теперь не лишены политической власти. Они имѣютъ ее, и пока будутъ пользоваться правомъ накоплять большія богатства, они не могутъ не имѣть ея.—Какая власть въ образованномъ обществѣ сильнѣе власти кредитора надъ должникомъ? Если мы отнимемъ эту власть у еврея, то варушимъ безопасность его собственности. Если же оставимъ ее, то оставимъ черезъ это въ его рукахъ власть гораздо болѣе обширную, тѣмъ власть короля и всего его кабинета.—Предоставить еврею засѣдать въ парламентѣ было бы безобидно. Но еврей можетъ добывать деньги, а деньги могутъ дѣлать членовъ парламента. Что еврей можетъ имѣть въ рунахъ своихъ самую сущность законодательной власти, что онъ можетъ располагать голосами при подачѣ мнѣній,—это совершенно въ порядкѣ вещей. Но чтобы онъ могъ сѣсть на эти таинственныя подушки зеленого сафьяна, это было бы оскверненіемъ святыни, достаточнымъ для навлеченія погибели на страну.—Чтобы еврей былъ тайнымъ совѣтникомъ (министромъ) у христіанскаго короля, это было бы вѣчнымъ позоромъ для націи. Но еврей можетъ управлять биржею, а биржа можетъ управлять свѣтомъ. Министръ можетъ не рѣшаться на свою финансовую систему, пока не переговоритъ наединѣ съ евреемъ. Росчеркъ еврея на оборотѣ куска бумаги можетъ стоить болѣе, чѣмъ національный кредитъ. Но чтобы еврей поставилъ передъ своимъ именемъ „достопочтенный“ (титулъ членовъ палаты общинъ), было бы самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ для націи.—Такимъ же образомъ рассуждали нѣкоторые изъ нашихъ политиковъ объ ирландскихъ католикахъ. Католики не должны имѣть политической власти. Солнце Англии навсегда зайдетъ, если католики будутъ имѣть политическую власть. Дайте католикамъ все остальное, но не допускайте ихъ до политической власти. Эти мудрые люди не понимали, что—разъ все остальное дано, то

дана и политическая власть. Они повторяли свою пѣснь кукушки п тогда, когда уже перестало быть вопросомъ: должны ли католики имѣть политическую власть. Или вѣтъ; когда католическая лига поругалась надъ парламентомъ и католикъ-агитаторъ имѣлъ несравненно болѣе вліянія, чѣмъ лордъ-намѣстникъ.—Если мы обязаны устранить евреевъ отъ политической власти, то мы обязаны также и обращаться съ ними, какъ обращались наши предки: убивать, ссылатъ и грабить ихъ. Ибо этимъ путемъ,—и однимъ только этимъ путемъ,—мы можемъ на самомъ дѣлѣ лишить ихъ политической власти. Не припявъ же этого образа дѣйствій, мы можемъ только отнять у нихъ тѣнь власти, но должны оставить (у нихъ) самую сущность ея. Мы можемъ сдѣлать достаточно, чтобы обидѣть и раздражить ихъ, но не можемъ сдѣлать столько, чтобы оградить себя отъ опасности, если опасность въ свомъ дѣлѣ существуетъ“ (стр. 304—306).

Посмотрите, онъ становится на точку зрѣнія, съ которой письмо его къ сѣверо-американцу оказывается ни больше ни меньше, какъ смѣшнымъ. Каковъ смыслъ разсужденій, сейчасъ выписанныхъ нами? Участіе въ государственной власти, вліяніе на общественныя дѣла зависятъ не оттого, получено ли извѣстными лицами или извѣстнымъ сословіемъ формальное участіе въ формальныхъ автахъ управленія,—оно зависитъ просто оттого, находятся ли эти лица или это сословіе въ такомъ положеніи среди общественной жизни, чтобы имѣть реальное значеніе въ ней. Между англійскими евреями находятся люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ силъ—богатство; а если такъ, продолжаетъ онъ, то напрасно ожидать, что они могутъ быть отстранены отъ вліянія на государственныя дѣла Англій какими бы то ни было законами о составѣ палаты общинъ или о государственной службѣ. Вы не хотите, чтобы еврей былъ членомъ палаты общинъ; но имѣя деньги, онъ склонитъ избирателей выбрать въ палату челоуѣка, который будетъ подавать голосъ точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ подавалъ бы его исключаемый вами изъ палаты еврей. Вы не допускаете, чтобы еврей могъ стать министромъ финансовъ. Но если еврей хорошо знаетъ финансовыя дѣла, министръ финансовъ будетъ дѣйствовать по его указанію; а если еврей господствуетъ на биржѣ, то онъ господствуетъ надъ финансовыми операціями министра. Дѣло не въ томъ, предоставлено ли формальными условіями вліяніе на государственную жизнь; дѣло въ томъ, находится ли сила имѣть такое вліяніе; если она находится, то обнаружить свое дѣйствіе, каковы бы ни были формальныя условія.

Маколей доказалъ, что исключить евреевъ изъ участія въ государственныхъ дѣлахъ Англій невозможно, хотя бы и было полезно. Но было ли бы это полезно, еедибъ и было возможно? Тори, не допускавшіе евреевъ до государственной службы и въ палату общинъ, утверждали, что евреи—дурные англійскіе граждане, что они могутъ желать вреда англійскому королевству,—словомъ сказать, что они составляютъ классъ людей, имѣющій интересы, противоположныя интересамъ сословія и лицъ, управлявшихъ Англією и издававшихъ для нея законы въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ споръ. Маколей доказываетъ, что такое мнѣніе объ англійскихъ евреяхъ не совершенно справедливо, и прибавляетъ, что если оно отчасти справедливо, то все-таки лекарствомъ противъ зла было бы не устраненіе евреевъ отъ политическихъ правъ,—этимъ способомъ зло только увеличивается,—а предоставленіе имъ политическихъ правъ, которое одно можетъ сдѣлать ихъ изъ вредныхъ гражданъ полезными, изъ непріязненныхъ благорасположенными.

„Если евреи не почувствовали къ Англіи дѣтской привязанности, то это потому, что сава Англія обращалась съ ними, какъ мачиха. Нѣтъ другаго чувства, которое вѣрнѣе развивалось бы въ сердцахъ людей, ждущихъ подъ сколько-нибудь порядочнымъ правительствомъ, какъ чувство патриотизма. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было такой націи, или значительной части какой нибудь націи, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, слѣдовательно, за основаніе для обвиненія какого-нибудь класса людей — недостатокъ въ нихъ патриотизма есть самая избитая уловка софистовъ. Это — логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья въ отравленія его источника (стр. 308). Аягліійскіе евреи, сколько мы можемъ видѣть, являются именно такими, какими ихъ сдѣлало правительство. Они представляютъ собою именно то, что представляла бы всякая секта, или чѣмъ былъ бы всякій классъ людей, при такомъ обращеніи, какому подвергаются евреи. Если бы, напримѣръ, всѣ рыжеволосые люди въ Европѣ подвергались, въ теченіе многихъ вѣковъ, оскорбленіямъ и угнетеніямъ; были бы изгоняемы изъ одного мѣста, въ другомъ — подвергаемы заключенію; если бы у нихъ отнимали деньги, вырывали зубы, обвиняли по самымъ слабымъ уловкамъ въ самыхъ неправдоподобныхъ преступленіяхъ, волочили на конскихъ хвостахъ, вѣшали, пытали, сожигали живыхъ; если бы, и послѣ смягченія нравовъ, люди эти продолжали подвергаться унижительнымъ стѣсненіямъ; если бы повсюду они были устраняемы отъ общественныхъ должностей и почестей, — каковъ былъ бы патриотизмъ джентльменовъ съ рыжими волосами? И если бы, при этихъ обстоятельствахъ, сдѣлано было предложеніе о допущеніи рыжихъ людей къ должностямъ, — какую поразительную рѣчь могъ бы сказать краснорѣчивый поклонникъ старинныхъ нашихъ учрежденій противъ столь революціонной мѣры! „Эти люди — могъ бы онъ сказать — едва ли считаютъ себя англичанами. Они считаютъ рыжаго француза или рыжаго нѣмца болѣе близкимъ себѣ, чѣмъ черноволосаго человѣка, родившагося въ ихъ собственномъ приходѣ. Если чужой мовархъ покровительствуетъ рыжимъ волосамъ, то эти люди любятъ его болѣе, чѣмъ своего природнаго короля. Они не англичане; они не могутъ быть англичанами; это запрещено природой; опытъ доказываетъ, что это невозможно. Права на политическую власть они вовсе не имѣютъ; ибо никто не имѣетъ права на политическую власть. Пусть они пользуются лично безопасностью; пусть ихъ собственность находится подъ защитой закона. Но если они станутъ домогаться участія въ управленіи общиною, которой они только вполнину члены, общиною, которой конституція существовавшая черноволосая, то мы можемъ отвѣтить имъ словами нашихъ мудрыхъ предковъ: *nolumus leges Angliae mutari*“ (стр. 310).

Какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не измѣнявшій себѣ никогда, могъ написать и страницы, приведенныя нами изъ статьи о евреяхъ, и письмо въ сѣверо-американцу? Какъ онъ не замѣтилъ, что самъ опровергаетъ себя? Отвѣтъ заключается въ одномъ словѣ: авторъ письма въ сѣверо-американцу и статьи о евреяхъ былъ вигъ. Это значитъ: онъ былъ человѣкъ, по преданію продолжавшій повторять прогрессивныя убѣжденія, а на дѣлѣ бывшій вонеерваторионъ. Предоставленіемъ политическихъ правъ евреямъ не производилось на дѣлѣ никакой важной перемѣны въ существовавшихъ отношеніяхъ; въ этомъ случаѣ консервативные интересы молчали, и не мѣшали проявленію слѣдовъ прежней прогрессивности.

Такова сущность нынѣшняго англійскаго вигизма: быть прогрессивнымъ въ мелочахъ, не имѣющихъ важности въ государственной жизни; быть консервативнымъ во всемъ важномъ. Читатель понимаетъ, что мы вовсе не хотимъ высказывать этимъ своей симпатіи или антипатіи къ вигизму. Мы хотимъ только опредѣлить его сущность. Мы не знаемъ и не хотимъ знать, полезное или вредное вліяніе имѣютъ виги на ходъ общественной жизни въ Англіи. Мы говоримъ о вигизмѣ, какъ общественномъ принципѣ, только для того, чтобы разъяснить характеръ воззрѣній Маколея на человѣческія дѣла.

Знал теперь, какую роль играетъ въ его убѣжденіяхъ прогрессивный элементъ, мы имѣемъ полное право опровергнуть тѣхъ, которые захотѣли бы, обманувшись нѣкоторыми отдѣльными строками или тирадами Маколея, видѣть въ немъ писателя, стоявшаго на сторонѣ радикальнаго либерализма. Правда, у него есть мѣста, которыя могутъ быть перетолкованы въ либеральномъ смыслѣ, если будутъ вырваны изъ связи текста; но должно будетъ только сообразить, къ какимъ фактамъ относитъ онъ самъ эти слова, какое консервативное ограниченіе получаютъ они отъ предмета его рѣчи, и увидимъ, что они не мѣшаютъ оставаться ему писателемъ консервативнымъ. Напримѣръ, въ статьѣ о Мильтонѣ находится тирада о свободѣ, съ уподобленіемъ, взятымъ изъ сказки о феѣ, которая иногда принимала отвратительный видъ, но скоро становилась опять феей. Въ художественномъ отношеніи сравненіе, заимствованное изъ Аріосто, надобно назвать очень картиннымъ; но предметъ, по поводу котораго дѣлается ово, отнимаетъ у него всякую излишнюю (если можно такъ выразиться) заносчивость. Маколей тутъ говоритъ о событіяхъ, происходившихъ за 200 лѣтъ до нашего времени и кончившихся утвержденіемъ нынѣшней династіи на англійскомъ престолѣ и нынѣшняго государственнаго порядка. Мысль Маколея та, что происходили въ этомъ отдаленномъ прошедшемъ нѣкоторые беспорядки, но что совокупность событій тогдашняго времени вела въ утвержденію нынѣшняго порядка, который онъ и защищаетъ съ усердіемъ истиннаго консерватора. Читатель знаетъ, что, по различію условій общественнаго быта, подробности консервативныхъ убѣжденій въ разныхъ странахъ различны. Возьмемъ, напримѣръ, законы о наслѣдствѣ. По англійскому закону недвижимое имущество отца, умершаго безъ завѣщанія, отдается одному старшему сыну; по французскому закону оно въ этомъ случаѣ дѣлится поровну между всѣми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерями; по русскому закону дочерямъ выдѣляется по опредѣленной (одной четырнадцатой) части, а все остальное дѣлится поровну, уже между только сыновьями. Въ чемъ же теперь состоитъ консерватизмъ англичанина, француза и русскаго по убѣжденіямъ, касающимся закона о наслѣдствѣ? Англичанинъ-консерваторъ будетъ защищать право первородства противъ стремленій замѣнить его способомъ французскаго или русскаго раздѣла; французъ-консерваторъ долженъ защищать равный раздѣлъ между дочерями и сыновьями противъ русскаго назначенія дочерямъ извѣстной доли и противъ права первородства; русскій-консерваторъ также долженъ защищать существующій у насъ способъ раздѣла противъ французскаго способа и противъ права первородства. Изъ этого мы видимъ, что въ частныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ предметахъ консерваторы разныхъ странъ могутъ расходиться между собою; но неужели они должны считать другъ-друга людьми дурныхъ убѣжденій изъ-за этой разницы? неужели они должны не понимать, что подъ наружнымъ разнорѣчіемъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ лежитъ во всѣхъ нихъ одно и то же коренное убѣжденіе, соединяющее всѣхъ ихъ въ одну дружескую компанію? Въ самомъ дѣлѣ, какова сущность мысли каждаго изъ нихъ? „Установленный порядокъ наслѣдства или безусловно хорошъ, или по крайней мѣрѣ преимущества другихъ порядковъ надъ нимъ не такъ велики, чтобы стоило изъ-за этого хлопотать о передѣлкѣ, подвергать общество трудамъ или неудобствамъ, какія соединены съ перемѣною“. То же надобно сказать и обо всѣхъ другихъ отношеніяхъ общественной жизни. По каждому изъ нихъ консерватизмъ можетъ имѣть въ разныхъ странахъ разныя убѣжденія, но по каждому

всѣ эти различныя убѣжденія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ въ консервативныхъ людяхъ всѣхъ странъ. Такъ и Маколей по духу своему не говоритъ ничего, противорѣчащаго консерватизму, когда, защищая существующій въ Англія порядокъ, защищаетъ и событія эпохи, основанной этотъ порядокъ. Въ установившихся отношеніяхъ, которыя видитъ на своей родинѣ, Маколей не хочетъ перемены, а если писатель, проникнутый такимъ духомъ, и разнорѣчить въ словахъ съ консерваторами другихъ странъ, то по сущности мыслей онъ не враждебенъ имъ, — напротивъ, сходенъ съ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, главная важность не въ томъ, хвалить или порицать извѣстный фактъ или извѣстныхъ людей, а въ томъ, какъ понимать ихъ, съ какой стороны хвалить и съ какой порицать. Обыкновенно фактъ имѣетъ множество сторонъ, различныхъ по своему значенію; дѣятельность человѣка точно такъ же. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитый наполеоновскій „Кодексъ“. Онъ представляетъ собою передѣлку законовъ, изданныхъ или приготовленныхъ предшествовавшими Наполеону собраніями; передѣлка эта совершена съ заботою по возможности изгладить ихъ рѣзкій революціонный характеръ. Человѣкъ какой бы то ни было партіи можетъ хвалить или порицать этотъ кодексъ, смотря по тому, какую сторону его выдвинетъ онъ на первый планъ. Французскій легитимистъ будетъ хвалить его, если почтетъ, что въ тогдашнее время нельзя было сдѣлать ничего большаго для сглаженія анархическихъ началъ, введенныхъ прежними собраніями во французское законодательство; онъ будетъ порицать его, если станетъ думать, что можно было сдѣлать тогда больше шаговъ къ возстановленію прежнихъ законовъ. Анархистъ можетъ хвалить тотъ же кодексъ, если убѣдится, что характеръ законовъ, изданныхъ предшествовавшими собраніями, мало измѣненъ въ немъ; будетъ порицать его, если убѣдится въ противномъ. Отъ факта обратимся къ дѣятелю—къ Наполеону I. Онъ былъ простолудинъ, управлявшій государствомъ съ безусловною властію. Легитимистъ можетъ восхищаться имъ за то, что онъ уничтожилъ республику, заставилъ молчать представительное собраніе, не позволялъ говорить ничего противъ власти. Анархистъ можетъ восхищаться имъ за то, что онъ производилъ свою власть отъ народнаго выбора, и дѣйствовалъ революціоннымъ способомъ. Тотъ же анархистъ можетъ и порицать его за то самое, за что хвалитъ легитимистъ; тотъ же легитимистъ—порицать за то, за что хвалитъ анархистъ.

Повторяемъ, важность не въ томъ, какіе факты и какихъ людей хвалить или порицаетъ писатель, а въ томъ, какія стороны этихъ людей или фактовъ онъ выставляетъ на первый планъ.

Такъ и Маколею приходится иногда имѣть симпатію къ фактамъ и лицамъ, не представляющимъ хорошими для консерваторовъ другихъ странъ,—чтожъ дѣлать! каждая національность имѣетъ свои особенности; онъ англичанинъ, и, въ качествѣ англичанина, ему извинительно многое, что было бы не извинительно во французѣ, какъ, наоборотъ, французъ бываетъ извинительно многое, неизвинительно во англичанину. Напримѣръ, вѣдь не порицаемъ мы англійскихъ газетъ за то, что онѣ постоянно наполняютъ множество колоній описаніями конскихъ скачекъ; а во французскихъ газетахъ это было бы несносно. Наоборотъ, нестерпимо показалось бы вамъ въ англійскихъ газетахъ постоянное наполненіе множества колоній разборами театральныхъ представленій, а во французскихъ газетахъ театральные фельетоны не составляютъ нелѣпости. Точно такъ Маколей въ качествѣ англича-

вина писалъ иногда страницы, которыхъ не написалъ бы консерваторъ какой нибудь другой націи. Но, повторяемъ, надобно только вникнуть, какую сторону лицъ и событій выставялъ онъ на первый планъ, и мы простимъ ему многое.

Напримѣръ, главнымъ предметомъ своихъ занятій выбралъ онъ новую исторію Англій съ половины XVII вѣка. Много лѣтъ жизни употребилъ онъ на исполненіе мысли написать ее; но успѣлъ описать только послѣдніе годы XVII вѣка. Прежде того много лѣтъ употребялъ онъ на приготовленіе къ этому труду, и естественно написалъ о томъ же періодѣ нѣсколько статей, пока еще не начиналъ писать исторію. Такимъ образомъ въ собраніи его сочиненій всего больше иѣста занято переворотомъ 1688 года, его причинами и послѣдствіями. Какую же сторону этого событія выставяеть онъ на первый планъ? Сущность дѣла, по его изложенію, состояла въ томъ, что прекращены были нарушенія существовавшихъ законовъ; успѣхъ дѣла, то есть огражденія силы существующихъ законовъ, зависѣлъ оттого, что при исполненіи соблюдена была величайшая умѣренность; главнымъ обезпеченіемъ успѣха послужило то, что осталась неприкосновенна прежняя форма государственнаго устройства. Словомъ сказать, по изложенію Маколей выходитъ, что сущность дѣла была консервативна, и успѣхъ дѣла произошелъ отъ его консервативности. Можно ли порицать такого историка?

Да, нельзя порицать его за сущность его воззрѣнія, общую нынѣшнимъ вигамъ съ прежними ихъ противниками тори. Нѣтъ нужды, что тори порицаютъ событія, превозносимыя вигами, — виги изображаютъ ихъ съ такой стороны, которую стали бы хвалить и тори, если бы вздумали, подобно нынѣшнимъ вигамъ, выставять ее на первый планъ. Разница только въ томъ, что тори не соглашались, будто бы эта сторона дѣла была существенною его стороною. Но тутъ, какъ видѣтъ читатель, разница между вигами и тори имѣеть уже чисто техническій, спеціальный, если можно такъ выразиться, археологическій характеръ, имѣеть значеніе не общественное, а чисто ученое.

Съ ученой стороны, съ логической стороны Маколей, надобно признаться, не правъ. Нынѣшній вигизмъ можетъ имѣть большинство въ палатѣ общинъ, можетъ быть для англійской общественной жизни менѣе неудобенъ, чѣмъ торизмъ; но въ научномъ отношеніи онъ не выдерживаетъ критики, потому что вовсе не послѣдователенъ. Онъ отрицаетъ въ настоящемъ то, что признаетъ въ прошедшемъ, онъ допускаетъ въ мелкихъ дѣлахъ то, что отвергаетъ въ важныхъ, — въ наукѣ это не годится; она требуетъ строгой выдержанности принципоръ. Виги могутъ быть благоразумными министрами, но неблагоразумно поступитъ вигъ, если захочетъ проводить нынѣшній вигизмъ въ наукѣ, какъ дѣлалъ Маколей. Тутъ нужно было бы уважать логику и сдѣлать прямой выборъ: или, оставаясь вѣрнымъ основанію нынѣшняго витизма, сдѣлаться тори, — потому что нынѣшніе виги тѣ же тори, лишь не логичные тори, — или, оставаясь вѣрнымъ преданію старыхъ виговъ, отвергнуть торійскія чувства нынѣшнихъ виговъ, на которыхъ мало походили Гампденъ и Нимъ, Альджернонъ-Сидни и Фоксъ. Маколей не замѣтилъ научной надобности такого выбора. Это значить, что онъ не имѣлъ такой силы ума, какая нужна человѣку, чтобы былъ онъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Онъ превосходно развивалъ мысли, но чужія мысли.

Но если Маколей не имѣеть первостепеннаго достоинства какъ мыслитель, то мы ни мало не думаемъ отрицать въ немъ ни тонкости и практичности ума, ни

способности превосходно аргументировать, ни богатства частныхъ наблюдений надъ человѣческимъ сердцемъ, ни близкаго знакомства съ ходомъ человѣческихъ дѣлъ: можно быть человѣкомъ очень замѣчательнаго ума, не будучи мыслителемъ, можно быть удивительнымъ знаткомъ жизни, не уиѣя подмѣчать кореннаго ея смысла. Таковъ былъ Маколей. Но писатель замѣчательнаго ума, очень тонко знающій жизнь, всегда будетъ поучителемъ, каковы бы ни были научные его недостатки. Не забудемъ еще одного качества, о которомъ и нельзя забыть: Маколей—англичанинъ. Если кому нибудь изъ насъ и не кажутся справедливы его мнѣнія о многихъ предметахъ, то всеже очень важно для насъ знать, какими особенностями отъ консерватизма другихъ странъ отличается англійскій консерватизмъ; а ни отъ какого другаго писателя мы не можемъ узнать это такъ легко и съ такимъ наслажденіемъ, какъ отъ Маколея.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губерсія. Составилъ *М. Барановичъ*. Спб. 1860 г.

Въ предисловіи въ изданному теперь тому „Матеріаловъ, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба“ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи и планѣ сборника, объщающаго быть очень важнымъ для науки.

Военное министерство и въ особенности генеральный штабъ постоянно встрѣчали потребность въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи. Потому въ 1836 г. Высочайше повелѣно было генеральному штабу составлять и черезъ каждые три года исправлять и пополнять военно-статистическія обзорнія губерній и областей Россійской имперіи. Для этихъ обзорній дана была общая программа, по которой описаніе каждой губерніи или области должно было состоять изъ двухъ частей: одна заключала въ себѣ „общія“ статистическія и географическія свѣдѣнія, другая — свѣдѣнія спеціальныя по предметамъ вѣдомствъ генеральнаго штаба, провіантскаго и комиссаріатскаго. По такой системѣ съ 1837 до 1854 г. были сдѣланы три изданія военно-статистическихъ описаній 69 губерній и областей имперіи; два первыя изданія были литографированы, а третье напечатано, но только для исключительнаго употребленія главныхъ военныхъ управленій, а въ публику эти изданія не выпускались.

Въ 1856 году, по заключеніи мира, были возобновлены, но уже на новыхъ основаніяхъ, статистическія работы генеральнаго штаба, пріостанавливавшіяся во время войны. Признано было, что работы эти заключаютъ въ себѣ много свѣдѣній, могущихъ быть обнародованными и служить полезными матеріалами для ученыхъ; потому съ 1857 года онѣ производятся въ размѣрахъ, обширнѣйшихъ прежняго, съ тѣмъ, чтобы одна ихъ часть, подъ названіемъ статистическаго описанія, печаталась для публики, и только другая часть, собственно военное обзорніе, издавалась для исключительнаго употребленія военнаго министерства. „Недостатокъ въ офицерахъ (говорится въ предисловіи) и разныя другія затрудненія, неизбѣжныя при исполненіи столь обширныхъ работъ, были причиною, что работы эти не могли начаться одновременно во всей имперіи, но въ 1858 году производились уже въ большей части губерній и областей, а нынѣ производятся почти во всѣхъ частяхъ Россіи, и нѣкоторыя изъ нихъ уже окончены; прочія же ведутся съ различною степенью успѣха“. Описаніе Рязанской губерніи составляетъ начало предполагаемаго изданія. Предисловіе оканчивается словами: „Издавая послѣдовательно въ свѣтъ, по мѣрѣ окончанія, прочіе томы „Матеріаловъ для Географіи и Статистики Россіи“, департаментъ генеральнаго штаба надѣется, что труды

офицеровъ генеральнаго штаба приготовить полезный матеріалъ для изученія Россіи и послужать хорошимъ основаніемъ для дальнѣйшихъ географическихъ и статистическихъ изслѣдованій“.

Мы можемъ прибавить, что, судя по всему, надежда департамента генеральнаго штаба оправдается. Мы думаемъ такъ, во-первыхъ, потому, что имѣли случай знать нѣкоторыхъ изъ числа офицеровъ, отправившихся для описанія губерній: образованность и добросовѣстность ихъ ручаются за хорошее исполненіе возложенной на нихъ работы, и мы увѣрены, что всѣ ихъ товарищи по этой работѣ имѣютъ такія же достоинства. Вторымъ основаніемъ предсказывать хорошій успѣхъ дѣлу служить первый образчикъ его— „Описаніе Рязанской губерніи“, составленное г. Барановичемъ и находящееся теперь въ нашихъ рукахъ.

По своему спеціальному характеру, книга эта будетъ прочитана всѣми конечно въ одной Рязанской губерніи, а за ея границами будетъ читаема только специалистами. Поэтому считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь ея оглавленіе, которое познакомитъ читателя съ программю всего начинающаго теперь изданія.

Изложивъ въ „Историческомъ введеніи“ исторію края, составляющаго нынѣ Рязанскую губернію, г. Барановичъ въ первой главѣ своего описанія излагаетъ географію и топографію Рязанской губерніи съ большою подробностью. Во 2-й главѣ говорится о числѣ жителей, движеніи народонаселенія, представляется очеркъ физическихъ, нравственныхъ и гражданскихъ качествъ всего рязанскаго населенія вообще, и въ отдѣльности каждаго сословія. 3-я глава содержитъ также очень подробныя свѣдѣнія о промышленности; 4-я глава—о состояніи образованности рязанскаго населенія; 5-я глава описываетъ его внутренній и внѣшній бытъ, 6-я глава—управленіе, а 7-я глава содержитъ „свѣдѣнія о городахъ и селеніяхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстахъ вообще, и описаніе городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ въ особенности“. Тутъ, между прочимъ, помѣщенъ полный списокъ „селеній Рязанской губерніи, имѣющимъ болѣе 100 дворовъ“, и селеніямъ, въ которыхъ находятся „фабрики и заводы, базары и ярмарки, почтовые станціи и этапныя пункты, становыя квартиры и волостныя и сельскія управленія, монастыри, церкви, раскольничьи молельни и мечети, училища и богадѣльни, пристани, водяныя мельницы и другіе замѣчательныя предметы“.

Надобно сказать, что г. Барановичъ исполнилъ эту программу очень добросовѣстно. Онъ воспользовался всѣми существовавшими пособіями для изученія Рязанской губерніи и, какъ видно по результатамъ, не жалѣлъ труда при собираніи личными изслѣдованіями свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, по которымъ существовавшіе матеріалы оказывались недостаточны.

Мы конечно не можемъ здѣсь пересмотрѣть все содержаніе толстаго тома, составившагося изъ его трудовъ. Остановимся лишь на очень немногихъ страницахъ книги.

Во всей средней полосѣ средней Россіи, а въ особенности въ подмосковныхъ губерніяхъ, жалуются на истребленіе лѣсовъ. Рязанская губернія представляетъ цифры, слишкомъ хорошо показывающія быстрый ходъ этого зла. Со времени генеральнаго межеванія въ теченіе 80 лѣтъ истреблена ровно третья часть лѣсовъ, существовавшихъ тогда въ Рязанской губерніи. Изъ 3,690,021 десятинъ всего пространства губерніи, по генеральному межеванію лѣсами было занято 1,413,426 десятинъ, а теперь показывается въ отчетахъ уже только 942,393 десятины лѣса:

изъ этого слѣдуетъ, что количество земли, занятой лѣсомъ, уменьшилось на 471,033 десятины. Люди, находящіе достаточнымъ повторять бездоказательныя фразы одной изъ экономическихъ школъ, враждебной общинному поземельному владѣнію, прямо толкуютъ, не справившись съ фактами, будто-бы въ истребленіи лѣсовъ виновато наше общинное землевладѣніе, а частная собственность сохраняетъ у насъ лѣса. Мы имѣли когда-то случай объяснять, что это бывало до сихъ поръ у насъ какъ разъ наоборотъ, что лѣса принадлежащіе государству или находившіеся въ пользованіи у общинъ сохранялись и сохраняются хорошо или дурно, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ лѣса частныхъ владѣльцевъ. Книга Барановича представляетъ новое подтвержденіе тому. Вотъ его слова:

„Относительно пользованія лѣсомъ не соблюдается никакой правильности. Казенные лѣса стоятъ почти ветровутыми и сохраняются, хотя нѣкоторые изъ нихъ, при разсчитанноиъ оборотѣ рубки, могли бы имѣть постоянный и выгодный сбытъ на чугуноплавильные и стеклянные заводы, тѣмъ болѣе, что собственно заводскіе лѣса почти истреблены, а сосѣднія дачи частныхъ владѣльцевъ находятся въ скудномъ состояніи. Что же касается до помѣщичьихъ лѣсовъ, то они, какъ было уже сказано, рубятся безъ всякаго порядка. Сбереженіе лѣсовъ и вообще сколько нибудь правильное лѣсохозяйство замѣчается еще у тѣхъ владѣльцевъ, которыхъ хозяйство находится вообще въ хорошемъ положеніи; но такихъ немного; болѣею же частію помѣщики, стараясь извлечь хотя временную, но сколь возможно большую пользу, при первомъ представившемся случаѣ для выгоднаго сбыта продаютъ свои лѣса цѣликомъ разнымъ промышленникамъ, съ условіемъ совершеннаго истребленія.“

Изъ главы о движеніи народонаселенія мы отмѣтимъ одно очень основательное замѣчаніе г. Барановича. По десятой ревизіи 1858 г. въ Рязанской губерніи оказывался нѣкоторый перевѣсъ числа женщинъ надъ числомъ мужчинъ; точно то же было по 9 ревизіи (1850 года). Между тѣмъ по свѣдѣніямъ о количествахъ рождающихся и умирающихъ слѣдовало-бы ожидать противнаго. Г. Барановичъ говоритъ:

„Свѣдѣнія, заимствованныя изъ дѣлъ рязанской духовной консисторій, о количествахъ ежегодно заключаемыхъ браковъ, рождающихся и умирающихъ, имѣются за нѣсколько лѣтъ. Средній выводъ изъ нихъ показываетъ, что перевѣсъ рожденій бываетъ всегда на сторонѣ мужскаго пола. Среднимъ числомъ за 14 лѣтъ родилось:

мальчиковъ . . .	29,127
дѣвочекъ . . .	28,044
разница . . .	1,083

„Слѣдовательно перевѣсъ рожденій въ пользу мужскаго пола довольно значителенъ; между тѣмъ какъ число умершихъ и мужскаго и женскаго половъ совершенно одво по то же, именно по тѣмъ же выводамъ умерло:

мужскаго пола . . .	18,222
женскаго пола . . .	18,239

„Изъ этого слѣдуетъ, что въ массѣ народонаселенія губерніи мужской полъ долженъ быть многочисленнѣе женскаго; но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Причина этому ясная—убыль народонаселенія отъ рекрутскихъ наборовъ, войнъ, разныхъ промысловъ за предѣлами губерніи, часто очень губельныхъ для здоровья, касается одного только мужскаго пола.“

Вліяніе послѣдней причины, именно разныхъ промысловъ за предѣлами губерніи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Рязанскіе поселяне, уходящіе на промыслы

въ Москву, Петербургъ и проч., конечно умирають въ нѣкоторомъ числѣ за предѣлами губерніи, и эти умирающіе не вносятся въ метрическія книги Рязанской епархіи. Но не отъ этой причины происходитъ, что число мужчинъ въ Рязанской губерніи оказывались въ послѣдніа десятилѣтія меньше числа женщинъ. Въ концѣ прошлаго вѣка или въ началѣ нынѣшняго рязанцы также уходили на промысли въ другія губерші, а между тѣмъ по пятой и шестой ревизіямъ (1796 и 1812 гт.) численность мужскаго пола была больше женскаго. По переписи 1812 года, произведенной до начала войны, въ губерніи было слишкомъ на 20 тысячъ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Усиленные наборы 1812, 1813 и 1814 гт. уничтожили почти весь этотъ перевѣсъ: по 7 ревизіи (1815 г.) количество мужчинъ превышало количество женщинъ на 830 человекъ. Въ слѣдующіе годы бралось меньше рекрутъ, и излишекъ мужскаго населенія сравнительно съ женскимъ по 8 ревизіи (1833 г.) простирался до 3,850 человекъ. Но послѣ того рекрутскіе наборы усилились, и въ 1850 г. (по 9 ревизіи) въ мужскомъ населеніи сравнительно съ женскимъ оказался уже недочетъ въ 10 тысячъ человекъ. За 1850 г. слѣдовали годы крымской войны, въ теченіе которыхъ этотъ недочетъ конечно еще увеличился; но въ два послѣдніе года передъ 10 ревизіею не производилось наборовъ, и потому недочетъ уменьшился съ 10 тысячъ человекъ до 5 тысячъ человекъ.

Дѣлая очеркъ нравственныхъ качествъ рязанскаго сельскаго населенія, г. Барановичъ замѣчаетъ въ населеніи двухъ половинъ губерніи, земледѣльческой и промышленной, обыкновенныя черты различія, производимыя разницею между неподвижнымъ бытомъ земледѣльца и болѣе подвижною жизнію мастераго или фабричнаго работника; но говорить, что, независимо отъ этихъ различій, есть черты, общія всему сельскому населенію Рязанской губерніи, — черты, принадлежащія поселянину и всѣхъ прочихъ великороссійскихъ губерній. „Надежда на Промыслъ (говоритъ г. Барановичъ) служить ему (рязанскому и вообще великорусскому поселянину) лучшимъ утѣшеніемъ въ тяжкіе дни невзгоды“.

„Повиновеніе къ властямъ и довѣріе къ обществу суть тоже отличительныя его свойства. Говоря правду, примѣры послушанія и повиновенія довольно рѣдки, и случаются болѣе, какъ вынужденныя чрезвычайными требованіями или вслѣдствіе недоразумѣній. Крестьянинъ вполнѣ довѣряетъ обществу, среди котораго живетъ, зная, что оно не обвинитъ его, но въ иныхъ случаяхъ жизни смотритъ на многое подозрительно и недовѣрчиво, и въ этомъ конечно нельзя обвинять русскаго человека, по природѣ добраго и простодушнаго“ (стр. 136).

Надобно отдать полную справедливость умѣнью г. Барановича понимать народъ: какихъ вздоровъ ве рассказываютъ о нашемъ поселянинѣ люди, обыкновенно порицающіе его, и даже люди, обыкновенно восхищающіеся имъ, — какихъ пустяковъ не рассказываютъ они о тѣхъ сторонахъ его характера, которыя такъ вѣрно отмѣчаетъ г. Барановичъ въ немногихъ приведенныхъ нами словахъ. Отъ порицателей и панегиристовъ русскаго поселянина мы обыкновенно слышимъ увѣренія, будто бы овъ недовѣрчивъ къ людямъ, носящимъ нѣмецкое платье. Сам собою разумѣется, что никакой разсудительный и опытный человекъ, хотя бы былъ поселянинъ или мѣщанинъ, помѣщикъ или купецъ, офицеръ или чиновникъ, не станетъ съ перваго же слова раскрывать вамъ свое сердце, высказывать вамъ свои чувства и надежды, не узнавъ предварительно, расположены ли вы его слушать: готовы ли сочувствовать ему; но человекъ, одѣтому въ какое бы то ни было платье

ве только нѣмецкое, а хотя бы грузинское, или турецкое, или даже славянофильское, и не только русскому человѣку, но и всякому человѣку, умѣющему говорить по-русски, нужно ровно столько же времени, ни больше, ни меньше, на то, чтобы сойтись съ поеселяниномъ, какъ и на то, чтобы сойтись съ русскимъ мѣщаниномъ или купцомъ, или просто образованнымъ человѣкомъ. Сядьте за столъ въ ресторанѣ съ людьми образованнаго общества, сядьте за столъ на постояломъ дворѣ съ проѣзжими мужиками, — все равно разговоръ вашъ съ сосѣдомъ будетъ нѣсколько минутъ вертѣться на общихъ фразахъ, и все равно, черезъ нѣсколько минутъ, онъ будетъ проникнуть до вѣрчивостію или прямодушіемъ, если вообще вы сами таковы, что можете внушить до вѣріе человѣку какого нибудь званія. Сблизиться съ мужикомъ человѣку изъ образованнаго общества не труднѣе и не легче, чѣмъ сблизиться съ человѣкомъ своего сословія. Но, разумѣется, для этого нужно, чтобы вы находились къ нему просто въ отношеніяхъ добраго знакомаго къ доброму знакомому, а не въ какихъ нибудь дѣловыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ откровенность становится источникомъ невыгодъ для него, — въ этомъ опять мужикъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другаго человѣка: если говорить ему вредно, онъ будетъ удерживаться отъ лишнихъ рѣчей. Точно также и купецъ не будетъ говорить съ вами о своей торговлѣ, чиновникъ о своей службѣ, если долженъ будетъ ожидать, что извлеченныя изъ разговора съ нимъ свѣдѣнія намѣрены вы обратить во вредъ ему. Что тутъ особеннаго? Но, говорятъ, трудно убѣдить мужика, что вы не имѣете намѣренія обратить во вредъ ему его до вѣріе. Ничуть не труднѣе, чѣмъ всякаго другаго человѣка; напротивъ, даже легче, потому что онъ сильнѣе всякаго будетъ расположенъ въ вашу пользу, когда въ вапемъ разговорѣ съ нимъ будетъ дружелюбная ласковость, безъ чванной снисходительности. Точно такъ же можно было бы перебрать одну за другою всѣ черты, указываемыя въ поселянинѣ короткими, но вѣрными словами сдѣланной нами выписки: готовность слушаться всякаго разсудительнаго совѣта, всякаго справедливаго требованія и т. д. Изъ всѣхъ этихъ чертъ мы считаемъ удобнымъ вникнуть нѣсколько поближе только въ одну, которую г. Барановичъ называетъ до вѣріемъ къ обществу: да и эту черту разсмотримъ лишь съ одной стороны, — со стороны отношеній великорусскаго поселянина къ епособу землевладѣнія, обычному у насъ.

Г. Барановичъ раздѣляетъ мнѣшіе многихъ нашихъ экономистовъ, будто бы общинное землевладѣніе не выгодно. Тѣмъ до вѣрнѣе отзывъ его о расположеніи великорусскихъ поселянъ къ общинному землевладѣнію. Мы приведемъ изъ его книги вполнѣ весь отрывокъ объ этомъ предметѣ.

„Земли, предоставленныя въ пользованіе крестьянъ, дѣлятся между ними по ровну; въ казенныхъ имѣніяхъ по числу ревизскихъ душъ, а въ помѣщччьихъ по количеству тяголъ или наличныхъ работниковъ. У государственныхъ крестьянъ дѣлежъ земли бываетъ обыкновенно послѣ ревизіи: послѣ чего каждый владѣетъ своимъ участкомъ до слѣдующей ревизіи, то есть до новаго раздѣла земель. Если же, по какимъ нибудь причинамъ, въ селеніи произошла значительная убыль населенія, то, не дожидаясь ревизіи, въ селеніи дѣлается общій передѣлъ земель между оставшимися ревизскими душами. Самый процессъ дѣлежа въ казенныхъ селеніяхъ слѣдующій. Сперва разбиваютъ земли на десятины и сортируютъ, по достоинству, на нѣсколько разрядовъ. При этой сортировкѣ принимаютъ въ разсчетъ не одно качество почвы, но и отдѣльность земель отъ усадебъ, однимъ словомъ, всѣ выгоды и неудобства дачи. Послѣ того общество, то есть ревизскія души, между которыми производится дѣлежъ, подраздѣляется на равныя части. Части эти называются *вытми* или *службами*, и какъ число ихъ, такъ и число заключаю-

щихся въ нихъ душъ произвольно; 200 душъ, напримѣръ, дѣлятся на 4 или на 5 вытей, по 50 или по 40 душъ въ каждой; если же въ селеніи 203 души, то остающіяся отъ расчета три души называются *завытными* и надѣляются землей особо. Раздѣлившись на выти, общество, по числу этихъ послѣднихъ, дѣлитъ и cadaго сорта землю на равныя части, и потомъ бросаетъ жребій, какой участокъ земли по всѣхъ разрядахъ какой выти достанется. Каждая выть, получивъ землю, опять сортируетъ ее по качеству на разряды и всѣ полученные отъ общества участки дѣлятъ по числу составляющихъ ее душъ, а потомъ рѣшаетъ жребіемъ, кому какимъ клочкомъ владѣть.

„Такимъ образомъ дѣлятся не однѣ пашни, но и всѣ угодья, за исключеніемъ лѣсовъ, выгоновъ, иногда и луговъ, остающихся въ общемъ пользованіи. Земли находящіяся подъ усадьбами тоже раздѣляются по душамъ; но занятія дворами, огородами и садами остаются безъ перемѣны; при раздѣлѣ сихъ послѣднихъ, крестьяне по условію вознаграждаютъ одинъ другаго участками лучшихъ пахотныхъ земель, конопляниковъ и пр.

„Отъ подобнаго раздѣла поле выходитъ раздѣленное на полосы, шириною въ 2 в $1\frac{1}{2}$ саж, иногда и уже. Дробность полосъ часто бываетъ очень велика, но это не стѣсняетъ крестьянъ; они заботятся только, чтобы при дѣлежѣ вся земля, худая и хорошая, была распредѣлена между ними по качествамъ своимъ по возможности равномерно; если же случается, что иному не посчастливится и достанется дурная земля, то общество принимаетъ въ немъ участіе и вознаграждаетъ его небольшими деньгами.

„Подобный же способъ раздѣла земли между крестьянами существуетъ и въ помѣщичьихъ мѣстностяхъ, съ тою только разницею, что земля дѣлится не по числу душъ, а по числу тягловъ, отчего участки дѣлаются не такъ дробны и самый раздѣлъ производится проще; кромѣ того, въ раздѣлѣ земель между крестьянами принимаетъ непосредственное участіе самъ помѣщикъ, или поставленный имъ бурмистръ. Общій нерѣдѣль земли, или перекладка тягловъ, вредящій крестьянскому хозяйству, дѣлается очень рѣдко: обыкновенно тягло владѣть доставшееся ему тягло долгое время; затыглые же, не имѣя земли, живутъ при семействахъ, помогая имъ или приобретаая деньги на сторонѣ. Если же тягло въ деревнѣ, по какой нибудь причинѣ, уничтожилось, то земля, имъ оставленная, передается по жребію или по волѣ помѣщика одному изъ затыглыхъ, который съ этихъ поръ несетъ тягло.

„Въ оброчныхъ мѣстностяхъ помѣщики предоставляютъ въ пользованіе крестьянъ всю свою землю и за это, по условію, получаютъ извѣстный оброкъ съ тягла; въ мѣстностяхъ же барщинныхъ каждое тягло надѣляется среднимъ числомъ двумя десятинами въ каждомъ полѣ, и за это обязано обработывать такое же количество земли господской, употребляя для этого своихъ лошадей, упряжь и земледѣльческія орудія. Въ большей части мѣстностей, земли между помѣщикомъ и крестьянами дѣлятся по-ровну; въ рѣдкихъ мѣстностяхъ барская запашка превосходитъ крестьянскую. Кромѣ нашенной земли, крестьяне несущіе тягло надѣляются отъ помѣщика частью луговъ для сѣнокоса, выгономъ для скота, огородамъ конопляниковъ и пр. Что касается до луговъ, то они дѣлятся такъ же какъ и пашни, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ много; большею же частью раздѣлъ покосовъ производится каждое лѣто, обыкновенно когда настанетъ время сѣнокосу. Черезъ это много терпятъ луга, потому что никто не заботится объ ихъ осушеніи и очищеніи.

„Въ хозяйственномъ отношеніи подобные раздѣлы земель имѣютъ много неудобствъ. Крестьянинъ, не имѣя твердой увѣренности сохранить землю, воздѣланную его трудами, на-долго и передать ее потомству, дѣлается равнодушнымъ ко всѣмъ улучшеніямъ, если польза отъ нихъ предвидится только въ будущемъ; къ тому же раздробленіе крестьянскаго хозяйства, въ видѣ клочковъ земли, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, чрезвычайно затрудняетъ веденіе правильнаго хозяйства. Но, тѣмъ не менѣе, эта система раздѣла справедлива по совѣсти; крестьянинъ доволенъ ею и не тяготится ея недостатками, которые устраняетъ, по мѣрѣ возможности, своимъ практическимъ умомъ и доверіемъ къ обществу. При дѣлежѣ случаются иногда ссоры и неудовольствія, но рѣдко были примѣры, чтобы крестьяне обращались къ властямъ съ просьбою разеудить ихъ въ дѣлежѣ земли“.

Изъ всего этого мы видимъ, что единственная практически невыгодная сторона общиннаго землевладѣнія въ Рязанской губерніи—обычай брать участокъ не

однимъ цѣлымъ кускомъ въ каждомъ полѣ, а дробить землю каждаго поля на столько разныхъ частей, сколько есть разныхъ сортовъ земли, и давать каждому по полосѣ въ каждомъ изъ такихъ кусковъ, такъ что подушный участокъ въ каждомъ полѣ составляется изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ полосъ, очень мелкихъ. Но это неудобство не имѣетъ никакой связи съ общиннымъ землевладѣніемъ: при существованіи частной собственности земля одного поселянина также можетъ состоять изъ множества разбросанныхъ мелкихъ кусковъ, какъ и видимъ мы во Франціи, гдѣ семейство поселянъ, владѣющее землею, имѣетъ свою землю, раздробленную среднимъ числомъ на 23 или 24 клочка, лежащіе врозь другъ отъ друга. При частной собственности эта вредная раздробленность никакъ не можетъ быть устранена безъ очень рѣзкихъ принудительныхъ мѣръ, и даже будучи разъ истреблена—тотчасъ же стала бы возникать вновь. Земли одного владѣльца никакъ нельзя собрать въ одинъ кусокъ безъ принудительнаго обмѣна или принудительнаго отчужденія и округленія административнымъ путемъ. Но разъ собравшись въ одно мѣсто, поземельное имущество сельской семьи тотчасъ же вновь стало бы получать видъ прежней разбросанности отъ разныхъ дробленій одного куска и соединеній въ одвѣ руки разныхъ полосъ разныхъ кусковъ черезъ продажу, наслѣдство и переходъ въ приданое. Вредная разбросанность клочковъ лежитъ въ самой натурѣ такого поземельнаго устройства. Но при общинномъ землевладѣніи разрозненность клочковъ бываетъ лишь слѣдствіемъ того, что поселяне не замѣчаютъ вреда въ ней, то есть существуетъ лишь въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ не очень важенъ приносимый ею вредъ, и исчезаетъ, какъ скоро становится тяжела для поселянъ. Изъ Гакстгаузена мы знаемъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ неудобство разбросанныхъ полосъ стало чувствительно, поселяне наши уже перешли къ другому способу дѣлить участки по душамъ,—къ способу, при которомъ никогда невозможно явиться вредной разбросанности полосъ. Въмѣсто того, чтобы давать въ каждый подушный участокъ полосу каждаго сорта земли, поселяне опредѣляютъ относительное достоинство каждаго сорта земли и достигаютъ одинаковости подушныхъ участковъ тѣмъ, что одну десятину лучшей земли полагаютъ равняющеюся, напримѣръ, $1\frac{1}{4}$ десятины земли втораго сорта, и быть можетъ цѣлымъ тремя десятинами самой худшей земли. При такомъ способѣ нарѣзыванія подушныхъ участковъ, каждый участокъ состоитъ изъ одного куска въ полѣ, и раздробленности уже никакой нѣтъ и быть не можетъ. Если рязанскіе поселяне еще не поступаютъ такимъ образомъ, это просто значитъ, что дробленіе на полосы еще не составляетъ для нихъ чувствительнаго неудобства. Г. Барановичъ говоритъ, какъ о слѣдствіи общиннаго владѣнія, еще о другомъ фактѣ,—о томъ, что они плохо удобряютъ землю; но это происходитъ отъ совершенно иной причины, какъ мы увидимъ сейчасъ.

Впрочемъ, мы замѣчаемъ все это лишь мимоходомъ. Здѣсь не мѣсто повторять мысли, давно и очень обширно изложенныя въ „Современникѣ“. Дѣло для васъ теперь въ томъ, что г. Барановичъ, не будучи расположенъ къ общинному землевладѣнію, прямо свидѣтельствуетъ однако, что „крестьянинъ доволенъ этою системою“, „не тяготеетъ“ тѣми слѣдствіями ея, которыя г. Барановичъ называетъ недостатками, и которыя скорѣе надобно назвать просто различіями ея отъ системы частной собственности. Мало всего этого: самъ г. Барановичъ признается, что „эта система раздѣла справедлива по совѣсти“.

Извѣстно, что у насъ довольно плохо удобряются поля въ большей части тѣхъ губерній, земля которыхъ требуетъ удобренія. Есть люди, столь богатые воображеніемъ и привычныя повторять безъ всякаго соображенія тирады изъ плохихъ французскихъ книжекъ, что приписываютъ это обстоятельству общинному землевладѣнію. Гораздо проще объяснять его тѣмъ, что наши поселяне бѣдны и не могутъ обзавестись достаточнымъ количествомъ скота, а помѣшники также почти всѣ издавна обременены долгами и по неразсчетливости не могли заняться хозяйствомъ какъ слѣдуетъ. О количествѣ и содержаніи скота у поселянъ Рязанской губерній г. Барановичъ сообщаетъ намъ слѣдующее:

„Уходъ за скотомъ самый небрежный: скоть никогда не чистится и не моется, солома бросается подъ ноги съ цѣлю увеличенія навоза, а не для того, чтобы доставить скоту сухую подстилку. Съ приговореніемъ питательнаго корма и питья, а также съ употребленіемъ средствъ, предохраняющихъ скоть отъ болѣзней, крестьяне почти незнакомы; воспитаніе молодыхъ животныхъ самое противуестественное, отчего большая часть ихъ умираетъ; наконецъ, для улучшенія породъ ничего не дѣлается; крестьяне насколько ве заботятся о томъ, чтобы общими силами пріобрѣтать хорошихъ быковъ для стадъ своихъ. Самое расположеніе животныхъ предоставлено природѣ; плодятся начинаютъ они прежде, чѣмъ достигнуть полного развитія, отчего получается слабый в болѣзненный приплодъ, и порода съ каждымъ поколѣніемъ становится слабѣе и слабѣе.

„Очевидно, что при такомъ хозяйствѣ нельзя ожидать отъ скота большихъ выгодъ. Главная цѣль содержанія скота: полученіе навоза и на лѣтнее время молока. Мясная пища почти неизвѣстна крестьянамъ, въ городахъ же продовольствуются пригоннымъ скотомъ изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Земли Войска Донскаго. Масло получается въ наломъ количествѣ, и рѣдко можно найти такія хозяйства, въ которыхъ бы оно шло въ продажу и составляло предметъ дохода. Однимъ словомъ, рогатый скоть держится крестьянами только для того, чтобы запастись навозомъ и пропитать себя молокомъ; но такъ какъ кормовыя средства весьма недостаточны, то крестьяне содержатъ самое ограниченное число головъ; въ большей части семействъ можно найти одну, двѣ и весьма рѣдко три коровы; такъ что и единственная цѣль содержанія рогатаго скота—накопленіе навоза далеко не достигается“.

Но, разумѣется, смѣшно было бы ожидать, чтобы поселянинъ доставлялъ своему скоту пищу лучше той, какую имѣетъ самъ, или устраивалъ жилища для скота теплѣе, чище и удобнѣе, чѣмъ въ какихъ живетъ самъ. Мы возьмемъ изъ книгъ г. Барановича слѣдующія очень вѣрныя замѣтки о пищѣ и жилищахъ рязанскихъ поселянъ.

„Обыкновенно пища крестьянъ весьма проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, шв я каша составляютъ всѣдневный обѣденный и ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдней часто не бываетъ. Ржаной хлѣбъ отличается хорошимъ качествомъ; иногда только отъ небрежнаго квашенья и печенья дѣлается неудобоваримъ; въ праздникъ пекутъ, изъ ржаной муки съ примѣсью пшеничной, такъ называемые пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни, варятъ изъ квашеной капусты безъ всего, съ тѣмъ различіемъ, что въ скоромные прибавляютъ въ нихъ иногда сала или сметаны или просто молока; о заправѣ щей мукою, масломъ и крупами ве многіе имѣютъ понятіе, и потону она выходятъ жидки и невкусны, вполнѣ суровыя. Каша бываетъ гречневая, пшенная и просяная молочная и съ постнымъ масломъ или толченымъ коноплянымъ сѣменемъ во время постовъ; употребленіе каши уже служить признакомъ нѣкотораго довольства; что же касается до мясной пищи, то это большая рѣдкость крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздникі. Рыбы, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рѣкъ, употребляютъ еще менѣе; въ общемъ употребленія она только въ послѣдніе дни масляницы, въ зимній Николинъ день и въ

праздникъ Благовѣщенія. Рыба употребляется соленая: бѣлужина и севрюжина, и свѣжая: плотица, овуль, ершь, пискарь, язь, карась, иногда щука и лещъ, вообще породы мелкихъ рыбъ, которыми изобилуютъ озера и рѣки губерніи. Овощи въ маломъ употребленіи, по причинѣ отсутствія у крестьянъ хорошихъ огородовъ; картофель, который могъ бы служить весьма питательною и вкусною принадлежностью крестьянскаго стола, еще не въ общемъ употребленіи; его не вездѣ разводятъ и притомъ въ количествѣ недостаточномъ; еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька въ постные дни. Другихъ овощей крестьяне почти не знаютъ; фрукты идутъ въ продажу; а въ сѣверныхъ уѣздахъ обѣихъ не имѣютъ и понятія. Грибы въ большомъ употребленіи, безъ нихъ трудно обойтись крестьянину въ постные дни; но ягоды собираются только для продажи; развѣ дѣти воспользуются иногда случаемъ полакомиться ими, и притомъ не разбирая зрѣлы ли онѣ, или незрѣлы, отъ чего всегда въ то время, когда поспѣваютъ ягоды и фрукты, существуютъ болѣзни желудка и поносы.

„Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана служатъ болѣе для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который также, какъ и ячница подаются къ столу болѣе по праздникамъ. Съ другимъ пригонодевіемъ пищи крестьяне ве знакомы, развѣ блины дѣлаютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ихъ ѣдятъ обыкновенно на масляницѣ, иногда же и въ другіе дни. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной количество сѣдаемой пищи, можно сказать, удваивается, вслѣдствіе чего являются и вредныя послѣдствія невоздержанія; но есть времена въ году, когда, напротивъ, крестьянинъ, даже исправный въ хозяйствѣ, голодаетъ; и самое голодное для народа время, безспорно, Петровъ постъ; въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ провъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ этотъ постъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли. Къ довершенію всего, часто у крестьянъ въ этому времени недостаетъ даже хлѣба, и онъ прибѣгаетъ къ займамъ или для насущнаго пропитанія молотить рожь еще незрѣлую.

„Жилище поселянна, состоящее изъ разныхъ построекъ, представляетъ всегда фигуру четвероугольника, болѣе или менѣе продолговатую. Главное строеніе есть изба, стоящая обыкновенно лицомъ на улицу; въ одну линію съ нею—ворота, потомъ амбаръ или илеть; по бокамъ и съ заду бани, погреба, конюшни, хлѣвы, загороды для скота и разныя другія пристройки. Амбары не всегда находятся въ чертѣ прочихъ строеній; есть много деревень, особенно въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ амбары стоятъ отдѣльно чрезъ улицу и за дворомъ.

„Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ болѣею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для житія, а другая есть клѣтъ, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ это главное строеніе крестьянина весьма разнообразно въ своихъ формахъ; иногда вмѣсто клѣты ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроены небольшой чуланъ вмѣсто клѣты. На сѣверѣ губерніи избы строятся выше и раздѣляются дурно сколоченымъ поломъ горизонтально на двѣ половины, изъ коихъ въ верхней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣтъ и называется подполиця. Въ уѣздахъ Данковскомъ, Скопинскомъ, Пронскомъ и другихъ западныхъ клѣтъ называется горницей, а иногда горенкой.

„Размѣры избы соразмѣряются съ величинной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ; такимъ образомъ, средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаютъ отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять взбу средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 кубическихъ аршина; въ каждой избѣ, въ сложности, живутъ по восьми человекъ; слѣдовательно, каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину три, а въ вышину два аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю вотиву, которая въ теченіе зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить

себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитая большею частью изъ глины и въ деревянной оправѣ или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ *опечикѣ*, устроенномъ въ углу, подлѣ двери, и занимаетъ обыкновенно шестую часть избы. Русская печь не вполне удовлетворяетъ своему назначенію; если она съ трубой, то приспособлена болѣе для печенія хлѣба и для приготовленія пищи, чѣмъ къ нагрѣванію избы. Крестьяне это ясно видятъ, и—вотъ причина, почему они избѣгаютъ печей съ трубами, желая нѣкоторымъ образомъ устранить ихъ недостатки другимъ неудобствомъ, болѣе удовлетворяющимъ назначенію печи въ зимнее время, то есть нагрѣванію избы. Извѣстно, чѣмъ долѣе горячій дымъ, посредствомъ поворотовъ въ трубѣ, задерживается въ печи, тѣмъ болѣе она даетъ теплоты, и на этомъ основывается превосходство курныхъ избъ предъ бѣлыми; кромѣ того, курныя избы удобнѣе, потому что сухи; напротивъ, избы съ печными трубами въ зимнее время всегда сыры, потому что печь не въ состояніи нагрѣвать надлежащимъ образомъ стѣны, и онѣ мокнутъ, осаживая влажностью въ воздухѣ. Крестьяне жалуются также, что избы съ трубами угарны; если угаромъ назвать всякое испареніе или отдѣленіе газа, дѣйствующее вредно на организмъ, то весьма естественно, что въ избахъ, гдѣ живетъ домашняя скотина и находится въ броженіи приготовляемая пища и питье, гдѣ нечистота отъ людей, скота и домашнихъ птицъ, всеобщая неопрятность, вездѣ развѣшено для сушки бѣлье, платье и пр., а кругомъ заплѣснѣвшія гнилыя стѣны,—то въ этихъ избахъ долженъ быть угаръ, и въ этомъ случаѣ дымъ, какъ средство противъ гнилости, уничтожаетъ его и очищаетъ избу, унося съ собою вредныя испаренія, ибо при топкѣ печи обыкновенно отворяются двери.

„Все это причиною, что крестьяне до сихъ поръ не оставляютъ курныхъ избъ; даже топятъ по черному тамъ, гдѣ устроены печныя трубы. Только стараніе о соблюденіи чистоты, отсутствіе скота и печь хорошо сложенная изъ кирпича и большаго размѣра—позволяютъ хозяину вполне пользоваться тѣми выгодами, которыя доставляетъ бѣлая изба съ трубой.

„Исчисляя выгоды курныхъ избъ, нельзя однакожъ не признать ихъ весьма неудобными; онѣ дѣйствуютъ губительно на здоровье своею атмосферой, наполненною дымомъ и чадомъ, неравною температурою и сквознымъ вѣтромъ во время топки. По закрытіи дымоваго окна, изба бываетъ тепла; но зато утромъ температура почти равняется уличной“.

Все это вещи, очень давно и очень хорошо извѣстныя каждому, кто сколько нибудь интересовался бытомъ великорусскихъ поселянъ. Каждому изъ такихъ людей не менѣе извѣстны и причины такого положенія. Но г. Барановичъ излагаетъ дѣло такимъ спокойнымъ тономъ, что едва ли у кого нибудь достанетъ смѣлости обвинить представляемый имъ отчетъ въ преувеличеніи. Думаемъ, что слѣдующія мѣста, приводимыя нами изъ его книги, не нуждаются въ комментаріяхъ, какъ вѣроятно не нуждаются и предыдущіе отрывки. Мы ограничимся тѣмъ, что выпишемъ ихъ.

Говоря о недоимкахъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ, г. Барановичъ дѣлаетъ такое объясненіе:

„Одно важное обстоятельство необходимо должно было имѣть вліяніе на состояніе недоимокъ у казенныхъ крестьянъ.— это учрежденіе палаты государственныхъ имуществъ. Не утверждая въ какой мѣрѣ это учрежденіе способствовало или препятствовало успешному взносу податей, представимъ состояніе недоимокъ до открытія палаты государственныхъ имуществъ и послѣ сего. Эти сравнительные выводы покажутъ слѣдующее:

при учрежденіи палаты въ 1839 году,	
подушной и оброчной недоимки считалось . . .	110,948 р. с.
а къ 1856 году	768,796 „ „

„Слѣдовательно недоимка увеличилась на 657,848 р., то есть въ семь разъ.

„Наконѣцъ, есть еще одно зло, сильно ослабляющее народную нравственность :

благостояние и служащее главнѣйшею причиною накопленія недоимокъ: это пьянство.—порокъ тѣмъ болѣе возбуждающій сожалѣніе, что пагубныя слѣдствія оваго усиливаются разными посторонними обстоятельствами“.

Число кабавовъ, пропорціонально количеству душъ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ пять разъ больше, чѣмъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ. Но многочисленность эта не должна считаться слѣдствіемъ желанія самихъ государственныхъ крестьянъ: они, по свидѣтельству г. Барановича, „ходатайствуютъ о выводѣ нитейныхъ домовъ изъ своихъ селеній“ (стр. 416).

О помѣщичьихъ крестьянахъ и о помѣщикахъ мы не будемъ говорить ничего, довольствуясь только одною краткою выпискою о тѣхъ и другою столь же краткою о другихъ. Изъ крестьянскихъ повинностей мы замѣтимъ слова г. Барановича только объ одной обозной.

„Лѣтнія обязательныя работы состоятъ въ разныхъ полевыхъ занятіяхъ по земледѣлію; зимнія же въ молотьбѣ и возкѣ помѣщичьяго хлѣба на продажу, къ мѣстамъ сбыта. Эта возка составляетъ одну изъ обременительныхъ статей барщинныхъ обязанностей и совершается часто въ отдаленныя мѣста; въ уѣздахъ Раненбургскомъ и Данковскомъ каждое тягло обязано дѣлать отъ двухъ до трехъ обозовъ въ зиму, за 350 верстъ каждый; въ Пронскомъ и Михайловскомъ такое же количество обозовъ въ Москву, на разстояніе отъ 200 до 280 верстъ; въ Зарайскомъ по три обоза въ Москву и по шести къ Ильѣ Пророку (Московской губерніи, Богородскаго уѣзда) и пр.“

О состояніи помѣщиковъ Рязанской губерніи можно судить по способу, какимъ продаютъ они хлѣбъ.

„Заподряды хлѣба у помѣщиковъ дѣлаются въ декабрѣ или январѣ мѣсяцахъ, когда обыкновенно цѣны стоятъ выгоднѣйшія; иногда заподряды эти дѣлаются и ранѣе, но всегда принимаются въ расчетъ цѣны январскія, и по нимъ совершается расплата. Случается, что хлѣбъ покупаютъ даже на корню и деньги выплачиваются впередъ, но при этомъ заключается условіе, что противу цѣнъ, которыя будутъ въ январѣ, помѣщикъ долженъ сдѣлать уступку на 15 и болѣе процентовъ.

„Купецъ, покупая у помѣщика хлѣбъ, даетъ ему задатокъ; чѣмъ выгоднѣе сдѣлана покупка и чѣмъ настоятельнѣе требованіе на хлѣбъ, тѣмъ болѣе платится задатокъ, такъ что величина задатка опредѣляетъ и самую степень выгоды торговли; впрочемъ, при значительномъ заподрдѣ въ задатокъ дается обыкновенно половина всей суммы; иногда же платятся и всѣ деньги, но при этомъ дѣлается въ пользу купца уступка“.

Читатель конечно понимаетъ, что выгоднѣйшими цѣнами называются здѣсь выгоднѣйшія для купцовъ, то есть самыя низкія. Такимъ образомъ помѣщики Рязанской губерніи, по разстроенности своихъ дѣлъ, принуждены продавать хлѣбъ по самымъ убыточнымъ цѣнамъ, да и изъ этихъ цѣнъ дѣлать купцамъ значительную уступку для полученія денегъ впередъ. Надобно поппить, что г. Барановичъ говоритъ о положеніи дѣлъ въ годы, предшествовавшіе началу такъ называемаго крестьянскаго вопроса. Вообще онъ говоритъ, что хозяйственныя дѣла помѣщиковъ Рязанской губерніи находились тогда въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ.

Закрывая его книгу, мы должны сказать, что часто и очень часто будутъ ссылаться на нее всѣ, занимающіеся статистикою Россіи. Г. Барановичъ заслуживаетъ полной признательности за свой прекрасный и добросовѣстный трудъ. Надобно желать, чтобы и слѣдующіе томы полезнаго изданія, предпринятаго департаментомъ генеральнаго штаба, походили на описаніе Рязанской губерніи.

Экономическая Библиотена. — Промышленные предприятия. Курсель-Сенёля. Переводъ съ французскаго, изданный подъ редакціей В. Вешнякова. С.-Петербургъ. 1860 г.

Зачѣмъ написана Курсель-Сенёлемъ книга, переведенная теперь на русскій языкъ, и зачѣмъ переведена она на русскій языкъ, этого разобрать никакъ нельзя; но такъ какъ она уже написана и переведена неизвѣстно зачѣмъ, то надобно похвалить ее. Да и какъ не похвалить? Въ предисловіи къ русскому изданію мы читаемъ, что о достоинствахъ ея „свидѣтельствуютъ достаточно какъ два изданія ея на французскомъ языкѣ, слѣдовавшія одно за другимъ на разстояніи двухъ лѣтъ, такъ и благоприятные отзывы, которыми она была встрѣчена при первомъ появленіи своемъ не только французскими, но и русскими журналами“.

Мы согласны съ этими журналами, что книга хороша, только все-таки думаемъ, что не стоило ни писать, ни переводить ее. Читателю могутъ показаться странными такія слова. Но пусть припомнитъ онъ знаменитую статью „О сухихъ туманахъ“, когда-то порадовавшую читателей покойнаго „Атенея“. Кто могъ сказать, что статья эта не хороша? кто могъ сказать, что слѣдовало ее печатать? Мы помнимъ, что по случаю этой статьи было даже составлено оглавленіе въ книжкѣ „Атенея“, которая будто бы должна содержать слѣдующія статьи:

О переходныхъ породахъ отъ девонской формации въ юрской въ графствѣ Ланкастерскомъ;

О спинномъ хребтѣ африканскаго строеокамила;

Температура воды въ глубинѣ Адриатическаго моря;

Идеализмъ и реализмъ въ стихотвореніяхъ г. Пялякевича, или г. Пялякевичъ какъ идеалистъ между реалистами и т. д. и т. д.

Для успѣшнаго веденія торговыхъ, фабричныхъ и земледѣльческихъ предприятий необходимо знать и соблюдать извѣстныя экономическія правила, напри- мѣръ: покупать матеріалы не безъ разбора, вести счеты свои въ порядкѣ, не дѣлать напрасныхъ расходовъ, заниматься дѣломъ прилежно, предварительно позаботиться о приобрѣтеніи нужныхъ для него свѣдѣній, и прочее. Скажите пожалуйста, надобно ли писать книгу для разъясненія этихъ условій, необходимыхъ для выгоднаго веденія дѣла? Если надобно, отвѣчайте мнѣ скорѣе, потому что въ такомъ случаѣ я не замедлю написать еще нѣсколько подобныхъ книгъ: одну книгу я напишу объ условіяхъ, нужныхъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ чиновникомъ, — тутъ будетъ говориться, что чиновникъ долженъ выучиться правильному письму, старательно изучить формы дѣлопроизводства, быть усерденъ къ должности и т. д. Другую книгу я напишу объ условіяхъ, нужныхъ для учителя, — тутъ будетъ говориться, что учитель долженъ быть хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ, посѣщать классы аккуратно и т. д. Но очень можетъ быть, что такія книги были бы совершенно лишніи. Кому изъ людей, занимающихся или желающихъ заняться преподаваніемъ или чиновничествомъ неизвѣстны всѣ азбучныя истины, которыя составляли бы содержаніе такихъ книгъ? Вотъ точно такова книга объ условіяхъ, нужныхъ промышленному предпринимателю.

Но въ свою книгу объ условіяхъ, нужныхъ чиновнику, я могъ бы, кромѣ азбучныхъ правилъ, напишать множество разныхъ отрывковъ изъ свода Законовъ

разныхъ юридическихъ книгъ. Отрывки эти могли бы каждый въ отдѣльности имѣть смыслъ. Не имѣло бы смысла только нанизыванье ихъ на нитку, ровно ни въ чему не пригодную. Точно также поступилъ и Курсель-Сенель: изъ французскихъ кодексовъ и политико-экономическихъ книгъ набралъ онъ всего, что попалось ему подъ руку, нанцзалъ всѣ эти отрывки, куда какой пришелся, и вышла книга, не лишенная страницъ, любопытныхъ для того, кому не удалось имѣть въ рукахъ книгъ, составленныхъ по плану, болѣе разумному. Напримѣръ: двойная бухгалтерія знаніе очень хорошее, очень важное; если вы хотите научиться двойной бухгалтеріи, вы возьмете какое-нибудь руководство къ ней. Если вы не хотите учиться ей, вы прочтите главу „основанія устройства счетоводства“ въ книгѣ Курсель-Сенеля, — вы вполне достигнете своей цѣли: двойной бухгалтеріи не выучитесь, а часа два или три уьете на перевертываніе страницъ, потому что выдержки изъ руководствъ къ двойной бухгалтеріи занимаютъ у Курсель-Сенеля очень много страницъ, чуть ли не до сотни. Или вотъ еще хорошая вещь — французскіе коммерческіе законы. Если вы хотите изучать французское торговое право, вы возьмите какое-нибудь руководство по этому предмету; а въ книгѣ Курсель-Сенеля написано о немъ гораздо больше страницъ, чѣмъ нужно для человѣка, не желающаго торговать во Франціи или специально заниматься коммерческимъ правомъ, и несравненно меньше, чѣмъ нужно для французскаго промышленника или для специалиста. Словомъ сказать, книга Курсель-Сенеля — ничто въ родѣ книжекъ, какія встарину издавались подъ названіями „Красоты Ловка“, или „Духъ Стерна“, или „Избраніе Отрывки изъ Гольдсмита“ — книжекъ, въ которыхъ есть разныя половинки и четверти разныхъ главъ, не дающія вамъ никакого понятія ни о чемъ, но очень не дурныя.

Презабавно читать на второмъ листѣ книги подробное заглавіе: „Руководство въ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ“. Не менѣ забавно читать наивное „предисловіе автора“, говорящаго въ такомъ родѣ:

„Сближенія экономическихъ истинъ съ фактами, подмѣченными опытностію просвѣщенныхъ предпринимателей въ торговлѣ, въ мануфактурной промышленности и въ земледѣліи, достаточно, чтобы дать полезное содержаніе цѣлой книгѣ, въ которой бы практическія правила были повѣрены, подтверждены и выражены теоретически, книгѣ, которая бы указывала начинающимъ предпринимателямъ, или помогающимъ еще только званія главы предпріятія, главныя теченія и подводные камни того океана, въ который они пускаются. Подобная книга можетъ научить даже практиковъ, которые, занимаясь дѣлами съ дѣтства, не имѣли довольно времени для размысленія, чтобы составить себѣ теорію. Наконецъ она можетъ служить и людямъ свѣтскимъ, любящимъ науку, умамъ пытливымъ, которые, стоя внѣ дѣлъ, хотятъ однакоже знать ихъ духъ, обычаи, потребности, смыслъ и общественное значеніе“.

Курсель-Сенель хочеть учить практиковъ, какъ имъ выгодиѣ вести свои дѣла, — да развѣ этому можно научиться изъ книгъ? Это все равно, что учиться изъ книгъ благоразумію, опытности, твердому характеру, бережливости. Другое дѣло техническія свѣдѣнія, — они дѣйствительно могутъ быть пополняемы, расширяемы книгами, но ужъ никакъ не книгами политико-экономическаго содержанія, а развѣ курсами технологіи, агрономіи, руководствами къ выдѣлкѣ вошь или къ воспитанію шелковичныхъ червей, къ устройству прядильныхъ фабрикъ или свекло-сахарныхъ заводовъ и т. д. Курсель-Сенель хочеть „служить и людямъ свѣтскимъ,

любящимъ науку, уманъ пытливымъ“, но вѣдь такіе люди, съ такими умами, стаянутъ читать курсы политической экономіи или изслѣдованія о положеніи промышленности, стануть изучать или теорію, имѣющую какой-нибудь смыслъ, или факты, имѣющіе какой-нибудь смыслъ,—такіе люди нимало не нуждаются въ компиляціяхъ, составленныхъ изъ разнородныхъ обрывковъ разныхъ знаний.

Само собою разумѣется, что не стоило бы говорить о такой ничтожной книгѣ, если бы она являлась просто отдѣльною книгою. Но на оберткѣ ея выставлено „Экономическая Библіотека“; изъ этого надобно заключать, что разсматриваемая нами книга служить началомъ цѣлаго ряда томовъ. Мы хотѣли предупредить издателя или издателей „Экономической Библіотеки“, что въ выборѣ сочиненій для перевода полезна была бы имъ разборчивость.

О Судоустройствѣ. Соч. Бентама. По французскому изданію Дюмона изд. А. Книримъ. С.-Петербургъ. 1860 г.

Эта небольшая книга—отдѣльное изданіе перевода, помѣщенного въ „Журналъ Министерства Юстиціи“, который хорошо сдѣлалъ, принявъ на свои страницы такое сочиненіе. Императоръ Александръ I совѣтовался съ Бентамомъ и поручалъ обращаться въ нему за совѣтамплицамъ, занимавшимся тогда въ Россіи кодификаціею законовъ.

Мы не будемъ излагать здѣсь ни всей системы юридическихъ теорій Бентама, ни частной его теоріи судоустройства, и обратимъ вниманіе лишь на одинъ изъ многихъ вопросовъ, которыхъ онъ касается въ трактатѣ, переведенномъ теперь на русскій языкъ. Мы хотимъ сказать о томъ, справедливо ли ссылаются на авторитетъ Бентама тѣ юристы, которые не расположены въ пользу суда присяжныхъ.

Очень часто бываетъ, что извѣстные средства, необходимыя для достиженія извѣстной цѣли при извѣстномъ устройствѣ человѣческихъ отношеній, оказывались бы не нужны, неудовлетворительны при лучшемъ устройствѣ отношеній, въ которомъ та же цѣль достигалась бы другими средствами или болѣе быстрыми, или менѣе обременительными. Такъ, напримѣръ, въ средніе вѣка единственнымъ средствомъ обезпечить хотя нѣкоторое правосудіе въ извѣстномъ округѣ или городѣ, доставить его жителямъ хотя нѣкоторую возможность добиваться справедливости, ограждать себя отъ безнаказанныхъ насилій—было предоставленіе этому округу или городу независимости отъ всякой высшей власти въ судѣ надъ его жителями. Въ западной Европѣ давались городамъ такія же привилегіи, какія извѣстны у насъ были подъ именемъ бессудныхъ или несудимыхъ грамотъ. Такимъ образомъ городъ Ульмъ или гор. Нюрнбергъ получалъ право исключительнаго суда по дѣламъ своихъ гражданъ, и на этотъ судъ уже не было никакой законной апелляціи, никто не могъ законнымъ образомъ спрашивать у гражданъ Ульма или Нюрнберга отчета въ томъ, когда они присуждали своего согражданина къ потерѣ имущества, къ тюремному заключенію или къ смерти. Никто не могъ законнымъ образомъ заступиться за осужденнаго, хотя бы процессъ его былъ рѣшенъ съ явною несправедливою, по мелочному мѣстному неудовольствію ва него или по злобѣ какого-нибудь вліятельнаго гражданина. Представимъ себѣ, что въ тѣ времена, во времена феодальныхъ насилій, явился юрпстъ, возвысившійся своими понятіями надъ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и дошедшій до яснаго представл-

нія о юридической системѣ, подобной порядку дѣлъ, существующему теперь въ Бельгіи или Швейцаріи. Конечно, въ его системѣ не было бы мѣста безапелляціонному городскому суду,—онъ сталъ бы доказывать, что судебная власть должна быть одна для дѣлага народа, все государство имѣть право и обязанность защитить невиннаго человѣка отъ несправедливаго наказанія, къ которому приговорилъ его какой-нибудь отдѣльный судъ по пристрастію или незнанію. Но если та-кой юристъ выставлялъ бы судебный идеаль, гораздо высшій существовавшаго тогда порядка, то можно ли было бы говорить, что, при существовавшемъ тогда порядкѣ, онъ не признавалъ полезности безапелляціоннаго городского суда и расположенъ былъ предпочитать такому суду другія тогдашнія формы суда, еще гораздо менѣе соотвѣтствовавшія его идеалу? Конечно, нѣтъ; конечно, этотъ юристъ понималъ, что изъ формъ, низшихъ его идеала, форма безапелляціоннаго городского суда несравненно лучше другихъ.

Нѣчто подобное было съ возрѣшіемъ Бентама на судъ присяжныхъ. Онъ составилъ очень высокій проектъ судоустройства, такой высокій, что очень многіе изъ нынѣшнихъ наилучшихъ гарантій справедливаго суда замѣнялись въ его проектѣ другими, болѣе простыми и вѣрными. Довольно будетъ сказать, что по этому проекту уничтожалась разница между гражданскимъ и уголовнымъ судомъ; всѣ различныя юрисдикціи сливались въ одну. Этотъ единственный для всѣхъ разрядовъ дѣлъ судъ разсматриваетъ дѣла по кодексу, нимало не похожому ни на одинъ изъ существующихъ нынѣ кодексовъ,—по кодексу, чрезвычайно краткому и простому, такъ что каждый взрослый человѣкъ могъ бы знать всѣ дѣйствующіе законы и всѣ формы судопроизводства. При такихъ законахъ, при такомъ судопроизводствѣ можно было, по мнѣнію Бентама, обойтись безъ присяжныхъ, потому что вся публика была бы чѣмъ-то похожимъ на собраніе судей, передъ глазами которыхъ дѣйствуетъ собственно такъ-называемый судья, знающій, что каждому изъ присутствующихъ будетъ видна каждая натяжка въ веденіи дѣла, и немедленно наказываемый за малѣйшее отступленіе отъ правды. При такомъ идеальномъ порядкѣ, учрежденіе особенныхъ присяжныхъ конечно становилось излишнею формальностью. Но ошибочно было бы думать, что недостатки или неудобства, оказывавшіеся, по мнѣнію Бентама, въ судѣ присяжныхъ сравнительно съ идеальнымъ судоустройствомъ, проектированнымъ у Бентама, могутъ имѣть важность при сравненіи суда присяжныхъ съ другими дѣйствительно существующими формами судоустройства: при такой нормѣ сравненія оказывается, что каждый недостатокъ суда присяжныхъ принадлежитъ въ большей степени каждой иной формѣ судоустройства, и каждая иная форма имѣетъ кромѣ того много недостатковъ, отъ которыхъ свободенъ судъ присяжныхъ. А та идеальная форма судоустройства, которую проектировалъ Бентамъ, не осуществима при нынѣшнихъ законахъ и правахъ ни въ Англіи, ни въ Швейцаріи, ни въ Сѣверной Америкѣ, не говоря уже о другихъ странахъ. Такимъ образомъ съ практической стороны даже и передовымъ націямъ остается выборъ только между судомъ присяжныхъ и формами судоустройства, далеко уступающими ему во всѣхъ отношеніяхъ. Лучшее всего объясняетъ это самъ Дюмонъ, издавшій сочиненіе Бентама „О судоустройствѣ“. Читатель знаетъ, что Бентамъ скучалъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ рукописей, и потому нѣкоторые изъ его трактатовъ были изданы въ редакціи, принадлежавшей не ему, а его другу, женевскому гражданину Дюмону. Къ числу такихъ трак-

татовъ принадлежитъ и сочиненіе Бентама о судоустройствѣ: Дюмонъ издалъ его по черновымъ бумагамъ Бентама и прибавилъ во многихъ мѣстахъ свои замѣчанія, изъ которыхъ самое обширное и важное—о судѣ присяжныхъ. Приводимъ здѣсь эти страницы:

„Бентамъ въ своихъ послѣднихъ взглядахъ на судоустройство не допускаетъ присяжныхъ, даже въ дѣлахъ уголовныхъ.

„Противники учрежденія суда присяжныхъ, а ихъ еще много, не упустятъ случая воспользоваться его авторитетомъ. „Вы видите, скажутъ они, публициста, котораго нельзя обвинять въ пристрастіи, юриста, воспитаннаго въ предрассудкахъ страны, въ которой привязанность къ этому роду суда доходить до энтузіазма; вы видите, какъ онъ постепенно переимѣняетъ свои нѣвія о судѣ присяжныхъ, какъ онъ сначала ограничиваетъ кругъ ихъ дѣйствія только немногими случаями и наконецъ совершенно отвергаетъ ихъ. Непопулярность этого парадокса не утрачиваетъ его, онъ видитъ въ этомъ учрежденіи недостатокъ отправления суда, свойственный вѣкамъ тираніи и варварства, но долженствующій исчезнуть при гарантіяхъ созрѣвшей цивилизаціи“.

„Не спѣшите торжествовать, скажу я противникамъ суда присяжныхъ.—Если Бентамъ не питаетъ къ этому учрежденію того же довѣрія, какъ самые просвѣщенные публицисты, то это не потому, чтобы онъ не сознавалъ его достоинства въ сравненіи со всѣми известными родами суда, или чтобы онъ не видѣлъ въ немъ палладіума британской свободы и въ особенности свободы печати, безъ которой всякая другая свобода не можетъ долго существовать. Онъ думалъ только, что при устройствѣ суда, которому не нужно защищаться отъ произвольной власти, а только примѣнять известные законы, которыхъ кодексъ въ рукахъ всѣхъ гражданъ, можно найти гарантіи, болѣе простыя, болѣе дѣйствительныя, менѣе подверженныя ошибкамъ, нежели гарантіи, представляемыя этими минутными судьями. Онъ не хотѣлъ дать менѣе средствъ для охраненія общественной и частной безопасности, онъ предполагаетъ удвоить гарантіи, а не ослабить ихъ. Если противники суда присяжныхъ, отвергнувъ эти учрежденія, примутъ вполнѣ систему Бентама, то нельзя опасаться, что это поведетъ ихъ къ побѣдѣ. Но если они выставляютъ его званіемъ на судахъ, совершенно различныхъ отъ его судовъ, то они употребляютъ во зло его имя, и я могу сравнить ихъ съ шарлатанами, которые, поддѣлывая лекарства по рецепту искуснаго медика,—выпускаютъ предохранительныя средства, заключающіяся въ его рецептѣ, и продаютъ подъ его именемъ ядъ, составляющій ихъ произведеніе.

„Главное достоинство суда присяжныхъ заключается въ томъ, что онъ представляетъ болѣе ручательствъ хорошихъ судебныхъ рѣшеній, нежели постоянные судьи. Я приписываю ему это качество на основаніи четырехъ слѣдующихъ соображеній.

„1) Онъ представляетъ лучшее ручательство безпристрастіи. Не только весьма вѣроятно, что, при существованіи отводовъ, присяжные чужды обвиняемому, но очень часто они чужды другъ другу и судьямъ, такъ что между ними нѣтъ ни потворства, ни тайной связи. Если бы и существовалъ у одного или двухъ тайный источникъ пристрастія, то его дѣйствіе потерялось бы въ массѣ.

„Присяжные, взятые изъ средняго класса, находятся въ отношеніяхъ равенства съ лицами, подлежащими ихъ сужденію: они не могутъ имѣть иныхъ интересовъ, кромѣ поддержанія общихъ правъ и защиты невинности. Такъ какъ каждое рѣшеніе составляетъ для этихъ временныхъ судей важное и торжественное дѣйствіе, образующее эпою въ ихъ жизни, то они естественнымъ образомъ употребляютъ все ввѣваемое, всю предудсмотрительность, къ которымъ они способны.

„Не вдаваясь въ преувеличенія, граничащія съ сатирою, должно признать въ правдѣ, на основаніи общихъ наблюденій, почерпнутыхъ въ знаніи человѣческаго сердца что постоянные судьи не могутъ быть въ той мѣрѣ свободны отъ пристрастія, какъ временные случайные судьи. Безъ сомнѣнія, они будутъ безпристрастны въ большей части случаевъ, но тѣмъ не менѣе всегда будутъ встрѣчаться такіе случаи, въ которыхъ пріязнь или непріязнь, интересы болѣе или менѣе отдаленные, предубѣжден

дѣйствующія даже тайно, будутъ имѣть вліяніе на ихъ рѣшеніе. Я не говорю о случаяхъ подкупа или преступнаго пристрастія, хотя исторія судовъ представляетъ многочисленныя тому примѣры, но самое положеніе судьи заключаетъ въ себѣ опасность для правосудія. Это не парадоксъ, не острога, а фактъ. Очень часто было замѣчаемо, что отправлявшій долгое время судейскія обязанности является другимъ человѣкомъ, нежели какимъ онъ былъ въ началѣ своего поиршца. Привычка видѣть и уличать виновныхъ внушаетъ служителямъ закона общее иредубѣжденіе противъ обвиненныхъ и располагаетъ ихъ обвинять на основаніи предположеній, полу-доказательствъ, съ поспѣшностью, которая всегда будетъ подозрительна, даже и тогда, когда не влечетъ за собою ошибокъ.

„II) Вторая важная гарантія, которую представляетъ судъ присяжныхъ, состоитъ въ независимости, то есть въ независимости отъ административной власти. Это—видоизмѣненіе безпристрастія, но должно быть отъ него отлнчаемо, потому что примѣняется къ особымъ случаямъ, въ которыхъ обвиненные должны защищаться противъ какой нибудь могущественной вражды, противъ какого нибудь обвиненія, касающагося не общаго интересова общества въ правительствѣ, а личныхъ интересовъ правительственныхъ органовъ, напр., когда дѣло идетъ объ открытіи ихъ злоупотребленій. Для сопротивленія злоупотребленіямъ власти необходимо не простое безпристрастіе, а гражданское мужество; и отъ кого скорѣе можно ожидать этого мужества, какъ не отъ гражданъ, которые не имѣютъ никакого сношенія съ министерствомъ, и между которыми нельзя найти никакихъ общихъ опасеній или надеждъ, чтобы воспользоваться ими съ цѣлю навязать имъ извѣстное мнѣніе? Допустимъ даже возможность недобросовѣстности или трусости присяжныхъ,—администрація ничего этимъ не выигрываетъ: та нить, которую она сплетаетъ, рвется при каждой сессіи, при разсмотрѣніи каждаго дѣла. Въ дѣлахъ политическихъ эта гарантія является въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; и между политическими дѣлами—дѣла, касающіяся свободы печати, всегда разнообразныя, всегда трепещущія современнымъ интересомъ,—суть тѣ, въ которыхъ общественный интересъ въ особенности требуетъ участія присяжныхъ.

„Скажутъ, что несмѣняемые судьи столь же независимы, какъ присяжные. Безъ сомнѣнія, имъ нечего опасаться отставки, но развѣ они свободны отъ надеждъ на повышение и на милости для себя и для своихъ семействъ? Избавляя ихъ отъ страха предъ правительствомъ,—ихъ избавляютъ также отъ необходимости искать поддержки въ общественномъ мнѣніи, дѣлаться сильными народною любовью. Мы допустимъ, что эти обыкновенныя искушенія не будутъ имѣть вліянія на людей честныхъ; развѣ нѣтъ болѣе утонченныхъ искушеній, заключающихся въ предразсудкахъ высшихъ классовъ, въ этомъ естественномъ союзѣ между всѣми, пользующимися какою либо частію власти, въ этомъ общемъ интересѣ шадить другъ друга? Безопасность, представляемая опредѣленіемъ въ законѣ преступленія клеветы, будетъ всегда недостаточна или по трудности опредѣлить пасквиль, или по трудности судить о намѣреніи, преступность котораго зависитъ отъ обстоятельствъ.

„Если нѣтъ суда присяжныхъ для разсмотрѣнія нарушеній законовъ о печати, то въ государствѣ существуетъ власть или сословіе, котораго дѣйствія выше всякой критики и которое призвано судить все печатное; всякое порицаніе его составляетъ преступленіе; оппозиція не имѣетъ гарантій. Ни интересъ правительства, ни интересъ народа не требуетъ этой независимости судей, подверженныхъ тѣмъ же страстямъ и тѣмъ же ошбкамъ, какъ и прочіе люди.

„III) Третья гарантія, представляемая судомъ присяжныхъ, состоитъ въ томъ, что каждое дѣло достигаетъ достаточной степени зрѣлости, что соблюдаются всѣ тѣ охранительныя формы, которыя весьма легко могутъ быть опущены или искажены при малѣйшемъ легкомысліи, поспѣшности или пристрастіи судей. Между этими формами самая полезная заключается въ постоянномъ различіи факта отъ вопроса права. Въ соблюденіи же этого различія заключается существенное достоинство суда присяжныхъ. Правда, что и постоянные судьи при гласности и устныхъ преніяхъ необходимо должны слѣдовать по тому же пути; но тѣмъ не менѣе учрежденіе суда присяжныхъ въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество, что доказывается двумя слѣдующими соображеніями:

„1) Судья обращает болѣе вниманія на подробности дѣла, когда онъ обязать изложить его присяжнымъ, нежели когда онъ дѣлаетъ это для самого себя. Болѣе упущенія въ допросъ свидѣтелей могли бы пройти незамѣченными; но когда все происходитъ предъ присяжными, изъ которыхъ каждый имѣетъ право дѣлать замѣчанія, то нельзя предаваться ни дремотѣ скуки, ни лѣности.

„2) Нравственная отвѣтственность судьи въ отношеніи рѣшенія о фактѣ не такъ велика, даже при гласности, какъ можно было бы предполагать. Онъ все еще можетъ быть пристрастнымъ или въ выборѣ свидѣтелей, или въ способѣ ихъ допроса, и этого пристрастія нельзя замѣтить или по крайней мѣрѣ нельзя доказать, исключая случаевъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій.

„При разсмотрѣніи очень запутаннаго дѣла, продолжающагося цѣлый день или даже нѣсколько дней, кто изъ несогласныхъ съ рѣшеніемъ судьи осмѣлится утверждать, что онъ вникнулъ во всѣ обстоятельства дѣла, что онъ не упустилъ ничего существеннаго въ изложеніи фактовъ? Кто осмѣлится обвинять судью, что онъ дѣйствовалъ противъ своего убѣжденія или даже упрекать его въ поспѣшности или небрежности?

„При присутствіи присяжныхъ почти нельзя предположить активнаго пристрастія со стороны судьи. Во-первыхъ потому, что оно всегда будетъ довольно замѣтно для возбужденія по крайней мѣрѣ подозрѣнія и въ особенноти потому, что оно будетъ всегда бесполезно, такъ какъ рѣшеніе отъ него не зависить. Когда же факты приведены въ ясность, когда они просѣяны, если можно такъ выразиться, главное уже сдѣлано и остающееся лишено важности: судья, которому предоставлено пассивное примѣненіе закона, почти не можетъ отъ него уклониться.

„IV) Послѣдняя гарантія, которую представляетъ судъ присяжныхъ, заключается въ ихъ особенной способности хорошо осуждать фактическіе вопросы,—способности, которая не встрѣчается въ такой же степени въ постоянныхъ судьяхъ. Сначала это кажется парадоксомъ, потому что повидимому болѣе высокая проникаемость находится на сторонѣ науки и продолжительной судебной практики. Итакъ слѣдуетъ развить это положеніе. Я не буду приводить мнѣніи англійскихъ публицистовъ, которыхъ можно считать слишкомъ предубѣжденными въ пользу системы, составляющей ихъ славу; я приведу мнѣніе юриста, который видѣлъ и сравнивалъ суды съ присяжными и безъ присяжныхъ. Основываясь на своей опытности, этотъ глубокой наблюдатель утверждаетъ, что даже искусный юристъ менѣе способенъ оцѣнить факты, обстоятельства человеческой жизни, свидѣтельскія показанія и улики, нежели гражданинъ, живущій въ свѣтѣ и принимающій участіе въ свѣтѣ и принимавшіе участіе въ его дѣятельности. „Ничего неизвѣстно“, говоритъ онъ, „а rigid; или по крайней мѣрѣ, если гдѣ другого путе-„водителя кромѣ указаній разума, то при оцѣнкѣ частныхъ случаевъ представляется „опасность впасть во многія ошибки и неточности.—Что касается дѣлъ п событій жизни, „чувствъ, которыя заставляютъ насъ дѣйствовать, побужденій скрытаго интереса, ко- „торыя могутъ имѣть вліяніе на волю. физическихъ свойствъ вещей и внѣшнихъ при- „знаковъ извѣстныхъ дѣяній,—признаковъ, которые могутъ дѣлать эти дѣянія болѣе „или менѣе несправедливыми. болѣе или менѣе преступными, то какойнибудь гражда- „нинъ, одаренный только здравымъ смысломъ и обыкновеннымъ образованіемъ, въ со- „стояніи гораздо лучше ихъ обсудить, нежели юристъ. Чѣмъ искуснѣе юристъ, тѣмъ „болѣе онъ сидитъ за книгами, тѣмъ далѣе онъ держитъ себя отъ дѣйствительной „жизни, тѣмъ менѣе ему извѣстно все происходящее подъ крышею земледѣльца, на „рынкахъ, въ кофейняхъ, въ трактирахъ. Если дѣло идетъ объ убыткахъ, то онъ „совершенно не въ состояніи ихъ опредѣлить. Если дѣло идетъ объ обидѣ то всѣ „мѣстныя частныя обстоятельства. могущія сдѣлать ее весьма тяжкою или почти нич- „тожною, ему неизвѣстны. Всѣ свѣдѣнія его о дракахъ ограничиваются слухами. Онъ „никогда не былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ; онъ не знаетъ тѣхъ обстоятельствъ, „при которыхъ онѣ возникаютъ, тѣхъ случайностей, которыя раздуваютъ ихъ, лич- „ныхъ качествъ того класса гражданъ, который наиболѣе пнъ предается.

„Я присутствовалъ однажды при осмотрѣ, который производилъ судья для разрѣ- „шенія вопроса, относящагося до качествъ и употребленія одной каменоломни. Въ то „время какъ тяжущіеся, ихъ эксперты, свидѣтели и секретарь занимались своимъ дѣ-

„ловъ, судья, бывшій впрочемъ весьма искуснымъ юристомъ, цитировалъ мнѣ большіе „отрывки изъ Тацита и Горація; и въ самомъ дѣлѣ намъ ничего другаго не оставалось дѣлать, потому что ни онъ, ни я, мы ничего не понимали въ этой специальности. Если онъ потомъ произнесъ приговоръ, то я увѣренъ, что это было превосходное приложение закона. Но къ чему? Къ факту, установленному экспертами.

„Говорятъ, что судьи не обязаны принимать мнѣніе экспертовъ; но какъ осмѣлятся они это сдѣлать? Именно, съ цѣлю не нарушить спокойствія своей совѣсти, они соглашаются съ заключеніемъ экспертовъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе судья, тѣмъ менѣе онъ позволитъ себѣ удалиться отъ этого заключенія. Итакъ процессы, въ которыхъ требуется мнѣніе экспертовъ, рѣшаются окончательно двумя лицами, называемыми экспертами и дѣйствительно не заслуживающими названія присяжныхъ, потому что они не представляютъ всѣхъ гарантій присяжныхъ.

„Но сколько есть процессовъ, въ которыхъ судья имѣлъ бы надобность въ заключеніи присяжныхъ, кромя тѣхъ, на которые указываетъ обычай. Встрѣчается мало „вопросовъ о фактѣ или объ умыслѣ, въ которыхъ это заключеніе не должно бы имѣть мѣста постѣ всего сказаннаго нами о неспособности юристовъ къ ихъ разрѣшенію. Присяжные же самыя лучшіе изъ всѣхъ возможныхъ экспертовъ. Вопросъ о „судѣ присяжныхъ, разсматриваемый съ этой особенной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія, которая мнѣ кажется правильною, приводится для меня къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли имѣть экспертовъ болѣе способныхъ или менѣе способныхъ, представляющихъ болѣе гарантій или представляющихъ менѣе *Chacun a son métier* (всякому свое ремесло)—пословица самая обыкновенная, но въ то же время весьма справедливая.—Юристъ долженъ развивать и прилагать законъ, свѣтскій человѣкъ, дѣловой „человѣкъ долженъ звать обстоятельства жизни и цѣли людей, потому что опытъ снабжаетъ его всѣмъ для того необходимыми данными“ (Rossi, *Annales de législation et de jurisprudence* t. II p. 93).

„Я до сихъ поръ ограничивался простымъ изложешемъ доводовъ, которые говорятъ въ пользу суда присяжныхъ; я еще буду кратче въ отношеніи его состава и укажу только на самыя важныя пункты.

„Гарантіи, представляемыя судомъ присяжныхъ противъ ошибокъ или несправедливостей со стороны судей, предполагаютъ три условія, которыя должны быть соблюдены при ихъ избраніи.

„1) Не должно, чтобы они были назначаемы судьями или лицами, отъ нихъ зависящими.

„2) Должно брать ихъ въ классѣ, представляющемъ извѣстную гарантію способности, назначать отчасти посредствомъ жребія, отчасти посредствомъ выбора, дозволяя отводы безъ приведенія причинъ.

„3) Ихъ обязанность должна быть временная.

„Существуютъ еще другія условія относительно способа исполненія обязанности присяжныхъ, какъ то: не расходиться прежде произнесенія рѣшенія, ни съ кѣмъ не имѣть сообщенія, судить только на основаніи устныхъ преній, произносить приговоръ единогласно и пр.

„Я скажу только нѣсколько словъ о выборѣ присяжныхъ. Пусть возьмутъ листъ присяжныхъ, каково бы ни было ихъ число. При образованіи суда каждая изъ сторонъ вынимаетъ по очереди двадцать четыре имени; по всей вѣроятности никто не можетъ имѣть прежде вліянія на эти сорокъ восемь лицъ; но если бы въ этомъ числѣ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ подозрительныхъ публичному министерству или заинтересованнымъ сторонамъ, то это зло можетъ быть вполне предупреждено имъ правомъ исключать двѣнадцать, по ихъ выбору, изъ остающихся двадцати четырехъ. Жребій кажется лучшимъ способомъ для составленія суда присяжныхъ.

„Все, что прямо или косвенно направлено противъ одного изъ трехъ вышеозначенныхъ условій, можетъ уменьшиться въ значительной степени, или даже вовсе разрушить благотворное дѣйствіе суда присяжныхъ. Можно даже совершенно обезсилить учрежденіе и исказить его до того, что оно не будетъ болѣе служить гарантіею для публики, а только для судей, ставя ихъ внѣ всякой отвѣтственности.

„Я изложил основанія, доказывающія пользу учрежденія суда присяжныхъ, какъ средства, способствующаго хорошимъ судебнымъ рѣшеніямъ. Но предполагая, что возможно достигнуть этого результата безъ суда присяжныхъ, я не перестану желать этого учрежденія по причинѣ гѣхъ различныхъ второстепенныхъ выгодъ, которыя, по моему мнѣнію, исключительно ему принадлежать.

„1) Мнѣ кажется очевиднымъ, что, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, тамъ онъ парализируетъ систему стѣснительныхъ законовъ или вліянія на суды. Такъ въ Англіи, гдѣ господствуютъ уголовные законы, щедрые на смертную казнь, присяжные часто оправдываютъ обвиненныхъ очевидно виновныхъ, въ желаніи избавить ихъ отъ суровости законовъ. Такъ исчезли на практикѣ чудовищные законы противъ католиковъ, прежде нежели они были формально отменены. Это исправительное средство имѣетъ, безъ сомнѣнія, неудобства, которыхъ впрочемъ нельзя сравнить съ притекающею изъ него общественною безопасностью

„Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія я укажу на то, что тамъ, гдѣ враждебно смотрятъ на независимость, всегда стараются отнять у суда присяжныхъ тѣ дѣла, въ которыхъ боятся общественнаго рѣшенія, или доставить себѣ средства имѣть вліяніе на присяжныхъ способомъ ихъ назначенія. Но такія мѣры служатъ какъ бы набатомъ къ тревогѣ.

„2) При судѣ присяжныхъ возникаетъ и распространяется во всѣхъ классахъ общества чувство личной безопасности. Это можно видѣть въ Англіи. Безопасность каждого — самая лучшая похвала этому учрежденію. Каждый увѣренъ, что онъ можетъ быть судимъ только лицами, взятыми изъ его сословія, причемъ ему предоставляется право исключать тѣхъ, пристрастія которыхъ онъ имѣетъ основанія опасаться.

„Между дѣйствительною безопасностью и чувствомъ безопасности существуетъ естественная и тѣсная связь; но и то, и другое можетъ существовать отдѣльно.

„Если различать ихъ то чувство безопасности болѣе важно. Почему? Потому что страданіе, притекающее изъ чувства опасенія, можетъ распространиться на всѣ классы общества и продолжительность этого зла можетъ быть безконечна. Юридическая несправедливость есть только личное зло, она падаетъ на относительно незначительное число лицъ, но безпокойство, рождающееся отъ этой несправедливости, можетъ распространиться на все общество и возмутить покой всѣхъ семействъ.

„Между дѣйствительною безопасностью и безопасностью видимо, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ существеннаго различія. Чѣмъ болѣе сознаютъ это, тѣмъ болѣе почувствуютъ цѣну учрежденія, которое способствуетъ къ образованію чувства общей безопасности.

„3) Нельзя не признать другой пользы, притекающей въ учрежденіи суда присяжныхъ: чувства уваженія всѣхъ ко всѣмъ и слѣдовательно народа къ самому себѣ. Въ этой взаимной власти каждого надъ каждымъ заключается истинное равенство. Чувство подчиненности смягчается временнымъ возвышеніемъ при отправленіи столь важной обязанности; чувство превосходства ограничивается въ такой же мѣрѣ подчиненіемъ народному суду. Вотъ почему въ Англіи не встрѣчается наглыхъ и гнусныхъ проступковъ противъ того класса, для обозначенія котораго весьма трудно найти имя, которое бы не заключало въ себѣ оскорбленія для людей съ предрасудками. Присяжные не пролетаріи; по они болѣе граничатъ съ огромною рабочею массою, нежели съ аристократическимъ кругомъ. Джендльмену, который грубо обошелся съ чистильщикомъ сапоговъ, будетъ какъ-то неловко предъ судомъ присяжныхъ, который съ радостью научитъ высоко-мѣрнаго щоголя уважать народъ. Я думаю, что этому учрежденію можно приписать въ значительной степени ту мужественную гордость, которая, правда, выставляетъ недостатки народнаго характера, но которая даетъ рѣзкій отбѣнокъ его патриотизму и его добродѣтелямъ.

„4) Гласность въ судахъ есть, безъ сомнѣнія, превосходное средство для привлеченія къ нимъ вниманія и для возбужденія общественнаго интереса ко всему въ нихъ происходящему; но участіе присяжныхъ въ судебныхъ дѣйствіяхъ въ особенности собственно привести къ этому благотворному результату. Независимо отъ значительнаго числа привлекаемыхъ каждый годъ къ отправленію этой обязанности, должно имѣть въ виду гораздо большее число тѣхъ, которые могутъ быть къ ней призваны и которые потому имѣютъ побудительныя причины изучать формы судопроизводства, права, кои

рия они должны защищать, силу свидетельских показаний, значение доказательств, начала, по которым должно различать истинное от ложного, преступление от невинности. Занятие этими предметами необходимым образом производит в народѣ стремление предпочитать здравый смысл блестящимъ качествамъ и степенные характеры людямъ легкомысленнымъ и пустымъ. Посмотрите, какъ въ дождѣ фермера собралось все его семейство послушать рассказы своего главы, только-что возвратившагося изъ зазданій ассизовъ и исполненнаго воспоминаній о случившихся тамъ событіяхъ; онъ рассказываетъ имъ исторію обвиненныхъ, что было говорено въ судѣ, что онъ думалъ, какое участіе принималъ въ рѣшеніи и на какихъ основаніяхъ онъ осуждалъ или оправдывалъ. Я былъ не разъ удивленъ, слыша въ Англіи, какъ люди безъ ученаго образованія ясно различали доказательства на основаніи свидетельскихъ показаній (*preuves testimoniales*) отъ доказательствъ вещественныхъ (*preuves circonstanciées*) и обнаруживали въ этомъ отношеніи знанія, которыхъ нельзя было бы найти въ гораздо высшихъ классахъ у народовъ, не имѣющихъ суда присяжныхъ. Итакъ, какъ образованіе ума, какъ средство воспитать народный характеръ я сообщить ему умственное превосходство, судъ присяжныхъ создаетъ, по моему мнѣнію, нѣкому взаимнаго обученія, въ которой непрерывно переходитъ отъ теоріи къ практикѣ.

„5) Отправленіе правосудія посредствомъ суда присяжныхъ представляетъ еще одну общую выгоду, состоящую въ стремленіи предупредить всякую частую вражду противъ судей. Судья является только органомъ закона для его примѣненія; если онъ хорошо исполняетъ свою обязанность, то онъ представляется защитникомъ обвиненнаго, наблюдая за соблюденіемъ всѣхъ охраняющихъ его формъ. Какъ только присяжные произнесли свой приговоръ, они расходятся, о нихъ нѣтъ болѣе рѣчи; злобы къ нимъ не можетъ быть, и потому отправленіе правосудія никогда не производитъ чувствъ ненависти и мщенія. Вотъ новое основаніе прочности общественнаго порядка. Если бы случилось, что присяжные были уличены въ ошибку, гибельной для невинности, это несчастье было бы приписано несовершенству человѣческихъ сужденій и не повлекло бы за собою послѣдствій пагубныхъ въ будущности. Но если то же самое случилось бы въ постоянномъ судѣ, то оно потрясло бы общественную безопасность и образовало бы противъ судей невзглядное предубѣжденіе, такъ какъ воспоминаніе о гибельномъ произшествіи всегда соединялось бы съ ихъ именемъ. Доказательство этого мы видимъ во французской революціи. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ, нѣсколько сулебныхъ ошибокъ, а не злоупотребленія, возбудили въ такой степени общественную ненависть противъ парламентовъ, что необходимость новыхъ судовъ въ особенности чувствовалась въ учредительномъ собраніи, и учрежденіе ихъ было однимъ изъ благодѣяній, дарованныхъ собраніемъ народу для снисканія его любви. При различныхъ перемѣнахъ въ правительствѣ Англіи судебное устройство никогда не было ниспровергаемо; въ немъ происходили, безъ сомнѣнія, перемѣны, смотря по характеру партій и судей, но формы оставались почти однѣ и тѣ же; не было судебныхъ комиссій, не было революціонныхъ судовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что учрежденіе суда присяжныхъ было причиною этой твердости судебного устройства; народъ понималъ, что, сохраняя это учрежденіе, несмотря на его недостатки, онъ будетъ имѣть якорь спасенія противъ политическихъ обвиненій и произвола судей.

„Судъ присяжныхъ дѣйствительно представляетъ невыгоды. Сюда должно отнести протекающую изъ него сложность судебного устройства, принужденіе въ отношеніи къ тѣмъ, которые чувствуютъ отвращеніе къ обязанности присяжнаго, увеличеніе издержекъ для вознагражденія присяжныхъ, остановку въ судѣ до ихъ собранія. Но независимо, оттого, что можно уменьшить эти невыгоды, онѣ не столь важны, чтобы могли перевѣсить выгоды этого учрежденія.

„Дѣлаютъ возраженія болѣе важныя.

„Везпристрастіе составляетъ главное достоинство суда присяжныхъ, но это безпристрастіе становится сомнительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ столкновение между интересами различныхъ классовъ общества. Вотъ слова Палея (Paley), который вводитъ тѣмъ охотнѣе, что онъ является скорѣе защитникомъ, нежели порицателемъ всего касающагося англійскаго уложенія. „Бываютъ случаи“, говорить онъ, „въ кото-

рых рѣшеніе дѣлъ судомъ присяжныхъ неполнѣ достигаетъ цѣли правосудія. Это въ „особенности замѣчается въ спорахъ, въ которыхъ играетъ роль страсть или народное „предубѣжденіе. Сюда относятся случаи, въ которыхъ одинъ классъ людей представляетъ „требованія ко всему остальному обществу; напримѣръ, когда духовенство ведетъ тяжбу „о десятинѣ; тѣ, въ которыхъ чиновники должны исполнять обязанности, часто наступательныя, если можно такъ выразиться; напримѣръ, собиратели пошлинъ, баллы и „другіе низшіе служители закона; тѣ, въ которыхъ одна изъ сторонъ имѣетъ интересы, „общіе съ интересомъ присяжныхъ, а другая,—противные имъ; напримѣръ, въ спорахъ „между собственниками и фермерами; и наконецъ тѣ, въ которыхъ умы раздражены политическими несогласіями или религіозною ненавистью.“

„Противъ этого я замѣчу, что во всѣхъ случаяхъ, исключая послѣдняго, упрекъ Палая относится не къ уголовнымъ дѣламъ, а къ гражданскимъ, и даже къ тѣмъ особымъ случаямъ, въ которыхъ можно вообще предполагать, что присяжные примутъ подъ свою защиту слабого противъ сильнаго, или что они выскажутъ справедливое предубѣжденіе противъ законовъ, не согласныхъ съ общественнымъ интересомъ. Однако сильно ошибаются, если придаютъ слишкомъ большое значеніе этому обвиненію въ пристрастіи. Я слышать, что приводили въ примѣръ, какъ исключительный случай, дѣла покойнаго лорда Лонсдаля, котораго называли Левіаеаномъ съвера по причинѣ его обширныхъ владѣній: такъ какъ ему принадлежали многія чрезполосныя мины, то онъ имѣлъ процессъ съ болѣею частью своихъ сосѣдей. Противъ его искомъ образовалось предубѣжденіе столь для него неблагоприятное, что онъ не осмѣливался предоставлять рѣшеніе своихъ дѣлъ присяжнымъ въ Нортумберландѣ и переносилъ ихъ въ столицу.

„Этотъ случай, хотя исключительный, указываетъ на то средство, которое можно употребить противъ мѣстныхъ предубѣжденій: стоитъ только обратиться къ суду присяжныхъ болѣе отдаленному или призвать присяжныхъ изъ другой мѣстности, взыскивая лишнія издержки со стороны, желавшей воспользоваться этою осторожностью. Но я увѣренъ, что при хорошемъ способѣ образования суда присяжныхъ подобныя переносы встрѣтятся весьма рѣдко.

„Что касается до примѣненія уголовныхъ законовъ въ дѣлахъ религіи, примѣненіи, котораго многіе примѣры мы видѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то присяжныхъ можно упрекать только въ томъ, что они не мудре закона и не просвѣщеніе судей; во всѣхъ процессахъ можно было видѣть, какъ судьи настаивали на важности преступленія, какъ они употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на совѣсть присяжныхъ, чтобы дать имъ понять, что они держатъ въ своихъ рукахъ важнѣйшій интересъ общества.

„Однако же я осмѣлюсь утверждать, что эти преслѣдованія прекратятся подъ влияніемъ присяжныхъ, когда вполне поймутъ, что они заключаютъ въ себѣ настоящее оскорбленіе для религіи, которая должна защищаться нравственнымъ влияніемъ и доводами, не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ, необходимымъ для поддержанія обмана. Развѣ можетъ быть что нибудь онамѣе, какъ дать невѣрію честь мученичества и силу энтузіазма?

„Я обращаюсь теперь къ другому возраженію противъ суда присяжныхъ, на которомъ Бентамъ настаивалъ болѣе, чѣмъ на другихъ. Это учрежденіе ставитъ судью, говорить онъ, внѣ всякой отвѣтственности, хотя хорошо извѣстно, что судья на самомъ дѣлѣ имѣетъ большое влияніе, потому что присяжные имѣютъ склонность и, къ счастью, склонность весьма распространенную — слѣдовать указаніямъ человѣка, который болѣе ихъ образованъ. Судья можетъ при изложеніи обстоятельствъ дѣла или при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній склонить всѣхъ на сторону оправданія или обвиненія. И въ самомъ дѣлѣ замѣчается значительное различіе въ рѣшеніяхъ одинаковыхъ случаевъ въ различныхъ асппектахъ, смотря по строгости или снисходительности судьи.

„Судя по всему тому, что я видѣлъ въ Англіи, я увѣренъ, что хотя тамъ для судьи нѣтъ законной отвѣтственности, но есть отвѣтственность нравственная, которая гораздо сильнѣе, потому что дѣйствуетъ всегда, устанавливается безъ обрядовъ судопроизводства, зависитъ отъ публики, присутствующей при всемъ нисходящемъ въ судѣ. Судья не можетъ изложить обстоятельства дѣла, не выказавъ своего пристрастія или безпри-

страстія. Малѣйшее подозрѣніе разрушило бы его вліяніе и произвело бы ва приговоръ дѣйствіе, противоположное тому, которое онъ желалъ.

„Для насъ не столь важно доказать, что нравственная отвѣтственность судьи представляетъ совершенную гарантію, какъ сравнить ее съ законовою отвѣтственною и опредѣлить, вс встрѣчаются ли въ приложеніи сей послѣдней такія трудности, которыя дѣлають ее ничтожною, исключая вопіющихъ случаевъ подкупа, невозможныхъ при судѣ присяжныхъ.

„Самый трудный вопросъ при разсмотрѣніи учрежденія суда присяжныхъ есть вопросъ о единогласіи. Если требовать единогласія, по примѣру англійскихъ законовъ, то оно можетъ быть болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Неизвѣстно, какъ оно состоитъ, происходитъ ли оно изъ искренняго согласія всѣхъ, или оно было вынуждено скукою, усталостью или перевѣшивающимъ вліяніемъ одного упрямаго человѣка. Въ случаяхъ, встрѣчающихся по всей вѣроятности довольно часто, въ которыхъ меньшинство уступаетъ большинству, единогласіе является покрываломъ, брошеннымъ на непреодолимое разногласіе.

„Защитники англійской системы возражаютъ съ своей стороны, что безъ требованія единогласія присяжные не будутъ достаточно внимательны къ дѣлу, что меньшинство упадетъ духомъ съ самаго начала, что оно будетъ поработчено числомъ, и что истинное преніе только тогда возможно, когда каждый можетъ надѣяться побѣдить.

„Хотя я не считаю этого вопроса вполне разрѣшеннымъ, однако я склоняюсь на ту сторону, которая требуетъ единогласія на томъ основаніи, что большинство вообще въ состояніи лучше обсудить вопросъ о фактѣ, и что въ случаѣ, когда произойдетъ разногласіе, голоса должны скорѣе согласиться для оправданія, нежели для обвиненія, а такого результата должно, конечно, желать каждый разъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе у нѣсколькихъ присяжныхъ. Развѣ можно предполагать упрямство, когда дѣло ясно? Кто сопротивляется одинъ, тотъ хочетъ уступить только своему убѣжденію, но это убѣжденіе приводитъ къ мученичеству. Подобный характеръ достоинъ уваженія, даже если онъ ошибается.

„Я между прочимъ замѣчу, что самое большое препятствіе къ составленію единогласія заключается въ смертной казни. Хотя и говорятъ присяжнымъ, что они должны судить только о фактѣ, но всегда встрѣтятся между ними таіе, которые будутъ взгнѣшивать послѣдствія своего голоса и останавливаться на налѣвшемъ сомнѣніи въ виновности, чтобы не имѣть на своей совѣсти смерти человѣка. Преобразуйте уголовные законы и тогда присяжные будутъ легче приходять къ единогласному заключенію

„Бентамъ представляетъ другія возраженія противъ требованія единогласія.

„Его нельзя достигнуть, говорить онъ, какъ только постояннымъ клятвопреступленіемъ.

„Что касается слова *постоянный*, то я нахожу его неумѣстнымъ. Въ большей части случаевъ единогласіе двѣнадцати человѣкъ о фактѣ, о которомъ только что спорили, который разсмотрѣли со всѣхъ сторонъ, не представляетъ ничего необыкновеннаго. Не только двѣнадцать, во даже сто, тысяча человѣкъ легко могутъ быть одного мнѣнія.

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда факты не столь очевидны, чтобы присяжные могли изъ нихъ тотчасъ вывести единогласное заключеніе, то въ какомъ положеніи находится меньшинство? Въ положеніи сомнѣнія; я не могу не сомнѣваться, когда я одинъ или почти одинъ противъ девяти или десяти мопъ товарищей. Мое мнѣніе колеблется, я чувствую, какъ я склоняюсь къ большинству, и въ этой нерѣшимости мое снисхожденіе не составляетъ клятвопреступленія, потому что сущность клятвопреступленія заключается въ утверженіи того, что считаю ложнымъ, тогда какъ я могу быть убѣжденъ, что мнѣніе значительнаго большинства должно быть справедливѣе моего.

„Я снова возвращусь къ замѣчанію, которое я сдѣлалъ въ началѣ этой главы. Бентамъ предлагаетъ систему судопроизводства, въ которой онъ обходится безъ суда присяжныхъ, въ той увѣренности, что гарантіи, которыми онъ окружилъ своего судью, лучше во многихъ отношеніяхъ гарантій, представляемыхъ судомъ присяжныхъ, и что онъ имѣютъ на своей сторонѣ простоту, скорость, экономію. Но во всякой другой си-

стенѣ, исключая своей, онъ такъ далекъ отъ мысли презирать учрежденіе суда присяжныхъ, что написалъ особое обширное сочиненіе, въ которомъ господствуетъ аналитическая метода, принадлежащая только ему одному, чтобы выставить всѣ злоупотребленія, всю гнилость, какъ онъ говоритъ, вкравшіяся въ англійскій судъ присяжныхъ, въ особенности въ судъ специальныхъ присяжныхъ и по дѣламъ о политическихъ пасквиляхъ. Первая часть этого сочиненія вся посвящена приведенію доказательствъ существованія злоупотребленій; во второй онъ предлагаетъ средства для произведенія реформы и тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для достиженія этимъ учрежденіемъ его истинной цѣли. Этотъ обширный трудъ не представляется произведеніемъ противника суда присяжныхъ; это работа искуснаго строителя на кораблѣ, который потергѣлъ во время долгаго плаванія, въ который просачивается вода чрезъ незамѣтныя скважины которому грозитъ фѣдкая ржавчина, если не успѣшатъ остановить ея распространеніе. Вотъ что сдѣлать Бентамъ для суда присяжныхъ, не считая его самымъ лучшимъ средствомъ для отправленія правосудія.

„Однако можно ввести судъ присяжныхъ въ его систему, не искажая ея; но если бы слѣдовало сдѣлать выборъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ должно допустить это учрежденіе, то не должно забывать, что оно особенно важно въ политическихъ преступленіяхъ, а изъ нихъ въ тѣхъ, которыя касаются свободы печати. Я повторяю, что можно ввести судъ присяжныхъ въ планъ судопроизводства Бентама, какъ можно вставить боевой приборъ въ часы, не нарушалъ ихъ механизма“. (О судоустройствѣ, „Журналъ Министерства Юстиціи“, № 9, стр. 172—195).